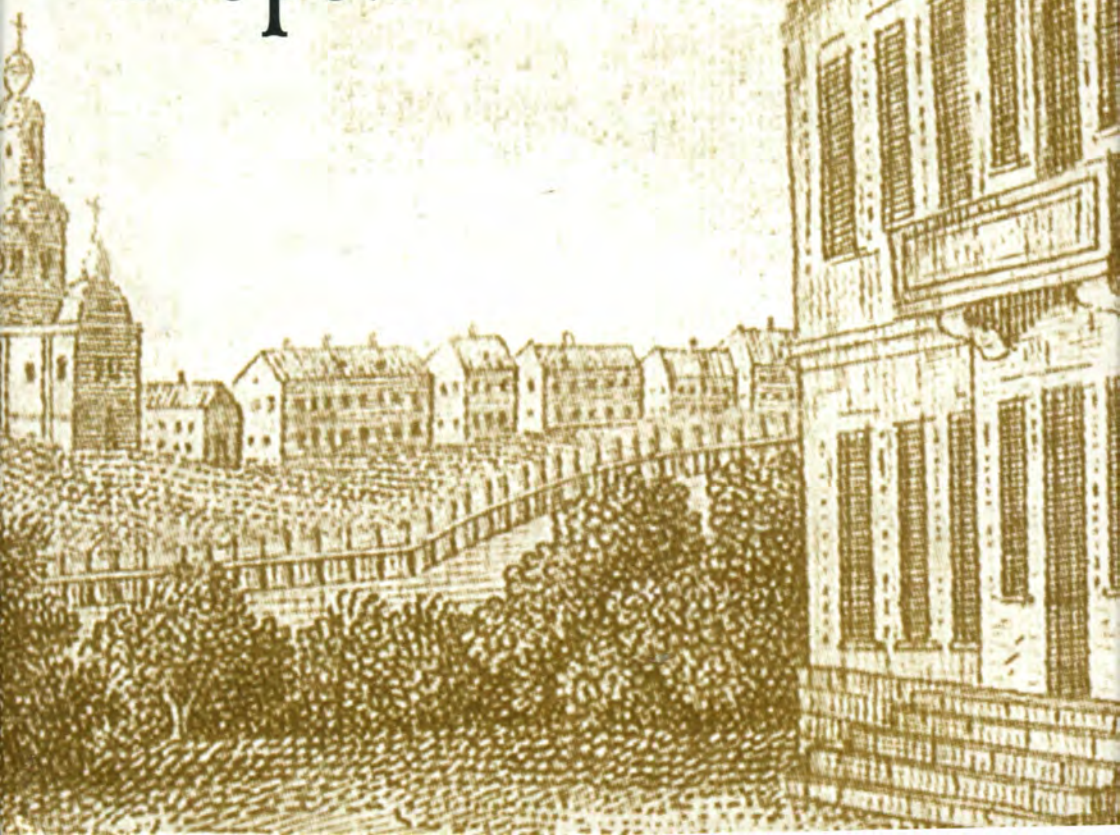

Н. В. Серeda

Реформа управления Екатерины Второй

Н. В. Серeda

Реформа управления Екатерины Второй

*Источниковедческое
исследование*

МОСКВА

«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

2004

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Код проекта 03-01-00388д*

*Рекомендовано к печати кафедрой источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Э.Г. Истомина*,
кандидат исторических наук *И.Н. Данилевский*

В оформлении использованы:

на обложке: вид Вышнего Волочка (1802, гравюра) и портрет Екатерины II работы М.А. Колло (1769, барельеф); *на переднем форзаце слева* – Запись в книге протеста векселей Новоторжского магистрата (ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 666. Л. 2. Подлинник); *справа* – Приговор собрания купцов и мещан об увольнении из общества Н. Никитина по состоянию здоровья и для поступления в монашество (ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Д. 672. Л. 4. Подлинник); *на заднем форзаце*: Настольный реестр Калязинского магистрата за 1793 г. (ГАТО. Ф. 169. Оп. 2. Д. 350. Подлинник)

С32 Серeda Н.В.

Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 446 с.

ISBN 5-88451-151-5

В работе изложена методика отбора и изучения комплексов источников, позволяющих исследовать проведение реформы управления Екатерины Второй; описан механизм осуществления одного из крупнейших преобразований в России, выявлены его этапы, показаны роль и значение магистратов и других местных учреждений в процессе модернизации системы управления.

ББК 63.392046

Каждая эпоха открывает в прошлом прежде всего то, что резонирует в тон с ее общественным и культурным опытом и потому было скрыто от прежних поколений – у них был другой опыт, и они задавали прошлому другие вопросы

Г.С. Кнабе¹

ВВЕДЕНИЕ

Представители точных и естественных наук, излагая результаты своих исследований, сопровождают их документацией, которая позволяет проследить тот путь, который к ним привел: описания опытов, показания приборов, математические подсчеты в их детальнейшем изложении. Коллеги и оппоненты всегда могут проверить доказательность сделанных выводов и логичность рассуждений. Скептическое отношение к истории, всегда существовавшее и ставшее особенно заметным в последнее десятилетие, вызвано рядом причин, и одна из них обусловлена отсутствием в большинстве исторических работ видимой лаборатории исследования и проверяемой системы доказательств. В обществе, в том числе среди части профессиональных историков, распространено убеждение, что история не обязана представлять научному сообществу логику своего движения к истине. В литературе отмечалось, что это пагубно отразилось на уровне профессионального исторического образования и привело к тому, что «историческая наука оказалась в XX в. в арьергарде других гуманитарных наук», которые стремились не только создать методики, позволяющие вести изучение отдельных вопросов и достигать при этом возможности синтеза полученных результатов, но также вывести свои дисциплинарные методологические проблемы на метадисциплинарный уровень².

Причины, приведшие к такому незавидному положению истории в нашей стране среди других гуманитарных дисциплин, обусловлены целым рядом обстоятельств, и они уже неоднократно становились предметом обсуждения. Остановимся лишь на важнейшей из них с точки зрения развития методов исторического исследова-

ния. В начале XIX в. историческая наука сделала гигантский шаг вперед, совершив переход от показа отдельных сюжетов и случаев нравоучительного характера к анализу их множеств. Вместе с тем историки отказались от «индивидуального изображения действительности» и стали «прибегать к сокращенному изложению путем применения абстракций»³. В стремлении сделать работу интересней, динамичней ученые резюмировали богатое содержание источников, избегая описания индивидуального, единичного, и тем более «скучного» изложения полного набора фактов и логики научного размышления. Недостатки номотетического подхода стали очевидны уже в конце XIX в., когда в немецкой школе неокантианства проявилась противоположная направленность процесса исторического познания, где особенное считалось самодостаточным. В России это направление было представлено прежде всего А.С. Лаппо-Данилевским. В работе «Методология истории» он дал теоретическое обоснование нового подхода к историческому исследованию, привнося в него существенные дополнения, развивая положения представителей немецкой школы⁴.

В советский период развития историографии направление, теоретически обоснованное Лаппо-Данилевским и лишь в незначительной степени реализованное, оказалось практически забытым. Традиция внимания к отличительным деталям и особенностям сохранилась, пожалуй, лишь в работах по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. В них традиционно значительное место уделяется не только содержанию, но форме фиксации информации, где индивидуальное выражается наиболее заметно и быстро, а также методике исследования. Внимание к особенному долгое время сохранялось также в работах историков, профессионализм которых формировался на рубеже XIX–XX вв.⁵. Однако большинство исследований советского периода развития историографии представляют читателю авторскую интерпретацию определенного набора фактов и сведений, степень репрезентативности которых и логику рассуждений, а значит, и правомерность выводов, проверить крайне сложно.

В конечном итоге негативным следствием преобладания номотетического подхода стало сокращение возможности использования учеными историками сравнительного метода. Результаты исследований, выполненных одним ученым по материалам какого-либо региона, трудно, а то и вовсе не сопоставимы с результатами исследования аналогичных процессов другим ученым в другом регионе. Более того, полученные результаты часто оказываются противоречивыми. Материал представлен так, что проследить движение мысли исследователей невозможно, вернее, возможно, но только в рамках изложенных ими фактов⁶. Читатель может сравнивать гипотезы, выводы, но сопоставлять факты, содержащиеся в различ-

ных работах, оказывается крайне затруднительным. Как правило, они вырваны из контекста, и авторы, ограничившись кратким обзором источников во введении к работе, в последующем изложении не только не рассказывают о ходе исследовательского процесса, но зачастую не указывают ни время создания, ни вид источника, из которого почерпнуты те или иные сведения.

Сказанное не относится к исследованиям по средневековой истории страны. От этого периода сохранилось мало источников, специалисты знают их едва ли не наизусть и, излагая свое видение проблемы, тщательно аргументируют его, не пренебрегая описанием порядка изложения информации, характеристикой внешних признаков: помет, печатей, зачеркиваний, цвета бумаги, особенностей написания не только того или иного слова, но даже буквы в различных списках того или иного памятника. Это ярчайший пример идиографического подхода, и из такого исследования пытливым ученым обязательно выявит индивидуальное и особенное в реконструируемой им картине прошлого.

Значительно труднее применять идиографический подход при изучении истории нового времени, отраженной в огромном количестве источников, среди которых преобладают массовые. Встает сложная и противоречивая, невыполнимая с первого взгляда задача – найти индивидуальное, особенное, уникальное в прошлом, основываясь на многочисленных комплексах источников с почти повторяющейся информацией. И здесь нам на помощь должны прийти те неоспоримые достижения исторической науки, которые были получены как раз в рамках номотетического подхода.

О гигантских возможностях соединения номотетического и идиографического подходов писал в свое время А.С. Лаппо-Данилевский. Нельзя не согласиться с его мыслью, что в историческом исследовании нужно стремиться к тому, чтобы с номотетической точки зрения изучать то, что есть общего между изменениями, а с идиографической – то, что характеризует данное изменение, отличает его от других и, таким образом, придает ему индивидуальное значение в данном процессе⁷. Признавая правильность такого подхода и наличие в отечественной историографии работ такого плана по истории средневековья, следует, однако, сказать, что примеров удачного решения таких задач при работе над темами, хорошо, если не с избытком обеспеченными источниками делопроизводственного характера, в отечественной историографии немного. К числу таких исследований несомненно относятся опубликованные в последнее время работа Н.И. Голиковой, посвященная привилегированным купеческим корпорациям, исследование А.И. Раздорского о курских таможенных книгах. Оба этих автора обращают внимание читателей на недостаточно критическое отношение исследователей к источникам, к использованию лишь отдельных, вырванных из со-

става делопроизводственных комплексов документов и даже отдельных цифр, призывают к планомерному исследованию комплексов делопроизводственной документации⁸. Соглашаясь с ними, все же хотелось бы сказать, что одна из причин сохранения иллюстративного подхода к источникам заключается в малой численности исторических работ, где подробно излагалась бы методика исследования. Лишь при наличии опубликованных работ источниковедческого плана мы можем рассчитывать на повторение исследований по данной методике на материалах других регионов, что в свою очередь может стать основой для дальнейших обобщений или отрицания возможности таковых. В отечественной исторической науке известны случаи, когда издание монографий или статей, где в равной мере детально была бы представлена методика работы с источником и продемонстрированы его информативные возможности, создавали стимул для работы по данным направлениям в различных регионах страны. В качестве примера приведем проблемы изучения демографии городского населения и генеалогии купечества России, областной и городской геральдики. В этих направлениях развития науки предпосылки для активизации исследований и дальнейших обобщений были заложены выходом в свет монографий, излагающих сведения об основных видах источников по данным проблемам и методике их изучения⁹.

Однако в целом в традиции отечественной историографии обширные комплексы делопроизводственной документации с источниковедческой точки зрения исследуются крайне редко, в публикациях их результаты изложены весьма сжато и лаконично и без детального описания методики исследований, что затрудняет их повторение на материалах других регионов, и в конечном счете движение исторической науки. Общие методические установки, содержащиеся в источниковедческой литературе, при всей их правильности, слишком обтекаемы, чтобы ускорить процесс изучения таких комплексов или вызвать к ним интерес. Они, скорее, показывают перспективы определенных подходов к источникам, чем демонстрируют методику¹⁰. А между тем для исследования ряда исторических проблем, в том числе истории управления, только изучение обширных целостных комплексов делопроизводственной документации местных учреждений, отложившихся в фондах региональных архивов, создает основу для успешного исследования механизмов осуществления реформ и реалий управленческих процессов, для оценки их эффективности.

История реформирования системы управления при Екатерине Великой, в том числе городского, является одной из тех научных проблем, которые разрабатывались в отечественной науке по преимуществу в рамках номотетического подхода. Историческая наука XIX в., стремившаяся к обобщенным построениям, оперирова-

ла прежде всего законодательными источниками, наиболее адекватно отражавшими общее – государственную политику в этой сфере. На основе законодательных источников была создана едва ли не единственная в отечественной историографии цельная, аргументированная концепция развития городов, автором которой является И.И. Дитятин¹¹. В ее рамках состояние городов России оценивалось весьма скептически, особенно в период до издания Городового положения 1785 г.¹². Существенный вклад в разработку истории городского управления XVIII в. сделал также А.А. Кизеветтер¹³. Но это был уже XX в., и А.А. Кизеветтер, основываясь, в духе нового периода развития исторической науки, на изучении больших делопроизводственных комплексов документации городских учреждений Москвы, показал отступления от законодательно предписанных норм в практике функционирования городских институтов.

Ученые – современники А.А. Кизеветтера, высоко оценивая его работы, тем не менее указывали на необходимость дальнейшего изучения того, как в условиях своеобразия реалий жизни каждого отдельного города, региона воплощались законодательные нормы¹⁴, потому что каждое обращение к делопроизводственным материалам приводило к выявлению частностей, которые не укладывались в схему, выработанную на основе изучения законодательства. Впрочем, следует сказать, что таких обращений было немного.

Реформам Екатерины Великой повезло в этом плане меньше, чем реформам Петра, или семнадцатому веку российской истории, или скажем, периоду от Петра до Екатерины. Даже в работе В.А. Григорьева, на первый взгляд специально посвященной реформированию местного управления 1775 г., собственно реализации положений реформы отведена одна очень маленькая глава, в которой он исследует процесс создания новых учреждений на окраинах страны, либо в столичных городах¹⁵. В одних из отдаленных регионов не было достаточного количества дворян, в других – казенных крестьян, в столичных городах, имевших значительно большую численность населения и сложную его структуру, существовавшая к 1775 г. система управления и процесс формирования новых ее элементов также имели особенности. Такой выбор объектов исследования лишил В.А. Григорьева возможности показать *перестройку* управления, которая реально происходила на территориях традиционного расселения русских с вполне достаточным числом дворян, пусть и не всегда образованных и талантливых. И кроме того, в его работе рассматриваются детали создания по преимуществу лишь губернских структур управления, автор указывает, что анализ практической деятельности органов городского самоуправления не входит в его задачи.

В российской науке существует незначительное количество работ, построенных на документах архивов местных учреждений и посвященных преобразованиям Екатерины в регионах, большая их часть была опубликована в связи со столетием издания Жалованной грамоты городам (далее – Жалованной грамоты). Будучи насыщенными фактическим материалом, они в концептуальном плане находились под влиянием работы И.И. Дитяткина и это приводило их создателей к не вполне правильному толкованию фактического материала. Авторы писали о неполноценном составе дум, т.е. о вхождении в их состав лишь купцов и мещан, в то время как в источниках, которые они использовали, часто речь шла о городских гражданских обществах, созданных еще в начале XVIII в. в связи с введением подушной подати и созданием магистратов и пользующихся правом самообложения¹⁶.

Пример исследований А.А. Кизеветтера, В.А. Григорьева и ряда других авторов важен для нас прежде всего потому, что является показателем сформировавшегося в отечественной историографии начала XX в. понимания необходимости исследования особенного, индивидуального. Однако будучи осознанным, это направление исследований не успело принести существенных результатов.

В советский период развития историографии деятельность Екатерины и ее реформы многократно являлись объектом внимания ученых разных специальностей: правоведов, историков, культурологов, но лишь в последние годы стали объектом серьезных исследований. Назовем лишь некоторые работы последних десятилетий¹⁷. Их анализ будет дан ниже, в начале соответствующих глав монографии, здесь же ограничимся кратким замечанием, что почти все они анализируют прежде всего планы императрицы: цель реформ, основное содержание ее замыслов, но не достаточно исследуют вопросы конкретного воплощения преобразований и тем более их локальные варианты. Учеными проводились также источниковедческие исследования созданных Екатериной II и ее сподвижниками законодательных памятников, их проектов, писем, дневников, исторических сочинений. В последние годы эти проблемы рассматривались в работах А.Б. Каменского, им были посвящены отдельные статьи¹⁸, диссертации¹⁹. Делопроизводственные документы этого периода изучены в меньшей мере, а примеры комплексных исследований документов городских учреждений ограничиваются разделом в монографии А.А. Кизеветтера о Городовом положении Екатерины II, построенном на анализе документов московских городских учреждений, его исследованием, посвященным истории Московской купеческой гильдии и работой о 100-летию Санкт-Петербургского общества²⁰. Что касается деятельности учреждений провинциальных городов, то здесь кроме уже упоминавшихся работ конца XIX в. можно назвать ряд статей XX в. по истории отдельных

из них²¹ и некоторых их институтов²², а также исследования, обобщающие практику реформирования управления городами Сибири²³. Среди них особо следует отметить работы В.В. Рабцевич. Несомненным их достоинством является стремление вписать деятельность городских органов в контекст всей системы управления Сибирью. Получив в ходе исследований достаточно нетрадиционные результаты, В.В. Рабцевич объяснила их спецификой Сибири²⁴. Следует констатировать, что среди работ, связанных с историей управления городами и с реформированием системы управления, практически полностью отсутствуют посвященные городам европейской России, т.е. городам, расположенным на местах традиционного расселения русских, где происходил процесс реформирования, а не создания системы учреждений в соответствии с законодательством Екатерины II. Необходимо также отметить, что существующий комплекс работ по данной проблематике носит, как правило, исторический характер, в большинстве из них источники и методы их исследования (особенно для изучения эволюции управления) остаются на втором плане²⁵.

Работ, обстоятельно исследующих целостные комплексы документов с целью найти в них проекцию прошлого, тем более недостаточно. А между тем в настоящее время, когда страна переживает процессы децентрализации и столкнулась с трудностями создания региональных сообществ, опыт проведения реформы управления при Екатерине II, решавшей те же задачи, может оказаться бесценным. Его анализ следует начать с изучения реализации реформы в различных регионах страны, но вначале надо выработать методику исследования, что в последующем позволит обобщать результаты работ локального характера.

В наше время, на новом уровне развития исторической науки, складываются чрезвычайно благоприятные условия для изучения всех реформ, но к сожалению значимость опыта реформы Екатерины Великой еще не осознана обществом в полной мере. Политики проявляют внимание к процессам формирования и функционирования местных сообществ, а процесс их восстановления начался благодаря деятельности этой императрицы. В каждом регионе он имел свои особенности и современные историки осознали важность исследования региональных процессов и теоретически освоили наследие неокантианства. Соединение в их сознании этих новых – а по сути хорошо забытых и старых – методологических подходов с выработанными в предшествующие десятилетия глобальными концепциями исторического развития страны закладывает возможности для сочетания в исторических исследованиях идиографического и номотетического подходов. Оно тем более важно, что позволяет осмыслить необходимые в современных условиях знания о механизме проведения реформы системы управления, направленной на

существенную децентрализацию и создание территориальных сообществ, в разнообразии и единстве реальных моделей воплощения этого механизма.

Настоящая работа ставит своей целью предложить методику отбора и изучения комплексов источников городских учреждений, позволяющих исследовать механизм и основные этапы проведения реформы управления Екатерины Великой на материалах городов Тверской губернии и локальные варианты реализации механизма реформирования.

В ходе исследования предполагается:

- выявить группу учреждений, фонды которых наиболее адекватно отражают процесс модернизации управления в данном регионе;
- изучить состав и содержание документов фондов этих учреждений за последнюю четверть XVIII в., организацию документирования и делопроизводства в них, реальный круг функций этих учреждений в исследуемый период, степень соответствия их законодательно предписанным нормам;
- разработать методы источниковедческого исследования различных комплексов документальных материалов делопроизводства, выявить те, которые наиболее репрезентативно отражают действительность и происходившие перемены;
- раскрыть информативные возможности и значение отдельных категорий документов делопроизводства для изучения конкретно-исторических проблем отечественной истории, прежде всего для изучения процесса модернизации системы управления и самих этих учреждений, а также для интерпретации корпуса законодательных источников.

В работе предпринята попытка соединить в источниковедческом исследовании номотетический и идиографический подходы. Каждый из анализируемых комплексов (группа фондов – фонд; совокупность дел – дело, разновидность делопроизводственной документации – отдельный документ) рассматриваются нами как часть некоего целого, с акцентом на выявление в нем типических черт, присущих всем составляющим данной разновидности, и, одновременно, черт индивидуальных, обусловленных воздействием конкретной социальной среды на тот или иной комплекс или условия его создания.

В качестве комплекса документальных источников взяты документы фондов городских учреждений Тверской губернии. Этот выбор обусловлен двумя обстоятельствами.

Во-первых, города Северо-Запада и Запада России, в том числе тверские, являются местами традиционного расселения русских. Лежащие на пересечении торговых путей, они рано оказались включенными во всероссийский рынок, а с основанием Петербурга и постройкой Вышневолоцкого канала они стали важнейшей со-

ставной частью российской экономики. Территориальное расположение между двумя столицами наложило отпечаток на быт и культуру населения, привело к тому, что этот регион стал своеобразным полигоном для начавшихся реформ. Изучение различных аспектов истории городов края проходило неравномерно. Хозяйственное, торговое значение городов Тверской губернии в условиях пристального внимания отечественной науки к экономическим проблемам развития страны обусловило внимание историков к процессам образования новых городов из торговых и промысловых сел и слобод, их экономическому и социальному развитию, составу городского населения, источникам пополнения, имущественному расслоению городского населения в этот период, формам накопления и функционирования капиталов, их преемственности²⁶. Основная масса этих исследований построена на более ранних источниках и отражает историю городов преимущественно до реформы 1775 г. Особенности управления этими городами, социально-правовое положение отдельных категорий горожан хотя и затрагиваются в ряде работ, но не нашли еще должного отражения в исторической литературе²⁷. Источниковедческое исследование документов городских учреждений несомненно будет способствовать научной разработке этих проблем, а значит, комплексному исследованию городов этого региона.

Во-вторых, процессы, протекавшие в Тверской губернии в связи с проведением Екатериной II курса на разделение властей на уровне местных учреждений и на формирование мещанского сословия в России, а также другие явления русской жизни, отразившиеся в материалах учреждений этого региона, более типичны для страны в целом, чем, скажем, аналогичные процессы и явления, отраженные в документах городских учреждений Московской или Санкт-Петербургской губерний, имевших столичный статус со всеми вытекающими отсюда последствиями: обилием чиновников, иностранцев, иногородних купцов, иными масштабами хозяйственной, общественной, культурной жизни.

Исследование фондов городских учреждений Тверской губернии, богатейших по информации, позволит, во-первых, решить ряд проблем по истории городов Тверского края, подготовит почву для дальнейших исследований по сопоставлению развития тверских городов и, например, гораздо лучше изученных в этом плане городов Сибири. Кроме того, через исследование документов фондов городских учреждений будет изучено содержание реформы Екатерины Великой в регионе, где нужно было проводить именно реформирование системы управления, а не ее создание²⁸.

В последней четверти XVIII в., ходе реформы Екатерины II, были созданы новые учреждения, которые позднее, при Александре II, наряду с городскими магистратами, вошли в качестве местных ор-

ганов в создаваемую ведомственную систему. Основное число этих учреждений возникло в связи с Учреждениями о губерниях 1775 г.²⁹, но в последующие годы императрица издавала законодательные акты, которые более детально разрабатывали их компетенцию, например, в 1782 г. были опубликованы Наставление уездным казначеям и Устав благочиния или полицейский³⁰. Законодательство конца XVIII в. сформировало основу для введения в XIX в. ведомственной системы управления, и с этой точки зрения, несомненно, каждое из местных учреждений этого периода достойно самого пристального изучения.

Рассматривая состав и содержание сохранившихся комплексов документов городских учреждений Тверской губернии, мы остановили свой выбор на фондах городских магистратов. Выбор их в качестве основного предмета изучения обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, многочисленностью среди документов этих фондов, относящихся к последней четверти XVIII в., в отличие от фондов городских дум или фондов городнических правлений, например. Это обусловлено историей края, тем, что здесь преобладали старые города, а новоучрежденных было немного. В других регионах, где преобладали учрежденные лишь в ходе самой реформы города, фонды городских магистратов скорее всего не могут стать основой для изучения трансформации системы управления в данный период времени.

Во-вторых, интересен сам факт длительного существования магистратов. Возникнув в 1721–1724 гг., они действовали с небольшим перерывом до судебной реформы 1864 г., пережив несколько глобальных перестроек системы управления. Длительность существования этих учреждений на переломном этапе развития страны делает их историю весьма поучительной и позволяет думать, что в основу их компетенции были положены универсальные (фундаментальные) с точки зрения теории государства и права направления и методы деятельности. Сохраненные Екатериной II в условиях реформы управления последней четверти XVIII в., они стали связующей нитью между старой и новой системами управления, а значит должны были документально отразить механизм перехода от одной к другой.

Длительность существования магистратов, их важная роль в системе органов городского управления, сохранность их документальных комплексов и многоаспектность содержащейся в них информации обусловили внимание к ним ученых начиная с 40-х годов XIX в. (А.П. Пригара, Л.О. Плошинский, И.И. Дитятин, А.А. Кизеветтер и другие). Наши современники изучали процесс создания Регламента Главного магистрата, а также историю этого учреждения³¹. Образованию городских магистратов Подмосковья и их деятельности в 20-е годы XVIII в. посвящены диссертация и ряд публи-

каций А.В. Муравьева³². Функции магистратов, социальный состав их служащих, взаимоотношения с посадским миром, разделение функций с другими городскими структурами анализировались в работах Л.С. Рафиенко, В.В. Рабцевич и Н.В. Середа³³. Однако структура органов городского управления, их место и эволюция в модернизируемой при Екатерине Великой системе управления не изучены в полной мере, более того, информация фондов этих учреждений используется недостаточно. Между тем ее изучение позволит понять не только эволюцию самих этих учреждений и механизм проведения реформы, но также даст возможность исследовать деятельность тех учреждений и должностных лиц, фонды которых не сохранились или сохранились в незначительном объеме.

Наиболее часто предметом анализа является переписка городских магистратов с представителями государственной администрации и Главным магистратом³⁴, а также приговоры собраний купцов и мещан³⁵. Активно используются ведомости о ценах. Им посвящены специальные источниковедческие исследования Б.Н. Миронова, В.Н. Павленко³⁶. Ведомости о ценах составили источниковую основу ряда монографий³⁷. Ведомости городских магистратов о составе и численности городских ремесленников, хранящиеся в фонде Комиссии о коммерции, а также их отпуска, оставленные в комплексах местных архивов, используются в работах о развитии цехов в России, при изучении торгово-промышленной деятельности горожан³⁸. На основе изучения капитальных книг, ведомостей о купечестве, маклерских и обывательских книг построены работы о генеалогии горожан, формах накопления и функционирования капиталов, о их преемственности³⁹. Источниковедческие проблемы исследования этих категорий источников изложены в работах А.И. Аксенова, Е.А. Зуевой, С.И. Сметанина и др.⁴⁰. Делопроизводство магистратов по зачислению в горожане кратко освещено в работах А.А. Кизеветтера, Ю.Р. Клокмана, П.Г. Рындзюнского⁴¹; по делам опеки и торгового словесного судопроизводства – в исследованиях Е.А. Зуевой, В.В. Рабцевич⁴².

Наиболее изучены с источниковедческой точки зрения документы, отражающие хозяйственно-экономическую деятельность горожан, процесс складывания всероссийского рынка. Это естественно в условиях длительного внимания историков преимущественно к процессам экономического развития, но даже этот комплекс документов магистратского делопроизводства не используется полностью и не изучен в достаточной мере. Еще в меньшей степени изучены другие категории источников. В распоряжении историков, по моим сведениям, нет ни одного опубликованного обзора документов фондов магистратов, который показал бы все их многообразие. Подготовка и издание такого обзора, несомненно, повысит интерес историков к этим учреждениям и их фондам.

Хронологические рамки исследования определяются сложившимися на основе изучения законодательных источников и господствующими в историографии представлениями о том, что реформа 1775 г. положила начало, а Устав благочиния и Жалованная грамота городам продолжали процесс изменения системы городских учреждений и сокращения функций магистратов, которые до этого были основными органами управления городами, внесли коррективы в круг лиц, им подведомственных. Справедливость этих суждений может быть подтверждена или опровергнута результатами комплексного исследования законодательных источников и делопроизводственных материалов прежде всего самих этих учреждений и важнейших из них – городских магистратов⁴³. В первые годы функционирования новых учреждений в них далеко не всегда велось собственное делопроизводство. Сиротские суды и городские головы вплоть до 1782–1786 гг. не имели самостоятельного делопроизводства и канцеляристов, его обслуживающих, поэтому деятельность на первых этапах реформы целого ряда структур и тем более процесс их формирования можно изучать лишь по материалам других учреждений, в том числе по документам фондов магистратов. Сокращение компетенции магистратов, в свою очередь, неизбежно должно было отразиться на составе документов их фондов, повлечь за собой сокращение их видового и тематического разнообразия, а также эволюцию отдельных видов документов и категорий дел, формировавшихся в делопроизводстве этих учреждений.

Верхняя хронологическая граница исследования в основном совпадает с окончанием правления Екатерины II, поскольку нововведения Павла I заметно отразились на практике городского управления и затормозили распределение обязанностей между городскими структурами. Однако этот процесс возобновился с приходом к власти Александра I и введением министерского устройства. Результаты исследования позволяют говорить, что реформа местного управления, проведенная Екатериной II, заложила фундамент ведомств, созданных при ее внуке, и тот опирался на него, выстраивая ведомственную систему управления. Создание центральных органов управления, в свою очередь, окончательно упорядочило распределение обязанностей между местными, в том числе городскими, учреждениями. Фискальная политика Александра I также развивала начала, заложенные Екатериной II и способствовала формированию принципиально новых городских сообществ. Об этом позволяют говорить в первую очередь результаты изучения архивных комплексов документов разных городов.

Результаты изучения архивных комплексов документов различных городских учреждений Тверской губернии за конец XVIII – первую половину XIX в. изложены в первой главе. Исследование описей документов стало средством изучения глобального по объ-

ему материала, заключенного в этих фондах и позволило сделать кроме этого еще ряд наблюдений о механизме осуществления реформы управления в различных городах Тверской губернии и выбрать основной предмет исследования – фонды городских магистратов.

Во второй главе представлены историография по вопросу о компетенции магистратов и общая характеристика документов фондов магистратов Тверской губернии. Архивные комплексы свидетельствуют, что на основе документов этих учреждений можно исследовать самые разнообразные проблемы жизни городов. Они показывают многофункциональность магистратов и – еще более рельефно, чем описи – вариативность взаимоотношений между структурами городского управления, что в свою очередь обуславливало особенности механизма реализации реформы в отдельных городах. В этой главе также рассматривается вопрос о взаимосвязи отдельных категорий делопроизводственной документации и соотношении содержащейся в них информации.

В следующих главах показаны методика и результаты исследования нескольких групп источников: журналов заседаний магистратов, дел о записи в различные категории городских обывателей, об отводе земли и выдаче «данных»⁴⁴, решается вопрос о степени их репрезентативности. При всей многоаспектности содержащейся в них информации, при интерпретации этих категорий источников акцент был сделан на управленческих проблемах.

На иллюстрациях представлены образцы документов магистратского делопроизводства, которые помогают понять процесс документирования деятельности самого магистрата и документационное обеспечение управления губернией.

Примечания

¹ Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С. 35.

² Медушевская О. М. Профессионализм гуманитарного образования в условиях междисциплинарности // Проблемы источниковедения и историографии. М., 2000. С. 350–353.

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 61.

⁴ Подробнее см.: Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.

⁵ См., например: Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Л., 1947. Т.1, 2.

⁶ Проявлением осознания учеными данной проблемы и попыткой найти новый толчок для развития истории в рамках номотетического подхода являлась и дискуссия о «степени достаточности» материала для исторического построения, развернувшаяся на страницах печати в 60-е годы XX в.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910, 1913. Вып. 1, 2. С. 296.

- ⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 6–7; *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 44, 51.
- ⁹ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981; *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
- ¹⁰ *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. Учебное пособие. М., 1998. С. 408.
- ¹¹ *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. I: Города России в XVIII столетии. СПб., 1875. Т. 2: Городское самоуправление в XIX в. СПб., 1877. (Далее – Дитятин И.И. Управление городами.)
- ¹² Об исторических предпосылках складывания и существования в историографии скептических оценок развития городского строя в нашей стране см.: *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 5–12.
- ¹³ *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903; *Он же.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909.
- ¹⁴ *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб., 2001. С. 115; *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II. (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 310–352.
- ¹⁵ *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 310–352.
- ¹⁶ *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915; *Щепкин М.П.* Что такое «Дом градского общества»? Смутный эпизод из истории городских учреждений в Москве. М. 1881; *Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785–1885. Нижний Новгород, 1885; *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II: Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885; *Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 гг.: Историческое обозрение. Псков, 1892; *Серебренников А.М.* Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введении Городового положения 21-го апреля 1785 г. Иркутск, 1894. Вып. 1.
- ¹⁷ *Ефремова Н.Н.* Изменения в судебной системе России во второй половине XVIII в. (аспекты английского влияния) // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 23–34; *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII в. М., 1997; *Он же.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 315–472; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1,2. СПб., 2000.
- ¹⁸ *Калинина С. Г.* Разработка М.М. Щербатовым проекта училища для купечества // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века. Тверь, 2002. Ч. II. С. 359–365; *Лавринович М.Б.* Сенатские проекты устройства «третьего сословия» в 70-е годы XVIII века (по материалам РГАДА) // Управление городами: история и современность. Тверь, 2001. С. 155–161; *Моисеенко Г.О.* Права человека в контексте проектов уголовного законодательства Екатерины II // Право на свободу. М., 2000. С. 161–173.

- 19 *Савельев В.В.* Градостроительная реформа Екатерины II: формирование приемов «регулярного» градостроительства и механизм их осуществления (по материалам Тверского наместничества) Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. искусствоведения. СПб., 2002.
- 20 *Столетие Санкт-Петербургского городского общества 1785–1885.* СПб., 1885; *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества. М., 1915. На основе комплексов документов городских учреждений написаны соответствующие главы в работах по истории Москвы и Ленинграда, но источниковедческая характеристика материала и тем более описание методики исследования в них отсутствует.
- 21 *Гаврилова Л.М.* Административная роль города Чебоксар в XVIII – первой половине XIX в. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 17–34; *Четырина Н.А.* Органы городского управления в Сергиевском посаде Московской губернии XVIII века // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв. Тверь, 1999. С. 239–243; *Она же.* Посад как тип городского поселения в XVIII веке (на примере Сергиевского посада Московской губернии). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2003.
- 22 *Воропанов В.А.* Первые судебные учреждения города // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2000. № 1. С. 79–85; *Он же.* Прокурорский надзор в системе сословных органов правосудия в 1775–1864 годах (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. 2001. № 1. С. 24–33; *Зуева Е.А.* Опекa и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Социально-культурное развитие Сибири. Бахрушинские чтения. 1991. Новосибирск, 1991. С. 25–34; *Рабцевич В.В.* Торговое судопроизводство в Сибири начала XIX в. // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 125–134; *Она же.* Социальный состав органов городского самоуправления Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 80–96; *Она же.* О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. // Города Сибири. (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 134–142; *Четырина Н.А.* Учрежденный собор Лавры как орган местного управления Сергиевского Посада конца XVIII века // Города Европейской России... С. 271–281.
- 23 *Кондрашов А.А.* Западносибирский посад в конце XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 506–511; *Рабцевич В.В.* Политика абсолютизма по отношению к городам Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первой четверти XIX в. // Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 186–204; *Евдокимова С.В.* Некоторые вопросы управления городов Забайкалья в конце XVIII – первой половине XIX в. // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 34–50.
- 24 *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
- 25 В качестве исключения укажем на несколько работ: *Амплеева Т.Ю.* Источники о городском самоуправлении в Ярославском наместничестве (конец XVIII в.) // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Ярославль, 1992. С. 154–162; *Румянцева М.Ф.* Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: ме-

тодологические аспекты феноменологического подхода // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 57–69; *Серёда Н.В.* Журналы заседаний магистратов и методика их изучения // Города Европейской России... С. 125–131.

- ²⁶ *Волков М.Я.* Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975. С. 143–163; *Он же.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России. Первая четверть XVIII в. М., 1994; *Демкин А.В.* К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII – начала XVIII в.: по материалам верхневолжских городов // История СССР. 1982. № 1. С. 135–141; *Он же.* К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в.: по материалам г. Торжка // Промышленность и торговля России XVII–XVIII вв. М., 1983. С. 168–173; *Он же.* Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 315–320; *Он же.* Русское купечество XVII–XVIII вв.: города Верхневолжья. М., 1990; *Клокман Ю.Р.* Торгово-промышленная деятельность населения Осташковской слободы в середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. М., 1958. С. 376–403; *Он же.* Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960; *Сорина Х.Д.* Социально-экономическая история города Твери в начале XVIII в. // Учен. зап. Калнинского гос. пед. ин-та им. М.И. Калинина. Калинин, 1956. Т. 19. Вып. 1. С. 101–124; *Она же.* Место Твери и других городов Тверской губернии в волжской водной системе во второй половине XVIII в. // Из истории Калининской области. Калинин, 1960. С. 78–104; *Она же.* Очерк социально-экономической истории города Осташкова в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Из прошлого и настоящего Калининской области. М., 1965. С. 3–29.
- ²⁷ *Кизеветтер А.А.* Посадская община России в XVIII столетии. М., 1903. С. 252–256, 639, 781–782; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. С. 252–254; *Сорина Х.Д.* К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений в России в XVIII – начале XIX в.: г. Тверь // Учен. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. 38. Калинин, 1964. С. 281–300.
- ²⁸ *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 197.
- ²⁹ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.
- ³⁰ Там же. Т. XXI. № 15405, 15379.
- ³¹ *Водарский Я.Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108–112; *Он же.* Проект Регламента Главного магистрата и его редакций (1720) // Проблемы источниковедения. Т. X. М., 1962. С. 195–207. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 112–147, 227–272.
- ³² *Муравьев А.В.* Образование магистратов и первые годы их деятельности: (по материалам Московской губернии). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1956. Рукопись; *Он же.* Образование Московского магистрата // Вестник МГУ. Серия XI. История. 1963. № 3. С. 64–68; *Он же.* Из истории классовой борьбе в Калужском посаде первой четверти XVIII века // Археологический ежегодник (далее – АЕ) за 1964 г. М., 1965. С. 371–384.
- ³³ *Рафиенко Л.С.* Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII века // Сибирь периода феодализма и капитализма: Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968. Вып. II. С. 35–67; *Она же.* Социальный состав сибирских магистратов в 40–80-х годах XVIII в. // Известия Сибирского

- отделения АН СССР. Сер. общ. наук. Т. I (121). Вып. 1. Янв. 1967. С. 89–97; *Она же*. Города Сибири в общей системе городского управления России в 40–80-х гг. XVIII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 59–68; *Рабцевич В.В.* Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 155–173; *Она же*. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984; *Середа Н.В.* Полиция и городские магистраты в XVIII в.: к вопросу о разделении функций // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) М., 1996. С. 197–200; *Она же*. Реформа местного управления в конце XVIII века и ее реализация в городах Тверской губернии // Экономика, управление, демография городов Европейской России... С. 243–249; *Она же*. Словесный суд в правоохранительной системе городов XVIII века // Право: история, теория, практика. Брянск, 2001. Вып. 5. С. 237–247.
- 34 *Кизеветтер А.А.* Посадская община России...; *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902; *Муравьев А.В.* Образование магистратов и первые годы их деятельности; *Рабцевич В.В.* Управление городами в Сибири; *Она же*. Сибирский город в дореформенной системе управления.
- 35 *Кизеветтер А.А.* Посадская община России...; *Муравьев А.В.* Образование магистратов и первые годы их деятельности; *Рафиенко Л.С.* Посадские сходы в Сибири XVIII в. // Города Сибири: Экономика, управление и культура... С. 169–185; *Она же*. Социальный состав сибирских магистратов. С. 89–97.
- 36 *Миронов Б.Н.* О достоверности ведомостей о хлебных ценах XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины (далее – ВИД). Вып. 2. М., 1969. С. 249–262; *Павленко В.Н.* Ведомости XVIII в. о хлебных ценах как исторический источник // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 301–306.
- 37 *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985.
- 38 *Полянский Ф.Я.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960. С. 184–185, 191; *Рафиенко Л.С.* К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма). Новосибирск, 1978. С. 124–133; *Филиппов Д.Ю.* Производственная деятельность касимовского купечества в конце XVIII века // Экономика, управление, демография городов Европейской России... Тверь, 1999. С. 79–82;
- 39 *Аксенов А.В.* Генеалогия московского купечества.; *Гаврилова Л.М.* Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVIII – первой половине XIX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 3–15; *Демкин А.В.* Русское купечество XVII–XVIII вв.: города Верхневолжья. М., 1990; *Он же*. Купечество Калужского и Тверского наместничеств в конце XVIII в. (Изменения в численности) // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в. М., 1991. С. 106–112; *Капылов Д.И.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Свердловск, 1972; *Рабцевич В.В.* Правовое положение промышленных работников в Сибири в 80-х гг. XVIII – первой половине XIX в. Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982. С. 107–124.
- 40 *Аксенов А.В.* Генеалогия Московского купечества... С. 7–33; *Зуева Е.А.* Ведомости учета купеческих капиталов как исторический источник: (На мате-

риалах г. Иркутска конца XVIII – первой четверти XIX в.) // Массовые источники по истории Сибири. Новосибирск, 1989. С. 98–107; *Сметанин С.И.* Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (по материалам городов Урала 1800–1861 гг.) // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 149–177.

- ⁴¹ *Кизеветтер А.А.* Посадская община России... С. 34–36; *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 94–95; *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство... С. 52–61.
- ⁴² *Зуева Е.А.* Опекa и попечительство у сибирского купечества...; *Рабцевич В.В.* Торговое судопроизводство в Сибири начала XIX в...
- ⁴³ Анализ законодательства о магистратах см.: *Середа Н.В.* Городовые магистраты в российском законодательстве XVIII века // Из архива тверских историков. Тверь, 2002. Вып. 3. С. 24–59.
- ⁴⁴ «Данные» – документы, свидетельствующие о принадлежности городского земельного участка тому или иному лицу.

Глава 1

АРХИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Чтобы выяснить, когда реально начался и как проходил процесс разделения властей в системе учреждений по управлению провинциальными городами Тверской губернии, как менялись функции ранее существовавших учреждений, институтов, должностных лиц этих городов, нужно обратиться к комплексу документов фондов городских учреждений, хранящихся в Государственном архиве Тверской области (далее – ГАТО). Многочисленность документов, рассредоточение фондов между архивохранилищами¹ сделали невозможным достаточно детальное непосредственное изучение каждого из них. В то же время результаты работ ученых Сибири свидетельствовали о многовариантности управления сибирскими городами в конце XVIII – начале XIX в.² и предостерегали от возможного пути обобщений на основе исследования материалов одного-двух городов или сведений одной категории фондов, например городских дум, без предварительного исследования состава и содержания документов фондов других учреждений.

Накопленный в историографии опыт использования описей не только для изучения архивоведческих, но также источниковедческих и даже конкретно-исторических проблем³ привел к мысли, что информация описей фондов городских учреждений уже сама по себе может представлять большой интерес, а ее анализ даст значительные результаты и прежде всего позволит обоснованно осуществить выбор фондов той категории городских учреждений, которая наиболее адекватно отражает модернизацию системы управления в Тверском крае в конце XVIII в.

Комплекс описей фондов учреждений каждого города предполагается рассматривать, во-первых, как систему источников, отражающих важнейшие стороны деятельности учреждений и их взаимодействие, во-вторых, как средство познания системы управления и эволюцию ее структуры в процессе модернизации. Учитывая вывод сибирских ученых о многовариантности городского управления на рубеже XVIII–XIX вв., было решено рассмотреть комплексы описей фондов городских учреждений всех городов Тверской губернии, а не какого-либо одного. Такой подход позволяет выявить общую тенденцию в развитии всей системы городских учреждений Тверской губернии, в распределении функций между ними и информации между их документальными комплексами. Исследование описей документов фондов всех городских учреждений является средством изучения глобального по объему материала, хранящегося в их составе, и позволяет обоснованно сделать выбор основного объекта исследования для изучения механизма реформирования системы управления городами в конце XVIII в.⁴

В большинстве своем эти фонды хранятся в Тверском государственном архиве⁵. Некоторые из них, как фонды городских магистратов и городнических правлений, включают в себя документы за период с начала реформы управления Екатерины II до эпохи Великих реформ, однако фонды городских дум, словесных и сиротских судов и другие хранят в своем составе документы вплоть до 1918 г. Мы же будем рассматривать лишь те из документов фондов, которые относятся к последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Обращение к документам XIX в. при исследовании реформ Екатерины II необходимо потому, что помогает понять, является ли отсутствие какой-либо категории документов за конец XVIII в. в составе того или иного фонда следствием плохой сохранности, некачественного фондирования или реально существовавшего распределения функций между городскими учреждениями в том или ином городе; выявить категории источников, исследование которых может компенсировать отсутствие тех или иных документов в других фондах. Кроме того, знакомство с материалами городских учреждений за первую половину XIX в. выявляет категории дел, в составе которых находятся документы, созданные в последней четверти XVIII в. Так, среди документов по вводу во владение имуществом, по спорным делам об имуществе, относящихся к XIX в., встречаются «билеты», выдаваемые на владение земельными участками на рубеже 70–80-х г. XVIII в., копии с купчих, «данных» и даже их подлинники⁶, копии решительных определений магистратов по делам об имущественных спорах более раннего периода и т.д.⁷ Сравнительный анализ одних и тех же категорий дел за конец XVIII и начало XIX в., также дает интересные результаты. Исследуя книги дохода городской думы Калязина за конец XVIII в. и за XIX в., мы

видим, сколь значительно увеличилась сумма, которая проходила по статьям поступлений, и как изменились сами доходные статьи. Так, в 1798 и 1799 гг. среди доходов думы значатся лишь поступления за аренду мельницы, что в 1778 г. составило 117 руб. 30 коп., а в следующем – уже 175 руб.⁸ В 1811 г. среди доходов думы указаны кроме оброчных с мельницы также поступления на содержание перевоза, сборы с торгующих в гостином дворе, «добровольные складки» с горожан, а также четверть суммы, собираемой с купечества в виде объявленных капиталов⁹. Сравнивая приходно-расходные книги, мы видим, что позднее, в 20-е годы, в думу стали поступать также собираемые подушные деньги с мещанства, рекрутские деньги и другие сборы, которые ранее поступали в магистрат, что само по себе говорит о сокращении функций последнего. Исследуя документы фондов за последнюю четверть XVIII – первую половину XIX в., мы более отчетливо видим эволюцию компетенции любого из учреждений городской управленческой структуры. Например, изучение документов фондов словесных судов показывает, что в последней четверти XVIII в. их деятельность в течение года фиксировалась книгой, где попеременно с жалобами записаны верящие письма (т.е. доверенности купцов своим приказчикам) и различные контракты, а также приходно-расходной книгой. Однако даже в XIX в. в ряде словесных судов велись лишь приходно-расходные книги и дела, куда подшивались все остальные документы, т.е. жалобы подшивались в одно дело попеременно со всеми другими поступающими документами¹⁰. В Вышневолоцком словесном суде книги для записи словесных жалоб и распоряжений по ним как самостоятельная категория дел появляются лишь с 50-х годов XIX в. Журналы заседаний или дневные записки в словесных и сиротских судах являются большой редкостью вплоть до 30-х годов XIX в., что свидетельствует, с одной стороны, о низком уровне делопроизводительной культуры в этих учреждениях, с другой – о важной роли магистрата в управлении.

Значительная часть описей на документы городских учреждений Тверской губернии была составлена в советское время, по преимуществу в конце 30-х, а также в первой половине 50-х годов. Это касается прежде всего тех учреждений, которые просуществовали до их ликвидации большевиками: городских дум, сиротских судов, ремесленных управ. Время составления описей, низкий уровень образования архивистов¹¹ обусловили ряд ошибок, допущенных при фондировании. Выборочная проверка показала, что ряд категорий дел включены в тот или иной фонд без достаточных на то оснований и даже вопреки им. Например, в состав Осташковской думы вошли маклерские книги за 1825 и 1845 гг., пометы на которых свидетельствуют, что выданы они маклерам из городского магистрата¹². И пометы, и знание законодательства, а также реалий управления

ставят под сомнение правомерность включения маклерских книг в фонд думы. В фонде Зубцовского магистрата имеется «Тетрадь входящих бумаг зубцовского винного пристава за 1798 г.»¹³. Явно по ошибке оказалась в фонде Весьегонской думы «Книга на записку сумм, получаемых из думы и раздаваемых кормилицам», которым были переданы брошенные дети¹⁴. Еще большее удивление вызывает факт включения в фонд Новоторжского сиротского суда докладного реестра магистрата за 1779 г., а также «Книги для записки подаваемых к протесту в новоторжский магистрат от разных чинов людей вексельям»¹⁵. В описи фонда Бежецкого магистрата значится дело под названием «Об избрании городского старосты», которое на самом деле содержит в себе журналы заседаний Бежецкого сиротского суда за 1789 г.¹⁶. Seriously изменила состав фондов городских учреждений работа архивистов, проведенная в 50-е годы XX в. и направленная на создание специальных фондов нотариусов и маклеров¹⁷. Возможно, что это имело смысл для периода после начала буржуазных реформ в России, но выделение из состава фондов дум и магистратов более ранних книг для записи векселей, условий найма слуг, а также других категорий маклерских книг едва ли было целесообразным, поскольку документы свидетельствуют, что они часто велись магистратскими канцелярскими служителями. Не обоснованным и искажающим картину компетенции городских учреждений является выделение обывательских книг и ревизских материалов последней четверти XVIII в. в фонд Тверской казенной палаты, иногда в фонды городских дум. Первые обывательские книги, точно так же, как материалы четвертой ревизии, повсеместно составлялись под руководством и контролем магистратов.

Множественность таких ошибок является второй причиной, в силу которой необходимо при выборе основного объекта исследования изучать состав документов всех сохранившихся фондов. Ошибки фондирования затрудняют решение вопроса о реальном разделении функций между городскими учреждениями в конце XVIII в., но они не делают эту задачу невыполнимой, требуя лишь учитывать это обстоятельство при работе. Ярким подтверждением правоты такого подхода является пример с фондами городских учреждений Вышнего Волочка, Бежецка. В бежецком комплексе среди документов магистрата в значительном количестве имеются дела из делопроизводства городского старосты¹⁸, а документы магистрата и городского старосты Вышнего Волочка рассредоточены между фондами городской думы и сиротского суда. В фонде думы этого города не менее 40 дел, которые были сформированы в деятельности магистрата и городского старосты и хронологически относятся непосредственно к интересующему нас периоду – последней четверти XVIII в. В частности, «Входящая книга указов, присылаемых из городского магистрата», датируемая 1776 г.¹⁹, никак не может

относиться к фонду городской думы хотя бы потому, что думы возникли после издания Жалованной грамоты городам, т.е. не ранее 1785 г., а также в силу того, что магистраты не могли посылать в думы указов. По той же причине в фонде думы не может находиться и книга раскладки подушного сбора за 1778 г.²⁰ Менее очевидна ошибочность внесения в фонд думы дела с названием «Рапорты и сообщения из Вышневолоцкого городского магистрата и от вышневолоцких старост о благоустройстве города» с широкими хронологическими рамками 1777–1816 гг.²¹ В данном случае ошибка стала следствием не только низкой квалификации архивистов, но и деятельности членов Тверской ученой архивной комиссии (далее – ТУАК), которые на рубеже XIX–XX в., выделив часть дел магистрата и других городских учреждений к уничтожению, выбрали из них отдельные документы и сформировали подборки по номинальному или тематическому признакам. В данном случае мы имеем дело с тематической подборкой документов, часть которых, самые поздние, поступили городскому старосте из городской думы, но тем не менее не имели к фонду думы никакого отношения, поскольку являлись частью делопроизводства городского старосты. Документы делопроизводства городского (мещанского) старосты встречаются и в составе фондов других учреждений Вышнего Волочка, причем в тех из них, которые были описаны в советский период. Например, в фонде городского сиротского суда, описанного в 1955–1957 гг.²², в фонде словесного суда, опись документов которого составлена в 1940 г. и дополнялась в 50–60-е годы, оказались судебно-следственные дела, место которым явно в фонде городского магистрата²³.

Еще одно обстоятельство, требующее при исследовании проблем перестройки управления в ходе реформы Екатерины Великой изучения документов всех городских учреждений, причем за период более обширный, чем последняя четверть XVIII в., заключается в том, что в практике работы Госархива Тверской области по сегодняшний день в качестве описей используются делопроизводственные регистрационные книги учреждений-фондообразователей, составленные в делопроизводстве разного рода указатели, а также описи, по которым документы магистратов сдавали в архивы окружных судов. Ниже будет идти речь о некоторых из них. Эти описи часто несут на себе печать деятельности членов ТУАК, которые в 90-х годах XIX в. обследовали документы с целью определить, какие категории дел подлежат дальнейшему хранению, а какие – уничтожению. Проведенная по описям работа была осуществлена лишь частично и до сегодняшнего дня в составе фондов сохранились, хотя и не в полном объеме, дела, предназначенные деятелями ТУАК к уничтожению. С другой стороны, члены комиссии формировали подборки по тематическому или номинальному признаку,

объединяя документы за десятки лет. Так, в фонде Зубцовского магистрата хранится дело, куда вошли подлинники указов, поступавшие в Зубцов с 1765 по 1867 г.²⁴. Вышневолоцкий документальный комплекс является тем комплексом, где результаты деятельности членов ТУАК особенно заметны. В фонде Вышневолоцкого городского правления сохранилось дело с формулярными списками служащих правления за 1853–1860 гг.²⁵, в фонде магистрата – дело с «данными» за 1793–1821 гг.²⁶, множество подборок с прошениями об утверждении купчих, завещаний. И что чрезвычайно важно, наличие документов за XVIII в. далеко не всегда находит отражение в описательных статьях описей²⁷.

Незначительное число дел, сформированных членами ТУАК из документов местных учреждений, находится в фонде самой архивной ученой комиссии²⁸.

На хранении в ГАТО находятся также перечни дел, выделенных к уничтожению членами ТУАК, иногда их исследование дает чрезвычайно важные сведения о компетенции учреждения, в котором они находились на конец XIX в., а также учреждений, с которыми оно было связано. Так, в составе фонда Ржевской городской думы обнаружены два дела, содержащие перечень документов, выделенных членами ТУАК к уничтожению²⁹. Исследование перечня, построенного по хронологическому принципу, позволяет реконструировать процесс перераспределения функций между учреждениями Ржева и восстановить тем самым механизм проведения одной из крупнейших реформ в России. Из перечня известен автор инициативного документа, послужившего основанием для заведения дела, тематика дела. За конец XVIII в. в нем содержится примерно 120 описательных статей, подавляющее большинство инициативных документов поступило из городского магистрата, а вот среди корреспондентов XIX в. наиболее часто упоминается городничий. Подробнее о содержании дел, внесенных в перечень, речь пойдет ниже, при описании документальных комплексов г. Ржева.

Вполне логично, что в составе архивов субъектов федерации, имеющих столь же древнюю историю, как Тверской край, наиболее богаты документами последней четверти XVIII в. фонды городских магистратов. Большая часть описей на документы магистратов была составлена во второй половине XIX в. Одни – в момент передачи дел после ликвидации магистратов в архивы окружных судов, другие – на документы XVIII в. – при передаче их на хранение в Московский архив министерства юстиции (далее – МАМЮ).

В 50-е годы XX в. документы магистратов за последнюю четверть XVIII в. – часть тех, что были в свое время отосланы в МАМЮ, – вернули в Тверь³⁰ и присоединили к составу фондов магистратов Государственного архива Тверской области. Эти, возвращенные, документы учтены в описях № 2. Хронологически они охватывают

период с 1776 по 1799 г. Единичные исключения из этого правила будут оговорены при последующем изложении. Следует также сказать, что не все документы магистратов за XVIII в. были переданы в свое время в МАМЮ. Некоторые из них, по преимуществу дела судебные и связанные с изменением в праве собственности на недвижимость, оставались в архиве окружного суда. Они сохранились хуже и учтены обычно в описях № 1, вместе с документами магистратов за первую половину XIX в.

В Госархиве Тверской области поставлены на учет фонды учреждений 15 городов, в том числе городов Торопца и Белого, которые вошли в состав Тверской губернии лишь в советский период. Указами 1775–1776 гг. к территории последней были отнесены Бежецк, Весьегонск, Вышний Волочок, Зубцов, Калязин, Красный Холм, Ржев, Старица, Тверь, Торжок, Кашин, Осташков³¹. В 1781 г. в составе губернии появился еще один город – Корчева³². Все тринадцать городов были в то время центрами уездов. Весьегонск, Вышний Волочок, Калязин, Красный Холм, Осташков и Корчева получили статус города в 70–80-е годы, т.е. являлись новоучрежденными городами³³. Информация об их развитии в последней четверти XVIII в. наиболее полно представлена зачастую в фондах городских дум и городничих, при этом в фондах последних, как уже говорилось, оказываются документы даже за период до начала реформы местного управления 1775 г. Ниже подробно описаны состав и содержание документов фондов городских учреждений 13 городов, вошедших в состав Тверской губернии на момент начала реформы местного управления. Сведения расположены в порядке алфавита названий городов.

Бежецкий комплекс включает документы магистрата (№ 165), думы (№ 22), сиротского (№ 675) и торгового словесного (№ 680) судов, а также городнического правления (№ 454), городской ремесленной управы (№ 791), мещанской управы (№ 792), бежецкого публичного нотариуса (№ 1397). Кроме этого на хранении в ГАТО имеется фонд Бежецкой городской ратуши (№ 568), в нем две единицы хранения за 1725–1729 гг. Отдельные дела и документы по истории города имеются в фонде Бежецкой воеводской канцелярии (№ 60), в нем 707 дел за 1708–1775 гг.

В фонде *магистрата г. Бежецка* 4542 ед. хр., за 1776–1866 гг., из них к последней четверти XVIII в. относится более полутора тысяч. Они зафиксированы в описи № 2, составленной во второй половине XIX в. при передаче документов на хранение в МАМЮ, и в описи № 3, датированной 1958 г. и насчитывающей всего лишь 32 дела.

Опись № 2 построена по хронологическому принципу и включает документы магистрата за период с 1776 по 1799 гг. Ее годовые разделы делятся на рубрики: «Дела», «Наряды», «Книги», «Реестры». Дела, в свою очередь, составители описи поделили на следст-

венные (о взыскании денег по векселям, за невыполнение условий сделок, об оскорблениях, кражах и т.д.), спорные (о разделе имущества, например), бесспорные (о выдаче паспорта, об увольнении от службы, о выдаче аттестата и пр.). «Наряды» – подборки документов одного вида – представлены в этой описи годовыми комплектами журналов («Наряд журналов»), аттестатов, ведомостей о ценах и др. Однако есть «наряды», где собраны отпуска самых разнообразных ведомостей и сопроводительные рапорты к ним. Интересен «Наряд черновым ведомостям» за 1776 г., он весьма ярко демонстрирует перестройку управления. Если в начале года ведомости о сборе печатных пошлин, за выданные паспорта и некоторые прочие поступали в Сенат и Стат-канцелярию, то уже во второй половине года часть их посылалась в казенную палату³⁴. В следующем году, судя по книге регистрации исходящих документов, ведомости совсем перестали отсылать в Сенат, а также в центральные учреждения³⁵.

Среди книг основное место принадлежит приходно-расходным. В описи обычно указан вид сбора, на который заведена книга, и тип книги: приходно-расходная с объявленных капиталов, расходная печатных и бланковых пошлин, расходная на гербовую бумагу и т.д. Помимо приходно-расходных, в этой рубрике значатся регистрационные книги входящих и исходящих документов, а также книги с отдельными видами документов: явочными челобитными, объявленными купчими, векселями, представленными к протесту и др. В рубрике «Реестры» учтены дела, связанные с обеспечением делопроизводственного процесса – настольные и докладные реестры по всем основным категориям дел, которые велись в магистрате: докладной реестр следственных дел, настольный реестр дел о колодниках, и др. В рубрике «Дела» помимо судебных и спорных дел учтены также дела об организации почтовой гоньбы, карты почтового управления, дела, связанные с постройкой богадельни на общественные деньги, об обучении детей купцов и мещан в городской школе³⁶. Аналогичные категории дел за последнюю четверть XVIII в. учтены также в описи № 3.

Многочисленность документов фонда Бежецкого магистрата за конец XVIII в. объясняется наличием в нем большого количества дел судебного и спорного характера, в том числе по взысканию денег по векселям, а также приходно-расходных книг. Содержание судебных и спорных дел хорошо отражено в описательных статьях описи № 2. Указаны не только имена и фамилии истцов и ответчиков, их сословная принадлежность, но также сумма долга, предмет спора. Просмотр заголовков свидетельствует о подсудности магистратам по вексельным делам не только купцов и мещан, но также крестьян³⁷, помещиков³⁸, городских чиновников, их жен и вдов³⁹, священнослужителей⁴⁰, военнoслужаших⁴¹. Среди про-

чих спорных и следственных дел также встречаются такие, истцом или ответчиком в которых являются крестьяне⁴², священнослужители⁴³, военные и члены их семей⁴⁴, иногородние купцы⁴⁵. Среди долговых дел есть такие, в которых иногородние купцы, особенно краснохолмские и кашинские, участвуют в качестве истцов и ответчиков⁴⁶.

Следует сказать, что количество дел в годовых разделах описи № 2 Бежецкого магистрата сокращается по мере приближения к концу века – в основном за счет приходно-расходных книг, нарядов, бесспорных дел. Так, за 1776 г. в описи значится 102 дела, из них на бесспорные дела, книги и наряды приходится 71. В разделе за 1799 г. значится 78 ед. хр., из них 43 приходятся на книги, наряды, реестры. Это можно рассматривать как показатель расширения деятельности магистрата в области судопроизводства. Особенно заметно сокращается численность приходно-расходных книг, поскольку в конце века в делопроизводстве магистрата в течение года стали вести одну книгу учета сбора неокладных сборов вместо многих, которые велись по видам сборов в 70-е годы.

К концу века из делопроизводства Бежецкого магистрата совершенно исчезают книги учета сборов и расходов денег на мирские нужды, учета почтовой корреспонденции и денег, собираемых за почтовые услуги, приходно-расходные книги подушных денег и процентов с капиталов купцов, книги для записи копий явленных купчих; дела, связанные с деятельностью по устройству школ, богадельни, по организации рекрутских наборов, что свидетельствует о сокращении компетенции магистрата.

Однако на протяжении всей последней четверти XVIII в. в делопроизводстве магистрата велись книги выдачи паспортов, принимались объявления купцов об их капиталах, составлялись списки купцов. Практически за все годы сохранились книги записи векселей, предъявленных к протесту, ведомости цен, книги записи верящих писем, дела о выдаче аттестатов, отпуска ведомостей о численности купцов и мещан и сумме, которая должна поступить с горожан в текущем году в казну государства, ведомости об их торговой и промышленной деятельности, дела об отдаче под застройку праздных мест.

Необходимо отметить малочисленность в составе фонда Бежецкого магистрата дел о разделе имущества и о вводе во владение. Эта категория дел в Бежецке чаще проходила по делопроизводству сиротского суда и сохранилась в его фонде⁴⁷.

Дела магистрата за XIX в. включены в состав описи № 1. Она составлена во второй половине XIX в. после ликвидации магистратов и в связи с передачей их дел на хранение в архив окружного суда. В 40–50-е годы XX столетия опись дополнялась теми же категориями дел, которые вошли в нее в XIX в. Она включает судебно-след-

ственные дела XIX в., связанные с уголовными преступлениями и с нарушениями права собственности, но большинство дел, которые велись в магистрате, должны были обеспечивать права горожан на недвижимость и фиксировать ее переход из рук в руки, обеспечивать соблюдение интересов продавцов и покупателей. Это дела о покупке, разделе имущества, о вводе во владение, о выдаче «данных» на недвижимое имущество, аттестатов на право продать недвижимость; книги копий купчих, представленных в магистрат, векселей, предъявленных к протесту, книги верящих писем и договоров. Кроме этого, в описи учтены приходно-расходные книги, регистрационные книги входящих и исходящих документов, дела о подкинутых младенцах, журналы и протоколы магистрата, ведомости цен. В составе описи № 1 есть комплекс документов за XVIII в. (№ 1722, 2940–2947 и др.), часть которых явно принадлежала делопроизводству городского старосты, в том числе дело с подлинными указами, поступившими старосте от магистрата и городской думы, дела с приговорами собраний городского общества.

При достаточно большом разнообразии и многочисленности дел фонда Бежецкого магистрата документы о численности купцов, мещан, цеховых, их торгово-предпринимательской деятельности, дела о записи в купечество и мещанство присутствуют в нем лишь как исключение. Мало в фонде ведомостей о ценах, книг выдачи паспортов, документов о выборах на различные городские должности. Важно, что все эти категории дел относятся к последней четверти XVIII в., а в описи дел за XIX в. они совсем отсутствуют, что свидетельствует о свершившемся разделении функций между городскими учреждениями. Состав документов думы и других городских учреждений Бежецка подтверждает это.

Опись на документы *Бежецкой городской думы* включает более 1211 дел за 1785–1917 гг. Она составлена в 1950 г., дополнялась в 1951–1956 гг. Заголовки дел описи хорошо раскрывают их содержание. К последней четверти XVIII в. относятся всего лишь 96 ед. хр., среди них преобладают журналы и регистрационные книги. Помимо этого, в фонд вошли: книги записи выдаваемых паспортов (№ 38, 47), дело с прошениями мещан о зачислении в обывательскую книгу (№ 34), расходная книга городского старосты (№ 10), постановления общих собраний купцов и мещан по выборам должностных лиц (№ 20), дело о назначении опекунов детям умершего купца (№ 34), алфавитный реестр лиц, внесенных в городскую обывательскую книгу (№ 49), именной реестр лиц, записавшихся в купечество, и переписка о внесении их в обывательскую книгу.

Среди документов думы за первую половину XIX в. сохранились обывательские книги (№ 126, 297, 350), списки домов, списки обывателей (№ 248, 361), дела о содержании общественного имущества и сдаче его в аренду; о выборах на самые различные должности, в

том числе старшин ремесленных цехов; большое количество приходно-расходных книг окладных и неокладных сборов, денег на городские нужды, по сбору недоимок; ведомости о ценах; дела о записи в купечество и мещанство, о выдаче удостоверений на торговлю; сведения о количестве сирот, находящихся под опекой и в богадельне (№ 142), о заводах бежецких купцов (№ 214), о торговле (№ 435). В описи учтены также дела об организации отбывания постоянной и рекрутской повинности, о выборе должностных лиц в бежецкую полицию, о содержании школы, больницы, книги выдачи паспортов и разрешений на отлучку из города, выдачи жалованья полицейским чинам, реестр дел, разбираемых сиротским судом (№ 123). Состав документов фонда Бежецкой городской думы свидетельствует, что в первой половине XIX в. все источники городского бюджета находились под контролем думы, точно так же, как объекты вложения значительной части его доходов. Контролируя сбор налогов, дума стала сама выдавать горожанам разрешения на отлучку из города. Следует также отметить наличие в фонде думы значительного количества дел, не относящихся к ее производству.

Фонд *Бежецкого торгового словесного суда* насчитывает 57 ед. хр. за 1844–1866 гг. В нем, помимо книг записи словесных жалоб и приходно-расходных книг, есть масса документов, не отражающих непосредственно деятельность суда, в основном – копии указов вышестоящих учреждений по различным вопросам, присланные «для сведения».

Опись фонда *Бежецкого сиротского суда*, включающая 1493 дела за 1776–1918 гг., составлена в конце XIX – начале XX в., дополнена и отредактирована в 1937 г. В фонд вошли документы за 1776–1918 гг., около 150 из них относятся к последней четверти XVIII в. Среди них, помимо традиционных для сиротских судов дел об учреждении опеки над имуществом умерших горожан, отчетов опекунов о расходах и доходах опекаемого имущества, описей имений, поступивших под опеку, значится большое количество дел о разделе имущества, о взыскании долгов с должников умерших купцов, о продаже опекаемого имущества, об отдаче доходов с него под векселя, а также книги для записи копий векселей, контрактов и условий, которые оформлялись в результате обеспечения функционирования опекаемого имущества. Такой подход к организации делопроизводства позволяет лучше видеть механизм функционирования опекаемого имущества.

Фонд *Бежецкого городского правления* включает 257 ед. хр. за 1777–1874 гг. Опись составлена в 1940 г., за конец XVIII в. в ней 15 дел: указы Тверского наместнического правления (далее – ТНП), сообщения Бежецкого магистрата о розыске разных лиц, взыскании денег по векселям, обеспечении городского лекаря квартирой, правилах внесения в приходно-расходные книги сведений о доходах

и расходах города, собирании доходов с мельницы и рыбных ловель, о выборах городского старосты; отпуски «счетных выписок» для казенной палаты (№ 7), журнал городнического правления за 1788 г. (№ 5).

За XIX в. в описи учтены дела о кражах, скоропостижно скончавшихся лицах, взыскании денег по векселям, недоимок по подушному сбору; приходно-расходные книги сбора за гербовую бумагу и затрат на одежду и обувь для арестантов. Есть дела с текстами объявлений о продаже имущества и о подкинутых младенцах⁴⁸, ведомости о ценах, заводах горожан (№ 70–76, 78, 107) и о состоянии города в целом за 1830 г. Несколько дел связано с движением почты через Бежецк.

Итак, в фонде Бежецкого городнического правления мы видим категории дел, чаще встречающиеся в фондах магистратов, например, дела о взыскании денег по векселям, а также категории дел, которые есть и в фонде городской думы за первую половину XIX в., и в фонде Бежецкого магистрата за конец XVIII в. (ведомости цен, сведения о торговле и промышленности). Все это позволяет предположить, что Бежецк был городом, где многообразные функции магистрата на рубеже XVIII–XIX вв. стали перераспределяться между созданными Екатериной II и ранее существовавшими учреждениями. В обстоятельствах недостаточно четкого разделения законодательством полномочий городских учреждений неизбежно должно было возникать дублирование деятельности, а значит, и дублирование документации.

В опись фонда *Бежецкой ремесленной управы* внесено 61 дело за 1806–1898 гг. Опись на дела фонда составлена в 1939 г., дополнялась в 1951-м. В ней учтены много журналы и протоколы заседаний управы, общих собраний ремесленников, приговоры общих собраний, постановления управы, дела о выборах ремесленного головы и старшин, с прошениями о зачислении в цехи, книги регистрации входящих и исходящих бумаг.

В фонде *Бежецкой мещанской управы* 97 дел за 1798–1916 гг. Опись на дела фонда составлена в 1940 г., в ней лишь одно дело за XVIII в. с приговорами об отдаче в рекруты. Преобладают дела за 40-е годы XIX – начало XX в. Среди них окладные книги, переписка о взыскании денег за лечение в земских больницах, книги учета сборов с недвижимого имущества⁴⁹, дела о записи в мещанство, в том числе «только для счету», т.е. без включения в состав мещанской общины города⁵⁰.

Фонд *Бежецкого публичного нотариуса* включает 7 дел за 1790–1796 гг. Опись на дела фонда составлена в 1958 г., в нее вошли ведомости о векселях, предъявленных к протесту. Большая часть дел этой категории хранится в фондах магистрата и городнического правления.

В фонде Бежецкого *городского соляного пристава* 2 дела за 1810–1811 гг. Опись составлена в 1939 г., в ней учтена приходно-расходная книга и переписка с казенной палатой и другими учреждениями по поводу обеспечения города солью.

Комплекс документов г. Весьегонска за последнюю четверть XVIII – первую половину XIX в. включает фонды городского магистрата (№ 167), думы (№ 23), сиротского суда (№ 996), торгового словесного суда (№ 681), городничего (№ 455). Кроме того, на хранении в ГАТО имеется фонд городской мещанской управы (№ 1003), документы которого насчитывают 103 дела и относятся к 1862–1916 гг.⁵¹.

В фонде *Весьегонского магистрата* хранится 1319 дел за 1776–1866 гг., однако за последнюю четверть XVIII в. в фонде всего лишь 2 дела, все остальные относятся к XIX в. Опись на них составлена в XIX в., дополнена в 50-е годы XX в., именно тогда и были внесены дела за XVIII в.⁵². В начале описи учтены судебные-следственные дела по гражданским искам, дела о выдаче «данных», о вводе во владение имуществом. Во второй части описи, начиная с л. 23, учтены дела о «дерзких поступках», побоях, взысканиях по долгам и т.п., с л. 35 – журналы, протоколы, регистрационные книги входящих и исходящих документов, книги на записку сборов с записи векселей, оформления контрактов, купчих, условий, обязательств и прочих сделок и актов. Маклерских книг с копиями этих документов в фонде не сохранилось, но наличие приходно-расходных книг денег с их оформления свидетельствует, что и сами книги вели в магистрате. Если так было в XIX в., то, скорее всего, они велись здесь же и в XVIII в.

В описях фонда *Весьегонской городской думы* учтено 208 дел, которые относятся к 1828–1916 гг. Описи № 1 и 2 составлены соответственно в 1937 и 1947 гг., опись № 2 дополнялась в 50-е годы. В ней учтены дела об отводе мест под строения, документы, связанные с расходами на содержание больницы, кормилиц, которые воспитывали незаконнорожденных детей, дела по учету городского имущества и сдаче его в аренду, по благоустройству города и о состоянии пожарного дела в нем. В фонде также хранится несколько книг записи кредитных и верящих писем, представленных к засвидетельствованию, книги записи штрафных денег. Особый интерес вызывает факт включения в фонд думы уже за 1830–1831 г. документов, которые, скорее, должны относиться к фонду сиротского суда. Присутствие в фонде думы приходно-расходной книги записи сумм для раздачи кормилицам за 1830 г.⁵³ может рассматриваться как ошибка фондирования, но учитывая, что в «книге всем расходам из доходов городских Весьегонской думы» за этот же год есть записи о выдаче расходчику думы денег на раздачу кормилицам⁵⁴, мы можем сделать вывод о том, что сиротский суд в 1830 г. фактически не функционировал и обязанность заботы о брошенных де-

тях лежала на думе, а расходчик думы организовывал ее выполнение ее. Вероятно, ему-то и принадлежала приходно-расходная книга, где на одной стороне разворота листа записывались факты поступления денег из думы, на другой – факты их раздачи кормилицам с росписями женщин в получении. Книга записи денег, расходуемых на покупку продуктов для больницы, интересна тем, что свидетельствует о неразрывной связи между думой и учреждениями здравоохранения. Отсюда становится понятно, что не только пропитание брошенных детей входило в сферу ее забот, но и тех людей, которые находились в городской больнице. Книга дает представление о рационе питания больных, о поставщиках тех или иных продуктов, о занятиях населения, о ценах на продукты⁵⁵.

Фонд *Весьегонского городничего* – единственный фонд учреждений этого города, где есть документы за конец XVIII в. В нем 105 дел за 1777–1862 гг. Они представляют собой подборки самых разных документов, относящихся к последней четверти XVIII в. В них можно встретить и указы губернских учреждений, и обращения частных лиц. Тематически они также разнообразны: есть сведения о фальшивомонетчиках, раскольниках, подкидышах. Причем в некоторых делах подшиты документы за большой хронологический период, от 2 до 12 лет. Наиболее ценно, пожалуй, дело о городских ярмарках, в состав которого вошли сведения с 1828 по 1837 г. Среди дел за 40-е годы XIX в. много дел о борьбе с болезнями, ведомостей о ценах. Состав документов говорит, что в конце XVIII в. именно городничий исполнял в Весьегонске функции, которые в Торжке лежали на магистрате. В описи за этот период учтены ведомости о торговых ценах на хлеб, фураж, стройматериалы, переписка по поводу укрепления берегов р. Мологи и содержания речного перевоза, создании и финансировании школы и богадельни, о взыскании с горожан недоимок разного рода, а также рекрутских денег. В фонде есть дела о вызове желающих к поставке хлеба в Санкт-Петербург, соли и вина в Весьегонск, об организации ярмарок в городе. Состав и содержание документов говорят об отсутствии или бездействии в городе общества мещан, во всяком случае в конце XVIII в. Поразительно, что ни в каком другом фонде учреждений Весьегонска нет документов за последнюю четверть XVIII в. И только исследование дел фонда *Весьегонского городничего* позволяет получить некоторое представление о деятельности других городских учреждений и должностных лиц и свидетельствует о том, что городничий был основным действующим лицом и организатором мероприятий, способствовавших развитию в этом населенном пункте урбанистических процессов.

Учитывая полное отсутствие в других фондах дел за последнюю четверть XVIII в., рассмотрим документы фонда *городничего* более подробно. В деле об открытии в городе школы собраны документы

за 1777–1784 гг. Первый из них – ордер Приказа общественного призрения, поступивший к городничему 13 апреля 1777 г.⁵⁶. Его текст расширяет наши представления о жизни не только Весъегонска, но и ряда других городов Тверского края, поэтому позволим себе привести цитату из него. Ордер был составлен после получения из городов губернии сведений о том, как идет процесс подготовки и открытия школ. Оказалось, что в целом ряде городов школ пока нет, в связи с чем Приказ общественного призрения постановил: «Калязинскому, Ржевскому, Бежецкому, Весъегонскому и Кашинскому городovým магистратам и сиротским судам предложить, а городничим *предписать* (выделено мной. – Н.С.) ордерами, что Приказ общественного призрения, соображаясь с должностью в Высочайшем новом Учреждении оному предписанное обязанным себя признает, не внимая упорству собственной пользы своей не ощущающих пещися о воспитании и обучении детей жителей городов, летами ко вступлению в школу уже приспевших, а посему и полагает по числу наличных купеческих и мещанских в тех городах детей быть на первой случай школам в числе нижеследующем учащихся, а именно: в Калязине в шестидесяти, во Ржеве – во сте, в Бежецке – в тридцати, в Вышнем Волочке в тридцати пяти, в Весъегонске – дватцати пяти и в Кашине в сорока человеках». Школы требовалось открыть не позднее 1 мая⁵⁷. По всей вероятности, весъегонский городничий приложил немало усилий к выполнению предписания, и 20 мая школа все же открылась. В деле сохранилась ведомость о детях, обучающихся в школе «мая с 20 дня» 1777 г., в ней значится 23 человека⁵⁸. 24 апреля 1778 г. датирован отпуск сообщения городничего в магистрат с требованием сведений о детях, обучающихся в школе и на дому.

Присланные из магистрата сведения в деле не сохранились, однако сохранился отпуск ведомости, отправляемой городничим в Приказ общественного призрения. Согласно ее сведениям 25 детей обучались в школе, а 53 человека – «при отцах и матерях». Причем складывается впечатление, что дети, обучавшиеся на дому, достигли за год ббльших успехов. Ведомость констатирует, что большинство из них не ограничивается заучиванием часослова и псалтыри, а «учатся писать склады» и даже слова, в то время как среди обучавшихся в школе очень немногие освоили умение писать слогами и никто не писал слова. Успехи большинства ограничивались заучиванием, реже чтением церковных текстов⁵⁹. В последующие годы городничий активно интересовался делами школы, требуя справки от магистрата о лицах, определенных в смотрители школы, о том, кому поручено преподавание арифметики, пытаясь оформить пребывание в городе учителя рисования – выходца из сельских священнослужителей и т.д. Переписка позволяет утверждать, что магистрат и городничий в равной мере были причастны к развитию обра-

зования, однако можно предположить, что у городничего это вызывало больше интереса. Свидетельством его внимания к вопросу может служить наличие в деле документов, показывающих успехи, продемонстрированные учащимися школы на экзамене 1 сентября 1779 г., а также текста «Постановления Приказа общественного призрения», где излагалась программа обучения детей⁶⁰.

Переписка по поводу открытия в городе богаделен свидетельствует, что в этом направлении деятельности городничий достиг гораздо более скромных успехов, да и вмешивался в этот вопрос в меньшей степени. Вопрос Приказа общественного призрения, когда же наконец в городе будут открыты богадельни, поступивший в мае 1777 г., городничий переадресовал в сиротский суд и в магистрат. Сиротский суд ответил, что не получал предписаний относительно открытия богаделен, магистрат сообщил, что городскому старосте был послан указ навести справки о людях, нуждающихся в размещении в богадельнях. По справкам, которые староста навел в «весьегонской земской избе», оказалось, что в городе всего лишь трое нуждаются в помощи и поддержке. Сообщение магистрата, отложившееся в деле, передает те цифры, которые, в свою очередь, сообщил в магистрат староста – о выделении беднякам денежной помощи на покупку одежды и обуви, а также по два четверика хлеба на месяц начиная с июля 1777 г. Здание богадельни не было построено, староста объяснил это тем, что строительные материалы ушли на укрепление берегов р. Мологи⁶¹.

Учреждения для призрения должны были обеспечиваться в значительной мере за счет местного населения и в столь слабо развитом в урбанистическом плане населенном пункте, как Весьегонск, средств для этого не было, поэтому население всячески старалось облегчить себе способы адаптации к проводимой Екатериной Великой политике. Один из приемов адаптации состоял в экономии средств на дела призрения и благоустройство города.

Весьегонские выборные органы самоуправления не спешили и с организацией помощи брошенным детям, об этом свидетельствует подлинное «предложение» Тверского наместника Т.И. Тутолмина в деле об открытии богаделен в делопроизводстве Весьегонского городничего. Тутолмин отмечал, что смертность малолетних «несчастнорожденных» детей очень высока, обвинял попечителей приютов, избираемых городскими обществами, в недобросовестности, в фальсификации представляемых сведений и заявлял, что за справками о таких детях он будет обращаться к городничим Старицы, Зубцова, Кашина, Весьегонска⁶².

Заслуживает интереса сам перечень городов, приводимый Тутолминым, некоторые из них упоминались и Приказом общественного призрения в связи с невыполнением предписаний об открытии школ⁶³. Отсутствие не только у населения этих городов, но также и

у выбранных городских управленческих структур внимания и заботы к объектам инфраструктуры, которые придают ей урбанистический характер, было одной из причин, в силу которых в этих городах значительное место в управлении занимали городничие, а иногда и нижние земские суды. В Весьегонске двигателем преобразований был городничий, но те немногие достижения, которые имелись, давались ему с огромным трудом. Об этом говорит дело об укреплении берегов р. Мологи, на которых в непосредственной близости от воды располагались присутственные места, казенный питейный дом, а также здание церкви. Дело было начато в 1777 г., вскоре после посещения города Я.Е. Сиверсом (это было 3 июня), и закончилось в 1789 г., когда, наконец, прислали землемера, чтобы он сделал необходимые расчеты для качественного и профессионального проведения мероприятий по укреплению берегов. Вся предшествующая переписка свидетельствует об инертном отношении горожан к проблеме, поставленной Сиверсом, о тщательном контроле со стороны генерал-губернатора за тем, как решаются поставленные им задачи, о важнейшей роли весьегонского городничего в делах города и о неприглядной роли магистрата. В описанных ситуациях он воспринимается как действительно лишний в сложившейся управленческой структуре элемент управления, выполняющий лишь роль посредника между коронными учреждениями и городским старостой⁶⁴.

Городничий многократно посылал рапорты Я.Е. Сиверсу, свидетельствующие о бездействии магистрата. Вот отрывок из одного из них: «По словесному Вашего Высокопревосходительства в бытность в городе Весьегонске приказу магистратским членам велено имеющийся во оном городе у реки Мологи берег... укрепить, а мне *иметь во оном смотрение*, о чем от меня многократно в присутствии магистрата оное Вашего высокопревосходительства повеление неоднократно предлагаемо было. Но и поныне никакого ко укреплению берега приуготовления материала нет, а берег от часу больше от стрельяния воды размывает и обваливается»⁶⁵. Видимо, вследствие неспешности городских выборных властей Сиверс увеличил полномочия городничего, предписав ему ордером «Весьегонский городской магистрат к укреплению в силе прежде сделанного от меня повеления берега *понуждать*»⁶⁶ (ане «иметь смотрение», как предписывалось раньше. – *Н.С.*) В феврале 1778 г. городничему было дано право на случай «если же в том (в укреплении берега. – *Н.С.*) от онаго магистрата скорого успеху не получите, тогда уже собрать с обывательских домов по несколько бревен и фашиннику и тем понудить каждого жителя к работе для починки показанного берега. В чем полагаюсь особо на ваше старание», – писал Я.Е. Сиверс из Пскова 22 февраля 1778 г.⁶⁷. Перспектива непосредственного вмешательства городничего в жизнь обывателей, по всей веро-

ятности, обеспокоила городской магистрат, и он наконец ответил городничему, сообщив о предпринятых магистратом действиях. Они сводились к тому, что старосте был послан указ с изложением сообщения городничего, а от магистрата для «смотрения» за кладкой фашичника в засеки был назначен ратман П. Капустин. Кроме того, старосте было дано указание, «если кто из обывателей к тому укреплению являться будет не в послушании, то о таковых ослушниках в сей магистрат рапортовать, с коими и поступлено будет по всей строгости»⁶⁸. Принятые меры имели воздействие и берег был укреплен настолько, насколько позволяли средства и умение горожан, во всяком случае из другого дела, где объясняются причины отсутствия богадельни в городе, известно, что предназначенные для нее строительные материалы ушли на укрепление берега Моологи⁶⁹, что же касается самой богадельни, то благодаря во многом опять-таки хлопотам городничего она была наконец построена в 1782 г., коштом купца Корнева. Дело, отложившееся в фонде городничего, говорит, что строительство богадельни явилось в значительной мере плодом усилий городничего и Приказ общественного призрения именно с ним вел переписку на этот счет⁷⁰. Возможно, именно бездеятельность городского общества стала причиной перевода Вельегонска в 1797 г. из статуса города в статус посада. В связи с этим должность городничего упразднилась, а его делопроизводство было предписано передать ратуше, которая создавалась вместо городского магистрата⁷¹.

Состав фонда *Вельегонского сиротского суда* достаточно традиционен. В нем 331 ед. хр. за 1829–1919 гг., они учтены в описи, составленной в 1947 г. В нее вошли дела об учреждении опеки над имуществом несовершеннолетних, отчеты опекунов, дела о введении в наследство, описи имущества, поступающего под опеку. В фонде много приходно-расходных книг и «Протоколов суда об освидетельствовании денежных сумм», чего не приходилось встречать в виде отдельных дел в фондах других сиротских судов. Отличительной особенностью фонда является также множество разновидностей реестров: докладных, настольных, опекунским делам и др. В отдельные дела подшиты протоколы суда об отдаче имений под опеку. Забота о малолетних брошенных детях, похоже, не входила в сферу компетенции учреждения, поскольку документальных свидетельств его деятельности в этом направлении не обнаружено.

Фонд *Вельегонского торгового словесного суда* насчитывает 53 ед. хр. за 1844–1866 гг. Это книги записи словесных жалоб и приходно-расходные книги.

Анализ описей учреждений г. Вельегонска позволяет предположить, что некоторые категории дел, которые в старинных городах формировались в магистратах, в этом городе велись в делопроизводстве думы и городнического правления. Дела об отводе земли

под строения отложились и в фонде магистрата, и в фонде думы, но в первом они относятся к самому началу XIX вв., а в фонде думы – к более позднему времени. Возможно, этот процесс постепенно перешел из компетенции магистрата в сферу полномочий думы. Не исключено, что в Весеьгонске – одном из населенных пунктов губернии, получивших статус города в ходе реформы Екатерины Великой, функции магистрата с самого начала ограничивались в основном судебными и нотариальными. Нельзя с уверенностью говорить даже о ведении в магистрате книг для записи условий, договоров, контрактов и верящих писем, хотя несколько из них нам удалось там найти. Особенностью документации всех фондов Весеьгонска является яркое отражение в них повседневной жизни горожан и их, мягко говоря, инертного отношения к проводимым реформам и предписаниям властей. Важно также, что понять все это мы можем благодаря материалам фонда городнического правления. Отсутствие документов за XVIII в. в фондах других учреждений в значительной мере объясняется тем фактом, что городничий, делая запросы в магистрат или словесный суд, требовал составлять ответ на обороте. Это обстоятельство, с одной стороны, делает документы его фонда особенно ценными, с другой – является косвенным свидетельством халатного ведения делопроизводства в других управленческих структурах нового города и знания этого факта городничим. Плохо поставленное делопроизводство, неоднократные перемены статуса населенного пункта обусловили отсутствие документов за XVIII в. в составе большинства фондов документального комплекса Весеьгонска.

Комплекс документов г. Вышнего Волочка включает фонды магистрата (№ 166), думы (№ 24), сиротского суда (№ 1024), торгового словесного суда (№ 682), городнического правления (№ 456), мещанской управы (№ 1054).

Фонд *Вышневолоцкого магистрата* насчитывает около 4 тыс. ед. хр. за 1777–1870 гг. Документы за последнюю четверть XVIII в. учтены в описи № 2, в ней – 329 ед. хр.⁷², кроме того, значительное количество дел за этот период зафиксировано в описи № 1.

В описи № 2, составленной во второй половине XIX в., четко различаются три части, внутри каждой дела расположены по хронологии начиная с 1777 г. В первой части описи (№ 1–224) учтено незначительное количество книг для записи векселей, а также книг учета выдаваемых паспортов, регистрации входящих и исходящих документов, приходно-расходные книги самых различных видов: с продажи соли, денег, собираемых с купцов и мещан, печатных пошлин, пошлин с явочных челобитных, с выдаваемых паспортов, с суда, рекрутских денег, денег на городские расходы; объявления купцов о капиталах. Кроме того, в фонде есть дела, сформированные по предметно-тематическому принципу: о выдаче аттестатов на

право оформления купчих, закладных, о записи в купечество и мещанство, об отводе мест, об отдаче в рекруты, о проведении выборов на различные должности, об определении подкинутых младенцев в сиротский дом либо в семьи горожан, они присутствуют практически в каждом годовом разделе этой части описи. Кроме того, здесь учтены дела, связанные с устройством и затратами на содержание школы, о строительстве в городе гостиного двора, казенных лавок (№ 44), колокольни, об устройстве цехов (д. 143)⁷³, ведомости о ценах. Следует отметить, что в 1786–1788 гг. дела с ведомостями о ценах формировались по месяцам и таким образом за каждый год учтено по 12 единиц хранения только с ведомостями о ценах. Количество дел с приходно-расходными записями в 80-е годы также возросло. Во второй части описи (№ 225–263) учтены журналы и протоколы заседаний магистрата. В третьей части (№ 271–326) – незначительное количество дел с указами вышестоящих учреждений и судебно-следственные дела по уголовным и административным делам: о нарушении правил торговли, о небытии на исповеди, о хулиганских действиях, об опознании краденого, о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий договоров, спорные дела по поводу недвижимости, в том числе о разделе имущества между наследниками. Следует отметить малочисленность дел магистратского делопроизводства и не слишком большое их тематическое разнообразие во второй половине 70-х годов, некоторое увеличение численности годовых разделов в начале 80-х при опять-таки ограниченной тематике и, наконец, сокращение численности дел в годовых разделах примерно с середины 80-х годов. Судя по документам описи № 2, в Вышнем Волочке деятельность магистрата никогда не была сколько-нибудь широкой и значимой, рано ограничилась судебно-следственной направленностью. Однако документы описи № 1 существенно корректируют представление о функциях Вышневолоцкого магистрата.

Документы за конец XVIII в. учтены в третьем, четвертом и пятом томах описи № 1. В третьем томе против большинства дел стоит помета о выбытии, при этом часть их обнаружена учтенными в описи № 2 фонда магистрата (журналы, протоколы), а также в фонде словесного суда (книги для записи словесных жалоб⁷⁴). К XVIII в. относятся также дела об отдаче в рекруты, копии указов вышестоящих учреждений, спорные и следственные дела. Их ставили на учет в советский период по мере обнаружения.

Всего опись № 1 занимает шесть томов⁷⁵, причем все они, кроме четвертого, составлены в конце XIX в. Многие дела, внесенные в опись в XIX в., на сегодняшний день значатся отсутствующими. Первый том имеет пометы членов ТУАК, которые проводили работу по отбору дел в исторический архив, напротив многих из них стоит помета, сделанная цветным карандашом: ИА, что, видимо,

следует понимать как исторический архив. Запись в конце тома сообщает количество дел, отобранных членами ТУАК для хранения и предназначенных к уничтожению. В этом томе были учтены в основном судебнo-следственные дела по гражданским искам, например о разделе имущества, о денежных взысканиях, дела с копиями явленных купчих, о выдаче аттестатов и свидетельств на залог и продажу недвижимого имущества, об утверждении во владении по «данным» и купчим, о назначении опекунов и об опекаемом имуществе, что позволяет говорить об отсутствии в городе сиротского суда.

Во втором томе учтены в основном судебнo-следственные дела по уголовным преступлениям и по денежным взысканиям за невыполнение условий сделок и по векселям, в конце тома – значительное количество дел о подкинутых младенцах.

Том третий описи подготовлен тем же человеком, который составлял опись, учтенную в архиве как опись № 2, в период, когда готовилась передача дел в МАМЮ. В нем описаны разнообразные документы, свидетельствующие о широте функций магистрата, но преобладают книги копий договоров, контрактов, векселей и других обязательств, в том числе за XVIII в. К сожалению, большинство из них не сохранилось, но их наличие в описи говорит о закреплении функции по их ведению за магистратом.

Четвертый том составлен в 30-е годы XX в., дополнен в 50–60-е годы. Дела, внесенные в него, многообразны по тематике: здесь учтены ведомости о ценах, дела о выборах на различные должности, приеме в купечество и мещанство, выдаче «данных», денежных взысканиях, сборе денег с купцов и мещан, книги для записи контрактов и условий, векселей. В том вошли и дела, которые в других томах значатся как отсутствующие. Кроме того, именно в этом томе учтено большинство дел, сформированных членами ТУАК в процессе полистного просмотра ими магистратских дел. Следствием этой деятельности стало то, что в фонде Вышневолоцкого магистрата наряду с полными документальными комплексами судебнo-следственной документации в большом количестве имеются дела, где от всего делопроизводства по тому или иному делу сохранилось лишь решительное определение магистрата⁷⁶. Кроме того, члены ТУАК формировали целые подборки из таких определений: в одном деле подшиты «указы из уничтоженных дел за 1811 год», в другом – за 1812 г. и далее вплоть до середины века⁷⁷. В названии таких дел обычно используется слово «указы», в то время как на самом деле там подшиты «решительные определения», а иногда просто «особые протоколы», т.е. промежуточные решения, принимаемые членами магистрата в ходе ведения того или иного дела. Именно здесь мы можем обнаружить подшивки решительных определений по делам, которые значатся выбывшими по первым томам опи-

си, например, «Указы и протоколы из уничтоженных дел за 1811 год»⁷⁸, а также решительные определения из дел за 1748 и 1749 г.⁷⁹, данные о падеже скота в 1775 г.⁸⁰. «Данные за 1793–1821 гг.»⁸¹, множество подборок с прошениями об утверждении купчих, завещаний⁸². И что чрезвычайно важно, почти в каждом из этих дел имеются документы как за XIX, так и за XVIII в., хотя это далеко не всегда отражено в описательной статье описи. Внимательное исследование этого тома позволяет проследить динамику в распределении функций между городскими структурами. В 1815 г. запись в купечество осуществлял еще магистрат⁸³, а в последующие годы это направление деятельности не находит отражения в его делах.

В пятом томе, составленном в XIX в., учтены журналы и решительные определения магистрата с 1800 г. и до середины XIX в., а также книги подлинных указов и «предложений», поступавших в магистрат начиная с 1781 г.

В шестом томе, составленном при передаче дел а архив окружного суда, значатся судебнo-следственные дела по уголовным преступлениям, дела по обеспечению долговых обязательств. На многих страницах стоят крупные, размером едва ли не в лист, буквы, написанные цветными карандашами, чаще всего буква «У». Видимо, и здесь мы сталкиваемся с результатами работы ТУАК. В эту опись первоначально было внесено почти 3 тыс. дел, однако на сегодняшний день сохранились лишь несколько десятков из них.

Сопоставление дел одной и той же категории за конец XVIII и начало XIX в. позволяет говорить, что в начале XIX в. существенно изменился перечень статей прихода денежных сумм в магистрат. Судя по настольному реестру магистрата за 1808 г., приход складывался лишь из денег, взысканных с должников, они, как правило, присылались от городничего, иногда должники сами приходили в магистрат и вносили суммы в счет погашения долгов по векселям. Во всех этих случаях деньги передавались кредиторам. Часть денег в уплату кредиторам обанкротившихся людей вносили лица, у которых банкроты были «в работе». Существовала твердая, установленная еще в 30-е годы оплата труда таких работников, она составляла 24 руб. в год. Банкроты были дешевой рабочей силой и очень часто, внося деньги за прошедший год, работодатель тут же изъявлял желание оставить работника и на следующий год⁸⁴. В приходно-расходных документах исчезли записи о поступлении пошлинных сборов, процентных денег с объявленных купеческих капиталов, с выдачи паспортов и другие, что свидетельствует о сокращении компетенции магистрата.

При достаточно многообразном содержании документов Вышневолоцкого магистрата за XIX в. бросается в глаза отсутствие дел о благоустройстве, городском имуществе, торговле и промыслах, и это позволяет говорить о существовании и активной деятель-

ности в данной сфере уже в конце XVIII в. городской думы, что подтверждает и сохранившийся состав документов думы.

Фонд *Вышневолоцкой думы* насчитывает 191 ед. хр. за 1785–1890 гг., в том числе за конец XVIII в. – 50 дел. Опись составлена в 1955 г., дополнялась в 1959–1966 гг. Мы не будем повторять здесь сведения о выявленных нами ошибках в фондировании, о которых говорилось в начале этой главы, однако обратим внимание читателей на явные несурезицы описи. В ней учтено множество дел с указами магистрата по самым различным вопросам: о благоустройстве, о сборе подушного налога, о производстве работ на шлюзах и плотине Вышневолоцкой системы каналов, о записи в число горожан и др. С первого взгляда они свидетельствуют о подчиненности думы магистрату. Вызывает недоумение факт наличия в фонде книги раскладки подушного сбора за 1778 г., документов о сборе денег на городские повинности за 1781 г. и др.⁸⁵ Мы уже говорили, что проверка первых примерно 40 дел из фонда Вышневолоцкой думы показала, что они были сформированы в делопроизводстве «городовых дел», т.е. городского старосты, а не городской думы. В данной ситуации мы сталкиваемся, с одной стороны, с серьезными ошибками в фондировании, с другой – имеем достаточно редкую для Государственного архива Тверской области возможность исследовать вопрос о месте данного института в управлении Вышним Волочком, механизме взаимодействия его с магистратом, городничим и другими элементами системы.

Продемонстрируем эту возможность на нескольких примерах. Наиболее показательными, пожалуй, являются книги регистрации входящих и исходящих документов. В книге входящих документов за 1776 г. значатся 99 документов, среди которых преобладают указы магистрата, кроме этого зарегистрировано несколько фактов поступлений других документов: «приказ за подписью господина бургомистра», связанный с функционированием Вышневолоцкой водной системы, т.е., по сути, тот же указ магистрата; рапорт сотских, сообщающий «о подтверждении ими купцам и мещанам о содержании на домовых кровлях кадок с водою», «требование от городничего», три «объявления» от местных жителей. В них сообщали об уходе внука из города, жаловались на побои, просили о выдаче аттестата на получение денег из казначейства⁸⁶. Анализ записей позволяет говорить, что в управленческую структуру, называемую «городовые дела», наряду с указами магистрата поступали документы, которые должны были представляться в магистрат: это и доношения от частных лиц и «требование от городничего». Факт поступления рапорта от сотских свидетельствует о их подчинении на тот момент не магистрату и не городничему, а городскому старосте. Зафиксированные документы, таким образом, свидетельствуют о неопределенности в 1776 г. в сознании горожан, да и служащих го-

родских учреждений, представлений о принципах разделения обязанностей между городскими управленческими структурами, прежде всего магистратом и «городовыми делами».

В книге входящих документов за 1779 г. содержатся 111 записей, лишь одна из них фиксирует факт поступления «известия» из словесного суда о предстоящих торгах на распродаваемое имущество, все остальные – о поступлениях указов магистрата⁸⁷. Сокращение случаев нарушения делопроизводственных процедур можно рассматривать как показатель развития правового сознания и делопроизводственной культуры в городе. Однако нельзя не обратить внимания на тот факт, что при 111 поступивших документах в книге исходящих документов за 1779 г. имеется лишь 8 записей, 5 из них это рапорты в магистрат: об отсутствии среди купцов и мещан желающих доставить барки с лесом в Санкт-Петербург, о получении указа магистрата «о записавшихся в вышневолоцкие купцы экономических крестьянах» и др. О чем это может свидетельствовать? Если предположить, что большая часть документов присылалась «к городским делам» лишь для сведения, то и в этом случае, согласно правилам, требовалось составить и выслать в магистрат рапорт о получении указа. Малочисленность записей книги регистрации исходящих документов может рассматриваться как показатель низкого уровня развития делопроизводства. Однако возможно и другое предположение. Похоже, что канцелярские служители «городовых дел» вели делопроизводство не только городского старосты, но отчасти и магистрата. В делах, обозначенных в описи как дела с указами магистрата, подшиты зачастую не только подлинники магистратских указов, но также черновые рапорты об их получении и делопроизводство по исполнению некоторых из них. В таких делах встречаются списки владельцев мясных и рыбных лавок⁸⁸, отпуск ведомости о барках, подготовленных к отправке в столицу, и их владельцах⁸⁹; в деле за 1777 г. сохранился отпуск ведомости о ценах⁹⁰, среди указов, присланных в 1778 г., – список лиц, выбранных к различным должностям⁹¹. При этом в книге регистрации исходящих документов ничего не говорится об отсылке куда бы то ни было собранных сведений, а опыт изучения содержания фондов городских учреждений свидетельствует, что чаще всего подобные ведомости и списки составлялись в делопроизводстве магистратов. В фонде думы Вышнего Волочка мы находим ведомости о ценах за 1781 г., приговоры о рекрутской повинности за 1782 г., дела по обвинению купцов в непристойных поступках за 1781 г.⁹² и массу других документов, хронологически и тематически никак не относящихся в фонду думы. В начале 80-х годов, да и позднее, приговоры об организации выполнения рекрутской повинности должны были поступать в магистрат, дела по обвинению купцов должны были вестись там же или уже, по крайней мере, в словесном суде,

но никак не в думе, которой просто не существовало в 1781 г. В описи фонда думы учтены и другие дела и документы, относящиеся к компетенции магистрата: ревизская сказка 1782 г. (№ 1), обывательская книга 1793 г. (№ 48), ревизская сказка и ведомость о количестве мещанских и разночинских дворов за 1772 г. (№ 2), рекрутские квитанции за 1772–1783 гг. (№ 3), списки купцов и сведения об их капиталах, ведомости о ценах, дела об отдаче в рекруты, сообщения магистрата о выборах на самые различные должности, включая городского старосту и судей словесного суда, списки избранных, дела о сборах в государственную казну.

Нельзя списывать со счетов тот факт, что опись дел городской думы была составлена в 1955 г. и не вполне квалифицированно, но тем не менее сам состав дел, обусловленный особенностями делопроизводства, мог ввести составителей в заблуждение. Поводом для такой ошибки со стороны архивистов советского времени, видимо, явилась неразделенность делопроизводства Вышневолоцкого магистрата и вышневолоцкого городского старосты во второй половине 70-х и даже в начале 80-х гг. По всей вероятности, вместе с делопроизводством старосты велось также делопроизводство городского головы, т.к. в книге исходящих документов городских дел за 1779 г. обнаружена запись об отсылке сообщения городского головы в городской магистрат⁹³. Эта запись позволяет предположить, что в Вышнем Волочке «городовые дела» стали учреждением, с опорой на которое и была проведена реформа местного управления. К 1776 г., моменту создания магистрата, «городовые дела» уже имели и штат опытных канцеляристов, и навыки решения управленческих вопросов, ведь история населенного пункта в ранге города насчитывала уже более трех лет. Полномочия «городовых дел» в Волочке легко и естественно перешли в ведение городской думы, очень быстро после законодательного введения этих учреждений. Магистрат же в Вышнем Волочке не чувствовал себя хозяином города ни во второй половине 70-х годов, ни тем более после создания городской думы. Об этом со всей очевидностью свидетельствует делопроизводство по отводу земли и записи в купечество. Уже в 1787 г. обывательская книга города Волочке находилась в ведении думы и все остальные учреждения обращались туда с запросами по поводу имущества горожан. Канцеляристам думы часто приходилось отвечать на запросы, кому именно принадлежит тот или иной дом, давать справки, значится или не значится та или иная недвижимость за тем или иным лицом⁹⁴. Весьма интересные взаимоотношения между думой и магистратом прослеживаются в связи с делом о записи в вышневолоцкое купечество новоторжского мещанина Михаила Ивановича Вавулина. Имея опыт проживания в Торжке и руководствуясь определенными представлениями о разделении функций между городскими учреждениями, новоторжец обратился в ма-

гистрат Волочка с просьбой записать его в местное купечество на 1787 г. «для производства мелочного торгу». После получения уклончивого отказа новоторжец жаловался в ТНП. Негодующий указ ТНП был прислан в магистрат, и не случайно, так как запись в купечество лежала именно на нем. В свое оправдание члены магистрата приводили весьма любопытные доводы, в частности, что Вавулин не представил «подлинности звания своего» и не был записан в обывательскую книгу Вышневолочка, в связи с чем они предложили Вавулину обратиться к городскому голове и к городскому старосте, т.е. в думу. Михаил же, будучи достаточно образованным в правовом отношении человеком, видимо, воспринял это как нежелание вышневолоцких властей включить его в число купцов, что, по его мнению, противоречило закону и ущемляло его права. За этой ситуацией прослеживается и недостаточная правовая подготовка членов Вышневолоцкого магистрата и своеобразное понимание (или непонимание) вышневолоцкими правящими структурами функций каждой из них. Своеобразие толкования законов было в значительной мере обусловлено уже сложившейся традицией. Для нас в данной ситуации крайне важным является не только тот факт, что главным учреждением города уже в 1787 г. в восприятии горожан и даже служащих магистрата являлась городская дума, но и то, что выяснить это удалось благодаря комплексному исследованию описей и документов фондов магистрата, городской думы и других городских учреждений.

В очень многих единицах хранения, учтенных в начале описи фонда городской думы, фондообразующим учреждением является не дума, а так называемые «городовые дела», которые составители описи, к несчастью пользователей, отождествили с городской думой, а иногда и магистрат. К слову сказать, состав фонда магистрата за соответствующие годы (1776–1780) достаточно беден и это обстоятельство еще раз свидетельствует, что для понимания механизма осуществления реформ и детального исследования функционирования какой-либо из управленческих структур надо изучать документы всех других, с которыми имелись делопроизводственные контакты.

За XIX в. в описи фонда Вышневолоцкой городской думы учтены, помимо журналов заседаний и отчетов думы, дела с приговорами общества купцов и мещан по самым различным вопросам: о проведении рекрутских наборов, о выборах, о приеме в купечество и мещанство, о денежных сборах на общественные нужды; дела с прошениями разных лиц о причислении к купечеству и мещанству и даже отдельные дела по этому вопросу, что свидетельствует о передаче его из компетенции магистрата в компетенцию думы.

В фонде много окладных книг и книг учета поступлений сборов с купечества и мещанства, ревизские сказки, причем как на купцов

и мещан, так и на дворовых крестьян, проживающих в городе⁹⁵, переписка с различными учреждениями о ходе сбора подушных денег, отпуска ведомостей о городских доходах, приходная книга сбора с домов (№ 73), ведомости о ценах, договора на сдачу в арендное содержание трактиров и др.

В целом, в фонде Вышневолоцкой городской думы велика доля документов, связанных с учетом податного населения и объектов недвижимой собственности и сбором различных податей в государственную казну, причем они появляются в делопроизводстве этого учреждения еще в конце XVIII в., что в целом не характерно для городов Тверской губернии. По мере отдаления от рубежа веков все более заметное место занимают дела о выборах, записи в купечество и мещанство, рекрутских наборах и другие, которые в XVIII и начале XIX в. велись в магистрате и у городского старосты. Значительное количество дел с приговорами общества купцов и мещан – еще одна отличительная черта данного фонда. Можно говорить о непосредственном контакте этой корпорации с думой с момента создания последней, чего мы не наблюдаем в других городах.

В фонде *Вышневолоцкого торгового словесного суда* учтено 45 ед. хр. за 1803–1860 гг. Опись составлена в 1938 г., дополнялась в 40–60-е годы. В ней, помимо книг для записи словесных жалоб и распоряжений по ним, учтены также приходно-расходные книги, журналы заседаний, а также книга для записи контрактов и условий за 1803 г. (№ 44). Именно это дело, внесенное в фонд ошибочно, расширяет хронологические рамки фонда. Основная масса дел относится к 40–50-м годам XIX в. Опись наглядно демонстрирует, с одной стороны, развитие культуры делопроизводства канцелярских служащих, с другой – увеличение объема делопроизводства. В 40-е годы в суде в течение года велась книга для записи прихода и расхода денежных сумм и формировалось дело со всеми остальными документами, лишь позднее стали вести отдельную книгу для записи словесных жалоб и распоряжений по ним. Регистрационных книг в фонде не сохранилось, однако имеется «докладная записка» за 1830 г., которая является неким симбиозом журнала заседаний и книги для записи словесных жалоб. В ней содержатся записи о содержании поступивших и рассмотренных документов, рассуждения по ведущимся в суде делам, тексты словесных жалоб, определения по оконченным делам⁹⁶. Среди авторов документов, наряду с городским магистратом и частными лицами, встречается и Тверское губернское правление. Из городского магистрата поступали указы, и все они свидетельствуют о контроле со стороны этого учреждения за решением дел в словесном суде: члены магистрата требуют ускорить решение споров, представить текст принятого решения в магистрат и т.п. 3 июня в форме указа из магистрата пришел выговор за неправильное ведение дела по одной из жалоб. В данном случае

через изучение документации словесного суда мы многое узнаем о характере его взаимоотношений с магистратом. О тщательном контроле магистрата за деятельностью словесного суда свидетельствует тот факт, что 26 июня в сопровождении магистратского указа в суд была прислана «обратно книга дневной журнальной записки 1829 г.» после проверки ее магистратом⁹⁷.

Более поздние документы вышневолоцкого словесного суда очень убедительно показывают, что решение споров сопровождалось ведением значительного делопроизводства, и если сама словесная жалоба заносилась в соответствующую книгу и там же фиксировалось решение судей по ней, то документы, отражающие выполнение этого решения, зачастую подшивались в небольшое по объему, но самостоятельное дело. В таких делах, помимо решения, могут содержаться сообщения городничего о том, что должник найден, тексты обязательств должников расплатиться в ближайшее время, препроводительные письма должников к представляемым в суд деньгам, расписки кредиторов в том, что они забрали деньги и т.п.⁹⁸. В дневных записках встречаются сведения о слушании определений, в них также видны все предварительные следственные действия: пересказываются тексты допросов, предписания казенной палаты, которая обычно требовала обязательной уплаты казенных долгов прежде, чем деньги, вырученные от продажи имущества банкрота, будут розданы его кредиторам⁹⁹.

Фонд сиротского суда г. Вышнего Волочка насчитывает 769 ед. хр. за 1758–1918 гг.¹⁰⁰. Описи составлены в 1955 и 1957 гг., в них учтено незначительное количество опекунских дел, все они относятся к началу XX в. Среди документов за конец XVIII в. (77 ед. хр.) преобладают дела за 80-е годы, несколько из них связано с открытием школы и определением учителей¹⁰¹, созданием и работой богадельни. Дела, сформированные по номинальному признаку, включают в себя отпуска рапортов, отправляемых в губернский магистрат, ведомостей для Приказа общественного призрения. В фонде имеются журналы заседаний сиротского суда и дело с отпусками указов этого учреждения. Опекунские дела в это время, как и в начале XIX в., велись в делопроизводстве магистрата. Фондирование осуществлено некачественно, и среди документов сиротского суда за XIX в. учтены дела, которые принадлежат делопроизводству мещанского старосты: книги учета сбора с мещан казенных податей, книги для записи приговоров, составленных мещанским обществом, податная книга Вышневолоцкого мещанского общества¹⁰².

Фонд *Вышневолоцкой мещанской управы* включает 4 ед. хр. за 1841–1909 гг. Опись составлена в 1953 г. Малочисленность фонда тем более удивительна, что некоторая часть документации мещанского старосты, как уже говорилось, включена в фонд сиротского суда. Их, как и документы «городовых дел» Вышнего Волочка,

оказавшиеся в составе фонда городской думы, было бы более уместно включить в этот фонд.

В фонде *Вышневолоцкого городнического правления* значится 10 дел за 1811–1860 гг. Опись составлена в 1957 г., дополнена в 1960-м. В ней учтены дела с ведомостями о ценах, взыскании долга, об имуществе, оставшемся после смерти мещанки, о краже, а также дела, сформированные по номинальному признаку, скорее всего, членами ТУАК, например, дело с формулярными списками о службе городничих и чиновников правления за 1853–1860 гг.¹⁰³. Формирование этого фонда едва ли следует признать целесообразным, поскольку большая часть его дел могла бы быть безболезненно включена в другие фонды Государственного архива Тверской области.

Анализ комплекса документов учреждений Вышнего Волочка, в отличие от большинства других городов края, свидетельствует, скорее, не о перераспределении функций между магистратом и думой в пользу последней, а о бездеятельности магистрата, о весомой роли «городовых дел» в системе управления городом и быстрой передаче функций этой структуры городской думе. Деятельность магистрата была ограничена судебно-следственными функциями по уголовным и гражданским делам, а также ведением делопроизводства по обеспечению прав собственности горожан, интересов предпринимателей, купцов. Однако и в этой сфере роль думы очень быстро стала решающей, что вполне логично, учитывая наличие среди жителей Вышнего Волочка большого количества иногородцев, выходцев из крестьян и требования властей, чтобы они имели не только занятия ремеслом и промыслом, но и крышу над головой. Вызывает некоторое удивление, что в компетенции магистрата долгое время оставалась опека над малолетними, закрепленная за ним с переводением Вышнего Волочка в ранг города.

Комплекс документов учреждений г. Зубцова включает фонды магистрата (№ 168), сиротского суда (№ 912), торгового словесного суда (№ 683). В фонде *сиротского суда* 6 дел, они относятся к 1902–1917 гг. Фондов городнического правления и думы не сохранилось. Сведения о развитии города можно найти в фонде *Зубцовской воеводской канцелярии* (№ 949), в нем 200 дел за 1744–1775 гг. На составе документов этих фондов мы не будем останавливаться.

Фонд *Зубцовского магистрата* насчитывает 1557 ед. хр. за 1776–1866 гг. Из них лишь около 7 относятся к последней четверти XVIII в., при этом 64 ед. хр. учтены в описи № 2, остальные – в описи № 1. В описи № 2 четко выделяются три составные части, внутри каждой из них дела описаны по хронологии. В первой части описи (№ 1–23) учтены в основном судебные дела: об оскорблениях, кражах, избиениях. Во второй – «наряды» указам, книги для записи выдаваемых «данных», приходно-расходные книги соли и соляных

денег, вина и денег с продажи соли (№ 24–60). Части 1 и 2 составлены в XIX в., при передаче дел в МАМЮ. В 1958 г. в конец описи были внесены еще пять дел. Это подборки указов и сообщений за 1799 г. и дела, связанные с продажей вина в этом же году.

Опись № 1 составлена в 1956 г., она напечатана на машинке. В ней учтены 7 дел за конец XVIII в. (№ 1455–1461), это книги указов и верящих писем, протоколы. За XIX в. в этой описи учтены дела о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий сделок, о подкинутых младенцах, о разделе имущества, об уголовных преступлениях. Кроме того, в описи значатся указы вышестоящих учреждений, протоколы, журналы, настольные и докладные реестры, книги для записи векселей, договоров, обязательств, контрактов и условий, поступлений сбора процентных денег с объявленных капиталов. Как видим, состав фонда не отличается многообразием, однако в нем учтены самые типичные для магистратов дела. То же можно сказать о фонде словесного суда.

Фонд *Зубцовского словесного суда* насчитывает 81 ед. хр. за 1850–1867 гг. Опись составлена в конце XIX в. Состав фонда традиционен и не отличается многообразием. В нем – журналы заседаний, книги для записи словесных жалоб, приходно-расходные книги с суда, реестры входящих и исходящих бумаг.

Следует отметить одну особенность комплекса документов по Зубцову. При том что фонд городничего не сохранился, в фонде магистрата есть дела с перепиской между магистратом и чиновником, они очень ярко характеризуют положение городничего в этом городе и состояние городского общества. Одно из них отражает попытку городничего оснастить город нужными пожарными инструментами. В феврале 1776 г., т.е. сразу после своего появления в Зубцове, городничий запросил список владельцев дворов, где имеются какие-либо пожарные инструменты. В списке, составленном магистратом (его отпуск сохранился в деле) среди инструментов значатся лишь ведра, лопаты, топоры, багры¹⁰⁴. Узнав о таком состоянии противопожарной безопасности, городничий потребовал завести заливную трубу, щиты, лестницы, назначить караулы для хождения дозором, завести трещотки при каждой будке и рогатке¹⁰⁵. Напуганные предстоящими расходами горожане направили доношение в ТНП, указывая на малочисленность купечества и материальные трудности, не позволяющие им купить «заливную трубу». Со всеми другими предложениями городничего они, похоже, согласились, во всяком случае выразили готовность внедрить в жизнь все предложения, кроме покупки трубы¹⁰⁶. Были ли они реально претворены в жизнь, сведений не обнаружено. Зубцовский городничий сразу взял в свои руки контроль за ценами и торговцами, магистрат начиная с 1776 г. ежемесячно отправлял ему ведомости о ценах, и в вышестоящие инстанции они поступали из делопро-

изводства городничего. Уже весной 1776 г. городничему подготовили список торговцев с указанием, кто чем торгует. К слову сказать, список включает лишь несколько фамилий¹⁰⁷.

Среди комплекса документов Зубцовского магистрата есть также дело, отражающее деятельность и делопроизводство винного пристава¹⁰⁸. Оно заслуживает особого разговора, так как фондов соляных и винных приставов данного региона не сохранилось. В деле подшиты регистрационная книга входящих документов, подлинные указы (л. 38–67), «тетрадь зубцовского винного магазина для вписывания определенным к магазейну выбранным присяжным добросовестным свидетелям по силе Устава о вине 71 пункта приема в магазин и отпуска на продажу вина» (л. 83–94)¹⁰⁹, требования откупщика питейных сборов об отпуске вина из магазина (л. 95–117).

Комплекс документов г. Калязина представлен в Госархиве Тверской области достаточно полно. Сохранились материалы фондов магистрата (№ 169), думы (№ 877), городнического правления (№ 464), сиротского (№ 678) и словесного (№ 686) судов, а также фонд калязинского мещанского старосты (№ 658). Большинство из них включают документы за конец XVIII – первую половину XIX в.

Фонд Калязинского магистрата насчитывает 3284 ед. хр. за 1776–1866 гг., они учтены в трех описях. Документы за конец XVIII в. учтены в основном в описи № 2 (512 ед. хр.), составленной в окружном суде во второй половине XIX в. на дела, подлежащие передаче в МАМЮ. Она построена по хронологическому принципу и не дает оснований говорить о существовании каких-либо структурных подразделений в составе Калязинского магистрата¹¹⁰.

Особенностью фонда Калязинского магистрата является полное отсутствие в нем дел, сформированных по предметно-вопросному признаку, что очень затрудняет анализ его структуры и исследование деятельности самого учреждения. В составе фонда есть очень большие по объему единицы хранения. Их заголовки начинаются со слов «наряд», «дело», а подшиты в них дела, которые в делопроизводстве магистратов велись как самостоятельные.

Следственные, спорные и бесспорные дела, формировавшиеся в делопроизводстве в течение года, в конце его делились на две неравные группы: следственные и «просителивы». Каждая из этих категорий образовывала самостоятельную единицу хранения в архиве магистрата. В составе таких единиц хранения подшито по 15–20 следственных дел, численность «просителивых» дел в аналогичных комплексах доходит до 50. Среди них дела: о вводе во владение, явке купчих, взыскании денег по вексям, зачислении в состав горожан и др. В описи такие дела имеют заголовки «Дела следственные в переплете с описями» или «Дела просителивы в переплете с описями». В разделе описи за 1777 г. значатся единицы хранения, где были подшиты «принятые из бывшей воеводской канцелярии с 1773 года раз-

ных лет при описи следственные дела», дела «разных лет, присланные от углического городничего с описями», и др. К сожалению, они значатся как выбывшие. В «нарядах бумаг» можно встретить сведения о торговле и промышленности, отпуски ведомостей о числе купцов и мещан, переписку по самым различным вопросам, дела об отводе земли, списки должников подушной подати и т.д.¹¹¹.

В опись № 2 вошло также незначительное количество следственных и «просителевых» дел, представляющих собой самостоятельные единицы хранения, подшивки решительных определений по рассмотренным делам, копии указов вышестоящих учреждений, журналы и протоколы магистрата, настольные и докладные реестры, регистрационные книги входящих и исходящих документов, множество приходно-расходных книг, в среднем за год по 8, в том числе книги соляных денег и соли, жалованья присутствующим магистрата, процентных денег с купеческих капиталов, печатных пошлин, штрафных денег и т.д. Учтено несколько книг для записи явленных купчих, копий заемных писем, договоров, регистрации выдачи паспортов и собираемых с них пошлин.

Дела за XIX в. учтены в описи № 1. Она была составлена в окружном суде во второй половине XIX в. и включила документы, которые должны были храниться в архиве окружного суда. Опись позволяет предположить наличие в Калязинском магистрате в XIX в. нескольких структурных частей. Она начинается с комплекса дел о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий договоров и сделок, о выдаче аттестатов на вступление в откупа и на право совершения сделок на недвижимость, об отводе мест и выдаче «данных», о вводе во владение купленным недвижимым имуществом, однако следует сказать о малочисленности этих дел в фонде магистрата и о том, что они имеются также в фондах городнического правления и думы. Далее в описи дел магистрата за первую половину XIX в. следуют дела о подкинутых младенцах, затем – книги верящих писем, контрактов, обязательств, договоров, книги протеста векселей, приходно-расходные книги и даже книга для записи словесных жалоб¹¹². Тематическая группировка дел позволяет предположить наличие как минимум двух структурных частей в составе магистрата Калязина в XIX в., но затрудняет выявление в этой части фонда документов за XVIII в. Нам удалось обнаружить лишь 8 дел за этот период.

Опись № 3 составлена в 1958 г. В ней учтено 13 ед. хр. за 1772–1799 г.: квитанции о приеме денег уездным казначейством, объявления купцов о капиталах.

В фонде *Калязинской городской думы* учтено 1075 ед. хр. за 1777–1866 гг. Опись составлена в 1955 г. В ней лишь 3 ед. хр. за XVIII в., все это – приходно-расходные книги. За XIX в. в описи учтены журналы заседаний думы начиная с 1803 г., регистрационные

книги входящих и исходящих документов, приходно-расходные книги окладных и неокладных сборов¹¹³, дела об отдаче в арендное содержание торговых лавок, ведомости о купцах и их капиталах, книги сборщиков всех частей города, окладные книги, книги записи торговых цен, дела о принятии в мещанское общество и о причислении к купечеству, об отводе мест под строительство, проведении выборов и рекрутских наборов, а также книги верящих писем, книги выдачи паспортов, обывательские книги (№ 705, 706), сведения о лавках и магазинах г. Калязина (№ 871) и др.

Количество дел, составляющих годовые разделы описи, увеличивается по мере приближения к середине века. В них все чаще и все в большем количестве встречаются книги выдачи паспортов, приходно-расходные книги. За 1788 и 1789 гг. в фонде думы сохранилось лишь по одной книге, в начале XIX в. в течение одного года велось по несколько книг, причем, как правило, отдельно приходные и расходные. Последние позволяют судить о статьях дохода и расхода городской думы и выявить динамику статей бюджета города. В 1799 г. городской доход Калязина состоял из 175 руб., полученных за сдачу в аренду городской водяной мельницы. Они были израсходованы на жалованье учителю школы (100 руб.) и на дрова для школы¹¹⁴. Накануне войны с Наполеоном доходы города составляли более 10 тыс. руб. и формировались из «добровольных складок» горожан, доходов от сдачи в аренду мельницы, лавок, торговых шалашей¹¹⁵, процентов от денег, отдаваемых в долг под векселя¹¹⁶, и четверти суммы, собираемой с купечества за объявленные капиталы¹¹⁷. Сведений о поступлении в думу окладных с мещан и процентных денег с купечества в ранних книгах не обнаружено, вероятно, их собирали в магистрате или через систему сборщиков, подотчетных городскому старосте и отправляли в уездное казначейство. Приходно-расходные книги позволяют говорить, что статьи расхода составляли: выплата жалованья служащим магистрата¹¹⁸, кормовых заключенному под стражу, покупка материалов для ремонта гостиного двора, расходы на доставку рекрутов в Тверь, на дрова для отопления помещений городского магистрата, думы, сиротского и словесного судов¹¹⁹. Совершенно очевидно, что некоторые вопросы жизни города и часть доходов, которые были в XVIII в. в компетенции магистрата, в XIX в. перешли в ведение думы.

В конце второго десятилетия в ведение думы перешел также сбор подушной подати: в 1819 г. гласные думы приняли от сборщика 3-й части города подушные и рекрутские деньги, а также деньги, собранные с горожан на городские нужды¹²⁰. В настольном реестре записи казенных и общественных денег за 1829 г. в числе средств, поступающих в думу значатся уже не только подушные и рекрутские сборы, но также проценты с купеческих капиталов, сборы с оценки домов.

Почти полное отсутствие в фонде магистрата Калязина вексельных дел и ведомостей о ценах становится понятным при ближайшем знакомстве с фондом *Калязинского городнического правления*, который включает 445 ед. хр. за 1778–1860 гг. Опись на него составлена в 1939 г., к концу XVIII в. относятся 136 ед. хр. За период с 1778 по 1786 г. сохранилось по одному делу, начиная с 1787 г. в годовых разделах описи значатся по несколько дел, сформированных зачастую из документов различного вида и различной тематики. Среди них почти всегда присутствует приходно-расходная книга на содержание Волжского перевоза¹²¹, который позднее перешел в ведение городской думы и деньги, присылаемые из государственных структур управления на его содержание, поступали уже в думу¹²². Лишь с 30-х годов наблюдается тематический и номинальный подход к формированию дел. В их числе дела с отпусками ведомостей о колодниках, о ценах, с рапортами о положении в городе, дела о взыскании денег по векселям, о проведении рекрутских наборов, об устройстве почт и почтовых правлений, об открытии в городе народного училища, о взыскании штрафных денег, переписка о розыске разных лиц, об организации поставок соли в город, о содержании лошадей на станции, о взыскании недоимок с горожан, списки избранных на городские должности, в том числе сотских и десятских, дела о заключении контрактов, о поставке лошадей для путешествия императрицы, о проведении топографического описания уезда (№ 43) и др.

Как видим, фонд городничего г. Калязина включает очень разнообразные документы, в том числе такие, которые в других городах формировались в делопроизводстве магистратов. Ситуация с содержанием Волжского перевоза свидетельствует, что в первые годы после издания Жалованной грамоты городам, до фактического создания городского общества в интерпретации этого законодательного акта, часть средств, формирующих городской бюджет, поступала городничему. Причастность городничего к организации поставки соли в Калязин также была очень значительной, складывается впечатление, что он одновременно исполнял и обязанности соляного пристава, поскольку в 90-х годах он вел переписку, с одной стороны, с казенной палатой, с другой — с магистратом о найме сидельцев к соляной продаже, организовывал выплату денег грузчикам и т.д.¹²³. В Торжке подобная деятельность осуществлялась обычно магистратом. Деятельность по закреплению за горожанами недвижимости в этом городе уже в начале XIX в. легла на городничего и сохранялась в его компетенции до эпохи преобразований, которая повлекла за собой закрытие городнических правлений. Городничий осуществлял также ввод во владение имуществом¹²⁴.

Фонд *Калязинского городского сиротского суда* насчитывает 504 ед. хр. за 1777–1916 гг. Опись составлена в 1961 г., в ней учтены

традиционные для сиротских судов категории дел: журналы заседаний суда начиная с 1777 г., дела об учреждении опеки¹²⁵, отчеты и рапорты опекунов, прошения о введении во владение имуществом по достижении совершеннолетия, переписка о незаконнорожденных и подкинутых младенцах, о принятии их в приюты. Документы сиротского суда свидетельствуют о важной роли магистрата в процессе установления опеки и распоряжении имуществом малолетних. Именно магистрат организовывал оценку имущества через ратмана и оценщиков, следил за соблюдением формальностей в оформлении документов, осуществлял взыскание вексельных долгов с оставшегося имущества и др. Ознакомившись с рапортом оценщиков имущества Костромина, Калязинский магистрат отметил, что в нем нет записи о принятии ключей, нет указания на «звания» оценщиков, и высказал еще ряд замечаний¹²⁶. В фонде сиротского суда, как и в других фондах городских калязинских учреждений, много приходно-расходных книг: есть приходно-расходные книги опекунов (№ 38), денег на воспитание незаконнорожденных детей и др.

Фонд *Калязинского торгового суда* включает 21 ед. хр. за 1840–1866 г. Опись составлена в 1938 г. и включает традиционные для подобных фондов дела: книги для записи словесных жалоб и приходно-расходные книги суда.

Фонд *Калязинского мещанского старосты* содержит документы за 1822–1918 гг. Они были описаны в 1961 г., т.е. уже после завершения работы над описью фонда Калязинской городской думы. Вероятно, поэтому в нем оказались окладные книги (тетради) с перечнем лиц, с которых следовало собирать деньги, и с пометами, когда подлежащие с них деньги поступили. При этом часть таких дел за эти же годы хранится в фонде думы. Книги записи прихода государственных податей также содержат списки плательщиков и данные о том, когда поступали выплаты от них.

Как видим, комплекс дел г. Калязина отличается многообразием документов городского правления и думы. В думе было сосредоточено делопроизводство по всем основным направлениям жизни города, в ее фонде отложились даже такие традиционные для большинства магистратов категории дел, как книги записи условий и верящих писем. Исходя из этого, можно предположить, что во вновь устроенном городе функции учреждений разграничивались в соответствии с предписаниями Учреждений о губерниях, которые как известно, отводили магистрату прежде всего функцию суда по уголовным и гражданским искам горожан, но, однако, и взыскание денег по векселям здесь осуществлялось, судя по описям, городничим.

История города Кашина за интересующий нас период отражена в документах фондов магистрата (№ 170), думы (№ 1202), городни-

ческого правления (№ 458), сиротского суда (№ 677), торгового словесного суда (№ 687), мещанского старосты (№ 1210).

Фонд магистрата г. Кашина достаточно многочислен, в нем 5826 ед. хр. за 1784–1866 гг., из них 874 относятся к последней четверти XVIII в. и зафиксированы в описи № 2¹²⁷. В первой части описи (№ 1–760) учтено большое количество книг для записи договоров, верящих писем, «данных», явленных купчих, объявлений купцов о своих капиталах; отпуска ведомостей о ценах, о купечестве и мещанстве. Предметно-тематические дела представлены делами о выборах на общественные должности, об отводе мест под строения, об организации почтовой службы и о поставке подвод для почтовой экспедиции, о наборе рекрутов. В данном разделе описи зафиксированы приходно-расходных книги, дела о разделе и вводе во владение имуществом, взыскании денег с раскольников, починке мостов и дорог, содержании школы и богадельни, постройке лавок для проведения ярмарок, отводе квартир чиновникам. Очень много дел, по несколько за каждый год, связано с поставкой и продажей соли. Данный раздел описи отражает деятельность магистратского повяття во всем его многообразии. Достаточно трудно объяснить состав второй части описи (№ 761–781), где учтены дела о рекрутских наборах, возможно, в магистрате была структурная часть, занимавшаяся этими вопросами, но дела о рекрутских наборах есть и в первой части описи. Третья часть описи фиксирует дела, сформировавшиеся в ходе деятельности канцелярии магистрата (№ 782–830). Среди них журналы и протоколы заседаний магистратов, указы вышестоящих учреждений.

В описи магистрата почти отсутствуют судебно-следственные дела по уголовным преступлениям, а также по взысканию денег по векселям, за невыполнение условий договоров, о понуждении к совершению действий, предусмотренных контрактами и иные, относящиеся к концу XVIII в. В описях других учреждений г. Кашина также нет следов существования этих документов за XVIII в. Что касается дел за более поздний период, то они сохранились в фонде магистрата и учтены в описи № 1. Скорее всего, что и в XVIII в. эти категории дел формировались в делопроизводстве магистратов, но по каким-то причинам не сохранились в его составе до нашего времени¹²⁸. В первой части описи магистрата учтены дела об имуществе умерших купцов и об их наследниках, которые согласно законодательству должны были относиться к делопроизводству сиротского суда. Присутствие их в фонде магистрата при наличии фонда сиротского суда требует дополнительных объяснений.

Дела Кашинского магистрата за первую половину XIX в. учтены также в описи № 1, состоящей из двух томов. Первый составлен в конце XIX в., второй – в 1938 г. В первый том вошли судебно-следственные дела по уголовным преступлениям, о взыскании денег по

просроченным векселям и за невыполнение условий сделок, об отводе мест и выдаче «данных», о записи в купечество и мещанство; ведомости о торгах и промыслах горожан (№ 15, 75), о ценах, объявления купцов об их капиталах, копии справок об отсутствии долгов, которые были необходимы для совершения различных сделок на недвижимое имущество и взятия денег из казенных учреждений; дела о подкинутых младенцах и проведении рекрутских наборов, о банкротствах купцов, документы о проведении выборов на различные общественные должности, книги выдачи паспортов.

Второй том объединяет вексельные книги, книги для записи верящих писем, опротестованных векселей, контрактов и условий, мест, отведенных под постройку, книги выдачи паспортов, журналы и протоколы судебных разбирательств.

Фонд *Кашинской думы* насчитывает 1046 ед. хр. за 1787–1908 гг. Опись составлена в 1958 г., дополнена в 1961–1966 гг. За конец XVIII в. в ней учтено 10 дел, в основном – книги записи входящих и исходящих документов. За XIX в. кроме журналов думы, реестров входящих и исходящих бумаг в описи учтены сообщения магистрата о записи в купечество и мещанство, а начиная с 30-х годов – дела о записи в купечество и мещанство отдельных лиц. Это со всей очевидностью свидетельствует о передаче в 30-е годы в думу функции по формированию страт городского населения, различающихся по своему статусу. Кроме того, в фонде имеются окладные книги, книги учета выдаваемых паспортов, много приходно-расходных книг по взысканию различных сборов: подушных денег с мещан, процентов с купеческих капиталов, неокладных сборов, денег, взимаемых с явки заемных писем. Есть в фонде приговоры собраний купцов и мещан по самым различным вопросам: о сборе недоимок, рекрутских наборах, выборах на городские должности, благоустройстве города и денежных сборах на городские нужды. Следует отметить наличие в фонде значительного количества книг верящих писем, свидетельств на право торговли, ведомостей о ценах и денежных сборах. Таким образом, в фонде *Кашинской думы* имеются категории дел, с которыми мы уже встречались в фонде магистрата города. В фонде магистрата они относились к концу XVIII – первым трем десятилетиям XIX в., а в фонде думы – к последующему времени, причем в фонде думы они немногочисленны. Примечателен факт присутствия в материалах думы значительного числа книг верящих писем, которые, как правило, находятся в составе магистратских фондов.

Отличительная особенность комплекса документов ГАТО по г. Кашину – многочисленность фондов сиротского и торгового словесного судов.

Документы *Кашинского сиротского суда* учтены в двух описях. Опись № 1 составлена в 1953 г., дополнена в 1966–1967 гг. В ней –

51 ед. хр., в основном за начало XX в., лишь две книги с копиями указов вышестоящих учреждений относятся к концу XVIII в. Опись № 2 составлена в 1958 г., включает 742 ед. хр. за 1776–1918 гг. К концу XVIII в. относится 21 ед. хр.: журналы заседаний, дела об учреждении попечительства, книги записи сумм, пожертвованных в пользу больных и престарелых, предписания губернского магистрата и Тверского наместнического правления о порядке назначения опекунов, о мерах по сокращению смертности детей в богадельне, список сирот с указанием фамилий опекунов, книги записи незаконнорожденных младенцев, приходно-расходные книги сиротского суда, книги записи векселей, заемных писем, контрактов на 1857 г. (№ 107), список умерших от холеры в 1848 г. и сведения об имуществе горожан (№ 83). В описи учтены дела, отражающие жизнь школы: о пошиве формы ученикам, о наблюдении за порядком в школе, об исключении из нее за леность. При достаточно большом многообразии состава фонда сиротского суда его объединяет идея заботы о несовершеннолетних, больных и престарелых горожанах, а также об их просвещении, что вполне соответствует законодательству. И все же некоторые категории дел, например книги записи векселей, скорее, соответствуют функциям магистрата или городнического правления.

Фонд *Кашинского словесного суда* насчитывает 386 ед. хр. за 1806–1866 гг. Опись на них составлена в 1938 г. В ней учтены журналы заседаний суда и копии указов вышестоящих учреждений. Большинство фонда составляют дела о востребовании денег по векселям, а также о понуждении должников к уплате денег за товары, услуги, работу, т.е. дела, которые более соответствовали бы фонду магистрата.

Фонд *Кашинского городнического правления* насчитывает 65 ед. хр. за 1776–1861 гг. Опись составлена в 60-е годы XX в. В ней лишь несколько дел за XVIII в., притом два из них должны принадлежать фонду воеводской канцелярии. Содержание и назначение дел многообразно. За XVIII в. сохранилось дело о разделении Кашина на кварталы и о застройке города, списки чиновников и офицеров, связанных с поставками и продажей вина и соли, сведения о количестве вина и соли в магазинах, о состоянии пожарных инструментов. За XIX в. сохранились лишь показания свидетелей по различным делам, дела о взыскании денег, о вводе во владение недвижимым имуществом, о причислении к мещанству, топографическое описание города (№ 63), сообщения о распродаже имущества банкротов с торгов и др.

Общей особенностью всех кашинских фондов является их широкий тематический диапазон. Это позволяет говорить о недостаточно четком разделении функций между городскими учреждениями как в конце XVIII, так и в первой половине XIX в. Некоторое дуб-

лирование состава фондов связано с ошибками, допущенными составителями описей в 30-е годы.

Комплекс фондов учреждений по г. Осташкову представлен фондами сиротского суда (№ 1052), торгового словесного суда (№ 689), магистрата (№ 896), городской думы (№ 1053), городнического правления (№ 463), ратуши (№ 573), городской мещанской управы (№ 1072), но все они малочисленны. Самый большой по объему – фонд думы, но и он насчитывает не многим более тысячи дел.

Опись фонда *Осташковского магистрата* была составлена в 1940 г., дополнялась в 1940–1960 гг. В ней учтено всего 15 дел за 1779–1841 гг., из них к последней четверти XVIII в. относятся 7. Это списки служащих магистрата, мещан города, ведомости о купцах и мещанах, о справочных ценах, книга для записи договоров, условий.

Опись фонда *Осташковской городской думы* составлена в 1952 г., дополнялась в 50–80-е годы. В нее вошли документы за 1794–1918 гг. За конец XVIII в. сохранилось около 50 дел: копии указов вышестоящих учреждений, приходно-расходные книги казны думы, в том числе денег на содержание народного училища; дело о выборе гласных в думу и ратманов в магистрат, приговоры общества об отдаче в рекруты, дела о принятии в купечество, т.е. дела, которые в других городах формировались в магистратах.

За первую половину XIX в. в фонде отложились дела о записи в купечество и мещанство, списки купцов, торгующих мещан, маклеров и нотариусов города (№ 304, 348), окладные книги, различные виды приходно-расходных книг (подушных, окладных, почтовых, рекрутских денег, а также сборов на общественные нужды, в том числе для постройки зданий, принадлежащих городу); дела о сдаче в аренду рыбных промыслов о. Селигер рыбопромышленникам, о выборах на различные общественные должности, в частности городских старост; переписка с различными учреждениями о взыскании недоимок, об исправлении мостов и дорог; книги выдачи свидетельств на право торговли в Осташкове иногородним купцам, книги записи контрактов, договоров о найме на работу, векселей.

Как видим, в составе фонда Осташковской думы есть категории дел, которые иногда, например в комплексе фондов г. Бежецка, находятся в составе фонда магистрата и городничего, в Торжке – в фонде магистрата. Учитывая малочисленность фондов осташковского магистрата и городничего, можно предположить, что местная дума с момента своего создания имела широкий круг полномочий.

Опись фонда *Осташковского городнического правления* составлена не позднее 1939 г. В ней учтено 119 ед. хр. за 1846–1863 гг.: дела о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий договоров и сделок; книги записи явочных прошений и объявлений о продаже имущества; ведомости торговых цен; учета одежды и обуви для арестантов, списки иностранцев, проживавших в Осташкове.

Таким образом, и в этом фонде есть категории дел, которые в других городах и за более ранний период формировались в делопроизводстве магистратов или словесных судов.

Фонд *торгового словесного суда г. Осташкова* насчитывает 36 дел за 1826–1865 гг.. Опись составлена в XIX в., в нее вошли приходно-расходные книги суда, журналы заседаний.

Опись *Осташковского сиротского суда* составлена в 1952 г., включает 175 дел за 1776–1919 гг. К концу XVIII – первой половине XIX в. относятся 16 дел: журналы заседаний, дела об учреждении опеки над имуществом несовершеннолетних, отчеты опекунов, дела о выделении части имущества детям, достигшим совершеннолетия. Последняя категория дел в других городах как правило формировалась в магистратах.

Итак, особенностью осташковского комплекса является то обстоятельство, что описи на все фонды, кроме фонда словесного суда, составлены в советское время и разделение категорий дел между фондами нетрадиционно: те категории дел, которые обычно присутствуют в фонде магистрата, в комплексе дел г. Осташкова разбросаны между фондами думы, городничего и сиротского суда.

Комплекс документов г. Ржева за интересующий нас период включает фонды городского магистрата (№ 173), думы (№ 1091), городнического правления (№ 457), словесного (№ 691) и сиротского судов (№ 1107)¹²⁹, а также фондов городской ремесленной управы (№ 1079), мещанского старосты (№ 1094) и мещанской управы (№ 1089), публичного нотариуса (№ 1097) и городского маклера (№ 1129). В архиве также хранится фонд Ржевской городской ратуши (№ 572), включающий в себя 39 дел за 1738 г.

В фонде *Ржевского магистрата* около 7 тыс. ед. хр. В опись № 2, составленную в конце XIX в. при подготовке дел для передачи в МАМЮ, включено 1536 ед. хр. за 1776–1799 гг.¹³⁰. Опись состоит из нескольких частей, написанных разными почерками. Каждая из них построена по хронологическому принципу.

Годовые разделы первой части описи (№ 1–392) включают: копии указов вышестоящих учреждений, журналы заседаний магистрата, протоколы (определения) судебных разбирательств¹³¹, различные приходно-расходные книги, в том числе связанные с продажей соли, книги выдачи «данных», паспортов, верящих писем, протеста векселей, справок, связанных с продажей имущества, реестры входящих и исходящих бумаг, настольные и докладные реестры.

Вторую часть описи (№ 393–715) составили подборки документов различных видов по какому-либо вопросу деятельности учреждения. Здесь, наряду с традиционными для фондов магистратов этого периода делами об отводе земли и выдаче «данных», о принятии в купечество и мещанство, о проведении рекрутских наборов, встречаются также дела о городских постройках и их ремонте, о де-

лении города на кварталы, об определении горожан в работный дом, об учреждении почт и организации почтовой службы, об устройстве богадельни, о проведении выборов городского старосты, сотских и десятских, судей словесного суда, членов магистратов и даже трубочистов. В этом разделе также есть дела, включающие в себя единственный документ – копию какого-либо указа, например указ Тверского наместнического правления о разрешении от бремени жены Павла I (№ 440)¹³².

Необходимо сказать, что после 1782 г. дела об организации почтовой службы исчезают из делопроизводства магистрата. Одновременно появляются дела с перепиской об отсылке в распоряжение городничего лиц, выбранных для исполнения полицейских обязанностей, о взыскании недоимок с горожан¹³³. Но эта категория дел учтена в третьей части описи (№ 716–1549). Туда же внесены дела о преступлениях, о вексельных долгах. Большая часть документов, учтенных в этом разделе описи, связана с поставками соли в город и ее продажей¹³⁴. Сюда же включены дела «о понуждении различных лиц к поставке соли», отпуска ведомостей о купечестве и мещанстве, дела о принятии в мещанство, о сборах процентных денег с купечества, об организации доставки товаров в Санкт-Петербург, о взыскании недоимок с горожан и мещанского общества, а также незначительное количество дел о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий торговых договоров, дела о выборах на различные городские должности (ратманов, городских старост, судей словесного суда, церковных старост), ведомости о торгах и промыслах купцов города и подготовительные материалы к ним¹³⁵. Следует сказать, что многие из этих категорий дел проходят и по описи городской думы за конец XVIII в., но при этом против них стоят пометы «выбыло» и не представляется возможным определить одни и те же это дела или различные. В описи очень много дел по отводу земли и выдаче «данных», об утверждении в правах владения, т.е. о явке купчих, о выдаче разрешений на их совершение. С 90-х годов именно эти дела и значатся в описи наряду с незначительным числом вексельных дел, книг для записи верящих писем, и судебно-следственными делами различного характера. Суммарное число дел за год постепенно сокращается: если за 1779 г. выявлено 81 дело, то за 1795 г. – лишь 44.

Многочисленность дел Ржевского магистрата за последнюю четверть XVIII в. объясняется, как уже говорилось, наличием в нем большого количества единиц хранения из 2–4 листов, представляющих собой копии императорских и сенатских указов, в том числе не имеющих к городу отношения. В делопроизводстве большинства магистратов подобные указы по истечении года подшивались в одно дело, иногда делились на несколько. В Ржевском магистрате в качестве самостоятельной единицы хранения зафиксированы такие, на-

пример, указы: «О пожаловании генерал-прокурора кн. Вяземского в действительные статские советники» или «О разрушении Запорожской Сечи»¹³⁶. В этом фонде, как ни в каком другом, велико количество дел, связанных с поставкой и продажей соли. Среди них – отпуска ведомостей о приходе соли и ее продаже, приходно-расходные книги соли, дела о понуждении подрядчиков к ее поставке. В Ржевском магистрате в конце XVIII в. заводили самостоятельное дело на каждый факт покупки недвижимости, на каждый случай выдачи свидетельства об имущественной состоятельности, что также создает видимость его большой информативности.

Особого внимания заслуживает категория дел под названием «Наряд бумагам». В них встречаются и отпуска самых различных ведомостей¹³⁷, однако в некоторых случаях отпуска ведомостей составляют самостоятельные дела¹³⁸.

Опись № 1 на документы Ржевского магистрата за XIX в. включает два тома. Оба составлены в конце XIX в. и состоят из частей, написанных на разной бумаге и разными почерками. Каждая из них имела когда-то свою нумерацию и даже заголовок. Например, на листе 46 первого тома перед делом № 513 – следующая запись: «Дополнительная опись делам Ржевского городского магистрата подлежащим уничтожению». Во втором томе на листе 87 есть заголовок иного характера: «Дополнительная опись делам Ржевского городского магистрата для отсылки в Тверскую Ученую архивную комиссию».

Значительную часть первого тома составляют дела, связанные с правом собственности: о вводе во владение купленным имуществом, о выдаче «данных», о выделении части имущества, о разделении имущества между наследниками, о выдаче свидетельств на оформление купчих и закладных, о взыскании денег по векселям и за невыполнение договоров, о привлечении к уголовной ответственности за хулиганство, оскорбления и т.п.; наряды просьб о записи в купечество и мещанство, о выдаче паспортов, свидетельств, аттестатов, объявлений купцов о капиталах; дела о подкинутых младенцах и о вступлении в раскол некоторых горожан.

Второй том описи № 1 хронологически продолжает первый, но в нем, в отличие от него, есть вставки и дополнения, сделанные советскими архивистами в 40–50-е годы, в том числе за XVIII в., большинство из них связано с поставкой соли. Здесь помимо дел, аналогичных по содержанию делам первого тома, учтены дела о поставке и продаже соли, журналы и протоколы заседаний магистрата, приходно-расходные книги, а также незначительное количество дел для записи векселей, заемных писем, контрактов, обязательств, однако они встречаются, скорее, как исключение. Таким образом, особенностью фонда Ржевского магистрата является то обстоятельство, что в нем сохранилось много книг для записи верящих пи-

сем, векселей, книг на протест векселей, но все они относятся к концу XVIII в., книг для записи договоров, контрактов нет ни за конец XVIII в., ни за первую половину XIX в. Книги для записи договоров за XIX в. вошли в фонды нотариуса и маклера, что касается договоров о найме на работу, например за конец XVIII в., то, вероятно, их и искать не стоит, скорее всего, они просто не велись во Ржеве. Аналогичные по содержанию акты встречаются в достаточно большом количестве в книгах верящих писем, которые сохранились за все годы последней четверти XVIII в., а за некоторые годы – по две. Дело по взысканию денег по векселям немного, причем как за конец XVIII в., так и за первую половину XIX в. В описи № 1 отсутствуют дела о выборах на городские должности. Общим для всех описей Ржевского магистрата является наличие в них большого числа документов, связанных с поставкой и продажей соли.

Фонд *Ржевской городской думы* (№ 1091) включает 4212 дел за 1785–1918 гг. Они учтены в трех томах описи № 1. Время составления первых двух неизвестно, но, судя по почерку, грамматике, характеру заголовков, они были составлены в 30-е годы, а не в 1952 г., как третий том. Документы за конец XVIII в. учтены в первом и третьем томах, причем, в первом против большей части дел за этот период стоит помета «выбыло». Третий том, как и первые два – рукописный, но в отличие от них заголовки дел в этом томе полные, хорошо раскрывают содержание дел. Следует также отметить, что здесь учтена часть дел, значащихся по первым двум томам как выбывшие. При этом аналогичные дела проходят и по фонду магистрата. Все это чрезвычайно затрудняет анализ состава документов и функций учреждений г. Ржева.

Среди дел за последние годы XVIII в., учтенных в третьем томе, много обывательских книг (за 1789, 1792, 1795 и др.)¹³⁹, а также подготовительные материалы к составлению обывательской книги за 1786 г.¹⁴⁰, списки лиц, получивших места под постройку домов, различные приходно-расходные книги, а также сводные ведомости о доходах и расходах по г. Ржеву, документы о выборах на различные должности, в том числе городского старосты, словесных судей, маклеров, окладчиков, дела о постройке, содержании и сдаче в аренду общественного имущества, о создании школы, благоустройстве дорог, мостов.

К первой половине XIX в. относится многочисленный и многообразный комплекс финансовой документации: помимо самых разных приходно-расходных книг думы по отдельным видам сборов в описи есть приходно-расходные книги ржевского городского старосты, рапорты сборщиков отдельных сборов, генеральные доимочные книги, а также «Книга, учиненная для записи собираемых с приезжающих в г. Ржев для продажи товару в городские доходы» (№ 2633). В описи много окладных книг и дел о взыскании недо-

имок по подушному сбору, ведомости о числе купцов и мещан, объявления купцов о своих капиталах, дела о записи в мещанство, ведомости о ценах, о состоянии торговли и промышленности, дела о благоустройстве города, о рекрутских наборах. Обращает на себя внимание комплекс документов за 1807–1808 гг. об организации доставки почты в Санкт-Петербург. Против многих дел этой описи стоят пометы о выбытии или о выделении их в фонд маклера (его характеристика будет дана ниже).

Сравнивая состав документов фондов думы и магистрата г. Ржева, нельзя не отметить, что в описи думы за первую половину XIX в. появляются такие категории дел, которые в XVIII в. велись только в магистрате и которые встречаются в фонде магистрата и за первую половину XIX в., но в меньшем количестве (дела о записи в купечество и мещанство, о проведении рекрутских наборов, о выборах городского старосты и др.). Учитывая, что опись на документы думы составлялась в 30-е г. XX в. явно не очень квалифицированными сотрудниками, можно предположить, что некоторые категории дел были включены в состав фонда думы из-за недостаточно четких представлений архивистов о различии функций городских учреждений и о правилах фондирования. Однако, возможно, это следует рассматривать как свидетельство вторичного перераспределения функций среди учреждений г. Ржева, которое неизбежно должно было проходить после восстановления дум при Александре I. Если это так, то следует сказать, что процесс двукратного перераспределения функций (в 80-е годы XVIII в. и в первое десятилетие XIX в.) нигде не виден так ярко, как во Ржеве.

В фонде Ржевской городской думы хранятся два дела, представляющих собой перечень документов за 1787–1840 гг., выделенных членами ТУАК к уничтожению, их заголовки очень подробны, кроме темы, они указывают на вид и автора инициативного документа, а также хронологические рамки дела. Исследование заголовков дает очень ценную информацию о механизме проведения реформы. Заслуживает внимания дата первого дела – 1787 г. Это позволяет предположить, что дума во Ржеве появилась не ранее этого года. Самые ранние из внесенных в перечень дел заводились по указам магистрата, что свидетельствует о своеобразном толковании во Ржеве Жалованной грамоты городам. Наиболее показательным в этом плане является заголовок «По указу магистрата об увольнении гласного думы купца Гончукова в отпуск на два месяца». По всей видимости, дума воспринималась горожанами как учреждение, заменившее городского старосту или ставшее над ним, но при этом подчиненное магистрату. С 1790 г. магистрат уже присылает в думу сообщения, что свидетельствует о серьезном изменении в понимании законодательства, но при этом передает в них ту же информацию, которую ранее передавал городскому старосте.

Например, в 1793 г. в думе велось дело по сообщению городского магистрата «об исправлении моста, лежащего в городе Ржеве на Старицком тракте». Такие указы в других городах ежегодно поступали в магистраты, чаще всего из земских судов, резолюции членов магистрата по их поводу предписывали передать информацию городскому старосте. По сообщениям магистрата в думе г. Ржева неоднократно заводились дела о повышении жалованья канцелярским служащим, хорошо известно, что с такими просьбами магистраты других городов вплоть до конца царствования Екатерины II обращались к городскому обществу во главе со старостой, во Ржеве в 70-х – первой половине 80-х годов XVIII в. было так же. Сообщения магистрата сопровождали в думу «для отдачи в общество» мещан, уже понесших наказание за проступки, передавали содержание указов, поступивших из ТНП. Традиционно такая информация передавалась из магистрата городскому старосте. Дело по сообщению магистрата о доставлении сведений об имуществе вдовы Дарьи Никоновой, датированное 1793 г., свидетельствует, что в это время сведения об имуществе горожан хранились уже в думе, а не в магистрате. Очень показательна запись о поступлении в думу в 1788 г. рапорта городского старосты о невыдаче паспортов мещанам, которые являются задолжниками по выплате государственных податей. Описи магистрата свидетельствуют, что вплоть до 1795 г. паспорта выдавались в магистрате и там же собирались пошлины за них. Подобная запись единственная и, вероятно, должна рассматриваться как показатель дублирования функций различными учреждениями в процессе перестройки системы управления.

На дела *Ржевского торгового словесного суда* в архиве имеются две описи. Опись № 1 составлена в 1938 г. и насчитывает 253 ед. хр. за 1790–1865 гг. Помимо традиционных дел, т.е. журналов заседаний, книг для записи жалоб и приходно-расходных книг, в фонде есть также ведомости о ценах. Опись № 2 составлена в XIX в. уездным стряпчим, в ней 16 дел за конец XIX в., в основном ведомости о ценах. В книги конца XVIII в. для записи словесных жалоб внесены не только сами жалобы, но и результаты допросов ответчиков, а также решения словесных судей. Помимо материалов словесного суда в них также содержатся тексты опротестованных векселей, хотя в магистрате велись специальные книги для их записи, а также некоторые категории актового материала, например «поступная запись» об уступке места под застройку, а также расписки в получении денег по векселям, обязательства выполнить какую-либо работу. Такой состав книг для записи векселей в некоторой степени объясняет отсутствие в фонде магистрата маклерских книг.

Опись фонда *Ржевского городнического правления* составлена в 1939 г. и включает 257 ед. хр. за 1816–1863 гг. В ней значатся реестры уголовных и следственных дел, а также отдельные дела с мате-

риалами следствия, в том числе вексельные, за 60-е годы, переписка по розыску отдельных лиц, списки разыскиваемых, дела об исполнении решений магистрата по уголовным и следственным делам, просьбы жителей разыскать похищенное имущество. Есть в фонде дела о взысканиях недоимок по сборам и за невыполнение условий торговых договоров. Необходимо отметить наличие в фонде значительного числа дел о старообрядцах: сведения о приходе в раскол, сообщения священников о смерти старообрядцев, списки лиц, не бывших на исповеди и у святого причастия и др. Именно эти дела составляют начало описи фонда городничего. Как видим, и в нем есть категории дел, с которыми мы уже встречались в фондах магистрата и думы.

Фонд *Ржевского публичного нотариуса* включает 57 дел за 1810–1884 гг., опись на него была составлена в 1939 г. В нее вошли книги для записи выданных и предъявленных к протесту векселей, а также договоров и контактов, но, как следует из заверительной записи описи, по акту 1953 г., многие дела были списаны, по преимуществу это книги для записи договоров и контрактов.

Фонд *Ржевского маклера* включают 60 дел за 1821–1866 гг. Он был создан в архиве в 1956 г., в нем – книги для записи контрактов и условий и приходно-расходные книги сбора денежных сумм с заключенных сделок. В фонд вошли дела, значащиеся выбывшими по фонду Ржевского нотариуса, а также по фонду магистрата и думы Ржева. Наличие фондов нотариуса и маклера объясняет отсутствие дел на запись векселей и договоров найма в фонде думы, опись на дела которой составлялась, скорее всего, в 30-е годы. За всем этим видна работа архивистов 30–50-х годов, и ее результаты серьезно искажают картину реального разделения полномочий между городскими учреждениями.

Отличительной чертой всего документального комплекса городских учреждений Ржева является большая распыленность информации между фондами магистрата, думы, городнического правления и словесного суда, что чрезвычайно затрудняет создание тематических, видовых комплексов источников для конкретно-исторических или источниковедческих исследований. Это можно рассматривать как дублирование информации в процессе перестройки управления в 80-х годах XVIII в. и в первом десятилетии XIX в. Но учитывая, что многие описи составлены в советский (причем в довоенный) период, нельзя не принимать во внимание возможных ошибок в фондировании, которые могут лишь создавать впечатление дублирования информации. Наличие в описях фонда магистрата и думы большого числа выбывших документов не позволяет проверить, насколько правильно было осуществлено фондирование.

Комплекс документальных материалов г. Старицы включает фонды торгового словесного суда (№ 692), магистрата (№ 174) и ра-

туши (№ 570), а также фонд городнического правления, в котором два дела за 1860 г. (№ 461).

Фонд *Старицкого магистрата* насчитывает около трех с половиной тысяч единиц хранения за 1776–1866 гг. В описи № 2, составленной во второй половине XIX в., учтено 534 дела за 1776–1799 гг. Еще более 400 единиц хранения за этот же период учтено во втором томе описи № 1 (№ 1320–1759), составленном в 1940 г.

Опись № 2 построена по хронологическому принципу. Внутри годовых разделов выделены рубрики: «Книги», «Дела». В качестве книг учтены журналы заседаний магистратов, дела с указами вышестоящих учреждений, приходно-расходные и регистрационные книги, книги записи верящих писем, векселей, предъявленных к протесту, купчих, поданных в магистрат к засвидетельствованию, и другие дела, сформированные по номинальному признаку. В рубрике «Дела» учтены тематические подборки документов о записи в различные разряды горожан, об отводе мест и выдаче «данных», о наборе рекрутов, об организации мероприятий, связанных с обеспечением порядка в городе (об установке караульных рогаток, например), о проверке исправности противопожарного оборудования, о выборе лиц к исполнению полицейских обязанностей, об учреждении богадельни в городе, организации работы школы, о постройке моста, разделении города на кварталы, учреждении в Старице почтовой конторы (№ 100), о проведении обследования города и уезда в связи с топографическим описанием губернии¹⁴¹.

В этой описи отсутствуют судебно-следственные дела об уголовных преступлениях, о взысканиях денег по векселям и за невыполнение условий сделок, документы о численности купцов и мещан и о купеческих капиталах, дела о подкинутых младенцах. Мало дел о записи в купечество и мещанство, о выборах на городские должности, книг для записи явленных купчих и других документов, отражающих изменения в правах собственности на недвижимость в черте города.

Многие из этих категорий дел значатся в описи № 1, но и там они представлены не за все годы. Среди дел за последнюю четверть XVIII в. (они учтены с № 1320 по № 1705) много ведомостей о ценах, счетных ведомостей, сообщающих планируемый сбор подушных денег и денег за занятие мещанским и купеческим промыслом, документов о выборах. В делах с такими маловыразительными заголовками, как «Наряд ведомостей», подшиты сведения о купцах и их капиталах, о торгах и промыслах горожан, ведомости о ценах и импортных товарах, находящихся в лавках купцов¹⁴². Неоднократно встречаются дела о взыскании штрафов с членов магистрата за неприсылку в срок ведомостей в губернские инстанции.

Дела городского магистрата за XIX в. представлены копиями указов вышестоящих учреждений, журналами и протоколами засе-

даний магистрата, судебно-следственными делами по уголовным преступлениям, делами о разделе имущества, взысканиях денег, отводе участков под застройку и выдаче «данных», явке купчих и о подкинутых младенцах, выборах на различные городские должности, приходно-расходными книгами, ведомостями о ценах, купцах и их капиталах, книгами выдачи паспортов, записей контрактов, условий, договоров, верящих писем.

Сравнение состава дел магистрата за последнюю четверть XVIII в. и за первую половину XIX в. позволяет утверждать, что среди последних отсутствуют дела, связанные с благоустройством города, охраной общественного порядка, а также приходно-расходные книги, фиксирующие сбор подушной подати и т.д. Они могли отложиться в делопроизводстве думы и городничего, но к сожалению, фонда думы вообще нет в госархиве Тверской области, а второй представлен лишь двумя единицами хранения за 1860 г., и судить по нему о полномочиях городничего не представляется возможным. Однако исследование самих дел магистрата позволяет говорить, что старицкие городничие были весьма активны в сферах, им предписанных, и через исследование документов магистрата мы многое можем узнать об их деятельности. Можно утверждать, что городничий строго контролировал сбор процентных денег с объявленных капиталов и подушных с мещан, бесконечно понуждал магистрат к скорейшему сбору и отсылке денег, требовал присылать к нему должников¹⁴³, грозил продажей их имущества¹⁴⁴. Из сообщений городничего видно, что его, в свою очередь, торопил уездный казначей. В течение 1777–1778 гг. городничий вел активную деятельность по проверке мер и весов, которые были на руках у горожан, потребовал выбрать старост торговых рядов, а также обязать подпиской купцов города, чтобы они в ходе ярмарки «в наем никаких лавок приезжающим людям в здешнем ряду не отдавали», чтобы торговля приезжих купцов проходила на месте «старого пустого городища»¹⁴⁵, а также выбрать «с числа состоящих во оном городе купецких и мещанских и разночинских 446 домов» 4 человека сотских, 9 пятидесятских, 48 десятских, а также по два квартирмейстера и трубочиста¹⁴⁶. Магистрат перепоручал все это городскому старосте, включая выбор квартирмейстера и трубочиста.

Хорошо сохранился фонд *Старицкого торгового словесного суда*. Его опись насчитывает 462 ед. хр. за 1774–1866 гг., в том числе за XVIII в. – 142 ед. хр. Среди них книги записи словесных жалоб, журналы заседания суда, отпуски справок для магистрата, документы о выборе и смене словесных судей, а также дела о денежных взысканиях и понуждении к исполнению условий контрактов, договоров, сделок. Последние две категории дел обычно входят в состав фондов магистратов. В фонде Старицкого магистрата они тоже сохранились, но за более поздний период – первую половину XIX в.

Исходя из этого можно высказывать два предположения: на рубеже XVIII–XIX вв. произошло расширение функций Старицкого магистрата, либо опись словесного суда г. Старицы включает дела магистрата.

Фонд *Старицкой ратуши* образуют документы за 1744–1776 гг. Опись составлена в конце XIX в., в ней учтено 67 ед. хр.: дела о взыскании денег по векселям и за невыполнение условий заключаемых сделок, о понуждении к выполнению контрактов и договоров, о вводе во владение недвижимым имуществом, свидетельства и аттестаты, выдаваемые на право заключения сделок, документы о выборах на различные должности, о записи в купечество и мещанство, а также «о полиции». За последующие годы аналогичные документы делятся между фондами магистрата и словесного суда.

Тверской комплекс представлен фондами магистрата (№ 175), думы (№ 21), сиротского суда (№ 679), торгового словесного суда (№ 693), городского полицейского управления (№ 817).

Фонд *Тверского магистрата* насчитывает около 5500 ед. хр. за 1776–1866 гг. В описи № 2, составленной при подготовке дел к передаче в МАМЮ, учтено 1354 ед. хр. за 1776–1799 гг. Незначительное количество документов за этот период учтено в описи № 1.

В описи № 2 заметно различаются три составные части, написанные разными людьми. В первой (№ 1–217) учтены книги входящих и исходящих документов, докладные регистры указам и сообщениям, журналы, протоколы, книги копий с кредитных писем, учета выдачи паспортов, приходно-расходные книги, книги верящих писем. Во вторую часть описи (№ 218–1232), написанную поблекшими чернилами, трудно разборчивым почерком внесены: дела о выборах сборщиков денег, ночных сторожей, соляных сидельцев, о проведении рекрутских наборов и сборе рекрутских денег с купечества, о выдаче свидетельств для вступления в подряды и на продажу недвижимого имущества, отдельные дела на каждый случай купли-продажи или раздела имущества, о понуждении к выполнению условий сделок, к выплате денег по векселям, об отводе мест под постройки, о записи в купечество и мещанство. В эту часть описи вошли также отпуска ведомостей о купечестве и мещанстве, о доходах и расходах, о количестве продовольствия, приготовленного для отправки в Санкт-Петербург. В третьей части (№ 1233–1356) основное место занимают судебные-следственные дела по уголовным преступлениям. Кроме того, есть здесь дела о выборах, отпуска ведомостей о купечестве и мещанстве, их торгах, о товарах, отправляемых в столицу, об имениях, состоящих под опекой.

Как видим, в этой описи фонда Тверского магистрата не значатся дела о подкинутых младенцах, книги для записи протеста векселей, условий и договоров, нет также дел, связанных с благоустройством города, и ведомостей цен, т.е. состав фонда этого магистрата

существенно отличается от большинства фондов магистратов других уездных городов Тверской губернии. Но этот фонд, как и другие, свидетельствует о многообразии функций магистрата в конце XVIII в., а построение описи – о четком разделении обязанностей между подразделениями магистрата.

Следует сказать, что среди документов, внесенных в опись № 1, составленную в конце XIX в.¹⁴⁷, встречаются некоторые из этих категорий дел, в том числе и за XVIII в. Однако их немного. Кроме того, в этой описи Тверского магистрата учтены обывательские книги города за 1789 и 1793 гг. (№ 4033, 4034), книги верящих писем (4035, 4038), судебные дела, в том числе о долгах, книги записи цен, дела о подкинутых младенцах, о взыскании денег по платежам в государственную казну, книга для записи обязательств (№ 3549) и др.

Опись № 1 по преимуществу включает документы за первую половину XIX в. Они учтены в двух томах. Первый том составлен в конце XIX в., включает журналы и протоколы заседаний, дела с явочными челобитными, дела о выделении части имущества, о вводе во владение имуществом после смерти родителей, мужа и т.п., документы, связанные с куплей-продажей имущества, в том числе дела о выдаче аттестатов, дела с запросами магистрата и справками других учреждений об отсутствии или наличии долгов у продавца имущества¹⁴⁸, а также так называемые дела о явке купчих. Последние заводились на каждый случай купли-продажи, и в них подшивались копии всех документов, связанных с этой процедурой. Встречаются дела о наказании за отлучку из города без паспорта.

Второй том описи составлен в конце XIX в., дополнялся в 30–40-е годы XX в. В нем в основном учтены судебно-следственные дела по уголовным преступлениям, а также дела о вексельных долгах. Кроме этого, есть ведомости о числе купцов и мещан, книги записи цен, дела о подкинутых младенцах, о взыскании недоимок по платежам. Здесь же учтены дела за конец XVIII в., о которых мы уже говорили.

Как видим, среди документов Тверского магистрата за начало XIX в. отсутствуют даже такие типичные для магистратов других городов категории дел, как книги для записи векселей и верящих писем, опротестованных векселей, дела об отводе земли под строения, о записи в купечество и мещанство, рекрутских наборах. Преемственность документов фонда магистрата Твери за последнюю четверть XVIII и начало XIX в. прослеживается лишь по нескольким позициям: судебные дела по уголовным преступлениям, дела и документы, связанные с куплей-продажей недвижимости, выделением части имущества, взысканием денег по векселям и за невыполнение условий сделок, понуждением к выполнению условий договоров.

Нельзя не отметить наличие среди документов за XIX в. дел о подкинутых младенцах, ведомостей о ценах, которые отсутствовали в описи за последнюю четверть XVIII в., но тенденция к превращению Тверского магистрата в учреждение по преимуществу с судебными и правоохранительными функциями очевидна. Эволюция состава документов думы города еще более убеждает в этом.

Фонд *Тверской думы* насчитывает около 6 тыс. ед. хр., они внесены в три тома описи, составленные в 40-е гг. XX в. Дополнялась опись вплоть до начала 80-х гг. XX в. Тома описи хронологически продолжают друг друга. Первый том включает документы за 1785–1845 гг., второй – за 1846–1915 гг., третий – за 1870–1918 гг., но основная масса документов относится к 1800–1870 гг.

За конец XVIII в. учтено лишь около 30 ед. хр. Среди них обывательские книги за 1793, 1796 гг., дела о строительстве и содержании городских строений, ремонте дорог, мостов, казарм, записи в купечество и мещанство, проведении рекрутского набора и привлечении жителей города к выполнению постоянной повинности, выборе ночных сторожей, сборе денег «с тверских граждан на постройку казарм».

Среди документов за XIX в. много ведомостей о ценах, дел о записи и «приписке» к купечеству и мещанству, об увольнении из мещанства¹⁴⁹, об отводе земли, о выборах на самые различные должности. Причем нужно отметить, что ведомости о ценах встречаются и в фонде магистрата, хотя и в незначительном количестве, а вот следующие три категории дел (о записи в купечество и мещанство, об отводе земли, о выборах) в фонде магистрата за XIX в. отсутствуют. В фонде думы очень много документов, отражающих приход и расход денежных сумм. Среди них прежде всего следует отметить книги сбора денег с жителей города на мощение улиц, на содержание полиции, в том числе с дворян, разночинцев, чиновников, что нашло отражение даже в заголовке дела описательной статьи описи¹⁵⁰. Начиная с 1822 г. в каждом годовом разделе появляются записи о делах по взысканию налогов, собираемых с «оценки имущества». В фонде содержатся приходно-расходные книги денег на содержание школы, больницы, дела о взыскании недоимок по государственному платежам, окладные книги и книги сбора денег с купцов и мещан, книги учета платежей налога с недвижимости. С 1821 г. в каждом годовом разделе учтены дела о продаже пустых земельных участков, чего не встречалось ни в одном из городов: объектом купли-продажи обычно была не земля, а постройки. Много дел связано с благоустройством города и охраной порядка в нем: о назначении ночных сторожей и установке фонарей, о форме для полицейских чинов. Наибольшее их количество приходится на 1809–1812 г.¹⁵¹. В фонде хранятся книги выдачи паспортов, документы о заключении контрактов на поставки продовольствия и на

общественные работы, дела о назначении на службу и об увольнении со службы, о проверке промышленных и торговых предприятий и др.

Итак, в фонде Тверской думы наряду с категориями дел, традиционными для этих учреждений, в большом количестве присутствуют такие дела и документы, которые в уездных городах чаще встречаются в фондах магистратов и городских правлений: дела об отводе земельных участков, о записи в купечество и мещанство, книги выдачи паспортов, ведомости цен, дела о выборах и даже маклерские книги. Это делает тенденцию к сокращению полномочий магистрата до судебного-нотариальных еще более заметной, чем в уездных городах, но даже в городе, который был центром губернии, этот процесс особенно заметным становится лишь в XIX в.

Опись фонда *Тверского торгового словесного суда* составлена в конце XIX в. В ней 115 ед. хр. за 1851–1887 гг. Это журналы заседаний суда, приходно-расходные книги, книги входящих и исходящих документов.

Фонд *Тверского городского сиротского суда* насчитывает 809 ед. хр. за 1776–1918 гг. Опись составлена в 1938 г., дополнялась вплоть до 1988 г. К концу XVIII в. относятся около 20 ед. хр., большинство из них – это дела об установлении опеки над имуществом детей умерших горожан; они преобладают и среди документов за первую половину XIX в. Помимо них в фонде много журналов заседаний сиротского суда, его протоколы, книги для записи входящих и исходящих бумаг, встречаются дела о понуждении опекунов к представлению отчетов, о выборах членов суда, отчеты опекунов, справки «о свободности имений от долгов». Степень «чистоты» фонда очень велика. В нем практически нет чужеродных примесей, все в полном соответствии с представлениями о функциях сиротских судов. В то же время состав его документов намного богаче и разнообразнее фондов сиротских судов других тверских городов.

Фонд *Тверского городского полицейского управления* включает в свой состав лишь 75 дел, в основном они относятся к периоду после 1840 г. и учтены в двух описях, составленных в 1940 и 1954 гг. В фонде хранятся именные списки служащих полиции, сведения об организации сбора различных налогов, результаты обследования санитарного состояния дворов, торговых заведений и т.п. Особо следует отметить одно дело «об упорядочивании полупроцентного сбора и других повинностей в пользу города с купцов, мещан, дворян и разночинцев». Оно относится к 1825 г., когда, судя по документам думы, уже был накоплен определенный опыт проведения таких сборов.

В целом комплекс дел учреждений г. Твери свидетельствует об эволюции функций магистрата в сторону учреждения судебного-нотариального и о постепенном расширении полномочий думы. Тверь –

редкий город, где архивные материалы позволяют уверенно говорить о сборе налога с имущества со всех категорий горожан начиная с 20-х годов и о направлениях использования этих сборов. Описательные статьи описи фонда думы свидетельствуют, что они шли на содержание полиции и благоустройство города.

Комплекс документов г. Торжка представлен фондами магистрата (№ 172), словесного суда (№ 688), городской думы (№ 26). В последнем лишь два дела: за 1825 и 1913 г., и о нем мы не будем говорить более подробно.

Фонд *Новоторжского магистрата* включает 6651 ед. хр. Дела за XVIII в. учтены в описи № 2 и в описи № 1. В опись № 2 внесено 1121 ед. хр. за 1776–1799 гг. Она составлена в мае 1870 г. при подготовке дел к сдаче в МАМЮ. В ней четко выделяются три части. Первая (№ 1–449) не имеет хронологического деления и включает дела об отводе земли, о разделе имущества, об описи имущества, подлежащего конфискации. Среди них иногда встречаются указы Тверского губернского правления и Тверского наместнического правления. Во второй части (№ 450–493) учтены журналы и протоколы заседаний магистрата. Дела, внесенные в третью часть описи (№ 494–1121), разнообразны по форме и содержанию. Помимо очень незначительного числа регистрационных книг входящих и исходящих документов здесь значатся различные приходно-расходные книги: пошлин, взимаемых при явке купчих и закладных; денег, собираемых на нужды города, в том числе на мощение дорог и улиц; штрафных денег за непосещение исповеди; сумм, собираемых с горожан в счет погашения ссуды, взятой погорельцами для строительства новых домов, и др. В этой части описи зафиксированы дела с отпусками различных ведомостей: о продаже соли, купцах и их капиталах, числе купцов и мещан и предполагаемом сборе с них в государственную казну, торгах и промыслах, фабриках и заводах горожан. Почти за все годы исследуемого периода сохранились книги верящих писем, векселей, подаваемых к протесту, для записи договоров и контрактов; дела о выборах самых разных должностных лиц: городского головы, городского старосты, судей словесного суда, депутатов для составления обывательской книги, церковных старост, ремесленного головы и старшин, окладчиков и сборщиков. В фонде много дел с отпусками документов, выдаваемых горожанам для совершения различных сделок: это дела со справками об отсутствии долгов, отпусками аттестатов и свидетельств на право продажи недвижимого имущества, с копиями купчих, предъявленных к засвидетельствованию и др. В этой описи также учтены дела об организации проведения рекрутских наборов, связанные с благоустройством города и обеспечением его безопасности: о разделе города на части и кварталы, о мощении дорог и улиц, о выборе полицейских чинов – сотских и десятских, об устройстве рогаток

и будок. Сохранился целый комплекс дел о раскольниках: о рождении и крещении детей в их семьях, об исключении из двойного оклада людей, вышедших из раскола. В фонде есть документы, отражающие функционирование почты, жизнь городской школы, содержащие сведения о городских строениях и заводах, о строительстве лавок и погребов за счет горожан, о назначениях и увольнениях со службы чиновников.

Нетрудно заметить, что при большом разнообразии дел, учтенных в этой описи, в ней почти отсутствуют для магистратов дела о взыскании денег по вексям, о понуждении к выполнению контрактов, а также дела по уголовным преступлениям, т.е. отражающие важнейшую сторону деятельности магистратов – судебную. Лишь некоторые дела о взыскании денег по просроченным вексям учтены во втором томе описи № 1.

Этот том представляет собой алфавит на дела о взыскании денег по вексям, а также об отводе земли и выдаче «данных», которые проходили в делопроизводстве магистрата с 1778 по 1812 гг. В свое время он служил членам магистрата в качестве учетного и топографического справочника. Его существование отчасти объясняет почти полное отсутствие судебно-следственных дел в описи № 2. Скорее всего, делопроизводство по этим категориям дел осуществлялось в особом структурном подразделении магистрата, документация которого в свое время не была передана в МАМЮ и оказалась утраченной¹⁵².

Дела Новоторжского магистрата за XIX в. учтены в описи №1, состоящей из пяти томов. Тома 1, 4, 4а построены по хронологическому принципу. По всем ним прослеживается тенденция увеличения числа судебно-следственных дел по мере приближения к середине XIX в.

Третий том был составлен в 1938 г., дополнялся в 40–60-е годы XX в. В него внесены те же категории дел, что и в опись № 2, а также судебно-следственная документация. Около двухсот единиц хранения (№ 4188–4376) самого разнообразного характера относятся к последней четверти XVIII в., в основном к 1785–1788 гг.

Как видим, дела, составившие фонд Новоторжского магистрата многочисленны и многообразны. Анализ описей позволяет говорить об ограничении функций магистрата лишь начиная с 30-х годов XIX в. и постепенном сведении их к судебно-нотариальным к моменту начала буржуазных реформ в стране. Все остальные сферы городской жизни к этому времени находились, вероятно, в ведении думы и городнического правления, но говорить об этом с полной уверенностью нельзя, так как фонды этих учреждений не сохранились. Нельзя не заметить, сколь многообразна и полна документация Новоторжского магистрата за последнюю четверть XVIII в. Делопроизводство здесь находилось на высоком уровне,

служащие магистрата были достаточно грамотными людьми и не пренебрегали каллиграфией. Некоторое удивление вызывает малочисленность регистрационных книг и почти полное отсутствие настольных и докладных реестров в фонде.

Помимо фонда магистрата по г. Торжку сохранился лишь фонд *торгового словесного суда*. В нем 116 дел за 1770–1866 гг. Его опись составлена в конце XIX в., дополнялась в 1938 г. Состав фонда традиционен: книги для записи словесных жалоб, журналы заседаний, приходно-расходные книги. В том числе имеются книги словесных жалоб и журналы заседаний за конец XVIII в.

Подводя итог исследованию описей документов фондов городских учреждений Тверской губернии, следует сказать, что их можно расценивать как самостоятельный и достаточно информативный комплекс источников по проблеме осуществления реформы управления Екатерины II. Ценность его обусловлена несколькими обстоятельствами. Прежде всего тем, что многие из описей составлены в дооктябрьский период, в связи с закрытием магистратов и дают представления о внутренней структуре учреждений, содержат сведения об утраченных делах, а значит, более адекватно, чем реально сохранившиеся документы, отражают состав документальных комплексов, формировавшихся в делопроизводстве городских учреждений. Последние в силу объективных и субъективных обстоятельств существенно сократились и, главное, структурно и содержательно изменились к сегодняшнему дню. Помимо утрат, понесенных в годы войн и разрух, на состав и содержание фондов существенным образом повлияли также не вполне квалифицированные попытки архивистов по ликвидации последствий этих происшествий. Изучение фондов выявило множество ошибок фондирования, что делает необходимым, исследуя одну категорию фондов городских учреждений, обязательно анализировать и другие. Кроме того, через состав документов одних фондов компетенция других учреждений подчас становится более понятной и выглядит более отчетливо.

Наши представления о том, какой была система документационного фонда и как осуществлялось документационное обеспечение управлением в том или ином учреждении, могут быть ошибочными, если мы не будем учитывать результаты деятельности членов ТУАК. Помноженные на не вполне квалифицированную работу архивистов, они привели к созданию описей, способных озадачить и ввести в заблуждение даже искушенного исследователя, сообщая формулировками заголовков заведомо ошибочные данные. Получившее распространение в деятельности членов ТУАК формирование дел по предметному или номинальному признаку с включением в них документов за самые разные годы приводит современного исследователя к необходимости, занимаясь исследованием изменений системы управления конца XVIII в., просматривать описи, где учте-

ны дела за более поздний период, так как архивисты конца XIX в. и первой половины XX в. не выработали четких правил относительно вопроса, по какому году (поначальной или конечной дате документов) следует включать документы в опись.

Уже на уровне исследования описей можно выявить структуру того или иного учреждения. Видно, что четко выраженная внутренняя структура и разделение труда между служащими в конце XVIII – начале XIX в. сложились только в магистратах, причем по преимуществу в магистратах старинных городов. Делопроизводство по делам, связанным с наведением справок и привлечением свидетелей, осуществлялось в особом структурном подразделении магистратов и было отделено от канцелярии, а в XIX в. в некоторых магистратах отдельно велись делопроизводства по «спорным» и «беспорным» делам, по уголовным и гражданским. Ведение документации, которая фиксировала или меняла права собственности как правило составляло самостоятельное направление делопроизводства магистратов, а в XIX в. в ряде городов переходило в думы.

Круг дел и документов, которые формировались в магистратских канцеляриях, очерчен достаточно четко. Здесь регистрировали входящие и исходящие документы, вели журналы и протоколы, настольные и докладные реестры, ставили печати на выдаваемых документах, выдавали паспорта и регистрировали их выдачу, записывали копии верящих писем, собирали денежные сборы за приложение печати, «за письмо», за гербовую бумагу или за использование простой вместо гербовой, за выданные паспорта, фиксировали сборы в приходных книгах, а их отправку в уездное казначейство – в расходных, и т.д.

Исследование описей показало, что для большинства городов именно фонды городских магистратов являются наиболее многочисленными и информативно насыщенными документами последней четверти XVIII в. Уже на уровне анализа описей можно утверждать, что магистраты Тверской губернии в последней четверти XVIII в., как и сибирские, были всесловными и многофункциональными. Следует отметить, что достоинством большинства описей магистратских учреждений является полнота сведений в главном элементе описательной статьи описи – в заголовке дела. Это было обусловлено более высокой, по сравнению со служащими других учреждений, культурой делопроизводства канцеляристов магистратов, что и неудивительно, поскольку стаж их деятельности в большинстве городов был выше, чем канцеляристов каких-либо других учреждений. Уже изучение описей позволяет говорить, что в старинных городах реформирование системы управления проходило с опорой на магистраты, в то время как в ряде новых, образованных Екатериной Великой городов, проведение реформы осуществлялось с опорой не на магистраты, а на городничих (как в Весь-

егонске) или на учреждение, называемое «городовыми делами» (как в Вышнем Волочке). Это учреждение, возникнув в 1772 г., в связи с переводом населенного пункта в ранг города, сконцентрировало в своих руках управление городом и горожанами, а в середине 80-х годов быстро и без сколько-нибудь заметного сопротивления передало значительную часть своих функций городской думе.

На основе реально сохранившихся на сегодняшний день комплексов документов городских магистратов и их описей нельзя сказать, что ведение делопроизводства по уголовным и гражданским делам, в том числе не спорным, составляло основу их деятельности.

В большинстве городов помимо суда магистраты осуществляли запись в число купцов и мещан, следили за поступлением в казну подушного и других сборов, за выполнением горожанами постоянной, рекрутской, почтовой и других повинностей, фиксировали сделки, обеспечивали выполнение их условий, контролировали изменение прав собственности на недвижимость в черте города, собирали сведения о развитии торговли, промышленности, о ценах на различные товары. Наиболее широкими и многообразными были функции магистратов городов, имевших глубокие исторические корни: Кашина, Старицы, Ржева, Торжка. Но в некоторых из них во второй половине 80-х годов происходило сокращение функций магистратов. В Ржеве и Кашине из делопроизводства магистратов исчезают дела о благоустройстве городов, организации работы школ, сиротских домов, богаделен. Сужение компетенции магистратов сопровождалось значительным увеличением объема переписки магистратов с думами и управами благочиния и дублированием информации.

Необходимо отметить, что не сохранилось совсем или сохранилось очень мало документов за конец XVIII в. в фондах магистратов таких новоучрежденных городов, как Весьегонск, Корчева, Красный Холм, Осташков. При этом фонды магистратов Вышнего Волочка и Калязина, также переведенных в ранг городов лишь в 70-е годы, достаточно многочисленны и свидетельствуют о многообразии функций этих учреждений в последней четверти XVIII в. В Зубцове деятельность магистратов уже в конце XVIII в. укладывалась в рамки учреждения судебно-нотариального характера.

Исследование описей позволило выявить еще одну тенденцию: наиболее многообразны по составу и содержанию документов магистратские фонды тех городов, где фонды думы и городничего либо вообще не сохранились, либо бедны документами за XVIII в. И наоборот, при почти полном отсутствии документов магистрата, в том числе и за XIX в., фонд думы Осташкова достаточно многочислен и разнообразен в видовом и тематическом плане. Интересен и комплекс материалов по Весьегонску. Факт наличия документов за XVIII в. лишь в фонде городничего, а также их содержание не только свидетельствуют о широте функций городнического прав-

ления, но и о том, что население города и другие управленческие структуры в отличие от городничего были мало заинтересованы в проведении мероприятий, направленных на развитие урбанизационных процессов в городе.

Анализ описей показал также, что в некоторых городах (Калязине и Твери, например) начиная с 1782 г., имело место дублирование информации между делопроизводством магистрата и других городских учреждений. И иногда именно с этим обстоятельством связано наличие одних и тех же категорий дел в фондах дум, магистратов, городнических правлений. Это, с точки зрения автора, свидетельствует, что процесс разделения функций, ранее исполняемых магистратами, начался именно с этого времени, т.е. после введения в жизнь Устава благочиния, а завершился он, как показывают описи, в 30-е годы XIX в. Именно с этого времени делопроизводство по основным вопросам городской жизни сосредотачивается в думах. Они в действительности становятся ответственными за обеспечение поступлений в государственную казну и за выполнение государственных повинностей, осуществляют запись в купечество и мещанство, выборы на городские должности, в том числе членов магистратов, наблюдают за развитием торговли и промышленности, за ценами, занимаются вопросами благоустройства, просвещения. Даже ведение книг верящих писем, договоров, условий переходит в ряде городов в делопроизводство дум. За магистратами остаются судебно-следственные и нотариальные функции.

Многочисленность и информативная насыщенность магистратских фондов городов Тверской губернии вплоть до 30-х годов XIX в. приводит к мысли, что, исследуя систему управления и модернизацию ее в конце XVIII в. и даже реализацию министерской реформы в России, нужно в первую очередь изучать фонды магистратов, во всяком случае применительно к Северо-Западу России. Сохраненные в условиях перестройки, только они могли отразить ее и стать опорой в ее проведении.

Немаловажным является тот факт, что эти фонды содержат самую разнообразную документацию по истории городов Тверской губернии и могут составить основу источниковой базы для исследования не только проблем управления, но целого ряда других. Однако изучение документов магистратских фондов в полном отрыве от материалов других городских учреждений не позволит выявить всех нюансов происходившей перестройки управления и тем более вариантов ее осуществления в различных городах. Кроме того, лишь комплексное исследование позволяет реконструировать процесс не только разделения функций между городскими учреждениями, но и перераспределения информации между их делопроизводственными комплексами, что создает возможность расширения источниковой базы для изучения проблем истории городов России.

Примечания

- ¹ Государственный архив Тверской области имеет два архивохранилища, отстоящие друг от друга на несколько километров, фонды городских учреждений оказались поделенными между ними, это обстоятельство чрезвычайно затрудняет изучение истории городов, так как в одном из этих хранилищ, где отсутствует читальный зал, размещено несколько фондов городских учреждений.
- ² Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов. С. 40; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 165–168.
- ³ Амосов А.А. Архивы двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1975; Гальцов В.И. Архив Посольского приказа в XVII в. (Опыт изучения описей Посольского архива). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1976; Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984; Он же. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.
- ⁴ Возможно, что такой подход к источникам может называться «архивным источниковедением». Ср.: Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 41–43; Старостин Е.В. Архивное источниковедение: терминологические споры // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 26–27.
- ⁵ В Российском государственном архиве древних актов имеется фонд, вобравший в себя документы Бежецкой земской избы, ратуши и магистрата (№ 709), включающий в основном документы за более ранний период. Однако здесь есть журналы заседаний Бежецкого магистрата за 1775 и 1776 г. и другие документы, которые могут быть использованы при изучении поставленной проблемы.
- ⁶ ГАТО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3506. Л. 7. В деле за 1836 г. находится подлинная «данная» 1788 г. (Далее в книге ссылки на архивные документы ГАТО даются без указания названия архива.)
- ⁷ Ф. 464. Оп. 1. Д. 315.
- ⁸ Ф. 877. Оп. 1. Д. 3, 4.
- ⁹ Ф. 877. Оп. 1. Д. 48, 49.
- ¹⁰ Ф. 682. Оп. 1. Д. 1–11.
- ¹¹ О невысоком уровне образования составителей описей свидетельствуют «корявый» почерк, множество ошибок грамматического и синтаксического характера, стиль заголовков дел.
- ¹² Ф. 1048. Оп. 1. Д. 654, 661.
- ¹³ Ф. 168. Оп. 1. Д. 1413.
- ¹⁴ Ф. 23. Оп. 1. Д. 33. В ней учтены все случаи поступления денег из городской думы (всего за год поступило 843 руб.) и указано кому из женщин сколько выдано на пропитание брошенных младенцев.
- ¹⁵ Ф. 688. Оп. 1. Д. 1, 2.
- ¹⁶ Ф. 165. Оп. 1. Д. 2942.
- ¹⁷ Ф. 1397 – Бежецкий публичный нотариус, ф. 1097 – Ржевский публичный нотариус, ф. 1129 – Ржевский городской маклер.
- ¹⁸ Ф. 165. Оп. 2. Д. 636, 657, 667, 998 и др.
- ¹⁹ Ф. 24. Оп. 1. Д. 8.

- 20 Там же. Д. 11. Непосредственное изучение дел подтвердило правильность нашего предположения, сделанного на основе изучения описей. Первые примерно 40 дел фонда Вышневолоцкой думы представляют собой достаточно хорошо сохранившийся комплекс документов «городовых дел» во главе с городским старостой.
- 21 Ф. 24. Оп. 1. Д. 9.
- 22 Ф. 1024. Оп. 2. Д. 395, 386, 399 и др.
- 23 Ф. 682. Оп. 1. Д. 18, 21.
- 24 Ф. 168. Оп. 1. Д. 665.
- 25 Ф. 456. Оп. 1. Д. 10.
- 26 Ф. 166. Оп. 1. Д. 3507.
- 27 Там же. Д. 2761–2765, 3508.
- 28 Ф. 103. Оп. 1. Д. 1854–1858 и др.
- 29 Ф. 173. Оп. 1. Д. 3679, 3680.
- 30 Они очень хорошо сохранились в отличие от документов, оставшихся на хранении в архиве окружного суда.
- 31 ПСЗ-1. Т. XX. № 14400, 14420, 14678.
- 32 Там же. Т. XXI. № 15259.
- 33 Там же. Т. XIX. № 13780; Т. XX. № 14420; Т. 21. № 15259; *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов. С. 178–180.
- 34 Ф. 165. Оп. 2. Д. 632. Л. 4 об., 9, 10, 10 об. и др., ср.: л. 51–52.
- 35 Там же. Д. 748.
- 36 Там же. Д. 2912 – 2941. Из них 3 ед. хр. относятся к периоду до 1775 г.
- 37 Там же. Д. 605, 689, 1307.
- 38 Там же. Д. 597.
- 39 Там же. Д. 610, 1009, 1010.
- 40 Там же. Д. 685, 686, 1225.
- 41 Там же. Д. 688, 929, 1008.
- 42 Там же. Д. 773, 1074.
- 43 Там же. Д. 774.
- 44 Там же. Д. 853, 1149.
- 45 Там же. Д. 1299.
- 46 Там же. Д. 1492–1499.
- 47 Ф. 675.
- 48 Это так называемые «публики» – объявления, которые присылались обычно из магистрата, а обнародовались городничим.
- 49 Самая ранняя датирована 1857 г. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4.
- 50 Там же. Д. 5.
- 51 В этом фонде есть окладные книги и книги сбора податей, а также дела о записи в мещанство и выходе из него.
- 52 Они относятся к 1782–1783 г. и связаны с результатами проведения четвертой ревизии.
- 53 Ф. 23. Оп. 1. Д. 33.
- 54 Там же. Д. 35. Л. 5.
- 55 Там же. Д. 32.
- 56 Ф. 455. Оп. 2. Д. 2.
- 57 Там же. Л. 1 – 1 об.
- 58 Там же. Л. 10–11.
- 59 Там же. Л. 6–9. Аналогичные сведения по Торжку находятся в делах магистрата. Ф. 172. Оп. 2. Д. 522, 553.
- 60 Каждый ученик должен был переписать страничку текста «Российского Апофегмата или выписи из Наказа, данного комиссии о составлении про-

- екта нового Уложения», а также по несколько строчек каких-либо мудрых изречений (Ф. 455. Оп. 2. Д. 2).
- 61 Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 15 – 15 об.
- 62 Там же. Л. 21. «Предложение» получено городничим 27 июля 1778 г.
- 63 Ф. 455. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- 64 Об этом писали многие исследователи. Подробнее см. с 85–100.
- 65 Ф. 455. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 5, 6.
- 66 Там же. Д. 2. Л. 3.
- 67 Там же. Д. 1. Л. 7.
- 68 Там же. Л. 11.
- 69 Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 15 об.
- 70 Там же. Д. 30.
- 71 Там же. Д. 32.
- 72 Из них 3 ед. хр. внесены в опись в наши дни.
- 73 Первая часть описи № 2 составлена очень небрежно. Например, дела за 1785 и 1786 гг. учтены в перемежку, причем в описательных статьях описи дата указана далеко не всегда.
- 74 Ф. 166. Оп. 1. Т. 3. Л. 76 об., 77, 78, 83.
- 75 В них учтено в общей сложности 3436 дел.
- 76 Ф. 166. Оп. 1. Д. 2519–2640.
- 77 Там же. Д. 2641, 2642 и далее.
- 78 Там же. Д. 2641 и др. Эти дела имеют неверное название, в них подшиты определения по делам, которые велись в магистрате, чаще всего «решительные», но встречаются и определения промежуточного характера, так называемые «особые». Очень часто в форме «решительного определения» представлена лишь выписка из законов, подписанная членами присутствия, при этом вынесенное ими решение не фиксируется.
- 79 Ф. 166. Оп. 1. Д. 2781, 2782, 2784. Эти дела сформированы членами ТУАК из документов Ржевской воеводской канцелярии, в сферу компетенции которой входил Волочок до возведения его в ранг города.
- 80 Там же. Д. 3458.
- 81 Там же. Д. 3507.
- 82 Там же. Д. 2761–2765, 3508.
- 83 Там же. Д. 3442.
- 84 Там же. Д. 3429.
- 85 Ф. 24. Оп. 1. Д. 10, 11, 23, 26, 40 и др.
- 86 Там же. Д. 8. Л. 6, 6 об., 8, 8 об., 11.
- 87 Там же. Д. 17.
- 88 Там же. Д. 4. Л. 30–31. В списке всего 30 человек.
- 89 Там же. Д. 6.
- 90 Там же. Д. 9. Л. 9.
- 91 Там же. Д. 10.
- 92 Там же. Д. 10, 11, 39, 40, 44, 45, 46.
- 93 Там же. Д. 18. Л. 1 об.
- 94 Там же. Д. 47.
- 95 Там же. Д. 90, 91.
- 96 Записи о слушании определений встречаются в книгах середины XIX в., что свидетельствует об усложнении структуры самого словесного суда и формировании в нем наряду с присутствием также и повытья, где велось дело-производство.
- 97 Ф. 682. Оп. 1. Д. 41. Л. 9, 10.
- 98 Там же. Д. 18, 19.

- ⁹⁹ Там же. Д. 22.
- ¹⁰⁰ К 1758 г. относится лишь одно дело, это «Дело по указу Ямской канцелярии о незаконнорожденном младенце» (Ф. 1024. Оп. 1. Д. 1).
- ¹⁰¹ Ф. 1024. Оп. 1. Д. 37, 44, 45, 121.
- ¹⁰² Там же. Д. 386, 398, 399.
- ¹⁰³ Ф. 456. Оп. 1. Д. 10.
- ¹⁰⁴ Ф. 168. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–6.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 7.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 8, 9.
- ¹⁰⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1383. Л. 4–11, 2 об. – 3 об. Интересно, что, требуя эти сведения, городничий ссылается на полицейскую инструкцию 1722 г.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 1413.
- ¹⁰⁹ Именно эта часть оправдывает включение дела в состав фонда магистрата. Следует отметить, что в деле также находятся расписки казначея в получении им пошлинных денег из магистрата (Л. 73–82).
- ¹¹⁰ Хотя не исключено, что в качестве самостоятельного существовало соляное повытье, так как документы по соли учтены в описи единым комплексом, разбивая хронологию основного текста описи между 1781 и 1782 г.
- ¹¹¹ См. например: Ф. 169. Оп. 2. Д. 94, 111, 147.
- ¹¹² Она внесена в фонд в 1940 г. явно по ошибке, ведь фонд словесного суда города существует.
- ¹¹³ Последняя категория дел преобладает вплоть до 30-х годов XIX в.
- ¹¹⁴ Ф. 877. Оп. 1. Д. 4.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 49.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 48.
- ¹¹⁷ Эти деньги поступали из магистрата (Ф. 877. Оп. 1. Д. 48). В отличие от денег, собираемых в виде «добровольных складок», последние в начале века собирались гласными думы. (См.: Ф. 877. Оп. 1. Д. 35. В этом деле – список глав семейств города с указанием, сколько душ в семье и сколько денег в виде «добровольных складок» должно поступить от семьи. С каждой души, купеческой и мещанской, взимался сбор 1 руб. 50 коп.)
- ¹¹⁸ Оно выплачивалось из средств, собранных купечеством и мещанством в виде «добровольных складок», деньги на эти цели были выданы городовому старосте.
- ¹¹⁹ Эти расходы оплачивались из оброчных денег за мельницу (Ф. 877. Оп. 1. Д. 50).
- ¹²⁰ Там же. Д. 125. Л. 3–4. Земские сборы жители платили непосредственно в думе.
- ¹²¹ Деньги на содержание перевоза поступали из казенной палаты дважды в год, городничий передавал их содержателю перевоза. В 1787 г. сумма каждого из поступлений была равна 48 руб. 63 коп. (Ф. 464. Оп. 1. Д. 13).
- ¹²² Ф. 877. Оп. 1. Д. 49.
- ¹²³ Ф. 466. Оп. 1. Д. 27.
- ¹²⁴ Процедура заключалась в акте подписания приобретателем в присутствии городничего, ратмана магистрата и «двух сторонних людей города» документа, удостоверяющего, что он «означенное имение в свое владение получил» (Ф. 464. Оп. 1. Д. 315, 317).
- ¹²⁵ Наиболее интересное – дело об учреждении в начале XIX в. опеки над имуществом и детьми бывшего откупщика питейных сборов по Калязинскому уезду – Костромина. К моменту смерти он был мещанином Санкт-Петербурга, на нем числились крупные долги, однако, судя по делу, ему удалось

- сохранить значительную часть имущества. Оно было записано за его женой. Большой дом, хорошо обставленный, благоустроенный, дорогие иконы, драгоценности, все это находилось в Калязинском уезде. Одних картин в описи имущества значится более 60 (Ф. 678. Оп. 2. Д. 39. Л. 2–11).
- ¹²⁶ Там же. Л. 108 – 108 об.
- ¹²⁷ Опись была составлена во второй половине XIX в. при подготовке дел к передаче в МАМЮ. Дела № 851–876, разнообразные по содержанию, внесены в опись № 2 в 1958 г.
- ¹²⁸ Необходимо сказать, что при разнообразии документов фонда Кашинского магистрата в фондах других городских учреждений документов за последнюю четверть XVIII в. практически не сохранилось.
- ¹²⁹ В нем 35 дел за 1892–1916 гг.
- ¹³⁰ В этой описи учтены также 62 ед. хр. за 1772–1775 гг.
- ¹³¹ Сами дела учтены в 3-й части описи.
- ¹³² Речь идет о жене Павла I.
- ¹³³ Ф. 173. Оп. 2. Д. 1428, 1431.
- ¹³⁴ За 1779 г. в описи значится 18 дел о поставке соли, при том что всего за этот год во всех частях описи насчитывается 81 дело.
- ¹³⁵ Ф. 173. Оп. 2. Д. 890, 932, 1478, 1493.
- ¹³⁶ Там же. Д. 1229, 1231.
- ¹³⁷ Так, в деле за 1786 г. подшиты ведомости о купечестве и их капиталах, о мещанах, о решенных и нерешенных делах, ведомость городского старосты о расходовании денег, описание торговли, производимой горожанами, и т.п. (Д. 1478).
- ¹³⁸ Например, д. 1077, 1129, 1175 и др. содержат отпуски ведомостей о купечестве и мещанстве, а д. 1478, 1493 – о торговле горожан.
- ¹³⁹ Ф. 1091. Оп. 1. Д. 2924–2926, 2927–2928, 2912–2915, 2937–2938 и др.
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 2919–2912.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 21, 156, 526.
- ¹⁴² См. д. 1323, 1365, 1390, 1532 и др.
- ¹⁴³ Ф. 174. Оп. 2. Д. 8.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 192. Л. 1.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 16. Л. 28.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 1, 8–10, 11–12 и др.
- ¹⁴⁷ Эта опись составлена в конце XIX в., но в ней есть вставки, сделанные сотрудниками РГАДА в 30–40-е годы XX в.
- ¹⁴⁸ Справки писались прямо на листе с запросом магистрата и поэтому запросы магистрата и ответы на них имеются в фонде в подлинниках.
- ¹⁴⁹ Увольнялись в связи с поступлением в мещанское общество других городов, в монашество, а в ряде случаев в связи с «увольнением» в какое-либо ведомство, например почтовое (Ф. 21. Оп. 1. Д. 2767).
- ¹⁵⁰ Ф. 21. Оп. 1. Д. 2580.
- ¹⁵¹ Это годы, когда Тверь была резиденцией генерал-губернатора, принца Г. Ольденбургского.
- ¹⁵² Из 111 дел, внесенных в алфавит на букву «А», на сегодняшний день сохранилось лишь 12.

Глава 2

ГОРОДОВЫЕ МАГИСТРАТЫ, ИХ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В УПРАВЛЕНИИ ГОРОДАМИ

Компетенция магистратов в освещении отечественных ученых

В данном разделе работы рассмотрены взгляды историков и правоведов на основные аспекты истории городского управления последней четверти XVIII в. Это, на наш взгляд, необходимо сделать по двум причинам. Первая состоит в том, что ни одна из работ, рассмотренных в этой главе, не являлась предметом анализа современных историков. В специальных историографических работах¹, а также в историографических введениях к историческим исследованиям² чаще всего дана очень общая характеристика работ Л.О. Плошинского, А.П. Пригары, И.И. Дитятина, А.А. Кизеветтера и других, либо анализируются их взгляды на более ранние периоды в развитии русского города³. Что касается исследований наших современников (А.В. Муравьева, В.В. Рабцевич и Л.С. Рафиенко и др.), то некоторые из них, притом не всегда наиболее важные и интересные, лишь упоминаются в новейших работах по истории городов. А между тем в них подчас приведены факты, которые заставляют усомниться в правомерности ряда положений исторической и правоведческой литературы по проблемам управления городами. Вне круга работ, которые изучаются и анализируются учеными в контексте историографии городов, остаются посвященные деятельности отдельных промышленных предприятий и отраслей промышленности, учреждений по управлению ими, а между тем они содержат множество данных, заставляющих по-новому посмотреть на эволюцию управления городами и правового положения их жителей.

Детальное исследование взглядов предшественников и современников необходимо также потому, что лишь сопоставление выводов ученых XIX – начала XX в., сделанных на основе анализа за-

конодательных источников, с наблюдениями современных ученых, в основе которых лежит анализ делопроизводственных документов, позволит выявить совпадения и различия в оценках как системы городского управления в целом, так и отдельных учреждений и в содержании целого ряда фундаментальных понятий, связанных с их деятельностью и с историей русского города XVIII в. в целом.

Вопросы целей, содержания и последствий городских преобразований XVIII в. затронуты в той или иной степени во всех исследованиях по истории России этого периода. Остановимся лишь на некоторых, где они рассмотрены достаточно подробно. При исследовании взглядов историков на этот период городского управления мы должны будем обращаться в ряде случаев к освещению ими истории городского управления более раннего периода, особенно к оценкам деятельности городских магистратов, поскольку вопрос о реформировании городского управления в годы царствования Екатерины Великой все исследователи решали с учетом развития именно этих учреждений.

Первые серьезные попытки осмысления законодательства XVIII в., в том числе екатерининского, были предприняты в ходе работы по составлению Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Оценка К.А. Невוליным городских преобразований XVIII в. (до издания Жалованной грамоты городам) как постепенно сужавших содержание понятия «город» до населенного пункта с торгово-промышленным населением⁴, оказала серьезное влияние на многих исследователей, в том числе – на авторов более обстоятельных работ, которые появились в середине века, когда общество, готовясь к предстоящим переменам, стало глубоко и осознанно изучать прошлое с тем, чтобы увереннее, быстрее, с меньшим количеством ошибок идти по пути перемен. В большинстве из них представлен обзор законодательных норм по управлению городами.

Л.О. Плошинский, просистематизировав русское законодательство о горожанах, их правах и обязанностях, об учреждениях по управлению городами с древнейших времен до начала XIX в., пророчески посвятил свою работу наследнику престола – цесаревичу Великому князю Александру Николаевичу, будущему преобразователю России. Основное в его работе – изложение содержания законов, комментариев в ней – минимум. Они содержатся в общем введении к работе и во вводных фразах к каждому из отделов книги, а также в заключении. Все они вместе занимают не более тридцати страниц из почти трехсот страниц книги. Тем не менее мы можем судить об отношении автора к тем или иным преобразованиям. Прежде всего, по определениям, для которых нашлось место даже в столь незначительных по объему комментариях. Об оценке законодательства Екатерины II свидетельствует такая, например, фра-

за: «Драгоценная цепь законодательства Екатерины Второй по отношению к городскому состоянию...»⁵. Рассматривая функции городских магистратов по петровскому законодательству, Л.О. Плошинский выделяет три направления в деятельности этих учреждений. Первое – сообщать в Главный магистрат сведения о числе жителей города, их доходах и занятиях (по образцам, приложенным к Регламенту Главного магистрата. – *Н.С.*). Второе – вести гражданское и уголовное судопроизводство. Третье – «наблюдать за всем, что относилось вообще до благоустройства и благочиния между городскими обывателями», т.е. полицейская деятельность. Эта сфера деятельности магистратов, по мнению ученого, реализовывалось в выборах старост, десятских, служителей к сборам, маклеров; в наблюдении за правильностью раскладки между гражданами и сбора с них окладных денег, за справедливостью в размещении войск по городам, за тем, чтобы в городе не торговали люди, не платившие городских податей; в обеспечении условий для развития образования, здравоохранения; в заботе о детях и стариках; в обеспечении условий для процветания в городе торговли и промыслов; в создании мер противопожарной безопасности, привлечении горожан к труду⁶. Сужение полномочий магистратов до судебных Плошинский связывает с Учреждениями о губерниях 1775 г.

Анализируя Жалованную грамоту городам, Л.О. Плошинский оставляет без комментариев, а чаще всего просто не упоминает все неясные, нечетко выраженные места в ее тексте. Так происходит и в случае изложения материала о функциях магистратов и дум, но в этом видна позиция автора. Неоднократно прибегая к собственной систематизации материала Городового положения, Л.О. Плошинский не счел нужным выделить в самостоятельный раздел те статьи его, где говорится о магистратах. Основным городским учреждением конца XVIII в. он считает думу. Очерчивая круг «предметов ведомства, предел власти и отчетность городской думы», автор указывает на ст. 178, согласно которой, городские магистраты «наряду с прочими местами того города законные требования городской думы исполняют и подают друг другу руку помощи». Излагая материал о цехах, правах иностранцев, Плошинский также упоминает магистраты вслед за источником⁷, а вот наиболее важные статьи Городового положения из тех, что касаются магистратов, он вообще не затрагивает. Среди них ст. 8 «О праве, именно магистратам принадлежащем, доносить губернскому правлению о нуждах и недостатках города»; ст. 7, возлагающая на магистрат обязанность оберегать город от незаконных, новых податей, служб, тягостей; ст. 176 о том, что в магистрат можно приносить жалобу на думу и депутатов, составляющих городскую думу.

Таким образом, Л.О. Плошинский, уверенный в сужении в конце XVIII в. функций магистратов до судебных, просто обходит мол-

чанием все, что противоречит этой идее. Следует, однако, сказать, что ученый отмечает очень важное направление деятельности магистратов петровского периода: заботу о благоустройстве, благочинии города, благосостоянии горожан и относится к ней без малейшего скептицизма.

А.П. Пригара в своей монографии «Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России» (1868) исследует происхождение и развитие состояния городских обывателей в России с древности до середины XVIII в. По ней нельзя судить об оценке ученым деятельности магистратов в последней четверти XVIII в., но его характеристика петровских магистратов заслуживает внимания. Проводя обзор функций магистратов, А.П. Пригара подробно излагает механизм раскладки и сбора податей и приходит к выводу, что при Петре I магистраты не несли ответственности за сборы, тем более не производили их раскладки, они лишь следили за правильностью последней и за соответствием оклада состоянию граждан, а также за тем, чтобы на город (а не граждан. – *Н.С.*) не было наложено отяготительных поборов⁸. Оценка А.П. Пригарой петровских замыслов хотя и не лишена противоречий, но все же не содержит скептицизма, присущего взглядам на магистраты С.М. Соловьева и И.И. Дитятин, о которых речь пойдет ниже. Это обстоятельство сближает монографию А.П. Пригары с работой Л.О. Плошинского.

Двухтомная книга И.И. Дитятин «Устройство и управление городов России» стала значительным явлением отечественной историографии. Изложение охватывает огромный хронологический период, начиная с первых страниц отечественной истории и кончая реформами середины XIX в. Ученый пытается проследить историю русского города через анализ эволюции учреждений по управлению им, т.е. подходит к проблеме с точки зрения истории государственных учреждений и органов самоуправления, что подразумевает установление функций учреждения, условий комплектования кадрами, круга лиц, подлежащего ведомству данного учреждения, и их прав.

По мнению автора, история русского города «есть не что иное, как история регламентации, преобразования торгово-промышленного городского населения со стороны верховной власти»⁹, вероятно, именно поэтому в основе источниковой базы его работы лежат исключительно законодательные источники. Политику Петра I по отношению к городам, начиная с момента создания Ратуши и земских изб, И. И. Дитятин расценивает как составную часть процессов «собираания великой политической храмины – государства», и создания торгово-промышленного сословия¹⁰. Как и А.П. Пригара, он считает, что система магистратов не была продуктом развития самого городского населения¹¹. И.И. Дитятин пишет, что на магис-

тратах лежало множество обязанностей, но при этом они не имели никаких прав и зависели от правительственных учреждений, причем обязанности проистекали не из потребностей общественно-городской жизни, а из правительственных нужд¹². В этом позиция Дитятин отличается от позиции А.П. Пригары, так как последний во всех функциях магистратов подчеркивает другую сторону их деятельности – защиту интересов граждан.

И.И. Дитятин определяет магистраты как учреждения «почти исключительно правительственные», магистратских служащих как «пожизненных государственных чиновников», у которых интересы общества «были на самом заднем плане, если только они вообще имелись в виду»¹³, автор подводит нас к мысли о том, что магистраты являлись колесиком в механизме бюрократического государства Петра I¹⁴.

Переходя к характеристике городов в царствование Екатерины II, И.И. Дитятин отмечает, что в начале его магистраты и ратуши остаются судебными и административно-финансовыми учреждениями, и в этом отношении они так же, как при преемниках Петра I, все больше подчиняются губернаторам¹⁵. Учреждения о губерниях, по его мнению, определяют магистраты как почти исключительно судебные учреждения для решения дел между купцами и мещанами¹⁶. Логике этих рассуждений противоречат последующие законодательные акты, но он, указывая эти факты, либо оставляет их без комментариев, либо, как в случае с Жалованной грамотой городам, объясняет их недобросовестностью редакторов¹⁷.

Характеризуя функции магистратов и пытаюсь понять их место в сети учреждений по управлению городом, И.И. Дитятин отмечает, что Жалованная грамота городам значительно «расширила» полномочия этих учреждений по сравнению с Учреждениями о губерниях. И.И. Дитятин выражает крайнее удивление тем, что не дума, а магистрат имеет право жаловаться в вышестоящие инстанции в случае наложения на город чрезмерных податей и налогов¹⁸, а между тем эта обязанность лежала на магистратах со времени издания Регламента Главного магистрата. Заблуждение относительно «расширения» функций магистратов Городовым положением явилось естественным следствием более раннего ошибочного мнения ученого о сужении функций магистратов по Учреждениям о губерниях до судебных. Еще большее недоумение вызывает у Дитятин тот факт, что некоторые из функций магистратов входят также и в компетенцию думы – общегородского учреждения. «Странную комбинацию» функций думы и магистрата И.И. Дитятин объясняет редакционными дефектами Жалованной грамоты¹⁹.

Понимая, что целостность городского общества, созданного Екатериной II, была очень относительной; признавая, что «путем образования городских полицейских учреждений» город как адми-

нистративное целое сложился уже в начале XVIII в.²⁰, И.И. Дитятин тем не менее рассматривал Жалованную грамоту городам как самое значительное достижение городского законодательства. Главное, что давало ему повод для такой оптимистической оценки, это кажущееся отождествление этим законодательным памятником понятий «городское общество» и «городские обыватели»²¹, а также введение в систему управления русским городом думы – выборного органа, который решал многие вопросы городской жизни и которому, по мнению исследователя, должны быть подведомственны все члены городского общества, т.е. все слои городского населения²².

Аналогичная оценка екатерининского законодательства о городах содержится и в других работах И.И. Дитятина. В статье, посвященной анализу двух Жалованных грамот 1785 г., останавливаясь на функциях думы и магистрата, И.И. Дитятин, выражает крайнее удивление тем, что не дума, а магистрат должен будет, если потребует, «представить» губернскому магистрату или губернскому правлению о «нуждах и недостатках города»²³. Автор указывает и на другие противоречия Жалованной грамоты городам, а в заключение восклицает: «Как примирить все эти совершенно непримиримые противоречия? В самой Жалованной грамоте они непримиримы, примирять их приходилось органам местной администрации...»²⁴. Таким образом, не обращаясь почти к делопроизводственной документации, И.И. Дитятин предугадывает несоответствие действительности закону, но считает, что причина заложена в противоречивости законодательства.

Следует сказать, что в конце XIX в. Дитятин участвовал в разработке истории Санкт-Петербургской думы. Историческое введение к юбилейному изданию, посвященному 100-летию городского общества, написано при участии этого известного ученого. Среди документов шестигласной думы ученый не обнаружил следов деятельности общей думы и собрания городского общества, которые датировались бы концом XVIII в. Учитывая данное обстоятельство, он предполагал, что эти структуры в данный период истории петербургского городского управления не функционировали²⁵. Деятельность других элементов И.И. Дитятин и его предшественники практически не рассматривают, хотя несомненно сознают сложность системы внутригородского устройства. И.И. Дитятин более занимается проблема взаимоотношений магистратов с Главным магистратом, воеводами, губернаторами, чем с городом, что в целом соответствовало его оценке магистратов как административно-государственных учреждений.

Концепция эволюции русского города, разработанная Дитятиным, и на сегодняшний день остается едва ли не самой цельной и стройной. Неудивительно, что в конце XIX – начале XX вв. она пользовалась и продолжает пользоваться огромной популярностью

и нашла отражение в обобщающих работах по отечественной истории, истории государства и права, в энциклопедических словарях. У авторов многих работ оценка магистратов как органов, скорее, государственных, чем самоуправления и факт эволюции магистратов по реформе 1775 г. от учреждений с полицейскими, финансовыми, хозяйственными функциями к учреждениям судебным не вызывали сомнений, хотя далеко не всегда оценивались положительно. Примером противоположных суждений на этот счет могут быть работы А.А. Градовского и В.А. Григорьева.

А.А. Градовский, к примеру, считал, что преимущество управления городом до реформы местного управления 1775 г. состояло в многофункциональности магистратов и в том, что они являлись начальством всему гражданству. Недостаток законодательства последней четверти XVIII в. он видит в разделении функций по управлению городом между различными учреждениями, в ограничении функций магистратов судом²⁶. В.А. Григорьев, напротив, очень высоко оценивал значение реформ Екатерины II. Главную ценность их он видел в том, что не только дворянское, но и «городское сословие», под которым он подразумевал лишь торгово-промышленное население, получило систему органов самоуправления. Магистрату в ней была отведена, по его мнению, роль судебного учреждения²⁷.

В начале XX в. источниковая база исторических исследований расширилась: помимо законодательных актов историки активно использовали указы в Уложенную комиссию, делопроизводственные материалы государственных учреждений и органов самоуправления. Публикация наказов горожан в Уложенную комиссию позволила не только активизировать исследование истории городов, но и рассматривать изменения в системе органов городского управления в контексте реформ Екатерины II и ее замыслов, а также анализировать мнения самих горожан. В ракурсе этих исследований были сделаны чрезвычайно важные выводы о том, что в основе реформ Екатерины лежали пожелания народа, в том числе горожан²⁸. Что касается городского общества и органов городского самоуправления, то их оценки несколько разнились. Д.Д. Семенов, например, считал, что в основе «городской самоуправляющейся общины» XVIII в. лежало «не сословное начало и не владельческое, а скорее профессия, признаваемая тогда специально городской. Эта профессия – торг и промысел»²⁹, что весьма близко к точке зрения И.И. Дитяткина. Органы городского управления, введенные в конце XVIII в., кажутся ему всесословными и демократическими на фоне положений реформы 1892 г.

В период революции 1905–1907 гг. и в последующее десятилетие историки перестали ограничиваться академическими исследованиями, стали активно стремиться вписать результаты исследований в область политики. А.А. Кизеветтер, поставив своей целью выяс-

нить «реальные условия, в которых протекала фактически жизнь городской общины» в XVIII в., обращается к анализу делопроизводственных материалов различных учреждений, в том числе Главного и городских магистратов³⁰.

Рассматривая эволюцию посадской общины, ученый неоднократно касается вопроса о функциях и полномочиях магистратов и приводит массу данных, свидетельствующих об их активной роли в жизни города, показывает параллелизм в работе этих учреждений, земских старост и схода. Например, в главе о численности и пополнении посадских общин он приводит не только данные о причастности магистратов наряду с посадскими сходами к принятию в посад новых членов, но и факты самостоятельного решения магистратами подобного рода вопросов³¹. Магистратам уделено много внимания в главе о сборах и расходах на мирские нужды³². В главе о казенных сборах Кизеветтер особо останавливается на практике принятия ответственности за них магистратами³³. Останавливается он и на взаимоотношениях магистратов с посадскими сходами и земскими старостами, отмечая зависимость старост одновременно от мира и магистрата³⁴ и дублирование магистратами некоторых функций посадского схода³⁵. Усматривая некоторое противоречие в дублировании магистратом функций посадского схода, автор объясняет его тем, что все учреждения, вводимые в XVIII в. для управления городом, являлись органами бюрократической централизации, «верхним этажом» посадского самоуправления, соединительным звеном между центральной администрацией и мирским посадским сходом, который был «первичной ячейкой общинно-посадской организации»³⁶.

Таким образом, параллелизм в работе магистрата и других городских управленческих структур – следствие того, что магистрат является составляющей посадского управления. В этом состоит кардинальное отличие работы А.А. Кизеветтера от работы И.И. Дитятин, который был склонен считать магистраты более административно-государственными учреждениями³⁷, чем органами городского самоуправления, подчеркивая, что они были вписаны в государственную структуру управления: подчинялись Главному магистрату, а тот, в свою очередь, – Сенату. Именно для того, чтобы подчеркнуть свое несогласие с оценкой Дитятин, Кизеветтер много внимания уделяет финансовой деятельности посадских общин и доказывает, что они обладали правом самообложения и имели источники доходов³⁸.

Отрицая включенность магистратов в систему государственных органов, Кизеветтер представил взгляду читателя его место в другой бюрократической централизованной системе, которая включала: слободских старост, гильдейских старшин, «общепосадского старосту» и, наконец, магистрат.

Кизеветтер приводит интересный материал о действии купеческих гильдий. Он верно отмечает «промежуточное» положение гильдий в структуре городского управления. Опираясь на московским материалом и опираясь на «Инструкцию московским гильдейским старшинам» 1742 г., ученый подмечает обязанность слободских старост докладывать старшинам гильдий о поведении купцов, являвшихся одновременно тяглецами гильдий и слобод³⁹, и другие факты, свидетельствующие о консолидирующей роли гильдий (а значит, и магистратов. — *Н.С.*) в городской жизни.

Изучая историю городской посадской общины, А.А. Кизеветтер очень точно подметил, что значительной вехой в ее развитии стало разрушение системы посадских служб и платежей. По мнению ученого, именно это «устраняло необходимость поддерживать законодательным путем существование общины посадских тяглецов как особой, замкнутой, изолированной от прочего городского населения»⁴⁰ и создавало предпосылки для создания всеобщего городского общества. И.И. Дитятин также соотносил процессы эволюции налогообложения и состава городской общины и отмечал влияние на этот процесс таких событий, как введение сбора десятой деньги, например, или подушной подати.

По мнению А.А. Кизеветтера, Городовое положение 1785 г. заменило прежние мирские посадские сходы градской думой, которая стала представительным органом всех городских домовладельцев, и введение такого органа ознаменовало вступление русского города в новую фазу муниципальной жизни. Высказав эту мысль в своей первой монографии, Кизеветтер подверг ее большому сомнению своей последующей работой, посвященной анализу одного из важнейших законодательных памятников правления Екатерины — Жалованной грамоте городам в комплексе с набросками и проектами ее, а также с делопроизводственными материалами городских учреждений г. Москвы⁴¹.

Исследуя черновые варианты и подготовительные материалы к Жалованной грамоте, А.А. Кизеветтер получил интересные результаты по вопросу разделения функций между магистратом и думой. Оказалось, что «странная комбинация» функций этих учреждений была вызвана не редакционными дефектами памятника, как полагал Дитятин⁴², а явилась следствием сознательного решения законодателя восстановить административные функции магистратов⁴³. Впрочем, А.А. Кизеветтер тоже отмечает, что решение это воплощено в Городовом положении недостаточно последовательно⁴⁴ и в итоге оно одновременно вверяет «заботу об одних и тех же сторонах городской жизни и новым органам всеобщей городской общины — думам и старым сословным купеческим магистратам»⁴⁵. По мнению Кизеветтера, обязанности, называемые ст. 9, 12, 13, 25, 45, 129, 168, а также некоторыми пунктами ст. 123 как при-

надлежащие магистрату, названы и в ст. 167, но уже как принадлежащие думам⁴⁶.

Удивление Кизеветтера вызывает то обстоятельство, что ст. 136 Городового положения разрешает обществу города делать представления губернатору о своих нуждах, а ст. 8 это же, по мнению исследователя, право дает магистрату. Еще больше удивляет его ст. 7, возлагающая на магистрат обязанность оберегать весь город от незаконного наложения новых податей, служб или тягостей⁴⁷. А между тем эта статья лишь подтверждает сохранение за магистратами обязанности, возложенной на них еще Регламентом Главного магистрата и Инструкцией городским магистратам. Только исходная позиция, отождествляющая город с городским обществом, могла привести к сопоставлению ст. 8 и 36, что совершенно неправомерно, поскольку в ст. 36 городскому обществу дано право представлять губернатору о своих нуждах и пользах, а ст. 8 дает право магистрату представлять губернатору о нуждах и недостатках города.

Следует отметить еще одно наблюдение, сделанное А.А. Кизеветтером при изучении черновых вариантов Городового положения. Ему удалось установить, что за магистратами предполагалось оставить «заведование взысканием казенных недоимок и справки о состоянии товаров купцов, заведование маклерами и словесными судами, наблюдения за розничной продажей, сборы с купечества однопроцентных денег с каменного и гостиного дворов, справки о домах и лавках и утверждение купчих на дворы». А вот запись в купечество, мещанство и цехи, городские доходы и принадлежащие городу заведения предполагалось отдать в ведение думы⁴⁸.

Вторая часть монографии о Жалованной грамоте городам посвящена реализации ее положений в практике московских городских учреждений. Исследование делопроизводственных документов также привело его к выводам о дублировании функций магистрата и думы особенно в делах «общегородской полиции и общегородского хозяйства». В итоге он делает вывод, что «ни закон, ни практика не устанавливали точных разграничительных линий между компетенцией магистратов и дум, и рассмотрение актов тогдашнего делопроизводства оставляет впечатление той же неопределенности в этом отношении, что и текст Городового положения»⁴⁹.

Вопросы городского управления и самоуправления затрагивались также в исследованиях, посвященных финансовой политике и налогообложению, городскому землевладению⁵⁰. Они в значительной мере подготовили появление ряда работ, опубликованных уже в советский период: исследование П.П. Смирнова о классовой борьбе горожан⁵¹, работы, посвященные некоторым корпорациям городского населения⁵², деятельности отдельных приказов, коллегий,

промышленных предприятий, а также развитию тех или иных отраслей промышленности⁵³.

Результаты этих исследований показали, что система управления каждым городом в допетровский период включала множество элементов, отражая корпоративность городского населения и, по сути, отсутствие в городе единого городского сообщества. Функционирование патриархальных самоуправляющихся структур (посадской общины, профессиональных корпораций, например, записных каменщиков и др.) было направлено прежде всего на выполнение членами этих корпораций налоговых обязательств и каких-либо служб и повинностей в пользу государства. Назначение к подобно-го рода службам А.Н. Сперанский рассматривал как «систему разверстки» государственных нужд между отдельными категориями населения и справедливо отмечал, что такая система вела к обособлению отдельных групп городского населения⁵⁴. Члены каждой из корпораций имели особые права, льготы и особые обязанности. В конце XVII в. подобные структуры часто имели свои органы самоуправления (выбирали своего старосту); в составе государственного управления были вертикально ориентированы, т.е. в большей степени зависели от центральных учреждений – приказов, чем от воеводы – главы местной администрации. Так, записные кирпичники и каменщики, например, обязаны были выполнять строительные работы в самых разных частях государства. Они считались состоящими на службе у государства, были освобождены от посадского тягла, т.е. являлись беломестцами, изымались из общей подсудности провинциальной администрации и подчинялись административно-судебной власти Приказа каменных дел⁵⁵. В собственности подобных корпораций были орудия труда и производства (инструменты, сараи для обжига кирпича и др.).

Такая система приводила к тому, что в управлении населением каждого отдельного города участвовало несколько ведомств, поскольку различные категории населения подчинялись разным приказам: пушкари – Пушкарскому, стрельцы – Стрелецкому, каменщики – Приказу каменных дел, дворяне – Разрядному приказу. Члены посадской общины – главной городской самоуправляющейся корпорации, подчинялись сразу нескольким приказам: по части сбора таможенных и кабацких денег – приказу Большой казны, по сбору ямских денег – Ямскому и т.д.⁵⁶.

Обязанности, проистекавшие от принадлежности записного ремесленника к той или иной корпорации, выполняли главы семейств, а льготами зачастую пользовались не только члены семей, но и достаточно отдаленные родственники. В числе таких льгот А.Н. Сперанский называет введение беспошлинной торговли, владение лавками, возможность осуществлять деятельность, дающую дополнительный заработок⁵⁷. Это было тем более легко, что бело-

местцы отнюдь не всегда проживали в обособленных слободах. «В ряде случаев они оставались вкрапленными в посад, территориально не отделенными от прочей массы посадских людей. Именно такая ситуация была зафиксирована в Твери Потапом Нарбековым»⁵⁸. Источники отмечают активную борьбу с такими беломестцами⁵⁹. При проведении сысков членов семей записных ремесленников переводили в посад и в посадское тягло, но их положение оказывалось в целом более благоприятным по сравнению с основной массой горожан. Эти наблюдения историков были очень важны, и при включении в контекст знаний о городском управлении, полученных И.И. Дитячиным и А.А. Кизеветтером, могли бы существенно продвинуть вперед изучение городов России. Многие ученые глухо, но все же указывали на то, что город состоял из множества слобод, общин, но знаний о внутренней жизни этих образований в их распоряжении было недостаточно, а те, что были накоплены, и сейчас не в полной мере включены в контекст знаний о развитии городского управления.

Проблемы городской жизни и городского управления вновь активно стали разрабатываться в 50–60-е годы. Были созданы работы, специально посвященные деятельности и истории создания магистратов. Я.Е. Водарский, проанализировав историю создания текста Регламента Главного магистрата, показал, что перевод с найденного немецкого оригинала, положенного в основу Регламента, был тщательно отредактирован членами Сената и самим Петром I. Редактирование проекта Г. Фике шло в направлении отказа от идеи включения органов управления городским населением в систему местных учреждений и создания особой отрасли управления городами и их населением со своим центральным органом и иерархическим подчинением магистратов друг другу⁶⁰.

Образованию городских магистратов в Московской губернии и первым годам их деятельности посвящены исследования А.В. Муравьева. Автор вводит в оборот большое количество ранее не известных архивных материалов, приводит новые данные об ожесточенной борьбе группировок горожан в ходе выборов членов магистратов⁶¹; рассматривает деятельность этих учреждений по принятию в число горожан, по организации цехов и отбыванию горожанами служб и повинностей; анализирует работу магистратов в области суда и финансов с 1721 по 1727 г.⁶²

А.В. Муравьев исходит из оценки этих учреждений как органов управления посадской общиной. Выводы, которые он делает, подтверждают господствующее на тот момент мнение о том, что магистраты создавались как органы бюрократического управления посадским населением и не являлись органами городского самоуправления; с их введением управление городами сосредоточилось в руках посадской верхушки⁶³. К числу посадских А.В. Муравьев при-

числяет все торгово-промышленное население городов, и с этим нельзя согласиться.

На ситуацию в городоведении повлияло также формирование так называемого «эпистемологического» направления советской философии. Разрабатывая общие гносеологические вопросы, Б.М. Кедров, Л.Б. Баженов и другие исследователи расширяли возможности методологии отдельных наук, в том числе истории, подталкивали представителей исторической науки к созданию работ методологического плана и обсуждению методологических проблем. С этой целью в середине 1960-х годов был создан сектор методологии Института истории АН СССР, возглавляемый М.Я. Гефтером. В его рамках на основе сформулированного философами отказа от попыток создания унифицированной и законченной картины мира создавалась новая концепция исторической закономерности. Ее основные положения сводились к представлению о том, что исторический процесс представляет собой сложный объект, подчиняющийся не только общим социологическим законам, но и конкретным историческим закономерностям, которые определяются спецификой конкретной исторической ситуации. Эта специфика допускает возможность различных вариантов развития конкретных исторических ситуаций⁶⁴.

Формирование этого нового взгляда на исторический процесс происходило параллельно с созданием в рамках других секторов Института истории работ, посвященных исследованию процесса развития тех или иных явлений, объектов в отдельных регионах страны. Регионалистика продолжала развиваться и после закрытия сектора методологии истории, чему в значительной мере способствовало складывание региональных научных центров и школ, оформление региональных отделений АН СССР. Как неотъемлемая часть этого процесса стали исследоваться города. Значительные результаты получены учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, Поволжья благодаря планомерной, организованной и целенаправленной деятельности по изучению городов. Они находят отражение в систематически издаваемых сборниках научных работ и в монографиях⁶⁵.

Конкретно-исторические исследования и методологические поиски ученых в значительной мере дополняли и подтверждали результаты, полученные в рамках каждого из этих направлений. Историки, исследовавшие развитие отдельных городов или комплекса городских поселений какого-либо региона, приводили в своих трудах множество интересных фактов, которые подводили к выводам, не укладывавшимся в традиционную и господствующую схему исторического процесса. Однако сами авторы чаще всего отказывались от четкой формулировки выводов, предпочитая творить в русле интерпретации схемы о строгой закономерности исторического

процесса. Возможно, они были не в состоянии их сформулировать, будучи обремененными привычной схемой мышления.

Среди огромного множества работ, вышедших в 60-е – первой половине 80-х годов, необходимо прежде всего отметить исследования сибирских ученых Л.С. Рафиенко и В.В. Рабцевич, в значительной мере посвященные управлению городами, в том числе и магистратам, а также правовому положению горожан.

В статьях Л.С. Рафиенко проанализировала деятельность магистратов сибирских городов в 40–70-е годы XVIII в. Используя законодательные и делопроизводственные источники, автор намечает достаточно широкий круг полномочий магистратов – гораздо шире представленного в работах дореволюционных исследователей. Согласно данным по сибирским городам, магистраты должны были бороться с теми, кто не записан в посад, обеспечивать удобство совершения торговых сделок через нотариусов, собирать сведения о состоянии ремесла и торговли, о размерах капиталов купечества, о состоянии цен на рынке, проводить сбор подушных и пошлинных денег, денег на содержание магистрата (для покупки свечей, бумаги) и лекаря. В ведении магистратов находились также цехи, казенная продажа соли и вина⁶⁶.

Рассматривая взаимоотношения магистратов с посадским миром, Л.С. Рафиенко отмечает, что иногда они были инициаторами созыва посадского схода, утверждали выборы и разрешали увольнение земских старост⁶⁷, утверждали штат земских изб и словесного суда⁶⁸, что свидетельствует не столько о дублировании функций, сколько о руководящей и координирующей роли магистратов.

Некоторые из проблем, рассмотренных Л.С. Рафиенко на материалах 40–70-х годов XVIII в., получили дальнейшее развитие в творчестве В.В. Рабцевич, но уже применительно к более позднему периоду развития городов Сибири. Занимаясь этими проблемами на протяжении длительного времени, В.В. Рабцевич постепенно расширяла хронологические рамки своего исследования, круг используемых источников, благодаря этому ее наблюдения постоянно уточнялись, а оценки некоторых явлений менялись.

Впервые характеристика магистратов дана ею в связи с анализом реформ конца XVIII – начала XIX в. в статье «Управление городами Сибири». Исследователь пишет, что магистраты являлись сословными органами, выбирались посадской общиной и имели по преимуществу судебные и финансовые функции; выражает свое согласие с распространенной в литературе точкой зрения о том, что магистраты и ратуши стали исполнительными органами государственной власти на местах, проводили в жизнь ее распоряжения⁶⁹. Исследуя процесс «приживания» органов, введенных Жалованной грамотой городам, В.В. Рабцевич рассматривает лишь создание городских обществ и дум и почти не касается магистратов. По ее наблюдениям,

самоуправление (думы, городское общество) приживалось быстро и безболезненно в достаточно крупных городах, сложившихся в социально-экономическом отношении. Менее развитые города часто вообще отказывались от создания дум, предлагая, как нарымчане, ограничиться деятельностью городского главы или ратуш⁷⁰.

Очень интересным представляется еще одно наблюдение В.В. Рабцевич: быстрее всего думы были оформлены в тех городах, где существовали магистраты⁷¹. Крайне важно, что в первых исследованиях В.В. Рабцевич шла в изучении городского управления от момента создания дум, т.е. от 1785 г. Осознав, что магистраты продолжали играть важную роль в управлении, она в последующих исследованиях стала уделять магистратам и их делопроизводству все больше внимания.

В монографии «Сибирский город в дореформенной системе управления» В.В. Рабцевич по-прежнему расценивает магистраты как органы управления посадской общиной⁷², но доказывает, что полномочия магистратов в конце XVIII в. не ограничивались судебными функциями в отношении членов городской тяглой общины. И делали они это «в соответствии с правительственными указами»⁷³, пишет В.В. Рабцевич. Она анализирует также деятельность сиротских и словесных судов на основе их делопроизводственных материалов и приходит к выводу, что сиротские суды были всеобщими и в их ведении находились семьи купцов, мещан, ремесленников, а также крестьян, чиновников, поселенцев, солдат, проживающих в городах⁷⁴. Позднее в статье, посвященной вопросам торгового судопроизводства в Сибири в начале XIX в., анализируя основные разновидности судебных процессов, входящих в компетенцию магистратов, автор делает новый вывод о том, что в магистратах разбирались торговые дела не только посадского населения, но и иногородних купцов, дворян, записанных в гильдию, крестьян, промышляющих торговлей⁷⁵.

Демонстрируя многообразие функций магистратов, Рабцевич пишет, что разделение функций между городскими учреждениями в конце XVIII – начале XIX в. в каждом городе имело свои особенности. Формирование этих особенностей происходило в силу различных причин: в одних местах – по предписанию сверху, в других – стихийно, вследствие различных местных обстоятельств⁷⁶. Некоторая определенность в распределении функций между городскими учреждениями в Сибири наметилась лишь в 20-е годы XIX в., и то далеко не везде. По наблюдениям В.В. Рабцевич, лишь в многолюдных городах управление с этого времени стало организовываться в соответствии с четко выраженным отраслевым принципом, и функции магистратов стали ограничиваться судебными⁷⁷.

Подводя итог обзору исследований В.В. Рабцевич, необходимо сказать, что оценка ею функций магистратов, круга лиц, им подве-

домственных, претерпела существенные изменения. В начале своей научной деятельности она оценивала магистраты конца XVIII – начала XIX в. по преимуществу как учреждения с судебно-финансовыми функциями, в 80-х годах она пришла к мнению о них как учреждениях, которые имели чрезвычайно широкий круг полномочий даже в начале XIX в. От точки зрения, что магистраты – сословные учреждения, которым подведомственны «действительные граждане» – члены посадской общины, В.В. Рабцевич приходит к признанию факта о подчинении им по делам опеки и торгового судопроизводства представителей крестьянства, дворянства, казачества и других категорий городского населения.

Наблюдения В.В. Рабцевич ставили под сомнение укоренившуюся в литературе характеристику магистратов как судебных учреждений для торгово-промышленного (отжествляемого к тому же с посадским) населения городов. Важное значение работ В.В. Рабцевич состоит в том, что она заявила о многовариантности воплощения законодательных норм в жизнь сибирского региона, что было обусловлено, по ее мнению, местными особенностями развития Сибири в целом и отдельных ее городов в частности. Эти ее наблюдения подтвердили не только предположения ученых XIX в.⁷⁸, но и методологические изыскания ее современников, говоривших о вариативности развития исторических процессов.

Несомненно важным представляется ее решение исследовать прежде всего магистратские документы, а не делопроизводство городских дум, как делали это составители юбилейного издания, посвященного 100-летию Санкт-Петербургского общества, и А.А. Кизеветтер, рассматривая реализацию законодательства Екатерины II в деятельности московских городских учреждений, а также стремление В.В. Рабцевич взглянуть на судьбу магистратов с точки зрения общей политики абсолютизма того времени, продолжая традиции ученых историко-юридического и государственного направлений. Она видит основную цель этой политики в укреплении централизации, власти генерал-губернаторов, с одной стороны, и в допущении некоторого своеобразия в управлении таким регионом как Сибирь – с другой. Именно своеобразием положения Сибири она склонна объяснять расхождения наиболее известных представлений о роли магистратов в системе управления с полученными ею самой выводами. Напомним, что ученые, исследовавшие управление Москвой и Санкт-Петербургом, склонны были объяснять отсутствие в документах сведений о деятельности общей думы и дублирование функций магистратов и шестигласных дум некачественным редактированием текста Городового положения, его недостаточной четкостью, т.е. склонны были рассматривать полученные ими выводы, скорее, как доказательство просчетов Екатерины, чем как материал, требующий уточнения содержания исходных для истори-

ческих построений понятий («городское общество», «гражданство», «городское сословие» и др.).

Подводя итог обзору исследований по истории городского управления, следует сказать, что в работах ученых практически не пересекаются два взаимосвязанных явления. Одни изучают деятельность Екатерины и замысел ее реформ, другие – их влияние на систему управления городами. Сам механизм реформирования не исследуется, а между тем он вполне может и должен быть изучен на основе документации городских учреждений, что в современных условиях проведения крупномасштабных преобразований важно и ценно.

Дела и документы магистратского делопроизводства. Общая характеристика

Магистраты, как и большинство органов городского управления, были коллегиальными учреждениями, поэтому наиболее важными документами в составе их фондов являются журналы заседаний. Журналы – это книги, где подшиты описания хода всех заседаний магистрата за тот или иной год или часть года. С точки зрения современной терминологии, такие описания удобно называть протоколами. Однако следует иметь в виду, что в них фиксировался не ход обсуждения какого-либо вопроса (дела), а содержание документов, поступивших с момента окончания предыдущего заседания, и решение членов магистрата по поводу каждого из них. Характер этих фиксируемых в журнале решений весьма однообразен: почти все они лежат в русле организации документирования и документооборота магистрата. Тем не менее журналы позволяют очертить круг вопросов, подлежащих ведению этих учреждений, представить их место в системе городских и губернских органов управления, проследить эволюцию компетенции.

Все журналы магистратов тщательно оформлены, написаны хорошим разборчивым почерком со строгим соблюдением системы записи⁷⁹. Описание каждого заседания начинается с даты, которая помещается в середине страницы и включает в себя указание на год, месяц, число, день недели, когда происходило присутствие. Далее столбиком перечисляются члены магистрата и сообщается время их прибытия на службу. Затем следует формула «Слушали», после которой идет изложение поступивших в магистрат документов и решений по ним (см. илл. 1). Если документов много, то вначале пересказывается содержание указов Тверского наместнического правления и других вышестоящих учреждений, далее передается содержание документов, полученных из других магистратов и равных по рангу учреждений, а также от частных лиц (подробнее см. гл. 3).

Особенность журналов состоит в том, что по ним несколько затруднительно восстановить ход решения какого-либо вопроса или дела. По сути, они являются перечнем входящих бумаг с резолюциями магистрата по ним, тем не менее их исследование является очень перспективным. Анализ журналов заседаний позволяет с минимальными затратами сил и времени исследователя очертить круг задач, решаемых магистратами, выяснить реальный характер взаимоотношений всех учреждений и должностных лиц, входящих в систему городского управления, и их функции. Особенно ценной представляется возможность реконструкции через записи журналов магистратов документооборота, а значит, и функций учреждений и должностных лиц, фонды которых не сохранились, например, городских старост, городских голов и др.

Протоколы – это документы, где зафиксированы решения магистрата по какому-либо вопросу (делу) или отдельному документу (см. илл. 2). В делопроизводстве Новоторжского, Калязинского и других магистратов протоколы также называются «особыми определениями» или «решительными протоколами». Их подлинники дошли до нас в составе «книг протоколов», копии – в составе дел предметно-тематического характера. «Особые определения» в Калязинском магистрате составлялись, как правило, только по судебным делам. В Новоторжском магистрате «решительные протоколы» фиксировали постановления о записи в городское общество, об «отдаче в секвестр» имущества должников, выдаче «данных» (или об отводе земли), вводе во владение купленным имуществом⁸⁰, передаче незаконнорожденных и подкинутых младенцев на воспитание в семьи горожан и др.⁸¹. Протоколы заседаний по уголовным и гражданским искам сообщали приговор ответчику: отсылка в смиренный дом, конфискация имущества, наказание кнутом, взыскание денежного штрафа, «отдача в заработки» и пр.⁸².

Особенно много протоколов составлялось в Ржевском магистрате (там они назывались «особыми протоколами»⁸³): на 883 рассмотренных за 1782 г. вопроса и документа⁸⁴ приходится 133 протокола, среди них 43 связаны с различными этапами взыскания денег по векселям, 13 – с записью в число купцов и мещан, 19 выносят решения об описи и продаже имущества должников и об отдаче некоторых из них в работу. Споров по имуществу, судебно-следственных дел по уголовным преступлениям касаются 10 определений⁸⁵.

Кроме того, в некоторые годы в Ржевском магистрате вели «Книгу на записку особых протоколов», где фиксировали дату составления протокола и его краткое, одной фразой, содержание. Знакомство с содержанием записей позволяет говорить, что сами протоколы включают тексты документов, отправляемых в различные учреждения на основе резолюций магистратов. Например, известно, что 13 января 1782 г. было принято «особое определение»

«О представлении в Тверское наместническое правление доношением с прописанием обстоятельств: повелено ль будет выбранного во втораго бургомистром по утверждению гражданства в магистрат в должность допустить», а среди особых определений от 23 марта значится решение магистрата «О взятъе в секвестр и о продаже имения, о представлении в Тверское наместническое правление доношением со испрошением повеления, у векселедавца Федора Селиверстова Попова». Среди решений, принятых 18 марта, значится следующее: «О истребовании от Ржевского словесного суда через запрос, что подлинно ли показания Ржевского мещанина Андрея Мылникова прошлого 1773 году во оном суде записано. Коим он показывал, что им подписано под векселем, данным Никифору Мясникову, не по прошению брата ево Семена Мылникова, и с которого о приложении копии». Приведенный перечень решений, принятых в Ржевском магистрате и зафиксированных в «Книге на запись особых определений», свидетельствует, что она в значительной степени отражает содержание книги исходящих документов, а в случае необходимости на ее основе можно восстановить содержание самих «особых определений»⁸⁶.

Особенность «решительных определений» и «решительных протоколов», составлявших в Калязине и Торжке, заключается в том, что они фиксируют, во-первых, окончательное решение магистрата по определенному вопросу и, во-вторых, всю делопроизводственную процедуру, ему предшествующую, кратко передают содержание всех отложившихся в входе его решения документов, от иска до выписки из законов, на основании которых выносится приговор, а также показания свидетелей и объяснения ответчика. В деле Калязинского магистрата за 1776 г. подшито 13 «решительных определений», 10 из них составлены по делам, поступившим из Кашинской воеводской канцелярии, которые были заведены в период с 1729 по 1755 г.⁸⁷, два были связаны с происшествиями текущего года, носящими криминальный оттенок, а еще одно касалось выбора городского старосты и словесных судей на 1777 г.⁸⁸. Проверка показала, что в журналах заседаний магистратов содержание текстов этих «решительных определений» не фиксируется, более того, часто даже нет упоминаний о факте его рассмотрения. Слушание «решительного протокола» или «решительного определения» являлось процедурой, не фиксируемой в журналах. Таким образом, протоколы очень информативно насыщены, притом информация по вопросу в них максимально сконцентрирована; но следует отметить, что, являясь завершающим этапом рассмотрения вопроса (дела), они составлялись отнюдь не по всем вопросам деятельности магистратов, поэтому не могут заменить информацию журналов, в то время как журналы могут в значительной мере компенсировать отсутствие протоколов.

Однако информация протоколов так многогранна, что их совокупность вполне может компенсировать отсутствие самих дел, по поводу которых они и составлялись и которые плохо сохранились в составе фондов магистратов в отличие от самих протоколов. Они формировались в дела с учетом номинального и хронологического принципов и поэтому годовая подборка протоколов, как правило, представляет собой отдельную единицу хранения. Протоколы следовало подшивать и, скорее всего, записывать в книгу в хронологическом порядке. Наличие чистых листов и хронологические пробелы, а также пропуски в нумерации наводят на мысль, что в соответствующие книги вносили отнюдь не все протоколы⁸⁹.

Для изучения организации работы членов магистрата можно использовать «ведомости о присутствии присутствующих и об отсутствии оных». Это отпуски месячных табелей с указанием, кто из членов магистрата и в какие дни был на службе, а кто отсутствовал и по какой причине; кто из ратманов совмещал присутствие в магистрате и сиротском суде; ведомость сообщает время пребывания в каждом из этих учреждений⁹⁰. Дела «об увольнении присутствующих от службы» содержат копии рапортов городского магистрата в наместническое правление в случае, если в отпуск уходил один из бургомистров, и городничему, если отлучка предстояла кому-либо из ратманов⁹¹.

Среди документов, фиксирующих внутреннюю организацию делопроизводства, следует отметить регистрационные книги входящих и исходящих документов, настольные и докладные реестры. В каждом магистрате вопрос о количестве регистрационных книг, ведущихся в течение года, решали по-своему, причем в разные годы по-разному. Так, например, во Ржеве в 1779 г. велись отдельно регистрационные книги на входящие указы и «предложения» (№ 44), книги для записи исковых и мировых челобитных (№ 41), явочных челобитных (№ 32), разных бумаг (№ 35). В 1780 г. в магистрате Ржева вели аналогичные книги, при этом книга для записи явочных челобитных одновременно выполняла роль приходной книги, учитывающей сборы за них (№ 58). Среди учтенных дел за 1783 г. нам удалось обнаружить книгу для записи присланных из разных мест бумаг, книгу для записи указов и «предложений» (№ 107, 108) и книгу для записи челобитных и вексельных дел (№ 166). Исходящие документы в Ржевском магистрате регистрировались, как правило, в одной книге, по хронологии отправления. Среди документов, отправленных в тот или иной день, на первом месте стоят рапорты в вышестоящие учреждения, затем сообщения в равные по статусу учреждения, на последнем – указы городскому старосте и некоторым мелким выборным лицам: солянному голове, ларечному и т.д. В Калязинском магистрате в год его открытия (1776)⁹² отдельно регистрировались входящие указы и «предложения», а так-

же документы, поступавшие из других инстанций, однако обе эти книги подшиты в одном деле⁹³. Исходящие документы в этом городе также делились на две группы: указы и прочие документы. Однако обе регистрационные книги подшиты в одном деле⁹⁴. Входящие и исходящие документы Бежецкого магистрата учитывались аналогично калязинским и в 1777, и в 1787 г.⁹⁵. В Старице уже в 1777 г. одна книга велась для регистрации входящих⁹⁶, другая – для регистрации исходящих документов, причем в книге исходящих документов иерархия учреждений-адресатов не соблюдалась⁹⁷.

Исследование книг входящих и исходящих документов дает значительную информацию о характере взаимоотношений между городскими управленческими структурами и функциях каждой из них. Особенно важны записи, раскрывающие компетенцию учреждений и должностных лиц, полные документальные комплексы которых не сохранились. Запись в книге регистрации входящих документов Ржевского магистрата, фиксирующая факт получения «рапорта из Ржевского словесного суда, коим рапортует, что «в прошлом 1778 году в городе Ржеве на торговой площади в продаже пеньки и льна не имелось и о прочем»⁹⁸, позволяет говорить, что во Ржеве сбором сведений о ценах, количестве продаваемых и покупаемых товаров в это время занимался словесный суд. Запись в книге исходящих документов об отсылке «указа к старосте Ефиму Попкову о скорейшем отнесе во Ржевское уездное казначейство с мещанства подушных, а с купечества процентных сего 1779 году за первую половину в казну денег»⁹⁹ позволяет предположить, что во Ржеве староста сам доставлял окладные деньги непосредственно в уездное казначейство. «Книга входящим всяким делам», которую вели в Старицком магистрате в 1782 г., по сути, является регистрационной книгой входящих документов. В книге 322 записи, среди них рапорты старосты с изъяснением согласия общества купцов и мещан принять кого-либо в мещанство, сообщения старосты о том, что имущество того или иного человека описано за долги и оценено, доклады канцеляристов с изложением взятых «сказок», рапорты старосты, сопровождающие разного рода ведомости, рапорт бывшего соляного головы, что соль сдана соляному приставу¹⁰⁰. Эта книга интересна по двум причинам: во первых, по форме это некий симбиоз журнала, регистрационной книги, книги «особых протоколов». Во-вторых, анализ содержащихся в ней записей свидетельствует о широте компетенции старосты и некоторой ограниченности роли магистрата. Запись в мещанство осуществлялась, вне всяких сомнений, по решению общества купцов и мещан, староста сам организовывал и опись и оценку имущества должников, хотя в большинстве городов эти процедуры организовывали магистраты и осуществляли ратманы магистрата при участии свидетелей. Однако следует иметь в виду, что староста, соляной голова и другие выбор-

ные лица выступают прежде всего как исполнители, а магистрат — как контролирующая и организующая исполнение структура. Книга входящих документов Бежецкого магистрата за 1777 г. позволяет говорить, что в этом городе сотские проводили «повальные обыски» и оценку имущества должников, о результатах этого они сообщали рапортом в магистрат. Ратманы проводили допросы и представляли их тексты в магистрат¹⁰¹. Из этого можно сделать вывод, что влияние городничего в городе было не велико и сотские, по старой традиции, находились в подчинении магистрата, а члены магистрата самостоятельно осуществляли следственные действия.

В Торжке часто прибегали к практике составления вместо регистрационных книг входящих и исходящих документов подшивок подлинников поступивших документов или отпусков отправляемых¹⁰². Как следствие, в предметно-тематических делах подшиты, как правило, только копии документов. Учитывая также, что журналы магистрата являлись, по сути, подробной регистрационной книгой входящих документов, отказ служащих магистрата от ведения дополнительных регистрационных книг кажется вполне оправданным.

Докладные реестры по составу и содержанию записей о рассматриваемых документах еще более напоминают журналы заседаний. Однако они велись не во всех магистратах. Наиболее часто они встречаются в фонде магистрата г. Калязина, скорее всего, потому, что там не очень аккуратно формировались сами дела. В реестре указаны: номер по порядку, дата поступления документа, его содержание, сделанные по нему резолюции, в тексты которых часто включено содержание справок. В последних графах следовало делать отметки о решении и исполнении дел, но они, как правило, пустуют, особенно в реестрах за конец XVIII в. Все эти обстоятельства делают докладной реестр очень похожим на журнал заседаний (см. илл. 3). Принципиальная разница заключается в чисто внешних признаках. Если в журнале содержание документа и резолюция по нему записаны в одной графе и одним почерком, то в докладном реестре содержание поступившего документа зафиксировано в одной графе, а резолюция по нему — в другой, притом записи в этих графах сделаны разными почерками.

Выборочная сверка записей журнала Калязинского магистрата и докладного реестра за 1786 г. показали абсолютное совпадение текстов, излагающих смысл рассмотренного документа и резолюции по нему в обоих из этих канцелярских документов¹⁰³. Записи в журнале магистрата обычно сделаны той же рукой, что и запись в первой графе докладного реестра, почерк достаточно разборчив (см. илл. 4). Записи докладного реестра в графе для резолюций сделаны подчас очень трудно читаемым почерком. По всей видимости, сначала составлялся докладной реестр, причем происходило это в

два этапа: один служащий фиксировал содержание поступившего документа, а затем другой человек вносил в него содержание резолюций, но было это, скорее всего, до принятия их членами магистрата. Лишь потом поступивший документ и составленная по нему резолюция рассматривались членами магистрата, т.е. организация делопроизводства в городских магистратах была несколько иной, чем предусматривало законодательство. Позднейшие пометы, сделанные в журнале и в докладном реестре, как правило, принадлежат одному человеку, и хотя текстуально они совпадают не в полной мере, тем не менее по смыслу идентичны. Интересно дело из фонда Калязинского магистрата за 1776 г. В нем подшиты два докладных реестра: на указы и «предложения» и на прочие документы, и, кроме того, журнал заседаний магистрата за 1776 г., записи в котором идут с 21 февраля, со дня открытия магистрата¹⁰⁴.

В Старице также в некоторые годы отдельно вели докладные реестры (регистры) на указы и «предложения» и на доношения, объявления, рапорты. Они имеют одни и те же графы. Как и в Калязине, графа излагающая содержание поступивших документов, заполнена одним почерком, а графа для резолюций – другим¹⁰⁵.

Что касается настольных реестров, то в Старице они по форме весьма напоминают докладные реестры. Причем в этом городе в некоторые годы вели отдельно настольный реестр указам и «предложениям» и реестр «входящим делам», где фиксировались остальные виды документов. В настольном реестре указам за 1782 г. были зафиксированы дата поступления, содержание указа, резолюции по нему и под резолюциями стояли подписи членов магистрата. Резолюции, как правило, носили очень формальный характер, типа «записав в книгу, о получении отрепортовать»¹⁰⁶. Однако назначение этого реестра заключалось в том, чтобы держать на контроле те указы, которые требовали исполнения, и резолюции по некоторым из них, хотя и не часто, требовали осуществления какой-либо деятельности, например, передачи информации, а вместе с этим и поручения городскому старосте.

«Настольный реестр входящим делам» за 1781 г. включает содержание и указов, и «предложений», и всех остальных видов поступивших документов, а также тексты докладов канцеляриста магистрата с изложением наведенных справок, рапортов посыльщиков о том, что доставили в магистрат кого-либо из горожан либо, наоборот, не нашли нужного человека. Этот реестр имеет все необходимые графы, под резолюциями стоят подписи присутствующих, и большинство этих резолюций весьма пространны, они написаны почерком, отличным от почерка, которым написано содержание поступивших документов и рассмотренных вопросов¹⁰⁷.

В других городах настольные реестры о следственных и просителевых делах фиксировали дату начала того или иного дела, его

содержание (на основании инициативного документа), дату решения дела. Годовой реестр начинался с перечня дел, не законченных в предыдущем году, затем в хронологическом порядке заведения следовали новые дела. В Калязинский реестр 1777 г. внесены два дела, незавершенных в 1776 г., и 10 вновь поступивших, часть из них значатся как поступившие из воеводской канцелярии¹⁰⁸. Список дел, ведущихся в Калязинском магистрате в 1793 г., больше. Среди не законченных в предыдущем году значится одно вексельное дело; среди дел текущего года преобладают дела по отводу земли (они решались в течение 2–3 дней); два дела по отдаче банкротов в работу были решены сразу – в день поступления просьбы от желающих иметь дешевую рабочую силу. Было заведено много вексельных дел, но не все из них оказались решенными к концу года¹⁰⁹. Сравнение содержания настольных реестров позволяет говорить, что за 18 лет с момента объявления Калязина городом произошли некоторые изменения в жизни горожан: интенсивность их финансово-денежных операций усилилась, проявился интерес к земельной собственности. Настольные реестры Новоторжского магистрата сохранились плохо, но они свидетельствуют о высоком уровне делопроизводственной и правовой дисциплины. В 1786 г. в числе не решенных или «остаточных» с прошлых лет значились 12 дел, причем большая их часть была заведена в 1778 г. (скорее всего, они были присланы из закрытых учреждений). В течение 1786 г. поступили еще 36 дел, в основном вексельные, и лишь одно из них к концу года осталось нерешенным¹¹⁰. Однако и здесь ситуация не всегда была благополучной. В 1791 г. среди ранее заведенных и не решенных дел значится всего четыре, два из них к концу года были решены, но при этом из 26 дел, поступивших в 1791 г., решенными к концу года оказались лишь 5. Настольные реестры Бежецкого магистрата свидетельствуют о деловитости служащих и добросовестности присутствующих: там на момент открытия наместничества (январь 1776 г.) было 5 нерешенных «просителевых» дел, т.е. дел о вексельных долгах и имущественных спорах, однако в течение 1776 г. поступило еще 17 дел подобного рода, из которых не было решено к концу года лишь два¹¹¹. В настольном реестре следственных дел значилось лишь одно, оно относилось к 1775 г. и так и осталось нерешенным¹¹².

Настольные реестры денежной казны также имели некоторые отличия. В Калязинском магистрате они фиксировали в хронологическом порядке факты всех поступлений финансовых средств в магистрат и сообщали о датах их отправления в уездное казначейство (см. илл. 5). Настольный реестр Калязинского магистрата за 1792 г. сообщает о получении в магистрате 13 января с поданного прошения 25 коп., 16 января – с паспорта 10 коп., 27 октября – о поступлении от старосты «с мещан сорокаалтынных» 288 руб. 25 коп.

с четвертью и т.д.¹¹³. В Кашине в конце 70-х годов велся лишь настольный реестр неокладных сборов, где в хронологическом порядке поступлений фиксировались факты уплаты денег за получение аттестатов, за выдачу «данных», но преобладали записи о сборах с выдачи паспортов¹¹⁴. Реестр окладных сборов в это время в Кашинском магистрате, видимо, не вели, скорее всего, потому, что эти сборы поступали прямо от старосты в уездное казначейство¹¹⁵.

Жизнь Вышнего Волочка была более интенсивной, и это находило отражение на страницах настольного реестра денежной казны. В магистрат города очень часто поступали деньги в счет погашения вексельных долгов. Должники не всегда охотно расставались с деньгами, часто их взыскивали в административном порядке, поэтому в книге преобладают записи о поступлении денег в счет погашения долга того или иного горожанина от городничего. В течение нескольких следующих дней они передавались кредиторам, и это всегда находит отражение в реестре, причем получатель расписывался в получении денег. Регулярно поступали деньги в счет оплаты труда лиц, которые были отданы в работу за долги. Годовая плата в этих случаях составляла 24 руб., эти деньги отсылали в Тверскую палату гражданского суда. Так, мещанка Сергеева просила принять деньги в счет погашения вексельного долга брата, А.П. Вышин представил 25 руб.¹¹⁸ за находящегося у него в работе разорившегося мещанина и просил оставить работника еще на год. Кроме того, поступали деньги на оплату жалованья служащим магистрата и канцеляристам и т.д.

Сравнение таких реестров за различные годы позволяет видеть эволюцию полномочий магистрата. В 70-х годах записи о поступлении подушных и процентных денег с объявленных капиталов отсутствуют потому, что старосты отправляли их напрямую в уездные казначейства, минуя магистрат; в 80-х годах окладные налоги поступали в магистраты, что отражается в настольных реестрах денежной казны¹¹⁶. В XIX в. в реестрах денежной казны записи о поступлении подушных денег и процентов с капиталов снова исчезают¹¹⁷, остаются в основном сведения о поступлениях денег, связанных с выплатой или отработками вексельных долгов.

В магистратских канцеляриях зачастую наряду с уже рассмотренными документами велись также различные виды маклерских книг, которые мы рассмотрим ниже, вместе с документами, обеспечивающими права собственности горожан.

Среди комплексов источников, формировавшихся в канцеляриях магистратов, следует также назвать приходно-расходные книги. Некоторые из них назывались приходными, и в них фиксировались факты получения в магистрате пошлинных сборов. Расходная часть в таких книгах также присутствует, но обычно ограничивается краткой записью, расположенной на первой или последней страни-

це, об отсылке денег в уездное казначейство. В Бежецком, Кашинском и Новоторжском магистратах, как правило, отдельно заводились приходные и расходные книги¹¹⁹. В Калязинском и Вышневолоцком магистратах велись приходно-расходные книги, где одновременно фиксировался приход и расход денег. В конце 70-х годов в Калязинском магистрате ежегодно велось от 8 до 11 приходно-расходных книг: с печатных пошлин, с явочных челобитных, с паспортов, с векселей, представленных к протесту и др. В Вышнем Волочке количество и разновидности приходно-расходных книг менялись. Так, в 1785 г., помимо книги для записи прихода и расхода денег, собираемых с купцов и мещан в виде подушных и процентных с капиталов¹²⁰, вели книги для записи прихода печатных пошлин, пошлин с паспортов, с явочных челобитных, с исковых челобитных, приходно-расходную книгу жалования служащим магистрата. В 1786 г. к ним добавились книга для записи сборов с мировых челобитных, пошлин с суда и пересуда, за использование простой бумаги вместо гербовой, пошлин с «данных».

Что касается ведения приходных книг неокладных сборов, то нужно сказать, что в некоторые годы велась одна книга для учета сбора самых различных пошлин, а в другие – на каждый вид сборов заводилась отдельная книга. В первом случае книга состояла из нескольких частей по видам сборов: 1) «с печатных пошлин на расход в с печатей восковых»; 2) с явочных прошений; 3) за проданное имущество, вексельные иски и выдачу «данных»; 4) с явки купчих; 5) с исковых прошений; 6) с мировых прошений; 7) за употребление негербовой бумаги; 8) за перенос судебных дел на апелляцию в высшую инстанцию; 9) с паспортов¹²¹. К подобной практике прибегали и в Старице, и в Бежецке, соединяя все записи о приходе в одной книге, но не по хронологии поступлений, как в реестрах денежной казны, а по видам сборов¹²². Во Ржеве, как правило, велись две приходные книги: для записи пошлин с выдаваемых паспортов и для всех прочих¹²³; в 1778 г. была заведена одна книга «на записку прихода с разных сборов»¹²⁴. Книги расхода денег со сбора пошлин в фондах магистратов встречаются реже, как уже говорилось, записи об отсылке денег в уездное казначейство обычно заносились прямо в приходную книгу, а других категорий расходов для денег, собираемых в качестве пошлин, просто не существовало. Судя по немногим сохранившимся расходным книгам неокладных сборов, они заводились по видам сборов и содержали сведения о том, сколько денег данного сбора отослано в уездное казначейство в каждом месяце¹²⁵. В приходно-расходных книгах, как уже говорилось, указаны не только факты получения денег, но дата отсылки их в уездное казначейство. Очень часто книги обозначены в описи как просто приходно-расходные, но тем не менее отражают лишь ход сбора какого-либо одного вида пошлин, например, в книге Зубцовского ма-

гистрата «о приходе и расходе денег за 787 год» содержатся 16 записей, и все они фиксируют сбор 75 коп. и трех четвертей с «данных» на землю, вне зависимости от количества выделенных под застройку мест и их размера¹²⁶.

Что касается приходных книг окладных сборов, то за конец 70-х и начало 80-х годов они либо вообще отсутствуют в фондах магистратов, либо оказались там в результате ошибок фондирования, поскольку при детальном их изучении оказывается, что они велись в делопроизводстве городского старосты¹²⁷.

Уже первое знакомство с приходно-расходными книгами позволяет заметить, что наиболее часто взимаемыми были сборы печатных пошлин, а также пошлины за выдачу паспортов. Запись о приходе печатных пошлин содержит сведения о документе, на котором ставят печать, обязательно – о том, кому этот документ выдан; если выдается «данная», то указывается место расположения участка земли и дома; в случае выдачи аттестата – сумма, которую желает получить проситель, город, куда следует перевести вексель, и учреждение, из сумм которого выдаются деньги. Теоретически такая книга должна содержать сведения обо всех документах, выдаваемых частным лицам и заверенных магистратом, а раздел о сборах с явки купчих – сведения о всех сделках горожан по купле-продаже недвижимого имущества. Значит, приходные книги могут помочь при решении вопроса о репрезентативности сохранившихся комплексов документов по отношению ко всему образовавшемуся в свое время в магистрате. Они также могут служить самостоятельным источником для решения некоторых исторических проблем. Например, при изучении вопроса о занятиях городского населения определенный интерес представляют разделы приходных книг о сборе пошлин с выдаваемых паспортов. В них указывается фамилия, имя, отчество лица, которому выдается паспорт, и сумма взимаемого сбора. Последняя помогает определить срок действия паспорта¹²⁸. Книги сбора пошлин с выдачи «данных» позволяют фиксировать процесс раздачи земель горожанам и изучать процесс планировки, изменения в расселении горожан, поскольку, как уже говорилось, такая книга сообщает не только с кого взяты сборы, но и номер места и номер квартала, где находится выделенная под застройку земля, размер участка.

Сбор канцелярских пошлин и денег с паспортов осуществляли специальные должностные лица – «приходчики», которые часто совмещали эту работу со службой в качестве канцеляристов магистрата. Они в ежемесячных докладах информировали членов магистрата о том, сколько пошлинных денег поступило с тех или иных сборов. На основе этих сообщений в магистрате составляли разного рода ведомости и «счетные выписки». В первые год-полтора после начала реформы управления сведения о количестве собранных

налогов с паспортов, явленных купчих, мировых челобитных, о проданной соли и другие отправлялись в Сенат и Статс-кантору¹²⁹, но уже во второй половине 1777 г. сведения об отсылке ведомостей в в эти учреждения не встречаются¹³⁰. Их отправляли в уездное казначейство и в казенную палату за подписью трех-четырех, а иногда и всех членов магистрата. «Счетные выписки» представляют собой таблицы, составленные на развороте листа, в левой части которого указана сумма, собранная по каждому виду сбора в истекшем месяце, а также с начала года, и общая сумма сборов за месяц и истекшую часть года, а в правой – суммы, отосланные по каждому виду сборов в казначейство¹³¹.

Содержание докладов «приходчиков» в большинстве городов зафиксировано только в журнале магистрата. В Торжке же «приходчики» ежемесячно представляли письменные доклады, и чаще всего они составляли одно годовое дело вместе с месячными «счетными ведомостями» и другими документами, отражающими передачу денег в финансовые структуры. В числе последних следует назвать ежемесячные указы Новоторжского магистрата приходно-расходчикам, предписывающие сдать собранные деньги в казначейство; отпуски сообщений магистрата в уездное казначейство о том, какая сумма денег передается в уезд, и инапоминанием о необходимости выдать квитанцию-расписку в получении денег¹³². Столь тщательное делопроизводство свойственно не многим магистратам, обычно годовой комплект документов магистрата по этому вопросу состоял из «счетных ведомостей» и отпусков сообщений в уездное казначейство, которые, по сути, являлись сопроводительными письмами к этим ведомостям¹³³. Что касается квитанций, то они чаще всего подшивались в самостоятельные дела. Так было в Торжке, Бежецке, Калязине, Старице¹³⁴, однако квитанции часто встречаются и в составе других дел¹³⁵. В Калязине роль квитанций зачастую исполняли сообщения казначея о том, что он получил деньги, присланные из магистрата, при этом в одних сообщалось о получении сорокаалтынных денег или процентов с капитала (эти деньги обычно поступали из магистрата, но приносил их городской староста), в других – о получении пошлинных сборов. Эти сборы в ряде случаев также приносил в казначейство городской староста, но иногда и служащие магистрата¹³⁶. Как видим, в маленьком городе, где и доходы были соответствующими, процедура сбора и отправки средств в уездное казначейство была упрощена.

Приходно-расходные книги денег за выдачу паспортов не следует путать с книгами для записи выдаваемых паспортов. Однако и те и другие, как правило, велись в магистратских канцеляриях, в отличие от делопроизводства, в ходе которого решался вопрос, дать или не дать паспорт просителю. В книгах записи выдаваемых паспортов мы находим даже сведения о внешности человека, на имя которого

выдан паспорт, указание, кому именно он вручен (жене, брату, отцу), сведения о том, кем из членов магистрата паспорт подписан. Подобные книги встречаются только в документах Ржева. В Ржевском магистрате для удобства пользования такими «книгами на записку выданных паспортов» составляли алфавитные указатели получателей паспортов, содержавшие порядковый номер записи о выдаче. В описи эта категория дел может называться либо «Книгой на записку выдачи паспортов», либо просто «Алфавит»¹³⁷. Книги выдачи паспортов должны были учитывать отлучки лиц, внесенных в окладную книгу по данному городу. Однако в город и прибывало много людей, стремясь осесть в нем на более или менее длительный срок. Учетом прибывавших на короткое время занимались городничие, а вот приехавшие на длительное время, желающие записаться в цех или купечество, должны были обращаться в магистраты.

На магистратах также лежала обязанность по формированию различных категорий постоянного городского населения, составлявшего его городское общество. Именно в магистрат поступали просьбы положенных в оклад по данному городу жителей о переводе их из числа мещан в купечество. Сюда подавали прошения иногородцы о записи в гражданство города или крестьяне просили о приписке к посаду, купечеству, цеху. Служащие магистрата проводили значительную работу по проверке возможности выполнить просьбы такого рода: запрашивали согласие членов городского общества (если поступала просьба о причислении к гражданству), наводили справки о наличии собственности, если проситель обосновывал свою просьбу этим обстоятельством, и т.п.¹³⁸. Магистрат вел также дела об исключении из городского общества. Их состав аналогичен составу дел о зачислении в число граждан. Согласие собрания купцов и мещан в этом случае было обязательным¹³⁹. От положения каждого из жителей города в структуре городского населения зависело количество окладных сборов, причитавшихся в казну государства. Окладные налоги, взимаемые с горожан, также учитывались в магистратах, но в различные периоды даже последней четверти XVIII в. это происходило по-разному, к тому же вариативность проявлялась в разных городах в один и тот же период.

Об этом позволяют судить приходно-расходных книги, в которых фиксировались факты поступления и факты отсылки в уездное казначейство окладных сборов. В подобной книге Калязинского магистрата за 1776 г. зафиксированы поступления в магистрат от городского старосты подушных денег, а также рекрутских денег, собираемых с купечества вместо поставки рекрутов. Здесь же учтены другие сборы, не имеющие отношения к окладным: штрафных денег за небытие на исповеди; денег, собранных с купечества на жалованье пробирному мастеру. При этом в графе «Расход» помечено-

но, куда отправлены поступившие средства: предназначавшиеся пробирному мастеру отсылались во 2-й департамент губернского магистрата, рекрутские с купцов – в департамент рекрутского набора казенной палаты¹⁴⁰, а все остальные – в уездное казначейство, куда их обычно относил сам староста¹⁴¹. В 90-х годах в этом магистрате велись приходно-расходные книги, где учитывались поступления только сорокаалтынных денег и процентных с объявленных купеческих капиталов, а также денег на накладные расходы. Судя по записям, эти деньги поступали от городского старосты и в очень редких случаях от отдельных лиц, записавшихся в купечество и мещанство города¹⁴². Расходная статья во всех случаях одинакова и фиксирует отправку средств в уездное казначейство. В начале XIX в. в Калязине отдельно велись книга учета сборов с купцов и мещан, причем, в каждой из книг учитывалось не только внесение процентных денег с объявленных капиталов или подушных, но также выплаты в счет исполнения земской¹⁴³ и рекрутской повинности, расходов на городские нужды и др.¹⁴⁴. В отличие от предыдущего периода в эти годы деньги уже поступали не непосредственно от городского старосты, а от сборщиков, причем они передавали их в думу, а не в магистрат¹⁴⁵.

В окладных книгах XIX в., которые обычно хранятся в фондах городских дум, пометы о платежах стоят уже против каждой фамилии, при этом указан срок поступления денег от налогоплательщика, даже в том случае, если деньги принес сборщик (как, впрочем, чаще всего и происходило). Это, несомненно, свидетельствует о трансформации отношений между членами городской мещанской общины и укреплении финансовой дисциплины. Такие книги определялись в делопроизводстве и в описях фонда как «Книги для записи сбора денежных сумм» или как книги сборщиков¹⁴⁶, однако это, скорее всего, один из экземпляров книги, который хранился в думе. Записи о внесении денег сборщиками всегда подтверждаются записями об их принятии кем-либо из гласных думы.

Подушные деньги, как и сборы на земские повинности, довольно быстро перешли в ведение городских дум, а вот сборы с купечества дольше находились в ведении магистратов, вероятно, потому, что в купечество могли входить и лица, не являвшиеся членами данного городского общества, во всяком случае четверть суммы, собранной в виде процентов с объявленных купеческих капиталов, которую позволялось расходовать на необходимые городские нужды, в некоторых городах поступала в думы из магистратов вплоть до конца царствования Александра I¹⁴⁷.

В процессе исполнения магистратами функции обеспечения поступлений доходов в государственную казну в делопроизводстве этого учреждения формировался большой комплекс дел. Конечной целью их составления было выяснение той суммы, которая должна

была поступить в государственную казну от податных слоев городского населения в течение года.

Подготовительная работа начиналась в декабре предшествующего календарного года. Служащие магистрата составляли списки выбывших мещан и купцов с указанием причин выбытия (отдача в рекруты, смерть и т.п.)¹⁴⁸. Проживавшие в городе купцы подавали в магистрат объявления о своих капиталах, их содержание фиксировали в журналах магистратов, в книгах регистрации входящих документов и, как правило, подшивали в самостоятельные дела¹⁴⁹. Затем в городах начинали составлять окладные или податные тетради, включающие списки мещан¹⁵⁰, а также ведомости о купцах на предстоящий год. В Торжке вплоть до 1785 г. списки купцов и мещан велись в одной книге, которая, кстати сказать, называлась «сказки о купцах и их капиталах»¹⁵¹. Калязинские и вышневолоцкие податные и окладные тетради сохранились в самых разных фондах и обычно содержат списки глав семейств по частям города, построенные по алфавитному принципу, с указанием числа душ, за которые они должны вносить деньги. По этим тетрадям можно получить представление о степени состоятельности той или иной семьи, поскольку семья с двумя мужскими душами могла платить за четыре с половиной души, а семья с тремя мужчинами – всего лишь за полторы¹⁵². В подобных книгах последней четверти XVIII и начала XIX в. записи о приходе денег стоят в последней графе таблицы и сообщают, что деньги представлены в городской магистрат или «в городские дела», как в Вышнем Волочке, городским старостой или кем-либо из сборщиков, причем не указано, с кого именно сборщик собрал эти деньги. Здесь же могут стоять пометы об отправлении этих денег в уездное казначейство¹⁵³.

Следует сказать, что окладные книги в магистратах встречаются, скорее, как исключение, являющееся следствием плохого фондирования, например. Ситуация в Калязине и в Вышнем Волочке, где документация городских старост хорошо сохранилась, свидетельствует, что раскладка и сбор казенных податей были внутренним делом городского гражданства, деньги они представляли в магистрат лишь для фиксации собранной суммы в соответствующих приходно-расходных книгах, после чего они обычно тут же отсылались в уездное казначейство со старостой. В некоторых случаях это находило отражение не только в записях приходно-расходных книг, но также в рапортах сборщиков, являвшихся, по сути, сопровождающими письмами к собранным деньгам, или в отпусках сообщений магистрата в уездное казначейство, которые так же, как рапорты сборщиков, представляли собой сопроводительные документы к денежным суммам¹⁵⁴.

В новоторжских «сказках о купцах», в отличие от калязинских и вышневолоцких окладных книг и тетрадей, мы не имеем сведений

об окладе лиц, внесенных в число мещан, а также записей об уплате ими денег и тем более об отправлении собранных сумм в уездное казначейство. Кроме того, нужно сказать, что в Торжке «сказки о купцах», вопреки названию, содержат сведения не только о купцах, но и других категориях податного населения. При этом в фонде Новоторжского магистрата встречаются «сказки» двух видов. В одних, более ранних, купцы и мещане, как давно проживающие в городе, так и записавшиеся в число горожан после последней ревизии, внесены подряд, вперемежку, по слободам, где они живут¹⁵⁵. С середины 80-х годов они стали начинаться списком купцов, затем следовал список мещан и в самом конце – список лиц, вступивших в городское общество за последние годы. Подобное изменение структуры «сказок» свидетельствует, что лишь после издания текста Жалованной грамоты городам новоторжцы стали воспринимать разделение на купцов и мещан как существенно важное. Внутреннее деление в списках купцов и мещан оставалось прежним – по слободам, вновь записанные в городское гражданство систематизировались с учетом их происхождения («из церковников», «из крестьян»), а иногда по годам приписки к городскому обществу. Во всех разделах книги фиксировались фамилия, имя, отчество главы семейства, затем имена неотделенных братьев и детей мужского пола с указанием возраста каждого на момент составления «сказки». Помимо этого иногда указывали возраст на время проведения ревизии. В некоторых «сказках» есть графа для особых помет, в которой сообщали причину отсутствия лиц, числящихся по материалам ревизии.

Две следующие графы отводились для сведений об имеющемся капитале. В списке купцов первая из них заполнялась следующим образом: «Капитала имеет с детьми... рублей» (цифры прописью), далее следует подпись купца или его доверенного лица. В последней графе указана сумма капитала цифрами. В списках мещан и вновь записавшихся эти две графы, как правило, пустуют. Иногда среди списка купцов встречаются лица, не объявившие капитала на предстоящий год, а среди мещан и вновь записавшихся, наоборот, значатся зачисленные в купечество¹⁵⁶.

Вне зависимости от степени причастности к составлению окладных тетрадей и их ведению, магистраты всех городов вмешивались в процесс сбора подушных денег и процентных с капитала, если у горожан возникали какие-либо проблемы. Городское общество Вышнего Волочка в 1780 г. обращалось в магистрат с просьбой ходатайствовать перед вышестоящими управленческими структурами о том, чтобы деньги за умерших мещан вносило не все городское общество, а родственники умерших, логично обосновывая просьбу тем, что их имущество наследовали родственники¹⁵⁷. Городское общество в данном случае явно стремилось переломить традицию, поскольку сохранившиеся приговоры городских обществ свидетельствуют, что за

умерших, больных, увечных вносили деньги всем миром, собирая на это даже с купцов¹⁵⁸. Аналогичная ситуация сложилась в Вышнем Волочке и в 1833 г. в связи с эпидемией холеры, но в этом случае об освобождении платы за умерших ходатайствовал перед вышестоящим начальством уже не магистрат, а городская дума¹⁵⁹.

Горожане тщательно подсчитывали число живых податных душ, количество мещан, объявивших капиталы, и если возникала необходимость, то отстаивали свои интересы перед финансовыми структурами. Очень интересная ситуация ввидна в переписке, которая велась между городским правлением вышневолоцкого общества, магистратом и уездным казначеем в августе и сентябре 1784 г. Уездный казначей дважды присылал в магистрат требования о внесении подушных денег и процентов с объявленных купеческих капиталов, после чего магистрат направлял указы соответствующего содержания городскому старосте. Ответный рапорт старосты сформулировал мнение горожан по поводу полученных предписаний. За текстом этого рапорта стоят явно хорошо образованные в правоведческом плане люди. Авторы рапорта отметили, что казначей требует сумму выше расчетной. По расчетам¹⁶⁰ волочане должны были внести 3 тыс. 24 руб. 74 коп., а не 3 тыс. 124 руб. 47 коп., как указано в сообщении казначея. Обосновывая отказ платить завышенную сумму, жители города ссылаются на повеление генерал-прокурора князя Александра Алексеевича, в котором написано, что «исповедание торгующих не долженствует служить поводом ни к какому различию, кто бы какого закона не был, ни больше, ни меньше установленного платить не обязан». Эта фраза позволяет предположить, что казначей требовал завышения предварительно намеченной суммы, исходя из наличия в купечестве Вышнего Волочка раскольников¹⁶¹.

Второе обстоятельство, вызвавшее недовольство жителей города, заключалось в попытке уездного казначея собрать казенные сборы раньше традиционного времени – декабря месяца. По их мнению, август и сентябрь, как и два последующие месяца – время активной торговли и разъездов купечества, в том числе тех из них, кто должен собирать налоги¹⁶². К слову сказать, к концу года за городом оказались серьезные недоимки, и магистрат снова должен был улаживать проблемы между «городовыми делами» и уездным казначейством. Из этой переписки для нас важно также, что собранные деньги, и подушные и процентные, в 80-е годы поступали в магистрат, а уже оттуда с городским старостой в уездное казначейство. Так дело обстояло во всех городах, даже в тех, где в конце 70-х годов собранные под руководством старосты окладные налоги им самим доставлялись в уездное казначейство, минуя магистрат.

На основе податных тетрадей, «сказок» и подготовительных материалов к ним в магистратах составляли «ведомости о купцах»,

«особые уведомления о купцах и мещанах», а также «ведомости о купцах и мещанах», которые отсылались в различные инстанции.

«Ведомости о купцах» представляют собой список глав купеческих семейств с разбивкой их по гильдиям, с указанием количества душ мужского пола в семействе по последней ревизии и имеющихся в наличии, обозначением степени их родства, суммы объявленного каждой семьей капитала и суммы процентного сбора с него. Вот пример такой записи: «Ларион Филипов сын Посохин начальник семейства и капитала и при оном дети: Андрей, Дмитрий, Лаврентей со внуками дмитриевыми детьми Петром, Иваном, Алексеем, лаврентьевым сыном Иваном»¹⁶³. Внутреннее деление списка купцов не по слободам, а по гильдиям. Перечень купцов в составе каждой гильдии имеет обычно свою нумерацию. По каждой гильдии подведен итог, сообщающий численность душ мужского пола в ней, сумму объявленного капитала и процентного сбора с него. Заключительный итог сообщает общую численность душ мужского пола в купеческих гильдиях города и денежную сумму, причитающуюся с них в государственную казну¹⁶⁴. Ведомости о купцах известны в литературе как «капитальные книги», под таким названием они учтены в составе некоторых фондов, например Тверского магистрата (см. илл. 6). Беловые экземпляры этих ведомостей, а также «ведомостей о числе купцов и мещан и о количестве принадлежащего с них ежегодного дохода сведений» до начала местной реформы отправляли в Сенат и Штатс-контору, однако в конце 1776 г. в магистраты поступило предписание направлять их в казенную палату «в конце каждого года неотменно»¹⁶⁵.

Во Ржеве, где к купечеству в первой половине 80-х годов относилась половина жителей, ведомость о купечестве сопровождалась выделенным особо списком государственных крестьян, проживающих в городе и объявивших капитал¹⁶⁶. При этом самому списку предшествовал алфавитный указатель, руководствуясь которым можно было легко отыскать сведения о том или ином купце в тексте ведомости¹⁶⁷.

«Особые уведомления» составляли для казенной палаты и уездных казначейств. В Торжке они были двух видов. «Особое уведомление 1-е» указывает общее число убогих мещанских душ, сообщает, куда и сколько выбыло: в монашество, в рекруты, умерло, ушло из города без разрешения. Ниже подводится общий итог: число выбывших, число оставшихся, числящихся по ревизии, рожденных после нее. Сведений о денежных суммах в этом уведомлении нет.

«Особое уведомление 2-е» касалось купцов, в отличие от ведомости о купцах, оно не дает перечня купцов города, а лишь сообщает общее число купеческих семей в городе, число поревизных и наличных душ в них, размер капитала, объявленного всеми ими на предстоящий год, и причитающийся с него процентный сбор, а так-

Ведомость

Кто имяны приказаны и чтеество прошлого 1775 году
 Вятское чтеество Затишалов Сканин и
 таломъ, исконо унхъ вемейства мѣрса полу-
 зши малыхъ котловекъ. Ибомя прелестныхъ =

Володы прели втломъ - ^{исконо унхъ} вемейства ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства}
 лонъ 1775 году приказ. ^{исконо унхъ} мѣрса ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства}
 бои мѣрса вкчтее ^{исконо унхъ} талу ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства}
 саво Затишалов ^{исконо унхъ} малыхъ ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства} ^{вемейства}

					Рубл	Коп	Коп
тѣлок экидн							
Фримиѣ Якимѣ свина Кобелев - - - -	3	3	"	"	20000	200	"
Камлани Смитки иъ свеполовѣ - - -	2	2	"	"	10050	100	50
Итого втѣлок экидн - - - -	5	5	-	-	30050	300	50
втѣлок экидн							
эковек Козинѣ - - -	2	1	1	"	1050	10	50
элаинѣ аваевѣ - - -	5	4	1	-	2000	20	-
Алексын савинаѣ - - -	5	4	1	-	1500	15	-

Илл. 6. Ведомость о купцах г. Твери на 1776 г.
 (Ф. 175. Оп. 2. Д. 233. Л. 20. Подлинник)

же те же самые сведения за год, только что прошедший. Итогом этого уведомления является исчисление разницы сумм капитала городского купечества и суммы процентного сбора с него в прошедшем году и предполагаемого сбора в году начавшемся¹⁶⁸. Во Ржеве составлялось одно «Особое уведомление», оно соединяло в себе те сведения, которые были разбиты в Торжке на два обособленных документа. Причем во Ржеве, Вышнем Волочке и других городах отпуски подобных ведомостей могут находиться в составе «нарядов», где собраны самые разнообразные документы, либо после черного варианта ведомости о купечестве¹⁶⁹. В этих случаях после черновика идут вспомогательные материалы, необходимые для составления отчетных материалов, отправляемых в финансовые структуры, например, перечень умерших за год купцов, и мещан, «перечень включенных в мещанство по неимению капитала», т.е. вышедших из купечества, в этом разделе обычно значатся вдовы, вышедшие из купечества после смерти мужа¹⁷⁰. И как итог всем собранным сведениям и подсчетам в конце списка городских купцов можно найти отпуски «ведомости о числе купцов и мещан и принадлежащем с них в казну доходе» и «особое уведомление»¹⁷¹.

«Ведомости о купцах и мещанах и принадлежащем с них в казну доходе» имеют девять граф. По форме они точно соответствуют приложению к указу от 23 мая 1775 г.¹⁷². Согласно ему, ведомости такого характера следовало посылать в Сенат, но все известные нам препроводительные документы к ней адресованы в Тверскую казенную палату, что явилось следствием перестройки системы управления в связи с реформами Екатерины II¹⁷³. В этой ведомости по вертикали указаны все категории податного населения города (купцы, мещане, экономические крестьяне и др.) и денежная сумма, которая должна поступить в государственную казну от каждой из них. В итоге дана общая сумма сбора, причитающегося с податного населения города¹⁷⁴.

Отпуски «ведомостей о купцах», «особых уведомлений», а также цифровой «ведомости о купцах и мещанах и причитающемся с них в казну доходе» в некоторых магистратах подшивали вместе, как в Торжке, и в делопроизводстве за каждый год они образовывали самостоятельное дело¹⁷⁵. Однако во Ржеве и Калязине они могли войти в состав «наряда», вместе с отпусками других ведомостей, или, как уже говорилось, могли находиться в составе дел, наряду с подготовительными материалами¹⁷⁶. В Зубцове, где численность купечества была мала, в одном деле могут быть подшиты объявления купцов о капитале на следующий год и отпуски ведомостей о купцах¹⁷⁷.

Установив размер денежной суммы, которая должна была поступить в казну с купечества и мещанства того или иного города, государство требовало ее своевременного, дважды в год, выплаты.

В фондах магистратов отложилось значительное количество дел с перепиской по этому поводу. Документы свидетельствуют, что одни магистраты, как Новоторжский, жестко контролировали процесс (что выражалось в указании сборщикам ежемесячно представлять рапорты о ходе сборов с мещан подушных денег, а с купцов – процентов с объявленных капиталов), другие, как Калязинский и Ржевский, осуществляли самый общий контроль за ходом сборов и вели учет собираемых денег в соответствующих приходно-расходных книгах. В Старице в первые годы проведения губернской реформы магистрат являлся посредником в передаче информации между ТНП, КП, городничим, уездным казначеем, с одной стороны, и городским старостой – с другой, по поводу сбора этих окладных налогов. Собранные деньги городской староста передавал в уездное казначейство и ставил магистрат в известность об этом¹⁷⁸.

Такая же ситуация наблюдается по документам Кашинского магистрата за конец 70-х годов. В ответ на указ магистрата ускорить сбор подушных, староста сообщил, что сорокаалтынные деньги с 900 душ вместе с накладными расходами «сего марта 8 дня мною в Кашинское уездное казначейство заплачены. В чем и квитанция из реченного уездного казначейства мне дана»¹⁷⁹. Квитанции при этом оставались у старосты. В его подчинении были сборщики денег, которые, однако, обращались в магистрат в случае, если кто-либо из неплательщиков находился вдалеке от города и требовалось вмешательство магистрата для взыскания с них денег¹⁸⁰.

Магистрат вплоть до начала 80-х годов даже не вел учет этих денег. Однако в 80-е годы староста представлял в магистрат рапорт с указанием собранной суммы и сами деньги, а оттуда они направлялись в уездное казначейство, причем часто относил их тот же староста¹⁸¹. В эти же годы магистрат, отправляя деньги, стал просить, чтобы казначей уведомил об их получении¹⁸². Ответные сообщения казначей выполняли роль квитанций, сами же квитанции, по всей вероятности, и в этот период оставались у старост. Что касается Бежецка, то там в конце 70-х годов староста сам отправлял подушные и процентные деньги в казначейство, о чем информировал магистрат рапортом¹⁸³.

В Торжке магистрат контролировал не только ход сбора окладных налогов, но и их раскладку. Выбранным городским обществом на 1780 г. окладчикам был дан указ составлять окладную книгу на предстоящий год в самом магистрате «призывая оных (мещан. – Н.С.) в магистрат» и стараясь сделать это «по сущей справедливости», «по обложении записывать оных в посланную при том за скрепою здешнего магистрата книгу. Для чего и приложить им при оном же кто именно ныне в мещанстве и сколько у них в семействе находится душ тетрадь окладную». Таким образом окладная тетрадь – список мещан – составлялась магистратскими канцелярски-

ми служителями, а окладчики должны были лишь проставить против каждого семейства их оклад. После окончания работы они передали книгу членам магистрата, что зафиксировано рапортом окладчиков¹⁸⁴. Книгу хранили в присутствии магистрата¹⁸⁵, а выбранным из мещанства сборщикам давали копии с нее. Уже в начале января 1780 г. Новоторжский магистрат послал выбранным сборщикам указ о необходимости начать сбор денег. Следует отметить, что среди сборов, которые они должны были взимать, значатся не только подушные деньги с мещан и процентные с объявленных купеческих капиталов, но и сборы в зачет «добровольных складок»¹⁸⁶. Однако сведений о передаче этих денег в магистрат не имеется, по всей видимости, они шли городскому старосте или хранителям городской суммы.

Представленные в магистрат окладные сборы фиксировались в соответствующей приходно-расходной книге и в настольном реестре денежной казны. В этих документах, как правило, обозначена лишь общая сумма поступивших подушных денег или процентных с объявленных капиталов и дата их отправки в уездное казначейство¹⁸⁷. По поводу лиц, задержавших выплату, в некоторых магистратах велась громадная переписка в течение всего последующего года: сборщики представляли о них рапорт в магистрат, магистрат передавал сообщения наместнику, в губернское правление, а также во 2-й департамент губернского магистрата. Причем в Торжке к каждому из этих документов прикладывалась ведомость лиц, задерживающих плату, с пояснением причин этого обстоятельства. Из месяца в месяц эта переписка повторялась, и в итоге в делопроизводстве Новоторжского магистрата за год формировались дела объемом 250–300 листов¹⁸⁸. Во Ржеве всю работу по организации взыскания подушных денег и процентов с объявленных капиталов осуществлял «городовой земский староста», он же представлял собранные деньги в уездное казначейство, о чем и сообщал в магистрат рапортами. Магистрат иногда посылал указы, призывая ускорить сбор денег, но из переписки магистрата и старосты не известны фамилии должников, суммы недоимок и за счет этого объем переписки по этому поводу во Ржеве гораздо меньше, чем в Торжке¹⁸⁹. В Калязине эту работу также организовывал староста, он представлял деньги в магистрат для фиксации факта сбора определенной суммы на тот или иной период, после чего относил деньги в уездное казначейство. Из делопроизводства Старицкого магистрата фамилии неплательщиков также не известны, хотя понятие «реестр неплательщиков» фигурирует в переписке. Скорее всего, такие реестры для Старицкого магистрата не имели особого значения и потому в его делопроизводстве не встречаются, что еще раз подтверждает его несколько отстраненное отношение к сбору казенных окладных податей в отличие от Новоторжского, например.

В Кашине даже в конце 70-х годов, когда магистрат практически не был причастен ни к сбору, ни к отправке денег в казначейство, ему тем не менее сообщали о должниках, которых не могли отыскать. Магистрат, в свою очередь, обращался в соответствующие инстанции, чтобы, по сути, помочь старосте и сборщикам, которые вели непосредственную работу по сбору подушных денег.

Городовые магистраты также организовывали или контролировали получение с горожан других средств. Магистрат Торжка организовывал взыскание с горожан денег, выданных им после пожара 1767 г. в виде ссуды на постройку жилых домов, лавок и каменных кузниц, а также процентов за просрочку выплаты ссуды. Дела, отражающие эту сторону его деятельности, включают переписку с различными учреждениями, в том числе с городским старостой, управителем Новоторжского яма, и в некоторых случаях – списки лиц, которые брали ссуду, с указанием взятой суммы и сведениями о том, сколько и в какие годы выплачивалось в счет ее погашения¹⁹⁰. Эти деньги собирали специальные сборщики. Каждый месяц они предоставляли в магистрат рапорт о ходе сбора с приложением списка лиц, внесших деньги. В магистрате, в свою очередь, составляли сообщение для уездного казначейства, оно повторяло содержание рапорта¹⁹¹. То есть и взыскание денег в счет погашения ссуд находилось под контролем магистрата.

В составе фондов городских магистратов сохранились также дела о денежных взысканиях с отдельных лиц за нарушение общественного порядка, недостаточно хорошее выполнение кем-либо общественных обязанностей, а также за небытие на исповеди¹⁹². Сведения о подобного рода взысканиях втекаются также в составе дел с перепиской о сборе подушных денег и процентов с объявленных купеческих капиталов¹⁹³. Однако чаще подобная переписка формировалась в особое дело. Магистратские книги для записи штрафных денег за непосещение исповеди обычно сообщают лишь общую сумму денег, собранных за каждый прошедший месяц, а также время отправки этих денег в уездное казначейство¹⁹⁴.

Более интересными в этом отношении являются «дела о взыскании штрафных денег»¹⁹⁵. Состав документов этих дел, как и ранее рассмотренных, позволяет увидеть существенное различие в положении магистратов в системе управления городами. В Торжке они состоят из месячных рапортов сборщиков в магистрат со сведениями о количестве собранных штрафных денег, отпусков сообщений магистрата в уездное казначейство и совместных рапортов городских и городского магистрата в Тверское наместническое правление о том, что штрафные деньги за непосещение исповеди собраны и отосланы в уездное казначейство¹⁹⁶.

Во Ржеве подобная категория дел называется как дела о взыскании денег за раскол (с раскольников). Содержащиеся в них доку-

менты свидетельствуют, что магистрат был не причастен к сбору этих денег и даже контролю за его ходом, однако на нем лежала ответственность за результат. Организовывал сбор староста, осуществляли его специально выбранные купцами и мещанами сборщики. До губернской реформы собранные деньги староста представлял сразу в Статс-контору Камер-коллегии, а с 1779 г. в магистрат, а уже оттуда они поступали в уездное казначейство. Именно у старосты хранились реестры раскольников и поэтому в делопроизводстве Ржевского магистрата нет столь информативных списков старообрядцев, как в Новоторжском, однако в делах Ржевского магистрата на эту тему есть переписка со старостой, ТНП, а не с приходчиками или сборщиками. Из нее видно, как происходила организация этих сборов ранее реформы и интереснейшие подробности, связанные с перестройкой управления в ходе ее. Документы свидетельствуют о концентрации финансовых средств на момент возобновления сборов с раскольников (в 1779 г.) в казенной палате Тверского наместничества, что является, во-первых, показателем децентрализации управления в ходе реформ, во-вторых – отстранения горожан во главе с «городовым земским старостой» от права самостоятельно отправлять деньги за принадлежность к расколу не только в Статс-контору, но даже в уездное казначейство. Староста должен был представлять их в магистрат, а оттуда они поступали в казначейство. Следов неудовольствия горожан этим обстоятельством мы не видим в деле, но следует иметь в виду, что приговор общества о выборе сборщиков этих денег за 1774–1779 гг. предписывал им самим отправлять деньги в уездное казначейство¹⁹⁷.

В рассмотренных документах, как в зеркале, видны, с одной стороны, попытки коронных властей унифицировать управление городами, усилить власть магистратов в тех из них, где она была, по сути, номинальной, как во Ржеве, с другой – ослабить старые финансовые связи, в которых роль центральных учреждений была слишком велика, что затрудняло формирование единого государственного бюджета.

В некоторых из этих дел встречаются списки горожан, не бывших на исповеди, с указанием, за какой год или годы взят с них штраф. Так, ведомость, составленная в Новоторжском городском магистрате в 1782 г., включает список лиц, уплативших штраф за период с 1764 по 1771 г.¹⁹⁸, в деле за 1792 г. находится ведомость о взыскании штрафных денег за небытие на исповеди в 1778–1780 гг.¹⁹⁹. Такие списки есть и в документах других магистратов. В Старице реестр, составленный в 1791 г., занимает всего одну страницу, причем некоторые из лиц, там упомянутых, позже представили справки от священников, что они были у исповеди. Однако некоторым горожанам все же пришлось заплатить штраф, собранные деньги были отправлены из магистрата в городскую думу.

Фонд думы не сохранился, но то, как была обставлена процедура по отсылке этих денег, говорит, что 1791 г. – это год начала деятельности нового городского учреждения. Помимо сообщения в думу, которое сопровождало деньги, в деле есть также сообщение городничему, в котором его извещают, что на основании Городового положения штрафы входят в городские доходы и поэтому магистрат не собирается отправлять их в уездное казначейство, как предписывал городничий²⁰⁰.

Особенно интересны ведомости за 1779 г. Из переписки известно, почему именно ведомости за 1779 г. столь насыщены информацией. Ранее денежные сборы за непосещение исповеди и принадлежность к расколу относились к доходам Статс-конторы Камер-коллегии. Эти деньги, собираемые городским старостой, отправлялись сразу в контору с нарочным, так что Ржевский магистрат в 1779 г., зная количество раскольников в городе, не знал, имеют ли они задолженности по данному сбору²⁰¹. С образованием Тверского наместничества доходы Статс-конторы были переданы в его распоряжение, которое именно в 1779 г. решило разобраться с этой статьей доходов. Оно обратилось в магистраты с просьбой выяснить, по какой год собраны и отправлены деньги в Статс-контору, потребовало запросить квитанции у горожан об уплате сборов и предупредило, что в случае отсутствия квитанций деньги будут взыскиваться «не приемля никаких отговорок». Из указов известно также, что ТНП просило Статс-контору «впредь к себе от оных раскольников двойного окладу удержаться, того ради, что оно принадлежит до здешнего наместничества»²⁰². Результат работы магистратов (в виде составленной ведомости) удалось найти только в материалах Новоторжского магистрата. Она самая большая по объему из всех известных на сегодняшний день, в ней 21 лист. Внутреннее деление – по приходам. Кроме указания имен и фамилий лиц, не бывших на исповеди с 1764 г., она содержит сведения о судьбе каждого из них на 1779 г. (жив, умер, отдан в рекруты и т.д.), а также о том, за какие годы надлежит взыскать штраф. За фамилией и именем главы семейства обычно следует перечисление имен членов семьи, в том числе женщин, с указанием степени родства (сын, брат, сноха и т.д.). Члены одной семьи обычно платят штраф за один и тот же год²⁰³ (см. илл. 7).

Магистраты наблюдали за деятельностью раскольников, пытались предотвратить рост их численности, собирали сведения о том, кто крестил младенцев из семей раскольников, кто совершал обряд венчания и т.д.²⁰⁴

Следует отметить еще одну категорию дел, связанную с взысканием денег с горожан, – «на необходимые городские нужды». В большинстве фондов магистратов отсутствуют приходно-расходные книги сумм, собранных в результате «добровольных складок»,

по всей вероятности, потому, что они оставались в распоряжении городского старосты. Однако в фондах Бежецкого и Вышневолоцкого магистратов есть несколько дел, отражающих нюансы этой стороны жизни горожан и взаимоотношений городского общества с магистратом по этому поводу. «Дело о сборе с вышневолоцкого общества на неминуемые градские расходы денег», хранящееся в фонде магистрата и датированное 1782 г., включает тексты рапортов городского старосты о том, сколько денег решено собрать с горожан «на неминуемые общественные нужды» и на какие именно, и содержится просьба дать резолюцию на начало сбора денег. Рапорты сопровождалась текстами подлинных приговоров городского общества. Так, в одном из рапортов староста сообщал, что вышневолоцкое общество купцов и мещан приговорило собрать по 20 коп. с души на отопление богаделен, магистратских покоев и прочих общественных помещений, и просил «по оному их купцов и мещан приговору денежной сбор повелеть нам, старостам, для покупки оных дров собрать, и о том учинить резолюцию»²⁰⁵. Всякое такое обращение в магистрат приводило к составлению указа, разрешающего сбор денег²⁰⁶. О том, что ситуация в Волочке была именно такой, свидетельствуют также расходные книги старост²⁰⁷, выдаваемые им из магистрата с тем, чтобы они вносили в них все расходы, которые осуществляются за счет «собираемых ими с купечества и мещанства на общественные надобности денег». Книги эти были прошнурованы и скреплены печатью.

На книге за 1781 г., сохранился заголовок: «Книга приходная, данная из Вышневолоцкого городского магистрата, находящимся в городе Вышнем Волочке в нынешнем 1781 году городским старостам Василью Якимову сыну Красильникову, Марку Емельянову сыну Бубнову, которые должны по указу Главного магистрата, последовавшему октября 21 дня 1765 году, вносить в сию книгу собираемые ими по мирским приговорам на общественные мирские надобности с купечества и мещанства по мирской раскладке деньги по каждому приговору особыми статьями: сколько именно и когда собрано». В книге всего четыре записи, это – указы магистрата, дающие санкцию на сбор денег. При этом в указах содержится ссылка на поступившие от старосты рапорты с просьбой собрать деньги на те или иные нужды.

Первый указ сообщает о просьбе старосты и общества собрать деньги на оплату канцелярским служителям магистрата, причем из пересказа текста рапорта старосты понятно, что прежде магистрат своим указом предписал собрать эти деньги. Среди расходов, внесенных в книгу за 1781 г., значатся также оплата писарям сиротского и словесного суда за первую треть года, человеку, который повежет счета в казенную палату для проверки, на покупку письменных принадлежностей для городских учреждений²⁰⁸.

Судя по книгам, неоднократно выдавались деньги содержателю богадельни на отопление помещений и питание для обитателей и т.д.²⁰⁹. Кстати, во всех случаях разрешение магистрата на сбор денег сопровождается записью, сделанной рукой старосты, о том, что деньги им «получены», что, вероятно, следует понимать как «собранные», поскольку свидетельств о существовании в Волочке хранителей денежных сумм нет, в отличие, скажем, от Торжка. Как видим, в начале 80-х годов XVIII в. деньги, собранные в виде «добровольных складок», не поступали в магистрат, они оставались в распоряжении Вышневолоцкого старосты, но на начало сбора этих денег нужна была санкция магистрата.

О контроле Бежецкого магистрата за расходованием денег, собираемых в качестве «добровольных складок», говорит уже сам факт присутствия в фонде Бежецкого магистрата расходной книги городского старосты за 1776 г.²¹⁰ и дела с указами, присланными к городскому старосте из магистрата в этом же году²¹¹ (впрочем, их наличие в фонде магистрата может рассматриваться и как ошибка фондирования). Нам они интересны потому, что позволяют судить, как расходовались собранные деньги. Один из указов магистрата разрешает собрать сход горожан обсуждения ряда вопросов, в том числе для принятия решения о сборе денег на мирские расходы. Из расходной книги видно, что деньги шли на ремонт печи в магистрате, на починку моста, на пропитание незаконнорожденного младенца, на покупку дров и канцелярских принадлежностей для магистрата и т.п. То обстоятельство, что все начинания правительства требовали денег, а деньги поступали в основном лишь в виде «добровольных складок» горожан, делало городского старосту и возглавляемое им учреждение чрезвычайно важным звеном системы управления в Бежецке.

В Торжке существовала несколько иная традиция распоряжения деньгами: здесь специально выбирали хранителей денег, которые и выдавали их по просьбе городского старосты, но при наличии санкция магистрата на их расходование. Выдав деньги из городской суммы, содержатель сообщал об этом в магистрат²¹². Свидетельством того, сколь велика была власть магистрата в Торжке, является дело, относящее к 1788 г. Оно же говорит о существовании в Торжке городского общества, тождественного купцам и мещанам, положенным в оклад. В этот год ГМП затребовало сведения о городских доходах и расходах. Указ об этом поступил в магистрат, хотя формально городская дума уже существовала. Магистрат перепоручил старосте составить ведомость, которая и сохранилась в фонде магистрата. В ней в качестве доходов указаны поступления от продажи вина и соли, за использование общественных магазинов и сараев для обжига кирпича, с ломки камня и извести, с мельниц и т.д. Однако самая большая статья доходов была от «добровольных обще-

ственных складок», согласно ведомости именно за счет этих денег содержались школа, богадельни, выплачивалось жалование канцеляристам, приобретались канцелярские принадлежности и т.п.²¹³

Из документов г. Старицы известно, что в 1783 г. городские мещане пробовали добиться уменьшения сборов на общественные нужды, считая, что с них следует собирать не столько же, сколько с купцов, а «против купечества половинное число»²¹⁴. Магистрат выразил неудовольствие по этому поводу, считая, что купечество много платит в государственную казну и взимать с них большую плату еще и в пользу города не следует²¹⁵. Однако староста продолжал настаивать и просил сообщить о просьбе мещан в ТНП²¹⁶. Магистрат выполнил просьбу, что свидетельствует о влиянии старосты и стоящих за ним людей. Ответ ТНП заслуживает особого внимания. Магистрату был сделан выговор за «не дельное представление» на том основании, что «сверх узаконенных государственных податей» ни на какие другие расходы «сборов требовать не велено»²¹⁷, давая таким образом понять, что подобные сборы – внутреннее дело горожан и к тому же не всех. Право самообложения дано было городским гражданским обществам, т.е. положенным в подушный оклад по данному городу, а в число таковых входило отнюдь не все торгово-промышленное население города.

Таким образом, к параметрам, характеризующим городское общество XVIII в., в том числе и периода проведения реформы местного управления Екатерины II, следует отнести его право на самообложение и его большую независимость в этом вопросе от коронных властей. Единственным учреждением, контролирующим сборы на так называемые городские необходимые нужды, был городской магистрат. Из более поздних приходных книг городских дум известно, что такие деньги – результат самообложения горожан стали поступать от городских старост в думы²¹⁸. Известны также случаи достаточно ожесточенной борьбы между членами магистратов и создаваемых городских дум²¹⁹. Объектом борьбы были денежные средства, собираемые с населения. Логика развития событий везде была такова, что деньги в конце концов оказывались в распоряжении городских дум, и это позволяет фиксировать время начала трансформации городских обществ XVIII в. во главе с городскими старостами в более широкие по составу городские общества XIX в., возглавляемые городскими головами. Следующим этапом трансформации было изменение системы налогов, идущих на развитие города; там, где удавалось добиться введения поземельного налога или налога с имущества, становление новых городских обществ происходило быстрее, и развитие города шло интенсивнее²²⁰.

В фондах магистратов сохранилась их переписка с городскими старостами по поводу сбора денег на строительство и содержание богаделен, городских школ и городского фонтана в Торжке, церк-

вей и соборных храмов. В этой категории дел снова видна разница в положении магистратов в системе городского управления. Новоторжский магистрат выступает как учреждение, руководящее сбором средств и расходом денег, контролирующее движение средств, выбор сборщиков и их деятельность. В документах, отражающих эту сторону жизни Торжка, очень много приговоров собраний городского общества, где принимались решения о сборах, производились выборы особых приходчиков и расходчиков денег, собираемых на особо важные цели. В числе объектов особой важности был Борисоглебский собор одноименного монастыря. Сохранились записи расходчиков денег, фиксирующие покупку стройматериалов на его строительство, затраты на питание нанятых для строительства рабочих²²¹. Следует иметь в виду, что деньги, собираемые на текущие нужды: жалованье канцелярским служителям, дрова для отопления присутственных мест, школы, богадельни, выплаты учителям хранились у других людей – специальных содержателей городской суммы – и выдавались ими по мере надобности, хотя и на текущие, и на особенные расходы нужна была санкция магистрата.

В каждом городе отношения городских учреждений с городскими старостами по поводу денег, собираемых на так называемые мирские нужды, имели некоторые нюансы, которые требуют специального изучения. Документы, отражающие эти отношения, иллюстрируют чрезвычайно важные моменты перестройки системы городского управления. Источниковой базой для подобных исследований, помимо переписки магистрата с городскими старостами, записей журналов и протоколов, могут являться также имеющиеся в некоторых фондах вкрапления документации городских старост. Особенно богат ими фонд Бежецкого магистрата. Одно из дел, относящееся к 1792 г., содержит подлинники указов городского магистрата и городской думы, а также «предложения» степенного головы Бежецка городскому старосте. Все они содержат, скорее, просьбу, чем предписание, выделить деньги на содержание школы, покупку канцелярских принадлежностей для думы и стряпчего. Зависимость думы и магистрата от городского общества, имеющего средства и право ими распоряжаться, – очевидно. В ответ на напоминание головы о необходимости выделить на школу 500 руб. городское общество выделило лишь 200, без каких-либо объяснений²²². В Торжке же распорядителем денежных средств, собранных в результате самообложения граждан, вплоть до 1793 г. являлся магистрат, а затем началась борьба между ним и думой за право распоряжаться этими деньгами²²³. В Калязине деньги, собранные как «добровольные складки», хранились у городского старосты и никаких перемен в этом отношении выявить не удалось.

К комплексу дел, отражающих деятельность магистратов как важного звена финансовой системы страны, относятся приходно-

расходные книги и ведомости, учитывающие приход и расход соли, капитальных и прибыльных сумм, дела об отпуске, приеме и поставке соли, об отправке денег за соль в уездное казначейство и др. Во Ржеве делопроизводство по соляным делам, по всей вероятности, было выделено в самостоятельную структурную часть, т.к. дела по соли учтены в особой части описи № 2.

В магистратах некоторых городов губернии в 70-х – начале 80-х годов (до введения должности соляного пристава) вели три приходно-расходные книги: 1) приходную соли и прибыльной суммы; 2) расходную соли и прибыльной суммы; 3) книгу об истинных капитальных деньгах²²⁴. Ведение трех книг приводило к значительному дублированию их содержания, и это обстоятельство в некоторой степени компенсирует плохую их сохранность. Наиболее полные сведения содержатся в приходной книге соли и денег прибыльной суммы: она сообщает и о капитальной сумме, и о количестве проданной соли, и о прибыльной сумме, о ценах за провоз соли и ее цене на Нижегородской ярмарке²²⁵. Пожалуй, лишь имена поставщиков мы не можем узнать из нее, они проходят по книге капитального сбора. Последняя, кроме сведений о поставщиках, содержит также данные о том, сколько соли продано за месяц и на какую сумму; когда и какая сумма денег отправлена в казначейство²²⁶.

Сведения отсутствующих приходно-расходных книг можно восполнить за счет приходно-расходных ведомостей, которые ежемесячно составлялись в магистрате для уездного казначейства. Отпуски их частично сохранились в фондах магистратов. За каждый месяц составлялось три ведомости: 1) о приходе, расходе и остатке соли; 2) о приходе, расходе и остатке капитальных денег; 3) о приходе, расходе и остатке прибыльных денег. Ведомости передают сведения приходно-расходных книг в сжатой табличной форме²²⁷.

В Торжке в делах магистрата «об отпуске, поставке и приеме соли», формируемых в течение года, содержится переписка по поводу выдачи билетов на поставку соли, копии самих билетов, списки поставщиков и их поверенных с указанием количества соли, которое они должны поставить, таблицы покупных, провозных и других цен, верящие письма комиссионеров-поставщиков своим непосредственным приказчикам, выписки из контрактов, заключаемых между поставщиками и казенной палатой, и т.д.²²⁸. Эти документы позволяют получить представление об организации поставки соли, ярко демонстрируют многозвенность подрядной системы, с одной стороны, и огромную роль магистрата в деле организации продажи соли – с другой. «Приборные деньги» от подобной деятельности шли в доход города составляя солидную прибавку к «добровольным складкам»; видимо, именно то обстоятельство, что доход Торжка обеспечивался в значительной мере и за счет продажи соли, делало там столь значительной роль магистрата в управлении. Во Ржеве

помимо приходно-расходных книг в течение года формировали еще ряд дел, среди них – о деятельности отдельных купцов в этой многозвенной системе, например, «Об отпуске купцу Пирогову для доставки в Осташков соли»²²⁹. В фонде Кашинского магистрата сохранилось дело с квитанциями о платеже в уездном казначействе денег за соль. За 1778 г. все квитанции выданы соляному голове г. Кашина, который сам представлял деньги, вырученные за продажу соли, в казначейство. Последнее обстоятельство свидетельствует о достаточно большой самостоятельности лиц, ответственных за продажу соли, а факт передачи квитанций в магистрат – о контроле со стороны магистрата²³⁰. Это тем более интересно, что в фонде Кашинского магистрата дел по соляной части практически не сохранилось и, возможно, слабая причастность Кашинского магистрата к продаже соли обусловила его менее важное положение в городе, чем новоторжского в Торжке.

В особую группу можно выделить документы, отражающие роль магистрата в организации отбывания горожанами таких государственных повинностей, как постоянная, подворная, рекрутская, почтовая. Более всего дел связано с организацией отбывания рекрутской повинности и сбором рекрутских денег с купечества²³¹. В них откладывались приговоры мещанских обществ об отдаче в рекруты, списки купцов, уплативших рекрутские деньги, прошения желающих добровольно вступить в рекруты и т.д. В этой категории дел магистрат предстает перед нами как учреждение по передаче информации между губернским правлением и казенной палатой, с одной стороны, и городовой старостой – с другой. Староста по указанию городского магистрата организовывал собрания купцов и мещан, на которых выбирали кандидатов в рекруты и сборщиков рекрутских денег²³².

Из этих дел можно получить представление о том, как проходили рекрутские наборы в различных городах, и, редкий случай, мы не видим существенных различий в отношениях между городским старостой и магистратом, с одной стороны, и горожанами – с другой. Магистраты и другие городские власти стремятся выполнить стоящую перед ними задачу по поставке рекрутов. Наталкиваясь на активное сопротивление горожан, пытаясь выйти из положения, они предпринимают различные меры, начиная от попытки установления очередности среди мещан на отдачу в рекруты и составления «книг очередных мещанам на случай рекрутской отдачи...»²³³ до насильственных захватов бедных и потому бессильных перед злоупотреблениями властей горожан²³⁴, отдачи в рекруты недавно записанных в мещанство, должников, людей, не отличающихся хорошим поведением, и т.д. Попытки установления очередности были не очень успешны, кандидаты в рекруты убегали, и их приходилось подолгу разыскивать, что служило поводом для переписки магист-

ратов с различными учреждениями, вопросы о ходе рекрутского набора являлись предметом специальных рассуждений членов магистрата²³⁵. Рекрутские наборы создавали серьезную социальную напряженность между горожанами, особенно в первые годы после издания манифеста 17 марта 1775 г., когда наиболее зажиточные горожане получили возможность записываться в купечество и избегать отдачи детей в рекруты. Во всех городах численность мещанства в эти годы была значительно ниже, чем численность купечества, и мещанство оказывалось в невыгодном положении в отношении выполнения рекрутской повинности²³⁶.

Старица была городом, где эти противоречия проявились наиболее быстро. Уже в 1778 г. мещанство приговором объявило «о записании старицкого мещанства по объявленным капиталам по семействам отнюдь таковых в старицкое купечество не записывать, а из мещанства не исключать, которые подлинно находятся по семейству на очереди к отдаче в будущие рекрутские наборы в рекруты» и просило магистрат сообщить о их просьбе в вышестоящие инстанции²³⁷. Ответ губернских властей не известен, однако в качестве способа разрешения сложившихся противоречий магистраты все чаще стали прибегать к практике отдачи в рекруты за «разные непорядочные поступки», «за всегдашнее пьянство и неплатеж казенных податей и общественных тягостей»²³⁸. В Торжке широкое распространение имела запись крестьян в число горожан с последующей, буквально на другой день, отдачей их в рекруты. В рекруты отдавали сыновей из бедных семей с выплатой семье денежной компенсации и освобождением ее от части налогов и сборов²³⁹. В конце 70-х годов власти не поощряли такой практики²⁴⁰, но она прижилась и использовалась все чаще. Пытаясь решить проблему рекрутских наборов, городские власти, особенно в лице старосты, иногда стремились представить в департамент рекрутского набора как неудобных с точки зрения властей жителей, так и не вполне здоровых горожан, поэтому была введена практика первоначального их освидетельствования в магистратах, кроме того, здесь должны были проверять подлинность подписей под приговорами об отдаче в рекруты за непорядочные поступки²⁴¹.

Дела об организации доставки почты встречаются в магистратских фондах лишь до 1782 г., и то не часто. В них магистраты предстают перед нами как связующее звено между земской избой и городничим. В частности, мещане и купцы городов просили магистрат ходатайствовать перед городничим об избавлении их от этой обязанности или хотя бы сделать ее менее обременительной для них²⁴². Аналогична роль магистрата и в делах об организации отбывания горожанами подводной и других повинностей.

На всем протяжении рассматриваемого периода значительное место в деятельности магистратов занимала работа по организации

и проведению выборов на все городские должности, в том числе и членов магистрата. При анализе документов, отложившихся в результате этой деятельности, следует помнить, что городской голова и члены магистрата избирались один раз в три года, а городской староста, словесные судьи, окладчики, сборщики податей, ларечный, целовальники, глава ремесленной управы и старшины цехов – ежегодно²⁴³. Поэтому объем и состав дел по выборам за разные годы различен.

За годы, когда происходили выборы всех должностных лиц, встречаются дела, объем которых очень велик (200 листов и более). Но это, скорее, исключение, правилом было один раз в три года²⁴⁴ заводить самостоятельное дело по выборам городского головы, членов городского и губернского магистратов, городского старосты, совестных и словесных судей, при этом документы по выборам на остальные должности подшивались в другое дело. Чаще всего в одном деле объединены документы по выборам мелких должностных лиц, таких, как целовальники, трубочисты, сотские, десятские, и документы о выборах городского старосты и словесных судей, поскольку на все эти должности необходимо было избирать ежегодно²⁴⁵.

На объем и состав дел этой категории влияло также некоторое изменение на протяжении рассматриваемого периода роли магистратов в деле организации выборов. В состав дел о выборах городского головы за конец 1779 г. входит «предложение» наместника Я.Е. Сиверса²⁴⁶, который апеллировал к опыту проведения первых губернских выборов и предлагал снова избрать «поверенных выборщиков из всякого гражданского общества, то есть из купечества и из мещанства, таких, которые действительно дом или торг или дом и ремесло, или дом и промысел в городе имеют, при том же из не банкротных и в штрафах, подозрениях и в явных пороках не бывалых, но доброй совести и не зазорного поведения, не моложе тридцати или дватцати пяти лет»²⁴⁷.

В аналогичных делах за 80-е, 90-е годы «предложение» наместника отсутствует, в Торжке нет также и списка поверенных выборщиков, остается лишь сообщение городского головы о том, что получено «предложение» наместника о проведении выборов, и приговоры собрания выборщиков, которые отражают их результаты²⁴⁸. Видимо, к этому времени магистраты потеряли роль организатора и непосредственного исполнителя работы по проведению выборов на основные городские должности, она перешла к городским головам. Следует сказать, что и в конце 70-х годов «предложения» наместников о начале выборов городских голов и членов магистрата, как правило, продублированы сообщениями действующих городских голов или городничих. Однако в них зачастую речь шла одновременно и о выборе других должностных лиц и, соответственно, о

необходимости составления списков выборщиков не только нового городского головы, но также членов магистрата, городского старосты и словесных судей, а иногда и о выборе трубочиста, лиц к полицейским должностям²⁴⁹, а в 80-е годы – о выборе лиц к общественным весам при продаже соли.

В дела Новоторжского магистрата о проведении выборов городского головы, членов магистрата входят приговоры собраний каждой городской части по выбору из ее жителей «поверенных выборщиков», список кандидатов на должности с указанием баллов, полученных каждым в итоге выборов, и другие документы²⁵⁰. В Вышнем Волочке список таких выборщиков имеется не во всех делах²⁵¹, однако в документах о выборах городского старосты и словесных судей за 1783 г. есть текст присяги, подписанный 100 выборщиками, которые, собственно, и выбирали старосту и словесных судей. Из списка становится ясно, кто был удостоен чести выбирать этих должностных лиц²⁵². Во Ржеве документация по выборам «поверенных выборщиков» в магистратских фондах отсутствует, там представлены лишь списки кандидатов на ту или иную должность в табличной форме, с указанием, сколько баллов «за» и сколько «против» получил каждый из них в ходе второго этапа выборов, в котором принимали участие лишь «поверенные выборщики»²⁵³.

На состав дел по выборам оказывало влияние и распределение обязанностей между городскими структурами управления, сложившееся в том или ином городе в тот или иной исторический отрезок времени. В Вышнем Волочке выборы городского старосты и словесных судей уже в начале 80-х годов организовывали городские головы. В магистраты они представляли лишь списки кандидатов с указанием количества баллов, полученных каждым из них²⁵⁴. Кроме того, под каждым из списков кандидатов²⁵⁵ рукой городского головы вписан итог выборов. Результат выборов судей словесного суда сформулирован следующим образом: «Посему из вышеписанных по большинству балов выбраны в судьи словесного суда из купцов в перваго Иван Фадеев сын Синков, второго Михаила Григорьева сына Кочкина. Грацки степенная голова Семен Аникишин»²⁵⁶.

В Старице даже в середине 80-х годов была ситуация практически противоположная. Там выборы всех должностных лиц, включая городского голову, членов магистрата, организовывал городской староста. Он же проводил выборы «поверенных выборщиков», которые и являлись непосредственными избирателями. Списка этих выборщиков в деле нет, но есть текст присяги, подписанный ими. «Поверенные выборщики» представляли в магистрат «выбор», некий аналог приговора с результатами голосования, причем результаты выборов городского головы оформлены одним приговором, членов магистрата – другим, городского старосты – третьим²⁵⁷. «Выбор» подписывали все выборщики, к нему прикладыва-

лись списки кандидатов с указанием, сколько баллов получил каждый (см. илл. 8).

Исследование состава дел о выборах в значительной мере проясняет положение городского головы в каждом из городов. Ясно, что в Вышнем Волочке деятельность этого должностного лица еще до издания Жалованной грамоты городам была очень активной, в Торжке и Старице городские головы практически бездействовали, хотя формально и существовали. При проведении в Старице выборов старосты и словесных судей на 1786 г. городской голова даже не упоминается²⁵⁸. Годом раньше, когда следовало выбирать на предстоящее трехлетие гораздо большее число лиц, включая самого городского голову, Старицкий магистрат, послав указ городскому старосте, одновременно «сочинил» и сообщение городскому голове. Пересказав содержание указа ТНП, предписывавшего начать выборы на трехлетие 1785–1787 гг., члены магистрата изложили свою резолюцию по поводу этого. Один из пунктов весьма дипломатично предписывал «с прописанием сего указа и вам градскому голове сообщить»²⁵⁹. В Кашине организацию выборов старосты на каждый новый год проводил действующий староста, такая ситуация прослеживается и в 1786 г., через полтора года после издания Жалованной грамоты городам²⁶⁰.

Что касается выборов более мелких должностных лиц, таких, как окладчики, сборщики, целовальники, ларечные, то нужно отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода указания городским старостам о необходимости провести выборы исходят из магистратов. Непосредственную работу по их проведению организовывали и проводили старосты, сообщая в магистраты о результатах²⁶¹. Это находит отражение и в журналах магистратов, и в делах, сформированных по тематическому принципу. Чаще всего именно старосты организовывали выборы лиц для исполнения полицейских должностей, а также сотских, десятских, и др. Так, в Вышнем Волочке в 1784 г. уже 2 января вновь избранный под руководством городского головы староста города сообщает в своем рапорте имена лиц, избранных на должности сотских, пятидесятских, а также к исполнению других городских служб²⁶². Аналогичная ситуация складывалась и в других городах, выборы мелких должностных лиц проводил вновь избранный городской староста²⁶³.

Однако в деле о выборах в Вышнем Волочке 1783 г. картина несколько иная²⁶⁴. «Присяжных свидетелей для оценки имущества», как и выборных к вину и соли, избирали в 1783 и в 1784 гг. под руководством старосты, именно он сообщил в магистрат об итогах выборов, а вот о результатах выборов к полицейским делам, т.е. сотских, караульчиков к рогаткам, а также попечителей к богадельням и трубочистов в 1783 г. сообщал городской голова²⁶⁵. В 1784 г. о результатах выборов старосты и словесных судей сооб-

шил в магистрат именно степенной голова²⁶⁷, а об итогах выборов более незначительных должностных лиц – староста. Эти данные нельзя обойти вниманием, так как они позволяют говорить о более раннем формировании в Вышнем Волочке городского общества, не тождественного обществу граждан города, т.е. совокупности купцов и мещан, которые положены в оклад по данному городу. Дела о выборах в Вышнем Волочке за 1783 и 1784 г. интересны тем, что намечают грань между должностями, выборы на которые организовывал степенной голова, и теми, выборы которых были делом городского старосты²⁶⁵.

До введения Уставов о соли и вине и должностей соляного и винного приставов продажа вина и соли осуществлялась горожанами как одна из городских повинностей в пользу государства, что требовало ежегодных выборов соляного головы, ларечного, целовальников. Их организовывали городские старосты, однако сигнал к началу очень часто исходил от магистрата, причем после того как ему, в свою очередь, придет указ казенной палаты. Информация о результатах шла таким же путем, но в обратном порядке: староста сообщал о выбранных в магистрат, а магистрат – в казенную палату, причем сообщение составлялось от имени городничего и магистрата²⁶⁸. В последующее время, после введения Уставов, выборы присяжных к продаже вина и соли также организовывали городские старосты, они сообщали о результатах в магистраты, а те передавали информацию в казенную палату²⁶⁹.

В дела о выборах за 80-е годы входит переписка с соляными и винными приставами по поводу представления людей, выбранных им в помощники. В качестве таковых обычно выбирались один из судей словесного суда и присяжные или добросовестные свидетели, которые должны были присутствовать при получении вина и соли и отпуске их из магазина на продажу²⁷⁰. В деле Зубцовского магистрата за 1782 г. отражены не только ход выборов лиц, предписанных Уставом о соли, но и вся последующая весьма сложная процедура по передаче соли из-под контроля горожан соляному приставу. Из сообщения соляного пристава в магистрат, датированного декабрём 1782 г., ясно, что соль до сих пор не передана ему, пристав грозил жалобой в ТНП²⁷¹. Совершенно очевидно, что горожане не спешили расстаться со службой по продаже соли, значит они ее не рассматривали только как обременительную повинность. В Торжке, где влияние магистрата на городское общество было особенно сильным, даже в 1789 г. выбирали лиц не только в помощники к приставам, но и к городским весам, сбор за пользование которыми шел в городскую казну. Взвешивалась прежде всего соль. Служителей к этим весам «определяли с согласия земской избы» те же «поверенные выборщики» (в Торжке их было 160 человек, состав можно выяснить по подписям под приговором о выборах), которые вы-

бирали городского старосту. Собрание прошло 29 декабря, о результатах выборов старосты и судей в магистрат сообщил городской голова, а о выбранных к городским весам – новый городской староста²⁷². Совмещение выборов лиц к городским должностям и должностям, выбираемым от земской избы, происходило прежде всего из-за того, что реальное различие в контингенте выборщиков отсутствовало, да и лишний раз собирать людей было затруднительно, однако мы видим четкое различие между должностными лицами, организация выборов которых была в ведении городского головы и городского старосты. Возвращаясь к описанной ситуации, следует сказать, что сам городской голова и члены магистрата были выбраны этими же выборщиками несколько ранее²⁷³.

Иногда соляной или винный пристав, а чаще городничий напоминали, что год начался, а выбранные от общества или нанятые на его счет помощники еще не появлялись у них. В Старице и Кашине необходимый комплект десятских и сотских формировался с большим трудом. Как правило, значительная часть выбранных не являлась с первого раза к городничему, часто приходилось делать пере-выборы²⁷⁴. В Старице известны случаи, когда городничий буквально ходил по домам к тем, кто предполагалось должен быть ему помощником²⁷⁵. Но чаще все проходило вполне благополучно, и магистрат отправлял к городничему «будошников» и десятских, к солянному приставу – выбранных обществом для караула соли или к соляным весам, к винному приставу – людей «для смотра вина»²⁷⁶. Выбранные подписывали текст присяги с обещанием исполнять обязанности на совесть.

Дела о выборах позволяют исследовать проблему борьбы за власть в уездных городах, высвечивают роль городничего как исполняющего контроль от имени коронных учреждений и роль наместника Я.Е. Сиверса как арбитра и блюстителя законов. В начале 1779 г. группа жителей Ржева обратилась к Сиверсу с просьбой не допускать Максима и Кузьму Поярковых и Никифора Мясникова на гражданские выборы и советы, причина недовольства состояла в «излишних со гражданства зборах»²⁷⁷. Содержание жалобы известно из «предложения» Сиверса, поступившего в магистрат, из другого его «предложения» известно о стычке между горожанами, которая произошла на собрании выборщиков в связи с выборами членов магистрата. Сиверс очень подробно и колоритно передает произошедшее, по всей вероятности, со слов городничего. «При объявлении купцом Созоновым с протчими, что купца Козму Пояркова к должности за прежнюю ево неисправностию выбирать не должно, бывший голова Волосков, крича со злостию ударил ево в брюхо», после чего «он, Созонов, так и другие, не докончив балатирования, принуждены от оногo удалится, посему от меня господину секунд-майору и Ржевскому городничему Дикману предписано,

чтоб он при окончании сего балатирования имел смотрение»²⁷⁸. Анализируя окончательные результаты выборов и используя информацию, полученную от городничего, Сиверс усмотрел непорядок в их ходе и предложил произвести перевыборы²⁷⁹, отказал горожанам в просьбе разрешить избрать на должность бургомистра Илью Образцова, который уже занимал ее ранее, объяснив свое решение поступавшими на Образцова жалобами²⁸⁰. В итоге ржевские выборы членов магистрата 1779 г. длились с января по конец марта.

На магистратах лежала обязанность по учету недвижимости и обеспечению различных прав горожан, в том числе прав собственности. Для осуществления этой функции в магистратах учитывали недвижимость, выдавали «данные» на землю, вели некоторые разновидности маклерских книг, часто канцелярские служители магистратов по совместительству являлись и нотариусами. В маклерских книгах фиксировали копии разного рода договоров и обязательств. Наиболее многочисленной в составе документов магистратов за последнюю четверть XVIII в. является группа книг, связанная с вексельным правом: книги для записи векселей, где фиксировались их копии²⁸¹, для записи опротестованных, т.е. неоплаченных в срок векселей, представленных кредиторами или их доверенными лицами для взыскания денег²⁸²; в новоторжских книгах, помимо копии векселя, сообщаются результаты попытки маклера отыскать векселедавца и взыскать с него деньги²⁸³ (см. илл. 9).

Во второй группе маклерских книг «на записку договоров, контрактов, условий» наряду с договорами об условиях найма горожан для выполнения какой-либо работы часто встречаются акты имущественного найма, поклажи и поставки товаров. Людей нанимали для домашних и торговых услуг, для производства строительных и ремонтных работ, много договоров по найму лоцманов для проведения судов по определенному маршруту, на постройку речных судов, жилых помещений и пр. Эта категория маклерских книг сохранилась далеко не во всех фондах магистрата, более всего – в составе фонда Новоторжского магистрата²⁸⁴, точно так же, как и книг записи договора имущественного найма. Предметом последних чаще всего были барки, погреба, амбары. По содержанию эти договоры близки к договорам о поклаже или размещении товара, принадлежащего одному лицу, на барке, в лавке, погребе или в амбаре, принадлежащем другому лицу или городу в целом²⁸⁵. В большинстве городов книги с подобными записями отложились в фондах городнических правлений. В Ржеве записи такого характера можно встретить в книгах для записи верящих писем.

В Новоторжском магистрате сохранилась категория дел, где подшивались документы, касающиеся раздела, купли и продажи недвижимости. Самоназвание документов – «письма», но их содержа-

ние практически повторяет содержание купчих, закладных, дарственных и т.д.²⁸⁶. Однако не следует путать их с маклерскими книгами, эти «письма» подавались в магистрат горожанами, скорее всего, для внесения соответствующих изменений в книги, где фиксировалась недвижимость, принадлежащая каждому из горожан.

Многочисленность маклерских книг в составе фондов магистратов свидетельствует, во-первых, что большинство маклеров являлись должностными лицами в структуре магистратов, а не управ благочиния, а во-вторых, что нотариальная деятельность занимала важное место среди функций магистратов. В маклерские книги вносили копии оформляемых актов, но запись сделки в маклерской книге приравнивалась к подлиннику акта и давала право ее участникам подавать в суд на сторону, не выполняющую условия договора. Огромное количество и многообразие актов, зафиксированных в маклерских книгах, при явной тенденции к единообразию формуляра, соответствующего тому или иному виду договора и виду работ, на которую он заключался, стабилизации оплаты труда на основные виды работ, стандартизации условий найма – все это свидетельствует о распространении правовой культуры среди населения страны и становлении капиталистических отношений²⁸⁷. Изучение записей маклерских книг было бы полезно не только в целях изучения становления и развития этих отношений, но и для дальнейшего развития неодиبلوماسية.

Верящие письма – одна из разновидностей частноправовых актов XVIII в., напоминающая современные доверенности. Их оформляли в домашних условиях, а затем свидетельствовали в магистратах. Содержание верящего письма при этом вносили в специальную книгу. Вероятно, вполне правомерно рассматривать книги верящих писем как разновидность маклерских книг²⁸⁸, если под последними понимать книги копий договоров и сделок. И все же следует подчеркнуть, что книги верящих писем вели непосредственно в магистрате, в то время как остальные категории маклерских книг следовало вести специальным нотариусам и маклерам. Последние находились под контролем магистрата, о чем свидетельствуют зафиксированные в журналах ряда городов еженедельные рапорты нотариусов о количестве векселей, поданных к протесту, а также дела с подлинными текстами рапортов нотариусов²⁸⁹. Кроме того, нотариусы и маклеры часто одновременно являлись канцелярскими служителями магистрата, совмещая две обязанности. В книгах верящих писем записаны копии, а иногда просто краткое содержание поручений, доверенностей, выданных купцами своим приказчикам и доверенным лицам, на право производить закупки и продавать товары, взимать деньги по векселям, совершать те или иные сделки от имени купца. В верящих письмах новоторжских купцов, как правило, не указано, какой товар и в каком городе будет прода-

вать и покупать доверенное лицо, но они позволяют выяснить характер и размах деятельности того или иного предпринимателя, круг его агентов²⁹⁰. Верящие письма Ржевского магистрата более детальные и, кроме того, шире по тематике, некоторые записи в них, скорее, являются копиями договоров о найме слуг и работных людей, чем верящими письмами²⁹¹.

Маклерские книги и книги верящих писем являются ценным источником для изучения социально-экономической жизни городов, но возможность их использования связана с необходимостью предварительной формализации сведений из них. Формализовать сведения вексельных книг сравнительно легко, тем более что опыт подобного исследования уже имеется²⁹², как и опыт исследования верящих книг²⁹³. Значительно труднее формализовать сведения других актов, так как объекты и условия сделок очень разнообразны.

Магистраты не совершали сделок на недвижимость, их участие в этом процессе состояло в выдаче продавцу аттестата, свидетельствующего о том, что недвижимость действительно принадлежит ему, что на нем не числится долгов, за которые собственность может быть передана кредиторам, и т.п. Аттестат давал право на продажу недвижимой собственности, и его выдаче предшествовало значительное делопроизводство. Магистраты также давали объявление о совершенной сделке на случай, если найдутся другие, кроме покупателя, претенденты на данный объект. Сложность делопроизводственной процедуры была обусловлена тем, что купчие, дарственные и закладные на имущество стоимостью свыше 100 руб. оформлялись в губернском правлении, а на имущество меньшей стоимости – в уездном суде. Документы же, фиксирующие наличие у горожан собственности и права ею распоряжаться, хранились в магистрате города. В случае крупной сделки желающий продать (подарить, заложить) свое имущество подавал прошение в магистрат о выдаче ему аттестата, подтверждающего наличие у него этого имущества и отсутствие долгов. Прежде чем выдать просителю аттестат, канцеляристы, во-первых, справлялись по книге учета недвижимости о наличии у него данного вида собственности, во-вторых, отправляли запросы в сиротский и словесный суды, городскому старосте, впоследствии в шестигласную думу с целью выяснить, не числится ли за продавцом каких-либо долгов. В случае если долгов не было, просителю выдавали аттестат, по предъявлении которого в губернском правлении оформлялся необходимый документ²⁹⁴. В случае оформления сделки на имущество стоимостью до 100 руб. проситель подавал прошение об оформлении необходимой сделки сразу в уездный суд. Оттуда посылали запрос в городской магистрат с просьбой выяснить, не числится ли за продавцом долгов и ему ли принадлежит имущество, на которое совершается

сделка. Магистрат наводил необходимые справки, пересылал их в уездный суд, после чего там оформляли требуемый документ²⁹⁵.

Но процедура на этом не кончалась. Оформленный акт вместе с прошением, на этот раз покупателя, возвращался в магистрат. Покупатель просил в соответствии с законодательством «прибить лист к судейским дверям» на случай, если найдутся обстоятельства или люди, препятствующие сделке²⁹⁶. Лишь по прошествии определенного срока сделка приобретала юридическую силу, видимо, тогда же в рабочий экземпляр обывательской книги и в книгу учета недвижимости вносили соответствующие изменения.

Столь сложная процедура запечатлена в целом комплексе дел. В некоторых магистратах на каждый факт купли-продажи заводили самостоятельное дело, в него по мере поступления подшивали все возникающие по данному поводу документы: прошение продавца с просьбой выдать аттестат на право продажи, отпуски запросов из магистрата в различные учреждения и ответы на них, копия аттестата или ответ на запрос уездного суда и даже копия «листа» — объявления о факте продажи²⁹⁷.

Одновременно в фондах встречаются и другие подборки документов. В делах о выдаче аттестатов подшиты просьба о выдаче, справки, присланные из сиротского, словесного судов и других учреждений, об отсутствии долгов у просителя и отпуск аттестата²⁹⁸. В дела о явке купчих, как правило, входят доношение покупателя, сообщающее о сделанной им покупке, копия купчей, доношение магистрата в губернский магистрат с сообщением факта сделки и отпуск «листа» — объявления о продаже²⁹⁹. В Ржевском магистрате в 1777 г. в одно дело подшили и копии совершенных крепостей и наведенные справки о продаваемом имуществе³⁰⁰, в 1791 г. здесь отдельно вели дела о явке купчих и о выдаче свидетельств на беспрепятственное совершение купчих³⁰¹, в промежутке на каждый факт покупки велось самостоятельное дело³⁰². До 1785 г. продавали исключительно постройки, а начиная с 1785 г. появляются дела о продаже земли, к тому же нельзя не заметить, что с этого времени во всех магистратах делопроизводство о купле-продаже имущества стали вести более аккуратно.

Сложность делопроизводственной процедуры и некоторое дублирование информации свидетельствуют, что функция по обеспечению права собственности расценивалась служащими как одна из главных. В ходе ее выполнения в фондах магистратов отложилось также большое количество дел, связанных с оформлением «данных» на земельные участки под жилые дома. «Данные» фиксировали принадлежность земельного участка определенному лицу, что давало право застройки участка, передачи его по наследству, открывало владельцу возможность попасть в число «настоящих городских обывателей». В Новоторжском, Ржевском и Тверском маги-

стратах, как правило, на каждую просьбу о выдаче «данной» формировалось самостоятельное дело³⁰³. В других магистратах не всегда придерживались этого правила, в некоторых городах законченные дела обычно в конце года подшивались в одно большое дело. В заключительной главе работы эта категория дел рассмотрена более подробно.

Еще один крупный комплекс документов магистратов связан с торгово-промышленной деятельностью горожан. Дела о заводах, торгах и промыслах жителей имеют различный состав. Дела Ржевского магистрата содержат переписку с городскими структурами и ТНП по поводу сбора этих данных, но самих данных о развитии торговли за 80-е годы в фонде магистрата не обнаружено. Это объясняется содержанием переписки за 1785 г. Из нее известно, что сведения о торговле и промыслах во Ржеве собирал словесный суд на основании указа городского магистрата 1782 г.³⁰⁴. Этот факт свидетельствует о возможности самых различных вариантов разделения обязанностей между городскими структурами и о ведущей роли магистрата в системе городских учреждений Ржева в первой половине 80-х годов. Магистрат организовывал исполнение поручений, распределяя обязанности между другими управленческими структурами, однако вследствие этого фонд магистрата Ржева не столь информативен, как мог бы быть. В фонде Старицкого магистрата есть сведения о торговле купцов города за 1786 г., их собрали для доставки наместнику Н.П. Архарову. Похоже, что магистрат самостоятельно собирал эти сведения, так как в деле нет следов переписки с каким-либо городским учреждением или должностным лицом города по этому поводу. Однако они представлены в столь небрежно-черновом варианте, что их исследование затруднительно, тем более что даны они в словесной, а не цифровой форме. Сохранившиеся сведения позволяют говорить, что торгово-предпринимательская деятельность местного населения была не слишком активной. Об этом же свидетельствуют ведомости Кашинского магистрата, хотя все же очевидно, что в Кашине торгово-промышленная сфера деятельности местного населения более развита, чем в Старице³⁰⁵.

Кроме того, дела отличаются по характеру сообщаемых сведений о занятиях населения. В 80-е – начале 90-х годов служащие магистратов готовили для ТНП ведомости с предельной степенью обобщения данных. Согласно образцу, ведомости должны были состоять из пяти разделов³⁰⁶. Анализ данных этих ведомостей позволяет выявить существенные изменения в номенклатуре вывозимых товаров, свидетельствуют об увеличении среди них доли продуктов переработки зерна, льна, и о переориентации купечества с торговли на производственную деятельность³⁰⁷.

В первом разделе следовало сообщать перечень продуктов, закупаемых местным купечеством для отправки водной коммуника-

цией в Санкт-Петербург, с указанием общего количества каждого из наименований продуктов и ориентировочной стоимости. Требовалось также указать, какая часть товара куплена в Торжке на торгах, сколько в других городах и в каких именно. Ниже следовало сообщать все эти сведения о продуктах, отправляемых к Гжатской и другим пристаням.

В следующем разделе необходимо было последовательно изложить набор аналогичных сведений о железе, кожах, мыле, сале и других, в основном непродуктовых товарах. Если в первом разделе ведомости первичная группировка материала была произведена по месту отправления, то во второй – по видам товара. О каждом из них следовало сообщать закупаемое количество, места закупки, количество и пункты отправления товара. Вот пример ответа на этот пункт анкеты: «Мыла покупается на Макарьевской ярмонке и в селе Павлове в год до 3000 пудов [на сумму] 8400 рублей. Ис того числа в отпуске бывает: в Санкт-Петербург до 300 [пудов], во Псков – до 400; в здешних лавках распродается до 700 пудов»³⁰⁸.

В том случае, когда часть привозимого в город сырья использовалась городскими жителями для изготовления изделий ремесла, которые затем отправляли куда-либо, то следовало указывать общую стоимость этого нового, произведенного товара. Ведомость за 1784 г. сообщает, что из 4700 пудов железа, закупленного купцами Торжка, лишь 1400 пудов было отправлено в другие города (Осташков, Псков, Торпец). Остальное железо было использовано местными жителями для изготовления топоров, оковки колес и т.п. Сумма, полученная от продажи этих изделий, равнялась 4500 руб.³⁰⁹

В третьем требовалось представить перечень товаров, которые продавались в лавках города в розницу с указанием количества, общей стоимости, мест покупки каждого вида товара. Сведения предлагалось группировать по рядам, в которых продавались товары. Вот пример такой записи. [В мучной линии продается] «масла посного 3200 [пудов] на 5000 [рублей]. Привозят из Вереи и Калуги, из Брянска, из Стародуба...»³¹⁰. Если часть товара изготавливалась местными ремесленниками, то это следовало оговаривать в тексте.

Четвертый раздел должен был содержать сведения о всех ремеслах, развитых в городе, о видах сырья, используемого ремесленниками, стоимости общего количества, о местах покупки каждого из видов сырья. Полных ответов на эти вопросы не удалось обнаружить. Видимо, служащие магистратов считали, и не без оснований, что эти сведения в достаточной мере отражены во втором разделе ведомости.

Наконец, в заключительном разделе следовало сообщать о фабриках и заводах горожан. «Сколько оных в городе и каких именно,

откуда получают материалы и на какую сумму. Сколько в год делается каких именно готовых вещей», необходимо было также указать, куда развозятся товары и «какие мастерские (граждане или поселенные и отколь именно приходящие) употребляются в работу»³¹¹.

Помимо этих сведений, в итоговой части готовых ведомостей, указана иногда численность крупных заводчиков, ремесленников, купцов, торгующих оптом, розничных торговцев, в том числе приказчиков и сидельцев; сумма общей прибыли городских торговцев и ремесленников; общая численность горожан, занятых торговле-ремесленной деятельностью, численность рабочих, нанятых владельцами заводов; общая численность горожан, занятых «черной работой», а также число больных, престарелых, малолетних. В этой части указывали также общую численность судов, отправляемых с хлебом в столицу³¹².

Как видим, ведомости 80-х – первой половины 90-х годов должны были сообщать и сообщали сведения очень общего характера. Вышестоящие инстанции в этот период не требовали данных о характере деятельности каждого отдельного купца или ремесленника. Но для того, чтобы представить в наместническое правление обобщенные данные, служащие магистрата составляли подготовительные материалы. Они частично сохранились в составе фонда и представляют несомненный интерес, так как сообщают конкретные сведения о торгово-промышленной деятельности каждого из горожан.

В одном из дел Торжка за 1784 г. найден список торгующих семей с указанием количества душ в них по четвертой ревизии³¹³. Фамилии систематизированы по месту расположения лавок. Сначала перечислены владельцы лавок, находящихся на территории гостиного двора, они, в свою очередь, систематизированы по рядам, в которых ведется торговля, затем перечислены владельцы лавок, расположенных под жилыми домами, далее следует список купцов, «при торговой площади торгующих»³¹⁴. В деле есть также перечень семей, торгующих оптом, список «юфотных заводчиков», списки ремесленников по видам их продукции: «харчевники», «горшечники», «кирпичники» с указанием числа мужских душ в них по четвертой ревизии³¹⁵. В деле даны итоговые цифры, выведенные служащими магистрата, о числе семей торговцев и ремесленников и численности мужских душ в них по последней ревизии³¹⁶, а также часть ведомости, составленной по образцу, который мы уже охарактеризовали³¹⁷. Все это свидетельствует о том, что перед нами – подготовительный материал для ведомости, предназначенной к отсылке в Тверское наместническое правление.

В некоторых делах встречаются сведения, которые, возможно, являлись подготовительным материалом к пятому разделу ведомо-

сти – о заводах и фабриках. Это списки владельцев заводов, систематизированные по видам производства, с указанием общего количества заводов по каждой отрасли, общего числа занятых на них рабочих, расходов на производство, сумм, получаемых после продажи товаров, получаемой прибыли. Знакомство с ними позволяет отметить, что некоторые отрасли были «монополизированы» представителями одной-двух фамилий. Так, среди 5 владельцев сальных заводов Торжка – двое Кочеровых (братья Яков и Матвей); из 6 горшечных заводчиков – трое Чашиных (Григорий, Василий, Алексей). Из 9 кирпичных заводов два принадлежали городскому обществу, три – представителям родственной группы Овчинниковых (Емельяну, Савелию, Никифору). Самыми крупными предприятиями Торжка в это время были два кожевенных завода. Один из них принадлежал Ивану Морозову, другой – Андриану. На этих двух предприятиях работали 120 рабочих, в то время как на остальных 44 кожевенных заводах Торжка работали 102 человека³¹⁸.

В Калязине, Старице и Кашине, как правило, отпуска всех ведомостей, составленных в течение года, подшивались в одно дело, причем в делопроизводстве магистратов оставались столь правленные варианты, что изучать их крайне затруднительно³¹⁹. В одном из дел Старицкого магистрата за 1794 г. оказались отпуска ведомости о торгах и промыслах, аналогичной рассмотренной выше в связи с Торжком, ведомости о фабриках и заводах, о ценах на строительные материалы и рабочую силу³²⁰, в другом – ведомости о ценах и колодниках, о решенных и не решенных делах³²¹.

В фондах магистратов ряда городов сохранилась категория дел, отражающих формирование каравана с продовольственными товарами, отправляемыми водным путем в Петербург. Эти дела имеют следующие варианты заголовков: «Столп о барках и полу-барках», «Столп ведомостям о количестве отправленных новоторжским купечеством к Санкт-Петербургу барок с разным товаром».

Сбор информации часто начинался с поступления в магистрат «предложения» наместника. В Старице, где к такой торговле было причастно по одному-два человека, сбор сведений происходил по упрощенной системе, магистрат посылал «требование к купцам, торгующим к Санкт-Петербургу», и в ответ получал «уведомление» от кого-либо из них, где сообщалось, какой товар и по какой цене они предполагают отправить в столицу³²². В некоторые годы оказывалось, что они вообще ничего не приготовили для отправки в столицу³²³. В состав подобных дел, которые велись в городах, стоящих непосредственно на водном пути, ведущем в Санкт-Петербург, купечество которых активно поставляло туда товары, входят: переписка магистратов со зрителем Вышневолоцкой водной коммуникации; описи товаров, отправляемых каждым из купцов, с указанием их количества. Подобные описи, подписанные самими

купцами или их доверенными лицами, позволяют проследить эволюцию в ассортименте товаров того или иного купца, а в соединении с ведомостями о ценах – его реальные торговые обороты. Будучи дополненными сведениями маклерских книг, ведомостей о торгах и промыслах горожан они позволяют исследовать хозяйственную деятельность той или иной семьи на протяжении десятилетий³²⁴.

В Новоторжских делах подшиты также приговоры купеческих собраний, на которых обсуждался вопрос о стоимости единицы измерения отправляемых товаров; сводные таблицы, представляющие собой подготовительный материал для составления ведомостей, отправляемых смотрителю водной коммуникации, и отпуск самих ведомостей. В сводной таблице по горизонтали указано наименование товаров, по вертикали идут столбики цифр – выписки из описей, представленных купцами. Итоги подсчитаны по каждому столбику и перенесены в ведомость, которая отражает следующие сведения: наименование товара, его общее количество, отправляемое в Санкт-Петербург, «во что оной на месте коштывали», цену единицы измерения. Эта итоговая ведомость дает представление о размахе торговли города как целого, о видах вывозимых товаров и их количестве³²⁵.

Вся совокупность дел и документов о торгово-промышленной деятельности горожан позволяет изучить процесс функционирования капиталов провинциального купечества и дает достаточно верное представление о размерах их капиталов. Ценным дополнением к этой группе источников, помимо рассмотренных ранее, являются также ведомости о ценах и дела о выдаче аттестатов на получение денег из уездного казначейства.

В фондах магистратов сохранилось несколько видов ведомостей о ценах. Месячные на продовольствие предназначались для отправки в казенную палату; так называемые «третьи ведомости» с указанием цен последних трех месяцев на продукты, промышленные и строительные материалы отправлялись в наместническое правление. Кроме того, составлялись месячные ведомости цен на зерно, крупу, муку, солод – для Новгородской провиантмейстерской конторы – и ежемесячные справки о ценах на ржаную и гречневую муку для уездного казначейства, а также ведомости цен на холст и крашенину для Тверского наместнического правления. В Торжке отпуски всех составлявшихся в течение года ведомостей подшивались обычно в конце года в одно дело³²⁶. Особенно много сохранилось ведомостей о ценах за 1786 г., это был голодный год, цены на хлеб были очень высоки, купечество верхневолжских городов имело существенные прибыли от перепродажи хлеба, и для предотвращения дальнейшего роста дороговизны правительство пыталось контролировать цены. В Кашине ведомости о ценах и за этот год, и

за другие подшиты в одно дело вместе с ведомостями о торговле, фабриках и заводах и др.³²⁷. Во всех видах ведомостей о ценах указаны наименование товара, единица измерения его, цена, по которой товар покупался у крестьян на торговой площади, а также цена, по которой он продавался в лавках купцов.

Уже при первом знакомстве с ведомостями видно, что цены на сукно, холст, галантерейные товары, строительные и кузнечные материалы оставались стабильными на всем протяжении года и даже ряда лет, а цены на продовольственные товары колебались в течение года, причем на некоторые их виды – значительно (масло постное и коровье, хмель, сено, икра).

К комплексу документов, отражающих торгово-промышленную деятельность горожан, следует отнести и дела о выдаче купцам аттестатов на получение денег из уездного казначейства. Эта категория дел возникла из-за трудностей в товарообороте, связанных со сложностями и дороговизной транспортировки медной монеты. Вексельный устав 1729 г. пытался сократить встречные перевозки монеты путем вексельных обязательств между купцами и государством и «разрешал местным казначейским конторам принимать от купцов медную монету и выдавать им векселя с правом получения медной монеты в других конторах и выдавать купцам медную монету, получая от них векселя на получение денег в Москве или Петербурге»³²⁸. В конце XVIII в. купец, желающий получить деньги в уездном казначействе, должен был представить туда аттестат – документ, подтверждающий его имущественную состоятельность, который он получал в городском магистрате. В фонде магистрата Торжка хранятся дела с подлинными доношениями купцов, в которых выражалась просьба выдать аттестат, указывалась требуемая сумма и поручители купца; со справками из различных городских учреждений об отсутствии долгов у просителя, с отпусками аттестатов³²⁹.

В комплексе документов магистратов сохранилось много свидетельств о том, что на на этих учреждениях лежала обязанность по организации и поддержанию функционирования школ, сиротского дома, богадельни, больницы, а также сбор денег на строительство и ремонт зданий для этих учреждений. Это подтверждают приходно-расходные книги денег и строительных материалов, поступающих от добровольных пожертвователей для этих целей³³⁰. Поскольку деньги на эти цели зачастую собирались в виде «добровольных складок», то хранились они либо у старосты, что затрудняет проследить цели их использования, либо у специальных хранителей средств, как в Торжке. В фонде этого магистрата есть переписка с городским старостой по поводу выдачи денег из этих сумм³³¹. Для проведения работ по строительству Борисоглебской церкви в Торжке были выбраны специальные люди, к ним поступали деньги, собранные в ви-

де пожертвований, а также государственные средства, и они проводили все необходимые закупки и оплачивали труд наемных рабочих. Расход денег осуществлялся с санкции магистрата³³².

Под контролем магистрата находились в Торжке в конце 70-х годов расходы на школу и организацию обучения детей. Надзиратели ежемесячно сообщали о затратах на оплату учителям, на бумагу, свечи, чернила. Интересно, что из общественных средств не только оплачивали труд учителей, но оказывали материальную помощь учащимся. По-видимому, существовало нечто типа именных стипендий для учеников, изучающих латинский и французский языки. Им, помимо ржи, которую выдавали всем, также платили незначительные денежные суммы (от 50 коп. до 1 руб.) и выделяли деньги на обувь и одежду³³³. Ученикам, которые « в день экзамена речи читали» было выплачено по 10 коп.³³⁴. В 1778 и 1779 г. магистрату ежемесячно сообщали об успехах учащихся. Известно, например, что в 1779 г. в школе обучалось 200 детей, из них лишь четверо арифметике дробных чисел, двое французскому языку, один латинскому, 10 нотному пению, 7 человек писали цифры, 38 отрывки «из апофегмата российского» – Наказа о выборах в Уложенную комиссию – и обучались катахизису³³⁵ (см. илл. 10). В новоучрежденных городах вопросами устройства школ занимались городничие, и подобные сведения по Весьегонску, например, можно найти в фонде городнического правления³³⁶.

На магистратах лежали и вопросы, связанные с проведением мероприятий по благоустройству города: мощение дорог, площадей, ремонт водопровода в Торжке, строительство и ремонт церквей, содержание мостов. Они проводили разделение города на части и кварталы – об этом рассказывают дела, сформированные по предметно-тематическому признаку³³⁷. Из их заголовков видно, что на магистрате лежала обязанность оформлять сдачу в аренду городских лавок, амбаров, харчевен и другого имущества³³⁸, искать желающих «вступить в откупа» или взять подряды и заключить контракты с государством. Желающих искали через городского старосту, посылая ему указ объявить купцам и мещанам о вызове к торгам. Эта сторона деятельности по делам магистратов прослеживается очень плохо, вероятно, потому, что основную работу проводили старосты, однако из записей журналов заседаний магистратов известно о том, как происходили подобные мероприятия³³⁹.

Знакомство с системой документов магистратов показало, что служащие, обязанные в своей деятельности и ведении делопроизводства руководствоваться основными положениями Генерального регламента и других законодательных актов, значительно корректировали их на практике. На уровне организации делопроизводства это выражалось в отказе от ведения регистрационных книг входящих и исходящих документов или докладных реестров; на уровне

Ведомости многопородной магистратии земледельцев
152, учениковъ ионы находятся нынѣ.

Обучаютъ грамматическимъ правиламъ ^{глаго} Иудейской или арабизации, ищущую Историю	21
пишутъ цифръ и обучаютъ арабизации Иудейской	13
пишутъ арабизацию Ищущую Историю	33
Слова	8
Обучаются латинскому языку Иудейскими	13

во Фалтире

похвяти	1
вполовине	5
во, 2, части	4
вначале	2

въ Исаслове

вполовине	7
во, 2, части	17
вначале	22
возбуне	6

Итого 152

Сентябрь

Илл. 10. Рапорт надзирателя школы г. Торжка А. Морозова с приложением
ведомости об успехах учеников (Ф. 172. Оп. 2. Д. 521. Л. 1 об. Подлинник)

формирования дел и оформления отдельных документов – в заведении особых категорий маклерских книг, отличных от тех, которые предлагала вести система законодательства, и в упрощении формуляра отдельных видов документов при их копировании в целях тиражирования и засвидетельствования и т.п. Самодеятельность городских учреждений в сфере делопроизводства во многом была вынужденной, ведь Генеральный регламент вводил правила, которые осуществлять на уровне городских учреждений было невозможно в силу нехватки средств, да и не нужно в силу не многочисленности (по сравнению с коллегиями) документооборота. Разработка законодательства, регламентировавшего делопроизводство местных учреждений, было начато лишь в 1784 г.³⁴⁰. И началось оно с опроса местных учреждений о том, какие формы и правила применяются в каждом из наместничеств, и введение каких желательных³⁴¹, т.е. и тут проявилось всегдашнее стремления Екатерины к исследованию нужд, потребностей, желаний населения и к поиску компромисса между идеалом и реалиями жизни.

Исследование документов фондов магистратов позволило выявить эволюцию их компетенций в последней четверти XVIII в. Необходимо констатировать падение их значения в организации выборов городских должностных лиц. Об этом свидетельствует исчезновение в некоторых городах из дел о выборах списков избирателей и увеличение объема переписки по выборам с городским головой. С другой стороны, концентрация в магистрате сведений о недвижимости в черте города и ее владельцах обусловила сохранение важной роли магистратов в делопроизводстве по отводу земли и составлению обывательских книг на протяжении всего рассматриваемого периода – в обстоятельствах формальной непричастности их к тому и другому.

Подводя итоги исследования магистратского делопроизводства, следует сказать, что оно подтвердило сделанные при изучении описей архивных фондов выводы о высокой степени вариативности в распределении обязанностей между городскими структурами в конце XVIII в. и о неравнозначном положении магистратов в системе органов городского управления. Где-то, как в Старице, староста и общество граждан, причем прежде всего мещан, играли существенную роль в управлении, проявляли инициативу, требуя ограничить свободу вступления в купечество и добиваясь сокращения сборов на городские расходы с мещан. Где-то, и прежде всего в Торжке, роль магистрата и его влияние на жизнь города были определяющими.

Исследование показало, что деятельность магистратов большинства городов Тверской губернии не ограничивалась судебной сферой. Они также являлись важным звеном в осуществлении нотариальной, финансовой и административно-полицейской функций. Более того, исследование судебной деятельности магистратов не-

сколько затруднено, так как в большинстве фондов судебно-следственные дела не сохранились. Это, в свою очередь, очень затрудняет изучение жизни городов и горожан, поскольку судебно-следственная документация не только является источником для изучения истории судопроизводства и права, но также и показателем степени развития торгово-промышленной деятельности населения (поскольку большинство дел было связано именно с невыполнением обязательств в этой сфере). Уровень развития судебно-следственной практики в совокупности с другими параметрами городской жизни является и показателем степени развития урбанизационных процессов в том или ином городе. Проведенное исследование позволяет говорить, что отсутствие судебно-следственных дел может быть восполнено за счет анализа других категорий документации: журналов, протоколов, настольных реестров. Эти категории делопроизводственной документации дают представление о количественной динамике и содержании судебно-следственных дел, которые в свое время велись в магистратах.

Исследование намечает еще ряд комплексов документов, информация которых дублируется другими и может быть восполнена в случае утраты или затрудненного доступа к категориям документов, которые нужны исследователю. Можно утверждать, что приходные книги учета неокладных сборов вполне могут компенсировать отсутствие книг для записи купчих, предъявленных к засвидетельствованию, книг выдачи паспортов и других категорий дел, что информация сохранившихся книг по учету соли и соляных денег позволяет восстановить содержание большинства документов по соляным делам и на их основе изучать организацию обеспечения солью населения страны через многозвенную систему подрядов, что информация регистрационных книг входящих и исходящих документов в своей совокупности может, хотя и не в полной мере, заменить журналы заседаний. Эти наблюдения важны с учетом знаний о неполной сохранности документов и выявленных серьезных особенностях организации делопроизводства в каждом из городских магистратов. В силу этих обстоятельств в одних фондах наиболее информативными оказываются журналы заседаний, потому что протоколы, регистрационные книги и докладные реестры сохранились лишь за отдельные годы, в других можно восстановить картину развития некоторых сторон городской жизни, в том числе перестройку управления, на основе учетной делопроизводственной документации. Более того, для исследования первых двух лет проведения реформы едва ли не единственным источником, но опять-таки не по всем магистратам, оказываются регистрационные книги входящих и исходящих документов, поскольку журналов заседаний за эти годы в фондах магистратов областного архива практически нет.

Значение регистрационных документов как особых категорий

источников очень велико: на их основании можно судить об уровне развития урбанизации того или иного города. Так, преобладание в Кашине в настольных реестрах денежной казны записей о поступлениях денег с выдачи паспортов и отсутствие записей о поступлениях в зачет вексельных долгов, с эксплуатации городского имущества, сданного в аренду, свидетельствует, что жизнь в самом Кашине была вполне патриархальной. Наличие значительного числа записей о пошлинах с явки купчих и с выдачи «данных» в регистрационных книгах неокладных сборов ряда городов свидетельствует об интересе их жителей к недвижимости, что может рассматриваться как показатель уровня развития правового сознания горожан и т.д.

Изучение документов магистратского делопроизводства свидетельствует, что они весьма перспективны и с точки зрения исследования, например, деятельности купеческих родов. Это можно делать на основе маклерских книг, книг верящих писем, ведомостей о торгах и промыслах, аттестатов на получение денег под переводные векселя, свидетельств о товарах, отправляемых каждым из купцов весенним караваном в столицу. На основе этого круга источников можно анализировать торгово-промышленную деятельность не только жителей городов губернии, но также и купечества других регионов, поскольку она нашла отражение в текстах разного рода актов. Однако наибольшая ценность документов фондов магистратов заключается в том, что они позволяют изучать механизм реформирования страны в основной и важнейший период царствования Екатерины Великой.

Видно, что в городах, имеющих большое историческое прошлое и соответственно традиции городского самоуправления, новые должностные лица приживались с трудом, а передача им части компетенции от магистратов задерживалась. Городничие в таких городах с трудом вписывались в уже существующую систему управления, и выполнение полицейских обязанностей сотскими, ратманами³⁴² находилось под контролем магистратов: именно сюда они рапортовали о своей деятельности, в том числе о проведении следственных действий.

Изучение фондов магистратов свидетельствует о наличии в них документов, отражающих деятельность некоторых должностных лиц города (городского старосты, городского архитектора и т.п.). Кроме подлинников документов этих лиц, поступавших в магистраты в ходе переписки, в фондах магистратов в силу разных обстоятельств оказались полные дела, сформировавшиеся в делопроизводстве городских старост Бежецка, Вышневолочка, что создает хорошую источниковую базу для исследования деятельности этих выборных лиц. Однако следует иметь в виду, что и на основе отдельных документов этих лиц, вошедших в состав магистратских дел, и даже на основе кратких записей журналов регистрации, до-

кладных реестров и журналов заседаний магистратов можно проводить реконструкцию деятельности как отдельных элементов, так и всей системы городского управления и даже механизма осуществления задуманной Екатериной реформы. Записи в регистрационных книгах за 1776 и 1777 г. позволяют проследить перестройку взаимодействия между высшими и центральными учреждениями, с одной стороны, и городскими – с другой. Постепенное исчезновение записей о получении документов из Сената и центральных учреждений, а также сведений об отправке туда каких-либо ведомостей, появление при этом записей об отсылке их в казенную палату есть показатель становления губернских управленческих структур и передачи им финансовых средств, ранее принадлежавших различным ведомствам. Следствием этого стала постепенная ликвидация раздробленности финансов, что было необходимым промежуточным этапом становления единого государственного бюджета.

Малочисленность в составе фондов магистратов приходно-расходных книг окладных сборов при многочисленности дел о неокладных есть свидетельство того, что первые находились в ведении городских старост и стоящих за ними управленческих структур, например, земских изб, а магистраты лишь контролировали процесс их раскладки и сбора, причем в ряде городов в конце 70-х годов этот контроль был практически символическим. После введения Жалованной грамоты сбор процентных денег с купечества в большинстве городов закрепляется за магистратами, в то время как подушные остаются в ведении городских старост, однако в магистратах стали учитывать сбор этих денег в настольных реестрах денежной казны, например. Такое положение вещей показывает, что, во-первых, именно магистраты воплощали в себе функцию руководства всем торгово-промышленным населением, в том числе не положенным в оклад по данному городу³⁴³, в то время как старосте подчинялось именно то население, которое было внесено в ревизскую сказку. Во-вторых, это свидетельствует о том, что статус старосты еще не переменялся, он по-прежнему представитель общества окладного городского населения, хотя то обстоятельство, что его выбирают «поверенные выборщики» одновременно со словесными судьями, говорит о начавшейся трансформации представления горожан о месте этого должностного лица в структуре городской системы управления.

Анализ эволюции ведения приходно-расходных книг, учитывающих поступление в магистрат окладных налогов, свидетельствует о процессе индивидуализации в составе городской общины, все чаще книги составляются не по хронологии поступлений, а по фамилиям плательщиков и возле каждой из них проставляются даты выплат ими в счет подушного налога, сбора рекрутских денег и др. Но такие книги все же велись в думах, и это обстоятельство может яв-

латься одним из важнейших показателей отличия их от магистратов и от структур, возглавляемых городскими старостами. Городские думы сложились как учреждения по управлению городом, вступившим в эпоху индивидуализации его жителей. Первым шагом на этом пути было выделение купечества из основной массы тяглецов на основе принципов манифеста 17 марта 1775 г., вторым – изменение принципов налогообложения с акцентом на размер земельного участка и стоимость имущества. Однако следует помнить, что делопроизводство по отводу земли всем категориям горожан и выдача документов, подтверждающих право на владение, было осуществлено еще в конце XVIII в., и сосредоточено оно было в магистратах. Таким образом, именно деятельность магистратов Тверской губернии подготовила переход к новым принципам налогообложения, что и стало в конечном итоге основой новых городских обществ. Складывание их было тесно увязано с межеванием городских земель и перепланировкой городов, происходило постепенно и завершилось в XIX в., уже после войны с Наполеоном.

В период, которому посвящено исследование, право самообложения имели лишь традиционные городские гражданские общества, т.е. включающие лиц, положенных в подушный оклад по данному городу, а в число таковых входило отнюдь не все торгово-промышленное население города. Таким образом, к параметрам, характеризующим городское общество XVIII в., в том числе и периода проведения реформы местного управления Екатерины II, следует отнести его право на самообложение и его большую независимость в этом вопросе от коронных властей. Единственным учреждением, контролирующим сборы на так называемые городские необходимые нужды, был городской магистрат. Из более поздних приходных книг городских дум известно, что такие деньги – результат самообложения горожан – стали поступать от городских старост в думы³⁴⁵, и это еще одна сторона процесса трансформации городских обществ XVIII в. во главе с городскими старостами в более широкие по составу городские общества XIX в., возглавляемые городскими головами. В основе этой трансформации лежало изменение системы сбора налогов, идущих на развитие города лишь там, где удавалось добиться введения поземельного налога или налога с имущества, становление новых городских обществ происходило быстрее, и развитие города шло интенсивнее.

Примечания

- ¹ Клокман Ю.Р. Историография русских городов второй половины XVII–XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 51–54.
- ² Рьдзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990; Козлова Н.В. Российский абсо-

- лютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.
- 3 *Ширина Д.А.* Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX – 1917 гг.) // Исторические записки. М., 1982. Т.108. С. 317–352; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Л., 1984; *Михальченко С.И.* А.П. Пригара и его концепция истории русского города // Экономика, управление, демография городов Европейской России... С. 179–183 и др.
 - 4 *Неволин К.А.* Общий список русских городов // *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. VI. С. 28.
 - 5 *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русских народов в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени. СПб.; 1852. С. 209.
 - 6 Там же. С. 188–194.
 - 7 Там же. С. 265–266.
 - 8 *Пригара А.П.* Опыт истории состояния городских обывателей... С. 145–152.
 - 9 *Дитятин И.И.* Управление городами... Т. 1. С. 109.
 - 10 Там же. С. 136–137, 202.
 - 11 Там же. С. 208; *Пригара А.П.* Опыт истории состояния городских обывателей... С. 156, 159.
 - 12 *Дитятин И.И.* Управление городами... С. 214.
 - 13 Там же. С. 212–213.
 - 14 Там же. С. 207–240.
 - 15 Там же. С. 380.
 - 16 Там же. С. 394–396.
 - 17 Там же. С. 394–397, 457.
 - 18 Там же. С. 455–456.
 - 19 Там же. С. 457.
 - 20 Там же. С. 471–472. Это суждение находится в явном противоречии с ранее сформулированным положением о том, что магистраты не могли выполнять полицейские функции, поскольку не являлись начальством всего города.
 - 21 Там же. С. 416–417, 419.
 - 22 Там же. С. 420–423.
 - 23 Там же. С. 127–128.
 - 24 Там же. С. 128.
 - 25 Столетие Санкт-Петербургского городского общества 1785–1885 СПб., 1885. С. 75.
 - 26 *Градовский А.Д.* Органы местного управления // *Градовский А.Д.* Собр. соч. Т. IX. СПб., 1904. С. 99, 118.
 - 27 *Григорьев В.* Реформа местного управления при Екатерине II... С. 115, 300–301.
 - 28 *Семенов Д.Д.* Городское самоуправление: очерки и опыты. СПб., 1901; *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб., 2001. С. 91, 99.
 - 29 *Семенов Д.Д.* Указ. соч. С. 12.
 - 30 *Кизеветтер А.А.* Посадская община России...
 - 31 Там же. С. 34–36.
 - 32 Там же. С. 504–596.
 - 33 Там же. С. 247–248.
 - 34 Там же. С. 633–636.
 - 35 Там же. С. 629.
 - 36 Там же. С. 619.
 - 37 *Дитятин И.И.* Управление городами... С. 214–215.

- 38 Противоположность своих выводов выводам Дитятин Кизеветтер вполне определенно выразил во вступительном слове на диспуте по поводу защиты им магистерской диссертации, а также в одноименной с монографией краткой работе, содержащей лишь ее основные выводы. См.: *Кизеветтер А.А.* Новизна и старина в России XVIII столетия. Речь перед магистерским диспутом // *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 265–273; *Кизеветтер А.А.* Посадская община России XVIII столетия // Там же. С. 242–263.
- 39 *Кизеветтер А.А.* Посадская община России... С. 127–130, 630–633.
- 40 Там же. С. 790.
- 41 *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт исторического комментария. М., 1909.
- 42 *Дитятин И.И.* Управление городами... Т. I. С. 457.
- 43 *Кизеветтер А.А.* Городовое положение... С. 397–398.
- 44 Там же. С. 406.
- 45 Там же. С. 395.
- 46 Там же. С. 396.
- 47 Там же.
- 48 Там же. С. 400.
- 49 Там же. С. 404, 406.
- 50 *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892; *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 1. М. 1906; *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917–1919. Вып. 1, 2.
- 51 *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М., Л., 1947. Т. 1, 2.
- 52 *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- 53 *Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел. М., 1930; *Дербина В.* Первая сибирская мануфактура (Тельминская фабрика). К 200-летию со дня основания. 1731–1931 гг. М.-Л., 1932; *Бабурин Д.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939; *Заозерская Е.Н.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.
- 54 *Сперанский А.Н.* Указ. соч. М., 1930. С. 32.
- 55 Там же. С. 8.
- 56 *Тарловская В.Р.* Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. // Государственные учреждения XVI–XVIII в. М., 1991. С. 102.
- 57 *Сперанский А.Н.* Указ. соч. С. 108.
- 58 Там же. С. 102.
- 59 Там же. С. 112–113.
- 60 *Водарский Я.Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108–112; *Он же.* Проект Регламента Главного магистрата и его редакции (1720) // Проблемы источниковедения М., 1962. Т. X. С. 195–207.
- 61 *Муравьев А.В.* Из материалов по истории классовой борьбы в русском городе... С. 157–163; *Он же.* Образование Московского магистрата... С. 64–68; *Он же.* Из истории классовой борьбы в калужском посаде... С. 371–384.

- ⁶² *Муравьев А.В.* Образование магистратов...; *Он же.* Из материалов по истории... С. 157.
- ⁶³ *Муравьев А.В.* Образование магистратов... С. 289.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Осадченко Б.А.* Методологические поиски советских историков 1960-х годов (к характеристике имманентных факторов развития исторической науки) // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 158–165.
- ⁶⁵ Города Сибири: экономика, управление и культура...; История городов Сибири досоветского периода (XVIII – начала XX вв.). Новосибирск, 1977; Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1987; Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986; Русский город. М., 1976. Вып. 1; *Рабцевич В.В.* Сибирский город...: *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984; *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982 и др.
- ⁶⁶ *Рафиенко Л.С.* Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII века // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. II: Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 58.
- ⁶⁷ *Рафиенко Л.С.* Посадские сходы в Сибири XVIII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура... С. 171.
- ⁶⁸ Там же. С. 185.
- ⁶⁹ *Рабцевич В.В.* Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Сибирские города XVII – начала XX в. Новосибирск, 1981. С. 158.
- ⁷⁰ Там же. С. 165–167.
- ⁷¹ Там же. С. 168.
- ⁷² *Рабцевич В.В.* Сибирский город... С. 126; *Рабцевич В.В.* Социальный состав органов городского самоуправления Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – начале XIX в. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 83–85.
- ⁷³ *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления... С. 126, 153–156.
- ⁷⁴ Там же. С. 153.
- ⁷⁵ *Рабцевич В.В.* Торговое судопроизводство в Сибири... С. 127.
- ⁷⁶ *Рабцевич В.В.* Сибирский город... С. 154–156.
- ⁷⁷ Там же. С. 156.
- ⁷⁸ *Дитятин И.И.* К истории Жалованных грамот... С. 127–128; *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. С. 115.
- ⁷⁹ См., например: Ф. 168. Оп. 2. Д. 966; Ф. 172. Оп. 2. Д. 458; Ф. 173. Оп. 2. Д. 24, 66, 152.
- ⁸⁰ Ф. 172. Оп. 2. Д. 581, 583. В последнем случае протокол говорит, что не нашлось людей, оспаривающих право собственности покупателя (наследника), и потому он утверждается в правах.
- ⁸¹ Ф. 172. Оп. 2. Д. 653. В этих случаях протокол констатирует, что родители младенца не нашлись после трехкратного объявления, и поэтому ребенка передают в семью, пожелавшую его воспитать.
- ⁸² Там же. Оп. 1. Д. 4255, 4264, 4278; Оп. 2. Д. 366, 516, 564.
- ⁸³ Ф. 173. Оп. 2. Д. 46, 106.
- ⁸⁴ Там же. Д. 90.
- ⁸⁵ Там же. Д. 91.
- ⁸⁶ Некоторые дополнительные наблюдения на этот счет можно найти в разделе, посвященном журналам заседаний магистратов.

- 87 Было решено закрыть дела за давностью происшествий и передать в архив.
- 88 См., например: Ф. 169. Оп. 2. Д. 60.
- 89 Ф. 172. Оп. 2. Д. 465, 466 г, 488.
- 90 Там же. Д. 721, 806, 827.
- 91 Там же. Оп. 1. Д. 4283.
- 92 Ф. 169. Оп. 2. Д. 61. Л. 1.
- 93 Там же. Д. 57. В первом разделе книги зарегистрированы 121 указ и «предложения», во втором – 119 документов, в том числе документы, поступившие в магистрат от частных лиц.
- 94 Там же. Д. 58. Следует сказать, что это соединение не есть результат деятельности потомков, так произошло в практике деятельности магистрата. В этом деле зарегистрировано 150 исходящих на указы и 136 – на прочие документы.
- 95 Ф. 165. Оп. 2. Д. 746, 747, 748, 1476, 1479.
- 96 Ф. 174. Оп. 2. Д. 13.
- 97 Среди учреждений, с которыми магистрат Старицы вел переписку, была Главная соляная канцелярия (Л. 32 об., 40).
- 98 Ф. 173. Оп. 2. Д. 35. Л. 4.
- 99 Там же. Д. 45. Л. 19 об.
- 100 Ф. 174. Оп. 2. Д. 51. Л. 17 об., Л. 21, 22, 28, 29 об., 31 об., 34 об. и др.
- 101 Ф. 165. Оп. 2. Д. 747. Л. 13, 15.
- 102 Ф. 172. Оп. 2. Д. 603, 622.
- 103 Ф. 169. Оп. 2. Д. 217, 218.
- 104 Там же. Д. 61.
- 105 Ф. 174. Оп. 2. Д. 112.
- 106 Там же. Д. 52.
- 107 Там же. Д. 43.
- 108 Ф. 169. Оп. 2. Д. 59.
- 109 Там же. Д. 350.
- 110 Ф. 172. Оп. 1. Д. 4254.
- 111 Ф. 165. Оп. 2. Д. 664.
- 112 Там же. Д. 663.
- 113 Ф. 169. Оп. 2. Д. 339. Л. 1, 6 об.
- 114 Ф. 170. Оп. 2. Д. 76.
- 115 Об этом можно с уверенностью судить по составу документов дел о сборе подушных денег. См.: например: Ф. 170. Оп. 2. Д. 379.
- 116 См., например: Ф. 165. Оп. 2. Д. 1428.
- 117 В разных городах это происходило в различное время.
- 118 Видимо, банкрот не был ленивым человеком и при отдаче его в работу происходили торги, А.П. Вышину, чтобы заполучить работника, пришлось переплатить рубль сверх минимальной платы (Ф. 166. Оп. 1. Д. 2672. Л. 5, 8.
- 119 См., например: Ф. 165. Оп. 2. Д. 1620, 1621 – Приходные книги окладных и неокладных сборов за 1790 г.; Ф. 170. Оп. 2. Д. 77, 78 – приходная и расходная книги неокладным расходам за 1778 г.
- 120 Ф. 166. Оп. 1. Д. 29, 30.
- 121 Ф. 172. Д. 592, 630.
- 122 Ф. 174. Оп. 2. Д. 60, 315; Ф. 165. Оп. 2. Д. 1621.
- 123 Ф. 173. Оп. 2. Д. 312, 315, 174, 180.
- 124 Там же. Д. 28.
- 125 Ф. 172. Оп. 2. Д. 498.
- 126 Ф. 168. Оп. 2. Д. 44.

- ¹²⁷ Например: Ф. 165. Оп. 2. Д. 667. По сути, это приходно-расходная книга старосты за 1776 г., где в качестве статей прихода обозначены сборы окладных налогов с купечества и мещанства и сборы на городские расходы. См. также: Ф. 165. Оп. 2. Д. 988 – приходная книга старосты для сбора денег с купечества за 1780 г. Там помимо процентных денег с объявленных капиталов учтены также сборы на содержание магистрата, лошадей на станциях. В отличие от 1780 г. в 1790 г. процентные деньги с объявленных капиталов были приняты в магистрат и лишь оттуда высланы в казначейство, о чем свидетельствует соответствующая приходная книга. (Ф. 165. Оп. 2. Д. 1620). Факт поступления подушных денег в этой книге не обозначен.
- ¹²⁸ Ф. 172. Оп. 2. Д. 790, 791.
- ¹²⁹ ПСЗ-1. Т. XVIII. № 12971.
- ¹³⁰ Ср.: Ф. 165. Оп. 2. Д. 632. Л. 3 об, 5, 9, 10 и др. с л. 51 – 52 об. См. также Д. 748.
- ¹³¹ Ф. 172. Оп. 1. Д. 4258; Ф. 173. Оп. 2. Д. 753, 1169, 1174.
- ¹³² Ф. 172. Оп. 1. Д. 4258.
- ¹³³ Ф. 173. Оп. 2. Д. 1478.
- ¹³⁴ Ф. 174. Оп. 2. Д. 117, 355; Ф. 172. Оп. 1. Д. 4267; Оп. 2. Д. 1085.
- ¹³⁵ Ф. 166. Оп. 2. Д. 42. Л. 40–41.
- ¹³⁶ Ф. 169. Оп. 2. Д. 232. Однако в составе этого дела имеется настоящая квитанция, свидетельствующая о получении оброчных денег за пользование горожанами пустошами (Л. 23). Из сообщений казначея обычно известно, кто принес деньги и откуда они доставлены.
- ¹³⁷ Ф. 173. Оп. 2. Д. 39, 60, 92.
- ¹³⁸ Ф. 169. Оп. 2. Д. 309; Ф. 172. Оп. 2. Д. 362, 701, 728.
- ¹³⁹ Ф. 172. Д. 670, 671.
- ¹⁴⁰ В 1812 г. рекрутские деньги поступили не в магистрат, а в думу (Ф. 877. Оп. 1. Д. 120).
- ¹⁴¹ Ф. 169. Оп. 2. Д. 70.
- ¹⁴² Там же. Д. 339, 357.
- ¹⁴³ В начале XIX в. под этим подразумевались сборы на обслуживание почтовой гоньбы.
- ¹⁴⁴ Ф. 877. Оп. 1. Д. 125. Ф. 658. Оп. 1. Д. 27, 33.
- ¹⁴⁵ Ф. 877. Оп. 1. Д. 120.
- ¹⁴⁶ Там же. Д. 118, 120.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 48 за 1811 г. Ф. 168. Оп. 1. Д. 1412 за 1812 г. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3442 за 1815 г. Судя по расходной книге доходов городской Восьегонской думы за 1830 г. в уездное казначейство отправлялись лишь подушные сборы и сборы с купцов на земские повинности, это позволяет предполагать, что процентные сборы с объявленных капиталов в думу не поступали даже для учета в приходно-расходных книгах (Ф. 23).
- ¹⁴⁸ Ф. 172. Оп. 2. Д. 784, 909, 1083, 1098, 1116; Ф. 24. Оп. 1. Д. 83. Л. 39–43; Ф. 166. Оп. 2. Д. 42. Л. 13–18.
- ¹⁴⁹ Ф. 172. Оп. 2. Д. 710; Ф. 170. Оп. 2. Д. 305, 407.
- ¹⁵⁰ Ф. 24. Оп. 1. Д. 11.
- ¹⁵¹ Возможно, это является показателем того, что полноправные жители города – граждане назывались термином «купечество».
- ¹⁵² Ф. 166. Оп. 2. Д. 265, 266, 267. Книга раскладки подушного сбора городского старосты Вышнего Волочка за 1778 г. явно по ошибке оказалась в фонде городской думы (Ф. 24. Оп. 1. Д. 11). Много таких тетрадей в фонде Калязинского мещанского старосты за 20-е годы и в фонде Калязинской думы

- за более поздний период. См.: Ф. 877. Оп. 1. Д. 125, 126. В этих книгах обычно указывалась сумма не только подушного сбора, но также сборов на исполнение земских повинностей (с начала XIX в.), рекрутских денег.
- 153 Записи о поступлении денег от сборщиков и отсылке их в уездные казначейство всегда проходят по приходно-расходным книгам, а также по переписке магистратов со старостами и казначеем.
- 154 Ф. 166. Оп. 2. Д. 42, 87.
- 155 Ф. 172. Оп. 2. Д. 685.
- 156 Там же. Д. 799; Ф. 166. Оп. 2. Д. 85; Ф. 165. Оп. 1. Д. 2963.
- 157 Ф. 166. Оп. 2. Д. 42. Л. 10 – 12 об. Список умерших за 1780 г. в Волочке включал 129 человек. (Л. 13–18).
- 158 Там же. Оп. 2. Д. 29.
- 159 Ф. 24. Оп. 1. Д. 83.
- 160 Имеются в виду те расчеты, что составлялись в начале года.
- 161 Ф. 166. Оп. 2. Д. 87. Л. 5.
- 162 Там же.
- 163 Ф. 168. Оп. 1. Д. 1412. Л. 1.
- 164 Ф. 165. Оп. 1. Д. 2963; Ф. 172. Оп. 2. Д. 881, 909. Л. 5–11; Д. 1027. Л. 5–11. Д. 1083. Л. 15–18; Ф. 174. Оп. 2. Д. 92.
- 165 Ф. 166. Оп. 2. Д. 26. Л. 19 – 20 об. Этот указ, поступивший в магистраты, свидетельствует о передаче непосредственного контроля за сбором финансов в регионах вновь созданным губернским учреждениям. Указ предписывал, чтобы «казенная палата, собирая оные, сочиняла б по всему наместничеству генеральные ведомости и как оные, так и уведомления к доставлению оригинально в Правительствующий Сенат представляла в наместническое правление в начале каждого года к 10 числу генваря. А что следует до расчисления процентных денег по 11 пункту в суммы Комиссариатского и Штатс-конторского ведомства, то б повеленное в Штатс-контору сведение в тот же срок казенная палата отсылала прямо от себя». Указ ТНП пересказывает текст сенатского указа от 21 декабря 1776 г. «Об обозначении процентного сбора с купцов в ведомостях о государственных доходах особою статьею (ПСЗ-1. Т. XX. № 14551).
- 166 См., например, ведомость на 1785 г. (Ф. 173. Оп. 2. Д. 1077).
- 167 Там же. Л. 1–41.
- 168 Ф. 172. Оп. 2. Д. 1083. Л. 14 – 14 об.; Д. 1116. Л. 25; Д. 1098. Л. 19 – 26 об.
- 169 В Старице подобные документы на 1786 г. обнаружены в составе дела, в основном посвященного выборам (Ф. 174. Оп. 1. Д. 1359. Л. 23–24, 25 об. – 26).
- 170 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1478. С. 116–126.
- 171 Там же. С. 128–129.
- 172 ПСЗ-1. Т. XX. № 14326.
- 173 Доставка этих и подобных ведомостей в губернские учреждения было санкционировано указами ТНП, которые, в свою очередь, пересказывали тексты сенатских и императорских указов.
- 174 Ф. 166. Оп. 2. Д. 37; Ф. 172. Оп. 1. Д. 4261; Оп. 2. Д. 909. Л. 3 об. – 4; Д. 1116. Л. 8 об. – 9; Д. 1083. Л. 12 об. – 13; Д. 1098. Л. 4 – 6 об.
- 175 Там же. Д. 909, 1083, 1116. Л. 10 – 22 об; Ф. 173. Оп. 2. Д. 755.
- 176 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1478.
- 177 Ф. 168. Оп. 1. Д. 1412.
- 178 Ф. 174. Оп. 2. Д. 8. Л. 4, 24.
- 179 Ф. 170. Оп. 2. Д. 379. Л. 4.
- 180 Там же. Д. 60. Л. 3.; Д. 379. Л. 16.

- 181 Ф. 174. Оп. 2. Д. 91, 124, 192. Л. 4 об.
- 182 Там же. Д. 192. Л. 6 об.
- 183 Об этом известно из регистрационной книги входящих документов (Ф. 165. Оп. 2. Д. 747. Л. 14).
- 184 Ф. 172. Оп. 2. Д. 565. Л. 1–8.
- 185 Известно, что предыдущая окладная книга была составлена в 1775 г.
- 186 Ф. 172. Оп. 1. Д. 4191. Л. 1.
- 187 Там же. Д. 4267.
- 188 Там же. Д. 1081, 1087.
- 189 Ф. 173. Оп. 2. Д. 586, 958, 1428, 1431.
- 190 Ф. 172. Оп. 2. Д. 507, 1086.
- 191 Эти деньги поступали в уездное казначейство лишь с 1778 г., а до этого их отправляли в банки, соответственно и переписка велась с ними.
- 192 Ф. 174. Оп. 2. Д. 335.
- 193 Ф. 170. Оп. 2. Д. 402. С. 9.
- 194 Ф. 172. Оп. 2. Д. 628, 629, 633; Ф. 173. Оп. 2. Д. 488.
- 195 Ф. 172. Оп. 2. Д. 769, 1051; Ф. 173. Оп. 2. Д. 438; Ф. 174. Оп. 2. Д. 41, 335.
- 196 Ф. 172. Оп. 2. Д. 633. Л. 3, 9.
- 197 Там же. Л. 7.
- 198 Там же. Л. 33 – 36 об., 39 – 40 об. Списки лиц, не посещавших исповеди, магистрат получал от приходских священников (Ф. 172. Оп. 2. Д. 633. Л. 32; Д. 1051. Л. 4).
- 199 Там же. Д. 769. Л. 6–11.
- 200 Ф. 174. Оп. 2. Д. 335. Л. 4–5.
- 201 Ф. 173. Оп. 2. Д. 438. Л. 3.
- 202 Там же. Д. 438. Л. 1.
- 203 Ф. 172. Оп. 2. Д. 1051. Л. 17–37.
- 204 Там же. Д. 492. Л. 5 об.
- 205 Ф. 166. Оп. 1. Д. 62. Л. 1. Некоторые сведения об этом см. в разделе «Архивные комплексы городских учреждений...»
- 206 Там же. Д. 62.
- 207 Кстати, в Вышнем Волочке всегда было одновременно по два городских старосты.
- 208 Ф. 166. Оп. 2. Д. 29.
- 209 Там же. Д. 30, 62.
- 210 Ф. 165. Оп. 2. Д. 657.
- 211 Там же. Д. 636.
- 212 Ф. 172. Оп. 2. Д. 510. Л. 19, 46.
- 213 Там же. Оп. 1. Д. 4285. Л. 8–9, 18 об. – 20.
- 214 Ф. 174. Оп. 2. Д. 91. Л. 7.
- 215 Там же. Л. 7 об. Решение магистрата зафиксировано на обороте рапорта старосты, в виде резолюции членов магистрата на поступившую просьбу.
- 216 Ф. 174. Оп. 2. Д. 91. Л. 9.
- 217 Там же. Л. 23.
- 218 В более позднее время они собирались гласными думы (Ф. 877. Оп. 1. Д. 35. Л. 1).
- 219 См. подробнее 3-ю главу.
- 220 В Твери этот процесс шел более интенсивно, о чем свидетельствуют документы городских учреждений. В 1847 г. Тверская городская дума дала гласному И. Боброву предписание о сборе «с дворян, чиновников и разночинцев, имеющих свои дома и прочую недвижимость», недоимки «на содержание по-

- лиции и мощные дороги как за сей 1847 год, так и за прежние годы». (Ф. 175. Оп. 1. Д. 2580). Введение налога с имущества в Твери относится к началу 20-х годов XIX в. (Ф. 21. Оп. 1. Д. 2580 и др.). О значении введения поземельного налога и оценочного с имущества для формирования действительно всеобщего городского общества см.: *Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление 1785–1891 гг. Историческое обозрение Псков, 1892. С. 12–14.
- 221 Ф. 172. Оп. 2. Д. 436, 686, 688, 691.
- 222 Ф. 165. Оп. 1. Д. 2944.
- 223 См. 3-ю главу.
- 224 Ф. 169. Оп. 2. Д. 409; Ф. 172. Оп. 2. Д. 504; Д. 623, 624, 626.; Ф. 173. Оп. 2. Д. 51–53.
- 225 Ф. 172. Оп. 2. Д. 624.
- 226 Там же. Д. 623, 626. Очень много дел, связанных с поставкой соли, в фонде Ржевского магистрата (Ф. 173. Оп. 2. Д. 890, 932 и др.).
- 227 Ф. 172. Оп. 2. Д. 597, 632.
- 228 Там же. Д. 501, 506.
- 229 Ф. 173. Оп. 2. Д. 925.
- 230 Ф. 170. Оп. 2. Д. 74.
- 231 Ф. 172. Оп. 2. Д. 949, 1007, 1033, 1052; Ф. 174. Оп. 2. Д. 9, 232.
- 232 Ф. 173. Оп. 2. Д. 409, 411, 420, 966; Ф. 174. Оп. 2. Д. 9, 65, 191, 232.
- 233 Ф. 174. Оп. 2. Д. 9. Л. 49. В 1778 г. в Старице в очереди на отдачу в рекруты значилось лишь 20 семей, так как большая часть семей была записана в купечество.
- 234 Ф. 173. Оп. 2. Д. 966.
- 235 См., например: Ф. 174. Оп. 2. Д. 232. Л. 17, 22 – 22 об. и далее.
- 236 О том, что это положение не устраивало мещанство, видно из указа ТНП, разосланного в магистраты (Ф. 174. Оп. 2. Д. 9. Л. 69–70).
- 237 Ф. 174. Оп. 2. Д. 9. Л. 48, 49.
- 238 Ф. 165. Оп. 1. Д. 2946; Ф. 172. Оп. 2. Д. 37. Л. 28; Д. 398, 402; Ф. 173. Оп. 2. Д. 420; Ф. 174. Оп. 2. Д. 232. Л. 1.
- 239 Ф. 173. Оп. 2. Д. 398, 401.
- 240 Ф. 174. Оп. 2. Д. 9. Л. 19 – 19 об. Староста в своем сообщении утверждает, что денег отправляемым в рекруты не давали и не обещали им такого вознаграждения. Резолюция магистрата предписывала сообщить об этом городничему, который со ссылкой на указы ТНП утверждал, что ему поручено следить за ходом сбора рекрутов (Л. 5).
- 241 Там же. Д. 232. Л. 2–6.
- 242 Ф. 172. Оп. 1. Д. 4221; Оп. 2. Д. 1052; Ф. 173. Оп. 2. Д. 471, 968.
- 243 В губернских городах также выбирали заседателей в губернский магистрат и совестный суд (Ф. 173. Оп. 2. Д. 1257. Л. 1).
- 244 Это объясняется тем, что городской голова, члены магистрата, заседатели в совестный суд и в губернский магистрат избирались только раз в три года.
- 245 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1257, 1259.
- 246 Во многих фондах мы находим это «предложение» в подлинниках, с подписью Я.Е. Сиверса, но в одних городах, как во Ржеве, подлинник подшивался в само дело по выборам, в других – в книгу указов.
- 247 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1257. Л. 1.
- 248 Ф. 172. Оп. 2. Д. 982.
- 249 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1257; Ф. 166. Оп. 2. Д. 85, 117.
- 250 Ф. 172. Оп. 2. Д. 619, 811.
- 251 Ф. 166. Оп. 2. Д. 85.

- 252 Там же. Д. 117. Л. 6–9.
- 253 Более того, из дела, отражающего политический кризис во Ржеве в 1779 г., ясно, что члены магистрата даже не имели «о выборщических именах сведения» (Ф. 173. Оп. 2 Д. 1257. Л. 36).
- 254 Ф. 166. Оп. 2. Д. 85, 117.
- 255 Ф. 166. Оп. 2. Д. 117. Л. 13 об.
- 256 На должность городских старост, например, выбирали двух человек из 43 кандидатов.
- 257 Ф. 174. Оп. 1. Д. 1359. Л. 45, 47–48, 51, 57.
- 258 Там же. Д. 1374.
- 259 Там же. Д. 1359. Л. 10
- 260 Ф. 170. Оп. 2. Д. 384. Л. 1–8.
- 261 Ф. 172. Д. 541, 757, 989; Ф. 166. Оп. 2. Д. 85; Ф. 168. Оп. 1. Д. 1414; Ф. 174. Оп. 1. Д. 1344, 1359 Л. 65 и далее.
- 262 Ф. 166. Оп. 2. Д. 85. Л. 15.
- 263 Ф. 165. Оп. 1. Д. 2942; Ф. 170. Оп. 2. Д. 384; Ф. 174. Оп. 1. Д. 1344, 1359, 1373. Выборы добросовестных свидетелей, десятских и сотских, рассыльщиков и т.д., как правило, проходили в начале года и организовывал их уже новый староста.
- 264 Ф. 166. Оп. 2. Д. 117. Л. 31–35 об.
- 265 Там же. Д. 85, 117.
- 266 Там же. Д. 117.
- 267 Там же. Д. 85. Л. 1.
- 268 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1259. Л. 20; Ф. 170. Оп. 2. Д. 60. Л. 6 об., 11, 30, 31.
- 269 Ф. 170. Оп. 2. Д. 384. Л. 22.
- 270 Ф. 168. Оп. 1. Д. 1414; Ф. 170. Оп. 2. Д. 384. Л. 20, 21. Эти люди подписывали записи о приеме и отпуске вина и соли из соответствующих магазинов. Магазины являлись складом, продажа осуществлялась из так называемых «стоек» (см.: Ф. 168. Оп. 1. Д. 1413. Л. 83–94).
- 271 Ф. 168. Оп. 1. Д. 1414. Л. 40.
- 272 Ф. 172. Оп. 1. Д. 4310. Л. 5–8.
- 273 Там же. Оп. 1. Д. 4310. Л. 1–2.
- 274 Ф. 170. Оп. 2. Д. 60. Л. 10–19, Д. 384. Л. 32–38.
- 275 Ф. 174. Оп. 1. Д. 1344. Л. 50 и далее; Д. 1353.
- 276 Ф. 166. Оп. 2. Д. 85. Л. 15, 19, 20.
- 277 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1257. Л. 13.
- 278 Там же. Л. 27.
- 279 Там же. Л. 34–35.
- 280 Там же. Л. 42.
- 281 Ф. 172. Оп. 2. Д. 767, 934, 1002; Ф. 173. Оп. 2. Д. 101, 120, 198, 264, 284. Во Ржеве они также назывались «Книги на записку кредитным письмам», «На записку заемным письмам».
- 282 Ф. 173. Оп. 2. Д. 64, 97, 114, 193, 234 и др.
- 283 Ф. 172. Оп. 2. Д. 821, 966, 997.
- 284 Там же. Оп. 1. Д. 4948; Оп. 2. Д. 735.
- 285 Там же. Д. 801, 968, 999; Ф. 166. Оп. 2. Д. 386, 109.
- 286 Ф. 172. Оп. 2. Д. 764, 967.
- 287 Подробнее см.: *Прядеина И.Е., Середя Н.В.* Коммуникативные связи на рынке наемной рабочей силы в начале XIX века (по материалам маклерских книг г. Торжка) // Города Европейской России... С. 368—375.
- 288 *Сметанин С.И.* Маклерские и обывательские книги городов как источник

- по социально-экономической истории России. По материалам городов Урала 1800–1861 гг. // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 149–177.
- 289 Ф. 168. Оп. 2. Д. 20.
- 290 Ф. 172. Оп. 2. Д. 129, 230, 426, 427, 443 и др.; Ф. 266. Оп. 2. Д. 1139.
- 291 Ф. 173. Оп. 2. Д. 133, 142. В фонде Ржевского магистрата в ряде случаев эти книги называются «записная явленным кредитным письмам» (Ф. 173. Оп. 2. Д. 14, 142).
- 292 *Журавский Д.П.* О кредитных сделках в Киевской губернии // Труды комиссии по описанию губерний Киевского учебного округа. Киев, 1856. Т. 3. С. 353 – 395.
- 293 *Серета Н.В.* Верящие письма новоторжского купечества // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) М., 1996. С. 63–74.
- 294 Ф. 174. Оп. 2. Д. 666; Ф. 172. Оп. 2. Д. 206, 809, 1012, 1044.
- 295 Ф. 172. Оп. 1. Д. 42, 68; Оп. 2. Д. 754, 809, 1012, 1044.
- 296 Там же. Оп. 2. Д. 105, 130, 171, 199, 283.
- 297 Там же. Д. 46. Это – «столб», в нем подшито несколько дел, связанных с покупкой недвижимости. Такие подшивки есть и в других фондах (Ф. 173. Оп. 2. Д. 640, 1093).
- 298 Ф. 172. Оп. 2. Д. 706; Ф. 166. Оп. 2. Д. 89.
- 299 Ф. 172. Оп. 2. Д. 105, 401.
- 300 Ф. 173. Оп. 2. Д. 17.
- 301 Там же. Д. 1352, 1353.
- 302 Там же. Д. 1305, 1309.
- 303 Там же. Д. 686–690, 1348, 1349.
- 304 Там же. Д. 1109. Л. 1.
- 305 Ф. 174. Оп. 2. Д. 203. Л. 6–8; Ф. 170. Оп. 2. Д. 380. Л. 59 – 69 об.
- 306 Ф. 172. Оп. 2. Д. 643. Л. 5 – 5 об.
- 307 Более подробно о результатах анализа этих данных см.: *Серета Н.В.* Торговая деятельность новоторжского купечества в XVIII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. СПб., 2001. С. 161–170.
- 308 Ф. 172. Оп. 2. Д. 1073. Л. 9.
- 309 Там же. Л. 7.
- 310 Там же. Л. 10.
- 311 Там же. Д. 643. Л. 5 об.
- 312 Там же. Д. 922. Л. 14; Д. 1073. Л. 13 – 13 об.
- 313 Там же. Д. 1073.
- 314 Там же. Л. 13 – 20 об.
- 315 Там же. Л. 21–39.
- 316 Там же. Л. 13 – 13 об., 15.
- 317 Там же. Л. 6–12.
- 318 Там же. Д. 922. Л. 3 об.
- 319 Ф. 169. Оп. 2. Д. 111, 147; Ф. 170. Оп. 2. Д. 380; Ф. 174. Оп. 2. Д. 203, 1532, 1535.
- 320 Ф. 174. Оп. 1. Д. 1532. Л. 1–3, 9 – 10 об., 17–24.
- 321 Там же. Д. 1506.
- 322 Там же. Д. 157, 280.
- 323 Там же. Д. 203. Л. 15–17.
- 324 См., например: *Ефремова Е.Н.* Предпринимательская деятельность купцов Томиловых // Экономика, управление, демография городов европейской России... С. 91–95.
- 325 Ф. 172. Оп. 2. Д. 807; Оп. 1. Д. 4196, 4298.
- 326 Ф. 170. Оп. 2. Д. 1241, 1247; Ф. 172. Оп. 2. Д. 632, 705, 706, 805.

- ³²⁷ Ф. 170. Оп. 2. Д. 380. Л. 1–38, 77 и далее.
- ³²⁸ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5408, п. 9; *Демкин А.В.* Русское купечество XVII–XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990. С. 24.
- ³²⁹ Ф. 172. Оп. 2. Д. 406, 726.
- ³³⁰ Ф. 174. Оп. 2. Д. 35; Ф. 172. Оп. 2. Д. 765, 787, 1084.
- ³³¹ Ф. 172. Оп. 1. Д. 4336; Оп. 2. Д. 510.
- ³³² Там же. Оп. 2. Д. 436, 688.
- ³³³ Там же. Д. 521, 553.
- ³³⁴ Там же. Д. 521. Л. 1
- ³³⁵ Там же. Д. 553. Л. 1 – 1 об.
- ³³⁶ Ф. 455. Оп. 2. Д. 2.
- ³³⁷ Ф. 169. Оп. 2. Д. 346; Ф. 172. Оп. 2. Д. 566, 1084.
- ³³⁸ Имущество это и во второй половине 70-х и в 80-е годы в большинстве городов находилось в распоряжении традиционных городских обществ, т.е. купцов и мещан, положенных в оклад по данному городу, однако документы о сдаче в аренду оформлялись в магистрате.
- ³³⁹ Ф. 172. Оп. 2. Д. 775, 1093; Ф. 169. Оп. 2. Д. 206.
- ³⁴⁰ *Лукашевич А.А.* Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в.: на материале Генерального регламента // Советские архивы. 1991. № 4. С. 46.
- ³⁴¹ *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 363.
- ³⁴² По Учреждениям о губерниях один из ратманов, как сотские и десятские, поступал в распоряжение городничего.
- ³⁴³ Как крестьяне, записавшиеся в купечество, или дворяне, как, например, граф Мусин-Пушкин, записавшийся в купечество Нижнего Новгорода ради того, чтобы развернуть здесь активную торгово-предпринимательскую деятельность и благотворительность (*Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде... С. 8–9).
- ³⁴⁴ В Великих Луках поземельный налог был введен в 1793 г. (*Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление... С. 12). Важную роль в становлении городских обществ нового типа сыграло введение так называемых земских налогов и повинностей, к исполнению которых (либо в натуральной, либо в денежной форме) привлекалось все городское население (ПСЗ-1. № 21737) См. также: *Чижова В.В.* Тверские города и земские повинности: К вопросу о фискальной политике имперской России // Экономика, управление, демография городов европейской России... С. 253–258.
- ³⁴⁵ В более позднее время они собирались гласными думы (Ф. 877. Оп. 1. Д. 35. Л. 1).

Глава 3

ЖУРНАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ МАГИСТРАТОВ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДАМИ

В данной главе будут рассмотрены журналы заседаний магистратов городов Тверской губернии. Они, как любой другой источник, являются продуктом культуры своего времени, свидетельствующим об этом времени, в том числе о компетенции самих магистратов, их месте в системе управления, о жизни городов и горожан. Журналы являются важным и, возможно, оптимальным по информативной насыщенности звеном делопроизводственной документации. Преимущества этой категории источников перед другими заключается в том, что они передают смысл всех рассмотренных вопросов и документов, содержание наведенных справок и принятого в результате обсуждения решения. Однако в исследовательской практике журналы заседаний используются недостаточно, особенно журналы заседаний местных учреждений. Это связано с отсутствием работ, излагающих методику их изучения и демонстрирующих информативные возможности этой разновидности массовых источников.

Журналы заседаний и вопросы методики работы с ними

Журналы заседаний как категория делопроизводственной документации были внедрены в практику делопроизводства Генеральным регламентом Петра I. Согласно 4-й главе «юрнал» был «повседневной запиской», в которой регистрировали содержание всех производимых в коллегии дел «по алфавиту, числу и месяцу», т.е. являлся неким подобием алфавитного указателя к делам¹. Позднее

было предписано, чтобы журналы фиксировали содержание поступивших и рассмотренных в ходе заседания документов и решения по ним². В делопроизводственной практике и лексике магистратов городов Верхневолжья термином «журнал» обозначали каждую отдельную запись обсуждения (реального или формального), вынесенного на заседание присутствия документа и вопроса. Эта запись обычно включала в себя: краткое изложение содержания документа (вопроса), подлежащего рассмотрению, текст наведенных справок и решение, принятое членами магистрата. В современной практике делопроизводства некоторым аналогом «журнала» является фиксация обсуждения одного из пунктов повестки дня какого-либо совещания.

Современная трактовка термина «журнал» в литературе по источниковедению и истории делопроизводства неопределенна, во многих случаях журналы отождествляются с протоколами³. Наибольшую ценность имеют характеристики протоколов, журналов и приговоров, приведенные составителями последнего учебного пособия по источниковедению⁴, но и они не отражают специфики этой категории делопроизводственных материалов местных учреждений. Автор данной работы вслед за описями фондов называет журналами книги, где подшиты описания всех заседаний за тот или иной год или за часть года. И хотя в журналах XVIII – начала XIX в., в отличие от современных протоколов, особые мнения присутствующих и ход дискуссии не фиксировали, тем не менее описание одного заседания условимся называть «протокол», а изложение содержания рассмотренного вопроса (документа) и принятое по нему решение – единицей информации или пунктом (вопросом) повестки дня⁵.

О преимуществах журналов заседаний как одной из категорий делопроизводственных документов следует сказать подробнее. В отличие от книг регистрации входящих документов журналы передают содержание не только поступившего документа, но и наведенных справок и принятых решений. Второе обстоятельство, которое придает ценность журналам, состоит в том, что они позволяют наблюдать развитие событий, ответную реакцию на поступивший документ или устное сообщение: например, сразу вслед за сообщением рассыльщика, что нужный человек доставлен в магистрат, может идти изложение содержания допроса этого человека. Последнее обстоятельство облегчает исследование тем о правонарушении, обеспечении прав кредиторов и др.

Кроме того, журналы излагают сведения устных просьб, сообщений некоторых горожан, а также лиц, ответственных за исполнение различных обязанностей. Выборочная сверка содержания журналов и книг входящих документов позволяет выразить сомнения в полноте фиксации последними сообщений рассыльщиков, денщиков, ратманов магистратов, которые в устной форме докладывали

о результатах освидетельствования мест, отводимых под застройку; об описании и оценке имущества, подлежащего конфискации за долги; сообщали о результатах поиска какого-либо человека, необходимого в магистрате для снятия показаний, взыскания денег, посылки куда-либо с поручением. Только в журнале мы находим сообщения о введении в присутствие (т.е. о посвящении в должность) вновь избранных членов магистрата, суть рассуждений о задерживаемом жалованье, сведения об освидетельствовании казны, которые дают представление о косвенных городских доходах, и др.

Журналы заседаний показывают характер взаимодействия магистрата с элементами системы городского управления и вышестоящими учреждениями и должностными лицами по каждому вопросу их компетенции. Последнее, как и содержание многих устных сообщений, можно проследить, и даже более детально, по специальным, тематическим и судебно-следственным, делам. Но и здесь журналы имеют определенное преимущество: они в компактной форме излагают нам содержание всех управленческих действий, избавляя от погружения в ненужные детали, неизбежного при изучении тематических дел. К тому же документация судебно-следственного характера сохранилась в незначительных количествах, а журналы позволяют компенсировать информацию отсутствующих дел.

Журналы являются важным и, возможно, оптимальным по информативной насыщенности звеном в делопроизводственной документации учреждений. Журналы городских учреждений должны стать важным компонентом в источниковой базе историка, изучающего проблемы жизни города и взаимодействие его управленческих структур, роль и место отдельных учреждений в системе управления и другие вопросы городской жизни. Исследование комплекса журналов магистратов верхневолжских городов показало, что они несут в себе также огромный запас латентной (скрытой) информации. Разработка методов исследования этой категории источников и извлечения из них этой информации позволит плодотворно использовать журналы для изучения самых разных проблем отечественной истории. Данный раздел предлагает некоторые подходы к изучению данной категории источников и извлечению из них разнообразной информации, в том числе скрытой.

Работа с журналами заседаний включала в себя два основных этапа. В ходе первого был выявлен весь комплекс журналов магистратов уездных городов Тверской губернии не только за исследуемый период, но также и за последующие 5–6 лет; по каждому из них были подсчитаны количество листов в годовой подборке протоколов, в том числе чистых; количество заседаний, проведенных в течение года, и количество записей, являющихся основной единицей наблюдения (запись о рассмотренном в ходе заседания документе, вопросе). Причем отдельно учитывались численность документов,

поступивших от вышестоящих учреждений и должностных лиц: указы центральных учреждений, Тверского губернского правления, казенной палаты и губернского магистрата, «предложения» наместника Новгородского и Тверского, правителя (губернатора) Тверского наместничества (губернии) и все прочее (вопросы, рассмотренные по инициативе самих членов магистрата, документы, поступившие от различных структур городского управления, от частных лиц, из уездных учреждений, из других городов и уездов). Этот этап исследования завершился составлением таблиц и графиков, отражающих результаты подсчетов. Они свидетельствуют о неуклонном росте числа документов, рассматриваемых в каждом из магистратов на протяжении года, а также об общей тенденции к увеличению в общей годовой массе документов доли тех, что возникли в городской среде, и сокращении доли указов. Исключение в этом плане составляет период примерно с 1790 по 1800 г. Если о регламентирующей деятельности Павла I достаточно хорошо известно, то причина изменения соотношения в пользу указов в последние годы жизни Екатерины II остается пока малопонятной. Заметной является также тенденция увеличения объема рассматриваемых документов. Количество исписанных страниц растет стремительнее количества рассматриваемых документов, а это значит, что предметами рассмотрения на заседаниях магистратов все чаще становились «экстракты» дел, «доклады по скаскам» и другие пространные документы, возникавшие при выполнении магистратом судебных и правоохранительных функций.

По результатам анализа динамики количественных характеристик была составлена выборка журналов, подлежащих более детальному изучению на втором этапе работы с журналами. В выборку вошли журналы за 1778, 1782, 1786 гг. 1778 г. – это первый год, за который в ГАТО сохранились журналы практически всех магистратов, журналы за 1782 и 1786 г., по нашему мнению, должны отражать перестройку управления в связи с введением в действие Устава благочиния, Уставов о вине и соли, Жалованной грамоты городам и других законодательных актов. В 1793 г. увеличение доли указов наблюдается в делопроизводстве всех магистратов.

Уже в ходе нового этапа в процессе просмотра журналов проводились наблюдения за структурой записей, порядком ведения журналов, за почерком.

На втором этапе каждый из журналов, вошедших в выборку, был расписан на карточки. На каждую запись в журнале составлялась самостоятельная карточка, где были указаны дата рассмотрения поступившего документа (вопроса), вид документа, его автор и содержание; фиксировались также содержание наведенных справок, принятые решения, указания на вид и адресата ответного документа и т.д. На этом этапе продолжались наблюдения над формуля-

ром отдельной единицы информации, оформлением протоколов и даже журналов в целом, фиксировались случаи смены почерков, чернил и другие палеографические наблюдения.

Изучение внешних признаков журналов и структуры их текстов с использованием методов палеографии и формулярного анализа позволило сформулировать положение о том, что каждый из журналов является продуктом деятельности канцелярских служащих магистрата и той среды и тех конкретных условий, в которых они жили и работали. Каждый из журналов можно также рассматривать как фрагмент той реальности, которая его создавала и в которой следует различать несколько уровней. Реальность первого уровня – сам магистрат и его служащие: взаимоотношения между канцеляристами, их грамотность, умение рационально организовать работу, характер их взаимодействия с членами магистрата, степень доверия между теми и другими, профессионализм и образованность самих членов магистрата.

Реальность второго уровня выходит за пределы магистрата. Она велика и многогранна. Ее можно определить как социокультурное пространство города. Некоторые из объективных условий, существовавших в этом пространстве, сказывались прежде всего на внешнем своеобразии и «индивидуальности» каждого из журналов. К ним следует отнести грамотность канцелярских служащих, их опыт, умение организовать работу, т.е. то, что мы уже обозначили как реальность первого уровня. Добавим, однако, что эти параметры, в свою очередь, в значительной степени были обусловлены уровнем оплаты труда канцелярских служащих, а значит, благосостоянием горожан либо осознанием ими важности правильной организации работы с бумагами. В то же время благосостояние горожан, осознание ими важности письменного закрепления сделок и возможностей добиваться реализации условий договоров, уважение к труду и знаниям канцеляристов были обусловлены уровнем развития хозяйственно-экономической жизни городов, социальных отношений и культуры горожан, степенью их интеграции в систему торгово-экономических связей страны, т.е. социокультурным пространством города – вторым уровнем реальности, который формировал внешний облик журнала, а еще в большей степени содержание его записей. Исследование данных позволило выявить следующую тенденцию: чем более город и горожане были включены в систему разнообразных связей, тем интенсивнее был документооборот магистрата, тем больше документов рассматривалось на его заседаниях, была выше степень грамотности, делопроизводственной и правовой культуры магистратских служащих и степень вовлеченности магистрата в систему управления губернией, регионом, страной.

Журналы магистратов, как и журналы любых учреждений, отражают процесс их функционирования, являются неопровержимым

свидетельством их деятельности и характеризуют ее. При этом журналы отражают также деятельность других учреждений, входивших в существовавшую систему управления. Каждый из журналов фиксирует все проявления, все формы, направления, степень активности деятельности учреждения в течение какого-либо года, круг лиц, ему подведомственных на этот период, учреждения, с которыми он вел переписку, и множество другой информации, которая имеет отношение не только к истории данного учреждения, но и других, связанных с ним. Таким образом, журналы отражают еще один, третий, уровень реальности – существовавшую систему управления и документирования, ее структуру, характер взаимоотношений между элементами, место магистратов в этой системе.

Прежде всего рассмотрим, что дают журналы для изучения внутренней жизни самих магистратов. Журналы, как правило, достаточно тщательно оформлялись, записи в них за редким исключением вносились четким, аккуратным почерком. Протоколы сохранились в книгах большого формата. Число протоколов в журналах, а значит, количество проводимых заседаний из года в год возрастало, так же как увеличивалось число документов, рассмотренных в течение каждого заседания и в целом за год. Толщина годовых фолиантов за XVIII в. часто достигает до 40 см, журналы за XIX в. обычно составляют два тома внушительных размеров.

Общее в оформлении журналов магистратов всех городов предопределялось законодательством⁶. Однако, учитывая, что опубликованные тексты журналов, протоколов и определений высших органов власти и управления России XVIII в. и литература не дают определенного и четкого представления о различиях этих категорий делопроизводственной документации, а их аналоги в местных учреждениях не вводились в научный оборот, остановимся на описании внешнего вида этой категории делопроизводственных источников.

В описании хода заседания, которое, по терминологии XVIII в., называли присутствием, можно выделить три основные части формуляра. Вводная содержит сведения о дате проведения заседания, перечисляет присутствующих и указывает время их прибытия для заседания. Основная часть протокола отражает характер заседания и в большинстве случаев содержит пересказ рассмотренных документов или вопросов, справки и решения по ним. При таком, самом традиционном, типе заседания в журнале, отражающем его ход, под каждым из рассмотренных документов (вопросов) стоят подписи тех членов магистрата, которые принимали участие в его обсуждении. Заключительная часть формуляра протокола указывает на время, когда члены магистрата «покинули присутствие», и объясняет причины, по которым некоторые из них не были на заседании или были, но не подписывали рассмотренные документы. Иногда здесь сообщают также итог заседания, т.е. общее количество рас-

смотренных вопросов – «журналов». Среди опубликованных источников наиболее близким аналогом журналов городских магистратов являются журналы Сената за 1737 г.⁷ Только в них мы видим четко выраженные и хорошо оформленные три части журнала, но, однако, там нет подписей присутствующих под каждым документом, подписи стоят лишь в конце журнала. Кроме того, в Сенате журналом называли не фиксацию рассмотрения каждого документа или вопроса, а весь протокол в целом, а протоколом – окончательное решение по одному из вопросов, закрывающее делопроизводство по нему. Общим является также отсутствие сведений об обсуждении вопросов и особых мнениях, лаконичность изложения содержания поступивших документов и рассмотренных вопросов, сосредоточенность решений не столько на сути принятого решения, сколько на предписании делопроизводственных процедур.

Изложение содержания полученных бумаг, обсуждаемых вопросов и решений по ним, а также характеристики других необходимых при описании присутствия параметров занимают левую сторону листа, примерно $\frac{2}{3}$ его ширины. Эта, широкая, графа, как правило, плотно исписана. Правая треть отделяется от основного текста вертикальной чертой и делится, в свою очередь, на две графы. В них проставлялись отметки о том, «когда протоколы креплены» и «когда указы посланы». Первая почти всегда во всех магистратах пустует, вторая в одних городах заполнялась регулярно, тщательно, детально, а в других – от случая к случаю. Изложение сведений вводной и заключительной частей протокола всегда располагается на основном поле журнала, не выходя на правую треть (см. илл. 1, 4).

На страницах журналов некоторых городов присутствует элемент, который применительно к более раннему этапу делопроизводства называют «скрепами». Имя и фамилия человека, ответственного за ведение журналов, разбито на слоги и разнесено по страницам, многократно повторяясь на протяжении журнала. «Скрепа» могла размещаться внизу страницы, занимая место нынешней нумерации страниц в книгах; в журналах Старицы она располагается на правом поле в середине листа.

Несмотря на видимое единство формы, которая была предписана законодательством, в оформлении журналов в целом и каждой из трех основных частей наблюдается некоторое своеобразие. Каждый новый протокол, как правило, начинается с нового листа, редко – в середине или в конце листа. Регулярно это наблюдается, пожалуй, только в журналах Старицкого магистрата за вторую половину 70-х годов. Такая компоновка текста соединяется с некоторыми другими внешними особенностями журналов: огромные части текста написаны явно «в один присест», одним почерком, одними чернилами; размер букв, толщина линий сохраняются одинаковыми на протяжении большого количества листов. Канцелярский служа-

щий Старицкого магистрата, оформлявший журналы в первые годы после начала реформы местного управления, видимо, был абсолютно уверен, что никаких добавлений, исправлений и приписок не будет, и поэтому он, в отличие от канцелярских служителей магистратов других городов не оставляет ни капельки свободного места между протоколами отдельных заседаний, а также между 2 и 3-й частями протокола, т.е. между записью обсуждения последнего документа и заключительной частью протокола. Такое оформление наводит на мысль о существовании в конце XVIII в. в практике делопроизводства магистрата города Старицы черновых вариантов журналов. Составление черновых и беловых экземпляров соответствовало законодательству, но оно предписывало перебеливать протокол сразу после заседания, «по свежим следам», а Старицкие беловые протоколы явно писали в конце года, когда был готов годовой комплект черновых. К составлению черновики с последующим написанием беловых экземпляров прибегали иногда и служащие новоучрежденных городов Калязина, Зубцова, Вышнего Волочка.

Служащие магистратов более крупных городов с большим объемом документации были опытнее и искушеннее. Они не имели возможности тратить время на составление черновики, а затем на переписывание их набело и поэтому использовали другие приемы для облегчения своей работы по ведению журналов. Одним из них, свидетельствующим о высоком уровне культуры канцелярских служащих, была предварительная и весьма тщательная подготовка к заседанию. Справки, необходимые для принятия решения, готовились к началу обсуждения, их текст вносили после изложения содержания поступившего документа или обсуждаемого вопроса в процессе заседания. Эта часть формуляра протокола начиналась с формулы «А по справке...», «А как...». Иногда она выделялась более крупными буквами (в журналах Бежецкого магистрата), а иногда и нет, как например, в магистрате Торжка. В записях Новоторжского магистрата чаще использовали формулу «А как...», ее трудно отыскать в структуре протокола.

Такой подход к ведению журналов обеспечивал их соответствие ходу заседания и позволял принимать рациональные решения сразу в процессе первого рассмотрения вопросов. Тщательная подготовительная работа канцелярских служащих этих городов напоминает нам организацию работы Сената в 1737 г., однако в журналах Сената мы не находим текста наведенных справок или выписок из законов, в журналах других высших учреждений страны тексты наведенных справок также встречаются как исключение, зато они есть в текстах принимаемых определений – окончательных решений по делу.

В случаях когда не было возможности навести необходимые справки к моменту рассмотрения вопроса или следовало согласо-

вать варианты решений с каким-либо иным учреждением или должностным лицом, служащие Бежецкого и других магистратов применяли другой прием. Чаще всего его использовали в отношении указов. Прием заключался в двойной записи содержания одного и того же документа: первый раз – в день получения или на следующий день – с формальным решением и позднее – с решением обстоятельным и конкретным. Запись вторичного обсуждения могла входить в один протокол с первым, но фиксировалась лишь в конце его. Повторная запись обычно сопровождалась текстом справок и очень подробным решением. Она, как правило, была сделана другими чернилами, другой рукой, с нового листа и даже после одного-двух совершенно чистых листов.

Осмелюсь предположить, что большинство записей о вторичном обсуждении составлялось и вписывалось в протокол намного позднее первого. К этому приему в последующее время по мере накопления опыта накоплением опыта, стали прибегать и служащие магистратов новоучрежденных городов.

Наличие огромного количества чистых листов в журналах магистратов бросается в глаза. Оставлять чистые листы – это еще один метод решения возможных осложнений в ходе делопроизводства. С 80-х годов их количество неуклонно возрастало, скорее всего, они оставались преднамеренно, на случай, если возникала необходимость что-либо вписать, дополнить.

Навыки приобретаются с опытом. Исследование внешней формы журналов и структуры их текстов подтверждает эту банальную истину. Совершенно очевидно, что в конце концов служащие некоторых магистратов превратили процесс протоколирования заседания в процесс «конструирования», «собирания» журналов. В этой процедуре участвовали несколько канцелярских служащих: один оформлял «шапки» протоколов – их вводные части, другой отвечал за оформление заключительной части описания присутствий и несколько человек работали над основной частью протокола. Один из них вписывал содержание поступивших документов, справок по ним и принятые решения. Скорее всего, этот человек и присутствовал на заседании вместе с членами магистрата. Изложение содержания каждого последующего пункта повестки дня: слушание документов по продолжающимся делам⁸, содержание объяснений и допросов по судебно-следственным делам, выписок из законов или докладов по делам, как правило, начинались с нового листа, все они написаны разными людьми. В описании одного заседания встречаются по 3–4 почерка, предварительно можно предположить наличие разделения труда между писцами, что свидетельствует о существовании достаточно высокой для XVIII – начала XIX в. «научной организации труда» среди канцелярских служащих магистратов таких развитых городских центров, как Бежецк, Ржев, Торжок.

Одним из проявлений организации труда у служащих магистратов старинных и достаточно хорошо развитых городов является наличие в их среде определенных традиций и стремление неукоснительно их соблюдать, так что они приобретали характер ритуалов. Исследование журналов показало, что в городских поселениях с большим документооборотом существовали устойчивые взаимоотношения между структурами городского управления и это выражалось в устойчивости документооборота. Например, журналы Бежецкого магистрата ежегодно начинаются с серии рапортов городского старосты. Каждый из них сопровождается какими-либо ведомостями (о числе реального податного населения на предстоящий год, о купцах города), списком лиц, выбранных на различные должности (сотские, десятские, смотритель школ, смотритель к весам, сторож и т.д.). Далее могут идти рапорты сообщающие, что кто-либо из избранных лиц вместо себя представляет к службе других людей. Так, в 1796 г. С. Скорняков, выбранный в сторожа, «представил» вместо себя к должности мещанина С. Федосеева⁹. В журналах других развитых городских центров ритуал представления в магистрат результатов выборов и выбранных лиц также зафиксирован, но там подобные вопросы решались обычно в конце года, что хорошо отражено на последних страницах журналов.

Исследование журналов позволяет также получить представление об основных параметрах и степени развития социокультурного пространства каждого города, т.е. второго уровня реальности, который влиял на формирование журналов и который отразился в них. Подсчет документов, рассмотренных на заседаниях магистратов городов Тверской губернии за последнюю четверть XVIII в., показал, что общее количества документов, поступавших в магистраты всех городов, из года в год росло. Это обстоятельство позволяет говорить, что роль этих учреждений в жизни всех городов и горожан оставалась очень большой на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом документооборот старинных, развитых в торгово-промышленном отношении городов был выше документооборота магистратов новых или недостаточно развитых в урбанистическом плане. Например, в 1778 г. на заседаниях Новоторжского магистрата было рассмотрено 663 документа, а в магистратах новоучрежденных городов Зубцова и Калязина соответственно 235 и 320. В 1793 г. их количество составило соответственно 966, 580 и 324 документа¹⁰.

Степень интеграции городов и горожан в систему хозяйственно-экономических связей страны была различной, об этом свидетельствует количество документов, поступавших из других городов. Например, в 1778 г. в магистрат Торжка поступило 32 документа из учреждений других городов, в магистрат Старицы – 2, Калязина – 7, Зубцова – 9. Нельзя не обратить внимание на различия в количест-

ве просьб о взыскании долгов, поступивших в один и тот же год в магистраты городов с развитой городской культурой и молодых городов. Так, в 1778 г. в Новоторжском магистрате было рассмотрено 57 таких документов, а в Старицком – всего лишь 14. Анализ содержания просьб о взыскании долгов, зафиксированных в журналах, дает возможность установить, с купцами каких городов наиболее интенсивно сотрудничало местное купечество, так как журнал указывал не только фамилию, имя, отчество должника и кредитора, но и место жительства каждого из них и размер долга.

О наличии существенных различий в уровне развития социокультурного пространства различных городов свидетельствуют и колебания в общей численности документов, поступавших от частных лиц в магистрат того или иного из них (см. табл. № 1).

Таблица 1

Документы частных лиц в делопроизводстве магистратов

Город/ Год	1778	1782	1786	1793	1799	1811
Бежецк	56	62	39	114	88	
Зубцов	29	34	60	35	26	86
Калязин	34	185	119	119	98	183
Ржев	110		229	297		320
Старица	46	130	95	170	225	133
Торжок	130	134	117	162	236	877

Источники: Государственный архив Тверской области. Ф.165. Оп. 2. Д.790, 1093, 1397, 1776; Ф. 168. Оп. 1. Д. 962, 966, 970, 977, 983, 995; Ф. 169. Оп. 2. Д.36, 134, 218, 347, 496; Оп.1. Д. 1794; Ф.172. Оп. 2. Д. 487, 466д, 466, 455; Оп. 1. Д. 4411, 4533; Ф. 173. Оп. 2. Д. 47 (за 1779 г.), 172 (за 1787 г.), 297; Оп. 1. Д. 4908; Ф. 174. Оп. 2. Д. 23, 50, 176, 382, 521.

Журналы позволяют утверждать, что существует четко выраженная взаимозависимость между уровнем развития торговли и промышленности в городе и численностью так называемых «частных» документов, рассматриваемых в магистратах. Чем более был развит город в торговом и промышленном отношении, чем большая часть его населения была занята в торговых и вексельных операциях, тем выше число документов этой категории: просьб о взыскании долгов, обеспечении выполнения условий сделок, о выдаче аттестатов на вступление в подряды, судебных исков, просьб о выдаче «данных» – документов, свидетельствующих о наличии застроенного земельного участка, и т.п. Исследование содержания записей журналов показало, что в магистраты новых и слабо развитых городов поступало очень мало таких документов, особенно в первые годы реформы, и это свидетельствует о патриархальном образе жизни горожан и слабой вовлеченности их в торгово-промышленные отношения и в систему экономических связей.

Исследование журналов дает возможность выявить основные темы поступавшей в магистрат документации, а наблюдения над динамикой тем приводят нас к чрезвычайно любопытным результатам. Они выводят на размышления о третьем уровне реальности, которая также влияла на содержание журналов и в них отразилась. Подробнее мы скажем об этом ниже. В контексте данного изложения ограничимся указанием на тот факт, что уже на этом этапе исследования можно говорить об изменении комплекса этих вопросов во времени в рамках одного магистрата и о существенных различиях в наборе проблем, рассматриваемых в различных магистратах в рамках одного хронологического периода. Журналы позволяют говорить, что жизнь развитых в урбанистическом отношении городов была богаче и разнообразнее, потому что тематика документов и вопросов, рассмотренных в ходе заседаний их магистратов, была шире и разнообразнее тематики документов, поступавших в магистраты молодых и слабо развитых городов. Например, в Торжке в рамках темы «сборы» можно выделить рубрику «сбор денег в счет погашения ссуды погорельцам». Аналогичная рубрика существует там и для темы «взыскания», поскольку наряду с взысканиями долгов по подушным, мирским, соляным и другим сборам, в Торжке осуществляли взыскания и по казенной ссуде с пострадавших от пожара.

Исследование журналов по тематическому принципу позволяет выявить проблемы, волновавшие жителей того или иного города. Например, в Новоторжском магистрате сохранилось очень большое количество дел по отводу земли. Их гораздо больше, чем в любом другом городе, и велись они очень тщательно¹¹. Множество записей, связанных с выдачей «данных» на землю, в том числе на участки, которые издавна принадлежали семьям и были давно застроены, свидетельствуют о большой заинтересованности жителей этого города в закреплении за собой участков земли и заставляют задуматься о причинах этого. Важной составной частью общественной жизни всех городов в первые годы после введения манифеста 1775 г. являлась процедура составления списка купцов. Журналы некоторых магистратов в конце года фиксируют по несколько десятков просьб о записи в купечество по капиталу, в ряде случаев их численность существенно превышает сотню. Со временем количество подаваемых в магистрат просьб о записи в купечество постепенно сокращается, видимо, интерес к этой процедуре утратился, она потеряла прелесть новизны, список стали составлять в рабочем порядке. В ряде городов составление таких списков перешло в ведение городских дум.

Результаты проведенного исследования позволяют заметить, что характер взаимоотношений горожан и государства по поводу соляной продажи во всех городах имел некоторое своеобразие, но оно выявляется лишь при условии, если классификация документов

по тематическому принципу соединяется с учетом сведений о видах и авторах поступивших документов. Изучение журналов показало, что большая часть документов по этой теме, рассмотренных в Зубцовском, Калязинском, а также Старицком магистратах в 1776–1781 гг., поступила от соляных голов, соляных ларечных, соляных подрядчиков. Они отражают факты доставки подрядчиками соли в город и сдачу ее соляному голове, а также ежемесячно сообщают о предоставлении соляным головой ведомостей со сведениями о продаже соли и собранных деньгах, реже – о передаче денег за соль в уездные казначейства, т.е. отражают ход выполнения городом одной из повинностей в пользу государства.

Среди документов г. Ржева также очень много документов по теме «Организация поставки и продажи соли». Но по характеру эти документы существенно отличаются от аналогичных в магистратах Калязина, Зубцова, Старицы. Во Ржеве эта тема представлена не только рапортами соляного головы и доношениями соляных подрядчиков, но и просьбами о взыскании денег с лиц, участвующих в сложной многозвенной подрядной системе по доставке соли, а также их верящими письмами (доверенностями). Комплекс этих документов отражает не только выполнение жителями города государственной повинности, но и факт специализации значительной части местного купечества на поставках соли и подтверждает, что участие в выполнении соляных подрядов было для них важнейшим источником накопления капиталов¹².

Социокультурное пространство городов через призму журналов высвечивается в самых разнообразных ракурсах. Очевидна зависимость между уровнем правовой грамотности населения города и степенью причастности его к торгово-промышленной деятельности. Население таких древних городов, как Торжок, Бежецк, Ржев, где самоуправление и участие населения в торговле и промышленности имели глубокие корни, несомненно лучше знало законы, уважало их, но и умело обойти, а в случае необходимости отстаивало свои интересы. Жители этих городов буквально погрязли в различного рода сделках и обязательствах, и у них часто складывались ситуации, когда нужно было защищать свои, кем-то попранные права и интересы, добиваясь выплаты долгов, выполнения условий заключенных обязательств судебным порядком.

В магистратах молодых городов, наоборот, в первые годы после начала реформ практически отсутствуют дела, свидетельствующие о спорах по поводу вопросов экономического развития, имущественных интересов. Немногочисленные следственные дела представлены лишь разбором жалоб по поводу взаимных оскорблений и даже рукоприкладств между членами магистратов и их канцелярскими служащими. В этих магистратах судебные дела периода начала реформ являются последствием попыток одной из сторон ре-

шить вопрос силой, но предмет этих споров отнюдь не экономика, а характер отношений между людьми по поводу распределения обязанностей, качества их исполнения и т.д.

О более низком уровне правового сознания служащих магистратов новоучрежденных городов свидетельствует тот факт, что многие их заседания были посвящены «чтению» законов, по большей части таких не новых, как Соборное Уложение (наиболее часто слушали 10 главу), Генеральный регламент. Законы изучали и служащие других магистратов, но это были сравнительно новые законы: Городовое положение, Устав благочиния. Служащие магистрата Бежецка часто возвращались к изучению вексельного устава.

Служащие магистрата этого города, как, вероятно, и все жители, которые их выбирали, стремились к объективности суждений, к максимальной справедливости выносимых решений. В Бежецке в соответствии с законодательством к обсуждению и принятию решений по рассматриваемым вопросам допускались лишь люди, не связанные родством или деловыми связями с ответчиками. Под докладом, который был рассмотрен 3 ноября 1783 г., стоит лишь одна подпись, это свидетельствует, что резолюция по нему была принята одним человеком. Концовка журнала объясняет причину этой ситуации: один из бургомистров являлся просителем по рассматриваемому делу (он просил об отводе ему участка земли), один из ратманов был отправлен на обмер участка, который просил бургомистр, а два ратмана в это время заседали в сиротском суде¹³. Рассмотренную в 1777 г. жалобу кашинского мещанина на бежецкого жителя не подписали «бургомистр Стрельников за ближним с ответчиком Серковым свойством, а ратманы Лесников и Тыранов – за родством»¹⁴. Правовая щепетильность служащих Бежецкого магистрата особенно заметна на фоне нравов Зубцова. Там добрая половина жителей носила фамилию Некрасовых, кто-нибудь из них обязательно являлся членом магистрата, что не мешало ему рассматривать дела, связанные с другими представителями этой фамилии. Таким образом, большее уважение горожан и членов магистратов старинных и развитых в торгово-промышленном отношении городов к законам, знание их несомненны.

Анализ количественных данных о тематике и авторах поступавших документов и динамики этих показателей позволят сделать интересные наблюдения по проблемам истории внутригородского управления, выявить общее в компетенции магистратов различных городов и обнаружить специфику распределения обязанностей между городскими учреждениями и должностными лицами по управлению каждым из городов. Для подтверждения отметим, что уже на нынешнем этапе исследований можно сказать, что словесные суды как реально действовавшие учреждения в последней четверти XVIII в. существовали не во всех городах. И лишь в некото-

рых из них, наиболее развитых в социально-экономическом плане, они осуществляли ту функцию, которая была возложена на них законодательством второй половины XVIII в. Согласно законам эти учреждения должны были быстро, в устной форме, решать различные споры. Но в конце XVIII – начале XIX в. эту функцию они выполняли, пожалуй, лишь в тех городах, где население активно участвовало в торгово-промышленной деятельности, а значит, совершало массу различного рода сделок: вступало в подряды и откупа, занимало деньги под векселя и отдавало их в долг, брало или сдавало имущество в аренду, выдавало верящие письма на право совершения различного рода операций – и добивалось выполнения условий заключенных обязательств. В этих городах словесные суды играли роль судебной инстанции первого уровня, на которой спорящие часто решали дело полюбовно. В городах, где население было крайне слабо интегрировано в систему торгово-хозяйственных связей, обязанности судей словесного суда носили номинальный характер. Видимо, за невостребованностью функции, предписанной законом, на них налагали иные поручения. Складывается впечатление, что городские управители радели о справедливом распределении обязанностей между собой и, дабы не оставить членов словесного суда совсем без работы, поручали им самые разнообразные обязанности. Исследование журналов городских магистратов Верхневолжья свидетельствует, что они часто занимались сбором сведений о ценах, а в Калязине и Бежецке в первые годы после начала реформ их компетенция, видимо, ограничивалась содержанием колодников, что, впрочем, находилось в полном соответствии с законодательством предшествующего периода.

При огромной информативности журналов следует тем не менее иметь в виду такие варианты систем городского управления, когда одно из звеньев было настолько самодостаточно и авторитетно, что его деятельность не отражается в полной мере в журналах магистратов. Скорее всего, именно такая ситуация складывалась в г. Старица. Компетенция городского старосты по журналам заседаний выглядит несколько нетрадиционной. В первые годы после начала реформы он регулярно представлял лишь сведения о ценах на хлеб и фураж. К этому можно прибавить несколько рапортов, сообщающих в магистрат имена людей, выбранных на предстоящий год на различные должности, а также кандидата в рекруты. Опираясь лишь на журналы заседаний трудно сказать, что отражает данная ситуация: то ли ограниченность компетенции старосты, то ли слабое развитие городской инфраструктуры (сведения о ценах в других городах собирают другие лица или учреждения), то ли скудость внутригородской жизни, которая не давала других поводов для взаимоотношений членов магистрата и городского старосты. Однако, имея в своем распоряжении результаты анализа состава и содержа-

ния документов всех архивных фондов городских учреждений и документационного обеспечения управления городом на основе исследования отдельных категорий документов этот феномен вполне можно объяснить. Следует иметь в виду, что до начала реформы управления в Старице существовала ратуша, а не магистрат, что сформировало довольно деятельное общество положенных в оклад жителей города во главе с городским старостой, на котором и после начала реформы лежали основные функции по управлению городом. Староста, как известно, даже организовывал собрания «поверенных выборщиков» для избрания городского головы, что, вне всяких сомнений, свидетельствует о главенстве этого должностного лица в системе городского управления. Обладая максимальной самостоятельностью, городской староста лишь в самых необходимых случаях привлекал магистрат о своих действиях, скорее, даже об их результатах¹⁵.

Подводя итог, следует сказать, что проведенное общее исследование журналов подтвердило наблюдение, сделанное автором ранее, на уровне общего исследования состава и содержания документов магистратских фондов и описей на них, о том, что распределение обязанностей между структурами городского управления было различным. Оно обуславливалось в значительной мере сложившимися ранее традициями. Подтверждается и вывод о том, что инфраструктура новоучрежденных и недостаточно развитых в урбанистическом плане городов в первые десятилетия после начала реформ была развита крайне слабо¹⁶. Минимальное количество в наборе их должностных лиц и учреждений свидетельствует о низком уровне урбанизации. Результаты проделанной работы показывают, что список должностных лиц и учреждений, действовавших в Старице в 1778 г., насчитывает 6 наименований, в Калязине и Зубцове по 7, в Бежецке и Торжке по 13. Аналогичный перечень за 1786 г. в Старицком магистрате насчитывает 6 позиций, а в Новоторжском – 15. Однако слабо развитая инфраструктура сочетается в Старице с активностью городского общества, которое упорно отстаивает тенденцию на справедливое распределение повинностей и податей в среде горожан¹⁷, с учетом их имущественной состоятельности. По сути, оно борется за сохранение патриархальных норм жизни, но проявляет при этом активную жизненную позицию. Материалы Зубцова, одного из новоучрежденных городов, инфраструктура которого также была слабо развита, не позволяют говорить об активности городского общества и его главы – городского старосты. В этом городе активной движущей силой был городничий, и ему с большим трудом удавалось подвигнуть жителей на самые необходимые для городской среды обитания преобразования: приобретение пожарной лестницы, устройство дополнительных будок, оснащенных трещотками, и т.д. На покупку «заливной трубы» город-

ское общество так и не согласилось, ссылаясь на свою бедность¹⁸.

Специфика, традиции города, уровень образованности членов магистратов обусловили и некоторые особенности во взаимоотношениях городов с вышестоящими инстанциями и должностными лицами. Так, недостаток у служащих магистратов новоучрежденных городов правовых знаний и опыта в решении судебных дел приводил к чрезвычайной медлительности судопроизводства в этих городах. К этому прибавлялось нежелание служащих магистрата брать на себя ответственность по принятию решений в отношении людей, с которыми они состояли либо в родственных связях, либо в партнерских деловых отношениях. Видимо, только совокупностью этих причин можно объяснить то обстоятельство, что правитель Тверского наместничества Т.И. Тутолмин даже в 1782 г., т.е. через семь лет после начала реформы, во время своего визита в Зубцов накладывал резолюцию едва ли не на каждое из ведущихся в магистрате дел, в то время как они не представляли особой сложности в правовом отношении.

Исследование состава и содержания указов, поступавших в магистраты в первые годы реформы, позволяет изучать существовавшую систему управления и ее трансформацию в процессе модернизации, т.е. третий уровень реальности, в рамках которой существовали магистраты и которая отразилась в их документации, в том числе и в журналах.

Целенаправленное исследование журналов в рамках изучения реформы управления Екатерины Великой позволяет на их основе сформулировать соображения относительно компетенции самих магистратов, реконструировать всю систему управления, в рамках которой они функционировали. Кроме того, журналы заседаний, в том числе и указы, содержание которых нашло отражение на их страницах, позволяют выявить структуру всей системы управления в России в один из важнейших периодов ее модернизации, характер и предметы взаимодействия ее элементов, проследить эволюцию каждого из них и всей системы в целом, показать механизм проведения крупнейшей из реформ нашей страны.

Смысл и задачи централизма Екатерины Великой

В системе законодательных актов, созданных Екатериной II, Учреждения о губерниях занимают особое место, сама императрица оценивала его как «непременный» и «фундаментальный», а в отечественной историографии его расценивают по-разному.

Направленность реформы на децентрализацию отмечали многие дореволюционные ученые. М.М. Щербатов считал, что «умножение судебных мест и судей должно произвести скорейшее течение дел и удовольствие обиженным», однако отмечал, что в России

слишком мало людей, «право разумеющих»¹⁹, а значит, способных обеспечить выполнение задуманного Екатериной. В.М. Грибовский хотя и посвятил свое исследование первой половине царствования Екатерины, т.е. как раз до введения Учреждений о губерниях, однако пафос его сочинения заключается в мысли о том, что введение этого закона было совершенно необходимо в России. Эту идею он обосновывает загруженностью Сената судебными делами и вытекающей отсюда медлительностью в решении дел, «волокитой». По его мысли, необходимо было «приближение центральных судов к тяжущимся и обвиняемым, сокращение зависящей от того волокиты»²⁰. Кроме того, необходимо было приблизить к тяжущимся и надзор и поэтому в регионах нужен был человек «сильный, авторитетный, непосредственно сносящийся с верховной властью и вместе с тем близко стоящий к корыстному и своевольному местному чиновничеству»²¹. Именно эта обязанность контроля и была, полагал Грибовский, возложена на генерал-губернаторов. Таким образом, децентрализация должна была усилить контроль и сделать суд более скорым и справедливым. А.С. Лаппо-Данилевский сомневался, что можно рассматривать децентрализацию как состоявшийся в правление Екатерины факт, тем более что этот курс, по его мнению, был отменен Александром I в период создания министерств²². М.К. Любавский высоко оценивал реформаторскую деятельность Екатерины II и значение преобразований видел не только в децентрализации, но и в том, что «общество получило возможность иметь суд на местах», в создании и других учреждений, на которые «возложены были заботы о том, о чем просили наказания» депутатов в Уложенную комиссию²³.

О.А. Омельченко не просто отмечает взаимосвязь ликвидации коллегий с преобразованиями местного управления, но сводит реформу прежде всего к ликвидации коллегий и созданию органов словесного самоуправления; как и Лаппо-Данилевский, он делает акцент на вопросе о том, произошла или нет децентрализация управления. По его мнению, ликвидация «центрального ведомственного аппарата и связанная с этим децентрализация текущего государственного управления, перенесение повседневного администрирования во всем объеме на местный, губернский уровень отражали... доктринальные политические устремления “просвещенного абсолютизма”», и даже совпали с «претензиями и требованиями дворянства». Однако в передаче некоторой доли управленческих полномочий на места он не видит серьезного смысла. Более того, согласно его логике, созданная в ходе реформы местного управления администрация не способствовала проведению в жизнь идей просвещенного абсолютизма, поскольку гарантией реального осуществления правительственного курса является «высокий уровень административно-правовой культуры», каковой в российском обществе не бы-

до. В таких условиях «создаваемые в ходе реформ местные органы управления... начинали жить собственными потребностями и собственной административной жизнью», «в равной мере оторванной и от нужд местного населения и от требований общегосударственной политики». В этой реформе Омельченко видит «истоки многих несовершенств и изъянов позднейшей системы государственного управления»²⁴. Тут мы видим позицию, почти противоположную Лаппо-Данилевскому: если он полагал, что в ходе деятельности Александра I децентрализация была отменена, то Омельченко видит пагубное влияние реформы управления Екатерины на последующее развитие управления.

Для ряда ученых, в том числе для В.А. Григорьева, местная реформа управления важна сама по себе, без связи с реформой высших и центральных учреждений. В реформировании местного управления Григорьев выделяет два этапа: первый связывает с внедрением в жизнь положений Учреждений о губерниях, второй – с введением Жалованных грамот городам и дворянству²⁵. Значение Учреждений о губерниях он видит прежде всего в ликвидации на местах «безначалия», в приближении власти, в том числе судебной, к населению, в избавлении регионов «от хаоса провинциальной администрации и казнокрадства», от злоупотреблений, проистекавших «от смешения функций в руках одних и тех же должностных лиц, в особенности в области управления финансами», в предоставлении населению права выбирать низших представителей власти, в тесной связи реформы с нуждами населения, которые были выражены в наказах²⁶. К 1785 г., моменту внедрения Жалованных грамот городам и дворянству, губернское устройство в целом было завершено и «почва для второй половины реформы местного управления – для устройства сословного самоуправления – была готова... Почти двадцатилетний опыт участия дворянства в выборах и десятилетняя деятельность наместников по укреплению начал Учреждения о губерниях облегчили проведение в жизнь жалованной грамоты 1785 г.»²⁷. Исследуя внедрение начал административно-территориальной реформы в жизнь, он сосредотачивает внимание на органах, где участвуют дворяне и крестьяне, городские структуры он практически не затрагивает, хотя полагает, что реформа отвечала интересам и пожеланиям всего населения, не только дворян.

А.Б. Каменский, в целом высоко оценивавший реформы Екатерины II, разделяет точку зрения Омельченко о том, что «смысл и задача централизма оставались неизменными»²⁸, имея в виду, что Екатерина создавала этот законодательный акт в рамках теории полицейского государства, согласно которой власть на местах должна быть «единообразной, унифицированной и направленной на то, чтобы каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель находились под неусыпным контролем правительственного чинов-

ника»²⁹. В связи с такими подходами к оценке преобразований находится и другое заключение Каменского, о том, что «степень самостоятельности местных органов оставалась крайне ограниченной, вся их деятельность была строго регламентирована, все принципиальные решения политического характера по-прежнему принимались в центре и именно там назначался и отчитывался глава губернии, подчиненный непосредственно самодержцу. Ни один из вновь создаваемых органов исполнительной власти или самоуправления не имел право устанавливать на своей территории какие-либо свои законы или правила, вводить собственные налоги и пр.»³⁰.

Попробуем понять смысл, цель и задачи проведенной Екатеринбургской Великой децентрализации управления через анализ записей журналов заседаний городских магистратов.

В годы екатерининской реформы местного управления в магистраты верхневолжских городов поступали самые разнообразные в видовом и тематическом плане документы. Среди них большую долю составляли указы вышестоящих учреждений. На первом этапе реформы их авторами, помимо Тверского наместнического правления, были различные учреждения: коллегии, банки, соляные конторы, наместнические правления различных губерний, местные губернские учреждения. К комплексу указов, поступивших в магистраты, мы относим и «предложения» наместника Новгородского, Тверского и Псковского, правителя Тверского наместничества, Приказа общественного призрения и другие распорядительные документы губернских управленческих структур. Постепенно численность указов и круг их авторов менялись, и это является показателем не только эволюции компетенции магистратов, но и существенных изменений в системе управления.

В 1778 г. в Калязинский магистрат поступило 302 документа, из которых 111 были указами, в 1782 г. на 471 поступивший документ пришлось 137 указов, а в 1786 г. на 422 документа пришлось 110 указов, что в процентном отношении составило соответственно 36,75% в 1778 г., 29,08% в 1782 г. и 26,06% в 1786 г. от общего числа рассмотренных вопросов и документов. Как видим, при колебаниях абсолютных показателей документооборота и численности поступающих указов, в процентном отношении доля указов, поступивших в магистрат Калязина, уменьшалась (см. табл. 2).

В Новоторжский магистрат в 1778 г. поступило 663 документа, из них 149 являлись указами. В 1782 г. в Торжке на 673 документа пришлось уже 259 указов, а в 1786 г. на 555 документов – 189 указов. В процентном отношении к общему числу рассмотренных за год вопросов численность указов в Новоторжском магистрате сначала возросла с 22,47 до 38,48%, а в 1786 г. несколько уменьшилась по сравнению с 1782 г. – до 34,05%, однако значительно превышала показатели 1778 г. Исходя из этих цифр нельзя говорить о сниже-

нии плотности контактов между магистратом Торжка и вышестоящими структурами.

Таблица 2

Указы в делопроизводстве магистратов

Год	Вид статистики	Калязин	Торжок
1778	Количество указов	111	149
	Общее число документов	302	663
	Доля указов от общего числа документов (%)	36,72	22,47
1782	Количество указов	137	259
	Общее число документов	471	673
	Доля указов от общего числа документов (%)	29,08	38,48
1786	Количество указов	110	189
	Общее число документов	422	555
	Доля указов от общего числа документов (%)	26,06	34,05

Среди поступавших указов во все годы преобладали указы Тверского наместнического правления. В Калязине в 1778 г. их было 71, что составило 23,5% от общего числа рассмотренных вопросов, и 63, 96% от общего числа указов, поступивших в магистрат, в 1782 г. – 119, что составило 25,26% от общего числа документов и 86,86% от количества поступивших указов, в 1786 г. – 69 указов ТНП составили 15,61% от общего числа рассмотренных вопросов и 62,72% от поступивших указов. Как видим, от 1778 и 1786 г. наблюдается, хотя и слабо выраженная, общая тенденция к сокращению и абсолютной численности, и процентного отношения указов ТНП к общему числу указов и документов, но с нарушением ее в промежуточной точке – 1782 г. По сравнению с этим годом в 1786 г. сокращается как общая абсолютная численность поступивших в магистрат документов так и численность указов, при этом сокращается и доля всех указов в общем объеме поступивших документов и доля указов ТНП от общего их числа. Такие показатели свидетельствует об ослаблении влияния руководящих структур на деятельность Калязинского магистрата (см. табл. 3).

Среди указов, поступивших в Торжок, как и в Калязине, численно преобладают указы Тверского наместнического (губернского) правления. В 1778 г. их было 86, что составило 12,97% от общего числа вопросов и документов, рассмотренных на заседаниях, и 57,71% от количества поступивших туда указов, а в 1782 г. – 207, что составило 30,75% общей численности рассмотренных вопросов и 79,92% от числа указов. Из 189 указов, зафиксированных журналом Новоторжского магистрата в 1786 г., 114 было прислано из ТНП. Это составило 20,54% от 555 документов и вопросов, рассмо-

тренных в магистрате в этот год, и 60,31% от числа всех поступивших указов.

Таблица 3

Указы ТНП в делопроизводстве магистратов

Год	Признаки	Калязин	Торжок
1778	Абсолютная численность указов ТНП	71	86
	Доля от всех указов (%)	63,96	57,71
	Доля от всех документов (%)	23,5	12,97
1782	Абсолютная численность указов ТНП	119	207
	Доля от всех указов (%)	86,89	79,92
	Доля от всех документов (%)	25,26	30,75
1786	Абсолютная численность указов ТНП	69	114
	Доля от всех указов (%)	62,72	60,31
	Доля от всех документов (%)	15,6	20,54

Как видим, в 1786 г. сократились по сравнению с 1782 г. и общая численность указов ТНП, и их доля в общем объеме рассмотренных вопросов и указов, однако по сравнению с 1778 г. наблюдается явный рост и абсолютной численности указов ТНП, и их доли в объеме поступавшей документации, и менее заметной – в общей численности указов. Количественная динамика говорит об укреплении влияния руководящих губернских структур на магистрат г. Торжка. Обобщая данные по двум магистратам, мы видим, что между 1778 и 1782 г. выросли абсолютная численность и доля указов в объеме поступающих документов обоих магистратов, но увеличение абсолютной и относительной численности указов ТНП особенно заметно. Соответственно уменьшилась относительная и абсолютная численность всех других указов, поступающих в магистраты. Следует разобраться, за счет сокращения численности указов каких учреждений происходит рост доли указов ТНП в документообороте магистратов в этот период. В 1786 г. наблюдается обратная тенденция: доля указов ТНП в общем объеме документов и указов сокращается, причем в Торжке, сокращаясь, по сравнению с 1782 г., и абсолютная численность. и доля указов ТНП существенно выше, чем в 1778 г. Встает вполне закономерный вопрос: почему в Торжке сохраняется тенденция на увеличение доли указов ТНП в общем объеме документов? О каких процессах в системе управления это свидетельствует? Ответы на них дадут новый материал для решения одной из крупнейших проблем историографии: была ли осуществлена децентрализация управления в ходе реформы Екатерины Великой? Или децентрализации не произошло, а изменились лишь «смысл и задача централизма», а возможно, правы

О.А. Омельченко и А.Б. Каменский, считая, что при Екатерине II не произошло и этого?

Прежде всего отметим, что журналами Калязина и Торжка за 1778 г. зафиксированы факты получения указов ряда центральных учреждений, а в 1782 и 1786 г. сведений об их поступлении в магистрат не встречается. Это обстоятельство было одной из причин, обеспечивших сохранение высоких относительных показателей доли указов ТНП в документах магистратов 1782 и 1786 гг.

Рассмотрим указы центральных учреждений более подробно.

В Калязине в 1778 г. было получено 4 указа из соляных контор. В одном из указов Главной соляной конторы спрашивали, продана ли соль плохого качества, поступившая из Кашина (22.02), в двух указах содержался запрет выдавать деньги поставщикам соли до распоряжения (03.01, 19.12). Указ из Нижегородской конторы носил информативный характер, он сообщал о количестве соли, предназначенной для отправки в Калязин на предстоящий год (03.01).

В Новоторжский магистрат в 1778 г. из учреждений, которые согласно новому порядку документационного обеспечения управления не должны были посылать указы в городские магистраты, поступило по крайней мере 12 указов. Среди них – два из Нижегородской соляной конторы (02.01, 08.01), два из Главной. Один из указов Нижегородской соляной конторы был аналогичен по содержанию указу, присланному из этой конторы в Калязин: он сопровождался ведомостью со сведениями о соли, отпущенной из Нижнего Новгорода в Торжок, о ее цене и о подрядчиках, ответственных за доставку соли (02.01). Указ Главной соляной конторы предписывал рапорты о приеме соли посылать в Главную соляную контору и в Нижегородскую. Резолюция магистрата по этому поводу предписывала послать указ Новоторжской соляной конторе о необходимости составить ведомость (вероятно, о принятой соли. – *Н.С.*) и послать ее в Нижегородскую соляную контору. Ситуация с этим указом свидетельствует, что в начале 1778 г. продолжала существовать и функционировать система, построенная по ведомственному принципу и включавшая следующие звенья: Главная соляная контора – Нижегородская соляная контора – Новоторжская соляная контора. В этом контексте становится более понятным один из указов КП. Он поступил в магистрат Торжка 30 июля и требовал «беспрепятственного» приема соли, поставляемой из Твери. Из других записей журнала известно, что соль, поступающая из Твери, сопровождалась промеморией Тверского городского магистрата и эта новая, только еще формирующаяся система поставок соли, или всего лишь новая делопроизводственная система ее оформления, вызывали в Торжке некоторое раздражение.

Еще один указ Нижегородской соляной конторы, поступивший в Торжок, был обращен ко всем купцам и сообщал о возможности

осуществлять перевод денег в Нижний Новгород через Санкт-Петербургскую соляную контору (08.01). Указ Главной соляной конторы, поступивший в магистрат 31 августа, был определен как указ «для городничего» и сообщал о расчете за соль по части княгини Шаховской. Члены магистрата решили сообщить городничему Львову о полученном указе. Видимо, он наряду с указом, полученным в октябре из КП, знаменовал подключение городничего к контролю за соляным делом.

Если в Калязинский магистрат «незаконные» указы поступали только из соляных учреждений, то среди корреспондентов Новоторжского магистрата составителей таких указов было гораздо больше. Два указа поступили из Камер-коллегии, они предписывали освободить из-под стражи должников по питейным откупам (20.02, 08.03). Указы из Санкт-Петербургского и Московского государственных банков для дворян подтверждали факт получения из Торжка денег в счет погашения ссуды, выданной погорельцам (20.02, 8.03). Четыре указа поступили из «департамента, учрежденного при конторе Главного магистрата». Они дублировали друг друга и требовали разобраться с долгом прокурора Новгородской губернии Шишкова новоторжцу Ф. Буркову, который, в свою очередь, был крупнейшим должником по соляным поставкам.

Рассмотренная группа указов свидетельствует о сосуществовании в 1778 г. двух систем управления: горизонтально и вертикально ориентированной и о включении магистратов в каждую из них. Новоторжский магистрат был в большей степени, чем Калязинский, инкорпорирован в ведомственную систему управления. Это было обусловлено тем, что еще до начала реформы население этого старинного города активно участвовало в торгово-промышленной деятельности, в подрядах и откупах, имело значительные кредиты от государства на постройку домов и т.д. Естественно, что и для магистрата, и для еще сохранявшихся центральных учреждений было привычнее и, вероятно, быстрее вести непосредственную переписку между собой, минуя только что созданные губернские структуры.

Еще продолжала свою работу Главная соляная контора, но, как показали проведенные исследования, деятельность по организации доставки соли, продаже вина и соли и сбора доходов с этих государственных монополий на территориях, где действовали Учреждения о губерниях, уже была сосредоточена к этому времени в казенных палатах, что и сделало возможным ликвидацию соляного ведомства в 1783 г.³¹ Таким образом, мы можем наблюдать процесс и механизм подготовки правительственных сил к ликвидации ведомственной системы управления.

В 1782 и 1786 г. в журнале Торжка, как и в журнале Калязина, указов центральных учреждений не зафиксировано, что можно рассматривать как показатель успехов реформы. Функции ликвидиро-

ванных учреждений распределялись между Сенатом, наместниками, правителями наместничеств и весьма немногочисленными губернскими структурами.

1782 г. знаменателен тем, что из числа входящих в магистраты документов исчезают не только указы центральных учреждений, но и «предложения» наместника Новгородского, Тверского, который с 1782 г. являлся также наместником Псковским³². На должности наместника долгое время находился известный сподвижник Екатерины II – Я.Е. Сиверс, но в середине 1782 г. его место занял Я.А. Брюс. Следует отметить, что «предложения» наместников поступали и в 1782 г., но лишь в пересказе ТНП и некоторых должностных лиц, но и таких случаев известно очень немного. Исчезновение в 1782 г. «предложений» наместника среди поступающих в магистраты документов, скорее всего связано с происшедшей в этом году сменой наместника. Однако нельзя исключать, что это стало следствием введения так называемого расписания 1781 г.³³, которое «упорядочило дело» назначения наместников, оно вводило как норму руководство наместником несколькими губерниями³⁴, что само по себе требовало определения характера взаимоотношений между наместником – главой нескольких губерний и правителями отдельных губерний. Следует сказать, что в 1786 г. наместник снова начинает обращаться непосредственно в магистраты, но тематика их переписки становится несколько иной.

В 1778 г. в Калязин поступило три «предложения» наместника Я.Е. Сиверса. В одном из них речь шла о необходимости провести в Калязинском уезде выборы в совестные судьи. В другом наместник требовал разъяснения, почему одному из просителей не отвели место под застройку. В третьем торопил с подготовкой барок с припасами к отправке в Санкт-Петербург (18.04), расписывая выгоды участия в данном предприятии.

С Новоторжским магистратом Сиверс в этот год вел более интенсивную переписку. Всего от него поступило 23 «предложения», из них 9 были связаны с расследованием дел: о недопоставке Н. Овчинниковым кирпича по подряду (28.08, 22.06), о казенных и вексельных долгах некоторых новоторжцев; с продажей имущества бывшего поверенного по поставке соли И. Кутафьева (03.09, 31.12) за его долги перед государством. Еще два «предложения» (30.05 и 22.06) требовали взять объяснения у некоторых новоторжских купцов по поводу отсутствия лоцманов на их барках. Необходимость допроса Н. Масленникова, одного из купцов, была вызвана чрезвычайным происшествием: барка, доставлявшая соль в город, затонула из-за отсутствия лоцмана, и это привело не только к потере груза, но и к увеличению суммы долгов Н. Масленникова. Процесс по их взысканию растянулся более чем на 10 лет и нашел отражение в документах магистрата во все последующие годы.

Кроме того, «предложения» Сиверса требовали ускорить взыскание денег, розданных в виде казенной ссуды горожанам, пострадавшим от пожара 1767 г., для строительства новых домов (05.02, 12.02). При этом одно из них поступило в качестве ответа на рапорт членов магистрата об отсутствии желающих купить дома, продаваемые за долги по ссуде. В этом ответе Сиверс угрожает удержать долг новоторжцев с барок, доставлявших продовольствие в Санкт-Петербург (29.01). Требуя ускорить выплату в счет погашения ссуды, наместник тем не менее настаивал на взыскании денег «прежде с богатых, нежели с бедных» (08.01). Сиверс был причастен к решению вопросов об отводе мест под застройку, это подтверждает наличие среди документов, поступивших от него, четырех разрешений на отвод земли горожанам под строительство домов (16.04, 22.06), все они являлись ответом на частные просьбы жителей города. Еще одно «предложение» стало ответом на просьбу вдовы А. Сарафанниковой о разделе принадлежащей ей лавки между двумя замужними дочерьми. Интересно, что Сиверс разрешил сделать это при условии, что в обеих частях лавки будет производиться торговля однородными товарами (31.10). Содержание принятого наместником решения позволяет думать, что суть дела заключалась не в факте раздела недвижимого имущества, а в соблюдении после этого необходимых санитарных норм при торговле.

Один из документов Сиверса назывался «повелением» и требовал наказать мещанина Ф.П. Полудницына за ложное обвинение им М. Хрыпова. В связи с чем магистрат решил наказать клеветника «батажьем» (19.09).

В рассмотренных выше «предложениях» – требованиях о взыскании ссуды и возвращении долгов по соли Сиверс выступает как защитник казенных интересов, в распоряжениях об отводе земли – как распорядитель казенным имуществом и человек, занимающийся одним из важнейших направлений деятельности по подготовке города к иным принципам налогообложения, чем те, которые существовали в период проведения самих реформ. Требуя ускорить решение вексельных дел, угрожая отдать Овчинникова в казенную работу в случае невыполнения им условий договора по поставке кирпича, он предстает перед нами как поборник законности и справедливости, которые требовали уплаты долгов и выполнения взятых на себя обязательств. Однако все документы, поступившие от Сиверса, объединяет одно: они касались конкретных дел и людей, конкретных ситуаций. Таким образом, мы видим, что начавшийся процесс по разгрузке центральных органов управления от решения некоторых категорий дел, особенно спорного характера, привел к тому, что контроль за их решением, а в некоторых случаях и решение дел ложились на наместника. Все это подтверждает оценки тех авторов дореволюционных исследований, которые считали, что

генерал-губернатор должен был прежде всего осуществлять надзор за законностью и попечение о лицах, нуждающихся в заступничестве³⁵. Вместе с тем в рассмотренных документах Сиверс выступает не только как человек, побуждающий магистрат к принятию решений, но и сам их принимающий, а это не вполне вписывалось в положения Учреждений о губерниях, так как последние подчеркивали, что наместник должен принуждать судебные инстанции к решению вопросов, но не должен вмешиваться в их производство³⁶. Занятость наместника судебными разбирательствами, видимо, была вынужденной, и это подтверждает правоту тех, кто полагает, что смысл децентрализации заключался, во-первых, в стремлении приблизить и суд, и судебный контроль к «тяжущимся и обвиняемым», во-вторых, дать им защиту от злоупотреблений и невежества местных чиновников и ускорить решение скопившихся в Сенате и центральных учреждениях судебных дел³⁷.

Следует отметить два его «предложения», явившиеся ответом на коллективное доношение новоторжских купцов и мещан с просьбой «об увольнении» их от уплаты двухкопеечного сбора с застроенных по плану домов, введенного Межевой канцелярией. Совершенно очевидно, что в данном случае Сиверс уходит от решения и советует новоторжцам обратиться в Межевую экспедицию Сената (29.01, 12.03). Однако в большинстве «предложений», поступивших в магистраты, наместник предстает перед нами как судья и воплощение высшего в рамках региона надзора за судебной и правоохранительной деятельностью. Его внимание к вопросам застройки городов и отводу земли едва ли объясняется только тем, что ему вменялось заботиться о благоустройстве наместничества. Подробнее мы остановимся на этом вопросе в последней главе работы.

Ситуация, сложившаяся в 1782 г., позволяет сказать, что генерал-губернаторам был поручен в основном надзор за губернаторами, на которых и возлагалась непосредственная текущая работа³⁸. Судя по журналам заседаний, в 1782 г. в магистраты Калязина и Торжка не поступило ни одного «предложения» от наместника, должность которого занимал с лета 1782 г. Я.А. Брюс. Тем не менее о его контроле за некоторыми сторонами жизни губернии свидетельствуют зафиксированные в журналах магистратов указы ТНП, а в Калязине еще и сообщения городничего, которые излагали содержание «предложений» Брюса. В частности, 31 августа в Калязин из ТНП был прислан указ, вводивший некоторые изменения в области делопроизводства со ссылкой на «предложение» наместника. В этот же день поступило послание городничего, которое со ссылкой на указ ТНП, сообщало о необходимости представлять сведения о колодниках «прямо от себя», т.е. от городничего, к Брюсу. Скорее всего, и в данном случае указ ТНП пересказывал текст «предложения» Брюса. 5 сентября поступил указ ТНП «с про-

писанием предложения» наместника о необходимости прислать ведомости о лицах, попавших под амнистию в связи с открытием в Петербурге памятника Петру I. Эти сохранившиеся в делопроизводстве сведения позволяют говорить, что контроль за судопроизводством по-прежнему находился в сфере внимания наместника, но все же не в той мере, как это было раньше.

В 1786 г. эту должность исправлял Н.П. Архаров, и от него в магистрат Калязина поступило два «предложения». Одно из них требовало доставить ему с первой почтой ведомости «о заготовляющемся калязинскими купцами в отпуск к Санкт-Петербургскому порту всякого рода хлебе и припасам с показанием нынешних цен» (16.04), второе требовало доставки ему «верного и обстоятельного описания о состоянии, выгодах и нуждах купцов и мещан здешнего г. Калязина» (13.08). В Торжок поступило 11 «предложений» – значительно больше, чем в Калязин. Два из них повторяют содержание присланных в Калязин, с той только разницей, что в Торжок они прибыли примерно на неделю раньше. Цифра 11 выглядит весьма внушительной на фоне двух «предложений», поступивших в Калязин, однако следует иметь в виду, что она значительно меньше количества «предложений», присланных в Торжок от генерал-губернатора в 1778 г. Исследование всего комплекса распоряжений наместника за 1786 г. позволяет говорить, что его компетенция несколько переменялась. В них, кроме указанных двух тем, шла речь о необходимости вызвать местных мастеров-кирпичников для изготовления кирпича для строительства «большой дороги» (15.05, 25.05); отвести земельные участки под строительство домов для служителей одной из церквей города (16.10), выплатить жалованье архитектору, который руководил строительством Борисоглебской церкви (26.11); решить вексельное дело о долгах группы новоторжских купцов помещице Ртищевой (11.08).

Некоторые из «предложений» Архарова не содержат никаких предписаний, а лишь сообщают какую-либо информацию, например, что он послал повеление «куда следует» о доставлении в Новоторжский магистрат объяснений купца Немилова (09.11), что в ТНП предписано о доставлении в магистрат требуемых для ведения следственных дел сведений (09.11), что императрица выделила 10 тыс. руб. на окончание строительства Борисоглебского монастыря, при этом требует отчет, как использованы ранее выделенные 7 тыс. руб. (09.06). Одно из «предложений» сопровождает 5 тыс. из числа выделенных императрицей 10 тыс. руб. (27.07). Таким образом, в «предложениях» 1786 г. наместник выступает как должностное лицо, среди обязанностей которого решение конкретных частных дел и ситуаций, отнюдь не является важнейшей, как в 1778 г. На первый план выходят вопросы, касающиеся согласования интересов представителей различных сословий и отдельных регионов.

«Большая дорога» должна была стать средством коммуникации для жителей не только Тверской губернии, но и всего Северо-Запада. Поставка товаров в Санкт-Петербург также была делом, которое требовало согласования интересов целого ряда территорий, что было необходимым условием обеспечения столицы продовольствием и другими товарами первой необходимости. В условиях неурожая середины 80-х годов снабжение Петербурга хлебом по приемлемым ценам было одной из главнейших задач всех правящих сил. Строительство Борисоглебской церкви было делом общегородским и отчасти даже государственным, поскольку из государственных средств на это строительство шли большие средства. В Калязин не поступали указы о мастерах-кирпичниках, вероятно, по той причине, что «большая дорога» должна была проходить вдалеке от города, и наоборот, особенностью именно расположения Торжка были обусловлены «предложения», связанные со строительством Борисоглебской церкви и др.

Как видим, Торжок как более крупный, чем Калязин, торгово-промышленный центр и важный транспортный узел, находился под более пристальным контролем генерал-губернатора. Судебные полномочия наместника явно сузились. В значительной мере это объясняется тем, что период становления местных судебных учреждений был завершен, объем дел, требовавших рассмотрения, сократился, а объем правовых знаний у местного чиновничества возрос. Скорее всего, именно эти обстоятельства позволили изменить акцент деятельности наместников, направить ее на обеспечение условий для создания региональных сообществ и координации действий регионов. Но вне всяких сомнений, этот поворот был отчасти и следствием решения вопроса о том, что губернатор стоит во главе губернии, а наместник – во главе нескольких сразу, что, в свою очередь, вынесло на первый план в деятельности наместников коммуникативную функцию.

Изменения в компетенции наместника становятся более понятными при сравнении их с эволюцией полномочий правителя Тверского наместничества или тверского губернатора. Эту должность в 1778 г. занимал Т.И. Тутолмин. Он прислал в Калязин лишь 5 «предложений». Сообщая о возможности приезда Я.Е. Сиверса в город, он велел приготовить различные ведомости. Два были связаны с приездом в город землемера (03.09). Тутолмин извещал, что землемер должен разбить город на кварталы, и требовал, чтобы ему предоставили план города. Одно из «предложений» напоминает о необходимости тщательно вести журналы и проставлять в них отметки об исполнении резолюций (10.09), еще одно связано с передачей в магистрат из калязинского уездного суда одного из следственных дел (10.09). Контроля Тутолмина за судопроизводством по записям Калязинского магистрата не прослеживается, а вот по ма-

териалам Торжка это предстает как важнейшая обязанность правителя наместничества.

Среди 10 «предложений» Тутолмина, которые поступили в 1778 г. в Новоторжский магистрат, семь было связано с ведением судебных дел. Некоторые из них предписывают совершение тех или иных действий, необходимых для окончания следствия по тому или иному делу. Чаще всего Тутолмин требует допросить кого-либо из горожан или выслать их для допроса в другое учреждение. Обязанность по обеспечению взаимодействия между различными губернскими структурами отчетливо видна в его функциях. Например, «предложение», поступившее 31 марта, содержит указ прислать в Тверской губернский магистрат содержателя конских сборов Н. Флягина.

Вынесение приговоров по следственным делам было важнейшей обязанностью Тутолмина, он предстает перед нами не как контролер, а именно как судья. В «предложении», рассмотренном магистратом 7 августа, содержится указание уволить поверенного новоторжской питейной конторы Я. Толченого и взыскать с него долг купцу М. Масленникову, составлявший 600 руб. 85 коп. Находясь с визитом в Торжке, 20 августа губернатор рассмотрел ряд дел и принял решения по ним, например, о возвращении мещанину М. Ласицину дворовой и огородной земли, которая была в пользовании П. Чернышева в счет оплаты вексельного долга М. Ласицына. В этот день Тутолмин принял какие-то решения и по другим делам, судя по журнальной записи, они были оформлены в виде реестра этих дел с резолюциями Тутолмина по каждому. «Предложение», скорее всего, являлось сопроводительным письмом к реестру, а возможно, было сформулировано в устной форме. Содержание остальных принятых резолюций журнал не зафиксировал, неизвестно также, каких дел они касались.

Такое положение вещей свидетельствует о фактической неразделенности функций между учреждениями и должностными лицами. И наместник Я.Е. Сиверс, и правитель Тверского наместничества Т.И. Тутолмин значительную часть времени и сил тратили на разрешение спорных и судебно-следственных дел. Скорее всего, планируемое Екатериной Великой введение в управление принципа разделения властей в 1778 г. просто невозможно было осуществить в силу недостаточной квалификации выборных лиц местных судебных структур. Процесс передачи сюда судебно-следственных материалов из воеводских канцелярий и коллегий продолжался, императрица желала сократить число ведущихся дел и численность колодников в государстве, и это стало следствием загруженности наместника и руководителя губернии (особенно последнего) судебными вопросами. И что важно, Тутолмин принимал решения по делам, т.е. выполнял роль судьи в совершенно неприкрытой форме. Сле-

дует сказать, что в двух «предложениях», требующих приготовить ведомости к его приезду в город, упомянуты ведомости о решенных и нерешенных делах и о содержащихся под стражей колодниках, что также говорит о его тщательном контроле за судопроизводством (08.03, 09.07).

Однако решением судебных вопросов функции правителя не ограничивались. В числе ведомостей, которые требовалось приготовить к его приезду, в мартовском «предложении» указана ведомость о новопостроенных домах, а в июльском вместо нее – ведомость о денежной казне. Интересно, что ни в день его визита в Торжок, ни в другое время его контроль над денежной казной и застройкой ни в чем не выражался. А вот его внимание к процессу делопроизводства проявилось в еще одном «предложении» Тутолмина, сделанном во время визита в Торжок. По результатам проверки он указал на упущения канцеляриста Петрова и потребовал правильного и старательного ведения дел в присутствии. Перечень требуемых ведомостей и сведения о его деятельности во время пребывания в городах региона позволяют предположить, что контроль за ведением судебно-следственных дел и в целом за делопроизводством был важнейшей обязанностью правителя наместничества.

В 1782 г. его компетенция, судя по записям в журналах, несколько расширяется, и не кажется сосредоточенной почти исключительно на судебной. В 1782 г. в Калязин поступило 7 «предложений» от Тутолмина, а в Торжок – 17. Два из поступивших в Калязин 5 мая требовали подготовить к его прибытию в город ведомости о колодниках, о наличии денежной казны, о делах, находящихся в производстве, а также о промыслах и ремеслах, о заводах и фабриках. «Предложение», поступившее 19 мая, расширяло число ведомостей, с которыми он хотел познакомиться: было предписано составить также ведомость о старых и новых обывательских строениях. 28 июля от Тутолмина поступило указание взыскать деньги с одного из городских купцов. Затем он затребовал сведения о том, сколько граждан города занимались скупкой и продажей хлеба и каков был денежный оборот по этой статье (18.08). Из «предложения», рассмотренного в магистрате 10 ноября, становится ясно, что в канцелярии губернатора уже получены ведомости о строениях, о торгах и промыслах горожан, но при этом Тутолмин напоминает о необходимости прислать сведения о фабриках и заводах. Как видим по переписке магистрата с главой наместничества, в 1782 г. Тутолмин контролировал не столько судопроизводство, сколько финансы, кроме того, он занимался сбором статистических сведений, которые давали бы представление об уровне развития торговли и промышленности в городе и о ходе его застройки.

В Торжок в 1782 г. поступило 17 «предложений» правителя наместничества. В одном речь идет «о сохранении приложенного при

том сочиненного исторического о городе Торжке описания навсегда и о включении во оное с точностью впредь идущие времена все случаи, достойные примечания для сведения потомства...»³⁹ (12.09). Пять «предложений» были связаны с ведением в магистрате дел о долгах, разделах имущества и др. В одном содержится требование «учинить допросы» нескольким городским купцам (07.09), из справки понятно, что оно стало следствием невыполнения магистратом запроса аналогичного содержания из нижней расправы. Два указа присланы «для ведома» и сообщают информацию, полученную из инстанций, с которыми магистрат не имел права вести непосредственную переписку (09.09, 12.09). Еще два содержат рекомендации по поводу решения споров между горожанами. Они стали следствием обращения одной из сторон к правителю наместничества.

Четыре «предложения» Тутолмина касались записи тех или иных лиц в число горожан (09.09, 12.09, 12.09, 10.11). Ничего существенно нового в понимание этой процедуры они не вносят, однако все же одно из них – о «не записывании по прошествии срока ревизии отпущенных на волю крестьян», о возвращении им отпускных «с объявлением», чтоб они просили о записи в ТНП – следует отметить. Оно объясняет некоторые сложные ситуации, имевшие место в ходе ревизии и отраженные на страницах журнала. Становится понятно, что после официального срока завершения ревизии запись вольноотпущенных крестьян в число горожан была по-прежнему возможна, но уже через обращение в ТНП⁴⁰.

В шести «предложениях» (06.05, 06.05, 11.05, 9.08, 17.08, 14.11) речь идет о подготовке к приезду в город Тутолмина разного рода ведомостей: о торгах и промыслах, о строениях, о денежной казне, о колодниках, содержащихся под стражей, а также о делах, находящихся в делопроизводстве. В последней ведомости требовалось указать сколько дел принято присутствующими при вступлении в должность и сколько вновь заведено, сколько из тех и других решено, сколько остается нерешенных. К этой ведомости следовало приобщить еще одну с указанием причин задержки с решением дел, а также список дел, подлежащих закрытию по разным причинам.

12 сентября было рассмотрено «предложение», ставшее следствием посещения города начальством, в нем сделано замечание относительно ведения делопроизводства, в том числе журналов: Тутолмин требовал, чтобы в журнале проставлялись отметки об исполнении поступивших документов.

Как видим, компетенция правителя Тверского наместничества расширилась и уже не акцентируется на вопросах судопроизводства, более того, ни один из поступивших от него документов не содержит, в отличие от 1778 г., текста решений по делам, однако контроль за своевременностью вынесения решений и забота о том, чтобы люди понапрасну не томились под стражей, остается в круге

проблем, которые он держит в сфере внимания. Таким образом, в 1782 г. компетенция губернатора явно вписывается в обязанности, определенные Учреждениями о губерниях как обязанности наместника. Причем вписывается даже лучше, чем это было с обязанностями Сиверса в 1778 г.

Нельзя не отметить, что «предложения» наместника Тверского и Новгородского, а также правителя Тверского наместничества в некоторых вопросах дублируются компетенцией ТНП, но в их ведении есть вопросы, которые не прослеживаются по указам ТНП: планировка городского пространства и отправка барок с продовольствием в Санкт-Петербург. Эти направления особенно заметны в деятельности наместника.

В 1786 г. в должности правителя Тверского наместничества был генерал-майор Г.М. Осипов. От него в этот год и в Торжок, и в Калезин поступило лишь по два «предложения», в них шла речь о необходимости завершить составление обывательской книги и сбор процентов с объявленных на 1786 г. купеческих капиталов (05.01, в Калезине – 08.01), прислать ему краткую ведомость о решенных и нерешенных делах (21.01)⁴¹. Нельзя не заметить, что при резком сокращении объема документации от правителя наместничества контроль за судебной деятельностью магистратов остается в поле его зрения. Необходимо отметить появление двух новых объектов его внимания: составление обывательской книги и процесс объявления капиталов и сбор процентных денег с них. Для городов эти вопросы действительно выходят на первый план. Успех или неудача составления первых обывательских книг в значительной мере предопределили развитие городского самоуправления и процесс становления городских сословных обществ в последующие годы. Предполагалось, что после издания Городового положения 1785 г. количество объявленных купеческих капиталов возрастет и это благотворно скажется и на государственной казне, и на суммах, которые находятся в распоряжении городов; поэтому Г.М. Осипов уже в январе интересовался этими вопросами.

Совершенно очевидно, что с 1778 по 1782 г. происходит децентрализация управления с передачей организационно-распорядительных функций от центральных учреждений и наместника правителю наместничества (губернии) и Тверскому наместническому правлению. В числе документов, поступающих в городские магистраты, совершенно исчезают указы Сената и центральных учреждений, теперь они поступают лишь в изложении ТНП. Более того, в 1782 г. и «предложения» наместника поступают лишь в изложении ТНП, что свидетельствует об окончательном складывании у императрицы представлений об устройстве управления страной, согласно которым наместник должен стоять во главе нескольких губерний, а губернатор – во главе одной. С 1778 по 1782 г. происходит сокраще-

ние численности организационно-распорядительных документов, поступающих в магистраты и от правителя наместничества. Однако он наблюдает за судопроизводством и решает наиболее важные дела, что подтверждает справедливость суждений о размежевании дел между губернаторами и губернскими правлениями по степени их важности⁴². В 1778 г. он занимался прежде всего вопросами судопроизводства, в 1782 г. в сфере компетенции правителя помимо охраны правосудия находятся также проблемы градостроительства, пополнения численности городского населения и др. И если ранее положение правителя наместничества – губернатора было совершенно неопределенно, то теперь на него ложатся функции, прописанные Учреждениями о губерниях как функции наместника. Логическим развитием таких метаморфоз стало акцентирование деятельности наместника на коммуникативных функциях, на задачах, важных для больших регионов.

В 1786 г. вопросы, входящие в компетенцию и наместника, и правителя Тверского наместничества, существенно различаются, да и вмешательство их в управление заметно сократилось. Возможно, это следует рассматривать как показатель завершения организационного периода реформирования управления: к этому моменту коллегии были закрыты, а губернские, уездные и городские структуры окрепли. С первого взгляда это должно было вести к увеличению доли указов ТНП в общем количестве указов, поступающих в города, однако если с 1778 по 1782 г. это действительно имело место, то в 1786 г. по сравнению с 1782 г. доля указов ТНП среди общей массы распорядительной и организационной документации сокращается. Это становится возможным в значительной мере из-за увеличения с 1782 по 1786 г. численности указов, поступающих в городские магистраты от других, помимо ТНП, губернских управленческих структур.

Рассмотрим их более подробно и начнем с указов, поступавших от учреждения, стоявшего на бюрократической лестнице непосредственно над магистратами городов, – губернского магистрата.

В 1778 г. указы Тверского губернского магистрата касались как вопросов организации деятельности городских магистратов, так и решения конкретных судебных дел, причем часть из них дублировалась содержанием указов ТНП. В Калязин за год из губернского магистрата поступило 13 указов, причем в журнале не указано, из какого департамента губернского магистрата они поступили. Указы требовали: найти и отослать в Дмитровскую воеводскую канцелярию одного из жителей Калязина (14.11), прислать «ведомости по уголовной материи» (07.03), ведомости о колодниках, о решенных и нерешенных делах, справочный материал по одному из судебных дел, видимо, переданному на апелляцию в губернский магистрат (01.08). Два указа предписывали впредь ведомости о присутствовавших на заседа-

ниях членах магистрата высылать не во 2-й департамент губернского магистрата, а «к прокурорским делам», к стряпчим.

Особо следует отметить еще два указа, поступивших в Калязинский магистрат в 1778 г. из губернского. Они не имели к городу никакого отношения, дублировались указами ТНП и сообщали об открытии в Могилеве присутственных мест (05.09) и о дипломатических титулах, которые следует использовать в переписке (12.09).

Рассмотрим указы, поступившие в 1778 г. из губернского магистрата в Новоторжский. Из 1-го департамента их поступило 10. Один пересказывал содержание сенатского и не имел к городу никакого отношения, это указ о назначении консулов Дании в Санкт-Петербург и Ригу (10.09). Остальные регулировали деятельность магистрата в области судопроизводства, что свидетельствует о контроле губернского магистрата за этой стороной деятельности магистрата городского. Они требовали прислать справки и сведения по конкретным следственным делам, а иногда и подследственных, торопили с решением дел (23.04, 14.05, 02.08, 28.11). Уже сами по себе эти указы свидетельствуют о некоторой нерасторопности служащих магистрата, а указ, полученный 31 августа, подтверждает это. Он сообщал, что впредь за неисполнение требований о присылке сведений по тому или иному делу с присутствующих будет взыскиваться штраф. Другие указы предписывали прислать ведомости о делах «по уголовной материи», рассмотренных на заседаниях магистрата (01.03), сведения о ходе производства дел по делам о кормчестве (29.01) и т.п.

Среди семи указов, поступивших в Торжок из 2-го департамента губернского магистрата, один не имел к городу практически никакого отношения и сообщал об открытии Могилевского наместничества (06.09). Его содержание решили сообщить старосте, так как это был сенатский указ и в отличие от указов об определении консулов и открытии Полоцкого наместничества ТНП не дублировался. Еще два ясно свидетельствуют о проблемах в области документооборота, которые неизбежно возникают в период перестройки системы управления. Так, указ, рассмотренный 22 июня, требовал отсылки ведомостей о присутствующих на заседаниях членах магистрата к прокурорским делам, а июльский, явно уточняя вопрос, предписывал посылать их к уездному стряпчему, а затем – к прокурору. Скорее всего, имелось в виду, что к губернскому прокурору ведомости должны были поступать от стряпчего. Апрельский указ требовал прислать ведомости о колодниках, содержащихся по делам, решенным в начале года. Один из указов запрещал заключать сделки на имущество трех Санкт-Петербургских купцов (11.06), два торопили с присылкой денег для жалованья пробирному мастеру (07.05, 19.09).

Анализируя содержание указов, поступивших в Новоторжский магистрат из губернского, можно высказать следующие наблюде-

ния. Во-первых, часть указов дублирует содержание указов ТНП, среди них не только указы информативного плана, не имеющие отношения к городу (об открытии Могилевского наместничества, о назначении консулов Дании в Санкт-Петербург и Ригу), но и побудительные, требующие прислать те или иные сведения общего характера о деятельности магистрата в области судопроизводства (например, ведомости о колодниках (05.04) или о делах « по уголовной материи»). Большинство из этих указов общего характера поступило из 2-го департамента. Указы, проходившие по 1-му департаменту, в большинстве своем касались судебной деятельности магистрата, конкретных дел и конкретных людей.

Теперь посмотрим, какие указы поступали из губернского магистрата в городские в 1782 г. В магистрате г. Калязина был получен лишь один указ о том, как как запечатывать пакеты, в которых присылались дела на апелляцию (02.03). Сокращение численности, можно сказать, даже исчезновение документов, поступивших из губернского магистрата, было обусловлено некоторым сокращением его полномочий. Сведения о колодниках, согласно указам, присланным в 1782 г., теперь следовало подавать городничему. Еще в 1778 г. было предписано ведомости о присутствии на заседаниях членов магистрата высылать не в губернский магистрат, как было ранее, а к прокурорским делам и т.д. Итогом стало резкое сокращение переписки между губернским магистратом и магистратом города, где население не слишком активно участвовало в торгово-денежных операциях, а значит, и в судебных разбирательствах.

В Торжок в 1782 г. также поступило значительно меньше указов губернского магистрата, чем в 1778 г.: четыре из 2-го департамента и один – из 1-го. Последний сопровождал решение департамента по поводу следственного дела (21.02). Один из указов 2-го департамента требовал отправлять дела на апелляцию в холстинных конвертах «с положением по швам того холста казенных печатей» (01.03), а еще три были связаны с ведением в Калужской губернии вексельного дела, в котором фигурировал новоторжский купец, в них отчетливо видна деятельность губернского магистрата как посредника в передаче информации между инстанциями различных губерний (18.03, 06.05, 11.07).

Анализируя комплекс указов, поступивших в магистраты г. Калязина и Торжка из губернского магистрата в 1778 и 1782 г., следует еще раз напомнить об уже упоминавшемся факте присылки оттуда в 1778 г. указа об открытии присутственных мест в Могилевской губернии. Учитывая, что большинство подобных указов поступало из ТНП, мы можем говорить о том, что в практике управления Тверской губернией в 1778 г. соединялись начала лучевой и линейной систем управления. Ситуация, когда указ поступил в магистраты городов из губернского, свидетельствовала о прочности

линейных связей, а случаи поступления указов аналогичного характера из ТНП следует рассматривать как признак формирования лучевой, сфокусированной на ТНП системы управления.

Численность указов, поступавших из губернского магистрата с 1778 по 1782 г., сократилась и причина была явно в перестройке управления. Более узкие, чем в предыдущий период⁴³, полномочия губернского магистрата, при слабо развитом правовом пространстве городов, малочисленности судебно-следственных дел неизбежно должны были сопровождаться уменьшением документооборота губернского магистрата и в том числе его переписки с городскими магистратами. Если в 1778 г. указы, поступавшие от губернского магистрата, еще отражали его бывшие функции, в том числе по трансляции указов верховной и высшей власти, контролю за тем, как исполняют свою службу члены магистрата, и другие, то в 1782 г. часть из этих функций отходит другим структурам. Сокращение, притом весьма резкое, численности указов, поступавших в городские магистраты из губернского, является одной из причин значительного роста доли указов ТНП в общем объеме документов и вопросов, рассмотренных в магистратах, и особенно в общем объеме поступивших туда указов. Отчасти это было следствием не вполне глубокой проработки вопроса о разделении функций между губернским магистратом и наместническим (губернским) правлением по рассмотрению и исполнению гражданских дел. Так, согласно Учреждениям о губерниях, наложение ареста на имущество должников должно было производить наместническое правление, именно туда поступали беспорные жалобы на неплательщиков, должников⁴⁴.

В 1786 г. наблюдается обратная тенденция увеличения объема переписки между городскими и губернским магистратами. В Калязинский магистрат поступило 25 указов губернского магистрата, из них 12 – из 1-го департамента. Среди последних пять передают тексты указов Сената и императрицы: о пожаловании чинов сенаторам⁴⁵ (30.12), о бытии господину Завадовскому при государственном заемном банке для дворянства и городов (02.09), о переводе правителя Олонецкого наместничества правителем в Тамбовское (30.04), о почитании гр. Сегюра вице-консулом французского короля (24.03), о необходимости обозначать «в уголовных делах и экстрактах место преступления, время содеяния оных, вступления дел в первоначальные суды» (24.06)⁴⁶. Один сопровождает копию с копии указа императрицы Н.П. Архарову «об объявлении в здешнем городе торгующим промышленникам, чтоб нигде подробной описи и осмотра грузов на идущих по водной коммуникации к Санкт-Петербургу с хлебом судам не чинили и о подавании к скорейшему проходу оных вспомошествования» (23.12). Как видим, губернский магистрат снова становится посредником в передаче информации между городским магистратом и вышестоящими инстанциями, в

том числе Сенатом и наместником. Все это говорит о выстраивании строго бюрократической системы управления, где нижестоящие структуры подчиняются распоряжениям своих непосредственных начальников. Стоит напомнить, что указы, присылавшиеся в 1777 г. в городские магистраты, требовали, чтобы они не принимали указов ни от кого, кроме Сената, ТНП, губернского магистрата. 10 лет спустя даже Сенат не посылает указов непосредственно в городские магистраты, обязательной промежуточной инстанцией становятся губернский магистрат, а в ряде случаев и судебные палаты. Кроме того, нельзя не заметить, что большинство поступивших указов носит общий характер и не имеет отношения ни к судебной деятельности, ни к городу вообще.

Некоторые из указов губернского магистрата передают содержание документов, поступивших из ТНП; судя по записям в журнале, таких случаев в 1786 г. было лишь два. Один сопровождал присланный из ТНП реестр лиц, определенных от Тверской епархии «быть в городах по всяким делам с духовной стороны депутатами» (17.08), другой – копию сообщения Черниговского наместнического правления о взыскании пошлины за использование простой бумаги вместо гербовой (19.06). Еще один указ дает знать, что поручики Кожины «исключены из доверия казенного» (09.09)⁴⁷. Видимо, лишь три указа 1-го департамента были составлены непосредственно в губернном магистрате и имели отношение к судебной деятельности. Они свидетельствуют о контроле департамента за этой стороной работы городских магистратов, требуя доставить в срок ведомости «о заседании сроков, о делах и колодниках» (09.12), «о колодниках за второе сего 1786 г. заседание» и отчет, почему эта ведомость до сих пор не доставлена (09.07). Указ, рассмотренный 24 июля, сообщал решение Палаты уголовного суда по делу А. Стольниковца и предупреждал, чтобы здешний магистрат «в решении таковых дел поступал осмотрительнее и исправнее» (24.06).

Из 2-го департамента в 1786 г. в Калязин поступило 13 указов, среди них 6 не имели отношения к судебной деятельности. Они предписывали прислать деньги на жалованье пробирному мастеру (21.10), ставили в известность об указах Сената об обращении в общий государственный доход из ведомства Главного Крикс-комиссариата некоторых сборов (24.09) и бытии гр. Безбородова при дворе (02.09), о закрытии Вотчинной коллегии (22.04), препровождали «указ» Архарова о прибавке чинов в штат «водяной коммуникации» (23.07), о необходимости объявить купцам и мещанам «о неверии» детям арзамасского купца Я. Меркушкина (13.08). Эти указы не имеют отношения к судебной деятельности, но они хотя бы имеют значение для горожан: напоминая о необходимости внести деньги для жалованья пробирному мастеру, предупреждая, что лучше не иметь дело с некоторыми людьми, и т.п.

Непосредственно с судебной деятельностью были связаны несколько указов, в том числе с требованием прислать ведомости о решенных и нерешенных делах за 1785 г. (20.04)⁴⁸ и препровождающий копию формы ведомости о решенных и нерешенных делах, присланную из Палаты гражданского суда (11.02). Последние два указа требуют своевременной отчетности и вводят новые ее формы и что интересно – один из них передает информацию более высокой судебной инстанции – Палаты гражданского суда. С ведением конкретных судебно-следственных дел связано 5 указов, они требуют учинить публикацию, т.е. довести до сведения населения, сроки продажи с торгов имущества должников И. Медведева (26.08), И. Шальнева (09.09, 21.10), сопровождают в магистрат деньги, вырученные от продажи имущества И. Медведева (07.10), сообщают, что имущество И. Шальнева на торгах приобрел Ф. Шелудяков (06.11). К последнему указу была приложена «данная в покупке», видимо имеется в виду купчая.

Рассмотрим указы, поступившие в 1786 г. из губернского магистрата в Новоторжский городской магистрат. Указы 1-го департамента губернского магистрата сообщают решения Палаты уголовного суда по делам, касающимся новоторжцев (30.09, 03.09), констатируют, что дела решены (19.03), сообщают об утверждении приговора (02.09), передают содержание указов императорских и сенатских (25.03, 29.04, 25.06, 02.09, 09.09, 30.12), причем некоторые из них, например, о назначении г. Державина правителем Тамбовского наместничества, едва ли были необходимы в Новоторжском магистрате и, что еще важнее, должны были поступать в магистрат от ТНП.

Из 2-го департамента губернского магистрата поступило 29 указов. Пять из них не имеют отношения к жизни Торжка и его жителей, они присланы к сведению, что гр. Безбородко должен присутствовать на заседании Совета при Императорском дворе (02.09), что Вотчинная коллегия закрывается (24.04), а штат «водяной коммуникации», наоборот, расширяется (23.07). Кроме того, в них идет речь о невыдаче кредитов А. и Н. Мерлушкиным без согласия их отца – арзамасского купца (12.08), и об обращении в государственные доходы поступлений по ряду сборов (24.09). Указы 2-го департамента требуют также прислать ведомости о решенных и нерешенных делах за 1785 г. (20.04) и о содержащихся под стражей колодниках (09.07), быстрее рассматривать челобитные (12.02), не выдавать паспорта некоторым из жителей города (12.02), выслать жалованье пробирному мастеру (22.10). Этот комплекс указов по количеству и содержанию аналогичен указам, поступившим в Калязин. Еще часть их имеет самое непосредственное отношение к жизни города и горожан, они требуют прислать описи имущества братьев Остолоповых (12.08), объявить о назначенных губернским магистратом днях распродажи с торгов этого имущества, а также ка-

менного дома С. Елизарова (05.02, 10.09); взыскать деньги за использование в процессе решения дела простой бумаги вместо гербовой (14.12); прислать в губернский магистрат горожан для решения дел, поданных на апелляцию (09.03, 10.04, 06.05, 22.06, 25.06, 30.11). Указы сопровождают денежные суммы, полученные от продажи имущества должников (19.10, 20.10, 09.01) и дела, присланные после апелляции для исполнения или дополнительного расследования (24.08, 14.01, 25.02, 04.03, 11.07).

Как видим количество указов, поступивших в 1786 г. в Новоторжский магистрат из губернского, как и в Калязине, резко возросло по сравнению с 1782 г. и даже по сравнению с 1778 г.; заметно сосредоточение большинства из них на проблемах, связанных со следствием и судом, что соответствует законодательно предписанным нормам, однако велико и число указов, не имеющих к судопроизводству никакого отношения. Возрастание количества указов губернского магистрата было обусловлено некоторым расширением его функций, с одной стороны, и увеличением числа дел, в первую очередь вексельных, находящихся в делопроизводстве, – с другой; возвращением функции по контролю за решением дел, вследствие чего ведомости о колодниках снова стали поступать в губернский магистрат. Таким образом, наблюдение за обеспечением правосудия и за судопроизводством, которые были ведущими в деятельности наместника Новгородского и Тверского в 1778 г. и правителя Тверского наместничества в 1778 и 1782 г., теперь сосредоточены в губернском магистрате. Кроме того, реалии жизни сами расставили акценты в распределении обязанностей между управленческими структурами, и, как видим, из губернского магистрата исходят решения о сроках распродажи имущества должников, хотя по Учреждениям о губерниях это входило в компетенцию наместнического правления. Это было достаточно логично, особенно учитывая занятость правления другими вопросами и расширением год от года объема гражданского судопроизводства.

Факт поступления в город через губернский магистрат текстов сенатских указов следует рассматривать как отголосок прежнего положения вещей, при котором все указы поступали в городской магистрат от губернского, и это явление вызывает некоторое недоумение. Нельзя также не отметить, что и указы судебных палат чаще всего теперь поступают в городские магистраты в пересказе губернского, но свидетельствует о выстраивании четкой бюрократической лестницы в рамках губернской системы управления.

В структуре созданных в ходе реформы Екатерины Великой учреждений по управлению губерниями особое место занимала казенная палата. В ней должны были концентрироваться данные о доходах каждого города и уезда и составляться сведения о доходах и расходах губернии. Последние следовало доставлять государст-

венному казначею. Эти новшества явились средством формирования государственного бюджета. Следует, однако, сказать, что соответствующая IX глава Учреждений о губерниях в качестве сборов, которые входят в ведение казенной палаты, называет лишь доходы от соли и вина, что явно свидетельствует о нерешенности в первые годы реформы вопроса об источниках государственного бюджета. Указы, поступившие из этого учреждения в магистраты Калязина и Торжка, позволят внести некоторую ясность в него.

В 1778 г. в Калязинский магистрат из казенной палаты (далее – КП) поступило 17 указов, 15 из них, т.е. практически все, были связаны с вопросами организации поставки и продажи соли в городе, некоторые дублировали указы ТНП. Указы КП извещали о вызове желающих поставлять соль на предстоящий год (28.02), об условиях ее продажи (08.08), требовали найма дополнительных помещений под ее размещение (05.09), запрещали продажу пермской соли (05.09), требовали подготовить сводную годовую ведомость о количестве проданной соли (14.11) и т.д. Кроме того, по одному указу было связано с набором рекрутов и необходимостью произвести в кабаке оценку «кабацких материалов» (бочек, мерников, ведер) перед сменой винных откупщиков (12.09 и 28.12).

В магистрат Торжка всего в 1778 г. поступило 22 указа КП, 11 из них, т.е. половина, были связаны с организацией поставки и продажи соли. Наиболее ранний из указов КП рассматривался в магистрате 5 апреля и содержал текст указа Главной соляной конторы о составлении ведомостей по приложенной к указу форме и о необходимости сообщать сведения о доставке и продаже соли «по части тайного советника Всеволожского». Решение членов магистрата предписывало навести справки и сообщить сведения в два вышестоящие учреждения: в КП и Главную соляную контору, хотя по принципам управления, вводимым Учреждениями о губерниях, магистрат не должен был вступать в переписку с последней⁴⁹. Этот указ, как и решение по нему, свидетельствует о незавершенности процесса перестройки управления с ведомственного, согласно которому ранее по вопросам соляной продажи магистрат мог вести переписку непосредственно с Главной соляной конторой, на территориальное, при котором переписка с центральными учреждениями осуществлялась через ТНП.

В остальных указах содержались требования без задержек принимать соль, поступавшую из Твери (17.07, 30.07); прием соли необходимо было осуществлять по «прежде бывшим указам», содержание которых не раскрывается (7.08, 06.09, 24.09); отправлять часть соли в Вышний Волочок, если там ее будет недоставать (17.09); записывать приход и расход соли и денег в соответствующие книги. В июле было приказано прислать ведомости о соли, оставшейся в городских магазинах и стойках (11.06), в декабре – указ, введивший

особенности расчета за соль по части барона Строганова (19.12). В октябре был прислан указ об условиях приема соли. Его содержание зафиксировано в журнале более подробно, чем содержание других, что позволяет предположить введение им некоторых новшеств. Согласно указу соляные сборщики (выборные от городского общества) должны были принимать соль от поставщиков или их поверенных в присутствии городничего и кого-либо из ратманов магистрата (15.02). В октябре же (15.10) был прислан указ о выборе на 1779 г. соляных голов, ларечных и целовальников для приема, хранения и продажи соли. Месяцем позже при указе были присланы книги для ведения соответствующих записей (14.11).

Четыре указа КП были связаны с организацией продажи вина. Они содержали указания на конкретные имена и фамилии, в отличие от указов о соли. Один предписывал передать кредиторам И. Кутафьева (14.11) деньги, которые причитаются за использование его помещений для хранения вина. Другой указ требовал прислать людей для оценки имущества питейного дома в связи с отдачей продажи вина на откуп Санкт-Петербуржскому купцу И. Антонову (12.09). Два указа требовали освидетельствования и описания имущества О.К. Мамонова, так как оно должно было быть оформлено под залог в связи с вступлением Мамонова в питейный откуп (05.02, 23.02).

Среди других указов КП можно отметить указы о приписке к новоторжскому купечеству раскольника Якова Ильина и взыскании с него недоимок (29.09), об отмене двойного оклада для Л. Ширяева, поскольку он отказался от «раскольнического заблуждения», о необходимости исправить ошибки в ведомости о не бывших на исповеди (22.06). Один из указов требовал прислать ведомости, которые сообщали бы о суммах, выданных на строительство домов погорельцам, уже полученных от них в счет погашения ссуды и об остатке долга с указанием предполагаемых сроков его выплаты, требовалось также сообщить, куда были отосланы взысканные деньги (23.05).

При знакомстве с указами КП, поступившими в Калязинский и Новоторжский магистраты в 1778 г., бросается в глаза абсолютное отсутствие указов, отражающих взыскание подушных денег и процентов с купеческих капиталов и сосредоточенность их на организации доставки и продажи соли и вина, что соответствовало букве Учреждений о губерниях. Нельзя также не заметить малочисленность указов КП, и тот факт, что они дублируют информацию, проходящую и по указам ТНП. Последние два обстоятельства, возможно, объясняются неопределенностью на 1778 г. вопроса о положении КП в системе губернских учреждений. Фразы, свидетельствующие о получении и рассмотрении указа КП, строятся обычно следующим образом: «Слушали по присланному Тверского наместниче-

ства из казенной палаты... указу», что позволяет думать, что КП в это время фактически являлась не самостоятельным учреждением, а структурной частью ТНП⁵⁰. Содержание указов ТНП позволяет думать, что в 1778 г. это учреждение не было «местным отделением» всех центральных финансовых коллегий, но являлось таковым по отношению, например, к Главной соляной канторе. Отсутствие указов о ходе сбора подушных денег и процентных с купечества едва ли можно объяснить отсутствием проблем с их сбором. Видимо объяснения содержатся в известных из анализа отдельных категорий дел магистратского делопроизводства фактах о передаче окладных сборов городскими старостами непосредственно в уездное казначейство. Переписка о неплательщиках согласно положениям Учреждений о губерниях должна была вестись между КП и нижним земским судом, не предполагалось привлекать магистрат или городничего к взысканию недоимок⁵¹. Устав благочиния или полицейский также этого не предусматривал, однако анализ различных категорий документации магистратов и городнических правлений свидетельствует о тесном взаимодействии этих учреждений по данному вопросу в последующие годы. О причастности магистратов к сбору окладных налогов говорят также записи в журнале заседаний магистрата г. Торжка за 1782 г.

В 1782 г. в Калязинский магистрат поступило лишь 11 указов казенной палаты, часть из них, как и раньше, была связана с организацией поставки и продажи соли, причем они позволяют увидеть становление новой системы соляной продажи, основанной не на службе – повинности по выбору от городского общества, а на условиях вольного найма к продаже соли под присмотром государственного служащего – соляного пристава. Указ, поступивший 3 февраля, предписывал объявить торги на подряд по доставке соли (03.02); один указ утверждал кандидатов, *нанятых* обществом на должности соляных сидельцев (02.03), а другой – чуть позже объявил «о недопуске» магистратских соляных сидельцев к должности (30.06). При одном из указов были возвращены после ревизии магистратские книги (22.06), а при другом – книги соляной продажи (24.12). Авторами одного из указов стали казенная палата «обще с городничим», он подтверждал необходимость ежемесячно присылать в КП ведомости о соли и деньгах (05.01).

Четыре указа отражали контроль КП за продажей вина и доходами от этой монополии. 26 мая пришел указ КП, извещавший о сроках торгов по отдаче на откуп питейных сборов назначены на 1 мая, а 1 сентября – о необходимости подыскать желающих к работе в винных магазинах. Указ, поступивший 26 ноября, предписывал «заклеймить» сделанные для винных магазинов бочки, ведра и мерники в присутствии винного пристава, городничего и членов магистрата. 12 декабря КП требовала представить людей к оценке

имущества питейных домов в связи со сменой питейных откупщиков. В этот же день пришел еще один указ, который торопил с присылкой рекрута. Как видим, при сокращении численности указов, поступивших из КП, круг вопросов, входивших в совместное ведение казенной палаты и магистратов, не изменился.

Проблематика указов КП, зафиксированных в журнале Торжка за 1782 г., значительно шире. Один сопровождал ревизованные казенной палатой приходно-расходные книги (20.06), другой требовал сообщить, какое количество денег, собранных в счет погашения ссуды погорельцам, отправлено в Коммерц-коллегию, в банки, в уездное казначейство и сколько «остается в недоимке» (31.05). Суть данного указа становится ясной лишь в комплексе всех записей журнала. Деньги, выданные в виде государственной ссуды погорельцам, возвращались в разные годы в разные инстанции: Коммерц-коллегию, Дворянский и Коммерческий банки, а с 1782 г. – в уездное казначейство, что, несомненно, свидетельствует об успехах в развитии новых принципов управления. Указ, рассмотренный 29 декабря, сообщает о «сложении начетных денег» (штрафа. – *Н.С.*) с соляных сборщиков 1776–1781 гг. в связи с манифестом об амнистии от 7 августа. Начеты составили 232 руб. 34 коп. При этом указе были также присланы ревизованные приходно-расходные книги магистрата.

В 1782 г. началась перестройка системы продажи соли и вина в соответствии с новыми законами, что нашло отражение во многих документах, поступивших в магистрат, и в том числе в указах КП. Два из них требуют найти надежных людей на работу при винном магазине за умеренную, в 40 руб., плату (07.04, 05.09), причем во втором правление предлагает объяснять горожанам преимущества новой системы организации продажи вина: судя по записи в журнале, важнейшее заключалось в том, что работники будут находиться в родном городе под защитой и покровительством казенной палаты, которая будет «доставлять подчиненным своим всякое законное удовлетворение и помощь». Из справки по этому указу известно, что работники уже наняты, но они не согласны работать за 40 руб. в год, решение, принятое членами магистрата, предписывает найти их и снова попробовать договориться о прежней сумме. На случай, если они не согласятся, решение предусматривало поискать замену им через городничего, который должен объявить горожанам о поиске работников в винные магазины. В первый раз, в апреле, желающих также искали через городничего, но апрельское решение предписывало, чтобы «желающие из здешнего гражданства явились в магистрат», а в решении по второму, сентябрьскому, указу оговорки о поиске желающих именно среди граждан нет.

Аналогичная ситуация сложилась в 1782 г. и по поводу продажи соли: указ, рассмотренный 7 марта, требует уговорить нанятых со-

льных сидельцев «ко взятию умеренной цены против губернского города Твери – по пятьдесят рублей – и, если оные сей цены взять не согласятся, то нанять других, к тому желающих людей». Из справки известно, что нанятые лица просят зарплату в 59 руб. 75 коп. каждому, решение требует найти этих людей и «каждого порознь ко взятию за служение свое умеренной цены против губернского города склонить всемерно».

Ситуация с организацией продажи вина и соли на новых основах свидетельствует, что новоторжцы не слишком торопились расстаться с одной из обременительных, как принято считать, повинностей; они явно стремились оставить эту сферу под контролем членов городского общества.

При том что продажа вина и соли теперь проводилась согласно новому законодательству, поставки того и другого, как и раньше, должны были осуществляться через систему откупов и подрядов, и два указа КП, поступившие 8 февраля, требовали объявить горожанам о торгах на поставку этих товаров.

Два указа КП (01.02, 07.01) свидетельствуют, что это учреждение следило за казенными строениями и заключало разного рода контракты и подряды. Они требовали прислать И. Черноусова, В. Ускова, Г. Пономарева и И. Агафонова – известных в округе строителей для участия в торгах на получение подряда для строительства каменного путевого дворца в с. Медное. Никто из них не стремился принять участие в новой стройке, об этом весьма убедительно говорит содержание справки по поводу первого из указов. Она сообщает, что Черноусова и Ускова найти не удалось, их жены утверждали, что мужья больны, ехать не могут и торговаться «за болезнью» не желают. Кроме того справка сообщает, что Пономарев и Агафонов не значатся в материалах третьей ревизии и после нее также не записывались в число горожан. 7 января, когда был получен второй указ, членам магистрата было совершенно ясно, что никто из этих людей в торгах добровольно участвовать не будет, поэтому повторное решение о сыске и высылке их в КП имело существенную оговорку, «если сыщут».

Три указа КП, поступившие в Торжок, связаны с проведением в 1782 г. четвертой ревизии и сбором окладных налогов. Они свидетельствуют о пристальном внимании к правовому положению в городах крестьян и крепостных, принадлежащих горожанам, их финансовым расчетам с государством и с местами их прежнего проживания. Указ, присланный 21 марта, требует взыскания рекрутских денег «с живущих при городе Торжке крепостных купецких работников двенадцати душ». Указ, поступивший 11 апреля, велит навести справки о 38 крестьянах, «счисляющихся по городу Торжку в 50 копеечном окладе: из какового рода крестьян в числе купечествующих находятся и числятся ль они в первобытном состоянии и по то-

му состоянию платиться ли за них семигривенный сбор и другие государственные подати?» Октябрьский указ требует сведения о наличии у крестьян экономического ведомства домов в городе, а также об их промыслах и добропорядочности (28.10)⁵².

Как видим, в 1782 г. численность указов казенной палаты снижается, причем в обоих городах⁵³. Чрезвычайно интересным является тот факт, что в переписке КП и магистратов наконец появляется вопрос об организации взысканий подушной подати, сборов за занятия торговлей и промыслами и другие вопросы налогообложения, что несомненно свидетельствует о централизации этих сведений на уровне губерний. Из КП они поступали в сенатскую Экспедицию государственных доходов, и это создавало предпосылки для формирования в стране государственного бюджета. Сокращение численности указов казенной палаты в 1778–1782 гг. вызвано неопределенностью ее положения в системе губернских учреждений и незавершенностью процесса передачи учета сбора подушных податей и процентов с купеческих капиталов, а также организации соляной и винной продажи в ведение этой структуры. Через некоторое время после издания уставов о вине и соли и в связи с ликвидацией Камер-коллегии⁵⁴, деятельность КП активизируется, ее компетенция приобретает более определенный характер, что видно по записям журналов за 1786 г.: сосредоточение в КП сведений об окладных доходах и расходах становится еще заметней.

В Калязинский магистрат в этот год поступило 8 указов КП. Три из них связаны с уточнением численности купцов и мещан на 1786 г. и свидетельствуют о пристальном контроле КП за сведениями, которые поступали из Калязина. Указы извещали, что «прежде бывшие калязинские мещане» братья Прянишниковы на 1786 г. причислены в калязинское купечество (13.05), что следует получить в уездном казначействе 50 руб. 20 коп. – проценты с прибыльной суммы «для отдачи в калязинское общество» (19.03); требовали сообщить, кто именно из горожан выбыл в приказной чин и в какое именно учреждение(01.02)⁵⁵, куда именно выбыли 6 душ, которые были показаны как «выбылые» в ведомости о купечестве и мещанстве на 1786 г.⁵⁶; доставить ведомости «о числе состоящих в ведомстве магистратов для проверки покупщикам соли кулями и в розницу гирях, коромыслах и чашах» (19.03)⁵⁷, отправить оценщиков для оценки имущества питейных домов (23.12), взять объяснение от членов магистрата, почему место под винный магазин отведено в «дальнем разстоянии» (05.11); сопровождали приходно-расходные книги и документы магистрата после завершения ревизии (09.07).

Из 16 указов Тверской казенной палаты, поступивших в 1786 г. в Новоторжский магистрат, 9 были связаны с уточнением списка купцов и мещан города, а значит, суммы, которая должна была по-

ступить в доход государству. Указы, поступившие 9 и 13 февраля, дублируют друг друга, требуя сведений, кто именно выбыл из «купечества и мещанства». Согласно указу, рассмотренному 4 июня, требовалось искать четырех человек, выходцев из Польши, записанных в новоторжское мещанство, но сбежавших из города. Кроме того, было предписано впредь взимать по 1 руб. 20 коп. с мещан, которые раньше платили по 50 коп.

Указы КП сопровождали присланные после ревизии приходные и расходные книги за 1785 г. (30.06); сообщали, что 175 руб. 64 коп. процентных денег от продажи вина за 1785 г. переданы в уездное казначейство для использования их на городские нужды⁵⁸ (18.03); указывали на необходимость освидетельствования инвентаря соляных магазинов⁵⁹ и выделения людей для оценки имущества казенных питейных домов в связи со сменой откупщиков (21.12), завершением расчетов с государством по соляной продаже за 1774 г. (08.01, 30.01), присылки купца Я. Грузинцева для проведения повторных торгов на подряд по строительству в Торжке двух соляных магазинов (11.03).

Таким образом, главный предмет переписки магистратов с КП постепенно меняется, на первое место выходят так называемые окладные сборы: подушные деньги и процентные с объявленных капиталов. Эта тема, будучи лишь обозначенной в переписке магистрата и КП 1782 г., в 1786 г. занимает в ней едва ли не самое важное место. Главный вопрос – об уточнении численности податного городского населения, а также особенностей финансового и правового положения отдельных его категорий. Переписка по поводу доходов от продажи вина и соли в делопроизводстве магистратов исчезает, поскольку эта сфера деятельности становится предметом для общения между КП и казенными приставами. Компетенция КП по записям журналов Новоторжского и Калязинского магистратов за 1786 г. производит впечатление более определенной, чем ранее, и очерчивается вполне отчетливо.

Судя по полученным данным, к 1786 г. наконец произошел качественный скачок в формировании единого государственного бюджета, под контроль КП перешел главнейший источник пополнения государственной казны – сбор подушной подати, который с момента введения при Петре I был в ведении силовых ведомств (Военной и Адмиралтейской коллегий). Кроме того, сосредоточение сведений финансового характера в казенных палатах позволило в течение 80-х годов ликвидировать одно за другим центральные финансовые учреждения: Штат-контор-коллегию в 1780 г., Главную соляную контору в 1783 г., Камер-коллегию в 1784 г., Ревизион-коллегию в 1788 г. Следствием всего этого стало представление императрице в 1787 г. (впервые в истории страны) бюджета, составленного генерал-прокурором А.А. Вяземским. На его состав-

ление ушло 16 лет, и реформа местного управления была важнейшим этапом на пути к нему. В процессе ее проведения в казенных палатах были сконцентрированы сведения не только о доходах, поступающих с населения и из других источников, но также о необходимых местных расходах. В казенные палаты и подчиненные им уездные казначейства стали стекаться и сами денежные средства, что также было необходимо для становления государственного бюджета.

Записи журналов заседаний 1778 г. позволяют говорить о существовании и функционировании лишь трех структур губернского уровня: Губернского магистрата, казенной палаты, Тверского наместнического правления. Об указах последнего подробно пойдет речь в следующем разделе работы. В последующие годы в городские магистраты стали поступать документы от других губернских учреждений, введенных законодательством Екатерины II, что можно рассматривать как показатель некоторых успехов реформы. Сразу следует сказать, что в Калязинский магистрат в 1782 г. поступали документы лишь от тех вышестоящих структур, о которых мы уже говорили, т.е. количество его корреспондентов не изменилось. Возможно, это было обусловлено патриархальностью образа жизни калязинцев и с точки зрения Палаты гражданского суда в Калязин, в отличие от Торжка, не было смысла посылать указ, предписывавший проводить расспросы по делам о разделе имущества и по сделкам на имущество в магистрате, не отсылая людей во 2-й департамент губернского магистрата (11.11). Кроме того, в 1782 г. в Новоторжский магистрат поступили шесть «предложений» из Приказа общественного призрения. Пять из них были составлены по конкретным обстоятельствам, они сопровождали в город лиц, отбывших наказание в работном доме за кражи и пьянство (11.04, 18.04, 27.05, 9.08, 10.11); в одном требовали прислать сведения о делах, внесенных на апелляцию, и о сборах за перенос дела в вышестоящую судебную инстанцию, одновременно требовалось ответить, почему эти деньги не присланы в Приказ «к отдаче в проценты» (23.09). Все эти указы являются следствием достаточно высокого уровня развития процессов урбанизации в Торжке и понимания чиновниками, что вести подобную переписку с Калязинским магистратом нет необходимости. «Предложение» Тверского совестного суда, поступившее в Новоторжский магистрат в 1782 г., требовало прислать двух новоторжских жителей для решения их спора по поводу земли в городских нивах (16.02). Кроме того, в Торжок поступила промемория Тверской духовной консистории, благословлявшая горожан на строительство кладбищенской церкви на общественные деньги (05.03).

Однако в 1786 г. и в Калязинский магистрат стали поступать документы судебных палат и других губернских структур, т.е. и

здесь число авторов указов увеличилось. Но в Калязине этот процесс заметен гораздо слабее, чем в Торжке. В Калязин поступило лишь по одному указу из каждой судебной палаты, причем среди указов, присланных из этих палат в Новоторжский магистрат, мы не находим их аналогов. Указ Палаты гражданского суда, рассмотренный в Калязине 20 мая, подтверждал необходимость присылать ежемесячные ведомости о проданных и заложенных имениях и о поручителях по судным делам и одновременно требовал объяснить, почему более раннее распоряжение об этом не выполнялось⁶⁰. Указ Палаты уголовного суда требовал допросить А. Плюхина по делу, связанному с винными откупами и разногласиями между откупщиком винных сборов и винным приставом (30.12). Магистрат Торжка также вел с этими учреждениями более активную переписку.

Указы Палаты уголовного суда, поступившие в этот год в Новоторжский магистрат, были связаны с расследованием дел о злоупотреблениях казначея Безобразова и бухгалтера Трутнева (08.06, 26.06, 21.10), а также соляного пристава Ехгарда (09.07, 10.07, 28.07), и требовали присылки текстов допросов горожан в связи с ними. В указах содержались вопросы, на которые следовало дать ответы в ходе допросов. У содержателя винной лавки Жулина, например, требовалось взять ответы на целый ряд пунктов, которые позволяли получить представление о поведении казначея и бухгалтера в его лавке, в частности, бывали ли они пьяны, о чем говорили. Указы Палаты гражданского суда также требовали прислать тексты допросов (31.08) или вызывали представителей спорящих сторон на заседания этой палаты (06.04).

Из Приказа общественного призрения в Калязин поступили два «предложения», а в Торжок – лишь три. Поступившие в Калязин сообщают, что из магистрата получены 10 руб. штрафа за неотсылку в положенный срок ведомости (04.02) и 56 коп. за вещи, которые А. Усов заложил в питейном доме за взятые напитки (05.08). «Предложения», поступившее в Новоторжский магистрат, сообщают, что содержащийся за дурное поведение в смирительном доме Т. Чернышев отдан под расписку тверскому мещанину П. Хрыпову (21.01) для доставления в город, сопровождают лиц, отбывших наказание в смирительном или работном доме (30.07, 17.09)⁶¹. Как видим, в Калязин не поступало «предложений» Приказа общественного призрения, которые сопровождали лиц, отбывших наказание, но это происходило не потому, что их не было, а потому, что в Калязин они отправлялись к городничему, а уже оттуда поступали в магистрат⁶². Однако нельзя не заметить, что и в Торжок подобных сопроводительных указов в 1786 г. поступило меньше, чем в 1782 г., скорее всего, потому что и там эта сфера деятельности теперь осуществлялась через городничего.

Промемория Тверской духовной консистории, поступившая в Торжок, сообщала об увольнении сына дьячка из духовного ведомства для записи его в новоторжское мещанство (07.09)⁶³.

Проведенное по записям журналов заседаний магистратов исследование содержания документов, поступивших из вышестоящих структур в городские магистраты Калязина и Торжка, позволяет выделить этапы реформы и механизм ее осуществления. Полученные данные свидетельствуют, что в 1778 г. магистраты были интегрированы как в новую, еще формирующуюся территориальную систему управления, сфокусированную на ТНП и других губернских учреждениях, так и в вертикально ориентированную, ликвидация которой уже была запланирована властями. В материалах Новоторжского магистрата эта ситуация прослеживается более отчетливо, чем в материалах Калязинского. Так, в 1778 г. в Новоторжский магистрат поступило восемь указов из центральных учреждений, а в Калязинский – три. О готовящейся ликвидации ведомственной системы управления свидетельствует введение новой система документооборота: Учреждения о губерниях и указы ТНП требовали, чтобы контакты магистрата со всеми учреждениями вышестоящего уровня осуществлялись через ТНП. Положения Учреждений о губерниях были подтверждены указом 22 января 1779 г., который запрещал всем центральным учреждениям распоряжаться чем-либо на территориях наместничеств⁶⁴. И только после этого в делопроизводстве магистратов исчезают указы этих учреждений.

Интеграция магистратов одновременно в две системы управления выражалась и в дублировании поступавшей информации. Напомним, что в 1778 г. значительная часть указов Тверского наместнического правления, пересказывала содержание указов тех учреждений, переписка с которыми должна была быть прекращена: Главной соляной конторой, Камер-коллегией, Московским и Санкт-Петербургским банками, в то время как указы аналогичного содержания поступали и из самих этих учреждений. Это обстоятельство свидетельствует о стремлении властей сделать ТНП посредником в передаче информации, сконцентрировать документационные потоки и распорядительные функции в этом учреждении. Аналогичную роль посредника, осуществлявшего в начальный период реформы связи между регионом и структурами центрального управления, а также между Тверским регионом и окружающими территориями, осуществляли наместник Новгородский и Тверской и правитель Тверского наместничества. Постепенное укрепление губернских структур управления, введенных Учреждениями о губерниях, привело к сокращению численности «предложений», поступающих от них в магистраты.

О сосуществовании в 1778 г. двух тенденций в управлении губернией, несомненно, свидетельствует и факт дублирования информа-

ции, поступавшей в магистрат из различных губернских структур. Указы, которые касались хода следственных дел и требовали доставки ведомостей о колодниках, количестве решенных и нерешенных дел, поступали в магистраты как из ТНП, так и из губернского магистрата – местного учреждения Главного магистрата, а указы, связанные с поставкой и продажей соли, – и из ТНП, и из казенной палаты, являвшейся местным отделением финансовых структур.

Все это свидетельствует, что перестройка системы управления и внедрение нового принципа управления, начатые в 1775 г., проходили медленно. Однако в 1782 г. уже видны успехи в этом направлении, показателем чего служит прежде всего полное исчезновение в журналах записей содержания указов центральных учреждений. Таким образом, факт децентрализации управления в том смысле, что «система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху», перестала быть проводником централизма⁶⁵, очевиден. Некоторые из центральных учреждений еще существовали, как, например, Главная соляная контора, но деятельность по организации доставки соли, продажи вина и соли и сбора доходов от этих государственных монополий на территориях, где действовали Учреждения о губерниях, уже была сосредоточена к этому времени в казенных палатах, что и сделало возможной ликвидацию соляного ведомства в 1783 г.⁶⁶ В русле исследуемой темы чрезвычайно важным является вывод о том, что процесс передачи соляного дела из ведения Главной соляной канторы в ведение казенных палат в качестве точки опоры имел городские магистраты. Аналогичным образом, в значительной мере с опорой на магистраты, происходило сосредоточение контроля казенной палаты над собираемыми подушными и прочими сборами. Точка зрения О.А. Омельченко, что проводником политики Екатерины Великой являлись не ведомства, подтверждается результатами нашего исследования. Они позволяют утверждать, что эту функцию осуществляли чиновники вновь созданных губернских и городских структур, а также сохраненных в ходе реформы учреждений, одним из которых были магистраты.

Соглашаясь с мнением А.Б. Каменского, что Екатерина создавала Учреждения о губерниях в рамках теории полицейского государства, согласно которой власть на местах должна быть «единообразной, унифицированной и направленной на то, чтобы каждая клеточка обширной территории и каждый ее обитатель находились под неусыпным контролем правительственного чиновника»⁶⁷, мы тем не менее не можем согласиться с точкой зрения О.А. Омельченко и А.Б. Каменского о том, что «смысл и задача централизма оставались неизменными»⁶⁸.

Число местных учреждений и чиновников существенно увеличилось⁶⁹, и это способствовало усилению контроля правительства, однако, нельзя не учитывать той серьезной разницы между контро-

лем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше он осуществлялся из Москвы и Петербурга целым рядом учреждений, то теперь – из губернского центра, причем губернии гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. И в этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что власть была приближена к населению, и что это отвечало его интересам⁷⁰. Контроль лучше, чем хаос и злоупотребления. И нельзя не согласиться с теми, кто констатирует факт сосредоточения власти в руках губернаторов, считая, что «лишь он отвечал за губернию перед Сенатом и императрицей». Английская исследовательница видит в такой централизации некоторый положительный момент, поскольку «центральная власть, по крайней мере теоретически, приобрела более прямой контроль над местной администрацией, чем раньше»⁷¹ (когда местные структуры, были подчинены различным центральным учреждениям. – Н.С.). Однако ее интерпретация в принципе близка к мнению Омельченко и Каменского о неизменности смысла и задачи централизма, в то время как ситуация, на наш взгляд, изменилась более существенно. Возвращаясь к теории полицейского государства и мнению А.Б. Каменского о том, что императрица действовала в рамках этой теории, предполагавшей жесткий контроль на местными структурами, добавим, что в рамках столь большого государства, как Россия, он тем более был нужен. Но именно в рамках столь огромного государства нельзя было осуществлять плодотворный контроль из центра, что, собственно, и поняла Екатерина II и что попыталась исправить в существовавший на тот период действительности. То есть в данном случае она выступает как гениальный тактик, понимающий, что искусство политики в компромиссе, в том числе между идеей полицейского государства и реальностью жизни России.

Изучение записей журналов заседаний показало, что в течение исследуемого десятилетия углубление реформы происходило и в рамках самой губернии. Свидетельством тому является не только постепенное сосредоточение значительной доли власти центральных учреждений в руках ТНП, но и то обстоятельство, что круг губернских структур, с которыми магистраты вели переписку, постепенно расширился. В 1786 г. среди адресатов магистрата были уже не только правитель наместничества, ТНП, КП, губернский магистрат, как в 1778 г., но также Приказ общественного призрения, судебные палаты и другие губернские структуры. В разделении функций между учреждениями вновь создаваемой системы успехи тоже были очевидны, об этом позволяет говорить исчезновение уже в 1782 г. фактов дублирования содержания указов казенной палаты и губернского магистрата указами Тверского наместнического правления. Анализ данной ситуации приводит к выводу, что в 1782 г.

представление об иерархии региональных структур управления и о порядке их переписки вполне сформировалось и укрепилось в практике, еще более оно укрепилось в 1786 г. И это обстоятельство помогает нам увидеть еще один аспект механизма проведения реформы и цели преобразований.

Максимальная концентрация нитей управления в руках наместников и правителей наместничеств-губерний в 1778 г., в Тверском наместническом правлении в 1782 г. сменяется курсом на активное становление всех других губернских структур: казенной палаты, Приказа общественного призрения, губернского магистрата. На примере анализа переписки городских магистратов с губернским это особенно заметно. Сокращение численности указов губернского магистрата к 1782 г. является следствием сокращения его компетенции, что было, в свою очередь, результатом внедрения принципа разделения властей на местном уровне и передачи ряда вопросов в другие местные структуры, например, соляной продажи в ведение КП. В 1786 г. численность указов губернского магистрата снова возрастает, причем среди них явно преобладают те, что связаны с выполнением магистратом закрепленных новым законодательством функций – судебных. И это следует расценивать как яркий показатель успехов реформ. Как видим, на втором этапе проведения реформы закладывается основа для регионального управления, сочетающегося с элементами отраслевого управления, в конечном итоге сконцентрированного на губернском правлении. Это, вне всяких сомнений, способствовало консолидации населения региона как в пределах каждого отдельного города, так и в рамках более крупного субъекта – губернии.

В существующих оценках проведенных Екатериной преобразований недоучитывается тот факт, что ликвидация ведомственного управления была важнейшим, а возможно, единственно верным шагом на пути окончательного преодоления расчлененности населения каждого из регионов России, особенно городского, в силу того, что оно было подведомственно различным центральным учреждениям. Процесс консолидации населения и тенденция к возрождению территориальных сообществ отчетливо были выражены и в правление Петра I, но наибольшие успехи в этом направлении были связаны с именем Екатерины Великой и ее реформой управления⁷².

Рассмотренный материал позволяет проследить и другую сторону механизма проведения едва ли не самой крупномасштабной реформы дооктябрьского периода. Как видим, она начиналась с создания новых структур управления и управленческих связей при сохранении большинства старых, и только после того как новые связи были налажены, старые уничтожались. Это обеспечивало стабильность управления даже в условиях серьезной перестройки. В ходе осуществления реформы управления в старинных городах

старые и новые управленческие связи были сконцентрированы в магистратах, именно они являлись теми учреждениями, которые обеспечили стабильность жизни городов и горожан в условиях серьезнейших перемен в системе управления.

Тверское наместническое правление и его роль в управлении городами

Чтобы определиться с вопросом о смысле и цели проведенной Екатериной II реформы, следует более детально проанализировать указы Тверского наместнического правления, поступившие в городские магистраты в первое десятилетие реформы. Для этого воспользуемся тестами журналов заседаний магистратов Торжка и Калязина за 1778, 1782 и 1786 г., которые кратко излагают содержание поступивших указов и решения по ним⁷³. Среди них имеет смысл выделить три комплекса. В первый входят указы, которые прошли через ТНП как одну из инстанций по «публикации» законов, т.е. доведения их до сведения чиновников и народных масс; указы второго комплекса составлялись, видимо, в ТНП и были предназначены для нескольких или даже всех магистратов, а в ряде случаев для всех судебных учреждений, а иногда для всех присутственных мест губернии; указы третьего комплекса составлялись в ТНП в связи с жизнью того или иного города и его жителей, их можно обозначить как эксклюзивные.

Указы, предназначенные для всех магистратов, а иногда и для всех учреждений губернии или даже страны, легко выделяются при сравнительном изучении журналов нескольких магистратов за один и тот же год. Отличительной чертой этих указов является синхронность их поступления в магистраты различных городов (так, например, в Торжок и Калязин указы поступали обычно с разницей в один-два дня, причем в Торжок обычно раньше, чем в Калязин⁷⁴). Учитывая это обстоятельство, при рассмотрении указов в скобках будем фиксировать лишь дату поступления каждого из них в Калязинский магистрат⁷⁵, в необходимых случаях делая оговорки.

Что касается первой группы, то необходимо сразу сказать, что численность и состав указов, отнесенных к ней по журналу Торжка за 1778 г., абсолютно совпали с численностью и содержанием аналогичной группы указов, поступивших в этот год в Калязинский магистрат. Всего их 13 указов, они пересказывают сенатские или императорские указы, либо являются сопроводительными письмами к их печатным экземплярам. К сожалению, характер записей не всегда сообщает об автора, но сам факт, что документ, поступивший из ТНП, имеет приложение в виде печатных экземпляров, свидетельствует, что он является сопроводительным документом к указу, присланному из столицы.

Указ о правилах табачной торговли был разослан из ТНП по городам в одном экземпляре (07.11), указ о прибавке прогонных денег – в двух (01.08), а указ о правилах заморской торговли – в десяти (10.10). Сенатский указ о межевании был, видимо, разослан в виде рукописных копий, его пересказ в новоторжском журнале содержит указание на то, что он составлен на основании сенатского. Некоторые сенатские или именные указы можно вычленить, лишь изучив их содержание. Указ о наборе рекрутов, рассмотренный в Калязинском магистрате 24 сентября, скорее всего, имел приложение в виде печатных экземпляров с именного либо являлся его рукописной копией, поскольку о начале компании по набору рекрутов ежегодно извещалось именными указами. Текст журналов Калязинского магистрата не содержит указания на его происхождение. Однако из журнала Торжка мы узнаем, что это был именной указ и что он поступил в город в шести экземплярах, и, что не может не обратить на себя внимание, указы поступили в оба города в один и тот же день.

Содержание этой категории указов свидетельствует, что иногда они присылались лишь для сведения и не имели к городу практически никакого отношения. В их числе, например, указы об открытии присутственных мест в Полоцке (26.09), об организации работы маклеров в портовых городах, о переводе с. Жиздры Калужской губернии в разряд городов (04.10).

Среди поступивших в магистраты в этом году есть указ губернаторам о составлении топографических описаний вверенных им губерний (22.02), с объявлением о новом наборе учениц в «общество благородных девиц» с апреля 1779 г., о праздновании дня рождения Александра Павловича (18.07) и др.⁷⁶ В общей сложности к указам, которые были присланы в 1778 г. в ТНП из вышестоящих учреждений, а затем пересланы в магистраты, можно отнести 13 указов. В Калязине это составляет около 18,3% от численности указов ТНП, поступивших в магистрат в течение 1778 г., 11,71% от общей численности указов и 4,3% от общего числа рассмотренных там вопросов и документов. В документообороте Торжка эти 13 указов составляют примерно 15,47% от численности указов ТНП, поступивших в магистрат Торжка, 8,72% от общего числа указов и 1,96% от общего числа рассмотренных в нем документов и вопросов.

В 1782 г. в Торжке, как и в Калязине, численность указов, которые пересказывали указы Сената или императорские, либо имели печатные их приложения, возросла (в Калязине с 13 до 33, а в Торжке до 39), увеличилась и их доля в массе указов, поступивших из ТНП. Это было обусловлено интенсивной законодательской деятельностью, осуществляемой Екатериной II во второй половине 1781 г. и в 1782 г. В этот период были изданы важные для проводимой тогда реформы управления законодательные акты: Наставле-

ние уездным казначеям⁷⁷, указ о создании при казенных палатах особых экспедиций для освидетельствования счетов⁷⁸, Устав благочиния или полицейский⁷⁹, Уставы о вине и соли⁸⁰, законы о предоставлении дворянам права владения лесами и недрами на территории их дач⁸¹ и др. Особенностью комплекса указов за 1782 г. является наличие в нем законов правозащитного характера. Кроме уже упомянутых, введших право собственности помещиков на леса и недра, к ним следует отнести указ об отмене двойной подати с раскольников, об амнистии в связи с открытием монумента Петру I. В 1782 г. было проведено крупномасштабное мероприятие – четвертая ревизия – и в ходе ее были изменены существовавшие ранее правила записи в мещанство⁸².

Тексты этих и других законодательных актов поступали в магистраты в конце 1781 и на протяжении 1782 г. обычно в виде приложений (печатных или рукописных) к указам ТНП. Записи в новоторжском журнале как и в 1778 г., в отличие от калязинского, фиксируют эти обстоятельства, что свидетельствует о более высоком уровне делопроизводственной культуры канцелярских служащих местного магистрата. Включение в состав записи журнала сведений о печатных приложениях к указам ТНП было отчасти обусловлено необходимостью продавать экземпляры указов, а вырученные деньги отправлять в Приказ общественного призрения.

Отличительной особенностью жизненных реалий 1782 г. является многочисленность по сравнению с 1778 г. типографских копий императорских и сенатских указов. В Торжок поступало от 1 до 20 копий. Указ о начале новой ревизии поступил в 10 экземплярах, о наборе рекрутов – в 6, Устав о соли – в 20, о правилах перевода ревизских душ из уезда в уезд и из губернии в губернию – в 15. В одном экземпляре поступили указы об амнистии, правилах почтовых перевозок и разделении почты на легкую и тяжелую, о передаче в собственность помещиков богатств недр и лесов, находящихся на их территории, и др.

Известно также, что в Калязинский магистрат поступило 5 экземпляров Устава о вине (28.02), 20 экземпляров указа с тарифами (05.12). Относительно других указов эти сведения не сообщаются, однако отмечается, что в присланном из ТНП указе изложено содержание именованного или сенатского указов. Именно таким образом, в пересказе ТНП, поступили в магистрат указы о правилах почтовых перевозок и разделении почты на легкую и тяжелую (14.04), о передаче в собственность помещиков лесов, находящихся на их территории (31.10), богатств недр (01.09) и др. В ряде случаев журнал не дает ссылок на приложения или пересказ текстов указов вышестоящих учреждений, но содержание записей не оставляет в этом никаких сомнений. Именно с целью тиражирования и доведения до населения информации были присланы указы о начале ревизии

(19.01) и ее завершении (26.05), указы, регулировавшие процесс проведения переписи и разъяснявшие некоторые нюансы законодательства о записи в мещанство тех или иных категорий населения, указы, сопровождавшие форму перечневой ведомости, которая должна была отражать результаты ревизии (02.03), указ об амнистии по случаю открытия памятника Петру I (01.09). Тексты этих указов включены в Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ) за конец 1781 – 1782 г.⁸³ К категории указов, присланных из Сената, относится, видимо, и указ о назначении Я.А. Брюса наместником Новгородским и Тверским, хотя текст его пересказа в журнале не дает ссылки на этот факт, а в ПСЗ его текст не содержится.

Резолюции по поводу большинства поступивших сенатских указов были весьма традиционны: как и в прежние годы они предписывали «хранить указ с прочими», передать его текст городовому старосте, «чинить исполнение» по указу, отрапортовать о его получении. Однако в решениях Новоторжского магистрата иногда содержится фраза о внесении указа «в книгу общих законов к новому учреждению относящихся». Такой пункт есть в резолюции по поводу Устава благочиния, устава о вине, о соли, законов о лесах в помещичьих дачах, о новых тарифах и др.

Следует отметить, что между указами, зафиксированными в 1782 г. в журналах Калязинского и Новоторжского магистратов, нет столь абсолютного тождества, которое отмечалось в 1778 г. Абсолютно тождественными и бесспорно относящимися к данной группе указов (транслирующих властные распоряжения верховной и высшей власти через ТНП) являются 33 указа. Кроме того, в журнале Торжка зафиксировано содержание еще 6 указов, которые относятся к этой же группе, но при этом не зафиксированы в журнале Калязина: о содержании дорог между «округами» и губернскими центрами (29.11), об учреждении в городах банковских контор для «вымена государственных ассигнаций» (17.10), о назначении нового наместника Орловского наместничества (06.09), об изменении границ Тамбовской губернии и два указа по поводу векселей и должников крупного масштаба (19.01, 31.08).

Таким образом, в журнале Калязинского магистрата за 1782 г. мы можем насчитать 33 указа, а в журнале Новоторжского – 39, которые выявляют транслирующую роль ТНП во взаимоотношениях его с городским населением через магистрат. Как и в 1778 г., часть этих указов не имеет к данным городам ни малейшего отношения: об открытии Тобольского наместничества, об увольнении правителя Орловского наместничества, «об уничтожении публичной экспедиции при коллегии иностранных дел» и др. Рассматриваемая группа указов составляет 27, 73% от 119 указов, поступивших в Калязинский магистрат из ТНП, 24,08% от общей чис-

ленности указов, поступивших туда, и 7% от общего числа рассмотренных там вопросов и документов. В Торжке 39 указов составляют 18,84% от числа указов ТНП, 15,05% от общего числа поступивших туда указов и 5,79 от общего числа рассмотренных там вопросов и документов.

Увеличение абсолютной численности и процентного выражения реально новых и имеющих важное значение указов было связано с изданием в 1781–1782 гг. целого ряда важнейших законодательных актов, в том числе непосредственно связанных с городами и горожанами, а также с проведением такого крупномасштабного мероприятия, как перепись населения. В 1785–1789 гг. таких указов было меньше, и это стало одной из причин сокращения численности первой группы указов.

В 1786 г. в Калязинский магистрат поступило 16 указов ТНП, которые представляют собой пересказ сенатских и императорских указов. Дважды поступали указы, сообщающие о рождении великой княжны Марии Павловны (18.02, 20.02), кроме того, были присланы указы о необходимости производить раздел имущества в течение двух лет (07.05), о правилах составления «жалобиц» и прошений (22.04), о необходимости иметь в магистрате образцы государственных ассигнаций (24.07), об учреждении для городов и дворянства заемного банка (30.07), об установлении совершеннолетнего возраста (03.04), о намерении императрицы совершить путешествие по стране в январе 1787 г. (02.07), об увеличении цены на рекрутов со 120 руб. до 360 (13.05), о правилах представления к награждению орденом св. Владимира (04.06), о бытии в ведении магистратов тем, кто записался в купечество из экономических крестьян, не только по городским сборам, но и по крестьянским (01.06), о правилах избрания дворян к должностям (17.12).

Среди 114 указов ТНП, поступивших в 1786 г. в Новоторжский магистрат, 14 имеют печатные приложения именных или сенатских указов либо сообщают содержание таких указов. Среди них были все те, которые указаны выше как поступившие в Калязин⁸⁴. Кроме этого, из ТНП поступили тексты указов о запрещении использовать слово «раб» и словосочетание «верноподданный раб» в обращениях к императрице (09.04) и разрешающий дворянам вступать в откупа и подряды в своих губерниях (30.07). Журнал Калязинского магистрата не зафиксировал факт поступления таких указов, однако в него оказались внесенными указы о праве дворян иметь фабрики и заводы и вступать в винные откупа (05.08), о ликвидации Коллегии экономии (02.09), о взыскании четвертных денег (20.05).

В целом, в 1786 г. количество указов, отражающих роль ТНП как транслятора информации о распоряжениях органов высшей власти, значительно меньше, чем в 1782 г. Еще более заметно сужение круга проблем, которых касались эти указы. В 1786 г. в маги-

страт поступали в основном лишь те распоряжения верховной власти, о которых действительно необходимо было знать членам этого учреждения, т.е. лежавшие в русле компетенции магистрата: о возрасте совершеннолетия, т.е. возрасте, когда люди имеют право вступать в распоряжение имуществом, о сроках, когда необходимо решить дела о разделе наследства, регламентирующие выполнение повинностей и сборов и т.п. Указов общего характера, например, об открытии присутственных мест в каком-либо регионе, о переводе населенного пункта из одного ранга в другой в этом году не зафиксировано, что, несомненно, следует рассматривать как показатель сужения его компетенции, однако следует иметь в виду, что указы такого характера снова стали поступать в городские магистраты из губернского (см. главу 4).

Во второй, более многочисленный комплекс указов, присланных в магистраты из ТНП, входят те, которые, скорее всего, составлялись в самом ТНП с учетом необходимости последующего тиражирования и рассылки в учреждения губернии. В эту группу включены, аналогов которым не удалось обнаружить в ПСЗ за так называемый *синхронный период*, т.е. максимальный период времени, который проходил между изданием указа и его рассмотрением в магистрате. Исследование показало, что эти два события разделяют обычно не более четырех месяцев. С учетом этого факта поиск аналогов в ПСЗ осуществлялся в следующих рамках: сентябрь 1777 г. – декабрь 1778 г., сентябрь 1781 г. – декабрь 1782 г., сентябрь 1785 г. – декабрь 1786 г.⁸⁵

Всего к этой группе указов в 1778 г. можно отнести, согласно журналу Калязинского магистрата, 30 указов, что составляет примерно 42,25% от общей численности указов ТНП, поступивших в этом году, 27,02% от общего их числа, 9,93% от всех рассмотренных там вопросов. В Торжке насчитывается 31 указ этой группы, что составляет 36,9% от указов ТНП, поступивших в этот год в Торжок, 20,8% от общего числа поступивших туда указов, 4,67% от всех рассмотренных там вопросов и документов. Как видим, при небольшой разнице в абсолютной численности доля таких указов от общего числа указов и указов ТНП в Торжке ощутимо меньше, чем в Калязине.

Они повторяли и объясняли законы, изданные ранее периода, определяемого нами как синхронный. Среди них указы: о порядке продажи имущества за долги (10.05), о необходимости передавать собранные деньги в уездное казначейство в положенные сроки (06.06), чинить судопроизводство по гражданским делам на основании указа от 20 октября 1717 г. и определения ТНП от 1 июня 1777 г. (13.06), о продаже гербовой бумаги только в уездном казначействе (20.06), о необходимости испрашивать повеление казенной палаты на продажу дворов, описанных за долги (25.07), о порядке подачи

явочных челобитных (19.09), о том, чтобы присутствующие магистрата заседали «совокупно» и не покидали город без разрешения ТНП (04.07), и указ, противоположный по смыслу, разрешающий членам магистрата находиться в присутствии по очереди (12.09), о присутствии при приемке соли не только членов магистрата, но и городничего (31.10), с укрывателями солдат поступать по законам (11.10), указ о правилах межевания (11.06), о записи крестьян в купечество (01.02), о поиске вещей, украденных из церкви Кашинского уезда (27.09), о розыске крупных должников (13.08, 19.10), о вызове желающих к поставке смолы в Адмиралтейство (07.02), подтверждающий, что ведомости о хлебных и фуражных ценах, подписанные членами магистрата и городничим, должны присылаться в срок (07.02). Указы также напоминали о необходимости своевременно присылать сведения о нерешенных делах и содержащихся по ним под стражей колодниках (заключенных) с объяснением причин, по которым происходит задержка с решением их дел (13.06), своевременно доставлять собранные денежные средства в уездное казначейство (06.06), сообщали, кто выбран в совестные судьи (27.06). Трижды в тот и другой город поступали указы с требованием ускорить рассмотрение дел, присланных в присутственные места из различных учреждений и вновь заведенных (12.02, 18.06, 09.07). В октябре в оба магистрата поступил указ с требованием прислать помимо регулярно собираемых ведомостей сведения о ценах на стройматериалы, в том числе на кирпич. Губернское начальство интересовалось также, сколько кирпича продается в округе и по какой цене, какое количество кирпича можно производить здесь, во что обходится производство 1 тыс. штук кирпича (24.10). Еще один указ требовал выяснить, не числятся ли в новоторжском и калязинском купечестве или «жительстве» тульские купцы Дорофей Петров и Василий Фомин (22.11). Один указ был связан с вопросами делопроизводства и предписывал посылать в Вышневолоцкую контору водной коммуникации и в контору Боровицких порогов «по касающимся до оных дел» доношения и рапорты, а от них принимать «предложения» (19.12). С обеспечением выполнения горожанами разного рода служб, повинностей, сборов связано еще пять указов. Служба в оценщиках – традиционная служба горожан, и один из указов ТНП предписывал представить оценщиков для оценки имуществ питейных заведений в связи с передачей их новым «коронным поверенным» (28.12)⁸⁶. Выполнение рекрутской повинности отражает указ о сборе с купечества взамен каждого рекрута по 360 руб. и о представлении денег в соответствующий департамент казенной палаты (24.10).

Среди указов второй группы, абсолютно совпадающих по своему содержанию, в журналах Калязинского и Новоторжского магистратов за 1778 г. насчитывается 26. Содержание многих из них за-

фиксировано и в журналах других магистратов за этот год. Однако результаты, имеющиеся в нашем распоряжении на сегодняшний день позволяют говорить, что совпадение в данной категории указов не является столь же абсолютным, как в первой группе. В Калязинский магистрат чаще, чем в Новоторжский, приходили указы об оформлении разного рода ведомостей по приложенным образцам и с требованиями прислать как можно скорее некоторые из них. Так, 28 февраля поступила форма ведомости о числе решенных и нерешенных следственных дел, а 4 июля – требование соблюдать форму ведомости о колодниках. Указы, которые поступали в Торжок один раз, в Калязин присылались дважды, именно так было с указом, требовавшим сообщить сведения о колодниках и причинах их содержания под стражей (13.06, 02.07).

В журнале магистрата г. Торжка, в свою очередь, есть указы, которые не встречались нам среди потупивших в Калязин, но при этом точно известно, что они поступали в Зубцов, например. Один требовал внимательного отношения к доверенностям и проверки их подлинности (27.08); другой сообщал о назначении советников в наместническое правление (02.07). В Торжок также поступили два указа, дублирующих друг друга, с требованием прислать сведения о злостных должниках, содержащихся под стражей или находящихся в работе за долги более 5 лет (03.01, 14.05).

В 1778 г. из содержания указов ТНП по вопросам делопроизводства ясно, что зачастую сведения следовало высылать совсем не в ТНП, а в казенную палату (ведомости о проданной соли и вырученных за нее деньгах) или в губернский магистрат (ведомости о колодниках, о решенных и нерешенных делах). Такие указы дублировали информацию указов, поступавших в магистрат из этих учреждений, что свидетельствует о важной организующей роли ТНП в налаживании взаимодействия между элементами формирующейся системы управления регионом.

В 1782 г. в Калязин поступило около 30 указов делопроизводственного характера, но большая их часть либо пересказывала содержание новых сенатских указов, либо являлась сопроводительными письмами к присылаемым ведомостям, т.е., скорее, относилась к первому комплексу, который вводил новые законодательные нормы и формы, либо, наоборот, они носили эксклюзивный характер, о чем речь пойдет ниже. Численность таких указов, которые составлялись в ТНП и повторяли ранее изданные законы или конкретизировали (толковали) вышедшие в синхронный период, торопили с совершением регулярно повторяемых действий, напоминали о деталях их осуществления, уменьшилась с 30 до 20. Это произошло прежде всего за счет сокращения доли «дежурных» указов, напоминающих о необходимости присылать в срок различного рода ведомости и правильно их оформлять. В процентном выражении эта

группа составила 16,8% от численности указов ТНП, 14,59% от общего количества указов, 4,24% от числа рассмотренных вопросов и документов.

В Торжке численность этой группа указов практически не изменилась: было 31, стало 32, что составило 15,45% от численности указов ТНП, поступивших в магистрат Торжка, 12,35% от общего количества указов и 4,75% от числа рассмотренных там вопросов и документов.

Среди указов этой группы, поступивших в 1782 г. в оба магистрата, следующие: предназначенный всем магистратам о правилах приема соли (26.03), подтверждающий необходимость ежемесячно высылать ведомости о ценах на хлеб и фураж (26.01), о доставлении в казначейство счетных ведомостей «из всех мест» (15.06), о порядке заполнения ведомостей о решенных и нерешенных делах (11.05)⁸⁷ и ведомостей о доходах (08.06), указ с приложением формы о торгах и промыслах жителей «ведомства магистратов» (01.05) с требованием отсылать в срок различного рода ведомости и отправлять деньги в казначейство (26.11, 28.11), о передаче ревизских сказок городничим (26.11), с формой ведомостей о торгах и промыслах горожан и публичных и обывательских строениях (27.09)⁸⁸, о фабриках и заводах горожан (27.10) и др.

Чтобы разобраться с вопросом о причинах в разнице численности указов этой группы в Новоторжском и Калязинском магистратах, рассмотрим указы, поступившие в Торжок. Тематически они делятся на 4 основные группы: о проведении переписи, о судопроизводстве, о финансах, об организации продажи вина и соли.

Среди зафиксированных в журнале Торжка указов данной категории четыре связаны с проведением ревизии. Только один из них, поводом для составления которого в ТНП стал наплыв просьб крестьян, отпущенных помещиками на волю, о зачислении их в мещанство, встречается и в журнале Калязина. Под тяжестью возникших делопроизводственных проблем ТНП разослало во все магистраты указ о включении в ходе ревизии этой категории населения в мещанство «без всякого представления» при условии, если документы крестьян не вызывают сомнения (23.03)⁸⁹. Машина, запущенная этим указом, в Торжке не желала останавливаться и после официальных сроков завершения ревизии, что стало поводом для присылки сюда в октябре указа, противоположного по смыслу. Он предупредил, чтобы магистраты «собою» не принимали вольноотпущенных в мещанство (20.10). В Калязине такого указа не зафиксировано, скорее всего, в этот город он и не посылался, так как здесь, в отличие от Торжка, активной записи крестьян в число горожан не было. Рассмотрим другой пример: указ, предписывающий поступать при записи из крестьян и разночинцев в мещане в соответствии с постановлением наместника Новгородского и Тверского Я.А. Брю-

са, зафиксирован в журналах обоих городов (19.09)⁹⁰. Другой указ, рассмотренный в Торжке 19 октября и требовавший показывать в ведомостях для казенной палаты о принятых в купечество и мещанство, «за кем оныя наперед сего в ревизии состояли и в каких селениях писаны», в Калязинском журнале не обнаружен.

Таким образом, большое количество в Торжке указов по вопросам переписи объясняется более активной записью представителей крестьянского сословия в число членов новоторжского городского общества. В Калязине, напротив, число таких случаев было весьма не велико, поэтому и указов, регламентирующих этот процесс, в город поступало меньше.

Из числа указов, составленных в ТНП и поступивших в Торжок, с выполнением магистратами судебной функции и системой наказания были связаны 10, лишь 5 из них зафиксированы и в журнале Калязинского магистрата. Общими были указы с требованием отсылать апелляционные деньги в Приказ общественного призрения для отдачи их под проценты (28.09); наблюдать, чтобы при подаче дел на апелляцию, заявление просителя об отсутствии денег для уплаты за пересмотр дела происходило под присягой (18.05), а по делам о воровстве на сумму менее 20 руб. поступать по указу от 30 апреля 1786 г. (11.08)⁹¹. Согласно одному из указов следовало составить и прислать в казенную⁹², Уголовную и Гражданскую палаты сведения о делах, подлежащих уничтожению, т.е. закрытию (05.09). Условия содержания колодников, по мнению императрицы, были слишком суровыми, она стремилась облегчить их положение, и отражением этой политики стал указ, поступивший и в Калязин, и в Торжок, с требованием содержать впредь колодников не в острогах или темницах, а «при городнических делах» и не налагать на них, кроме тех, кто уже осужден Палатой уголовного суда, ни колодок, ни оков «ни под каким предлогом» (26.05)⁹³.

Рассмотрим те указы, которые зафиксированы в журнале Торжка, но аналогов которым не удалось найти в журнале Калязина. Прежде всего, это требование собирать пошлины по исковым челобитным и деньги за использованную гербовую бумагу «прежде удовлетворения исцов» (09.06). Отсутствие такого указа среди поступивших в Калязин можно рассматривать как показатель малочисленности там судебно-следственных процессов. Интересным представляется указ, рассмотренный в Новоторжском магистрате 7 ноября, о необходимости прикладывать старание при разборе уголовных дел и «не отсылке оных без того (без старательного разбора. – Н.С.) на ревизию в верхние суды». Указ грозил взысканием в случае обнаружения «нерадения». Его нельзя отнести к эксклюзивным, скорее всего, он рассылался и в другие города, где судебно-следственная деятельность магистрата была активной и свидетельствует о частых случаях отправки дел на апелляцию без достаточ-

ных на то оснований. Это можно рассматривать, во-первых, как восприятие горожанами «верхних судебных мест» как более квалифицированных судебных инстанций; во-вторых, как признание членами магистратов своей недостаточной квалификации; в-третьих, как свидетельство действительного наличия у них в той или иной степени «нерадения». В силу этих и других обстоятельств дела находились в производстве подолгу и решались не вполне квалифицированно.

На защиту прав людей, которые в прежние годы при коллегиальной системе управления дожидались решения своих дел не то что годами, но десятилетиями, было направлено «предложение» Я.А. Брюса «о производстве вступаемых о колодниках дел преимущественно перед прочими и в то же самое время сколь скоро оные от городнических или из нижних земских судов присланы будут и во окончивании оных решением непродолжительно и о неделании по сим делам ненужных и одно токмо время продолжающих справок» (02.09). Текст этого «предложения» в пересказе ТНП мы имеем только в журнале Торжка, вероятно, по той причине, что там подобных дел в производстве было гораздо больше, чем в Калязине. В Торжке и возникало их больше, а кроме того, во второй половине 70-х – начале 80-х годов в магистраты старинных городов поступили дела из воеводских канцелярий и Главного магистрата. Однако, поступив сюда, они не могли быть доведены до логического конца из-за низкой квалификации членов магистрата, недостатка вещественных доказательств, а часто из-за смерти ответчиков или истцов, ведь некоторые из этих дел были начаты еще в 30–70-х годах, в рамках коллегиального делопроизводства. Для решения этой трудноразрешимой задачи верховной властью был издан Манифест об амнистии по некоторым категориям дел, приуроченный к открытию монумента Петру I⁹⁴. Видимо, для разъяснения его из ТНП были посланы указы в судебные инстанции с изложением правил «выставления к вечному забвению» дел, присланных из Главного магистрата. Новоторжскому магистрату предписывалось на дверях судебных учреждений повесить листы с перечнем дел, которые будут переданы в архив, в случае если обвинители не явятся в течение года для подтверждения иска (06.10), текст этого указа есть только в Торжке. Другой указ, согласно которому следовало составить и прислать в казенную, Уголовную и Гражданскую палаты сведения о делах, подлежащих уничтожению, т.е. закрытию, есть в журналах обоих магистратов (05.09).

Заслуживает внимания текст еще одного указа, поступившего из ТНП в Торжок⁹⁵. Он в значительной мере объясняет отсутствие переписки магистрата с нижней расправой. О том, что в Новоторжском уезде долго не было такого учреждения, можно было предположить по ряду признаков (подробнее об этом чуть дальше), но по-

ступление указа о неотсылке в уездные суды (множественное число. – Н.С.) дел, подлежащих рассмотрению в нижних расправах, позволяет говорить, что судебной инстанции для крестьян не было и в других уездах губернии (16.09).

Наличие в делопроизводстве Новоторжского магистрата столь большого числа указов по вопросам судопроизводства при значительно меньшем числе таковых в магистрате Калязина объясняется не только тем, что в Калязинском магистрате не было и не могло быть дел, присланных из Главного для завершения, поскольку это был новоучрежденный город. Население города было слабо втянуто в торгово-промышленные отношения и, как следствие, здесь заводилось очень мало судебных дел по гражданским искам⁹⁶, преступность уголовная была невелика и поэтому не имело смысла посылать сюда указы о правилах «выставления дел к вечному забвению» или о «радении» при решении судебных дел.

Четыре указа, из числа составленных в ТНП и присланных в Торжок, были связаны с доставкой соли и продажей вина, т.е. с обслуживанием государственных монополий и пополнением государственной казны. Три из них: с требованием «внушения гражданам», желающим взять на откуп питейные сборы, основных положений законодательства и преимуществ новых правил по сравнению с прежними условиями (19.01), сообщить гражданам о вызове желающих перевозить пермскую соль (01.09) и быть сидельцами в казенных питейных домах (25.02)⁹⁷ – зафиксированы в журналах того и другого магистрата. Еще один с требованием собрать и представить в ТНП сведения, сколько доимки по соли числится на том или ином сборщике и подрядчике и когда предполагается «оную взысканием окончить», зафиксирован только в журнале Торжка (27. 04). Скорее всего, посылать такой в Калязин не было смысла, так как там система соляной продажи в форме отбывания повинности горожанами действовала недолго и долгов по этой части у горожан по-видимому, не существовало⁹⁸, соляных подрядчиков в городе так же не имелось.

Если говорить об указах финансового характера, то выясняется, что в каждый из магистратов поступило предписание о срочной высылке с нарочным – солдатом тверской губернской роты ведомости о записавшихся на 1782 г. в купечество и оставшихся в мещанстве (20.01), при этом магистраты должны были выдать солдату прогонные деньги – некая разновидность штрафа за задержку ведомостей. В ноябре в магистраты поступили требования взыскивать подушные деньги в счет первой половины 1783 г., причем, редкий случай – в Калязин указ поступил на три дня раньше, чем в Торжок⁹⁹. В Торжок напоминания о том, чтобы деньги, «вступаемые в магистрат в приход разного сбора денежной казны», отсылать в уездное казначейство без задержки, а «счетные выписки» представлять в

срок, поступили трижды (23.06, 28.11, 23.12), в Калязине указ такого плана зафиксирован лишь дважды – 15 июня и 26 декабря. Такие указы имели целью наладить финансовую дисциплину и установить контроль за сбором и расходованием денежных средств в городах. Их необходимо рассматривать не только с привычных позиций – как проявление контроля государства за городским самоуправлением, но и как свидетельство защиты государством интересов основной массы горожан. Исследование делопроизводственной документации свидетельствует, что расход денег, собираемых по мирским приговорам, в Торжке учитывался плохо, это давало возможность для злоупотреблений (речь об этом пойдет ниже), которые стали известны губернским властям. Возможно, именно в силу этого численность указов финансового плана там больше, чем в Калязине, элита которого не успела еще усвоить приемы противостояния государству и личного обогащения. Возможно, по этой же причине в Торжке была возобновлена практика освидетельствования казны «по прежде заведенному обряду», указ о об этом зафиксирован только в Торжке (06.06)¹⁰⁰.

Заканчивая обзор указов ТНП, поступивших в магистраты в 1782 г. и составленных, как позволяют говорить полученные на сегодня результаты, непосредственно в ТНП, следует остановиться на тех, которые, не являясь аналогами указов, опубликованных в ПСЗ в синхронный период времени, тем не менее были логически связаны с отдельными из них. По всей видимости, это было обусловлено наличием у местных властей самостоятельности в принятии нормативных актов, толкующих и генерирующих право. Об этом, в частности, позволяет говорить содержание указов о передаче в ведение городничих почт и ревизских сказок. При том что в ПСЗ нет законодательных актов, специально посвященных этому вопросу, там есть акты, содержание которых позволяло составить такие нормативные акты. Указ ТНП о передаче ревизских сказок городничим (26.01) вполне мог быть составлен на основании одной из статей указа о начале новой ревизии¹⁰¹. Положение о передаче в их ведение почты, зафиксированное в указе, поступившем только в Калязин, вполне можно вывести из содержания указа о наблюдении губернским правлением и стряпчим за исправностью почтовых отправок, который требовал «подтвердить» городничим и исправникам, чтоб они напоминали почтмейстерам в «лучшем исправлении их должности» и добивались своевременной отправки почты¹⁰². Указы ТНП по финансовым вопросам вполне могли быть следствием закона об учреждении при казенных палатах особых экспедиций для освидетельствования счетов и Наставления уездным казначеям¹⁰³.

Поступление в магистраты указов, расширяющих компетенцию городничего, свидетельствовало о перераспределении обязаннос-

тей между должностными лицами и учреждениями. В Калязине это происходило активнее, чем в Торжке, потому что здесь шел процесс не перестройки, а становления городского самоуправления. В Торжке же введение должности городничего должно было сопровождаться распределением функций магистрата, однако губернское правление не спешило с этим, возможно, опасаясь недовольствия горожан, а возможно, просто по той причине, что в Торжке были традиционные структуры, выполнявшие функции городничего, и проблемы доставки почты, как и ряд других, решались без перемен. В Калязине, помимо почтового дела и ревизских сказок, указом ТНП, было предписано передать городничему содержание колодников (26.05).

Следует также отметить, что в Калязине в 1782 г., как и в 1778-м, некоторые указы ТНП поступили в магистрат в пересказе городничего, в тексте сообщений от него, например, указ о передаче ему содержания почт (22.03), ревизских сказок (06.06, 08.08), о присылке ему ведомостей о колодниках (23.07). И хотя чаще всего в этих случаях текст сообщения дублировал содержание указов ТНП, тем не менее эти факты весьма знаменательны и симптоматичны, так как говорят не только о перераспределении обязанностей между магистратами и городничими, но и о начальном этапе формирования вертикали учреждений с административно-полицейскими функциями, через которые впоследствии и осуществлялась «публикация» законов и властных распоряжений. Нельзя не заметить также, что в Торжке указов, присланных от лица ТНП и городничего, не встречается, что еще раз свидетельствует о различиях в положении городничих в этих городах: в новоучрежденном Калязине это влияние было более значительным, чем в Торжке с его развитыми структурами самоуправления. Следует также иметь в виду еще одно возможное объяснение того факта, что сообщение городничего передавало текст указа ТНП. В пересказе городничего указы поступали через 2–6 месяцев после их присылки из ТНП, т.е. сообщение городничего напоминало о необходимости выполнения указов ТНП, и, таким образом, комплекс этих сообщений-напоминаний косвенным образом свидетельствует о низкой исполнительной дисциплине в Калязинском магистрате. С другой стороны, различия в составе указов, поступающих в Торжок и Калязин, говорят о вдумчивом отношении членов губернского правления к своим обязанностям, позволяют видеть в его деятельности элемент творчества. Указы, поступившие в магистраты в 1786 г., подтверждают это предположение

В 1786 г. в Калязинский магистрат поступило 16 указов второй группы, что составляет 23,18% от числа указов ТНП, 14,54% от общего их числа и 3,31% от общего количества поступивших документов и рассмотренных вопросов. В Торжок поступило 20 таких указа-

зов, что составляет 17,54% от числа указов ТНП, 10,58% от числа всех указов и 3,6% от общего количества рассмотренных вопросов и документов. Абсолютно совпадают по тематике и близки по времени поступления в магистраты 15 указов ТНП. Явно предназначенные для целого ряда городов и учреждений губернии, они толкуют, объясняют распоряжения верховной власти, торопят с выполнением действий, ею предписанных. В подтверждение приведем практически полностью текст лишь одной записи в журнале Калязинского магистрата о слушании 19 марта 1786 г. указа ТНП «о подтверждении, чтоб во отягощение общества во время отдачи рекрут с таковых, кои давать в награждение ничего не пожелают, взыскания не происходило, не так как учинено вышневолоцким мещанством». Как видим, указ рожден конкретной ситуацией, сложившейся в Вышнем Волочке и нарушающей предписанное законом правило. В этот же день указ такого содержания был рассмотрен в Торжке.

19 марта в каждом из городов был рассмотрен указ, свидетельствующий о жестком перекрестном финансовом контроле со стороны государства за деятельностью должностных лиц. Он требовал, чтобы ведомости казначея, отправляемые в казенную палату со сведениями о денежных суммах, поступивших в казначейство от уездных структур, подписывали, кроме казначея также члены магистрата, городничие, уездные исправники. Этот указ лежал в русле более раннего законодательства, которое преследовало цель если не предотвратить, то сократить злоупотребления за счет взаимного контроля разных должностных лиц. Но при этом, судя по записям журнала, текст указа, поступившего в Калязин, содержал еще одно предписание – «учинить выправку», не имеется ли по городу Калязину собранной, но не записанной в приход «казенной какой доимки». Как видим, подготавливая достаточно трафаретные указы, которые нельзя отнести к эксклюзивным, ТНП подчас вносило в них элементы, имеющие отношение либо к одному городу, куда указ поступал, либо к нескольким.

Одновременно 8 января в обоих городах были рассмотрены указы о печатях. Однако в изложении Калязинского журнала указ предстает перед нами как указ о необходимости иметь печать городскому голове, а в журнале Новоторжского магистрата – как указ, извещающий, что рисунки для печатей (во множественном числе. – *Н.С.*) посланы в Тульскую оружейную палату. 14 января в магистраты потупило распоряжение, чтобы производство и решение дел, особенно тех, по которым подозреваемые находятся под стражей, осуществлялись на основании законов, при этом только в журнале Торжка есть указание, что основанием для его составления было «предложение» Архарова.

1786 г. – это год, когда в стране начали составлять первые обывательские книги и в начале февраля в журналах магистрата были

зафиксированы указы с требованием составить обывательские книги и как можно скорее доставить их в ТНП¹⁰⁴ (в Торжке – 09.02, в Калязине – 11.02). Нельзя не вспомнить, что форма обывательской книги является составной частью Жалованной грамоты городам, изданной в апреле 1785 г.¹⁰⁵, и таким образом правление напоминало, что пора приступить к составлению этого нового сводного документа о составе и численности городских жителей. В русле положений Жалованной грамоты городам лежал и другой указ ТНП: в журнале Торжка он представлен как указ о сборе с экономических крестьян, записавшихся в купечество, «подлежащего с них по купечеству и крестьянству» и об отводе им мест в городе под строительство (08.06), а вот в журнале Калязина он изложен как указ, по которому экономические крестьяне, записавшиеся в купечество, поступают в ведение магистрата не только по купеческим сборам, но и по крестьянским, об отводе им мест в городе в журнале Калязина нечего не говорится.

Среди указов, поступивших в оба города, были касающиеся организации путешествия Екатерины II (02.07), с требованием подготовить лошадей и извозчиков, выслать лошадей на станции назначения к октябрю (02.09, 17.09, 13.08¹⁰⁶, 18.11), привести в исправность дороги и мосты на городской земле (09.07), а также указы о доставлении сведений о записанных в городе польских выходцах, о неотдаче их в рекруты (01.04)¹⁰⁷, о доставлении ежемесячно в Новгородскую провиантскую комиссию «прямо от себя» (от магистратов. – *Н.С.*) ведомостей о продажных ценах на хлеб и сено (24.06), об отводе «обще с городничим» удобных участков для построения школ и богаделен. Последние следовало располагать по реке ниже города (13.05, 19.06). Один из указов вводил финансовое новшество и предписывал городским старостам при сборе процентных денег с объявленных капиталов выдавать расписки тем купцам, которые захотят их получить¹⁰⁸.

Далее рассмотрим распоряжения ТНП, которые зафиксированы лишь в журнале одного из городов. Сразу следует напомнить, что в Торжок указов этой группы в 1786 г. поступило больше, чем в Калязин, куда помимо 15 общих (внесенных в журналы обоих городов) поступил только один указ о присылке рапорта, все ли места, коим Городовым положением предписано иметь печать, открыты (27.05). В Торжке таких указов, не имеющих аналога в Калязине и при этом явно не являющихся эксклюзивными, набралось 5. Прежде всего назовем указ, при котором была прислана форма обывательской книги. Текст ЖГГ в свое время поступил в каждый город, в ее составе была и форма обывательской книги, но однако, позднее ТНП неоднократно напоминало о необходимости приступить к их составлению, торопит с составлением этого важнейшего документа новой истории российских городов, заново рассылало формы

обывательской книги. Форма книги была прислана в Торжок 30 июля, указ ТНП был в этом случае сопровождающим документом к ней, в Калязине такого указа не зафиксировано. Кроме того, в Торжок поступили указы с требованием прислать годовые ведомости о решенных и нерешенных делах (11.02), о необходимости поступать по законам с помещиками, которые в пять лет «имения за себя не справили и не отказали» (22.05) и указ с перечнем депутатов, определенных «ко всяким делам с духовной стороны в города губернии» (19.08).

Очень показателен пример еще одного указа ТНП. В комплексе записей журнала Новоторжского магистрата мы рассматриваем его как указ второй группы, а вот для Калязина он является эксклюзивным указом. Поводом для его составления стала ситуация, сложившаяся в Калязине. В этом молодом городе городской голова и члены магистрата отказали нескольким мещанам в записи в купечество, поскольку считали, что у них нет подтверждения «подлинности капитала» (видимо, это следует понимать как отсутствие, по мнению городских властей, реального капитала у людей, пожелавших вступить в купечество. – *Н.С.*). Описывая эту ситуацию, Тверское наместническое правление требовало не чинить препятствий для желающих записываться в купечество (14.05). В данном случае поводом для указа, составленного в ТНП и разосланного в различные города губернии, был инцидент, имевший место в одном из них и нарушавший законодательство. Целью же издания указа было предотвратить подобные нарушения в других местах и тем самым обеспечить выполнение законодательства.

Эти факты являются хорошей иллюстрацией к характеристике деятельности наместнического правления, не только Тверского, но и любого другого. Как видим, значительное место в ней занимали регулярные напоминания подведомственным учреждениям о содержании законов, изданных верховной властью, о необходимости соблюдать их положения и совершать предписанные им действия, а также разъяснения по их применению. Это было одной из форм реализации функции по «обеспечению законности», возложенной на наместническое правление.

Несмотря на то, что некоторые из указов, поступивших из ТНП, позволяют думать о предоставленной ему возможности толковать, генерировать право, большинство указов этой группы все же являлись указами-напоминаниями. Но это было неизбежно: в условиях отсутствия систематизированных сборников законов или справочников по вопросам деятельности учреждений их присылка была совершенно необходима. Сменяемость членов магистратов также требовала периодических напоминаний о совершении традиционных – для профессионалов – действий. В магистратах старинных городов память и опыт канцелярских служителей вполне могли ком-

пенсировать отсутствие справочников и недостаток опыта выборных членов магистрата, но в новоучрежденных городах, подобных Калязину, опытных канцеляристов не было и едва ли не единственной побудительной, организующей и направляющей силой были указы, и это обстоятельство объясняет повторяемость содержания в них. Однако различия в составе указов, поступающих в Торжок и Калязин, свидетельствуют о вдумчивом отношении членов губернского правления к своим обязанностям, позволяют видеть в нем элемент творчества.

Отличительной чертой этой группы указов, как и первой, является синхронность их поступления в магистраты различных городов. Так, например, в Торжок указы поступали обычно на 1–2 дня раньше, чем в Калязин¹⁰⁹. Существенные отклонения от этого срока позволяют уже говорить об эксклюзивности указов, однако вопрос о том, был ли указ предназначен одному городу или относится к категории тиражированных не всегда решается столь просто, для пояснения этого мнения хотелось бы остановиться на нескольких примерах.

Указ, рассмотренный в Торжке 27 ноября 1786 г., требовал не только присылки ведомости о решенных и нерешенных делах за отчетный период, но и решения всех дел, поступивших с момента открытия магистрата до конца 1778 г. В Калязин аналогичный указ поступил 5 сентября, т.е. почти на три месяца раньше. Таким образом, с первого взгляда в данной ситуации речь не идет о «тиражном» указе; с другой стороны, в Торжке, в отличие, скажем, от Калязина или Зубцова, магистрат существовал с давних пор, и в указе, по-настоящему эксклюзивном и адресованном Торжку, так вопрос стоять, скорее всего, не мог: едва ли могли требовать присылки сведений со времени открытия магистрата. Указ ТНП с требованием, чтобы все поступившие в 1786 г. дела были рассмотрены до конца года, в Торжок поступил 9 июля, в то время как в Калязин – 27 ноября, что затрудняет отнесение его к одной из обозначенных групп. Но здесь при классификации мы исходим из выдвинутого предположения, что в условиях загруженности ТНП работой оно посылало указы прежде всего туда, где в них была острая потребность, а в Торжке потребность в таком указе была больше, чем в Калязине, так там объем судопроизводства был намного больше.

Для всех указов, составленных в ТНП или присланных туда из вышестоящих учреждений с целью информирования о новых законодательных актах, напоминания о давно изданных или толкования старых, характерным является то обстоятельство, что при изложении их текстов в журнале вместо указания на конкретный Калязинский или Новоторжский магистрат, где эти указы и рассматривались, употребляются неопределенные обороты типа «присутственные места», «вновь открытые присутственные места», «суды», «су-

дебные места». Именно это позволяет говорить, что очень часто в магистраты поступали экземпляры тиражированных, фактически безадресных, указов.

В этом смысле комплекс указов ТНП, который мы будем рассматривать дальше, является полной противоположностью: его главное отличительное свойство – *эксклюзивность входящих в него указов*. Каждый из них адресован определенному магистрату, отражает его работу, а также жизнь горожан и города в целом.

В подобных указах, поступивших в 1778 г. в Калязин, ТНП сообщало, например, что сроки представления какой-либо из ведомостей уже прошли, а она, между тем, еще не поступила в соответствующее учреждение; иногда указы содержали разрешение или запрет на какое-либо действие, требовали представления сведений и т.д. Несколько раз речь в них шла о доставлении реестров (перечней) следственных дел, находящихся в делопроизводстве. Многие указы этой группы носили побудительный характер, причем в тех из них, которые касались вопросов делопроизводства, не просто напоминали о необходимости составления и присылки в срок различного рода сведений, ведомостей, как в указах второй группы, а требовали доставить их как можно скорее с объяснением причин задержки, указывали на ошибки в оформлении.

В журнале Калязина за 1778 г. нашло отражение содержание 28 таких указов, что составляет около 39,43% общей численности указов ТНП, поступивших в магистрат в течение года, 25,22% от общего числа указов и 9,27% от общего количества рассмотренных вопросов и документов. Остановимся на некоторых из них.

Указ, рассмотренный 21 марта, требовал сообщить количество дел, перешедших в делопроизводство магистрата из Кашинской воеводской канцелярии. Он был предназначен именно для Калязинского магистрата, в отличие от трех других указов, о которых уже шла речь и которые рассылались не только во все магистраты, но и во все судебные инстанции. Несколько указов было связано с финансовыми вопросами, они требовали организовать взыскание недоимок с горожан, оброчных сборов, подушных денег и процентов с купеческого капитала (07.03, 14.03, 30.05, 11.07). Один разрешал выплатить деньги калязинским обывателям за использование их помещений под нижнюю расправу и «городнические дела» – месячная цена за использование одного «покоя» определялась в один рубль (27.06). С процедурой записи желающих в мещанство и купечество г. Калязина было связано еще 6 указов (24.01, 01.02, 14.03, 21.03, 30.05, 31.05); указы регулировали и контролировали поставку и продажу в городе вина и соли (10.01). Оставшиеся касались следующих вопросов: выборов городского старосты и словесных судей (03.01), отвода горожанам леса для рубки (25.04), мест под застройку (10.05, 13.06, 20.06), подбора канцелярских кадров (31.12), отсыл-

ки денег на жалованье пробирному мастеру (10.05) и хода решения магистратом каких-либо конкретных судебно-следственных дел (20.06, 11.07, 12.10). Указ, поступивший 30 марта, требовал учинить «счет» бывшему городскому старосте, подозреваемому в злоупотреблениях, а 27 июля был рассмотрен указ, требовавший вынести старосте приговор. ТНП предписывало продать имущество за долги (14.11), подготовить ведомости к приезду Я.Е. Сиверса в город (11.07), передать гири и весы для соли городничему (05.12), прислать реестр следственных дел (07.03)

Новоторжский комплекс эксклюзивных указов за 1778 г. существенно отличается от Калязинского по численности и структуре. К нему можно отнести 40 указов. Это составляет 47,61% от числа указов ТНП, 26,84% от общего числа поступивших указов и 6,03% от общего количества рассмотренных вопросов и документов. Если систематизировать их по тематическому признаку, то выясняется, что больше всего указов связано с вопросами судопроизводства – всего 23 указа, в том числе с обеспечением выплат по векселям долгов новоторжских купцов – 17, с ведением судопроизводства по другим вопросам – 6. Нельзя не отметить, что в Калязинском магистрате в этот год зафиксировано лишь три указа такого плана.

В указах о должниках в этот год чаще всего фигурируют Иван Кутафьев (с погашением его долгов связано 5 указов ТНП) и семейство Масленниковых (6 указов). Сумма долгов этих людей, вероятно, исчислялась тысячами рублей. Записи журнала сообщают суммы векселей, и некоторые из них очень внушительные. Так, один из указов требовал обеспечения выплат (215 руб. 62 коп. и 142 руб. 17 коп.) купцом Антоном Масленниковым или его поручителями Санкт-Петербургскому купцу П. Сыренкову (13.11). Процедура взыскания денег с купца-банкрота всегда сопровождалась попытками получить долги с лиц, которые должны ему. В этой связи отметим один указ ТНП по делу Н. Масленникова, он предписывал срочно взыскать 600 руб. 85 коп. с новоторжской питейной конторы, недоплаченные ею за взятый у Масленникова солод (23.10). Если долги семейства Масленниковых явились следствием активного их участия в торговых операциях, то долг Ивана Кутафьева сложился в результате его деятельности в роли «коронного поверенного» по поставкам соли и невыплаченной ссуды, взятой под строительство дома после знаменитого пожара 1763 г. Выстроенный им дом оценивался в 1029 руб. Указ ТНП, поступивший 21 марта 1778 г., отражает попытку магистрата получить от государственных структур деньги за использование дома Кутафьева «под присутственные места».

На фоне долгов Масленниковых и Кутафьева долги Т. Калашникова в 46 руб. или В. Силина в 12 руб. 25 коп. воспринимаются как весьма скромные. Однако и они нашли отражение в указах губернского правления. Власти требовали препроводить Силина в

нижний земский суд, если он к моменту получения указа (02.07) не уплатил долг Ивану Миллеру. Указ, рассмотренный 30 мая, просил объяснить, почему канцеляриста В. Петрова не отсылают в новоторжский земский суд для решения вопроса по его векселям.

Среди распоряжений, связанных с судопроизводством по другим вопросам, четыре свидетельствуют о посреднической роли ТНП в решении судебных дел в тех случаях, когда истцы и ответчики проживали в разных уездах и тем более в разных губерниях.

Интересно, что среди эксклюзивных указов, поступивших в Торжок, нет ни одного с требованием взыскания недоимок по подушной подати и процентных денег с купеческого капитала¹¹⁰, в то время как в Калязин поступило несколько указов такого содержания. Скорее всего, это обстоятельство свидетельствует о финансовой дисциплине городской общины Торжка. Однако у некоторых жителей города, помимо традиционных финансовых обязательств перед государством была еще одна – они должны были выплачивать деньги в счет погашения ссуды, выданной им на постройку новых домов после пожара 1763 г. В этой связи в город поступило в течение года три указа: один – «о неукоснительном взыскании ссудных денег» (1 тыс. руб. – *Н.С.*) и о передаче этих денег в банки через казенную палату (12.02); в двух других фигурировали конкретные фамилии должников: уже упоминавшийся Иван Кутафьев и копиист Тяпкин. Губернское правление торопило с выплатой денег по их задолженности, причем в каждом документе фигурировали лишь эти две фамилии, все остальные заемщики, видимо, уже рассчитались по ссуде (04.07, 03.09).

Еще два указа требовали выплаты долгов и «начетных денег» с лиц, которые были при продаже соли «в прежние годы» (23.05, 03.05). «Начетные деньги» были наложены еще в 1774 г., решение магистрата предписывало найти купцов, которые наняли Буркова и Питиримова, бывших непосредственно у продажи, и взыскать с них штраф, который был наложен на их поверенных. В случае если они окажутся не в состоянии заплатить, предписывалось поступать с ними по законам, т.е. описать и продать с торгов их имущество. Указ, рассмотренный 23.05, требовал взыскать долги Буркова и Питиримова, бывших соляных целовальников, с их поручителей¹¹¹.

Некоторые указы, поступившие в магистрат Торжка в 1778 г., были связаны с выполнением новоторжцами повинности по поставке лошадей с подводами для «шествия» императрицы. Поводом для сложившейся по этому поводу коллизии стал указ ТНП, поступивший в Торжок 4 апреля. Он требовал присылки в Главный магистрат ведомости о затратах «граждан» на поставку подвод в 1774–1775 гг. и, видимо, стал причиной для посылки депутатов от города в столицу с тем, чтобы получить деньги за поставку подвод в более ранние годы. На собрании купцов и мещан 29 мая были выбраны

два человека для поездки в Главный магистрат и принятия денег за 1762 и 1763 г. Неизвестно, получили ли новоторжцы деньги за 1774–1775 гг., но указ, поступивший 22 июля сообщал, что деньги за 1762–1763 гг. (2681 руб. 12 коп.) не будут выплачены до тех пор, пока в Главный магистрат не поступят сборы от тех городов России, которые выполняют эту повинность в виде денежных сборов. Посланники пробыли в Москве довольно долго, так как 28 ноября в магистрат поступил указ ТНП, свидетельствующий об их пребывании в столице. Он уведомлял, что просьба горожан о выдаче специально посланным людям денег за подводы, поставленные еще в 1762–1763 гг., передана в Главный магистрат.

Эта ситуация интересна в нескольких отношениях, укажем лишь на то, что распоряжения ТНП в этом случае явно пересказывают содержание указов из Главного магистрата, которые поступили в Новоторжский магистрат не напрямую, как бывало раньше, а через ТНП. Это свидетельствует о роли губернского правления как посредника в общении городских магистратов с главным учреждением ведомства, которому они подчинялись по законам Петра I, и позволяет говорить о сохранении у горожан привычки решать свои проблемы непосредственно в столице через специально посланных лиц, несмотря на наличие нового и более близкого руководящего органа – губернского правления. Несомненно, это было попыткой нажать на рычаг ранее существовавшего механизма управления, при котором вся реальная управленческая сила сосредотачивалась в столице. Крайне важно, что эта попытка закончилась неудачей, эта неудача есть доказательство, что новая система управления уже реально существовала и власти добивались решения вопросов в соответствии с новой моделью управления.

С обеспечением выполнения новоторжцами разного рода служб, повинностей, сборов связано еще несколько документов. Служба при продаже соли являлась традиционной службой горожан, с выполнением ее были связаны указы о смене целовальников соляной продажи (08.01) и о приготовлении магазинов, где будет храниться привозимая в город соль (13.08) «с прописанием сообщения Главной соляной конторы» «о вычете из соляных денег взаимобразно 5689 руб.» (21.03). Интересен один из пунктов решения членов магистрата по этому поводу, предписывающий «деньги получить». На каких условиях получал город деньги и для каких целей, из записей журнала неизвестно.

Последние два указа по соляным делам, как и связанные с повинностью по поставке подвод, нельзя безоговорочно назвать эксклюзивными, хотя их аналогов не удалось обнаружить в комплексе протоколов Калязинского магистрата за 1778 г. Теоретически они должны быть и там, поскольку те обязанности, на обеспечение выполнения которых они были направлены, распространялись на все

города, но возможно, данная ситуация указывает нам на вариативность в комплексе обязательств городов перед государством или на вариативность в порядке их выполнения, как было с обеспечением поставок подвод под нужды императорского величества¹¹².

Указы отражают контроль ТНП за ведением финансовой документации и составом налогоплательщиков и свидетельствуют, что контроль этот был неформальным. Так, 15 января в магистрат поступил указ ТНП, уведомлявший, что присланные из Торжка ведомости о лицах, не бывших на исповеди, переправлены в КП. Указ, рассмотренный 23.11, требовал объяснить некоторые показатели присланных в КП «счетов неокладных расходов» за 1776 г. и причину, по которой к ним не приложены расходные книги. Кроме того правление требовало подтверждения факта выплаты крестьянином, желающим «приписаться» в новоторжское купечество, всех необходимых сборов (13.08); сообщало, что новоторжский мещанин принят в крестецкое купечество (14.03). Один указ был связан с кадровыми вопросами, он сообщал о присвоении «пищику» (писцу) новоторжского магистрата и сиротского суда¹¹³ Ивану Новикову подканцеляристского чина и требовал привести его к присяге (31.10).

Рассмотрим эксклюзивные указы, поступившие в магистраты в 1782 г. Среди указов, зафиксированных в журнале Калязинского магистрата, к этому комплексу можно отнести не менее 66 указов, что составило более половины от всех поступивших из ТНП (55,46%), 48,17% от общего числа указов и 14,01% от количества рассмотренных там документов и вопросов. Увеличение численности эксклюзивных указов отчасти было связано с проведением переписи: 18 из них предписывали совершение каких-либо действий или передавали информацию, необходимую для причисления выходцев из различных категорий населения в число горожан. В данном разделе работы мы не будем подробно останавливаться на них. В последней главе, где рассматриваются дела магистратского повяття и в том числе о записи в число горожан, анализируя вопрос о полноте и достоверности комплекса документов магистратов, мы рассмотрим и указы на эту тему.

Значительное число указов (13) было связано с ведением судебно-следственных дел: правление требовало ускорить решение дела о фальшивых документах (16.03), «учинить справки» о долгах одного из купцов (18.08), допросить священнослужителя «по приложенным пунктам» (23.03), взыскать деньги с одного из мещан в пользу крестьянина (12.05) и др. В форме указа был прислан в Калязин ответ на представление магистрата с просьбой разрешить использовать 107 руб. на покрытие мелких расходов по соляной продаже, горожанам было отказано в просьбе (17.11). Один указ торопил с передачей дел от соляного головы солянному приставу (27.10). В журнале Калязинского магистрата за 1782 г. есть совершенно необыч-

ный указ, который передавал текст императорского по поводу жалобы калязинского мещанина Максимова на действия членов магистрата и судей словесного суда (17.11).

Указы ТНП предписывали срочно отослать в казенную палату счета для ревизии за прошлый год (10.01), привести к присяге лиц, избранных к различным городским должностям (10.01), взыскать недоимки (16.03), сообщали о назначении нового уездного стряпчего (13.12). Указ, поступивший 28 февраля, требовал срочной, с нарочным солдатом, высылки новой «справной» ведомости о числе купцов и мещан в городе. Напомним, что аналогичная ситуация была и в 1778 г., но тогда она касалась и Торжка, и Калязина и, кроме того, нарочный приезжал в начале января. Как видим, за 5 лет исполнительская дисциплина в Калязине улучшилась незначительно.

2 марта поступил указ, который, по сути, являлся ответом ТНП на доношение городского головы: в нем говорилось о невозможности рубить лес в том месте, где хотят горожане, им предлагалось пользоваться лесом в рамках земли, отведенной городу под выгон. 2 марта поступил указ с пересказом сообщения Владимирского наместничества по поводу одного из следственных дел, которое велось в этом наместничестве. К указу, рассмотренному 1 июня, был приложен паспорт калязинца, задержанного в Рязанском наместничестве. В одном случае указ давал разрешение ратману на месячный отпуск (15.06).

В Торжок в 1782 г. поступило 136 эксклюзивных указов Тверского наместнического правления. Это составляет 65,7% от указов ТНП, 52,5% от числа всех поступивших указов, 20,2% от общего количества рассмотренных вопросов и документов. Более половины из них были связаны с проведением ревизии: в 62 случаях речь шла о записи представителей различных сословий, выходцев из других городов и реэмигрантов из Польши в число купцов и мещан города, в четырех – об исключении некоторых лиц из числа новоторжских мещан. На этой серии указов мы не будем останавливаться, об этом подробно будет идти речь в последней главе, где рассматриваются дела магистратского повытья и в том числе о записи в число горожан. В данном месте ограничимся лишь указанием на то, что роль магистрата в процедуре по пополнению числа податного населения была различной и зависела от категории лиц, записываемых в число горожан.

Значительное число эксклюзивных указов поступило в Торжок в связи с разбирательством следственных дел, по преимуществу вексельных. Всего их 28, из них 15 являются сопроводительными письмами к делам, которые были начаты в прежние годы и велись в Главном магистрате (01.03; 07.03, 06.06, 23.06, 30.06, 22.08, 07.09, 15.09, 19.10, 19.01, 08.08, 15.07 поступило по 2 указа) В связи с лик-

видацией его в 1782 г., эти дела подлежали передаче в городские магистраты. Указы, рассмотренные в Новоторжском магистрате 30 июня и 19 октября, сопровождали одновременно по 4–5 дел. Журнал заседаний сообщает нам год их заведения, сумму вексельного долга, имена и фамилии истцов и ответчиков, их территориальную и сословную принадлежность. Например, дело по иску на 20 руб. Санкт-Петербургского купца Силы Хаилова на новоторжского купца Петра Дедова было начато еще в 1734 г.

Решение магистрата обычно ограничивалось предписанием справиться, жив ли должник, каково его состояние, а если сам должник умер, то кто наследовал его имущество. Лишь в одном случае по поводу вексельного долга новоторжского ямщика Луки Володина было предписано «истребовать сведение» о нем и его имуществе от городничего. Такое решение объяснялось тем, что «ныне ямщики состоят под ведомством городничих» (15.07). Указ, рассмотренный 7 сентября, требовал скорейшего завершения одного из дел по вексельным долгам.

9 указов были связаны с проведением следствий (12.01, 26.01, 14.04, 25.04, 01.06, 06.06, 11.07; 23.02 поступило сразу два таких указа). Они предписывали взять показания с ответчиков или свидетелей, иногда – передать тексты допросов в какую-либо другую судебную инстанцию. В одном случае текст указа ТНП передавал решение Палаты уголовного суда¹¹⁴, в другом сообщал, что по просьбе новоторжского магистрата в Нижегородское наместническое правление передано о розыске крупного вексельного должника – новоторжского мещанина М. Маламахова. (01.06). В этой группе указов отчетливо видна коммуникативная функция ТНП.

Еще один указ был явно следствием сообщения, поступившего в ТНП из Тверской уголовной палаты, в нем магистрату вменялась в вину медлительность в ведении следствия по одному из дел и отсылка его в губернский магистрат «без подлинного сего магистрата мнения», содержались требование впредь «употреблять большее старание» и угроза взыскания (16.03).

Ссылаясь на императорский указ от 12 марта 1781 г., 4 указа ТНП содержали предписания предать те или иные дела «вечному забвению» (14.06, 04.08; 15.07 поступило два таких указа). Сдаче в архив подлежало, например, дело, начатое еще в 1746 г. о избении Егором Масленниковым иностранца – мастера бархатных дел Андрея Готрена. В одном случае причиной закрытия дела была смерть ответчика (15.07), в других журнал не фиксирует причину, но судя по всему они закрывались за давностью правонарушений и нежанием просителей. 4 августа при указе в магистрат поступило одновременно 14 дел, подлежащих забвению. Журнал сообщает имена и фамилии истцов и ответчиков, суть дела, сумму долга, иногда – дату заведения дела. Чаще всего передаче в архив подлежали век-

сельные дела, но были и дела о бесчестии, по обвинению в укрывательстве беглых крестьян и др.

Вексельные иски часто кончались продажей имущества должника или его поручителей. В 1782 г. в Торжок поступило 8 указов ТНП, связанных с этой проблемой. В 1782 г. продаже подлежало имущество мещан Докукиных, Никоновых, а также И. Болотникова, С. Бакунова, К. Терebeneина, И. Кутафьева. Эти указы явились следствием доношений магистрата в правление губернии, поскольку на продажу имущества должников требовалось согласие ТНП¹¹⁵. Чаще всего после получения такого указа магистрат принимал решение послать сообщение городничему с просьбой «публиковать», т.е. известить горожан о продаже имущества должника, а также текст самой «публикации». Однако были и исключения: так, в связи с указом по долгам И. Терebeneина (23.02) было принято решение сообщить в правление, что распродажа имущества отменяется, поскольку долг уже уплачен. В ряде случаев стремление членов магистрата оттянуть продажу имущества за долги вполне очевидно. Например, в связи с указом о долгах И. Болотникова (10.01) было решено объявить о продаже имущества лишь в том случае, если долг не будет выплачен в течение месяца, а еще в одной ситуации решение носило совсем неопределенный характер: объявление о продаже имущества следовало сделать, если долг не будет оплачен «в скором времени» (31.01). Причиной проволочек могли быть родственные или дружеские связи некоторых должников и членов магистрата. Однако вполне вероятно, что они не спешили с продажей по причине, что желающих купить имущество должников было немного, уходило оно за гроши, и вырученные деньги не покрывали даже малой части долгов, а сами должники при этом оставались без крыши над головой. Политика ТНП, наоборот, была довольно жесткой, оно требовало ареста имущества поручителей в случае, если сами должники оказывались не состоятельными. Именно такая ситуация сложилась с долгами Никоновых. Имущество, принадлежащее этой семье, было распродано еще в 1778 г., в 1782 г. правление настаивало на продаже каменных домов их поручителей, Калашникова и Маламахова, для выплаты оставшихся долгов (07.09). Большой интерес представляют справки по таким указам, иногда они очень велики по объему и содержат описание жизненных трагедий и историю финансового краха солидных купцов, свидетельствуют об авантюрном складе характера некоторых из них.

11 указов, поступивших в Торжок их ТНП в 1782 г., были связаны с обеспечением функционирования системы управления (10.01, 01.05, 23.02, 01.05, 25.05, 20.06, 08.07, 15.07, 04.08, 27.10, 07.12). В них речь идет о перемещении канцелярских служащих из одного присутственного места уезда в другое, о награждении и приведении

к присяге выборных лиц. Часть из них отражает трудности и проблемы перестройки системы управления и документопотоков. Например, указ, рассмотренный 8 июля, требовал прислать копию указа, поступившего в магистрат из бывшей Главной полицмейстерской канцелярии, где содержалось требование прислать туда сведения о барках (с продуктами, отправляемыми в столицу. — *Н.С.*). Необходимо было также представить объяснение «для чего в то время, когда оной, естли после открытия Тверского наместничества получен, оному правлению донесено не было». Текст этого указа не только подтверждает факт перестойки системы управления с концентрацией всех документопотоков в Тверском наместническом правлении, но также свидетельствует о ревностном контроле последнего за сохранением нового порядка вещей. Два указа (15.07, 27.10) связаны с попыткой государства изменить процесс продажи соли в соответствии с новым законодательством. Они требуют передать соль от соляного головы и ларечного казенному соляному приставу и сообщить в КП и ТНП, сколько именно соли ему передано. Содержание справки по первому указу объясняет, что соль не передана «по неимению на то кошта» (средств. — *Н.С.*), а принятое решение предписывает обратиться в КП за резолюцией, «каким коштом повелено будет» осуществить эту передачу и, одновременно, выдвигает предложение: «не соизволено ли будет во избежании напрасных убытков (по передачи соли. — *Н.С.*) оную соль тому приставу отпускать из магазинов по прежнему». Эта инициатива, по всей видимости, не встретила поддержки в верхах, однако была реализована местными властями, и 27 октября вновь поступил указ ТНП с требованием передать соль соляному приставу, причем на выполнение его отводилось 7 дней. Обещание взыскания не напугало членов магистрата, и они явно и в этот раз намерены были оттянуть передачу соли, во всяком случае принятое решение лишь повторило суть поступившего указа и ни к чему не обязывало членов магистрата. Нежелание горожан расставаться с источником доходов очевидно. Они нашли компромисс, который, видимо, более или менее удовлетворял все городские власти. Из приведенной справки становится известно, что соль из соляного магазина казенному приставу отпускают соляной голова и ларечный в присутствии городничего. В такой ситуации соль оставалась под контролем городского общества, и при этом непосредственную торговлю ее производили уже из ведомства пристава, а при передаче ее от городского общества пристава, в соответствии с законами 1778 г., присутствовал городничий.

С введением еще одного новшества связан указ о необходимости подачи городничему «обще с городским головой и старостою» «о числе города Торжка граждан сказки». Ни справка, ни решение магистрата в данном случае не выдают неудовольствия членов маги-

страта этим фактом. Справка сообщает, что «сказка о купцах, мещанах и цеховых» составленная ратманом Петром Овсянниковым, представлена в магистрат. Члены магистраты приняли решение проверить ее, «и если она окажется учинена во всем против той формы и всякой гражданин написан в той без упущения, то переписать оную набело и за общим с городским головой и старостой подписанием» подать ее городничему (25.05).

Труднее определить отношение горожан к другому новшеству – предписанию заводить школы за счет городских средств. Они выразили согласие на постройку «общественным коштом каменных пяти погребов и двух харчевен», которые предполагалось сдавать «из оброков на содержание обучающихся в здешней городской школе и помещенных в богадельнях неимущих», но не спешили со строительством, и это беспокоило губернское правление. Магистратская справка по указу, поступившему 23 февраля, свидетельствует, что «к приготовлению надлежащих материалов с припасами», «к строению и отделке оных от здешнего гражданства строители еще не выбраны», а решение предписывало послать указ городскому старосте с требованием «выбрать» строителей и людей для заготовки материалов.

В налаживании механизма новой системы управления значительную роль играли стряпчие, и это видно при исследовании текстов указов ТНП. Некоторые из них были составлены по результатам информации, полученной именно от стряпчих, которые сообщали о глубоких конфликтах между гражданами, например, по вопросам рекрутских наборов. Скорее всего, эти конфликты остались бы неизвестны начальству, а вполне вероятно, и потомкам, если бы не эти сообщения стряпчих. Три указа свидетельствуют о проблемах рекрутского набора и определенных злоупотреблениях городских властей, контроле ТНП за правомерностью действий городского магистрата и о защите правлением прав горожан. 17 ноября поступил указ, требовавший, с одной стороны, назначать в рекруты «безобидно»¹¹⁶, а с другой – представлять укрывающихся от рекрутчины в соответствующие инстанции даже после завершения сроков набора «в страх другим». О том, что рекрутский набор в городе происходил с серьезными злоупотреблениями, свидетельствуют многие записи журнала. Практиковалось и заключение кандидатов под стражу, как превентивная мера против возможного побега. Указ, рассмотренный 17 октября, требует освободить мещанина И.Ф. Маламахова, «содержащегося при оном магистрате, взятого здешним мещанством к отдаче в рекруты... из уважения знания им полезного для города и общества черепичного мастерства» и прислать его в Приказ общественного призрения. Справка гласит, что Маламахов был освобожден и отослан в Приказ еще 15 числа. Такой поворот дела позволяет думать, что Маламахов получил право на то, что в наше вре-

мя называется альтернативной службой. Необоснованные заключения под стражу происходили и по другим причинам, и следующие указы подтверждают это.

Указ, рассмотренный 1 мая, требовал прислать объяснение причин содержания под стражей В. Елизарова. Такая забота была следствием того, что Елизаров имел казенные подряды, а арест мешал исполнению обязанностей по ним. Члены правления предполагали, что Елизаров задержан за невыплату долгов, и предлагали освободить его на поруки. Однако справка сообщает, что исков на него не поступало и в содержании по ним Елизаров не находился. Решение, по сути, повторяет указ, но при этом причина заключения остается неясной, не известно также, кто вступился за Елизарова, стряпчий или родственники? Результатом знакомства стряпчего с делопроизводством Новоторжского магистрата и выявленных им недочетов стали указы ТНП с предписанием навести порядок в бумагах (27.09).

Среди эксклюзивных указов, поступивших в 1782 г. в Торжок, 7 было связано с финансами (01.03, 07.04, 13.06, 11.07, 08.08, 09.08, 26.10). Они требуют взыскать долги по крестьянству (01.03, 09.08), по ссуде на строительство домов (11.07), исправить ошибки в ведомости о торгах и промыслах (26.10). Два связаны с обеспечением выплаты денежной компенсации горожанам за поставку подвод для «шестивия императрицы» (07.04, 08.08). Один из указов сообщает, что деньги за небытие на исповеди в 1764–1765 гг. и принадлежность к расколу в сумме 995 руб. в КП получены, однако в указе отмечено, что имеются еще должники по выплате штрафов и необходимо найти их. В указе предусматривается возможность отдачи их в работу за долги, при этом за лиц, отданных в рекруты, штрафные деньги должно заплатить гражданство (13.06). Указы требовали объяснений причин задержки передачи штрафных денег в Приказ общественного призрения (29.09, 06.09).

Один из поступивших указов косвенным образом свидетельствует о высокой степени активности новоторжского купечества: он требует, чтобы «города Торжка граждане», торгующие в других уездах, «не чинили помешательства в торге городовым обывателям» в Валдайском и других уездах (17.08), его содержание было предписано передать городовому старосте.

Два указа сопровождали новоторжцев, задержанных в других городах. Дмитрий Морозов был арестован в Санкт-Петербурге без паспорта и препровожден в Торжок, здесь его освободили, взяв подписку, чтобы впредь он без паспорта не отлучался (01.05). Мещанин Анчеев был задержан в Москве «в пьянстве». Наличие паспорта не спасло его от ареста. Правление потребовало взять его «на верные поруки, с тем, чтоб ему не только впредь от пьянства воздержаться, но никаких худых и указам противных поступков не чинить...», и упражняться в ремесле своем» (19.01)¹¹⁷.

Указ, рассмотренный 19 января, требовал «выправки» о состоянии мещанина Ивана Голузина, который брал подряд на постройку в Смоленске пяти «партикулярных каменных домов».

Сохраняющаяся многофункциональность магистратов и проведение в 1782 г. ряда серьезных государственных мероприятий, самым серьезным из которых была перепись населения, обусловили столь большое количество эксклюзивных указов, поступивших в Калязин и Торжок в этот год из ТНП. Успехи в выстраивании бюрократической вертикали управления и в разделении функций между учреждениями по управлению не только городом, но и губернией привели к сокращению числа эксклюзивных указов ТНП в 1786 г.

В 1786 г. в Калязин прислано 37 эксклюзивных указов, что составляет 53,62% от всех указов ТНП, поступивших в магистрат города, 33,63% от общего числа указов и 8,76% от общего количества рассмотренных вопросов и документов. Если классифицировать их по темам, то прежде всего следует выделить группу указов, связанных с ведением судебно-следственных дел. Всего их 13, при этом 9 связано с взысканием долгов с жителей города. В этой тематической группе указов ТНП выступает в двух ипостасях. Во-первых, как инстанция, контролирующая ход и сроки решения дел. В связи с этим указы предписывают «чинить по законам» те или иные дела, иногда требуют делать это как можно скорее (19.02, 20.05, 03.08, 13.08, 27.08, 15.10, 16.10, 26.08, 23.12). Указ, поступивший 19.02 требовал «немедленного» решения дела Ф.Г. Шелудякова и К.Т. Усова и грозил взысканием членам магистрата за медлительность. Текст справки сообщает, что причиной задержки стал отказ истца Шелудякова подписать принятое магистратом еще в марте 1785 г. решение¹¹⁸. Анализ этой категории указов и других документов, нашедших отражение в журнале Калязинского магистрата за 1786 г., показывает, что в Калязине, как и в других городах, в случае если человек попадал в категорию банкротов, на него сразу поступало множество исков, однако некоторые кредиторы узнавали о банкротстве поздно, уже после продажи имущества должника и раздачи денег кредиторам. Пример такой ситуации мы видим в вексельном деле И. Шальнева. Дело о его банкротстве было начато в Калязинском магистрате не позднее 1784 г. Помещица Бекетова подала векселя Шальнева к протесту лишь в 1786 г. Решение ее просьбы явно затягивалось, а после ее жалобы в ТНП в магистрат поступило предупреждение, что долг Шальнева, в случае если его имущество уже продано, будет взыскан с членов магистрата 1784 г. В связи с этим было принято решение: «учинить справку, естли имение за вексельные долги продано и кредиторам в раздаче, в таковом случае взыскание немедленно учинить с кого следует» (03.08). Совершенно очевидно, что не зная доподлинно, продано ли имущество, члены магистрата тем не менее не исключали такой возможно-

сти, как и того, что не все кредиторы получили хотя бы частичную компенсацию потерь.

После того как помещица Бекетова привлекла внимание членов магистрата и ТНП к делу Шальнева, выяснилось, что опись его имущества в свое время, т.е. в 1784 г., была составлена «неясно». В связи с этим правление потребовало доставить новую с указанием, «какое точно недвижимое имущество И. Шальнева было назначено к продаже» и предупредило, «чтоб сей магистрат впредь о продаже таковых имений с неясными представлениями входить остерегался» (26.08).

Еще в ряде указов ТНП выступает как инстанция по передаче информации и координации ведения судебно-следственных дел. Таких указов 4, они уведомляют, что городничему Калязина послан указ о допросе городского головы Пospelова, бурмистра Молявина и других должностных лиц по поводу «разломания перегороды и в потолчении посеянного хлеба» на расположенных в непосредственной близости у города полях экономических крестьян (08.01), что в Новгородское правление сообщено о необходимости допросить Санкт-Петербургского купца И. Костромина – откупщика винных сборов (30.07), что в Сенат представлено «для пропечатания в газетах» о сроках продажи имущества должника И. Медведева (30.07) и др. Один из указов сопровождает арестованного в Москве за кражу мещанина А. Стольников, у которого к тому же был обнаружен паспорт другого калязинского мещанина – В. Верещагина (13.01).

Вторая группа эксклюзивных указов связана с записью в купечество и мещанство г. Калязина и с исключением из числа горожан. Всего таких указов 9. В этой сфере взаимодействия магистрата и губернского правления отчетливо видна роль последнего как третейского судьи, контролера, защитника интересов отдельных лиц. В пяти случаях из девяти ТНП требовало объяснить причину отказа некоторым горожанам в просьбе записать их в купечество или предписывало сделать это. Во всех случаях основанием для вмешательства в дела города были жалобы тех людей, которым было отказано в просьбе о записи в купечество. П. Салдатов и С. Канбин (13.01), братья Прянишниковы (29.01), братья Пантелеевы (12.03), И. Б. Суругин с детьми (12.03) жаловались на городского голову Пospelова и «депутата» Красильникова, которые чинят им препятствия в записи в купечество. Записи в журнале очень лаконичны, скорее всего, речь идет о нежелании городских властей записывать этих горожан во 2-й раздел обывательской книги¹¹⁹. Кроме того, указы ТНП дают знать о согласии купечества городов других губерний принять в свой состав выходцев из Калязина: В. Морозова в московское купечество (19.03), а Ф. Желудева – в углическое (24.06). Один из указов передает текст сообщения Военной коллегии, в котором просят согласия на зачисление Ф.В. Чередыева – отставного

подканцеляриста, на военную службу, ссылаясь на желание последнего (03.12)¹²⁰. Другой предписывает «чинить по закону» в связи с записью в число калязинского «гражданства» крестьянской вдовы П. Алексеевой с детьми, в связи с чем в магистрате было принято решение «учинить в силу сего повеления, когда сему магистрату от Калязинской нижней расправы дасться знать» (07.10). В данном случае, как и в предыдущих, отчетливо видна коммуникативная функция ТНП, заключающаяся в передаче информации между различными инстанциями, однако и элемент защиты прав личности в этих указах также присутствует. В последнем случае, предписывая «чинить по законам», ТНП, как бы напоминает городскому обществу Калязина, что нежелание принять в состав гражданства вдову с детьми противоречит закону¹²¹.

В 8 указах речь шла о выполнении горожанами тех или иных повинностей, выплатах денежных сборов. Они требовали привести в порядок дороги и мосты (09.07), обеспечить дровами квартиру подпоручика штатной команды (19.06), и провести рекрутский набор (28.01, 14.12) и др. В этих указах виден жесткий контроль губернского правления за сбором налогов. Так, 5 марта поступил и был рассмотрен «дубликатный» указ с требованием подробных сведений о 6 выбывших из купечества и мещанства города, а 11 ноября, — объяснений, почему в КП не сообщили о записи в купечество М. Пантелеева и И. Сутугина. Следует отметить, что поводом для них было обращение в ТНП какого-либо лица или учреждения. Так, указ о необходимости привести в порядок дороги и мосты на городской земле, был составлен по доношению Калязинского нижнего земского суда¹²², о снабжении дровами — на основании представления городничего¹²³. Поводом для указа, разрешающего ловить любого из сыновей семейства Коровкиных и сразу отправлять его в рекруты в зачет будущих наборов, было доношение в ТНП калязинских городского головы и городского старосты (14.12).

Особо следует остановиться на двух указах ТНП, которые позволяют понять роль генерал-губернатора, наместника Новгородского и Тверского в системе управления. Один из них извещал, что Н.П. Архарову по просьбе Калязинского магистрата дано знать, чтобы он сообщил городничему Валдая о необходимости проверить, смогут ли валдайские жители Я. Шилов и С. Терсков выполнить заключенный с жителями Калязина контракт на поставку лошадей и подвод под «шествие» ее императорского величества (15.10). Более чем через месяц магистрат поставили в известность, что Архаров послал соответствующее предписание валдайскому городничему (25.11)¹²⁴. Как видим, переписка с учреждениями другой губернии по поводу выполнения столь ответственного дела, как организация путешествия императрицы, осуществлялось через наместника.

В указах ТНП требовало доставить в КП сведения о приходах, присвоенных городу по ст. 146–150 Городового положения, и расходах, определяемых по ст. 152–153 (03.04)¹²⁵, а в само правление – сведения о гильдейском купечестве, мещанстве и ремесленниках и обывательскую книгу (05.08), прислать описание «о состоянии здешнего города Калязина» (15.09). Два последних указа по сути требовали ускорить выполнение предписаний Н.П. Архарова¹²⁶ и Г.М. Осипова¹²⁷.

Один из указов являлся сопроводительным письмом к печати, изготовленной для Калязинского магистрата (14.01), другой требовал ответа, почему землю, отведенную под казенный питейный дом, отдали купцу В. Красильникову¹²⁸, третий разрешал допустить к должности ратмана вместо умершего И. Литвинова купца А. Стрельникова (21.01). Указ, рассмотренный 16 ноября, требовал «прислать ответ», почему магистратом не сделаны распоряжения «в поборах на неминуемые градские тягости и расходы». Основанием для него стала «принесенная оному наместническому правлению от калязинского мещанства просьба». Этот указ ярко показывает роль ТНП как третейского судьи между городскими обывателями и городскими властями.

Среди 114 указов ТНП, поступивших в Новоторжский магистрат в 1786 г., 90 непосредственно касались жизни города и горожан, т.е. являлись эксклюзивными, что составило 78,9% от поступивших указов ТНП, 47,61% от числа всех поступивших указов и 16,21% от количества рассмотренных вопросов и документов. Большинство эксклюзивных указов, не менее 51, так или иначе были связаны с решением вексельных дел, в которых новоторжцы участвовали в качестве истцов или ответчиков. Эту тематическую группу указов можно подразделить на несколько подгрупп, что позволит выявить направления деятельности ТНП и характер его отношений с магистратом по поводу обеспечения выплаты долгов.

О контроле ТНП за ходом решения дел свидетельствуют 8 указов, в частности, правление требовало объяснить, почему не решено дело мещан Калашниковых (22.01) и почему порутчику Н. Шишкову – одному из кредиторов обанкротившегося купца Н. Масленникова не объявлено о решении дела о долгах этого купца (20.04), узнать, получил ли новоторжский купец И. Елизаров долг с поручика А. Шишкова (09.07) и др. Один из указов предписывал взыскать штраф с членов магистрата за упущения в решении дела мещан Калашниковых, обнаруженные благодаря их обращению во 2-й департамент Тверского губернского магистрата (25.03).

Более 40 указов отражают несколько иную роль ТНП в решении вексельных дел. Посредством их оно, с одной стороны, передавало информацию для новоторжцев, с другой – выполняло задачу обеспечения законности и защиту прав кредиторов: согласно зако-

нодательству долги нужно было платить даже ценой конфискации имущества должника или его поручителей¹²⁹. В 1786 г. из наместнического правления в Торжок поступило 11 указов с требованием взыскать вексельные долги с жителей города. В них ТНП передает сведения о претензиях жителей различных городов Тверской губернии и других губерний к новоторжцам. В частности, Тверское правление трижды требовало рассмотреть дело о взыскании с новоторжского мещанина Д. Козминых 129 руб. 60 коп. по векселю от московского купца И. Смирнова (20.07, 24.08, 18.11), дважды – оплатить вексель новгородского купца Д. Крупенникова в 300 руб. на имя Н. Масленникова (19.03, 28.10).

Кроме того, ТНП предписывало взыскать с В. Елизарова 19 руб. 27 коп. за «неявившуюся у него соль» (19.01), с С. Козмина 8 руб. в пользу новгородского купца В. Сапожникова (14.05), с наследников И. Елизарова 100 руб. (22.06), с Д. Суханова 5 руб. в пользу «едовского купца» М. Друсенникова (10.08), с Г. Апаницына деньги за взятое им казенное сено (22.10), с наследников И. Морозова 300 руб. в пользу тверского купца Нечаева (01.02)

15 указов из числа поступивших в Новоторжский магистрат указов свидетельствуют о работе ТНП, направленной на обеспечение выплат в пользу жителей города (4 указа), и, наоборот о взыскании с них долгов жителям других городов, регионов, представителям других сословий и социальных групп. Чаще всего они сообщают, что по просьбе магистрата информация передана в то или иное учреждение, например, что в ржевский магистрат сообщено о необходимости допросить местного купца В. Немилова по его векселю на имя новоторжских мещан Г. Оксенова и К. Локалова на сумму в 99 руб. Кроме того, указами правление уведомляло магистрат, что сообщило в Военную коллегию о необходимости спросить у гвардии фурыера Ст. Потемкина, брал ли он в долг у новоторжского купца И. Морозова меньшого 75 руб. (04.12), что приказало Тверской управе благочиния выслать в Торжок новоторжского мещанина М. Масленникова, на которого поступила жалоба от племянников (14.08), что сообщило в Московское наместническое правление о необходимости выслать в Тверское наместничество семью Д. Козмина (03.06)

ТНП выполняло также роль посредника между магистратом и другими учреждениями, расположенными в городе, к ведению которых принадлежали должники купцов и мещан. Указ, рассмотренный 15 июля, сообщает, что уже предписано вычесть из жалованья новоторжского почтмейстера Я. Иванова и землемера И. Рагинского деньги в уплату их долгов новоторжцу И. Масленникову.

В ряде случаев правление вмешивалось в ход вексельных споров между новоторжцами, в частности, оно среагировало на жалобу дочери С. Елизарова, которая утверждала, что векселя, поступившие ко взысканию от Е. Елизарова и И. Кутафьева после смерти ее от-

ца, – фальшивые. Правление потребовало рассмотреть жалобу (11.02).

На завершающей стадии решения вексельных дел роль правления также была значительной, оно прикладывало массу усилий, чтобы начатые дела оказывались реально завершёнными. Именно преследуя эту цель, указы требовали: спросить у И. Масленникова, как именно (с поверенным или через вексельный перевод) он хотел бы получить 16 руб. 25 коп., взысканные с архангельского судьи Попова (05.08); объявить А. Молвину, что он должен явиться в осташковский уездный суд для решения вексельного дела (05.03), что в Правительственный Сенат сообщено о необходимости напечатать в газетах объявление «о вызове» валдайского откупщика Карпова в Новоторжский магистрат для решения дела об убытках, причиненных ему Дм. Луковниковым (12.11), а в Новгородское правление – о необходимости выслатить вексель на имя Н. Масленникова (08.07). Дважды ТНП извещало магистрат, что оно послало в Ярославское наместничество сообщение, что рыбинскому купцу А. Попову необходимо получить деньги, вырученные от продажи имущества его должника новоторжского купца К. Мокошева (23.04, 06.05), и дважды передавало ответ оттуда, что Попову сообщили об этом (08.07, 16.10).

В принципе, число новоторжских должников было не столь уж велико, как может показаться на первый взгляд. При систематизации указов ТНП по фамилиям должников оказалось, что в них наиболее часто фигурируют Н. Масленников и К. Мокошев¹³⁰ (5 раз), Д. Козминых (4 раза), И. Морозов, братья Молвины и И. Кутафьев со своим поверенным И. Мокошевым (по 3 раза). Дважды в указах упоминаются С. Козьмин, мещане Калашниковы, Д. Луковников, И. Елизаров, Г. Оксенов и К. Локалов, по одному разу А. Тавлеев, каждый из братьев Остолоповых, С. Елизаров, В. Елизаров, Г. Апаницын, Д. Суханов, сын вдовы М. Фокиной.

С расследованием других дел, помимо вексельных, связано 4 указа: ТНП требовало разыскать и допросить новоторжского купца И. Дмитриева, подозреваемого в хищении ассигнаций из Нижегородской банковской конторы (14.01), расследовать дело К. Перевощикова, который в течение года укрывал беглого попа-раскольника (15.10), изъять у И. Мокошева церковные книги, принадлежащие одному из монастырей (8.01)

Как видим, значительная часть эксклюзивных указов связана с выполнением магистратом судебных полномочий, но следует иметь в виду, что они не диктуют волю правления и тем более не навязывают принимаемого решения. Чаще всего они вообще не несут распорядительной интонации, а лишь передают информацию, которая поступила в правление, напоминают о необходимости выполнять законы и действовать в их рамках. Все это вполне укладывается в

рамки полномочий, определенных в главе V «О должности губернского или наместнического правления» Учреждениями для губерний, статья 97 которых подчеркивает, что «в наместническое правление вносятся, производятся и отправляются в оном все дела исполнительные и скорого отправления или приказания требующие», в том числе векселя и контракты, «по которым в срок платеж не последовал». На обращения последнего рода губернское правление должно было «делать понуждение», а в случае необходимости отсылать спорящих «в те места, куда надлежит». Такое обобщенное очерчивание полномочий губернского правления делало его в значительной мере хозяином губернии (наместничества). Однако следует иметь в виду, что такая концентрация дел в правлениях была необходимой мерой перестройки управления. Снимая с коллегий определенные функции, проводя политику децентрализации, правящие силы не имели в своем распоряжении других институтов с достаточно квалифицированными и беспристрастными служащими. Наместники и губернаторы не могли справляться с объемом задач, ложившихся на губернские власти, а уездные и городские – не имели должной квалификации.

Среди указов, не имеющих отношения к судебной деятельности, следует отметить указ ТНП, извещавший новоторжского городского голову, что рисунки для печатей с городскими гербами посланы в Тульскую казенную палату (08.01)¹³¹. Непосредственно магистрату был адресован указ, сопровождавший стальную печать, изготовленную для него на Тульском оружейном заводе (18.01). Четыре указа были связаны с подготовкой к путешествию императрицы по России в 1787 г. В отличие от уже упоминавшегося указа, который не имея конкретного адресата, пересказывал распоряжения верховной власти, эти указы были адресованы именно Новоторжскому магистрату. В них содержались требования собрать и освидетельствовать 117 лошадей и работников к ним (12.08, 24.09, 30.09), отправить их на указанные в приложении к данному указу станции к 15 декабря 1786 г. (18.11).

Еще 5 эксклюзивных указов ТНП было связано с отводом земли: в них шла речь о выделении участков под строительство школы и богадельни (11.05, 17.06), содержалось требование рассмотреть дела об отводе земли под строительство домов для священнослужителей (06.02, 14.05), причем в одном из последних одновременно речь шла о необходимости взыскать 10 руб. штрафа с членов магистрата за то, что медлят с решением этого вопроса¹³². Один из указов требовал отвести землю Д. Зольникову взамен его участка, который отошел под питейный дом. Указы требовали скорейшего взыскания с новоторжских граждан процентов за неуплату в срок ссудных денег, выделенных после пожара 1767 г. из Коммерческого банка на строительство новых домов (09.04, 28.07, 28.09)¹³³ и ско-

рейшего взыскания казенных недоимок по ведомости, поступившей в ТНП от городничего (08.06).

7 указов было связано с записью в новоторжское гражданство выходцев из Польши (05.03, 09.04, 18.05), жителей других городов (01.02), детей священнослужителей (01.09, 09.09), а также жителей Торжка в купечество других городов (09.11). Текст указов и решения по ним не позволяют думать, что в данных случаях ТНП давало распоряжения записывать или не записывать, оно, как и во многих случаях, связанных с обеспечением выплат по вексельным долгам, лишь передавало информацию между различными структурами.

В ряде указов содержалось требование допросить горожан по различным вопросам. Следовало узнать у мещанина Я. Бетелева, почему он бродит с просроченным паспортом и просит деньги от «доброхотных дателей» для «угодника Ефима» (27.05), а у бургомистра Л. Остолопова, действительно ли он выразил мысль об отказе исполнять предписание городничего (12.03) о взыскании казенного долга с горожан Г. Апаницына и И. Кутафьева¹³⁴. Поступали указы о необходимости разыскать кого-либо из горожан, в том числе дезертира (11.11, 19.11), выполнить предписание казенной палаты об освидетельствовании имущества питейных домов в связи с передачей их новым откупщикам (28.11) и привезти в КП «жалованные и провианские деньги и платье» для отданного в рекруты С. Мамонова (21.10). В двух указах содержалось разрешение об увольнении словесного судьи Андрея Вешнякова от должности на три месяца (23.04, 23.07), Андрея должен был замещать его брат Александр.

Анализ содержания эксклюзивных указов 1786 г. позволяет сказать, что преобладали среди них те, что так или иначе были связаны с решениями вексельных и других судебных дел, а значит, с выполнением магистратом судебной функции. Это свидетельствует, с одной стороны, о сокращении функций магистрата, с другой – об активизации торгово-предпринимательской деятельности горожан, о широте географических рамок, в которых они ее осуществляли, о некоторой трансформации системы обеспечения выплат долгов. В 1786 г. должники гораздо чаще, чем раньше, расставались со своим имуществом. Сосредоточение в ТНП переписки по вексельным расчетам между жителями Тверского края и других губерний предвещает жесткий контроль этого учреждения за решением данной категории дел, который отчетливо виден по записям журнала 1793 г. Скорее всего, злоупотребления местных властей при дележе денег между кредиторами стало причиной указа об «уравнительном удовлетворении вексельных исков». Он поступил в Новоторжский магистрат 18 мая. Возможно, он был послан и в другие города, но мы относим его к эксклюзивным, так как в нем упомянуто о недо-

вольстве новоторжца Д. Крупенникова, которому задерживали выплату 300 руб. Предупреждению, сделанному в 1786 г., местные власти не вняли, и, вероятно, это стало одной из причин постепенного сосредоточения в последующем контроля за ходом всех сельских дел в ТНП.

Среди судебно-следственных дел, проходящих по журналу 1786 г., «старые дела», заведенные еще до введения Учреждений по управлению губерниями, – исключение¹³⁵, в то время как в 1782 г. они преобладали. Данное обстоятельство позволяет говорить об определенных успехах новой системы государственного управления. Об этом же свидетельствует постепенное сокращение количества тем, которых касалось ТНП в своих предписаниях магистрату. Сокращается количество указов по таким проблемам, как поиски горожан, совершенно исчезают указы, препровождавшие в город новоторжцев, задержанных в других городах с просроченными паспортами, в пьяном виде, за кражи. Таких лиц теперь направляют к городничему, и он сам с ними разбирается и в случае необходимости ведет переписку с магистратом. Такое положение вещей стало одной из причин некоторого уменьшения числа эксклюзивных указов, поступающих в магистрат Торжка от ТНП, вместе с тем оно свидетельствует об успехах реформы, об упрочении власти городничего в закрепленных за ним сферах деятельности, чего явно не было даже в 1782 г., не говоря уже о 1778 г.

Итак, исследуя указы ТНП, поступившие в оба магистрата, мы видим, что в первые годы после начала реформы они касались самых разнообразных сторон жизни городов. Это является показателем, во-первых, мощного контроля над городом со стороны губернской администрации, во-вторых – незавершенности разделения функций между губернскими структурами управления, в-третьих – многообразия функций магистрата. Пик концентрации всех нитей управления в Тверском наместническом правлении приходится на 1782 г. Однако уже в 1786 г. среди указов, поступающих в магистраты от ТНП, начинают преобладать связанные с осуществлением действий, направленных на выполнение разного рода обязательств, что свидетельствует о сокращении компетенции магистратов и концентрации ее на судебной деятельности. Кроме того, как было показано выше, снова существенно увеличивается численность указов, поступающих в города от губернского магистрата, казенной палаты и других учреждений губернского звена управления. Еще часть распоряжений губернских учреждений стала поступать в магистраты не напрямую от них, а через другие городские структуры, например через городничего, соляного пристава, или уездного стряпчего, что свидетельствует о распределении обязанностей как между губернскими, так и между городскими и уездными учреждениями и о складывании региональных отраслевых структур. Обра-

щает на себя внимание тот факт, что увеличение общей численности указов, поступающих в магистрат, вплоть до 1782 г. происходит на фоне сохранения их тематического разнообразия, затем тематика указов несколько сужается. Выполнив роль опоры и стержня в управлении городом в ходе проведения крупномасштабной реформы управления, магистраты начинают передавать часть функций другим учреждениям и должностным лицам, иногда вопреки своему желанию и желанию жителей городов. Особенно заметны эти процессы при исследовании документации, поступавшей в магистрат от управленческих структур низшего звена. Магистратские журналы заседаний также дают возможность проследить, как происходило перераспределение функций между низшими звеньями управления. Речь об этом пойдет ниже.

Подводя итог исследованию взаимоотношений магистратов и ТНП, следует также сказать, что между 1778 и 1782 г. произошло изменение в соотношении численности трех групп указов ТНП, выделяемых нами.

Численность указов первой группы, отражающих роль ТНП как транслятора информации о распоряжениях органов высшей власти, в каждом из магистратов с 1778 по 1782 г. существенно увеличилась, от двух с половиной раз в Калязине до трех раз в Торжке. Это было обусловлено изданием в 1782 г. целого ряда важнейших законодательных актов, в том числе непосредственно связанных с городами и горожанами, а также с проведением переписи населения. Следует, однако, отметить, что в процентном выражении к числу указов ТНП они составили в Калязине 18,3% в 1778 г. и 27,73% в 1782 г., а в Торжке соответственно 15,11% и 18,84%. Доля их к общему числу указов изменилась следующим образом: в Калязине она увеличилась с 11,71% в 1778 г. до 24,08% в 1782 г., в Торжке с 8,72% до 15,05%. Однако в 1786 г. численность указов этой группы значительно сокращается, также сокращается и доля их в общем количестве указов ТНП, указов в целом и в объеме рассмотренных вопросов. Это было связано с рядом обстоятельств: отсутствием столь масштабных мероприятий, как перепись, а также с тем, что указы, не связанные с основной деятельностью магистратов, практически перестали поступать из ТНП и их снова стали присылать из губернского магистрата.

Отличительным признаком указов первой группы является синхронность их поступления в магистраты различных городов. Кроме того, они бычно пересказывают сенатские или императорские указы, либо являются сопроводительными письмами к их печатным экземплярам; иногда они присылались лишь для сведения и не имели к городу практически никакого отношения. Тем не менее решение магистратов обычно предписывало послать копию указа городскому старосте, т.е. магистраты в данном случае играли роль рас-

пространителей правовой информации в государстве, через них осуществлялась так называемая публикация документов, что является главнейшей чертой законодательства XVIII в. Немаловажно, что в решениях Новоторжского магистрата 1782 г. иногда содержится фраза о внесении указа «в книгу общих законов к новому Учреждению относящихся». Такой пункт есть в резолюциях по поводу Устава о вине, Устава о соли, Устава благочиния и других законодательных актов. Это свидетельствует о попытке властей решить давно назревшую задачу – составить новое Уложение, но не через деятельность уложенных комиссий, как раньше, а через классификацию законов в ходе практической деятельности учреждений на те, которые лежат в русле традиционного права, и на те, которые несли в себе серьезные перемены. Данное наблюдение, несомненно, требует проверки на материалах других регионов, но представляет интерес для суждений о развитии процесса кодификации в нашей стране.

Во вторую группу указов, присланных в магистраты из ТНП, входят те, которые, скорее всего, составлялись в самом ТНП с учетом необходимости последующего тиражирования и рассылки в учреждения губернии. Часто в их основе лежат ранее, за пределами синхронного периода изданные императорские или сенатские указы – ТНП напоминало магистратам об их существовании, объясняло их положения, толковало их. Указы второй группы, как и первой, поступали в магистраты различных городов достаточно синхронно. При изложении их текстов в журнале вместо указания на конкретный Калязинский, Новоторжский или любой другой магистрат, где эти указы и рассматривались, употребляются неопределенные обороты типа «присутственные места», «вновь открытые присутственные места», «суды», «судебные места» или дается перечень учреждений и управленческих структур, которым они адресованы. Именно это позволяет говорить, что очень часто в магистраты поступал один из тиражированных, фактически безадресных указов Тверского наместнического правления.

Некоторые из них позволяют думать о предоставленной привилегии возможности толковать право, адаптировать его к условиям жизни каждого города. Однако следует признать, что большинство указов этой группы лишь напоминали о необходимости осуществлять те или иные действия в соответствии с законодательством. Рассылка таких указов была неизбежна и даже необходима в условиях отсутствия систематизированных сборников законов или справочников по вопросам деятельности учреждений. Сменяемость членов магистратов также требовала периодических напоминаний о совершении традиционных – для профессионалов – действий. В магистратах старинных городов память и опыт канцелярских служителей вполне могли заменить отсутствие справочников и недоста-

ток опыта выборных членов магистрата, но в новоучрежденных городах, подобных Калязину, опытных канцеляристов не было и едва ли не единственной побудительной, организующей и направляющей силой были указы, и это обстоятельство объясняет повторяемость содержания в них. Тиражирование указов было одним из средств воспитать уважение чиновников и масс к закону, познакомить их с ними, заставить исполнять и тем самым достичь одной из целей всех екатерининских реформ – функционирования аппарата, как центрального, так и местного на основании законов¹³⁶.

В целом на протяжении рассматриваемого периода прослеживается тенденция к сокращению абсолютной численности этой группы указов и их доли в общей массе поступивших документов, что особенно заметно в Калязине. Положение в Торжке несколько нарушает эту основополагающую тенденцию. Здесь в 1782 г. не только не наблюдается сокращения абсолютной численности указов этой группы, но даже наоборот (было 31, стало 32). Однако в процентном отношении их доля среди присланных от ТНП ощутимо снижается – с 36,9% в 1778 г. до 15,45% в 1782 г., а в общей численности указов, поступивших в магистрат, – с 20,8% до 12,35%. В документообороте в целом их доля увеличивается с 4,67% до 4,75%.

В Калязине в эти годы происходит более заметное снижение абсолютной численности указов второй группы (с 30 до 20 указов). На фоне увеличения общей численности рассмотренных членами магистрата документов и указов это обеспечило резкое уменьшение их доли в процентном отношении среди указов ТНП (с 42,25% до 16,8%), в общей массе указов (с 27,02% до 14,59%), и среди всех рассмотренных документов (с 9,93% до 4,24%).

Показатели 1786 г. по обоим городам ниже показателей 1782 г., и это несколько затушевывает главную тенденцию динамики цифр. Увеличение их в 1782 г. было обусловлено необходимостью осуществления серьезных мероприятий по проведению переписи и началом нового этапа реформирования управления. Сравнивая показатели по Торжку и Калязину, можно сказать, что явно намечается тенденция на выравнивание доли этих указов в массе всех поступивших в эти города из ТНП и среди всех указов в целом. Однако в 1786 г. в условиях, когда в абсолютных цифрах в Торжок по-прежнему поступило указов этой группы больше, чем в Калязин, их доля в общем числе поступивших указов и указов ТНП в Калязине оказалась выше, чем в Торжке, но важно, что она резко сократилась по сравнению с 1778 г. Исследование содержания указов позволяет сказать, что это сокращение происходит за счет почти полного исчезновения среди поступавших в Калязин указов, тех, которые требовали составления и присылки в срок разного рода ведомостей, неоднократно напоминая об этом. Это свидетельствует, что местные магистратские служители стали опытнее, постепенно ос-

воили предписанные правила, т.е. стали более дисциплинированными исполнителями, что, в свою очередь, является показателем некоторых успехов процесса урбанизации в городе.

Одной из причин сокращения абсолютной численности и относительной величины этой группы указов стало то обстоятельство, что в 1778 г. многие из них дублировали информацию распоряжений, поступавших в магистрат из других инстанций. Это свидетельствует о важной организующей роли ТНП в налаживании взаимодействия между элементами формирующейся системы управления регионом. В 1782 г. по разным причинам дублирование в указах ТНП информации, приходящей из губернских структур, снизилось, возможно, это стало одной из причин заметного снижения численности указов второй группы в Калязине.

На динамику численности указов этой группы в каждом из городов существенным образом влияло вдумчивое отношение членов ТНП к своим обязанностям, они рассылали свои постановления с учетом реальной потребности в них в том или ином магистрате. Мы уже говорили, что в Калязинский магистрат в 1778 г. поступало много указов, напоминающих о необходимости в срок присылать разные сведения и правильно их оформлять, что было естественно в условиях неопытности канцеляристов магистрата. Большая численность в Торжке в 1782 г. указов по вопросам переписи стала следствием активной записи представителей крестьянского сословия в члены новоторжского городского общества. В Калязине, напротив, число таких случаев было весьма невелико, поэтому и распоряжений, регламентирующих этот процесс, в город поступало мало. В Новоторжский магистрат чаще приходили указы, торопившие с решением дел, потому что численность дел, находящихся в делопроизводстве, там была выше. Значительно меньшее их число в Калязине объясняется не только тем, что здесь не было и не могло быть дел, присланных из Главного магистрата для завершения, поскольку это был новоучрежденный город. Следует учесть также, что население города было слабо втянуто в торгово-промышленные отношения и, как следствие, в Калязинском магистрате заводилось очень мало судебных дел по гражданским искам, преступность уголовная была невелика и поэтому не имело смысла посылать сюда указы о правилах «выставления дел к вечному забвению» или о «радении» при решении судебных дел. Это наблюдение требует внести корректировку в широко распространенные оценки реформ, в частности в тезис о том, что «степень самостоятельности местных органов оставалась крайне ограниченной, вся их деятельность была строго регламентирована, все принципиальные решения политического характера по-прежнему принимались в центре и именно там назначался и отчитывался глава губернии, подчиненный непосредственно самодержцу. Ни один из вновь создаваемых

органов исполнительной власти или самоуправления не имел права устанавливать на своей территории какие-либо свои законы или правила, вводить собственные налоги и пр.»¹³⁷. К этому необходимо добавить, что определенный элемент творчества все-таки присутствовал в деятельности Тверского наместнического правления, оно явно адаптировало действующее законодательство к реалиям жизни каждого отдельного города. Собственно, на большее местный аппарат управления, сложившийся в то время, просто не был способен. При этом те права, которые он получил по законодательству Екатерины, создавали достаточно благоприятные условия для формирования соответствующего уровня профессиональной подготовки служащих аппарата управления¹³⁸, а также правового и гражданского сознания прежде всего у служащих его низшего звена. Достаточно большая численность указов второй группы во все годы была обусловлена отсутствием систематизированных сборников действующего законодательства, что в условиях частой смены членов магистратов и недостаточно высокой правовой грамотности и присутствующих, и канцеляристов требовало регулярных напоминаний им со стороны ТНП о действующих нормах.

Третья группа – эксклюзивные указы – предназначались конкретному магистрату по каким-либо конкретным обстоятельствам. Здесь мы видим наиболее существенные различия в показателях Торжка и Калязина, и они еще более ярко, чем все другие пути исследования показывают, с одной стороны, глубину различий образа жизни двух населенных пунктов, с другой, – демонстрируют догоняющее развитие Калязина по ряду параметров жизни и одинаковую направленность в их развитии. Результаты изучения этой группы указов позволяют выявить те критерии, которые могут служить измерителями уровня развития урбанизационных процессов.

При явном и резком увеличении абсолютной численности эксклюзивных указов более чем в три раза в каждом из городов с 1778 по 1782 г., наблюдается также и рост их доли в массе указов, поступивших из ТНП (в Калязине – с 39,43% до 55,46%, в Торжке – с 47,61 до 65,7%), и в общем количестве поступивших указов (в Калязине – с 25,22% до 48,17%, а в Торжке – с 26,84% до 52,5%). Увеличение числа указов, имевшее место в 1782 г., несколько деформирует оценку общего развития этой стороны взаимоотношений между ТНП и городскими магистратами. При сравнении показателей 1782 и 1786 г. падение числа эксклюзивных указов сразу бросается в глаза. Однако нужно иметь в виду, что в 1786 г. численность таких указов, поступивших в Новоторжский магистрат, выросла по сравнению с 1778 г. в 2, 25 раза (с 40 до 90). Выросла она и в Калязине, но значительно меньше – с 28 до 37. В процентном отношении также наблюдается рост их доли в каждом из городов, и даже в Калязине в 1786 г. они составили более 50% от указов ТНП

и более трети от всех указов. Если говорить про Торжок, то здесь 90 эксклюзивных указов, поступивших в 1786 г., непосредственно касавшихся жизни города и горожан, составили 78,9% от всех поступивших распоряжений ТНП, 47,61% от числа всех поступивших указов и 16, 21% от количества всех рассмотренных вопросов и документов (см. табл. 4).

Многие указы этой группы носили побудительный характер, причем касавшиеся вопросов делопроизводства, не просто напоминали о необходимости составления и присылки в срок различного рода сведений, ведомостей, как в указах второй группы, а требовали доставить их как можно скорее с объяснением причин задержки, указывали на ошибки в оформлении и даже в арифметических подсчетах. Иногда указы содержали разрешение или запрет на какое-либо действие, требовали представления сведений и т.д. В распоряжениях, требующих взысканий с должников, названы конкретные фамилии и суммы их долга. В постановлениях о судопроизводстве изложены требования относительно определенных дел и лиц, в них замешанных, и т.д. Справки и решения магистратов по указам данной группы представляют особый интерес: они сообщают о событиях, никаким другим образом в журнале, а подчас и в других документах не зафиксированных, содержат много так называемой латентной информации. Из некоторых из них можно узнать всю биографию человека или историю его финансового краха.

Учитывая тематику эксклюзивных указов, мы можем сказать, что увеличение абсолютной и относительной численности этих распоряжений было связано прежде всего с увеличением интенсивности торгово-промышленной и общественной жизни горожан, распределением земельного фонда в каждом из них, обеспечением выплат по векселям и т.д. Именно активизация этих сфер жизни вела к увеличению доли эксклюзивных указов, поступавших из Тверского наместнического правления в магистраты, а значит, и указов в целом. Поскольку в Торжке деятельность населения была значительно более интенсивной, то и эксклюзивных указов туда поступало намного больше. Причем разница и в абсолютной численности, и в процентных соотношениях этих показателей в Торжке и Калязине все время увеличивалась, что свидетельствует о разных темпах развития урбанистических процессов в этих городах. В 1778 г. на 28 эксклюзивных указов, поступивших в Калязин, приходилось 40 аналогичных распоряжений в Торжке. В 1782 г. численность эксклюзивных указов, поступивших в Торжок, была уже в два раза больше численности таких указов в Калязине. В 1786 г. разница была в 2,5 раза. Почти половина всех указов, поступивших в Торжок в 1786 г., носила эксклюзивный характер, а их доля среди присланных из ТНП, неуклонно повышаясь, достигала в 1786 г. 78, 9%. Да и в Калязине в 1786 г. такие указы составили более половины всех

Статистика по видам указов ТНП

	Год	Вид статистики по указам ТНП	Калязин	Торжок
Указы 1-й группы	1778	Абсолютная численность указов данной группы	13	13
		Доля в указах ТНП (%)	18,3	15,47
		Доля в общей численности указов (%)	11,71	8,72
		Доля в общем числе документов (%)	4,3	1,96
	1782	Абсолютная численность указов данной группы	33	39
		Доля в указах ТНП (%)	27,73	18,84
		Доля в общей численности указов (%)	24,08	15,05
		Доля в общем числе документов (%)	7	5,79
	1786	Абсолютная численность указов данной группы	16	14
Доля в указах ТНП (%)		23,1	12,28	
Доля в общей численности указов (%)		14,54	7,4	
Доля в общем числе документов (%)		3,79	3,31	
Указы 2-й группы	1778	Абсолютная численность указов данной группы	30	31
		Доля в указах ТНП (%)	47,25	36,9
		Доля в общей численности указов (%)	27,2	20,8
		Доля в общем числе документов (%)	9,93	4,67
	1782	Абсолютная численность указов данной группы	20	32
		Доля в указах ТНП (%)	16,8	15,45
		Доля в общей численности указов (%)	14,59	12,35
		Доля в общем числе документов (%)	4,24	4,75
	1786	Абсолютная численность указов данной группы	16	20
Доля в указах ТНП (%)		23,8	17,54	
Доля в общей численности указов (%)		14,57	10,58	
Доля в общем числе документов (%)		3,31	3,6	
Указы 3-й группы	1778	Абсолютная численность указов данной группы	28	40
		Доля в указах ТНП (%)	39,43	47,61
		Доля в общей численности указов (%)	25,22	26,84
		Доля в общем числе документов (%)	9,27	6,03
	1782	Абсолютная численность указов данной группы	66	136
		Доля в указах ТНП (%)	55,46	65,7
		Доля в общей численности указов (%)	48,17	52,5
		Доля в общем числе документов (%)	14,01	20,2
	1786	Абсолютная численность указов данной группы	37	90
Доля в указах ТНП (%)		53,62	78,9	
Доля в общей численности указов (%)		33,63	47,61	
Доля в общем числе документов (%)		8,76	16,21	

поступивших из ТНП. Это говорит о том, что общение между магистратами и ТНП происходило по преимуществу по вопросам, непосредственно связанным с жизнью города и горожан, и чем далее, тем поводов для такого общения в обоих городах становилось все

больше. При этом тенденция на увеличение численности указов, так или иначе связанных с решением судебных дел, в том числе по векселям, очевидно. Это обстоятельство говорит, с одной стороны, о постепенном сосредоточении магистратов на судебных функциях, с другой – об активизации торгово-предпринимательской деятельности населения, и кроме того дает серьезный материал для размышления о распределении функций между губернскими структурами управления в эпоху Екатерины II и о динамике этих процессов. Анализ эксклюзивных указов ТНП и рост среди них выражающих контроль ТНП за ведением судебно-следственных действий, притом что подобного рода указы исчезают среди поступавших от наместника Новгородского, Тверского и Псковского, а также и от правителя Тверского наместничества (губернии) позволяют говорить, что постепенно надзор и контроль в этой сфере деятельности сосредотачивается в руках наместнических (губернских) правлений. Таким образом, одна из важнейших задач реформы по приближению судебного надзора контроля к населению¹³⁹ в 1786 г. уже вступила в следующую стадию своего решения. Контроль и надзор от наместников и губернаторов перешли в губернские правления, что является показателем углубления реформы, в основе механизма которой лежала постепенная децентрализация: от коллегий – наместнику и правителю наместничества, а затем – наместническим правлениям. Постепенность нужна была для сохранения стабильности и для того, чтобы служащие новых учреждений имели возможность постепенно осваивать азбуку управления и нормы права. Мнение Ю. Готье о том, что лишь практическая служба была способом подготовки кадров, справедливо и для времени реформы Екатерины II¹⁴⁰.

Неуклонное увеличение численности эксклюзивных указов и их доли в общем объеме указов ТНП не всегда сопровождалось увеличением доли всех указов в общей массе рассмотренных вопросов и документов. В 1778 г. все распоряжения, поступившие в Торжок, составляли 22,47% от общего числа документов, в 1782 г. – уже 38,48%, а в 1786 г. – 34,05%. В Калязине же при имеющемся росте абсолютной численности и доли эксклюзивных указов очевидна тенденция к сокращению объема распорядительной документации в общем объеме поступавшей с 36,75% в 1778 г., до 29,08% в 1782 г. и до 26,06% в 1786 г..

Складывается впечатление, что контроль ТНП и других губернских структур за жизнью Торжка и новоторжцев был более жестким. Впрочем, это наблюдение лишь подтвердило выводы, полученные на самой первой стадии обработки журналов. Однако анализ динамики указов ТНП, проведенный в этой главе, выявил новый важный нюанс взаимоотношений правления и магистратов – под контролем оказывалась хозяйственная и имущественная сфера жиз-

ни городского населения, а также проблема выплаты долгов. И чем более интенсивно население города было втянуто в систему торгово-промышленных связей и кредитные отношения, а значит, и в судебные разбирательства по поводу долгов и выполнения разного рода обязательств, тем более оно оказывалось под контролем ТНП. Как ни парадоксально, но это есть показатель не только укрепления власти ТНП и централизации управления в рамках губернии, но и свидетельство становления правовых отношений в стране, без чего невозможно было развитие экономики. Экономика строится в значительной мере на договорах разного рода, а в условиях отсутствия гарантий обеспечения выполнения обязательств, которые берут на себя участники договора, невозможно сколько-нибудь стабильное развитие торговли и промышленности.

По всей вероятности, императрица понимала, что экономическое развитие опережало развитие правового сознания и что это рано или поздно станет тормозом на пути развития экономики и страны в целом, что гарантией реального проведения правительственного курса является высокий уровень административно-правовой культуры, каковой в российском обществе не было. Не было на местах и той элиты, которая в не слишком отдаленном будущем могла бы достичь такого уровня культуры, чтобы составить провинциальные органы управления, способные создавать законы, вводить разумные налоги, проводить политику в рамках обеспечения прав личности, обеспечивать справедливость в распределении доходов. Передать все на места – это значило бы привести страну к хаосу, к экономической и политической нестабильности.

Екатерина II не только не ставила задачи дать право созданным структурам местного управления издавать законы и вводить налоги, но просто не могла и не должна была допустить этого. Прежде чем давать столь большие права органам местной власти и управления, нужно было создать местные гражданские общества, региональную элиту, болеющую душой за территорию, на которой она живет, изменить правовое сознание населения, воспитать в нем уважение к другой личности, к чужой собственности. Сама реформа управления, вводимая Учреждениями о губерниях, должна была стать первым шагом к созданию региональных сообществ и формированию местной элиты, воспитанию в ней и в каждом отдельном человеке привычки действовать в пределах закона. О том, сколь часто приходилось Сенату напоминать «местным администраторам, начиная с генерал-губернаторов, что они только исполнители закона, не имеют права его изменять, а в случае необходимости могут входить с представлениями в Сенат, что обязанности каждого указаны в законе», пишет В.А. Григорьев¹⁴¹. О том, сколь неразвито было правовое сознание населения, свидетельствует огромное количество вексельных дел, которые разбирались в судебных ин-

станциях. За ними стоят не только объективные обстоятельства, но в значительной мере безответственность людей, бравших в долг и выступавших как поручители по чужим долгам, неуважение к тем, у кого берут в долг. Жесткий контроль Тверского наместнического правления был необходим в условиях развивающегося капитализма, и большая часть эксклюзивных указов была связана именно с этой задачей. Поскольку жизнь новоторжцев была более интенсивной в плане предпринимательской деятельности, то и подобных указов туда поступало больше.

Магистраты в системе управления губернией и уездом

Журналы заседаний магистратов пересказывают нам содержание не только указов вышестоящих структур, но также документов, поступавших из различных учреждений других городов и уездов губернии. Сразу отметим, что в журналах Калязинского магистрата за 1778 и 1782 г. случаев взаимодействия с управленческими структурами других городов и уездов не зафиксировано. В 1786 г. из других городов и уездов сюда поступило всего лишь 5 документов. Сообщение из Кашинского городского магистрата сопровождало 4 векселя на имя Д.Ф. Рышкова, который задолжал петербургским купцам 604 руб. (07.12). В сопровождении сообщения кашинского городничего была прислана в Калязин Е.Л. Макарова – местная мещанка, подозреваемая в краже иконы из Успенского собора г. Кашина (15.05). Переписка Калязинского магистрата с учреждениями Вышнего Волочка и его уезда касалась долгов калязинской семьи Чередеевых, которая переселилась в Вышний Волочок. У них были вексельные долги, а также долги по купечеству. Один из сыновей Чередеевых был канцеляристом в Вышневолоцкой нижней расправе, по просьбе Калязинского магистрата из его жалованья вычли и выслали долги по купеческим сборам за 1785 г., деньги сопровождалось сообщением нижней расправы (11.03). Еще одно сообщение извещало об отправке этих денег, оно поступило в Калязинский магистрат почти через две недели после поступления самих денег (24.03). Из Вышневолоцкого магистрата сообщили, что глава семьи – вдова не может заплатить 11 руб. 25 коп. вексельного долга одному из жителей Калязина и за неимением имущества «отдана для зарабатыванья тех денег в партикулярную работу» (02.07).

В Новоторжский магистрат документы из других городов и уездов поступали ежегодно. В 1778 г. их было 32, среди них 5 – из Вышневолоцкой конторы водной коммуникации, которая иногда называется в документах шлюзной конторой. Из этого учреждения сначала поступали сообщения, а с октября – «предложения», что

свидетельствует о серьезном изменении его статуса¹⁴². В четырех из пяти документов конторы содержалась просьба объявить горожанам о вызове желающих к постройке мостов на р. Тверце (30.04, 04.06, 29.10, 28.12) в одном – требование взыскать с Н. Трубицына деньги за купленный дом (22.01). 21 мая капитан Давыдов, который в это время был смотрителем местного отделения конторы, требовал выровнять «бечевник» – дорогу по берегам р. Тверцы, чтобы не задерживать движение барок. Четыре документа поступило из питейных контор. Те, что поступили из Тверской конторы, были связаны с взысканием денег: в одном «доношении», присланном с нарочным сержантом, требовали прислать отлучившегося Григория Васильевича Остолопова, который «находится при сей конторе в услужении у продажи питей в питейном доме в Погорелом городище» (08.05), два «рапорта» извещают, что невозможно выполнить «указ» новоторжского магистрата о высылке Г. Калашникова в Торжок для решения вексельного дела (19.04, 05.06.). Из Вышневолоцкой конторы поступил «ответ» на запрос магистрата о количестве солода, купленного у новоторжского купца Матвея Масленникова, и его стоимости (21.08). Этот «ответ», по сути, ответом не являлся, поскольку не сообщал нужных магистрату сведений. Различия в самоназваниях документов говорят о непонимании служащими характера взаимоотношений между структурами новой системы управления.

Из магистратов других городов в 1778 г. в Новоторжский магистрат поступило 11 документов. В том числе 5 промеморий из Тверского городского магистрата, 3 сообщения из Вышневолоцкого, одно из Осташковского, два – из Весьегонского. В основном они также были связаны с обеспечением выплат по долгам, обычно по вексельным, в одном случае речь шла о выплате казенного долга за соль.

В трех промемориях Тверского городского магистрата предлагалось допросить Г.И. Апаницына по поводу его вексельных претензий к тверскому купцу Сафонову. Каждый раз магистрат предписывал сыскать и допросить Апаницына, а о результатах допроса сообщить в Тверской городской магистрат. Видимо, все попытки найти его оказались безуспешными (26.03, 22.06, 27.08). Еще одна промемория требовала передать купцу И. Морозову, чтобы он прибыл для решения вопроса по его вексельной претензии к купцам Ворошилову и Коршунову (25.05), и, наконец, последняя, поступившая 28 ноября сообщает, что купец комиссионер П. Светогоров отправляет своего приказчика П. Моница, чтобы он доставил, согласно его подряда, соль из Торжка в Вышний Волочок (28.11).

В одном коллективном сообщении, присланном от имени Вышневолоцких магистрата, уездного суда, нижней расправы, содержалась просьба выслать в Вышний Волочок новоторжского мещанина, подозреваемого в убийстве крестьянина (10.09). Два сообщения магис-

трата Вышнего Волочка были связаны с поисками новоторожского мещанина Калашникова, они сообщают, что другой житель Торжка, Г. Хрыпов, который являлся поручителем Калашникова по его векселю, заплатил вышневолоцкой вдове Дарье Орловой долг последнего (13.08, 21.08)..

Среди документов, поступивших в магистрат г. Торжка в этом году, есть весьма редкий – доношение старосты одной из деревень с просьбой взыскать недоимки по крестьянству с семьи, записанной в новоторжское купечество (02.01). Позднее документы такого рода встречаются в делопроизводстве, но поступали они от приказчиков помещиков или от Директора ведомства экономии. Интересна резолюция магистрата: за четырех членов семьи деньги должна заплатить сама семья, а за сына, отданного в рекруты за город, все подати будет платить гражданское общество.

В Новоторжский городской магистрат в 1778 г. поступило также два сообщения Тверского уездного суда, связанные с обеспечением выплат по вексям. Сообщения из Вышневолоцкого уездного суда (24.12) и Вышневолоцкой нижней расправы (15.01) касались ведения следствия по поводу убийства крестьянина. Тверской нижний земский суд извещал, что требуемый в Торжок человек (дворовый майора Сухонина) «представлен» в магистрат (16.05)¹⁴³. В сообщении Валдайского нижнего земского суда речь шла о невыполнении новоторжским купцом Овчинниковым условий договора по поставке кирпича в Едровский ям (10.12). Осташковский городничий трижды требовал взыскать с купца Молвина в пользу осташковского мещанина Прошнева деньги, причитающиеся последнему за найденный им вексель купца Молвина (23.10, 23.11, 17.12), в одном его сообщении речь шла о поставке рыбы в соответствии с условиями какого-то договора.

Анализ рассмотренной группы документов свидетельствует, что связи с крестьянским миром были единичными поводом могли быть убийство и взыскание недоимок с крестьян по прежнему месту жительства. Свидетельств участия крестьян в вексельных операциях в этой группе документов нет. Вторая интересная примета переписки – повторяемость информации. Дело об убийстве крестьянина в Вышнем Волочке представлено тремя документами от разных авторов, попытка взыскать долг с мещанина Калашникова в пользу вышневолоцкой вдовы Орловой – двумя сообщениями магистрата Вышнего Волочка; долги новоторжского купца Г. Апаницына стали поводом для трех документов из Твери и т.д. Основным предметом переписки учреждений, как видим, являлись долги. Поступившие документы позволяют поставить вопрос об устойчивости деловых связей между городами и их жителями. В отличие от Зубцовского магистрата, в который поступали документы из Ржева, Погорелого городища и Твери, корреспондентами Новоторжского бы-

ли, кроме Твери, Вышний Волочок, Осташков. Едва ли случаен тот факт, что Осташков представлен сообщениями городничего, а Тверь – сообщениями магистрата, скорее всего, это отражает специфику системы управления этими городами.

В 1782 г. в Новоторжский магистрат из других уездов поступило 36 документов. Сообщение Тверской комендантской канцелярии сопровождало горожанина, отлучившегося в Москву без паспорта и подозреваемого в краже. Сообщения магистратов других городов (Вышнего Волочка, Кашина, Новгорода, Твери) во всех случаях, кроме двух, связаны с взысканием долгов с новоторжцев (01.05, 08.02, 22.02, 06.05, 06.05). Одно из сообщений Вышневолоцкого магистрата отражает сложный судебный случай, связанный с записью помещичьих крестьян М. Хрыпуновой в вышневолоцкое купечество (07.12). В сообщении Тверского городского магистрата изложены сведения о П. Кукушкине, который, являясь новоторжским мещанином, записался в 3-ю гильдию по Твери (17.08).

«Предложения» Вышневолоцкой конторы водной коммуникации призывали новоторжцев участвовать в торгах на поставку материалов (18.04, 06.06) и на строительные работы (04.04), а также «идти на барках в работниках» (18.04). Организуя движение судов вверх по Тверце силами бурлаков, контора водной коммуникации и подчиненный ей смотритель водных коммуникаций по реке Тверце заботились, чтобы берег был удобен для передвижения людей и коней и присылали в магистрат требование освободить берег от камней. Сообщение смотрителя поступило в магистрат 21 апреля, но его оставили без внимания: это видно из решения – оно лишь повторило содержание присланного сообщения. Через две недели прислали требование от самой конторы (10.05). Реакция на него была иной: решили послать указ городскому старосте. В данном случае, как и в ситуации с передачей дел соляному приставу, мы видим ревностное отношение магистрата к действиям должностных лиц в тех отраслях, которые ранее были в его ведении.

В 1782 г. в магистрат Торжка поступило 10 сообщений из нижних расправ других уездов: из Тверской – 9, из Вышневолоцкой – 1. Все сообщения Тверской нижней расправы были связаны с расследованием двух дел, в которых фигурировали новгородские купцы и мещане и крестьяне Тверского уезда. В связи с делом о куле соли, который оказался у новоторжского мещанина Черноусова, тверская нижняя расправа трижды требовала провести «повальный обыск», который был в компетенции городничего. Магистрат, в свою очередь, дважды принимал решение послать ему сообщения, но лишь в ответ на третий запрос сообщил, что расследование проведено и «обыск» уже отправлен в расправу.

Нельзя не отметить сообщение Вышневолоцкой нижней расправы, сопровождавшее в магистрат следственное дело, ошибочно по-

павшее в расправу (17.05). Суть его выражена несколько туманно и определяется как «отнятие» жителем Торжка Павлом Серым у Борисоглебского монастыря крестьянина, «потребного для отдачи в рекруты». Произошло это осенью 1781 г. во время рекрутского набора, что свидетельствует о сложностях его проведения.

Кроме этого поступило четыре сообщения Вышневолоцкого уездного суда, в трех из них требовали «учинить выправку», содержался ли новоторжский мещанин С.К. Бурков в 1755 г. в Тайной канцелярии (21.10, 09.11, 05.12), четвертое содержало ответ на требование Новоторжского магистрата прислать Д. Дедова в связи с делом о его казенном долге, а также контракт, заключенный им при вступлении на работу по продаже вина. Вышневолоцкий уездный суд сообщил, что дело уже решено, а долг Дедова, который он категорически отрицал, взыскан с поручителей (01.03).

Кроме того, поступило два сообщения от валдайского исправника. Первым он просил прислать мещанина Н. Овчинникова, который нанес убыток ямщикам Едровского яма, поставив им некачественный кирпич (04.10), во втором сообщал, что Овчинников, присланный в Валдай в сопровождении посыльщиков, отослан обратно (25.11). От городничих (вышневолоцкого, кашинского, старицкого) поступило 3 сообщения, все они требовали найти или прислать кого-либо из новоторжских жителей для взысканий по казенным долгам, по питейным откупам и подрядам (11.07, 13.07, 16.09).

В 1786 г. переписку Новоторжского магистрата с учреждениями различных уездов губернии отражают записи о 7 сообщениях нижних земских судов¹⁴⁴. В них содержится требование объявить новоторжскому мещанину Максиму Трубицыну, дабы он явился в суд для внесения денег за взятый им на откуп Выдропужский мост (28.12), взыскать деньги с горожан (08.10, 27.10)¹⁴⁵, допросить новоторжцев (23.03). Кроме того, сообщения нижних земских судов сопровождали деньги, взысканные с «подпорутчицы» М. Чириковой в счет погашения долга И. Масленникову (27.11); горожан, задержанных без паспорта (27.10), извещали, что помещице Ртищевой объявлено о необходимости явиться в суд для окончательного решения дела Мокошева и для получения денег (20.01).

Четыре сообщения поступило из магистратов других городов: Старицкого, Ржевского, Вышневолоцкого (2 сообщения). Они требовали «учинить выправку» по тем или иным вопросам (08.10), взыскать вексельные долги с новоторжцев (23.3), извещали, что по просьбе новоторжского магистрата какие-либо сведения, обычно связанные с осуществлением судопроизводства, объявлены (26.01, 23.03).

Два сообщения Вышневолоцкого духовного правления требовали допросить мещанина А. Флягина (18.06, 10.08). Из Старицкого уездного суда был прислан вексель на 100 руб. для возвраще-

ния Андрею Молвину, суд отказался начать дело по взысканию долга с Я.Ф. Шишмарева без повеления ТНП (23.12). Из Вышневолоцкой нижней расправы объявили, что купец И. Дерягин может забрать вещи, украденные у него дворцовым крестьянином (28.07).

Два сообщения, присланные из Тверской комендантской канцелярии, связаны с Савелием Мамоновым. Первое требует прислать деньги из казны за содержание его в тверской тюрьме (06.11)¹⁴⁶, а второе – найти Мамонова, который, будучи отданным в рекруты, сбежал (01.12).

Изучение документов подтверждает наблюдение, сделанное на первом этапе исследования журналов о том, что магистраты развитых в торгово-промышленном отношении городов чаще взаимодействовали с учреждениями других городов и уездов, чем магистраты новоучрежденных городов, более того, оно показывает, что Калязинский магистрат в 1778 и 1782 г. не имел никаких связей с другими городами и уездами, а в 1786 г. они были весьма. Учитывая, что Новоторжский магистрат общался с учреждениями других городов и уездов чаще всего по вопросам выплаты долгов или невыполнения условий сделок, мы можем сказать, во-первых, что предпринимательская активность калязинцев в это время была также весьма скромной, во-вторых, что массовость случаев невыплат долгов требовала усилить аппарат, гарантирующий выполнение сделок разного рода, что и стало одной из причин начала реформ.

Далее рассмотрим, по каким вопросам и с какими учреждениями своих уездов общались магистраты Калязина и Торжка в 1778, 1782, 1786 г. В Калязинский магистрат в 1778 г. поступило 14 документов Калязинского нижнего земского суда, а в 1782 г. всего 7, в 1786 г. их было получено вдвое больше – 15. В 1778 г. два из них были связаны с межеванием земель, проходившим в этот период, и уточнением границ города (23.02), три просили объявить горожанам о распродаже выморочного имущества (19.10) и барок одного из помещиков (01.10). Еще два были связаны с судебными процедурами: в одном речь шла о необходимости провести «обыск» среди горожан (17.09), в другом сообщалось, что «обыск» о потраве посевов горожан осуществлен (18.09). Нижний земский суд обращался с просьбами прислать людей, знающих какую-то «заразную конскую болезнь» (20.06) и способных определить «валежный лес» в двух казенных рощах (11.06), сообщал, что деньги, взысканные с одного из горожан за использование казенной мельницы, отосланы в уездное казначейство. 31 декабря из нижнего земского суда поступила просьба прислать оценщиков для оценки имущества питейных домов, расположенных в уезде, перед сдачей их на откуп новому откупщику.

Поступившие в 1782 г. в Калязинский магистрат из нижнего земского суда документы представляют его как учреждение, объединя-

ющее в своей деятельности как судебные, так и административно-полицейские функции. Четыре сообщения свидетельствуют о участии нижних земских судов к процессу следствия: они просят прислать тексты допросов, а иногда и кого-либо из горожан для дачи показаний. Еще три сообщения отражают административно-полицейскую деятельность и свидетельствуют о контроле капитан-исправника и его команды над городом. В частности, в одном из сообщений речь идет о необходимости «починки моста и прочих неисправностей на городской земле», в другом – о присылке к землемеру не менее 20 человек для разметки дорог в уезде, в третьем передан текст указа ТНП, предписывающего перевести копииста нижнего земского суда в канцеляристы.

Из 15 сообщений нижнего земского суда, поступивших в Калязинский магистрат в 1786 г. 5 настоятельно требуют прислать нескольких горожан «при депутате»¹⁴⁷ для допроса по поводу одного и того же преступления – кражи из Архангельской церкви. Сообщения поступали 5 раз, так как большинство требуемых лиц долго не могли найти. Четыре сообщения связаны с попытками найти и прислать в нижний земский суд А. Усова для взыскания с него 72 руб. 50 коп. за аренду мельницы (08.05, 18.05, 22.06, 31.07). Дело закончилось тем, что долг Усова заплатил новый арендатор – дмитровский купец Ф. Лошкин. Кроме того, сообщения нижнего земского суда требовали прислать оценщиков для оценки питейных домов и их имущества (29.12), «учинить справку» не имеется ли в магистрате Калязина документов, подписанных поручиком И. Бреховым (20.08), взыскать с жителей Никольской и Свистушинской слобод деньги за бумагу, употребленную в ходе ведения их дела по спору с экономическими крестьянами Спиоровской волости (07.07)¹⁴⁸ и, наконец, сообщают, что сотский Нерльской слободы¹⁴⁹ отправлен в Калязинскую нижнюю расправу «к законному суждению» (01.09).

Активность переписки Калязинского магистрата с Калязинским нижним земским судом и ее содержание позволяют предполагать, что во вновь созданном Калязинском уезде основная часть обязанностей по проведению преобразований лежала на нижнем земском суде, скорее всего, из-за отсутствия у городских учреждений опыта ведения отношений с государственными структурами и из-за сильной степени интеграции калязинцев – вчерашних крестьян в жизнь сельских уездных жителей. Это мнение подтверждают еще два сообщения, аналоги которым находим и в прежние годы. В них речь идет о необходимости починки мостов через ручей и «рытвины» на городской земле, «дабы проезжающим разного звания людям остановки не было» (14.05, 25.05), причем второе сообщение предупреждало, что Тверское наместническое правление извещено о передаче из Калязинского нижнего земского суда информации о необходимости исправить мосты, надеясь, видимо, что это станет

для городских властей побудительным мотивом к действиям (25.05). Среди 16 документов, поступивших в 1778 г. в магистрат Торжка из Новоторжского нижнего земского суда, 11 были связаны с ведением судебно-следственных дел: они препровождали людей в магистрат для допросов, показаний (17.04) или сообщали, что найти и прислать этих людей по каким-либо причинам не могут (03.05). В ряде случаев просили допросить кого-либо из купцов и мещан или требовали прислать их для допроса в нижний земский суд. Дважды, 3 и 16 июля, нижний земский суд обращался в магистрат с просьбой допросить Якима Грузинцева, его жену и дочь о том, «кем были приняты» хлеб, овес и мука, собранные с дворцовых крестьян для отдачи капитану Невежину. При одном из сообщений были присланы для допроса свидетели по делу А. Гребенщикова, обвиняемого в кормчестве (17.10). 30 апреля нижний земский суд просил, чтобы служащие магистрата прибыли в этот суд для «учинения очной ставки» по делу о ссоре двух женщин.

Еще одно сообщение из нижнего земского суда выражает мнение, что дело по подозрению крестьянина Кирилы Тихонова в убийстве другого крестьянина должно расследоваться совместными усилиями магистрата и уездного суда, поскольку убийство произошло в городе, а не в уезде (12.03). По поводу его магистрат решил обратиться в ТНП, объясняя, что задержка с рассмотрением дела происходит по вине нижнего земского суда. Дело, по всей вероятности, было поручено магистрату и нижнему земскому суду, поскольку позднее из последнего поступило сообщение с положительной характеристикой на К. Тихонова, который был дворовым человеком бывшего новоторжского воеводы (16.06), и «повальный обыск» по поводу этого дела (30.07). Одно из сообщений сопровождало новоторжского мещанина, пойманного без паспорта, скрывавшегося от уплаты податей и сборов (17.10). В других просили сообщить, кто ручается за уплату податей Шехониным, назначенным копиистом в нижний земский суд (6.03); выслать к ним мещанина Овчинникова, который обязался изготовить кирпич для церкви в Едровском яме, но не выполнил взятых на себя обязательств; довести до граждан сведения о вызове желающих взять в содержание мосты в с. Медном и Выдропужске «за платеж им из казны по окладам денег» (11.05). Данное сообщение представляет нам нижний земский суд как распорядителя государственным имуществом, и это во многом объясняет ситуацию, сложившуюся в связи с делом Кутафьева.

В одном из сообщений нижний земский суд требовал прислать людей для оценки имущества канцеляристов А. Вешнякова, В. Петрова, В. Поповцева, причастных к злоупотреблениям купца Кутафьева, который «переводил на вексели денежной казны немалого интереса» (31.07). Этот факт примечателен по двум причинам. Во-

первых, среди названных людей был лишь один настоящий канцелярист – В. Петров, во вторых, он свидетельствует, что дело купца Кутафьева велось в нижнем земском суде, хотя по положениям Учреждений о губерниях его следовало разбирать в магистрате. Единственным разумным объяснением может быть тот факт, что дело Кутафьева в значительной мере было связано с нарушением государственных финансовых интересов в пределах уезда (он являлся коронным поверенным), а такие дела вполне вписывались в компетенцию нижнего земского суда.

Переписка нижнего земского суда и магистрата дает сведения о крайне любопытном положении В. Петрова, который являлся канцеляристом магистрата и должником крупных новоторжских купцов. Два раза его вызывали для допроса в нижний земский суд по поводу этих долгов (23.03). Заслуживает внимания позиция магистрата: он явно не торопится удовлетворить просьбу, объясняя это занятостью Петрова. Таким образом, магистрат защищает своего служителя перед его кредиторами – местными купцами, возможно, действительно в интересах дела. Удивляет сам факт разбирательства вопроса о долгах Петрова новоторжским купцам в нижнем земском суде, это может объясняться лишь тем, что он относился по своему состоянию либо к крестьянам, либо к дворянам.

В 1782 г. в Новоторжский магистрат из нижнего земского суда поступило 5 сообщений: два требовали объяснений, почему крестьяне помещика А. Лодыженского «записаны в новоторжское мещанство» (28.04, 30.06). Контекст запросов не оставляет сомнения, что эта ситуация не соответствует правовым нормам, что крестьяне не должны быть мещанами. Ответ магистрата уклончив, служащие ссылаются на пожары 1742 и 1766 гг., когда «магистрат и земская изба со всеми при них покоями выгорели», и на утверждение крестьян, что «предки их по первой еще 723 года переписи записаны в новоторжский посад и жительство, как и они ныне имеют, имели всегда в Торжке на посаде своими домами». Содержание переписки свидетельствует о желании крестьян отождествить посад и мещанство, о готовности членов магистрата и нежелании нижнего уездного суда согласиться с такой позицией (28.04).

Одно из сообщений сопровождает деньги от семейства бывшего уездного стряпчего Кузнецова, которые стряпчий, взыскав с кого-то, не передал в казну, скорее всего, в связи со смертью (22.12). Другое требует «принуждения» канцеляриста магистрата В. Петрова «поставить» в нижний земский суд вышедшую из Польши женщину, взятую им на поруки, чтобы она подписала выписку из законов по ее делу (14.12). Третье требует допросить новоторжских купцов Трубицына и других по поводу одного из затянувшихся следственных дел, по которому они проходят в качестве обвиняемых (15.07).

В журнале Новоторжского магистрата за 1786 г. представлено 6 сообщений Новоторжского земского суда, все они связаны с ведением следственных дел и сообщают данные «повального обыска» среди сельских жителей (19.06); сопровождают С. Козьминых, присланного по приказу Н.П. Архарова из новгородского земского суда (01.01)¹⁵⁰; извещают, что просьба магистрата объявлена истцам (14.07), требуют взыскать с «выключенного из приказного звания в новоторжское мещанство» подканцеляриста Ивана Поповцева вексельный долг в пользу секретаря Петра Поповцева (03.06)¹⁵¹, выслать мещанина К. Яковлева из сельца Голубово в Торжок «с драгуном» для взыскания с него казенных податей (01.06), прислать в нижний земский суд новоторжского мещанина Е. Каширина, в доме которого скоропостижно скончался крестьянин Трофим Степанов (17.03). Как видим, Новоторжский нижний земский суд, в отличие от Калязинского, ведет переписку с магистратом преимущественно по вопросам следствия.

Далее рассмотрим, какие документы поступили в магистраты от уездных судов. Из Калязинского уездного суда в магистрат Калязина в 1778 г. поступило 14 документов, некоторые из них были связаны с передачей дел, документов, информации. 11 мая в магистрат при сообщении уездного суда было передано дело из бывшей Кашинской воеводской канцелярии, которое, как оказалось, следовало решать в магистрате, а не в уездном суде; в двух случаях документы этого учреждения являлись сопроводительными письмами к императорским указам по поводу судебно-следственных дел (09.11). Два документа сообщали о вызове одного из горожан для допроса в уездный суд (21.05) и его возвращении после допроса (21.05). В трех случаях речь шла о необходимости членам магистрата прибыть в уездный суд для совместного рассмотрения следственных дел, еще в двух – о так называемых «обысках»: уездный суд просил провести «повальный обыск» среди горожан (15.03), и сообщал о результатах такового среди подведомственного ему населения. уездный суд просил также взыскать с одного из жителей недоимки по прежнему состоянию (30.01), прислать людей для оценки имущества умершего чиновника (18.08). В 1782 г. документов от Калязинского уездного суда не поступало.

В журнале Калязинского магистрата за 1786 г. зафиксировано 9 сообщений Калязинского уездного суда. В них содержится требование найти и допросить из горожан (20.01, 04.05), прислать присутствующих магистрата для выслушивания решения по делу о кормчестве (11.03)¹⁵², найти проживающего в городе и находящегося в услужении у Е. Брехова дворового человека для возвращения его помещику (22.05, 08.06, 04.08). Одно сообщение просит объявить городскому голове Поспелову и членам магистрата, чтобы они не отлучались из города до решения дела о повреждении горожанами

посевов экономических крестьян (31.03)¹⁵³, два других показывают взаимоотношения уездного суда и городского магистрата по поводу уплаты подушных податей канцелярскими служителями. 4 марта поступило сообщение, явившееся ответом на требование магистрата взыскать подати с «приказнослужителей» уездного суда. В нем просили повременить с взысканием до получения резолюции ТНП. Сообщение, рассмотренное 9 октября, давало знать, «что находящиеся во оном суде приказные служители из калязинских купцов Василей Шестунов и Федор Коноплинский требуемых здешним магистратом положенных окладных на них податей по силе Городового положения 14 пункта платить не одолжаются, да и оной суд тех приказных служителей принудить не может». Магистрат принял решение обратиться в Тверское правление за резолюцией.

Рассмотрим отношения Новоторжского магистрата с уездным судом. В 1778 г. сюда поступило из уездного суда лишь пять документов, т.е. почти в три раза меньше, чем в Калязинский уездный суд. В трех из пяти выражена просьба допросить кого-либо из купцов и мещан (27.11), либо прислать их для допроса в уездный суд (01.02, 11.11); одно сообщение выражало требование прислать кого-либо из членов магистрата для участия в допросе «одного новоторжского купца по делу о смерти лейтенанта Перского», которое вел уездный суд (07.12); 2 августа просили прислать сведения о имуществе разорившегося купца Кутафьева и его поручителей по взятому им ранее подряду.

В магистрат Торжка из Новоторжского уездного суда в 1782 г. поступило 12 сообщений, в том числе 6 было связано с совместным ведением магистратом и уездным судом следственных дел. В них требовали прибыть членов магистрата для рассмотрения дел: о фальшивой ассигнации (10.01), о кормчестве (13.07, 16.11, 22.11); прислать обвиняемого к допросу (13.07), допросить свидетелей (13.07). Во всех делах, которые велись совместно, речь шла об убытках, причиненных казне действиями горожан. Таким образом, определение системы судебных учреждений, введенной Екатериной, как сословной является несколько прямолинейным и не вполне отвечает истинному положению вещей.

Еще 6 сообщений Новоторжского уездного суда были связаны с проведением переписи и записью в число горожан отставного кап-рала и его детей (20.06, 06.07), крестьянина, отпущенного на волю (04.11), выходцев из Польши (23.06, 25.05) и семьи крестьянина, «бывшего в описи на красочной умершего новоторжского купца Антона Тавлеева фабрике» (21.06).

В случае санкционирования уездным судом в ноябре записи в число горожан И. Евстигнеева, вольноотпущенного крестьянина помещицы Глазатовой, мы сталкиваемся с ситуацией, обусловленной одним из «предложений» Тутолмина. В нем говорилось, что за-

пись вольноотпущенных крестьян в число горожан после завершения официальных сроков переписи возможна лишь с санкции ТНП. В данном случае разрешение поступило от уездного суда. Интересны также справка магистрата по поводу данного сообщения и магистратское решение. Со ссылкой на постановление Я.А. Брюса от 19 сентября 1982 г., которым «велено записывать из крестьян и разночинцев в мещане» при условии «доброго поведения», наличии ремесла, дома (или желания купить дом), магистрат постановил взять у Евстигнеева показания и выяснить возможность записи его с семьей в число мещан (04.11).

В журнале Новоторжского магистрата за 1786 г. записей о поступлении документов из уездного суда не содержится. Сравнивая сведения с содержанием документов, поступивших в 1778 г. в Калязинский и Новоторжский магистраты из нижних земских судов, приходим к двум выводам. Во-первых, – о нечетком распределении обязанностей между последними, о наличии в деятельности того и другого наряду с судебными также и административно-управленческих и следственных функций. Это смешение особенно заметно в Калязине, и его нужно соотносить с отсутствием записей о поступлении документов из уездного суда в журнале Калязина за 1782 г. (объяснение же этих фактов требует дополнительных изысканий). Во-вторых, мы можем говорить о не устоявшемся еще в сознании чиновников и выборных должностных лиц представлении о том, кто где должен судиться. Тяга к тематическому делению судебно-следственных дел между учреждениями прослеживается по делам И. Кутафьева и В. Петрова. Нет определенности и по вопросу о месте допроса подозреваемых, в более позднее время все стало более четко и определено.

Далее рассмотрим документы, поступавшие в магистраты из *нижних расправ*. В Новоторжском уезде ни в 1778 г., ни в 1782 г., ни в 1786 г. нижней расправы не существовало, об этом позволяет говорить, во-первых, отсутствие сведений в документах из нижней расправы и, во-вторых, содержание документов, поступавших в магистрат Торжка из уездного суда и нижнего земского суда.

На этом фоне поступление документов из Калязинской нижней расправы в Калязинский магистрат особенно заметно. Причем ее компетенция по журналам магистрата выглядит более определенной и устойчивой, чем уездного и нижнего земского судов Калязинского уезда. В 1778 г. из нижней расправы поступило в магистрат 7 документов. Два сообщения являлись, по сути, сопроводительными письмами: одно к следственному делу, переправляемому в магистрат, другое сопровождало купца назад в магистрат после допроса в нижней расправе. Дважды просили прислать горожан к допросу (19.10), один раз приглашали членов магистрата для проведения судебного заседания (19.04) и, наконец, в одном из сообщений речь

шла о необходимости провести ремонт в помещении, где располагалась нижняя расправа (23.08). В 1782 г. из Калязинской нижней расправы в магистрат города поступило 10 сообщений. В двух случаях вызывали членов магистрата в нижнюю расправу для решения дел, в ряде сообщений требовали представить горожан для проведения допросов и очных ставок, четыре документа сообщают о возвращении людей, после того как их допросы проведены.

В 1786 г. круг вопросов, по которым проходила переписка между Калязинским магистратом и нижней расправой был в основном таким же. Всего в этот год оттуда в магистрат поступило 6 сообщений. Они требовали прислать для допросов Ф. Красильникова в связи с расследованием дела о пропаже денег из питейного дома (18.11), Ф. Лобзина, А. Шершавина, Е. Молявина, Калашникова по поводу незаконной торговли крестьян на ярмарке в Нерльской слободе (12.10, 16.09). Еще одно сообщение сопровождает в магистрат купеческого сына Ф. Лобзина после допроса о случившемся на ярмарке (16.08). В двух документах расправы содержалось предложение, со ссылкой на императорский указ от 16 ноября 1781 г., об учреждении силами магистрата, уездного суда и нижней расправы архива для хранения материалов четвертой ревизии (15.05, 28.07). Магистрат хотя и соглашался с необходимостью устроить архив, однако считал, что он один «с своей стороны по неимению здесь в городе особых и к тому способных домов назначить не может, а долженствует таковой архив избрать вообще, где за пристойно усмотрится». Таким образом, в Калязинском уезде, в отличие от Новоторжского, нижняя расправа существовала и действовала вполне активно, что объясняется, видимо, многочисленностью в этом районе крестьянского населения. Компетенция ее вполне укладывается в рамки, определенные законодательством.

Рассмотрим взаимоотношения магистратов с *уездными стряпчими*. В своих «напоминовениях», поступивших в магистрат г. Калязина в 1778 г., стряпчий действительно напоминает о необходимости вовремя решать дела (01.03), прислать ведомости о тех, что находятся в производстве, и объяснить причины задержки с их решением (17.07), иногда требует объяснений по каким-либо конкретным судебным делам (17.07, 13.12), в одном случае журнал фиксирует устное разъяснение стряпчим порядка подачи явочных челобитных (28.09). Всего в 1778 г. было 5 обращений стряпчего в Калязинский магистрат.

Журнал Новоторжского магистрата за 1778 г. зафиксировал 6 фактов общения с уездным стряпчим Хомутовым. Документ, представляемый им в письменной, а возможно – лишь в устной форме, назывался, как и в Калязине, «напоминовение», а иногда «напоминание». Стряпчий напоминал о необходимости скорейшего решения некоторых конкретных (важных или затянувшихся) дел (30.04;

06.07; 31.12), иногда просил представить сведения общего характера о количестве решенных и нерешенных (04.09), напоминал, что к концу года следует вынести приговоры по как можно большему количеству дел (01.11). В связи с последним документом магистрат решил вызвать канцеляриста В. Петрова и объявить ему предписание стряпчего, что свидетельствует о важной роли канцелярских служителей в деятельности магистрата. Один из документов стряпчего назван «известием». В нем Хомутов пересказывает содержание указа ТНП, согласно которому все жалобы и подозрения относительно членов присутствия должны поступать к стряпчему, а он должен рапортовать о них в ТНП (28.09). В этом случае налицо стремление губернских властей выстроить бюрократическую лестницу, иерархию учреждений и должностных лиц в пределах региона.

В 1782 г. в Калязине было также 5 обращений стряпчего в магистрат. 27 января он выступал в несколько неожиданном амплуа, требуя представить сведения о торговых днях в городе и о времени торговли, а днем раньше просил послать в уездное казначейство сведения о деньгах, собранных за гербовую бумагу, в качестве печатных пошлин и др. Стряпчий обращался в магистрат и с привычными требованиями: доставить к нему ведомости о решенных и нерешенных делах (03.03). 13 декабря состоялась встреча членов магистрата с новым уездным стряпчим, Францем Неврозовым, который появился в магистрате вместе с текстом указа ТНП о своем назначении, а накануне нового года от недавно назначенного стряпчего поступила в магистрат копия формы книги для записи указов (31.12).

В системе управления Новоторжским уездом положение стряпчего в 1782 г. существенно переменилось, и это заслуживает серьезного разговора. Прежде всего следует отметить, что общение между магистратом и уездным стряпчим в этом году происходило очень интенсивно. Всего от стряпчего поступило 26 документов. Стряпчий почти во всех случаях напоминал о необходимости решить тот или иной вопрос, прислать ту или иную ведомость. Часто он ссылался на ордер губернского прокурора либо на «предложение» Тутолмина, напоминая магистрату о требованиях того или другого. Наиболее интересным представляется напоминание о заведении в магистрате книги для внесения «всех от самодержавной власти изданных императорского величества рукою подписанных законов», в нее следовало внести копии всех законов, полученных со времени открытия Тверского наместничества (22.12). Аналогичное сообщение поступало и в магистрат Калязина от Калязинского стряпчего, но в Калязине записи в журнале очень краткие и не передают многих важных нюансов, в частности, крайне важным представляется указание на хронологию указов, которые следовало вносить в книгу – со времени открытия Тверского наместничества. Это приказание, вероятно, связано логически с указом о необходи-

мости соотносить все законы с Учреждениями о губерниях, изданным 13 сентября этого же года. Это явно напоминает попытки создать на местах сборники нового законодательства, осуществить кодификацию в ходе практической деятельности учреждений¹⁵⁶.

В 11 напомниманиях стряпчего, связанных с делопроизводственной тематикой, содержалось требование прислать списки членов магистрата, канцелярских служителей (10.01) и различные ведомости: о присутствии членов магистрата на заседаниях (10.01), о решенных и нерешенных делах и содержащихся по ним колодниках (10.05, 17.05), о делах, подлежащих закрытию в связи с амнистией (05.09, 12.09); некоторые документы стряпчего требуют ускорить решение дел и даже предлагают те или иные меры для этого (18.05), указывают на необходимость переплести книги, журналы, правильно оформлять выписки из журналов и другие документы (05.09, 12.08).

5 напомниманий стряпчего связано с финансовыми проблемами. В них содержалось требование «поступить по закону» с неплательщиками штрафных денег за непосещение исповеди (12.07)¹⁵⁷; брать две деньги за приложение восковых печатей (11.10), сочинять ведомости обо всех доходах в пользу Приказа общественного призрения (18.05). 3 сентября стряпчий пришел в магистрат и сообщил, что Т.И. Тутолмин в период своего пребывания в Торжке «словесно» велел ему «свидетельствовать казну» в начале каждого месяца, сверяя наличные деньги с реестрами. Здесь же он доложил результаты ревизии¹⁵⁸, в ходе которой были выявлены серьезные финансовые злоупотребления.

Еще 5 напомниманий стряпчего были связаны с судебным делопроизводством: в них говорилось о необходимости послать Тутолмину решение по делу Н. Ширяевой (07.11)¹⁵⁹, «сочинить экстракт» по вексельному делу в 5000 руб. В двух случаях речь идет о долгах новоторжца Дедова, отданного «в зажив» за долги по питейному подряду. Государственные власти были намерены переложить его долги на поручителей и требовали собрать сведения о их имуществе (21.06, 27.07).

Четыре раза поводом для общения со стряпчим были проблемы рекрутского набора, который стал причиной конфликта между жителями города. Стряпчему стало известно, что Дмитрий Квашениников с товарищами берут «не знамо почему в противность закону якобы для отдачи в рекруты новоторжских мещан в сей магистрат под стражу и чрез то делает в городе ропот, а в промыслах и работах оных помешательство». Придя 21 сентября в магистрат, он потребовал запретить Д. Квашениникову творить произвол. Приведенная здесь же справка сообщает, что Квашениников и несколько других горожан выбраны как «к наблюдению между семейными мещанами рекрутской очереди, так и ко взятию и представлению оных же и протчих к отдаче в зачет будущих наборов», с тем чтобы

в ходе наборов «вместо таковых не могли пойти прочные и тяглые люди». Такое объяснение свидетельствует о заинтересованности в сохранении в составе горожан тех, кто обеспечивает выплату налогов в пользу государства, однако последующее развитие событий, которое нашло отражение в обращениях стряпчего в магистрат, говорит, что рекрутские наборы часто были поводом для сведения счетов между горожанами и что злоупотребления продолжались, несмотря на контроль стряпчего. 10 октября стряпчий вновь появился в магистрате, сообщив, что мещанин Р. Бурков подал жалобу о содержании под стражей его сына, «захваченного мещанским обществом для отдачи в рекруты». В ходе этого же визита стряпчий, ссылаясь на ордер губернского прокурора Кудрявцева, заявлял, что такое поведение «с человеколюбием не сходно и с милосердием нашей всемилостивейшей государыни несоответственно». Проверка подтвердила факт содержания сына Буркова под стражей, в связи с чем городскому старосте был послан очередной указ «сделать справедливое рассмотрение» и отпустить Буркова. Речь, скорее всего, шла о том, чтобы не только отпустить Буркова из-под стражи, но вообще освободить от рекрутской повинности. Отец Буркова, добываясь освобождения сына, мотивировал это тем, что уже отдал рекрута за свою семью и, кроме того, «сын его обучен французскому языку к пользе общественной» (10.10).

Был освобожден из-под стражи еще один кандидат – И. Маламахов. Об этом нам известно и из переписки с губернскими властями: Маламахова отослали в Приказ общественного призрения как знающего черепичное мастерство. Из рассказа стряпчего о посещении им собрания купцов и мещан становятся известны дополнительные подробности конфликта. Он акцентировал внимание на поведении Квашенинникова, явно считая того заинтересованным в отдаче Маламахова в рекруты, но одновременно сообщил о причастности городничего к освобождению черепичного мастера. По словам стряпчего. Квашенинников «кричал с великим азартом, что для чего они допустили без их воли городничего ко освобождению того Маламахова» (19.10).

Как видим, круг вопросов, которые находились в поле зрения новоторжского стряпчего разнообразен, но он обусловлен теми проблемами, которые переживало местное население и которыми интересовалось начальство. Кроме того, в его компетенцию входило напоминать содержание давно введенных правил и положения ранее изданных законов. Активная деятельность стряпчего, видимо, позволяла разгрузить губернские учреждения от контроля за деятельностью городских властей.

В 1786 г. калязинский стряпчий общался с членами магистрата ежемесячно в ходе проверки «казны» и ведения делопроизводства. Результатом этого общения были журнальные записи, сообщав-

шие сумму, поступившую в предшествующем месяце по каждому из видов сборов и итоговую; утверждалось, что деньги к моменту проверки уже отосланы в уездное казначейство. Проверка, прошедшая, судя по записям журнала, 2 января, показала, что всего разных сборов в декабре было 2 руб. 57 коп. с четвертью, «которые по силе указов Тверского наместнического правления и казенной палаты того же декабря 29 дня и отосланы в Калязинское уездное казначейство»¹⁶⁰. Запись также сообщает, что «к нынешнему генварю месяцу по магистрату никакой денежной казны не имеется, что же касается до производства дел, оныя течение свое имеют порядочно».

В 1786 г. калязинский уездный стряпчий трижды приходил в магистрат по другим делам. 15 июля он объявил содержание ордера губернского прокурора Кудрявцева, который констатировал, что во многих присутственных местах губернии есть денежные сборы «до них не принадлежащие» (т.е. собираемые вопреки законодательству), а также что денежные суммы вовремя не передаются в уездные казначейства. Стряпчий сообщил, что губернский прокурор «выговаривал» всем стряпчим¹⁶¹.

29 октября стряпчий объявил ордер Григория Михайловича (вероятно, речь идет о губернаторе Г.М. Осипове. – *Н.С.*), коим велено ему, стряпчему, вместе с калязинским земским исправником освидетельствовать хлеб в казенных магазинах. В связи с этим он просил, чтобы ведомости, которые обычно отправляют к нему, во время его отсутствия отсылали сразу к прокурорским делам. 29 декабря стряпчий предложил остановить взыскание 10 руб. штрафа с И.М. Красильникова – депутата по составлению обывательской книги до распоряжения правителя наместничества¹⁶².

В Торжок в 1786 г. поступило 5 напоминаний от уездного стряпчего Графа, причем 4 из них поступили в один день – 11 августа. В двух из них шла речь о необходимости составить как можно скорее обывательскую книгу (25.05, 11.08). Кроме того, он напоминал о необходимости составить описи недвижимого имущества купцов и мещан¹⁶³ и прислать опись имущества братьев Остолоповых, подлежащего продаже за долги (11.08). Он также просил указывать в ежемесячных ведомостях, посылаемых к нему, имена всех заключенных, сведения о делах, по которым они содержатся под стражей (11.08), и уведомлять его, если какие-либо присутственные места будут медлить с ответом на обращения магистрата (11.08). Как видим, деятельность новоторжского и калязинского стряпчих имела существенные различия. Пик активности новоторжского пришелся на 1782 г., причем он осуществлял контроль в различных сферах компетенции магистрата и городской жизни. Калязинский стряпчий был более активен в 1786 г. и главной сферой его внимания была финансовая деятельность магистрата.

Рассмотрим, как складывались отношения магистратов с казначеями. Должности уездных казначеев введены были особым указом, велено было назначить их даже в тех губерниях, где не введены были еще положения Учреждений о губерниях. Там, где не было еще казенных палат, они подчинялись губернским канцеляриям и даже воеводам. По мнению В. Григорьева, это свидетельствует о том, что «недостатки местного управления резче всего чувствовались в области финансового управления и приходилось принимать экстренные меры, чтобы его упорядочить»¹⁶⁴. Сам В. Григорьев в своей монографии не касается вопросов конкретной деятельности казначеев, мы же имеем возможность обобщить данные журналов заседаний магистратов и получить об этом некоторое представление, равно как и о характере взаимоотношений между ними и магистратами.

В 1778 г. в Калязинский магистрат поступило 8 сообщений уездного казначея: он торопил с присылкой ведомостей о купцах и мещанах, на основе которых исчисляется сумма подушного сбора, которая должна поступить от города (02.01, 09.01), просил благоустроить его жилье, отремонтировать печь в казначействе (28.09), прислать ему ведомости о присутствующих в магистрате, что было обязательным, предварительным условием выдачи зарплаты, вызывал «приемщика» денег для передачи ему жалованья членам магистрата (11.12).

В магистрат г. Торжка в 1778 г. также поступило 8 сообщений от казначея. В трех речь шла о получении им денежных средств из статс-конторских доходов, предназначенных для выдачи жалованья присутствующим магистрата, и содержалось «предложение» прийти и забрать деньги (24.04, 06.07, 03.12)¹⁶⁵. Три документа были связаны с обеспечением выплат горожанами денег в счет погашения казенной суды пострадавшим от пожара. В одном сообщалось о получении в уездном казначействе денег за дом, который был куплен городским обществом «под присутственные места» (03.10). Дом этот ранее принадлежал купцу Кутафьеву и поступил на торги за долги последнего. Долгов было много, и в том числе долг по ссуде. Интересно, что по поводу сообщения уездного казначея в магистрате приняли резолюцию о необходимости послать указ сборщикам ссуды, чтобы те вычли 192 рубля из долга Кутафьева, остальные деньги в счет погашения этого долга должны были затем постепенно вычитать с городского общества. Эти документы свидетельствуют о выполнении уездным казначеем функций кассира.

Одно из сообщений казначея передает просьбу копииста казначейства Тяпкина высчитывать из его жалованья деньги в счет погашения ссуды за дом; еще одно – является сопроводительным документом, при котором поступили в магистрат 30 рублей из жалованья копииста. Данная ситуация весьма любопытна, копиист пред-

стает в ней как винтик механизма казначейства, как член некоего малого сообщества, стоявшего особняком от остального города и горожан.

При одном из сообщений казначея прислана копия доверенности, данной Я. Толченову от коронного поверенного И. Пивоварова, на право собирать питейные сборы (27.08). Сообщение, поступившее 20 февраля, требовало ускорить сбор подушных денег и процентных с капиталов, объявленных купцами (20.02). Резолюция магистрата предписывала послать указ «определенным от гражданства сборщикам» подушных и процентных денег, что позволяет говорить о существовании в городе такой категории сборщиков. Свидетельств этому в записях в журналах магистрата Торжка немного, однако данные дел, сформированных по предметно-тематическому признаку, подтверждают не только факт их наличия, но и подконтрольность магистрату. Следует также отметить, что в переписке между магистратом Торжка и казенной палатой тема сбора подушных денег и процентов с купеческих капиталов в 1778 г. не проходят. Она появляется в их переписке позднее.

В 1782 г. в магистрат Калязина поступило 9 сообщений казначея. В одном из них речь снова шла о неисправной печке. Остальные были связаны с соляным делом и сообщали, сколько соляных денег израсходовано в прошлом месяце и с начала года. Записи в журнале не отражали ни суммы израсходованных денег, ни назначения расходов, но ясно, что «соляные деньги» находились в казначействе, а расходовались, скорее всего, на выплату поставщикам за привезенную соль. Любопытно, что последнее сообщение казначея было рассмотрено в сентябре, и именно с сентября продажа соли в городе переходит в компетенцию соляного пристава, о чем подробнее будет сказано ниже.

В новоторжский магистрат в 1782 г. от уездного казначея поступило 8 сообщений. Два, январское и февральское, сопровождали ведомость о приходе и расходе соляных денег по уездному казначейству (03.01 и 01.02) за декабрь 1781 и январь 1782 г.¹⁶⁶. Удивляет, что аналогичных сообщений за последующие месяцы не было. Два сообщения связаны с винной продажей: одно требует спросить у работников, нанятых к винному магазину, будут ли они торговаться по поводу цены за работу по продаже вина (18.10). Из справки известно, что двое согласны, а третий претендент исчез, тем не менее магистрат принял решение учинить торг в присутствии членов магистрата, казначея, винного пристава и стряпчего. По всей вероятности, торг не состоялся, так как в ноябре уездный казначей требовал «понуждения» новоторжского купца Елизарова к выполнению обязательства представить 4 человек к работе в винном магазине (22.11). Эта ситуация вокруг винной продажи, во-первых, проясняет мотивы содержания В. Елизарова под стражей¹⁶⁷, во-вторых, явля-

ется показателем не столько больших запросов кандидатов, сколько нежелания городского общества выпускать доходное дело из-под своего контроля, как это было и в ситуации с солью.

Сообщение, поступившее 22 марта, требовало аттестаты на получение в уездном казначействе денег (под переводные векселя. – *Н.С.*) выдавать за «подписанием всех сего магистрата присутствующих». Несомненно, оно имело целью предотвращение тех злоупотреблений, которые становятся очевидными при детальном изучении фонда. Казначей дважды требовал вернуть часть денежного жалованья, ошибочно переданную в магистрат. Ошибка, по всей видимости была следствием неверного отчета о днях, проведенных каждым из членов магистрата в присутствии, однако нельзя не отметить, что они не спешили с возвращением денег: первое сообщение казначея на эту тему было 26 июля, а второе – 15 сентября.

В сообщении, рассмотренном 24 октября, казначей предписывал ускорить сбор подушных денег и процентов с купеческих капиталов за вторую половину года. В связи с этим магистрат постановил послать указ сборщикам, «выбранным на 1782 г.». Это решение интересно тем, что являет редкое доказательство подчинения сборщиков подушных денег Новоторжскому магистрату.

В 1786 г. в Калязин поступило 36 сообщений уездного казначея, что намного выше численности документов, поступавших от него в прежние годы. Большинство из них (26) являются аналогом квитанций и сообщают о принятии в казначействе различных сборов от магистрата или городского старосты¹⁶⁸. В начале каждого месяца поступало два сообщения о принятии денег: за выданные паспорта и пошлинных¹⁶⁹, кроме того, казначей извещал о принятии сорокаалтынных денег с мещан (29.12, 06.03) и процентных денег с объявленных капиталов (02.11, 20.03). В сообщениях о получении пошлинных сборов и сборов с паспортов обычно нет сведений, от кого они получены, фиксируется только факт принятия и лишь иногда упомянуто, что деньги получены из магистрата с городским старостой. В извещениях о сорокаалтынных деньгах и процентных с капитала, напротив, всегда указано, что деньги поступили из магистрата с городским старостой. Сверка записей журнала с подборкой сообщений – подлинников казначея о получении денег показала, что служащие магистрата и других учреждений стремились создать видимость выполнения всех необходимых требований к делопроизводству, но на самом деле, в реальности, последовательность событий была несколько иной. Так, в журнале Калязинского магистрата записано, что 28 июня поступило сообщение казначея о приеме денег за июнь, однако помета на подлиннике иная – 30 июня, т.е. налицо явная фальсификация. Не исключено, что деньги вовсе не поступали в уездное казначейство в необходимое время. О злоупотреблениях по этой части свидетельствует одно из устных сообще-

ний стряпчего Калязинского уезда, о котором говорилось выше¹⁷⁰.

Остальные сообщения требовали прислать 4 руб. за изготовление печати магистрата и сиротского суда (10.02), извещали о получении денег в казначействе (12.02), о выдаче городскому старосте «с городской продажи вина с прибыльной суммы принадлежащих для калязинского общества процентных денег 50 руб. 2 коп.» (24.03), а одному из ратманов – денег на жалованье присутствующим магистрата¹⁷¹ (19.05, 10.09, 29.12), требовали вернуть «переданные» в счет жалованья, т.е. излишние деньги (07.05) и извещали, что получили их (19.05). В конце года поступила просьба доставить ведомости о записавшихся в купечество и мещанство на 1787 г. Как видим, численность документов казначея возросла очень существенно, и прежде всего за счет сообщений, подтверждающих факт получения денег. В Новоторжском уезде такой системы – подтверждения казначеем фактов поступления денег от магистрата, видимо, не существовало, во всяком случае, по записям в журналах она не видна, но известно, что в Торжке деньги, собранные в качестве подушных и процентов с объявленных капиталов, а также пошленные деньги поступали в казначейство из магистрата с сопроводительным письмом, а казначейство выдавало квитанцию о получении денег.

В 1786 г. в Новоторжский магистрат поступило всего лишь 4 сообщения из уездного казначейства. В них просили прислать 2 руб. за казенную печать (12.02), поспособствовать уплате податей новоторжским гражданством за вторую половину 1786 г. (30.10)¹⁷². При двух сообщениях поступили деньги, удержанные из жалованья землемера Рагинского (21.09) и сидельца соляного магазина К. Шурухина (03.07), которые должны были пойти на выплату их вексельных долгов. Столь значительная разница в количестве документов казначея, поступавших в магистраты Калязина и Торжка, объясняется тем, что квитанции, которые получали новоторжцы в уездном казначействе, не фиксировались в журнале заседаний, в отличие от сообщений калязинского казначея. Видимо, подчиненность сборщиков магистрату Торжка влияла на процедуру его переписки с казначейством.

Взаимоотношения городских магистратов с церковными властями и представителями церкви по журналам заседаний Калязинского магистрата прослеживаются крайне слабо. Лишь в 1786 г. в Калязинский магистрат поступило сообщение от архимандрита Троицкого монастыря «в подтверждение здешним города Калязина жителям, чтоб в имеющихся под ведомством того монастыря реках рыбы отнюдь ни под каким видом не ловили» (23.04). Кроме того, одно из сообщений сопровождало в магистрат монастырского подьячего «для отобрания сведений о штатных служителях монастыря» (29.09)¹⁷³.

В Торжке взаимодействие городского магистрата с представителями церковного ведомства выражено гораздо сильнее. В 1778 г. в Новоторжский магистрат поступило 12 документов от церковных учреждений и священнослужителей, в том числе из Новоторжского духовного правления поступило семь промеморий. В одной из них запрашивали сведения о количестве мест, отведенных под строение в районе церкви «что при убогом доме» и сколько из них уже застроено (13.03), пять были связаны с жизнью новоторжских раскольников. Две из них носят общий характер и содержат требование, чтобы раскольники города сообщали приходским священникам о фактах рождения детей и заключения браков (07.03, 12.10) Интересны резолюции магистрата по их поводу. Они предписывали послать указ городскому старосте, чтобы он «обязал раскольников подпискою» сообщать приходским священникам о фактах венчания и рождения детей. При этом в резолюции по поводу мартовской промемории старосте было указано «собрать всех записных раскольников магистратского ведомства», что предполагает наличие в городе раскольников, ведению магистрата не подлежащих. Остальные четыре имеют эксклюзивный характер, т.е. касаются конкретных, реальных ситуаций: предлагают магистрату допросить некоторых лиц, принадлежащих к расколу, о времени рождения младенцев и сообщить в церковное ведомство (07.07), велят исключить мещанина Масленникова из двойного оклада в связи с тем, что он «возвращается в православную веру» (05.09). В ответ на последнюю резолюцию магистрат предписал послать доношение в казенную палату об исключении Масленникова из списка записных раскольников и послать городскому старосте указ об этом. В промемории, поступившей 22 мая, просили прислать мещанина Селецкого для очной ставки со священником Афанасьевым.

Кроме того, в магистрат поступило три доношения от священнослужителей. 20 декабря протоиерей Преображенского собора С. Яковлев сообщил, что несколько новоторжских мещан приведены им к присяге в присутствии городничего и клянутся, что ничего не должны Санкт-Петербуржскому купцу М. Максиму. 23 марта священнослужители собора представили в магистрат для хранения 300 руб., собранных «от доброхотов», магистрат, ссылаясь на ненадежность хранения денег в магистрате, постановил отправить их содержателю городской суммы Морозову. Священник Богоявленской церкви сообщил о согласии церковнослужителей выделить часть церковной земли одному из мещан, но взамен выполнения гражданами каких-то обязательств, суть которых из сообщения не ясна, в связи с чем городскому старосте был послан указ, передающий содержание требований (15.01).

В 1782 г. от Новоторжского духовного правления в Новоторжский магистрат поступило 10 документов. Основными вопросами их

переписки были: учет раскольников (13.04, 15.07), проведение исследований по некоторым делам, где участвовали купцы, мещане и представители церковного ведомства. Исследование записей журнала свидетельствует о стремлении членов магистрата сузить судебные полномочия церковного ведомства в отношении торгово-ремесленного населения. Насколько они послушны в ситуациях, когда духовное правление требует прислать горожан к допросам по поводу «взятий» и продаж икон (16.11, 02.12, 19.12), настолько яростно они отстаивают свое право судить купцов и мещан по другим делам. Дважды члены магистрата отказывались прислать П. Перешникова для допроса «якобы в увозе им у новоторжца Ивана Тюткова дочери и девки, которая уже сговорена была в замужество за новоторжского мещанина Алексея Оминена и в венчании с нею по-таенно». Свой отказ члены магистрата мотивировали тем, что женитьба без воли родителей подсудна светскому суду, а не церковному (28.10, 23.11).

На требование духовного правления прислать Лариона Данилова для допроса «якобы в бою им пономаревой жены» магистрат также ответил отказом, причем хорошо обоснованным, что редко встречается в журналах, ссылаясь на законы. Обоснование приведено в виде справки. Ссылаясь на главу 9 Регламента Главного магистрата, члены новоторжского магистрата указывают, что «купецких и ремесленных людей во всяких делех судом и расправою и штатными и убивственными делами ведать (кроме великих государевых дел) в Главном магистрате»; ссылаясь на докладные пункты 24 сентября 1723 г., они указывают, что обиженные должны бить челом «на суперников своих там, где они ведомы». Длинно обосновав свое решение в справке, в решении члены магистрата подвели краткий итог: «за силою выше писанных законов велено купецких и ремесленных людей во всяких делех судом и расправою (кроме великих государевых дел) ведать в магистратах» (16.12). На требование новоторжского духовного правления наказать мещанина за поклеп на дьячка «якобы в отнятии» шапки, рукавиц и прочего члены магистрата также ответили отказом, обосновывая его отсутствием искового челобитья (18.05). Не вполне понятна причина обращения духовного правления за справкой, «подлинно ль новоторжский мещанин Герасим Васильев вместо рекрута послан на поселение, когда именно и вечно ль» (23.09).

В 1786 г. в Новоторжский магистрат поступило четыре сообщения Новоторжского духовного правления. Два из них, внесенные в журнал 23 октября, требовали допросить некоторых раскольников и прислать сведения о родившихся у них детях; правление требовало также отвести землю под усадьбу церковнослужителям Богословской церкви вблизи храма (11.05) и ставило магистрат в известность, что священнику Сретенской церкви Андрею Иванову для об-

легчения «увещевания колодников» определен «в помощь ильинской иерей Симеон» (01.04).

Подводя итоги, следует сказать, что исследование подтвердило активность связей Новоторжского магистрата с учреждениями других уездов, полное отсутствие таких контактов Калязинского магистрата в 1778 и 1782 г. и весьма слабое – в 1786 г. Это является показателем слабой интеграции Калязина в товарно-денежные отношения. Исследование взаимоотношений магистратов со структурами своих уездов позволило выявить процесс формирования новых, вводимых в ходе реформы учреждений и его некоторые особенности в каждом из двух уездов. Изучение записей журналов заседаний позволяет говорить, что не существовало некоторых предписанных новым законодательством учреждений, например, в Новоторжском уезде не было нижней расправы, а разделение обязанностей между существовавшими было не вполне четким. Переход от тематического разделения дел между учреждениями к новым, не вполне ясным даже для губернского правления, принципам происходил медленно. Кроме того, знакомство с содержанием документов, поступивших в Калязинский и Новоторжский магистраты из уездного суда и нижнего земского суда, позволяет говорить о нечетком распределении обязанностей между последними, о наличии в деятельности того и другого наряду с судебными также и административно-управленческих и следственных функций, особенно заметно это в 1778 г.

Материалы Новоторжского магистрата свидетельствуют о его нежелании делиться полномочиями с новыми структурами и одновременно об активной борьбе за осуществление ряда функций, ранее принадлежавших, например, Новоторжскому духовному правлению.

В 1782 г. более активной становится деятельность новоторжского стряпчего. Круг вопросов, которые находились в поле его зрения, разнообразен, но обусловлен теми проблемами, которые переживало местное население и которыми интересовалось начальство. Кроме того, в его компетенцию входило напоминать содержание давно введенных правил и положения ранее изданных законов¹⁷⁴. Активная деятельность стряпчих позволяла несколько снизить нагрузку на губернские структуры управления и ослабить контроль губернских учреждений за деятельностью городских властей, кроме того, это лежало в русле тенденции на укрепление прокурорской власти и наблюдения за тем, чтобы законодательство соотносилось с Учреждениями о губерниях и неукоснительно выполнялось¹⁷⁵. Благодаря фиксации в журнале текстов документов стряпчего, требовавших соблюдения законности, выполнения действий, предписанных сверху, мы можем узнать некоторые нюансы городской жизни, непонятные или просто невидимые из других документов. Что касается деятельности уездных казначейств, то она, судя по записям в журналах, укладывалась в рамки, отведенные законом. Но

взаимодействие уездных казначейств с магистратами в двух очень разных по структуре населения и уровню развития торгово-промышленных связей уездах имело свои особенности. В более развитом в плане урбанистики Торжке предметом переписки являются ссуда, выданная на постройку новых домов, правила подписания аттестатов на взятие денег под переводные векселя, казенные долги горожан. В переписке магистрата и казначейства за 1782 г. заметно нежелание жителей Торжка расстаться с тем, что принято считатьременительной повинностью, – службой при продаже соли. Из других документов известно, что сразу после передачи продажи соли в ведомство приставов так называемые «добровольные складки» были увеличены, поскольку ранее именно из приборных денег с продажи соли решались многие городские проблемы, в том числе содержание школы, богадельни и др. Существенная разница между количеством документов, поступивших в 1786 г. из казначейств в магистраты Калязина (34) и Торжка (4), может рассматриваться как более высокого уровня делопроизводственной культуры, а также правовых знаний и знаний чисто бухгалтерских у служащих Новоторжского магистрата. Квитанции как документ не общего, а специального делопроизводства, не находили отражения в журналах магистрата Торжка, в отличие от сообщений казначея, которые фиксировались в журнале Калязинского магистрата.

Магистраты и городничие. К вопросу о разделении функций

В соответствии с Учреждениями о губерниях должности городничих вводились во всех уездных центрах России. Они, в отличие от земских исправников, не выбирались, а назначались Сенатом по представлению наместника¹⁷⁶. Это значит, что в большинстве своем городничие были посторонними для горожан людьми, тем более что они должны были быть дворянского происхождения. Городничий был единственным в городе представителем коронной власти, компетенция которого распространялась исключительно на горожан, в отличие, например, от казначея. Как показали результаты исследований архивных фондов городских управленческих структур и отдельных категорий дел магистратского делопроизводства роль городничих в разных городах в первые годы проведения реформы была различной. Теперь рассмотрим вопрос о разделении компетенции между городничим и магистратом на основе анализа записей журналов двух городов: Калязина и Торжка.

В 1778 г. в Калязинский магистрат поступило 21 сообщение городничего, а в Новоторжский – 34, что в процентном отношении ко всем поступившим документам составляет соответственно 6,95% и

5,12%. В данном случае пересчет на проценты лишь подтверждает общее впечатление, складывающееся от изучения содержания документов, о более значительном влиянии калязинского городничего на жизнь города, чем новоторжского. Это подтверждает ранее сделанные выводы о большем влиянии городничих в новоучрежденных городах, чем в городах с давно сложившейся городской культурой.

В пяти из зафиксированных в журнале Калязинского магистрата в 1778 г. документов городничего содержится требование отрядить кого-либо из членов магистрата для участия в крестном ходе (05.01, 31.01, 30.03, 22.03, 30.07). Это свидетельствует о том, что введенное законом правило для должностных лиц от различных учреждений присутствовать на подобных мероприятиях еще не закрепилось в сознании городских властей¹⁷⁷. Одно сообщение городничего является, по сути, сопроводительным письмом к следственному делу, пересылаемому в магистрат (15.01). Несколько сообщений были связаны с финансовыми вопросами: 19 декабря городничий напоминал о необходимости организовать взыскание оброчных денег, а 13 марта – о необходимости отсылать подушные деньги и проценты с купеческого капитала в уездное казначейство. В одном из документов городничего речь шла о присылке горожанина в уездный суд к допросу (29.03). В трех последних случаях проявляется роль городничего как посредника между магистратом и органами государственного управления, в том числе в организации сбора окладных налогов, чего Учреждения о губерниях не предписывали.

Дважды городничий извещал о получении им сообщений из магистрата, при этом из текста журнала мы можем узнать содержание исходящих магистратских документов: это были просьбы о «публикации», т.е. объявлении горожанам через городничего известий о призыве «охочих людей» к подрядам и откупам. Следует отметить, что среди документов, поступивших в магистрат от городничего, также было сообщение о вызове желающих взять в содержание перевозы через реки (15.01), видимо, имелись в виду реки Калязинского уезда или даже реки всей губернии. В последней ситуации проявляются роль магистрата как посредника между городничим, ответственным за мосты и дороги, и той частью городского населения, которая могла брать подряды. В первых двух случаях мы видим, по сути, тот же характер взаимоотношений между магистратом и городничим и тот же предмет переписки. Объяснить ситуацию можно лишь предположив, что информация о вызове желающих к откупам и подрядам поступала в город из вышестоящих структур двумя путями: через магистрат и через городничего и они обменивались ею, стараясь довести до сведения всех горожан: магистрат через старосту до членов городского общества, а городничий какому-то более широкому кругу лиц. Возможно также, что учас-

тие городничего в данной ситуации определяется тем, что в его обязанности входило «право» «привести в действие повеления правления, решения палат и прочих судов», с одной стороны, и необходимость обеспечивать выполнение законов – с другой¹⁷⁸.

Интересно сообщение городничего, содержащее просьбу прислать к нему сотских, пятидесятских, десятских (07.05). Видимо, здесь мы сталкиваемся с его попыткой наладить прямой контакт с выборными мирскими людьми, основной задачей которых являлась охрана порядка в городе. Основанием для этого может являться лишь ст. 257 Учреждений о губерниях, которая позволяла собирать и «употреблять для предохранения общего блага от опасности» так называемые штатные команды. Несмотря на то, что в Тверской губернии полагалось быть 472 чел. полицейских чинов¹⁷⁹, которые и должны были составить штатные команды и тем самым осуществить «профессионализацию охраны», как считает М.И. Сизиков, однако на практике вплоть до конца правления Екатерины II, во всех городах края к городничему посылались сотские, пятидесятские и прочие, выбранные к исполнению полицейских обязанностей. Известно также, что в распоряжение городничего поступал один из ратманов, который должен был помогать городничему в решении дел, связанных с понятием «полиция», но это как раз находилось в соответствии с законом¹⁸⁰. Дважды от городничего поступали сообщения, в которых нищим запрещалось шататься по городу. 4 июня он прислал реестр не бывших на исповеди и просил организовать взыскание с них штрафных денег. Кроме этого, он обращался в магистрат с просьбами представить подводу за прогонные деньги (18.08), прислать людей, знающих цены на стройматериалы (31.10), а также для оценки имущества питейных домов города (31.12). В связи с последним документом нельзя не вспомнить, что о необходимости провести оценку имущества питейных заведений, расположенных в уезде, сообщали из нижнего уездного суда и что указы аналогичного содержания поступали в магистрат не только от городничего, но также из ТНП и из КП.

Очень важным представляется тот факт, что в журнале Калязинского магистрата за 1778 г. неоднократно зафиксировано содержание документов, составленных городничим в соавторстве с соляным подрядчиком (о прибытии соли в Калязин), с соляным головой (в них обычно речь идет о выдаче денег из соляной суммы на оплату труда по разгрузке соли), с казначеем. Напомним, что и некоторые указы из поступивших в магистрат в качестве авторов указывают наряду с ТНП и КП также городничего. Например, 5 сентября в магистрате рассматривался указ «Казенной палаты обще с городничим» о том, что соляных голов и ларечных к приему соли следует определять на основании прежних указов. 18 октября было рассмотрено еще два указа, представленных от имени КП и город-

ничего: они были связаны с вопросами приема соли и выбора «в соляное служение из купечества» на 1779 г. Указы, представленные от имени ТНП и городничего, в ряде случаев также касались вопросов поставки и продажи соли. В частности, указ, рассмотренный 7 ноября, подтверждал, что к приему соли должны приглашаться члены магистрата и городничий. 19 декабря как бы в подтверждение идеи о контроле городничего за продажей соли поступил еще один указ от имени ТНП и городничего, являвшийся, по сути, сопроводительным письмом к книгам о соли на предстоящий год. Еще один совместный указ наместнического правления и городничего требовал сочинить справку о потребности калязинцев в железе (13.12). Очевидно, что документы, обозначенные в журнале магистрата как совместные указы городничего и соответствующих губернских структур, поступали от самого городничего, в этом можно усмотреть еще и претензии на руководящую роль в системе городского управления, и недостаточную активность созданных городских структур самоуправления, что вынуждало городничего принимать меры к стимулированию их деятельности традиционными средствами, ссылаясь на указания вышестоящего начальства. Однако вполне возможно, что здесь мы видим попытки найти форму исполнения городничим функции по приведению в действие разного рода повелений.

Среди документов, поступивших от городничего в Калязинский магистрат, практически нет связанных с ведением им следствия, в то время как среди аналогичных документов Новоторжского магистрата на первом по количеству месте стоят касающиеся расследования дел о кражах, долгах, беглых рекрутах и т.д. Всего их 10 (из 34, поступивших от городничего). Из сообщений ясно, что, используя право, данное законом¹⁸¹, городничий проводил предварительное дознание, после чего препровождал виновных или подозреваемых в магистрат: в сложных случаях – для дальнейшего расследования, в других – для «формального суда», вынесения приговора и наказания. 29 января городничий сообщал о результатах своего дознания «о бесчестии» купцами жен прапорщиков. Он ставил в известность членов магистрата, что женщины намерены обратиться в магистрат с просьбой о суде, поскольку купцы «запираются». О сложностях в деле по подозрению Марфы Бородулиной в краже и о необходимости проведения «формального суда» он сообщал 21 сентября. При сообщении, поступившем 2 апреля, был прислан мещанин Сапожников, которого городничий признал виновным в краже векселя. Магистрат, рассмотрев вопрос, принял решение о наказании мещанина «в страх другим при магистрате палками, а дабы он впредь того же не чинил, обязать его с надлежащим подтверждением подпискою за поруками». Иногда сообщение городничего сопровождали тексты допросов, результаты «обысков» (06.04,

12.06). Так, одно из них извещало, что соседи мещан Луковникова, Бачарова и Дылбина, подозреваемых в убийстве, свидетельствовали об их добропорядочности.

Городничий обращался в магистрат с требованием ускорить рассмотрение дел (16.07, 21.06), производил задержание подозреваемых и иногда препровождал их в магистрат для содержания под стражей (21.06, 07.08). В числе присланных с этой целью дмитровский купец Яков Толченев и местный купец банкрот Кутафьев. Толченев, коронный поверенный по производству и поставкам вина, обвинялся в не уплате новоторжцу Масленникову более 600 руб. за солод, поставленный на местный винокуренный завод. Из решения магистрата по поводу сообщений городничего становится ясно, что «стража» является неотъемлемой частью городской жизни Торжка, сложилась она давно и существует при магистрате, хотя уже формируется и «стража» при городничем – в ряде случаев магистрат принимал решение послать виновного к нему под стражу.

Тему полицейской деятельности городничего в привычном для нас понимании отражают четыре документа: препровождающий в магистрат для содержания под стражей Григория Оксенова, который долгое время числился в бегах (27.11); с просьбой узнать, нет ли в городе тульских купцов Петрова и Фомина (27.11), требование взыскать штраф в 1 руб. с мещанина Ивана Калинина, который не выдал беглого солдата Овчинникова, появившегося в его дворе (27.09); с ответом на запрос магистрата о именах и отчества лиц, поручавшихся за Семена Асичкова – бывшего служителя Борисоглебского монастыря, записавшегося в «цех новоторжского купечества»¹⁸².

Шесть сообщений городничего связано с процессом отвода земли под застройку, они ярко демонстрируют изменения в разделении обязанностей городских структур в решении этого вопроса. В марте городничий еще просил сведения по поводу одного из отводимых спорных мест, что, несомненно, свидетельствует о сосредоточении этих данных в магистрате, но уже в апреле он запросил сведения об улицах и кварталах города, о местах, уже отведенных под застройку и оставшихся пока свободными (16.04), а на другой день, ссылаясь на указы ТНП, требовал не отводить места под строение домов без его согласия (17.04). На последнее сообщение магистрат отреагировал с явным беспокойством, было решено справиться, действительно ли были такие указы ТНП и «предложения» Сиверса. Беспокойство членов магистрата не удивительно, ведь Учреждения о губерниях не предполагали вмешательство городничих в эти дела.

Последующие сообщения, связанные с этой проблематикой, свидетельствуют о расширении его полномочий. В одном из них городничий пишет, что нельзя удовлетворить просьбу И. Дахина об отводе ему земли позади Воскресенского девичьего монастыря, так как согласно «предложению» Сиверса там могут строить дома

лишь дворяне (29.11). Большой интерес представляет сообщение о том, что он дал архитекторскому ученику З. Бителеву «указ» об отводе места под строение каменного амбара с воротами (01.06). Оно позволяет говорить о прямом подчинении архитекторского ученика городничему, чего нельзя было предположить из сохранившихся тематических дел по отводу земли и выдаче «данных». Подробнее см. последнюю главу работы.

Причастность городничего к другим аспектам благоустройства города по его сообщениям прослеживается слабо. Лишь в одном случае городничий просит «о понуждении» обывателей главных городских улиц к заготовке камня и песка для мощения улиц (07.02). По данному поводу было решено призвать в магистрат хозяев домов и лавок «магистратского ведомства» и обязать их заготовить камень и песок. Оборот «хозяева магистратского ведомства» свидетельствует о наличии среди обывателей, не подчиненных ведомству магистратов или подчиненных ему опосредованно – через какие-либо структуры: например, через «ямских управителей».

Два документа говорят о причастности городничего к соляным делам. Это направление деятельности Учреждениями о губерниях в компетенции городничего не предусматривалось, однако он ставит магистрат в известность о переводе соляной стойки из поврежденного соляного магазина в две общественные деревянные лавки, за каждую из которых предполагается плата по 12 руб. (08.06). Через 4 месяца от городничего поступило уведомление о необходимости принять из уездного казначейства 24 руб. за хранение соли в «городском купеческом магазине» (31.10). Решение магистрата по данному поводу предписывало отправить старосту или ларечного земской избы за этими деньгами, с тем чтобы доставить их в магистрат. Как видим, деньги, получаемые за аренду городского имущества (или имущества городского общества), в Торжке в эти годы поступали в магистрат. Если анализировать эти сообщения с точки зрения компетенции городничего, то здесь он, возможно, выступает как должностное лицо, ответственное не за доход, получаемый от продажи соли, а за соль как казенное имущество, которое может пострадать от неисправности казенного магазина.

Три сообщения городничего требовали прислать знающих людей для оценки имущества. В одном случае необходимо было произвести оценку питейных домов в связи сосменой поверенных (31.12.), в другом – имущество солдата Андрея Лебедева (14.12), в третьем – старый деревянный дворец в Торжке (17.02). Из них особенно любопытным является документ, сообщающий о предстоящей оценке имущества солдата Андрея Лебедева, который обвинялся в том, что «отобрал» 64 руб. у осташковского мещанина. Во-первых, потому, что он рассказывает о редком случае – конфискации имущества за кражу, во-вторых, вся сложившаяся ситуация поз-

воляет говорить, что солдат не был человеком, непосредственно подчиненным магистрату, поскольку конфискацию и оценку имущества купцов и мещан осуществляли представители магистрата. 2 июля городничий известил о гибели мещанина К. Клюквина, который являлся «михайловским сотником» и «состоял при полицейской должности». О причинах гибели в журнале ничего не сообщается.

7 ноября, ссылаясь на указ ТНП, городничий попросил, чтобы купцы и мещане, занятые торговлей, представили ему для проверки и «заклеймения» весы и меры, и предписал: «неклеяемыми мерами и весами продажи не производить». Одно из сообщений позволяет получить представление о характере взаимоотношений между городничим, магистратом и земской избой по поводу выдачи паспортов. Городничий просил о выдаче нового паспорта взамен потерянного; решение магистрата предписывало выдать паспорт при условии, что на просителе нет долгов «по магистрату и по земской избе». (06.04). Вопрос о долгах по магистрату можно было решить в самом магистрате, а чтобы узнать о долгах по земской избе, магистрат предписал послать указ городскому старосте. Возникает вопрос: какие долги являются магистратскими, а какие земскими?

В трех сообщениях городничего речь шла о подготовке к приездам Т.И. Тутолмина – главы Тверского наместничества и Я.Е. Сиверса – наместника Новгородского, Тверского и Псковского. К моменту появления Сиверса следовало подготовить «о долгах рапорты» (30.04), ведомости о нерешенных делах и денежной казне (10.12), а к приезду Тутолмина также ведомости о соли (17.07). Эти сообщения городничего дублировали содержание указов ТНП, но сам факт их поступления через городничего свидетельствует о складывании системы должностных лиц и учреждений с административно-полицейскими обязанностями и практики распространения указов через эту систему, что закрепилось в XIX в..

В двух сообщениях городничий извещал о вызове желающих поставлять соль в город (23.04) и взять в содержание плавучий мост через Тверцу и перевоз (14.05), 16 апреля городничий просил прислать ведомость о барках, приготовленных для отправки хлеба в Санкт-Петербург. В связи с последним сообщением магистрат решил собрать необходимые сведения через нарочных служителей и сообщить городничему.

Рассмотрим, как происходило взаимодействие городничих и магистратов в 1782 г. В этот год в магистрат г. Калязина поступило 19 сообщений от городничего, что составило 4,03% от числа рассмотренных вопросов и документов. Они требовали присутствия членов магистрата на крестных ходах, найти новую квартиру для казначея, выдать 2 руб. для отопления тюрьмы. Три сообщения отражают процесс становления почтового дела в городе и передачу его в ведение городничего. В первом, рассмотренном 18 марта, го-

родничий требовал своевременной отправки почты из магистрата, а уже 22-го поставил магистрат перед фактом, что согласно указу ТНП почтовое дело передается в его ведение. 7 ноября городничий известил, что почта в Тверь отправляется по понедельникам и четвергам. Факт закрепления почтового дела в Калязине за городничим подтверждается также документами фонда калязинского городничего.

Из переписки с городничим известно о перестройке и ужесточении системы контроля за правомерностью содержания людей под стражей. В середине года от городничего поступило требование о присылке ему ежемесячно ведомостей о колодниках. В сообщении от 31 августа передает текст указа, согласно которому к новому наместнику – Я.А. Брюсу ведомости о колодниках должны поступать напрямую от городничего, а к коменданту – через ТНП, еще один экземпляр ведомостей нужно было отсылать к Т.И. Тутолмину.

Одно из сообщений городничего в магистрат свидетельствует, что он не просто причастен к отведению мест под постройки, но и тщательно контролирует этот процесс, причем контроль этот носит своеобразный характер: он призван обеспечить сохранение экологического пространства в городе. В сообщении, рассмотренном в магистрате 25 августа городничий пишет, что нужно подумать об отводе купцам Сырейщиковым просимого ими места под постройку, поскольку они занимаются кожевенным промыслом, а места под предприятия этого рода должны отводиться в 36-м квартале.

О реальной причастности городничего к проведению предварительного следствия говорят поступившие в магистрат документы. По сути, они являются сопроводительными письмами к следственным делам, уже «произведенным» городничим и присланным в магистрат для «доследования и решения» (08.08, 09.12).

В Новоторжский магистрат в 1782 г. от городничего поступило 47 документов, что составило 6,98% от числа всех рассмотренных вопросов и документов. 7 из них связаны с неопределенностью вопроса, кто должен заниматься перепланировкой города, переселением значительной части горожан на новые места: ни Учреждения о губерниях, ни Устав благочиния ничего определенного на этот счет не сообщают. Не всем жителям идея перепланировки пришлась по душе, у многих перспектива сменить место жительства вызывала протеста. Например, священник Воскресенского девичьего монастыря отказывался переселяться на том основании, что на старом месте жительства у него был сад. По указанию Т.И. Тутолмина, городничий должен был вмешаться в дело, о чем и дал знать магистрату (17.06).

Имели место коллективные протесты и сознательное затягивание жителями решения вопросов с переселением, в связи с чем в одном из сообщений городничий писал о необходимости «принужде-

ния к подписке обывателей Успенской и прочих слобод... кто из них остается на прежнем месте или же переселится на свободные в другие места» (11.05). Необходимо было снести часть амбаров, и 31 января городничий в третий раз¹⁸³ обратился в магистрат с просьбой прислать к нему владельцев некоторых из них для закрепления за ними новых мест, что было обязательным условием сноса. Другая часть горожан, напротив, проявляла очень большой интерес к перепланировке, осознавая ценность городской земли, в частности, городничий сообщал, что есть претенденты на места, предназначаемые владельцам амбаров, подлежащих сносу. Властям города было известно стремление некоторых горожан закрепить за собой как можно больше городской земли и этим были вызваны просьбы городничего навести справки, не было ли ранее отведено место для постройки амбара новоторжскому мещанину П. Козмину (17.02) и действительно ли купцу И.П. Масленникову принадлежит одно из лавочных мест в Рыбном ряду, где ему отведено новое, следует ли отвести Масленникову место под амбар (14.02). В ответ магистрат, располагавший сведениями о недвижимости горожан и способах ее приобретения и имея обязанность обеспечивать соблюдение справедливости в городе сообщил, что лавочное место досталось И.П. Масленникову от дяди, Федора Буркова, и предупредил, что место под новый амбар ему уже отведено. Эта переписка интересна не только с точки зрения распределения функций между управленческими структурами Торжка, но и для изучения изменения психологии горожан в условиях серьезных перемен в жизни города. Как видим, одни не спешат расстаться со старыми местами, другие, вероятно более быстро осознавшие всю значимость этих перемен, торопятся занять как можно больше новых.

Очень симптоматичны еще два сообщения городничего, связанные с недвижимостью горожан. Городничий требует подтвердить наличие у некоторых из них недвижимости и указать правовые основания для владения ею (26.01, 10.02) – это предвосхищает ситуацию, отчетливо видную в документах фондов городничих и магистратов за более поздний период: городничие контролировали право владения недвижимостью, потому что осуществляли взыскание долгов. Следует сказать, что Учреждения о губерниях контроль за правовыми основаниями владения возлагают на магистрат¹⁸⁴, Устав благочиния не выражает определенно мысль о поручении этой сферы городничим, однако в Уставе благочиния предписывалось объявлять частным маклерам, находившимся в ведомстве городничих, о желании дом построить, продать или купить недвижимость в городе¹⁸⁵, что позволяло рассматривать контроль за правом владения недвижимостью как сферу егокомпетенции.

Согласно генеральному плану застройки фасад каменных домов должен был строго соответствовать стандарту, о чем напоминал го-

родничий в преддверии весны и сезона оживленных строительных работ (24.02), кроме того, он требовал разделить город на кварталы, для чего городской голова, члены магистрата и почетные граждане должны были собраться и вместе с ним приступить к разделению города по новым правилам (23.06). Обращает на себя внимание тот факт, что в числе приглашенных нет городского старосты.

Три сообщения связаны с эксплуатацией и ремонтом казенного имущества – перевоза через Тверцу, каменного путевого дворца, плавучего моста (07.04, 08.04, 13.04). Забота о содержании этой категории имущества была возложена на городничего¹⁸⁶, но при этом у него не было средств для содержания его в порядке и он вынужден был обращаться с просьбами о выделении рабочей силы в магистрат, а тот, в свою очередь, к городскому старосте. Именно такая ситуация складывалась с плавучим мостом, «порученным ему, городничему», подчеркивает городничий в своем сообщении (06.04). Это акцентирование внимания на факте «поручения» моста городничему не является случайным, городничий напоминает о том, что еще не стало привычным для горожан. Просьбы городничего вызывали некоторое раздражение членов магистрата, и когда он потребовал прислать плотников для ремонта крыши путевого дворца, они приняли решение сообщить, что у них нет денег на починку (т.е. что эти расходы не запланированы), а исправлять крышу «городским коштом, не имея о том повеления», они не могут. Нельзя не заметить, что просьбы городничего о присылке оценщиков для определения стоимости казенного имущества: питейного дома (29.12, 30.12) и тюремного острога (15.07), здания архива бывшей воеводской канцелярии (17.10) – не вызывали раздражения у членов магистрата, так как оценка имущества входила в число городских служб. «Определенные для таковых оценок ценовщики» находились в непосредственном подчинении магистрата, и чтобы направить их к городничему, не требовалось даже обращения магистрата к городскому старосте, как было в случае выделения городничему работников для обслуживания плавучего моста и перевоза.

Девять сообщений из числа поступивших в 1782 г. от городничего в Новоторжский магистрат связано с проведением дознания и исполнением наказаний. В них содержится просьба рассмотреть старые дела, обвиняемые по которым уже отбывают наказания (03.10)¹⁸⁷, сообщается, что один из нарушителей наказан батогами, после чего отправлен в работный дом (23.06); некоторые документы сопровождают горожан, отправляемых «в общество» после дознания или наказания (12.08, 08.08). В результате его расследования часто оказывалось, что дело требует серьезного разбирательства «формой суда», о чем городничий также сообщал в магистрат (14.03, 15.04). Пять сообщений сопровождали лиц, освобожденных

из-под стражи или задержанных в других городах без паспортов (31.01, 31.01, 01.02, 15.04, 24.05).

Соль и вино как разновидность казенного имущества в 1782 г. в Торжке были объектом самого пристального внимания городничего, поэтому в журнале мы сталкиваемся с фиксацией содержания документов по делу мещанина Черноусова, обвиняемого в покупке мешка соли (20.04, 06.06). Несколько сообщений было связано с передачей согласно Уставу о соли соляной продажи в ведение соляного пристава: городничий просил сообщить о недоимках по соли (04.05), «требовал» допустить пристава Перховщикова к должности с 1 февраля «и подлежащим к той должности снабдить». Магистрат принял решение, которое с первого взгляда не предвещало никаких проволочек: передать Перховщику весы, списки магазинов и нанятых к ним людей, книги соляных денег, форму ведомости для отчета перед КП. Вероятно, магистрат был не против избавиться от обязанности вести отчетность по соляному делу, которая ранее лежала на нем. 14 марта городничий прислал ведомость, составленную на основе расходной книги со сведениями об отпуске соли из соляного магазина в 1781 г. «в кулях и весом» с разбивкой сведений по месяцам. Решение магистрата было лаконичным: приобщить к делу – и также не позволяло предположить, что в городе назревает конфликт. В апреле городничий потребовал объявить тем, кто «записался в соляные сидельцы, чтобы они явились в КП для заключения соответствующих договоров (18.04). Но и в этом случае ни тексты сообщения городничего, ни резолюции магистрата не позволяют увидеть осложнения отношений в городе в связи с введением Устава о соли, а между тем из других записей журнала известно, что нанятых сидельцев не устраивала цена, а общество купцов и мещан было против передачи соляного дела под контроль городничему и всячески тормозило этот процесс.

Три сообщения городничего в Новоторжский магистрат требовали взыскания с горожан различных денежных сумм: недоимок по оброчным сборам¹⁸⁸ и штрафам за небытие на исповеди (19.09), штрафа с бывших присутствующих за упущения в работе (07.04), поголовных денег за мертвое тело, найденное в Богоявленской слободе (07.04). Дважды он напоминал членам магистрата, ссылаясь на «предложение» правителя наместничества Тутолмина, чтобы ведомости о колодниках присылали к нему «для отсылки обще с уездным стряпчим к его превосходительству» (26.07, 31.08). Похоже, что и это нововведение не вызывало одобрения у членов магистрата.

Любопытную реакцию вызвало требование городничего уведомлять его обо всех собраниях купцов и мещан. После детального изучения законодательства, ссылки на которое приведены в справке, присутствующие пришли к заключению, что его требование законно (23.11).

Заслуживает внимания сообщение городничего, рассмотренное в магистрате 30 июня. Он требует объявить «всем города Торжка жителям, дабы они для выбора» должностных лиц, предписанных Уставом благочиния, «собрались в магистратскую залу наступающего июня 1-го числа. А об объявлении о сем же города Торжка священнослужителям от него в новоторжское духовное правление сообщено и обретающимся здесь в жительстве благородным дворянам и протчим разночинцам чрез соцких объявлено быть имеет» (т.е. уже объявлено. – Н.С.). Магистрат принял решение послать указ городскому старосте, чтобы он известил «всех жителей, чтоб прибыли на общее собрание с разного звания людьми» (30.06). Эта переписка свидетельствует, что в некоторых отношениях городскому старосте, магистрату и городничему были подведомственны разные городские страты.

Три сообщения были связаны с проведением четвертой ревизии. 7 июля, т.е. через неделю после завершения ее официального срока, городничий просил прислать к нему всех записавшихся в новоторжское купечество, мещанство, цехи для приведения к присяге (4.07). В конце года городничий прислал в магистрат копию ревизской сказки и перечневую ведомость (15.11). Днем раньше поступил результат «обыска» о крестьянах Шумаковых. По словам обывателей 1-й Васильевской слободы, они занимались кузнечным мастерством, были состояния доброго и беспорочного. В связи с чем магистрат принял решение записать их в мещанство после того как они представят поручителей «из здешних граждан».

Сопоставление комплексов сообщений городничих Торжка и Калязина за 1778 и 1782 г. свидетельствует о значительном расширении их компетенции уже в 1782 г., т.е. в год издания Устава благочиния и даже в большей степени, чем предусматривал данный законодательный акт. В Калязине влияние городничего было более сильным, чем в Торжке, где длительное существование органов городского самоуправления в некоторой степени тормозило процесс перераспределения функций в пользу городничего. Более того, записи в журнале заседаний свидетельствуют, что в Торжке перераспределение функций в пользу городничих вызывало неудовольствие магистрата. Напомним, что члены магистрата, получив сообщение о необходимости отводить места под строение с согласия городничего, наводили справки, прежде чем принять это положение вещей.

Не слишком активная торгово-предпринимательская деятельность населения Калязина стала причиной того, что в документах городничего, поступивших в магистрат в 1778 г., нет связанных с проведением следствий, да и в 1782 г. их всего лишь два. Но при этом здесь деятельность городничего касалась самых разных сторон жизни города, и в 1778 г. компетенция калязинского городниче-

го была явно многостороннее компетенции новоторжского. Это закономерно, ведь ему приходилось делать многое из того, чем в Торжке занимались традиционные органы самоуправления.

Рассмотрим взаимодействие городничих и магистратов в 1786 г. В магистрат Калязина поступило 21 сообщение городничего, что составило 4,97% от общего числа рассмотренных вопросов и документов. Два из них были связаны с расследованием судебно-следственных дел: о краже П.П. Калашниковым из лавки Н. Усова 7 свеч и кринки меда (10.10), о выстреле, произведенном из ружья Т.А. Красильниковым возле сарая У. Верещагина (17.06). Эти дела поступали в магистрат для дальнейшего «исследования и законного решения». По поводу жалобы экономических крестьян на порчу посевов горожанами городничий сам пришел в магистрат и потребовал объяснений. По его словам, на полевою землю крестьян ходило примерно 40 человек, включая сотских, пятидесятских, десятских, они «сломали изгороду и хлеба не малое число положили»¹⁸⁹. Сообщения городничего сопровождают оправданного и освобожденного из-под стражи И. Шальнева, который обвинялся в покупке у Н. Усова краденных вещей (02.11), отбывших срок наказания в Тверском работном доме Е.А. Макарову (27.07) и А. Ляпина (27.01)¹⁹⁰.

При сообщении были присланы в магистрат 90 руб. 10 коп., заработанные купеческим сыном И. Шелудяковым меньшим в Приказе общественного призрения, который был приговорен к работам за кражу лошадей у купца Загряскина. Городничий велел передать деньги пострадавшему под расписку, а расписку прислать ему «для доставления в Приказ общественного призрения» (21.01). Кроме того, он сообщал, что арестант А. Стольников, задержанный в Москве за кражу с чужим паспортом, отослан им в 1-й департамент губернского магистрата вместе с «запечатанным об нем в конверте следственным делом». Рассмотренная серия сообщений показывает те формы, в которых воплощалась функция городничего по исполнению наказаний, прежде всего за уголовные преступления. Еще одно сообщение городничего свидетельствует, что наказывать он мог далеко не за все правонарушения. Так, сообщив в магистрат, что купец У.Я. Верещагин строение каменного дома «производил не против фасадной препорци», он требовал поступить с Верещагиным по законам (23.06).

Следует отметить сообщение городничего о необходимости приготовить «присяжный лист» для А. Стрельникова, который стал ратманом вместо умершего Литвинова (21.01). Члены магистрата приказали «приготовить кому следует присяжный лист» и доставить его городничему. Именно там, у городничего, А. Стрельников и должен был подписать этот лист. В этой ситуации хорошо видна некоторая комичность воплощения в 80-е годы идеи о разделении

властей в столь маленьком и слабо развитом городе, как Калязин. Штат служителей у городничего был столь мал, что некому было писать текст присяги и объявлений о продаже имущества должников. Эти документы составлялись обычно канцеляристами магистрата и отсылались городничему для исполнения.

Одно из сообщений свидетельствует о становлении реального контроля городничего Калязина за ценами и о выстраивании новой вертикали управления: он требует доставлять ему еженедельно ведомости о продажных ценах «всякому хлебу и фуражу» (28.05). Еще одно из сообщений городничего трудно объяснить, оно предписывает выдать «данные» Л. Орлову, С. Соловьеву и Д. Полежаеву (06.02), в связи с чем магистрат решил «дать данные за общим с господином городничим подписанием».

С выполнением горожанами тех или иных служб и повинностей и выплатой налогов и сборов связано 7 сообщений. В них городничий требовал приготовить фураж для лошадей полка, который должен проследовать через город (07.01)¹⁹¹, выдать капралу штатной команды города 2 руб. на дрова для отопления «арестанской камеры»¹⁹², сообщить, как идет подготовка к «шествовию» императрицы (23.09), прислать 10 человек портных из граждан города «для шитья на калязинскую штатную команду мундиров» (30.10). Следует отметить, что в резолюции по этому поводу, приказывая найти портных, члены магистрата не указали, что это должен сделать городской староста, т.е. данное поручение, в отличие от предыдущих, члены магистрата собирались исполнить самостоятельно. Сообщения городничего требовали отослать в уездное казначейство подушные сборы и процентные деньги с объявленных купеческих капиталов (28.10), а также взыскать недоимки по этим сборам (09.02, 16.02).

Два сообщения отражали деятельность городничего и других городских структур по обеспечению правопорядка: предписывая сделать в 1-й и 2-й частях города «на новоозначенных местах вновь трех будок и об определении ко оным караульных по два человека» (28.03)¹⁹³, требуя выбрать «из свистушинских города Калязина третьей части жителей из непрестарелых и добрых людей одного соцкого с предоставлением от тех жителей письменного об нем одобрения» (19.06). Как видим, и после Устава благочиния городничий в своей деятельности опирался на аппарат, сформированный на основе выборов из числа граждан, которые относились к своему делу как одной из повинностей.

В Новоторжский магистрат в 1786 г. поступило 39 сообщений городничего, что составляет 7,02% от общего числа рассмотренных вопросов и документов. Они гораздо более разнообразны по своей тематике, чем в прежние годы, что свидетельствует о расширении функций этого должностного лица. 6 из них препровождают в магистрат лиц, обвиняемых в нарушениях или преступлениях (14.08,

09.02, 27.05, 03.06, 08.06, 09.02). Как правило, вместе с ними поступали также тексты «допросов» или «обысков»¹⁹⁴. Один из «обысков» был связан с расследованием дела о подкинутах в дом Буркова младенце (14.12), Н. Апаницын обвинялся в избииении Е. Елизаорова, 5 лиц, по которым вели переписку магистрат и городничий, обвинялись в кражах. Относительно Д. Остренкова, Д. Морозова и П. Грачевой были вынесены обвинительные приговоры, в двух случаях магистрат не стал рассматривать дела, поступившие от городничего, мотивируя это тем, что нет доказательств вины обвиняемого в краже И.И. Понамарева (27.05), и что потерпевший, Е. Елизаров, не обращался в суд, т.е. не подал исковой челобитной (14.08)¹⁹⁵. Еще два сообщения были связаны с ведением следствий по так называемым казенным делам: о злоупотреблениях соляного пристава (10.07), о непоставке в 1769 г. Г. Апаницыным сена (20.01).

Шесть сообщений городничего так или иначе связаны с застройкой и благоустройством города. В них указывается на необходимость отвести землю под строительство забора при часовне старообрядцев (23.04), разобрать мост через Тверцу в Выдропужском яме (09.12)¹⁹⁶, выбрать из граждан человека для наблюдения «за перекрытием крыши» новоторжского Преображенского собора (05.11), определить одного из ратманов для наблюдения за строительством Борисоглебского монастыря (05.06). Эти работы предполагалось проводить в значительной мере за счет государственных средств, и именно поэтому контроль за их осуществлением лежал на городничем. Он требовал принуждать горожан к мощению улиц (09.11), а проживающих по берегу р. Тверцы – к ремонту жилища (09.10).

В двух сообщениях городничий требовал выбрать сотских, десятских, пятидесятских и старост. (07.01, 17.12), причем в декабрьском сообщении речь идет о выборах на 1787 г. «Для лутчаго по полиции смотрения» он предписывал в январе выбрать десятских от каждого десятка дворов, пятидесятского – от пятидесяти и т.д., а старост – от каждой слободы. Обсудив это предложение, члены магистрата решили: «а как в здешнем городе каждогодно десятские, соцкие и старосты избираемы были не от числа дворов, а по числу слобод», то «согласно прежним о сем заведением велеть выбрать здешним гражданам на сей 786 год с каждой слободы десятских, соцких и старост толикое число как и на прошлый год оных выбрано было»¹⁹⁷. Как видим, воспринимая полицейскую службу как повинность, к тому же не обозначенную четко в новых законах, Новоторжский магистрат пассивно, но сопротивляется попытке увеличить численность горожан, привлекаемых к полицейской службе, и подчиненить их городничему. Это неудивительно, поскольку по Уставу благочиния помощники городничего «определялись»¹⁹⁸, и этот глагол едва ли можно понимать как выбирались, потому что когда в Учреждениях о губерниях речь идет, например, о выборах город-

ского старосты и судей словесного суда, то там говорится о том, что их «следует выбирать по балам». Кроме того, городничим полагалось иметь в своем распоряжении штатную команду¹⁹⁹.

Сообщения требуют провести оценку имущества пивоварни в связи с предстоящей передачей имущества новым откупщикам (15.01), а также конфискованного за долги имущества землемера Рагинского (08.10), почтмейстера Яковлева (18.05), канцеляриста магистрата В. Петрова (01.07); прислать «человека» для продажи имущества калязинского купца И. Овчинникова²⁰⁰. Все это свидетельствует, что городские чиновники и их имущество находятся в ведении городничего, как и имущество иногороднего купца Овчинникова, а поскольку оценка имущества относилась, как и раньше, к посадским службам, то он вынужден был просить магистрат предоставить людей, выбранных к этой службе. То есть мы видим ту же ситуацию, что в ряде других случаев, поручив городничему достаточно много обязанностей, государство не дало ему средств для их исполнения, и поэтому он должен был опираться на городское общество, которое поставляло ему выбранных для исполнения той или иной службы. Точно так же поставляло оно служителей в магистраты. Например, в распоряжение Новоторжского магистрата поступали выбранные обществом оценщики, сборщики, но это было уже привычно, а вот требования городничего вызывали подчас раздражение. Возможно, это было связано с тем, что магистрат самими горожанами воспринимался все же как орган городского самоуправления, а городничий – как представитель коронной администрации.

Кроме того, в 1786 г. городничий Торжка требовал выбрать людей для наблюдения за прогоном скота (07.07, 17.07)²⁰¹, новых смотрителей к продаже хлеба, так как при прежних продавали хлеб в «неуказные часы», при этом для наблюдения за новыми смотрителями он требовал назначить одного из членов магистрата (12.10). Законодательство разрешало оптовую продажу и скупку лишь в послепопуденное время, чтобы предотвратить рост цен на продукты питания. В 1786 г. возникли серьезные проблемы с продовольствием. Состоятельные купцы были заинтересованы в скупке продуктов у крестьян оптом, так как они имели возможность отвезти эти товары в Санкт-Петербург и продать их по очень высокой цене. В неурожайном и голодном 1786 г. столица особенно нуждалась в хлебе, правительство контролировало заготовку продуктов в провинции, опасаясь, что голод начнется и здесь. В этот период контроль за торговлей в городе обеспечивал городничий, в связи с этим в начале марта он потребовал составить и прислать ему ведомость о товарах, готовых к отправке в столицу и другие города. Эту ведомость он, в свою очередь, должен был отправить Г.М. Осипову (02.03).

Сохраняя за горожанами службу по оценке имущества и другие, государство стремилось заменить службу по выбору у соляной и пи-

тейной продажи службой по найму. Именно в связи с этим от городничего поступило два сообщения, в которых он просил вызвать желающих работать в винных магазинах (07.09, 06.10)²⁰². Городничий также извещал о приведении к присяге лиц, выбранных к отводу мест (24.08), а также записанного в новоторжское мещанство И. Дмитриева (16.02).

По записям журнала за 1786 г. очевиден контроль городничего за сбором подушной подати. Он требовал внести в уездное казначейство недоимку по сорокаалтынному сбору за 1784–1785 гг. и сообщал, что с крестьян, записавшихся в мещанство, и бывших ранее в пятидесятикопеечном окладе нужно собрать за 1785 г. еще по 70 коп. до суммы 1 руб. 20 коп. и по 2 коп. накладных (19.06). В одном сообщении, связанном с рекрутским набором, городничий требовал прислать ему рекрутские квитанции (08.12), выдаваемые в казенной палате при отдаче туда рекрута, что свидетельствует о его контроле и за этой стороной жизни. Еще раз следует отметить, что ни та, ни другая обязанности не прописаны в основных законах того периода как принадлежащие компетенции городничего.

В трех сообщениях речь идет о наказании горожан за дурное поведение и отлучки из города (14.01, 11.06, 17.09). В последнем из них – о С. Мамонове, который к 17 сентября уже был наказан плетью за побег, – городничий спрашивал, что делать с Савелием: желает ли общество принять его обратно в мещанство или отдать в солдаты или в погонщики?

Среди оставшихся свидетельств связи магистрата и городничего отметим запечатленный в журнале факт появления последнего в магистрате и устной передачи «словесного повеления» наместника Н.П. Архарова. Архаров предписал использовать деньги, собранные на новую раку преподобному Ефрему, для строительства церкви Борисоглебского монастыря (2.12).

Подводя итоги, следует сказать, что увеличение не только абсолютной численности, но и относительной величины сообщений городничего в массе рассмотренных в Новоторжском магистрате вопросов и документов можно рассматривать как показатель медленно, но все-таки проходившего перераспределения функций между городскими учреждениями. В Калязине сокращение относительно числа сообщений городничего происходит при сохранении численности абсолютных показателей, что можно связать и со стабильностью тех сфер жизни города, которые находятся в его компетенции, и с увеличением общего объема поступающей в Калязин документации. Немногочисленность, по сравнению с Торжком, документов от городничего обусловлена в значительной степени патриархальностью жизни этого населенного пункта, отсутствием необходимости принимать «городские» меры по обеспечению безопасности (строить будки, нести при них караул), или с отсутствием

правонарушений, являющихся показателем урбанистических процессов.

При этом исследование делопроизводственной документации позволяет говорить, что в Калязине роль городничего в системе управления была более значимой. В силу инертности и слабости городского общества он должен был исполнять здесь ряд функций, которые в Торжке исполняли магистрат и городской староста. В Торжке укрепление власти городничего происходило постепенно и на фоне неудовольствия горожан. Члены магистрата неоднократно решали «справиться» с законами, прежде чем принять то или иное распоряжение, свидетельствующее о расширении полномочий городничего за счет компетенции магистрата или за счет нагрузки, или увеличивающее нагрузку на членов городского общества. Следует отметить, что компетенция городничих была явно шире очерченной в основных законодательных актах времени реформ, она расширялась и корректировалась дополнительными актами, присылавшимися из ТНП, и аналоги их не всегда можно отыскать в Полном собрании законов

Общество купцов и мещан и его выборные органы в системе управления

Вопрос о компетенции городских выборных органов управления, в том числе о круге лиц, подведомственных тем или иным из них – важный, спорный и практически не изученный на основе делопроизводственных материалов вопрос их истории. Он тесно связан с другим – о формировании и развитии сословий в России и долгое время разрабатывался под влиянием концепции Б.Н. Чичерина о тягловом характере сословий в России, которая затем получила интересное развитие в работах А.Д. Градовского и в исследовании киевского историка – А.П. Пригары, специально посвященном правовому положению горожан Восточной Европы²⁰³. Вслед за своим учителем, Б.Н. Чичериным, Градовский писал, что процесс образования сословий состоял в организации системы тягл, повинностей, наложения их в пользу государства на различные классы общества. Это сопровождалось ограничением свободы, но было необходимым средством обеспечения исправного отбывания тягостей. Ученый говорит о формировании трех основных сословий и трех тягл: тяглу служебному соответствовало поместье; тяглу городскому – тяглый двор, лавка, торговый капитал; тяглу сельскому – земельный участок в уездной земле²⁰⁴. Проблему образования сословий автор рассмотрел в контексте проблемы формирования российской провинции и пришел к выводу, что сословия, организованные в интересах государственного тягла, управляемые из центра и припи-

санные к одному из центральных учреждений, мешали складыванию местных территорий и местного самоуправления. Автор отмечал, что до Петра Великого «городские общины» – города состояли под управлением в разных приказах, а Петр I создал то особое учреждение (Главный магистрат. – Н.С.), которое собрало воедино «сию рассыпанную хранину». Таким образом, Градовский в этой работе пишет о *городском сословии* (выделено мной. – Н.С.), его формирование относит к заслугам Петра I и отождествляет с созданием ведомства, которое должно было управлять торгово-промышленным населением городов России²⁰⁵.

Иной взгляд на проблему видим в работе А.П. Пригары. Этот ученый считал, что вместе с учреждением магистратов городская община получила новую организацию: стала территориальной общиной людей торгово-промышленного состояния и окончательно потеряла свой поземельный характер. Одновременно, община потеряла и народный характер, потому что в ее составе сформировался верхний слой «регулярных граждан»²⁰⁶, они-то и находились в ведении магистратов. Лица же, занятые торгово-промышленной деятельностью на территории города и тянущие к нему податями, но не входившие в число граждан, не были в ведении магистратов²⁰⁷. Таким образом, он считает, что введение магистратов разрушило тяглую городскую общину, разделив ее членов по имущественному принципу на граждан и не граждан.

Мысль о том, что отнюдь не все торгово-промышленное население входило в число «регулярных граждан», была развита и в некоторых работах А.Д. Градовского. Под «сословием городских обывателей» Градовский понимает «регулярных граждан» – лиц, входящих в образованные по Регламенту Главного магистрата гильдии. Он полагает, что «по образцу западноевропейских городов они отделялись от массы простого народа, живущего ежедневным трудом»²⁰⁸.

Рассматривая законодательство Екатерины Великой, Градовский формулирует положение о том, что «сословие городских обывателей составили те, кого грамота называет «городские обыватели в особенности» или среднего рода люди». Он отмечает правовую и имущественную неоднородность этого «сословия» и выделяет в его составе именитых граждан, гильдейское купечество, цеховых ремесленников, посадских людей – мещан²⁰⁹. Недостатком законодательства Екатерины Градовский считает разделение функций по управлению этим сословием между отдельными учреждениями, выполнявшими те или иные функции. Магистрату он отводил исключительно роль судебного учреждения²¹⁰.

И.И. Дитятин, размышляя в русле концепции о формировании тягловых сословий, считал, что до Петра I торгово-промышленное население городов состояло из отдельных мелких исторически сло-

жившихся общин²¹¹. Отмечая их подведомственность различным приказам, первоочередную задачу Петра он видел в «организации государственно-тяглового сословия торгово-промышленного населения Руси», «в обращении его в одно тяглое сословие, прочно организованное», наконец в создании ведомства, которое этим сословием управляло²¹². И.И. Дитятин отождествлял понятия «граждане» и «регулярные граждане» не с посадом, а со всем торгово-промышленным населением города. Более того, ученый склонен развести понятия «посадская община», «посадское тягло» и «торгово-промышленное сословие». Он отмечает, что уже в начале XVIII в. «под натиском требований жизни правительство должно было отступить от последовательного проведения своей политики и допустить к занятию промыслами «всяких чинов людей», не обращая их в тягловцов (выделено мной. – Н.С.), но с точно такую же пошлиною, какую платят в казну посадские торговые люди»²¹³. С введением магистратов и подушной подати организация торгово-промышленного населения изменилась²¹⁴, пишет он, изменились и условия вступления в число граждан. Достаточно стало «платить в городе подушную подать и заниматься торгово-промышленной деятельностью, чтобы входить в состав горожан и попасть в ведение городских сословных учреждений»²¹⁵. Законодательство оставляло «доступ в мещанство или купечество, к занятию торговлей или ремеслом и вообще каким-либо промыслом для лиц других сословий совершенно свободным. Если дворяне не делали этого, то лишь потому, что страдали предрассудками», – считает И.И. Дитятин²¹⁶. Именно поэтому в числе функций магистратов, которые называет Дитятин, оказывается запись в городские сотни и слободы крестьян, содержащих промышленные заведения, дома и лавки.

В контексте этих размышлений магистраты, естественно, не могли расцениваться им как органы посадского управления, он характеризует их как колесико в механизме бюрократического государства Петра I²¹⁷. Эти мысли исследователя кажутся нам чрезвычайно интересными, поскольку из них следуют выводы (не сделанные автором), во-первых, о подушной подати как основополагающем признаке принадлежности к гражданам, во всяком случае после ее введения, во-вторых, о том, что отнюдь не только подушная подать организовывала горожан в посадскую общину, в третьих, об «открытости» городского общества и его межсословном характере даже до издания Жалованной грамоты городам и, наконец, из этих рассуждений следует, что торгово-промышленное население города не составляло замкнутого – «традиционного» сословия.

Законодательство Екатерины II 1775–1785 гг., как и более раннее, по мнению Дитятина, отождествляло городское общество с мещанством и купечеством. Некоторые «проблески нового представления о городском обществе», имевшие место в законодательстве в

этот период, не меняли общего направления законотворчества в данном вопросе, и вплоть до 1785 г. законодательство связывает городское общество с «обществом торгово-промышленного сословия»²¹⁸. Вплоть до издания Жалованной грамоты «живущие в городе дворяне, духовенство и разночинцы не считаются еще гражданами; это просто *обыватели городские, не составляющие городского общества* (выделено мной. – Н.С.), к которому относятся лишь торговцы и промышленники»²¹⁹.

В издании Жалованной грамоты все исследователи совершенно справедливо видят важнейшую веху истории русского города. Переходя к ее анализу, И.И. Дитятин заявляет, что она внесла в законодательство новое понятие «градского общества» – как единого целого, наделенного правами юридического лица и тождественного совокупности городских обывателей²²⁰. Анализируя текст Жалованной грамоты, исследователь отмечает ее «сбивчивость и непоследовательность» в употреблении терминов. Исследуя ст. 80–91, он приходит к выводу, что в этом разделе законодатель «под городскими обывателями подразумевает то же самое, что Петр Великий понимал под своими регулярными гражданами», т.е. торгово-промышленное население города²²¹. В то же время ст. 77 дает ему основание отождествлять городских обывателей с совокупностью лиц, имеющих в данном городе оседлость и записанных в городскую обывательскую книгу²²².

В итоге ученый формулирует мысль, что город как юридическое лицо и городское общество составляются не из отдельных лиц, а из отдельных мелких общин, групп или, по терминологии Городового положения, разрядов городских обывателей: домовладельцев, именитых граждан, купцов, ремесленников, посадских, приезжих купцов. По мнению И.И. Дитятина, для каждой из этих групп законодатель пытается установить «особые учреждения» и основания: собственность, торговля, промыслы, особые подати и повинности²²³; что касается людей среднего рода, то они составляют лишь часть этого общества²²⁴ – пишет ученый. Все эти разряды объединяет общее право – право представительства в общегородских учреждениях – думах. Думы избираются на собрании городского общества, которое ученый определяет как *всесловное*.

Д.Д. Семенов обращался к истории городского самоуправления с целью доказать консервативность реформы городского управления 1892 г., которая ограничила круг избирателей владельцами недвижимости. Поэтому основной акцент он делал на доказательстве, что при Екатерине II правомочными избирателями были лица, внесенные в один из разделов обывательской книги, все равно на каких основаниях: оседлости, владения недвижимостью, занятия ремеслом и торговлей и др. Единственным препятствием к образованию при Екатерине городского общества, неразделяемого от понятия

«городские избиратели», было, по его мнению, крепостное состояние крестьян²²⁵. Таким образом, Д.Д. Семенов не использует для определения городского общества прилагательного «всесословное», в отличие от И.И. Дитятина.

Поскольку, по мнению последнего, собрание городского общества всесословное, то и лица, выбранные на нем, являются представителями общества в целом, а не «отдельного сословия» торгово-промышленных людей, как раньше²²⁶; властью они пользуются в силу того, что общество как субъект права перенесло на них часть своих прав²²⁷. Все эти рассуждения важны для нас, так как характеризуют собрание городского общества как собрание представителей всех сословий и противопоставляют магистраты, как учреждения для управления торгово-промышленным населением, думам – как всесословным учреждениям.

Нельзя не заметить, что Дитятин, рассуждая о Жалованной грамоте городам, в монографии старательно избегает термина «гражданин» и тем самым уклоняется от ответа на вопрос о том, кто относится к этой категории городского населения. В статье «К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам» в отличие от монографии заметно его стремление дать ответ на этот вопрос, и он вполне определенно отождествляет граждан с теми городскими обывателями, которые владеют недвижимостью в городе²²⁸. «Гражданин», «городской обыватель» – общее название для всех шести отдельных разрядов городского населения, для каждого из членов этого последнего, независимо от сословия, к которому он принадлежит, раз он владелец в городе дома или земли²²⁹. Таким образом, в этой статье ученый доводит свою концепцию до логического конца, доказывая, что категории «гражданин» и «городское общество» уже не ограничиваются торгово-промышленным населением, а становятся всесословными. Однако, по сути, в соответствии с этой логикой происходит не расширение понятия «гражданин» до понятия «городские обыватели», а перенос его с торгово-промышленного «сословия» на владельцев недвижимости. Вместе с тем городское общество превращается из общества лиц торгово-промышленных занятий в общество владельцев недвижимости. Его качественное отличие, по мнению Дитятина, во всесословности, так как недвижимостью могли владеть представители самых разных сословий. Но если вспомнить его рассуждения о том, что в торгово-промышленное «сословие», которому, по мнению Дитятина, было ранее тождественны городское общество и понятие «гражданин», могли при желании войти и крестьяне, и дворяне, то ценность произведенных Екатериной перемен требует дополнительных доказательств. Их в работе нет, вернее, они сводятся к оценке введения городских дум как всесословных по составу, в отличие от магистратов, выбираемых лишь торгово-промышленным населением. Та-

ким образом, следуя логике автора, главное различие двух периодов правления Екатерины Великой: до Жалованной грамоты и после ее издания – заключается в том, что ранее во главе городского общества, которое могло включать лиц торгово-промышленных занятий различного состояния, стояли магистраты – учреждения, выбранные из торговцев и промышленников, а после 1785 г. во главе общества, включавшего домовладельцев, опять-таки разных условий, стояла всесословная дума. Вопрос о том, какие структуры управляли отдельными категориями городских обывателей, И.И. Дитятиным не рассматривается.

Следующий крупный этап в исследовании управления городами связан с именем А.А. Кизеветтера и его монографией о посадской общине России. Этот ученый в своих исторических построениях исходил из мнения о тождестве посадских людей в период до издания Жалованной грамоты с торгово-промышленным населением города и с гражданами города²³⁰. Органами управления этой категорией населения он считает посадский (мирской) сход и городского старосту, магистраты расценивает как ненужную бюрократическую надстройку, дублирующую деятельность посадских органов управления. Изучая историю городской посадской общины, А.А. Кизеветтер очень точно и справедливо подметил, что значительной вехой в ее развитии стало разрушение системы посадских служб и платежей, и относил этот процесс к правлению Екатерины II. По мнению ученого, именно разрушение этой системы «устраняло необходимость поддерживать законодательным путем существование общины посадских тяглецов как особой, замкнутой, изолированной от прочего городского населения» и создавало предпосылки для создания всесословного городского общества. По мнению Кизеветтера, оно было создано Городовым положением 1785 г., которое *заменило прежние мирские посадские сходы градской думой* (выделено мной. – Н.С.)²³¹. Думу он определяет как представительный орган всех городских домовладельцев и полагает, что введение ее ознаменовало вступление русского города в новую фазу муниципальной жизни²³².

В источниковедческой монографии, посвященной Жалованной грамоте городам, А.А. Кизеветтер рассматривает историю ее текста от черновых набросков до окончательного варианта, при этом особенно пристальное внимание уделяет исследованию того содержания, которое, по его мнению, законодатель вкладывает в термины «мещанство», «посадские». Сформулированная им ранее идея о разрушении системы посадских служб и платежей при Екатерине II как пути к формированию всесословного городского общества была отброшена. Более того, с первых страниц работы А.А. Кизеветтер заявляет о себе как оппоненте не только И.И. Дитятина с его оценкой преобразований, провозглашенных в Городовом положе-

нии, как положивших начало качественно новому этапу городской жизни, но всех приверженцев идеи о намерении Екатерины II нивелировать различия в правах сословий²³³. Вся первая глава посвящена автором доказательству тезиса, что редактирование Грамоты шло в направлении ограничения прав мещан и проведения как можно более четкой границы между мещанством и дворянством и закрепления за дворянами особого, привилегированного положения в структуре русского общества²³⁴.

Следствием этого положения стало и другое, *противопоставляющее городское общество его собранию*. Изучив делопроизводственные документы городских учреждений Москвы, А.А. Кизеветтер сделал наблюдение, что в делопроизводстве Московской городской думы нет никаких следов деятельности собрания городского общества²³⁵. Эти следы он находит в делопроизводстве Московской купеческой гильдии, и это приводит его к мысли, что «собрание общества градского являлось органом гораздо более ограниченного круга городского населения, нежели общая городская дума». Дума, по убеждению А.А. Кизеветтера, «получала свои полномочия не от собрания градского общества, а от совершенно иных избирательных групп»²³⁶. Сделав это важное и правильное замечание, автор, к сожалению, не называет этих групп, как не указывает и учреждение (или должностное лицо. – *Н.С.*), получавшее свои полномочия от собрания городского общества.

Крайне удивляет исследователя, что городское собрание собирается лишь раз в три года для выбора в думу, и он опять-таки верно предполагает, что для решения других вопросов и выбора других должностных лиц существовали другие органы городского управления²³⁷. Не называя их, не предлагая нового варианта решения вопроса о городском обществе и лицах, его составляющих, не критикуя традиционные точки зрения, ученый тем не менее своими заключениями подвергает их большому сомнению.

Идея противопоставления городского общества его собранию во многом навеяна опытом общественно-политической борьбы, в которой А.А. Кизеветтер принимал активное участие в годы первой русской революции. Позднее он активно исследовал деятельность той самой Московской гильдии (в единственном числе. – *Н.С.*), в документах которой он нашел следы деятельности городского общества. Появление гильдии он связывает с реформами Петра I²³⁸. Собрание купцов гильдии в Москве после петровских реформ стало представлять всю совокупность посадского населения, как ранее его представляло собрание сотских и старост всех сотен и слобод²³⁹. Ученый обходит вопрос о трансформации гильдии в связи с манифестом 17 марта 1775 г., но в контексте изложения Кизеветтера Московская гильдия представляет собой аналог обществ купцов и мещан в городах Тверского края во главе с городскими староста-

ми. Как и верхневолжские городские общества, Московская гильдия находилась в подчинении магистрата: в нее поступали указы из магистрата, а она, в свою очередь, посылала в магистрат рапорты. Гильдия заведовала общественными деньгами, имела недвижимое имущество и в этом плане также очень напоминает гражданские общества городов Тверского края и других регионов²⁴⁰. О существовании в Москве вплоть до буржуазных реформ городского учреждения, которое заведовало «сборами податей и повинностей казенных с купцов и мещан, равно как и общественными складками на известные и от приговоров зависящие расходы», пишет М.П. Щепкин²⁴¹. Он называет его «домом градского общества» купцов и мещан. Даже краткое определение деятельности этого дома и тем более характеристика его деятельности позволяют утверждать, что он напоминает управленческие структуры верхневолжских городов, известных под названием земских изб и городских дел, представляющих городские общества купцов и мещан, возглавляемые городскими старостами. Исследование Щепкина позволяет предположить, что ранее единая Московская гильдия именно после введения Манифеста 17 марта 1775 г. разделилась на две составляющих: общество купцов и общество мещан, как, собственно, произошло и в городах Верхневолжья. Однако, имея некоторые различия в отношении к государству, и купцы, и мещане городов составляли некое единое целое. Их объединяли обязанность выплачивать государственные налоги, выполнять государственные повинности, а также право осуществлять «добровольные складки», которые шли на нужды города и т.д. Для решения своих вопросов, в том числе вопросов самообложения, уполномоченные выборщики от купцов и мещан Москвы собирались в Доме градского общества. В Москве такой дом действительно был нужен, учитывая многочисленность там торгово-промышленного населения.

Несколько ранее работ А.А. Кизеветтера в рамках проведения празднеств к столетию издания Жалованных грамот вышел целый ряд изданий, где содержатся более или менее подробные и квалифицированные суждения о жизни городов после введения положений Жалованной грамоты городам. Оказывается, что даже в таких крупных городах, как Нижний Новгород, где численность домов дворян и разночинцев составляла примерно 25% от числа всех дворов, разночинцы и дворяне совершенно отстранились от участия в выборах на городские должности на 1786 г. Впрочем, в городскую думу в этом году выборов и не было. Избирались лишь городской голова, словесные судьи, городской староста, члены губернского магистрата и городского магистрата. Однако и в 1795 г., когда в думу выбирали от каждой городской части²⁴², один из 5 выбранных из числа дворян и разночинцев отказался от исполнения должности гласного, считая это неприличным для себя²⁴³.

В Вятке дума была создана лишь в 1793 г., и в ее состав вошли кроме городского головы представители 1-й и 2-й купеческих гильдий, по одному от каждой, а также по одному человеку от посадских и ремесленных людей. В числе членов думы также упоминаются 7 человек управных старшин. Изложение построено так, что совершенно не понятно, о какой именно – общей или шестигласной – думе идет речь²⁴⁴. Существование Вятской думы на первых порах было несколько формальным, через два месяца после своего первого заседания, на котором, по сути, был констатирован факт ее создания, она просила у магистрата денег на свечи и бумагу. Однако вскоре между магистратом и думой – органами управления, включающими в свой состав лишь торгово-промышленное население, развернулась активная борьба за влияние на городского старосту. Это вполне понятно, ведь именно городской староста распоряжался основным источником городских доходов – деньгами, собранными в виде так называемых «добровольных складок»²⁴⁵. Члены думы, получив сообщение магистрата о необходимости исправлять мосты со ссылкой, что «это принадлежит до попечения думы», и узнав, что из магистрата посланы указы об этом купеческому и мещанскому старосте, постановила послать магистрату сообщение и напомнить, что «городская дума есть не изба мещанская, коя непосредственно подчиненностью от онаго магистрата зависит, но место высочайше ея императорским величеством учрежденное в равном с оном магистратом достоинстве» и она не может «в соблюдении своего достоинства, всемилостивейше представленного, никогда и ни в каком случае исполнять таковые незаконные предписания» и запрещает старосте выполнять приказ магистрата²⁴⁶.

В Великих Луках, по сведениям А. Пульхерова, шестигласная дума также состояла лишь из купцов и мещан. Автор подробно рассказывает о деятельности городского общества, его доходах и расходах и анализ приводимых им сведений выявляет еще один вариант развития городской жизни в конце XVIII в. При том, что дворяне и разночинцы не участвовали в работе городских учреждений, они, как и все горожане, платили поземельный налог начиная с 1793 г. Однако вплоть до 1831 г. основу городского бюджета составляли городские общественные сборы с купцов и мещан, называемые «добровольными складками»²⁴⁷. Сообщение об этом позволяет думать, что основным органом управления в Великих Луках было городское общество купцов и мещан во главе со старостой, однако автор оперирует именно термином «дума». К городскому старосте Великих Лук поступали все доходы города, кроме денег, собранных в виде поземельного сбора. Последние поступали особому человеку, который вел учет расходов по статьям, на которые они предназначались. Сборы поземельного налога шли на содержание полиции, пожарные инструменты, на ремонт дорог. О том, что «Великолуцкая ду-

ма» являлась органом купцов и мещан, говорит не только факт «добровольных складок», но и причастность лишь одних купцов и мещан к выполнению полицейских обязанностей. Так, ямщики, которым принадлежала одна треть домов города, вплоть до 1816 г. не присылали людей к исполнению полицейских обязанностей, т.е. на должности сотских и десятских, а «городничий старался всеми мерами оставить это на купцах и мещанах»²⁴⁸. Деятельность магистрата в Великих Луках совершенно не видна из работы Пульхерова.

В Иркутске в первые три года после издания Жалованной грамоты городам городской жизнью руководил в основном магистрат, именно он давал предписания городскому старосте об организации школы, вместе с городничим следил за качеством продуктов, правилами торговли. Дума упоминается в изложении автора, однако ее состав и компетенции остаются неизвестными²⁴⁹.

В советский период развития отечественной историографии изучались различия в правовом положении отдельных категорий тяглого городского населения на протяжении XVII и XVIII в., был поставлен вопрос о их отношении к посаду, о сложной структуре тяглого населения русских городов и дробной системе управления им вплоть до середины XVIII в.²⁵⁰. Особенно пристально изучались судьбы крестьян, проживающих в городах. Благодаря работам этих лет удалось выяснить, сколь велика была их доля в городском населении России и сколь значителен вклад в развитие торговли и промышленности. В то же время историки доказали, что права крестьян были более ограниченными, чем права полноправных горожан²⁵¹. Отношение «людей разных чинов» к посаду также было предметом внимания ученых. Было установлено, что несмотря на включение в ходе налоговой реформы Петра I в число городского податного населения бывших служилых людей по прибору, детей священнослужителей и представителей других слоев населения, в состав посада большинство из них не входило, комплекс их обязанностей по отношению к государству был иным, отличным от обязанностей посадских²⁵².

Вопрос об общем и особенном в комплексе прав и обязанностей горожан, входивших в посадскую общину и к ней не относящихся, лишь только начинает изучаться применительно к XVIII в.²⁵³, его исследование затруднено тем, что не изучен вопрос о составе общины. Современное использование термина «посадские люди» применительно к периоду конца XVII – начала XVIII в. проанализировано Н.Б. Голиковой, которая пришла к выводу, что ученые по-разному его понимают и применяют. Одни включают в число посадских только членов посадской общины, другие причисляют к ним представителей привилегированных купеческих корпораций, третьи относят к посаду как совокупности торгово-промышленного населения и некоторые группы беломестцев²⁵⁴. Некоторые иссле-

дователи отмечают неоднозначность трактовки термина «посад» администрацией²⁵⁵, т.е. выводят противоречивость исследовательской терминологии из вариативности действительности, отраженной документами. В.В. Рабцевич предлагает отдельно рассматривать две общины: посадскую и территориальную городскую, самостоятельно и параллельно, по ее мнению, существовавшие в городах Сибири. Состав посадской общины был определен законодательством достаточно четко. В нее входили «городовые обыватели в особенности», причисленные законом к «среднему роду людей» — тяглому городскому населению, которое В.В. Рабцевич, в свою очередь, отождествляет с гражданством²⁵⁶. Обращаясь к характеристике городской территориальной общины, автор отождествляет ее с городским обществом²⁵⁷ и отмечает, что, являясь по закону достаточно замкнутой, включая в свой состав лишь лиц, записанных в обывательскую книгу города, эта община постепенно теряет замкнутость и определенность состава. По мнению В.В. Рабцевич, это стало следствием нечеткости юридических норм, оформляющих принадлежность к городскому населению, а проявилось в том, что в обывательские книги стали записывать всех домовладельцев без учета их сословной принадлежности, включая солдат, крестьян, дворовых, ссыльных, а также в принятии в состав городских общин без расписки «о принятии гражданского права» переселенцев в Сибирь, разночинцев, ссыльных, рабочих людей²⁵⁸.

На основе изучения материалов фондов городских магистратов Тверской губернии за последнюю четверть XVIII в. были сформулированы предположения о том, что гражданами города являлось население, положенное в оклад по данному городу²⁵⁹, а магистраты являлись органами общегородского управления²⁶⁰. Первый вывод в значительной мере основан на текстологических исследованиях документов, отражающих запись в состав городских обществ выходцев из других городов, а также представителей других сословий. Полученные результаты приводят к мысли о необходимости не только отличать крестьян, получивших с записью в купечество право торговли, от полноправных горожан, а также купцов, положенных в оклад по данному городу, от купцов, плативших в нем лишь проценты с купеческого капитала, т.е. от приписанных к числу купцов. В этом контексте появляется возможность рассматривать категорию купечества как прослойку общества, которая теоретически могла являться межсословной, включая не только состоятельных мещан данного города, но также крестьян, разночинцев, дворян. Важнейшим этапом на пути формирования такого купечества стали и постепенное сокращение посадских служб и повинностей, и введение процентного сбора с объявленного капитала. Последующее введение обязанностей всем, включая дворян, платить городские налоги (за землю, на содержание полиции), и

трансформация системы городского управления вели к созданию всесословного городского общества.

Подводя итог, следует сказать, что при всей многочисленности суждений о городском обществе, гражданстве, посадской общине и других терминах, при различиях в подходах к решению этого вопроса в отечественной историографии нет исследований, которые представляли бы систему выборных органов управления городами в конце XVIII в., выявили комплекс ее элементов и принципы взаимоотношений между ними. Имеющиеся работы, характеризующие деятельность того или иного элемента системы городского управления, построены на иллюстративном методе использования отдельных источников или фактов, в них содержащихся. Такой подход был не просто приемлемым, а единственно возможным в условиях господства позитивизма. Он активно использовался историками, но не мог принести сколько-нибудь ощутимых результатов, учитывая практически полное отсутствие в архивах страны фондов мелких городских управленческих структур. Возможности позитивизма оказались ограниченными объективными обстоятельствами, в том числе особенностями функционирования аппарата управления, его документационного обеспечения и недостаточной сохранностью документов мелких городских выборных структур XVIII в.

В условиях современной ситуации развития исторической науки мы имеем возможность реконструировать деятельность отдельных элементов городской системы управления, опираясь при этом на документацию более крупных учреждений, управлявших теми или иными сторонами городской жизни, города в целом. Реконструкция возможна и на основании документов губернских структур, но при этом она будет более трудоемкой и менее результативной, так как самые мелкие элементы системы городского управления не вели переписки с губернскими управляющими структурами. Реконструкция возможна на материалах других городских учреждений, например, городских дум или управ благочиния, но, как уже говорилось в первой главе работы, для территории Тверской области это невозможно. В данной главе представлена попытка выявить все элементы системы выборных городских органов и должностных лиц, а также определить их компетенцию на основе записей журналов заседаний магистратов. Выбор в качестве основного объекта исследования журналов заседаний обусловлен ранее сделанными автором наблюдениями о том, что магистраты в данном регионе являлись общегородскими многофункциональными органами управления, ставшими опорой для проведения реформы управления, а журналы заседаний являются полным синтетическим источником, дающим возможность для подобного рода реконструкций.

Журналы свидетельствуют, что системы органов выборного городского управления в городах древних и новоучрежденных суще-

ственно отличались как по набору элементов, составляющих систему, так и по роли, которую каждая из них играла в жизни города, по интенсивности переписки ее с магистратом. Анализ журналов Новоторжского и Калязинского магистратов выявил главное различие: в 1778 г. в Торжке журнал магистрата сообщает о содержании рапортов земской избы²⁶¹, которые поступали обычно от городского старосты или ларечного, и о документах от ряда других выборных структур, а в журнале Калязинского магистрата зафиксировано лишь содержание рапортов городского старосты. В 1782 г. в журнале Торжка термин «земская изба» уже не встречается, документация городского общества представлена рапортами городского старосты и нескольких других институтов выборного городского управления, которые находятся в тесном взаимодействии со старостой и с магистратом.

В отличие от предыдущих разделов главы, в этом мы рассматриваем документы каждой городской структуры компактно за все исследуемые годы. Начнем с анализа записей Калязинского журнала за 1778 г. Как уже было сказано, понятия «земская изба» в записях журнала Калязина нам не встречалось, общество купцов и мещан в них представлено рапортами городского старосты. Кроме того, нельзя не отметить малочисленность создаваемых этим обществом управленческих структур, а также их документов. Такие выборные должности, как «содержатели денежных сумм», «надзиратели школы», скорее всего, вообще отсутствовали в Калязине, поскольку в журнале нет следов переписки с ними. Если говорить о рапортах городского старосты, то в 1778 г. их поступило 9, а в 1782 г. – лишь 3, в 1786 г. – 8.

К рапортам городского старосты, поступившим в 1778 г., часто прикладывались другие документы: приговоры общества купцов или мещан, квитанции, подтверждающие факт внесения старостой денег в уездное казначейство (31.12). В одном случае рапорт старосты сопровождался «выбором», судя по контексту, это был приговор членов городского общества, о результатах выборов на службу по продаже соли соляного головы, ларечных, целовальников (11.11). Два документа были связаны с проведением рекрутского набора (22.01, 09.11), три – с разбирательством о финансовых злоупотреблениях бывшего городского старосты: они сообщали об его отказе платить израсходованные деньги, о взятии старосты на поруки (13.03), о его побеге из-под стражи (19.11). Два рапорта сообщают о внесении действующим старостой в уездное казначейство подушных денег, процентного сбора с купечества (19.03, 31.12)²⁶². 25 июня он в устной форме сообщил магистрату о некоторых калязинских мещанах, которые еще до перевода Калязина в ранг города «ушли в разные города» и потому за ними накопилась недоимка.

В 1782 г. деятельность городского старосты была еще менее активной, от него поступило лишь 3 рапорта. Он представлял приговор общества по поводу набора рекрутов (07.11), как и раньше сообщал о внесении денег в уездное казначейство (07.04), однако в ноябре староста жаловался, что сборщик подушных денег и процентов с купеческого капитала Степан Кофтырин отдал ему не все собранные деньги. Этот факт интересен тем, что свидетельствует о наличии сборщика в городе, его подведомственности старосте и, одновременно, о стремлении к самостоятельности и, наконец, о положении магистрата как «высшего судьи» в городе.

В 1786 г. в магистрат Калязина поступило 8 рапортов от городского старосты. М. Сарбунова. Три из них связаны с рекрутскими наборами, они, по сути, являются сопроводительными документами к лицам, представляемым в магистрат, откуда те должны быть отправляемы в Тверь (16.01, 24.11, 18.12). В январе в магистрат были приведены трое мещан взамен двух, не принятых в рекруты²⁶³. Третий был представлен на случай, если из двоих основных кто-то окажется не годным. В декабре в магистрат также поступило три человека, один из которых – А. Выборов – был прислан «на подставу». Первый этап освидетельствования должен был проходить в магистрате в присутствии городского головы, однако служащие магистрата, как и городской голова, старались уйти от принятия сложного решения и отсылали всех кандидатов в Тверь со специально выбранным человеком – «отдатчиком», снабдив их платьем и обувью.

7 сентября в магистрате было рассмотрено «известие» от имени городского старосты и городского головы. Они сообщали, что горожане заключили «условие» с валдайскими купцами Я.В. Шиловым и С.М. Терсковым «с тем, чтоб оным Шилову и Терскову за калязинское гражданство исполнять требуемое» – поставку 47 лошадей под «шествие» императрицы. При этом «известии» был представлен аттестат, выданный этим купцам в Валдайском магистрате. Следует обратить внимание на различие в самоназвании подаваемых документов. Староста, сообщая сведения о выполнении мещанами города рекрутской повинности представляет рапорт, а по поводу исполнения повинности по поставке лошадей и подвод – которая была общегородской, поступило «известие», причем, одним из авторов его был городской голова.

Возможно, что именно с организацией выполнения этой общегородской повинности была связана ссора, происшедшая во время «схода» между несколькими мещанами и городской головой. Городской глава подал жалобу в магистрат, после чего старосте пришлось представить в магистрат объяснение (21.11). Мещан, затеявших ссору, было решено представить в магистрат, «учинить присутствием большой протокол», выдержать 7 дней на хлебе и воде. Интересно, что причина ссоры остается неясной, ее не разъясняют ни

городской голова в своей жалобе, ни городской староста в объяснении, ни Красильников – один из зачинщиков скандала, явившийся в магистрат в день, когда там рассматривалось объяснение старосты. Кстати сказать, «большого протокола» обнаружить не удалось. Недостаток «гласности», ясности изложения информации, явное нежелание раскрывать детали – отличительная черта делопроизводства магистрата Калязина. И это, вероятно, можно рассматривать как показатель недостаточной степени урбанизации и уровня развития правовой культуры.

Дважды городской староста сообщал о должниках по подушному сбору и процентам с объявленного купеческого капитала. В обоих случаях речь шла о лицах, находящихся на службе в присутственных местах: С. Чередееве, который служил в Вышнем Волочке в нижней расправе (03.03), В. Шестунове и Ф. Коноплинском – служителях уездного суда (21.09).

21 октября в магистрате рассматривалось прошение от имени городского старосты, купечества и мещанства, в нем содержалась просьба просить власти отдать на городское содержание питейный откуп. Они считали, что это позволит гражданам «себя содержать в пропитании и в платежах порядочно, без изнурения, ибо де не имущество граждан исправить не исчево». Магистрат принял решение сообщить о просьбе горожан «его высокопревосходительству». Как видим, внутренняя жизнь городского общества купцов и мещан г. Калязина по рапортам старосты в магистрат выглядит весьма скромно. Других структур выборного управления, тесно взаимодействующих с городским старостой в Калязине, в отличие от Торжка, не было.

Судя по документам Новоторжского магистрата, в Торжке в 1778 г. главным органом городского управления являлась земская изба. Документы, поступающие от нее в магистрат, обозначались в журнале как рапорты земской избы, но к ним всегда прилагались приговоры «городского гражданства», иногда обозначенные как приговоры «общества купцов и мещан». Документы земской избы представляли в магистрат городовую старосту или ларечный. Кроме этого, журнал Новоторжского магистрата фиксирует факты слушания содержания рапортов соляного головы, сборщиков некоторых видов сборов²⁶⁴, держателей городской суммы и других должностных лиц, к их рапортам обычно прилагались различного рода ведомости. Все эти документы, кроме рапортов соляного головы, словесного и сиротского суда²⁶⁵, мы будем рассматривать сразу за рапортами земской избы в 1778 г. и за рапортами старосты в 1782 г. и 1786 г.

Городским старостой на 1778 г. был избран Афанасий Момонов. Однако в мае он попросил разрешения отлучиться, оставив за себя И.К. Кузьмина (22.05), а позднее и вовсе ушел с должности, и его

обязанности стал выполнять ларечный Д. Кисельников. В силу этого комплекс записей журнала Новоторжского магистрата за 1778 г. не позволяет решить вопрос о разделении полномочий между двумя важнейшими должностными лицами земской избы: старостой и ларечным, а в 1782 г. эти отношения уже были трансформированы введением Устава о вине и соли.

Посмотрим, каких проблем городской жизни касались рапорты старосты и приговоры земской избы. В трех случаях сообщалось решение общества по вопросам записи в цех, купечество и подушный оклад (15.06; 18.01 поступило 2 рапорта); в пяти речь шла о проблемах рекрутского набора: сообщались имена лиц, предназначенных к отдаче в рекруты (26.11, 29.11), в том числе за провинности (27.11), о выплате денег семьям, откуда взяты в рекруты «без очереди» (18.01)²⁶⁶, о выборе лиц, которые будут проверять книгу очередности отдачи в рекруты и проставят в ней необходимые отметки (23.11). Рапорты старосты сообщали о намерении граждан построить «фонтан» (водопровод) и излагали просьбу горожан просить ТНП о составлении плана и сметы на это строительство (23.07). При одном из рапортов был приговор о ценах на товары, отправляемые в Санкт-Петербург, и о количестве отправляемых барок. Сообщение журнала в данном случае интересно своим обстоятельным решением: оно предписывало собрать сведения от каждого купца в отдельности, составить ведомость и *отправить ее через ТНП в Главную полицмейстерскую контору*. Фиксация такого рода сведения всегда говорит о непривычности процедуры, ее надо зафиксировать, чтобы канцеляристы чего-либо не перепутали. Этапы передачи информации в Главную полицмейстерскую контору через ТНП – еще один факт, показывающий новый механизм управления.

Документы, поступившие из земской избы, и решения магистрата, принятые по ним, свидетельствуют об их совместной деятельности по сбору и расходу денег на цели, связанные с благоустройством города, попечением над малоимущими, школой и др. Остановимся подробнее на их содержании и принятых магистратом решениях: они в совокупности позволяют узнать множество деталей повседневной городской жизни.

При одном из рапортов поступил приговор о сборе специальных средств для содержания неимущих и оплату за них податей по 1 руб. с купеческой ревизской души и по 25 коп. с мещанской (13.02). Обязанность опекать неимущих возлагалась этим приговором на А.Я. Морозова, который одновременно являлся одним из держателей городской суммы. По поводу этого приговора магистрат принял решение: выдать Морозову с товарищами приходную и расходную книги и указ вести их и представить в магистрат «для счету» по истечении года. Пятью днями раньше (08.02) был прислан другой

приговор гражданства: о сборе служителями магистрата денег «на мирской расход» с купечества по 1 руб., а с мещан по 25 коп. Резолюция предписывала дать указ служителям о сборе не только этих денег, но также недоимок данного сбора за прошедший год, а собранные деньги передавать городскому старосте. В приговоре, помимо решения о самообложении граждан, содержалась также просьба выдать 500 руб. из суммы, находящейся у содержателей городских денег (А. Морозова с товарищами), «дабы в градском исправлении не могло быть остановки», в связи с чем в резолюции магистрата был еще один пункт – послать указ А. Морозову о выдаче денег. Эти два приговора в совокупности с решениями магистрата по ним позволяют говорить, что содержатель городской суммы с товарищами – это самостоятельная структура городского управления, не входившая в состав земской избы, но подчиненная, как и земская изба, магистрату. Некоторые разъяснения относительно положения этого элемента в системе выборного городского управления дает другой приговор земской избы. Согласно ему, И.Ф. Серебров увольнялся «от прежде заведенного, еще при снятии на магистрат и купечество питейных и прочих сборов, купеческого капитала денежной суммы»²⁶⁷.

Деньги, которые *общество купцов и мещан просило как заем из городской суммы* для «исправления городских нужд», шли на различные цели, в том числе, возможно, и на покупку материалов и найм людей для строительство храма на Богоявленском кладбище, но на это строительство земская изба собирала дополнительные сборы, от добровольных пожертвователей, о чем и сообщала в магистрат рапортом с приговором (23.03). Решение магистрата по этому поводу было лаконичным, оно требовало держать магистрат в курсе событий, а по окончании работ представить приходные и расходные книги.

Более внимательно магистрат и городское гражданство контролировали расход средств, собираемых как обязательное обложение: об этом свидетельствует приговор с просьбой взыскать деньги с «новоторжской компанейской конторы», которая строила «каменный образцовый дом» и не уложились в смету (12.02). В связи с этим магистрат решил послать ларечного «со сторонними людьми» для удостоверения в разумности перерасходования денежных средств. Вероятно, что «новоторжская компанейская контора» разорилась, так как позднее в переписке обсуждался вопрос о продаже этого образцового дома. Поскольку желающих купить его не нашлось, гражданство города должно было приобрести его, как и огромный дом казенного должника Кутафьева, под присутственные места. Это нашло отражение в еще двух приговорах (25.07, 11.10)²⁶⁸.

Восемь приговоров общества купцов и мещан свидетельствуют о его причастности в 1778 г. к отводу участков земли под жилые по-

стройки, но они, как и сообщения городничего и тематические комплексы документов, отчетливо показывают, что к концу года права городского общества и магистрата в этом вопросе оказались существенно ущемленными в пользу городничего (08.02, 14.03, 19.06; 11.10 – 3 приговора, 14.11, 23.11), о чем подробнее речь пойдет в последней главе.

Еще несколько документов, представленных из земской избы, позволяют говорить об ответственности *общества, представляемого земской избой*, перед государством за продажу вина и соли. Непосредственная вина за недоборы и недостачу лежала на конкретных людях, но поскольку они являлись частью городского общества и оно ручалось за них, то в конце концов оно и выплачивало их долги. Так, общество после длительного сопротивления постановило заплатить долг Буркова по соляной продаже (106 руб. 17 коп.) за 1773 г., когда он и мещанин Питиримов участвовали в продаже соли в Порховском уезде как наемные рабочие мещан Сухорукова и Головкина. В результате довольно длительной переписки между различными инстанциями выяснилось, что все причастные к этому звену соляной продажи, в том числе и наследники Буркова, «оказались несостоятельными», и общество должно было дать согласие на оплату долга, о чем и сообщило приговорами (29.05, 19.07). В связи с последним из них магистрат принял решение о посылке указа содержателю городской суммы А. Морозову о выделении нужной суммы²⁶⁹.

Пять рапортов земской избы ставят магистрат в известность о результатах выборов соляного головы, ларечного и целовальников на 1779 г. (09.10), «щеткиков» для проверки деятельности бывшего старосты (13.02), об «увольнении» И. Сереброва от «купеческого капитала денежной суммы», поскольку его выбрали соляным головой на 1779 г., о желании действующего старосты уйти сначала в отпуск, а затем и совсем от должности. Как видим, перемещение и выборы должностных лиц в рамках земской избы происходили под контролем магистрата.

Группа из 9 документов свидетельствует, что общество купцов и мещан имело в своем распоряжении имущество, за использование которого получало арендную плату. Известно, что от новоторжской питейной конторы оно получало плату за использование помещений и ледника; задержка конторой выплаты денег стала поводом двух обращений старосты в магистрат с просьбой поспособствовать решению вопроса (06.03, 07.03). Принимаемые по их поводу резолюции многое проясняют в разделении функций между структурами управления городом в 1778 г. В первом случае 6 марта было решено обратиться к городничему, видимо, за содействием. На следующий день вопрос рассматривался повторно и было решено послать в питейную контору указ (выделено мной. – Н.С.) с требо-

ванием заплатить деньги, Эти зигзаги делопроизводства не были случайностью, они свидетельствовали о неопределенности в отношениях структур городского управления, которые возникли в связи с передачей питейных сборов из ведения городского общества в соответствующие местные коронные учреждения. Решение послать указ в питейную контору явно было отголоском тех взаимоотношений, которые существовали в прошлом.

Обществу принадлежало несколько мельниц, которые оно также сдавало на оброк. Общество за свой счет произвело их ремонт и в связи с этим сначала просило проверить правильность «щетов», т.е. сметы, составленной строителями (23.03), а затем, после ремонта, приняв решение об отдаче двух мельниц крестьянину Михайлову за 50 руб. в год, оно обратилось в магистрат с просьбой обязать Михайлова платить деньги сполна и в срок (16.03), что говорит о подведомственности крестьянина магистрату и неподвластности его старосте города. Еще одна мельница была передана братьям Заходским (23.07).

Купцам и мещанам принадлежали лавки и харчевни, расположенные на мосту через ручей Здоровец. Каждые три года их переоброчивали и журнал 1778 г. достаточно подробно отразил делопроизводственную сторону этой процедуры. Городской староста 5 марта сообщил, что истек трехгодичный срок, на который лавки и харчевни были отданы «новоторжским купечеством и мещанством обывателям здешним», просил «переоброчить оныя охочими людьми вновь». Резолюция магистрата позволяет получить представление о взаимоотношениях городских учреждений по данному вопросу. Она гласит: «Показанные на каменном мосту лавки и харчевни при будущем сего марта 8 дня в земской избе купечеству и мещанству собрании сего же марта с 1-го впредь на трехгодичное время переоброчить вновь. Для чего и городовому старосте с товарищем послать указ о вызове для торгу к оным охочих людей. С тем, чтоб желающие явились к торгу об оных при показанном марта 8 дня гражданском собрании в Торжку через господина новоторжского городничего титулярного советника Львова публиковать. А для сего написать указную публикацию, отослать его высокблогородию при сообщении». Как видим, торги по сдаче в оброк должны были проходить на собрании купцов и мещан, сведения об этом доводились до всех обывателей города через городничего. Тексты приговора и резолюции магистрата явно разводят понятия «граждане» и «обыватели» и отождествляют собрание «купечества и мещанства» и собрание «гражданства».

После торгов городской староста представил в магистрат сведения о том, что и кому отдано в аренду. Вместе с этим были присланы приходно-расходные книги, изготовленные за счет общества, для записи поступлений арендной платы, а также договоры, заклю-

ченные обществом с арендаторами. Решение магистрата предписывало вызвать всех, кто взял в оброк имущество общества купцов и мещан, взять с них подписки в платеже денег, т.е. складывалась ситуация, аналогичная той, что была при отдаче в оброк мельницы. Книгу для записи вносимых денег следовало отослать содержателю городской суммы, который должен был собирать деньги и передавать их (или использовать) на содержание школы и бедных людей (28.03). Последнее обстоятельство важно, так как свидетельствует, что содержатель городской суммы оказывался в контактах с горожанами, не являющимися членами городского общества.

В добавление к ранее имевшемуся имуществу в 1778 г. городское общество приобрело в собственность большой каменный дом стоимостью 1029 руб. 64 коп., который ранее принадлежал Кутафьеву, но был выставлен на торгах за долги, а также «образцовый дом», о чем и сообщило магистрату (11.10).

Ситуации, связанные с приобретением и сдачей в аренду имущества, важны как свидетельство посреднической роли магистрата и содержателя городской суммы во взаимоотношениях между обществом купцов и мещан, которое имеет в своем распоряжении определенное имущество, и городскими обывателями (в том числе крестьянином, вступившим в городское купечество), которые могут за арендную плату пользоваться этим имуществом. Совершенно очевидно, что магистрат участвует в организации использования городского имущества, более того, представляет интересы общества купцов и мещан в этом процессе и контролирует расходование получаемых средств (ниже пойдет речь о ежемесячных отчетах надзирателей школы перед магистратом). В связи с этим можно говорить о посреднической, объединяющей роли магистрата в жизни горожан²⁷⁰.

Следует отметить, что, призывая желающих взять в оброк городское имущество, граждане между тем отказались участвовать в торгах по отдаче «в содержание» мостов при селах Медное и Выдрапужск, которые относились к казенному имуществу, об этом известно из приговора от 16 мая.

Документацию, поступавшую от других структур городского управления, являвшихся выборными органами общества купцов и мещан и в своей деятельности тесно связанных и с земской избой и с магистратом, следует рассмотреть особо.

В записях журнала Новоторжского магистрата за 1778 г. отчетливо видна деятельность сборщиков денежных сумм. Они ежемесячно представляли отчеты о собранных в предыдущий месяц деньгах. Кроме сборщиков денег за проданную соль, о которых будет особый разговор, непосредственно перед магистратом ежемесячно отчитывались сборщики средств в счет погашения казенной ссуды, выданной погорельцам на строительство новых домов после пожара (в 1778 г. ими были П. Овсянников и К. Луковников), а также

сборщик штрафа с лиц, не посетивших исповедь – А. Скурлов. Они передавали свои рапорты в магистрат в начале месяца и сообщали сведения за предыдущий месяц. К рапортам обычно прилагались ведомости со сведениями, сколько денег собрано. Из записей журнала мы не можем узнать имен исправных плательщиков и должников, но в совокупности с решениями магистрата эти записи дают нам новые данные для исследования механизма проведения реформы управления и ее основных положений.

Прежде всего следует сказать, что ситуация со сбором денег в счет погашения ссуды подтверждает выявленный при исследовании комплекса поступивших указов факт перестройки управления в конце XVIII в. с вертикально ориентированной на лучевую, сфокусированную на ТНП. В январском рапорте сборщиков сообщалось, что с мая по декабрь 1777 г. было собрано 5000 руб. в счет погашения ссуды, и вместе с ним в магистрат были представлены деньги. Резолюция магистрата предписывала отослать их с нарочным в Коммерческий и Дворянский банки, «сколько в который по числу полученной из оных суммы следует». Апрельская резолюция магистрата по поводу собранных денег предписывала запросить у ТНП, куда передавать собранные деньги (06.04), вопрос этот был вполне логичный, ведь указы ТНП запрещали непосредственное общение со всеми структурами центрального управления. О том, каким был ответ, можно предположить, зная положения Учреждений о губерниях, а также тексты указов ТНП, где это запрещение и содержалось. Тем не менее членам магистрата нужно было подтверждение, и, видимо, они его получили²⁷¹. В последующие месяцы, судя по резолюциям, деньги сначала поступали в магистрат, затем с теми же самыми сборщиками их отправляли в уездное казначейство. При этом в пунктах резолюций, предписывающих эту передачу, обязательно присутствует ссылка на указ ТНП об этом от 12 февраля 1778 г. Наличие столь «точной» ссылки свидетельствует о непривычности для канцеляристов нового положения вещей.

В январе и феврале денежные сборы во все годы и во всех городах шли трудно. 2 февраля 1778 г. сборщики ссудных денег сообщили, что в январе денег в счет погашения ссуды не поступало, что неплательщики содержатся под стражей; реестр должников был приложен. По поводу этого рапорта было предписано продолжать сбор, о сложившихся обстоятельствах доложить наместнику Новгородскому и Тверскому Я.Е. Сиверсу, а также в ТНП и 2-й департамент губернского магистрата. В последующие месяцы по поводу этих рапортов и ведомостей также принимали решение об отсылке копий с них во все эти три инстанции. Необходимость отсылать сведения в губернский магистрат была отголоском старой системы управления, при которой жизнь городов и горожан была в ведении системы магистратов: городских, губернских, Главного. Согласно

вводимым правилам, начальством всех учреждений наместничества становилось наместническое правление, и именно этим была обусловлена необходимость посылать сведения туда. О том, что сбор денег в счет погашения ссуды находился под непосредственным контролем Я.Е. Сиверса, свидетельствует, во-первых, необходимость посылать ему сведения о собранных суммах и должниках и, во-вторых, резолюция магистрата по поводу рапорта сборщиков от 13 декабря: она предписывала подготовить ведомость о неплательщиках к приезду наместника в город.

Кроме того, в магистрат поступили четыре рапорта от Андриана Морозова – содержателя городской суммы. В одном он сообщает, что выдал в соответствии с указом магистрата городскому старосте 500 руб. «для городских надобностей» из суммы, собранной с объявленных купцами капиталов (26.11) (см. илл. 11), в другом подтверждает факт получения денег, собранных в соборе от доброхотов (26.04)²⁷². При одном из сообщений А. Морозов представил в магистрат 106 руб. 17 коп., полученные от городского общества в счет погашения долга Ф.Буркова за соль (24.07)²⁷³. В данной ситуации магистрат выступает как необходимое связующее звено финансовой цепочки, включающей городское общество, содержателя городской суммы, магистрат, уездное казначейство, так как судя по зафиксированному в журнале решению, из магистрата следовало выдать А. Морозову квитанцию в приеме денег, а сами деньги – долг Буркова – переправить в уездное казначейство. Еще одно сообщение содержателя городской суммы сопровождало в магистрат сумму, полученную в качестве процентов за деньги, принадлежавшие одному из умерших купцов и отданные по указу магистрата в долг (24.07). И в этом случае решение предписывало выдать Морозову квитанцию, необходимую ему как оправдательный документ, а вот пункта о передаче денег в уездное казначейство или об оставлении их в магистрате в резолюции нет. В последнем случае ситуация не совсем понятна, но, скорее всего, она свидетельствует, что в распоряжении городского общества, представляемого магистратом, были и денежные средства, приносявшие доход в виде процентов. Однако последние являлись доходами города, а не городского общества, представленного городским старостой, и, видимо, поэтому никуда из магистрата не передавались.

В 1782 г. ситуация в Торжке переменялась. Рапорты поступали не от имени земской избы, а от городского старосты. Всего в новоторжский магистрат поступило 30 рапортов городского старосты, практически все они сопровождались приговорами «купечества и мещанства» («гражданства») города²⁷⁴. Удивительно мало, всего лишь 7 из них, было связано с записью в купечество и мещанство крестьян, детей священнослужителей, выходцев из других городов. На этот факт следует обратить особое внимание, так как в этот год

пожалуйста 26 дня 1778 года

46

№ 2586 от Новоторской Морозовой магистратуре

Городной суммы содержания Андрея Морозова
Зова отставщику

Вспомнить отголоски подлинности
постановлений по приписке
Николаеву

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
138 июня новоторского магистрата б. 10
минутами сентября 1778 года под № 636
636. о выданье Морозовым старосте описан
машинной отставщику по приписке
Новоторская отставка и смененный
ЕЯ величии надобности на деньги в гра
скомь истражений немогло бысть от
Новым сего взыскать в сумм по приписке
вспомнить и отставщику старосте
ЕЯ величии отстав взыскать в старосте
даже отставщиком в оной магистратуре
сего года сентября 11 числа мною по сему

По означенному предписанию сумм и отстав
тинею ЕЯ величии со. выдать Морозовым старосте
описан машинной старосте в выданье
один новоторской магистратуре сего
рапорт по сумм и отставщиком описан
26 дня 1778. года. Андрей Морозов
Содержатель товарищ Андрей Владимиров

Илл. 11. Рапорт содержания городской суммы А. Морозова об исполнении
указа магистрата о выдаче городскому старосте 500 руб. «для градских
надобностей» (Ф. 172. Оп. 2. Д. 510. Л. 46. Подлинник)

проходила перепись и в целом в журнале магистрата с этим вопросом было связано очень много записей. Значит, далеко не во всех случаях прием в число горожан обсуждался с обществом купцов и мещан. Наши соображения относительно этих фактов будут представлены позднее, в последней главе работы.

Шесть рапортов с приговорами сообщают о выборе горожан к выполнению различных обязанностей. Накануне нового года поступил приговор собрания о выборе на следующий год сборщиков денег «с объявленных от купцов капиталов процентных, а с мещан – подушных, а в случае – и на содержание по высочайшему учреждению в городе Торжке в богадельнях неимущих и приносимых во оныя несчастнорожденных младенцев» (30.12). Эти сборщики поступали в распоряжение магистрата и в последующих приговорах о сборе денег именуются как «определенные в магистрат служители». Приговор собрания от 30 мая сообщал о решении общества послать К. Оминена в ТНП для получения денег за подводы, поставленные под «шествие» императрицы и просил выдать ему доверенность на получение денег. Приговоры сообщают также имена людей, выбранных для сбора двойного оклада с раскольников (22.01)²⁷⁵; свидетелей к протестам векселей, которые должны «находиться при публичном нотариусе канцеляристе Василии Петрове» (30.01), смотрителей за отпуском соли из магазина и к соляным весам (30.12, 03.01). Следует сказать, что большинство приговоров о выборах поступило либо в начале года, либо в декабре. Январский приговор о выборах к соляным делам сообщает имена выборных на 1782 г., а декабрьский – уже на 1783-й.

Следующая группа приговоров, поступавших вместе с рапортами городского старосты, отражает финансовые проблемы общества купцов и мещан. 27 января в магистрате рассматривали приговор «о сборе определенными в магистрат служителями на необходимо требуемые градские расходы купечества и мещанства по учиненным между ими раскладкам по тридцати копеек с души», о взыскании недоимок по мирским сборам за прошедший, 1781 г. Одновременно в приговоре содержится просьба о выдаче «от содержателей городской суммы Андрея Овчинникова и Петра Мокошева из градских денег триста рублей взайм с роспискою». Члены магистрата постановили послать указ (выделено мною. – Н.С.) «служителям магистрата» о сборе денег и передаче их старосте, что, несомненно, свидетельствует об их прямом подчинении, как и в 1778 г., магистрату, что было не характерно для других городов. Однако деньги должны быть переданы старосте, и это еще раз подтверждает, что правом самообложения пользовалась лишь группа горожан, им возглавляемая.

30 сентября староста подал приговор собрания купцов и мещан с просьбой выдать ему из «градских денег» 815 руб. 75 коп. для вне-

сения их в уездное казначейство в счет погашения долга по ссуде «за каменный образцовый дом», а также 200 руб. надзирателю школы Свешникову. Решение магистрата по поводу этого приговора столь же обстоятельное, как по поводу январского. Обстоятельные резолюции – не частое явление, а наличие таковых следует рассматривать как свидетельство большой важности данного вопроса для членов магистрата. Решение по поводу сентябрьского приговора проясняет взаимоотношения уездных и внутригородских управленческих структур по финансовым вопросам: было решено послать указы содержателю городской суммы о выдаче денег городскому старосте и надзирателю школы под расписку; старосте И. Масленникову – о передаче денег за дом в уездное казначейство, а Свешникову «об употреблении оных же (денег. – Н.С.) на содержание той школе неимущих в ней учеников без излишества и с верною всегда в приходные и расходные книги запискою без упущения». Как расходовались эти деньги, видно на илл. 12.

Через неделю, 7 октября, И. Масленников представил новый приговор о сборе по 40 коп. с души. Эти деньги должны были пойти на перестройку богаделен, на оплату долга, взятого для постройки каменного моста через реку Здоровец и другие нужды. Одновременно купцы и мещане просили ускорить сбор недоимок по прежним приговорам и выдать займы «из градских денег» 300 руб. для оплаты займа, взятого для постройки моста. Рассмотрев приговор, магистрат принял решение послать указы в подчиненные ему структуры, связанные с финансами. Указ служителям, чтобы собирали деньги «со старанием», в том числе недоимки по январскому приговору, и передавали их без задержки городскому старосте; указ А. Овчинникову – содержателю городских денег, чтобы выдал старосте 300 руб., и попечителю богаделен Г. Хрыпову сумму «без недостатку», взяв с них расписки и записав факт выдачи в расход; городскому старосте об употреблении денег «без излишеств» и с записью в тетрадь. Совершенно очевидно, что в условиях неопределенности статей расходов городского бюджета и еще большей неопределенности системы распределения доходов между ними существовала самая благоприятная почва для злоупотреблений лиц, приближенных к деньгам. Горожане, по всей видимости, осознавали это, и к концу года в магистрат поступил приговор «о счете определенным счетчикам Ивану Кутафьеву с товарищи оного старосту Ивана Масленникова с товарищи». Староста обвинялся в расходах, не отраженных в приходно-расходных книгах (30.12).

Некоторые детали этого дела известны из сообщений в магистрат стряпчего, именно стряпчий обнаружил, что в книгах старосты не учтены 815 руб. за образцовый дом, построенный на деньги, выданные в качестве ссуды погорельцам. Срок выплаты ссуды истек, и город должен был внести помимо этих 815 руб. еще и деньги

Учолодтторъжинои маэстираттэ
 Слэб. Аннало Нэчолодтторъжиного мѣстэсѣтѣла
 иэ Задэсѣннэо Ерадиной вѣпторъжу широлэ коды
 ротѣла Яшова батѣлаца

Рѣпорттэ

	Рубл.	Копѣек.
Нэдэръжко помшолэ вѣнкартэ мѣртэ нотѣннэу иинѣс казѣла саѣн инаѣ рѣлаи инаѣроттѣн рѣсходѣ рѣнѣс шѣла рѣлаѣс пѣтѣн копѣекѣс стѣлолэкоу	6	5 1/2
Воатэ Уѣнтѣлаѣс рѣсѣтѣ рѣлаѣс -	10	-
Французшолэ Уѣнтѣлаѣс наѣнэу наѣно иэ Зѣнѣсѣннэо иэ 1 го по апрѣла по 1 го сло рѣно рѣнѣс пѣртѣлѣтѣ пѣрѣ рѣлаѣс	33	-
Слэсѣу мѣшѣннэѣс рѣтѣлѣс - 32. рѣло итѣнѣс рѣнэ-пѣсѣтѣлѣрѣнэу наѣнѣс мѣноу по рѣсѣтѣлѣтѣ по шѣноу копѣекѣс рѣаѣрѣ иѣнѣсѣс рѣѣннэѣс Яннэу мартѣлѣкоу оѣнтѣлѣс бѣнѣсѣу лѣтѣннэѣсѣу рѣннэу вѣ дуѣннэу поѣтѣлѣтѣ рѣнѣс копѣекѣс вѣлѣс воѣс рѣлаѣс бѣаѣтѣлѣтѣ бѣлѣс копѣекѣс	8	22

Учолодтторъжинои маэстираттэ

Илл. 12. Рапорт надзирателя школы Я. Бителева о расходах на содержание школы (Ф. 172. Оп. 2. Д. 521. Л. 7. Подлинник)

за дом Ивана Кутафьева, также построенный в счет ссуды и конфискованный у него за долги. Дом был такой дорогой (он стоил около 1200 руб.), что желающих купить его не нашлось, город стал использовать его под «присутственные места», и государство требовало внесения денег за него в счет погашения казенной ссуды. На начало года долг города по ссуде за эти два дома составлял 2066 руб. 95 коп., и в январе собрание гражданства постановило собрать эти деньги (27.01). Сбор поручили К. Луковникову, так как основной сборщик – Петр Овсянников был выбран на 1782 г. в ратманы.

Избрание в магистрат человека, ответственного ранее за сбор ссудных денег, сделало возможным организацию той сложной финансовой операции, которую обнаружил стряпчий. По январскому приговору необходимые для погашения недоимок по ссуде 815 руб. предполагалось собрать с горожан, однако согласно другому приговору эти деньги в сентябре были взяты из «городской суммы» и даже внесены в уездное казначейство. Таким образом, неучтенными, видимо, оказались те 815 руб., которые были собраны с горожан по январскому приговору²⁷⁶.

Не следует, однако, думать, что староста с товарищами положили деньги в свой карман или предполагали это сделать. Скорее всего 815 руб. нужны были для оплаты каких-либо статей городского расхода, скажем, для затрат на строительство каменных погребов, лавок и другого городского имущества, которое предполагалось сдавать в аренду. Кроме того, одной из статей городского расхода были рекрутские наборы: семьям, отдававшим добровольцев, оказывалась материальная помощь, за ушедших в рекруты город платил налоги и т. д.

О том, что в 1782 г. в городе были сложности с рекрутским набором, свидетельствуют 6 рапортов городского старосты. 19 января он принес в магистрат 8 квитанций на людей, отданных «за непорядочное поведение» в рекруты, причем он предупредил, что два человека отданы в рекруты в зачет прошедшего года, а 6 – в зачет предстоящего набора 1782 г. В течение января–февраля по приговорам общества купцов и мещан в рекруты были отданы еще два человека: М. Дурандин «по невоздержанному ево пьянству, за не платеж подушных денег и за самовольный в 781 году из Торжка побег» (26.02) и И. Попов за «невоздержанные ево дурных поступков житие» (22.01). Тем не менее осенью проблемы рекрутского набора трижды обсуждались на собраниях купцов и мещан. 30 сентября общество приговорило содержать кандидатов в рекруты «под присмотром», чтоб они не разбежались, кроме того, оно просило магистрат дать указ о поиске скрывшихся кандидатов и позволить вместо женатых мещан «уговаривать» в рекруты их братьев. Обе просьбы были удовлетворены, и городскому старосте послали указы, разрешающие сыск беглых и «приискание братьев».

В ноябре проблема рекрутского набора 1782 г. так и не была решена, и в связи с этим было прислано в магистрат еще два приговора: в одном просили зачесть горожан, которые были отданы в рекруты в начале года²⁷⁷ (11.11); в другом – отдать в рекруты С.Я. Шонина, «по непорядочному и дурному ево поведению» вместо семейного И.К. Оксенова (28.11).

Если мужчин за плохое поведение отправляли в рекруты, то женщин – в смиренный дом при Приказе общественного призрения. Рапорт городского старосты, рассмотренный 17 июня, сообщал о решении общества отдать в этот дом четырех женщин, двух из них – сроком на год, одну – на месяц и еще одну – на две недели. Магистрат принял решение отослать их к городничему «для препровождения в Приказ общественного призрения».

Еще два рапорта связаны с перепланировкой и перестройкой города. К одному помимо приговора купцов и мещан прилагалось коллективное прошение людей, этот приговор не подписавших. Они выступили против нового генерального плана на том основании, что его осуществление требовало сноса части зданий и изменения внутригородских границ, просили не принуждать их к подписанию «в квартальных ведомостях приговору» и передать их мнение Т.И. Тутолмину (23.06). Члены магистрата в своем решении дали понять, что не имеют права вмешиваться в этот вопрос.

Городской староста Торжка в 1782 г. И. Масленников был, по-видимому, сторонником активного строительства объектов городской собственности и зданий для учреждений, подведомственных Приказу общественного призрения. Уже 21 января, т.е. через несколько дней после своего вступления в должность, он принес приговор гражданства о постройке «на земляном валу против плавучего моста вместо деревянных дурных шалашей 5 каменных погребов и двух харчевен для отдачи из оброков в пользу общества». Одновременно он выступил с инициативой построить новые погреба на гостином дворе и предложил начать закупку стройматериалов для этого. Магистрат принял решение сообщить об этих замыслах нового старосты городничему, а старосте предписал обсудить вопрос о постройке погребов на собрании купцов и мещан (21.01).

Один из приговоров общества, поступивший в магистрат, выражает согласие на прием туда копиистом Д. Шехонина, который на тот момент был копиистом нижнего земского суда. Общество выразило готовность платить ему за работу 40 руб. в год, что, вероятно, было выше его жалованья в нижнем земском суде. Из справки магистрата по поводу данного приговора становится известно, что в магистрате приказных служителей кроме одного канцеляриста (В. Петрова. – *Н.С.*) не имеется (24.02).

Еще один приговор общества содержал просьбу к членам магистрата о «представлении куда надлежит о избавлении оногo (обще-

ства. – Н.С.) в рассуждении прописанных в том в приговоре резонов отправления из Торжка в Осташков до деревни Каганова почты». Магистрат принял решение сообщить о просьбе горожан в ТНП (25.02). В другой ситуации, когда горожане просили похлопотать о прибавке земли, относящейся к городу на полверсты вокруг рва, присутствующие приняли решение обратиться с просьбой не в наместническое правление, а к «его превосходительству» (Я.А. Брюсу. – Н.С.) (30.12).

При апрельском рапорте был приговор, со сведениями о владельцах и количестве барок, приготовленных к отправке в Санкт-Петербург, о товарах, находящихся на них, и их цене. Следует обратить внимание на решение магистрата: оно предписывало призвать каждого купца, отправлявшего товар в столицу, и взять под присягою показания, «сколько у них в тех барках из Торжка отправлено и во оных погружено какого именно хлеба и товару», после чего следовало сочинить ведомость для Санкт-Петербургского обер-полицмейстера (23.04).

Рассмотрим записи журнала магистрата Торжка за 1782 г., отражающие деятельность других городских структур, тесно связанных в своей деятельности со старостой.

В 1782 г. в журнале заседаний магистрата зафиксировано значительно меньше рапортов сборщиков денег, чем раньше. Среди них 10 рапортов сборщиков штрафа за непосещение исповеди. Все они датированы январем–июлем, рапортов за последующие месяцы года в журнале не зафиксировано. При этом в июле подано 4 рапорта (1, 7, 15, 28), и именно на июль приходится сбор значительных денежных сумм: рапорт от 28 числа сообщает, что с 15 июля собрано 217 руб. штрафных денег, в то время как в предыдущие месяцы месячный сбор составлял 1–2 руб. Такая активность должников была обусловлена предписанием ТНП срочно собрать все недоимки по данному виду сборов, а должников «отдать в работу». Штрафные деньги за лиц, отданных в рекруты, должно было выплатить городское общество, и оно (как известно из тех же рапортов) внесло за них в июле 40 руб.

Очень интересная ситуация сложилась с выплатой денег по казенной ссуде на строительство жилых домов. Всего в течение года поступило 8 рапортов от сборщиков денег на погашение этой ссуды, в соответствии с числом месяцев, пока шли сборы. Все представленные рапорты сообщают, что поступлений от граждан не имеется (к тому времени все граждане уже выплатили ссуду), и фиксируют факты представления денег от городского общества за «образцовый дом» и дом И. Кутафьева, выкупленный городом на торгах. 1 августа сборщик К. Луковников пришел в магистрат и принес, по всей вероятности, последние деньги в счет выплаты долга. Интересно, что журнал сообщает точную сумму за «образцовый

дом», она составила 400 руб., и не указывает количество денег, внесенных для погашения ссуды за дом Кутафьева. Как видим, согласно этим рапортам долг за «образцовый дом» был погашен еще 1 августа, а между тем из других записей журнала известно, что в сентябре староста просил из городских средств 815 руб. именно для погашения долга за «образцовый дом». Таким образом, в нашем распоряжении есть еще одно свидетельство финансовых махинаций городских властей Торжка.

В 1782 г. в новоторжский магистрат поступило два рапорта от держателей городской суммы. 23 марта А. Овчинников и П. Мокошев сами пришли в магистрат. Поводом явился указ магистрата о выдаче денег старосте взаймы из городской суммы на основании приговора граждан. Похоже, указ вызвал большую обеспокоенность хранителей денег, они сообщили членам магистрата, что уже выдали старостам (во множественном числе. – *Н.С.*) и строителям 5602 руб. 67 коп. К этому устному сообщению прилагался письменный рапорт, который, судя по описанию в журнале, был финансовым отчетом, где указывались суммы, выданные под расписки тому или иному лицу (22.03). К концу года финансовая ситуация в городе осложнилась, и 29 декабря П. Мокошев устно просил об увольнении, объясняя просьбу длительностью пребывания на должности²⁷⁸.

Перейдем к рассмотрению документов, поступивших в 1786 г. от старосты Торжка и тесно связанных с ним структур.

В 1786 г. от городского старосты в Новоторжский магистрат поступило 20 рапортов. Один из них был представлен старостой прошлого года П. Мокошевым, к нему прилагались квитанции на рекрутов и на рекрутские деньги (12.03), которые были получены им в департаменте рекрутского набора казенной палаты. По сути, это были документы, позволявшие проверить его деятельность в этой сфере. К рапортам, представленным в магистрат старостой 1786 г., как правило, прилагались приговоры, среди них было 6 об отдаче в рекруты (02.07, 03.07, 30.07, 29.10, 27.11, 18.12). Записи в журнале пересказывают содержание приговоров и сообщают имя и фамилию рекрута, а также основание для отдачи в рекрутскую службу. В 5 случаях из 6 людей отдавали в рекрутскую службу за дурное поведение и пьянство и лишь в одном рапорте речь шла о необходимости заменить «негодного в рекруты» мещанина (т.е. не принятого рекрутским департаментом казенной палаты) одним из двух вновь назначенных кандидатов. Видимо, магистрат должен был самостоятельно сделать выбор, но члены магистрата, в свою очередь, решили переложить это решение на рекрутский департамент, постановив отправить туда обоих кандидатов (18.12).

В двух случаях к рапорту старосты были приложены приговоры об отдаче горожан за пьянство и дурное поведение в смиренный дом (30.11, 3.07), эти приговоры были оформлены от имени «обще-

ства» (03.07) или от имени «гражданства» (30.11). Интересно, что П. Вторых, отправленного в июле «обществом купцов и мещан» в смиренный дом сроком на два месяца, в ноябре приговором «купечества» исключили из числа купцов и отправили в рекруты на основании приговора «мещанства». Причем приговоры об исключении из числа купцов и об отправке в рекруты поступили в один день – 27 ноября и оба были представлены городским старостой. Это позволяет говорить, что в 1786 г. городской староста олицетворял собой три несовпадающие по составу и различающиеся по объему прав и обязанностей общности: 1. общество купцов и мещан или гражданство, 2. общество купцов и 3. общество мещан.

В 6 случаях к рапортам старосты прикладывались приговоры гражданства о выборе к различным службам (30.12, 31.12, 31.12, 10.11, 10.11, 12.11). Согласно приговорам «купечества и мещанства» были выбраны сборщики процентов с купеческих капиталов, сборщики подушной подати; от имени «гражданства» представлены лица, выбранные для проверки весов и мер в соляном и винном магазинах (некий аналог общественной инспекции), к смотрению «дабы никто не в указные часы и не назначаемых местах» хлеба и прочих припасов не покупал, а также для приема денег на строительство Борисоглебской церкви (аналог общественного кассира), и для наблюдения за перекрытием крыши соборной церкви. Последние выбирались по требованию городничего.

В 80-е годы в Торжке, судя по записям в журнале магистрата комплекс собираемых через магистрат и под его контролем налогов и сборов существенно изменился. Исчезли сборы штрафных денег и сборы в счет погашения казенной ссуды. Что касается сборов и расходов на мирские расходы, то они отражены в рапортах старосты и в прилагавшихся к ним приговорах. В 1786 г., судя по записям журнала магистрата, активную деятельность осуществляли сборщики и расходчики, деятельность которых была связана со строительством Борисоглебской церкви одноименного монастыря. Она строилась на средства государства и добровольные пожертвования граждан. Летом 1786 г. строительство активизировалось во многом благодаря поступлению в конце июля 10 тыс. руб. из средств государства. Средства поступили на имя Н.П. Архарова, и тот частями отправлял их в город. Записи журнала позволяют говорить, что за их поступлением и расходованием был достаточно жесткий контроль, он обеспечивался разделением функций по приему, хранению и расходованию денег между отдельными людьми. Магистрат контролировал деятельность каждого и обеспечивал их взаимодействие. От Ф. Минина, «определенного к приему денег на строительство Борисоглебской церкви», в магистрат поступило четыре рапорта, во всех речь шла о выделении денег для расчета с работниками и покупки стройматериалов (28.08, 04.09, 23.09, 13.10), из чего

можно сделать заключение, что он не хранил у себя деньги, а лишь вел приходно-расходную документацию. Обращаясь в магистрат в сентябре, он просил в общей сложности 1500 руб. в дополнение к 4500, выданным ему ранее, а позднее сообщал, что расходчики требуют от него еще 2300 руб. По поводу августовского и сентябрьского обращений Минина в магистрате принимали решение послать указ приходчику и расходчику средств Вавулину²⁷⁹, но в октябре согласно справке денег «в магистрате»²⁸⁰ не было, и члены магистрата решили обратиться к наместнику Н.П. Архарову с просьбой прислать еще денег из числа пожалованных императрицей. Первая партия этих средств поступила в магистрат 27 июля²⁸¹, а уже в записи журнала, датированной 31 июля, зафиксирована просьба А. Скурлова, названного в записи журнала расходчиком, который, по-видимому, обеспечивал закупку необходимых материалов и наем рабочей силы. Скурлов просил выдать ему деньги, выделенные по императорскому указу на строительство Борисоглебской церкви, обосновывая просьбу необходимостью выплатить деньги по векселям²⁸² и закупить стройматериалы²⁸³.

Как видим, в 1786 г. из делопроизводства магистрата исчезли рапорты сборщиков ссуды, штрафных денег. Сборщики некоторых категорий налогов и сборов, например подушного, в 1786 г. выбирались, как и раньше, о чем свидетельствуют приговоры, поступившие в магистрат и зафиксированные в журнале, но прямых свидетельств их деятельности мы, как и прежде, в журнале Новоторжского магистрата не находим. Это говорит о том, что они, являясь служителями магистрата, представляли деньги, не сопровождая их рапортами. Однако из дел, сформированных по тематическому принципу известно, что такие рапорты они подавали в магистрат вместе с собранными деньгами²⁸⁴.

Особо следует остановиться на записях, фиксирующих факты поступления в магистраты документов от городских голов и их содержание. Они позволяют говорить, что это должностное лицо следует рассматривать в тесной связи с обществом купцов и мещан, и не дают никаких оснований считать его представителем более широкого круга городских жителей. Судя по сведениям журналов деятельность городских голов ни в одном из этих городов нельзя назвать активной.

В журнале Калязинского магистрата за 1778 г. зафиксировано содержание двух устных сообщений городского головы. В одной речь шла о расходовании городских денег в предшествующий год, оно логически было связано с делом о злоупотреблениях бывшего городского старосты (16.04). При другом посещении магистрата калязинский городской голова пересказывал текст «предложения» Приказа общественного призрения, полученного в Калязинском сиротском суде, об учреждении в городе школ и смотрителей при них

(05.07). В журнале Калязинского магистрата за 1782 г. не зафиксировано фактов поступления документов от городского головы. В 1786 г. в магистрат Калязина поступило два документа от городского головы, оба они являются объяснениями. В одном случае он описывает ссору, произошедшую на «сходе», собранном 12 ноября «для согласия в раскладках и прочих общественных надобностях». Там некоторые из присутствующих устроили «шум и ругательство» в его адрес, так что он вынужден был «бежать» (13.11). Еще одно объяснение он давал в начале года, после жалоб горожан, что он и депутат по составлению обывательской книги отказали некоторым из горожан в записи в купечество.

Среди документов, поступивших в Новоторжский магистрат в 1778 г., есть 3 сообщения городского головы И. Морозова, они свидетельствуют о тесном взаимодействии этого должностного лица с обществом купцов и мещан. Два из них связаны с обеспечением выплаты долга новоторжского купца Калашникова вдове вышневолоцкого купца Орлова (19.07, 26.06). Городской голова добивался и добился оплаты долга Калашникова его поручителем – Г. Хрыповым. Скорее всего, в данной ситуации И. Морозов выступает как глава сиротского суда или как человек, которому положено заботиться об объектах внимания сиротских судов, т.е. о вдовах и сиротах. Городской голова сообщает о получении им от Я.Е. Сиверса «плана, фасада и сметы» на строительство фонтана (водопровода) в городе (05.07). Магистрат должен был сообщить эту информацию городскому старосте, как представителю городского общества, которое ранее согласилось на предложение Сиверса построить фонтан на собственные средства. Необходимо отметить, что разрешение, как и инициатива, поступило от Сиверса, что подтверждает причастность наместника к решению вопросов благоустройства. Важно, что поступило оно не в магистрат и не городничему, а городскому голове. Несомненно, наместник исходил из того, что водопровод нужен всем обывателям, а значит, и организаторам сего строительства должен стать городской голова. Но реалии жизни города все расставили по своим местам, ответом на «предложение» Сиверса стал приговор городского общества, о котором мы уже упоминали. Напомним, что именно городское общество в лице купцов и мещан просило магистрат обратиться к Сиверсу с просьбой предоставить план и смету для строительства фонтана, т.е. оно взяло на свои плечи исполнение инициативы начальства²⁸⁵.

В 1782 г. в Новоторжский магистрат поступило два сообщения городского головы. Оба они заслуживают внимания, поскольку проясняют существенные детали в разделении полномочий между выборными структурами городского управления. В начале года городской голова передал в магистрат просьбу «выбранных для взятия в рекруты» И. Мокрого и Н. Гладильщикова о выдаче паспор-

тов кандидатам в рекруты на срок лишь до сентября месяца, в связи с чем магистрат запросил у Мокрого и Гладильщикова список очередников на рекрутскую службу (22.02). В деле, сформированном по предметно-тематическому принципу о рекрутском наборе за 1782 г., сохранился не только подлинник сообщения городского головы, что вполне естественно, но и его отпуск, причем явно черного характера, что свидетельствует об отсутствии у Новоторжского городского головы в 1782 г. собственного делопроизводства, о несколько формальном разделении функций между магистратом и городским головой²⁸⁶.

30 декабря городской голова сообщил результаты выборов городского старосты и словесных судей на 1783 г. Из сообщения известно, что в выборах участвовали 169 человек «поверенных выборщиков»²⁸⁷, выборы происходили под началом городского головы и в присутствии городничего. К сообщению прилагался приговор собрания выборщиков и ведомость с указанием баллов, полученных каждым кандидатом. Городской голова сообщил, что в старосты выбрали Д. Масленникова, а в словесные судьи – В. Чернышева и Б. Судакова. Собрание, о котором сообщает городской голова, проходило 29 декабря, на нем избирали не только старосту и судей словесного суда, о чем сообщал городской голова, там же проходили выборы еще целого ряда должностных лиц, однако об их избрании сообщил не голова, а городской староста 1782 г. И на этом вопросе следует остановиться особо, так как он позволяет высказать некоторые соображения относительно мало изученных вопросов городского управления последней четверти XVIII в.

По всей вероятности, собрание по выбору городского старосты и судей словесного суда было назначено на 29 декабря заранее. Их выборы должно было осуществлять собрание тех же «поверенных выборщиков» «от всего города Торжка купечества и мещанства», которые в конце 1781 г. выбирали городского голову на предстоящее трехлетие. Накануне этого дня на заседании магистрата присутствующие пришли к мнению, что нужно воспользоваться этим собранием и провести на нем выборы в ларечные, целовальники, а также двух человек к «особливым весам» при соляном и питейном магазинах, а также сборщиков подушных денег, процентов с купеческих капиталов, денег на нужды общества. Выборы этих лиц должны были осуществляться не «от всего города Торжка купечества и мещанства», а из «из гражданства земской избы». В ходе собрания были произведены и те, и другие выборы, а результаты их представили в магистрат два человека – городской голова и вновь избранный городской староста. Причем староста сообщал о выборах на должности, к которым выбирали «из гражданства земской избы». Эта ситуация интересна тем, что, с одной стороны, позволяет отождествлять «всех города Торжка купцов и мещан» с город-

ским обществом, поскольку согласно Учреждениям о губерниях²⁸⁸ городской староста и судьи словесного суда должны были выбираться «городским обществом», с другой – противопоставляет «городское общество» «гражданству земской избы». Видна и парадоксальность ситуации: городской староста, избираемый, как и городской глава, «поверенными выборщиками»²⁸⁹, представляет даже не всех купцов и мещан, а лишь «граждан земской избы». Подтверждением тому служит прежде всего тот факт, что он представил приговоры общества о выборе ряда должностных лиц, деятельность которых связана именно с выполнением повинностей по гражданству. Напомним также, что в записях журнала заседаний Новоторжского магистрата за 1778 г. городской староста, как правило, обозначен как представитель земской избы. В журнале за 1782 г. представлены рапорты городского старосты, нигде не говорится, что он представляет земскую избы, и лишь текстуальное исследование записей журнала за последние дни года выявило его реальное, вопреки законодательству, положение в городе, по сути – прежнее.

Таким образом, на основе исследования записей журнала мы можем говорить о существовании в Торжке двух обществ: «городского» и «граждан земской избы». При том что то и другое общество составляют купцы и мещане, «общество граждан», несомненно, более узкое по составу. И если из документов понятно, что городской староста представляет некую очень ограниченную совокупность купцов и мещан, именуемую как «граждане земской избы», то вопрос о том, какое учреждение или должностное лицо представляет «всего города Торжка купечество и мещанство» остается открытым²⁹⁰.

В 1786 г. от городского головы И. Морозова в новоторжский магистрат поступило три сообщения, связанные с необходимостью составить обывательскую книгу города. Городской глава просил прислать форму книги (25.05), списки домов, строений, земель (10.08, 16.09). Магистрат явно не спешил с отправкой сведений, а в ответ на сентябрьское требование принял решение переадресовать просьбу городничему.

Особо следует остановиться на деятельности *соляных голов*. Она была тесно связана с обществом купцов и мещан, но в 1782 г. произошли серьезные изменения в системе продажи соли, которые сделали соляное дело особой отраслью управления.

В Калязине в 1778 г. документы от соляного головы поступали в магистрат очень регулярно. Всего их было 27. По содержанию эта группа документов делится на три части. В начале каждого месяца соляной голова представлял ведомость о соли, отпущенной из соляного магазина к соляным стойкам, и рапорт о том, что деньги, вырученные от ее продажи, он передал в уездное казначейство. Всего за год поступило 12 таких подборок документов, голова подавал их

от своего имени и от имени ларечного, иногда обозначая себя как «голова соляной продажи с товарищи». Кроме этого, в журнале зафиксированы три документа, поданные в магистрат от имени соляного головы и городничего. Эта категория документов называется рапортами и содержит просьбу, чтобы магистрат обратился в уездное казначейство за разрешением потратить часть денег из соляной суммы, например, на оплату обывателям за разгрузку соли (08.10, 31.12).

Журнал Новоторжского магистрата за 1778 г. зафиксировал 17 фактов получения документов от соляного головы. В 12 случаях он подавал ведомости о соли. Эти ведомости, одновременно три, поступали в магистрат в первых числах каждого месяца и отражали сведения о «приходе, расходе и остатке соли», «приходе, расходе и остатке капитальных денег», «приходе, расходе и остатке прибыльных денег» за прошедший месяц. В журнале за 1778 г. отражены сведения за декабрь 1777 г., январь–ноябрь текущего года, а сведения за декабрь вошли уже в журнал 1779 г.

Заслуживают внимания резолюции, принимаемые в магистрате по поводу поступления этих ведомостей. Так, по поводу ведомости, поступившей 4 января, было предписано: сделать копию и отослать один экземпляр ведомости в Тверское наместническое правление. Такое решение обосновывалось полученным ранее предписанием об отправке ведомостей не в Главную соляную контору, а в казенную палату. Из резолюции видно, что присутствующим неприемлемо высылать ведомости в ТНП, а не в Главную соляную контору, и что в их представлении КП является не самостоятельным учреждением, а лишь структурной частью ТНП. В мартовской резолюции записано, что ведомость о проданной соли, отправляемую в КП, должны подписывать не только члены магистрата, но и городничий. Это тоже было ново для присутствующих, и поэтому нашло отражение в резолюции. Все эти обстоятельства свидетельствуют об активизации процесса формирования системы коронных учреждений, в ведение которых предполагалось передать продажу соли, и настороженном отношении членов магистрата к нововведениям.

Соляной голова избирался на год, поэтому 17 декабря Д. Свешников, готовясь к уходу с должности, подал рапорт с просьбой выдать ему из соляной суммы 34 руб. 72 коп., так как именно столько он потратил из своих средств «на содержание соляной продажи» в течение года. В связи с этим магистрат постановил «учинить протокол» по этому поводу вместе с городничим и сообщить уездному казначею о необходимости выдать деньги.

После окончания срока службы при продаже соли соляной голова должен был подать отчет о своей деятельности и бывших при нем целовальниках, которые, собственно, и продавали соль. В свя-

зи с этим 17 апреля 1778 г. в магистрат Торжка пришел соляной голова прошлого года и представил книги соляной продажи, «сочиненные счета» и «подлинные бумаги». Резолюция предписывала проверить документы и, «если окажутся исправны», отправить в КП. Магистрат, как видим, в 1778 г. еще исполнял роль первой инстанции по проведению ревизии финансовых документов по делам, связанным с солью.

Соляной голова приходил в магистрат не только для того, чтобы представить ведомость о проданной соли и полученных деньгах, он также сообщал иногда о факте ее принятия от подрядчиков или их поверенных (21.05, 30.05, 13.06, 25.10). Рапорты этого содержания – это рапорты об исполнении соляным головой указов магистрата о необходимости принять соль. Указы посылали из магистрата после поступления туда доношений соляных подрядчиков или их поверенных (08.06, 08.10, 14.12) с просьбой принять привезенную в город соль. После получения рапорта соляного головы о приеме соли магистрат обычно принимал резолюции о сочинении «особого протокола» вместе с городничим. Как видим, в 1778 г. контроль государственных структур управления за продажей соли усиливался, но все же эта сфера принадлежала компетенции выборных городских учреждений.

Серьезные изменения отношений в сфере соляной продажи произошли в 1782 г., но они начались ближе к лету, а в первой половине 1782 г. взаимоотношения между магистратами и соляными головами оставались традиционными, как и виды документов, которые их фиксировали.

В Калязине с сентября документы соляного головы перестали поступать в магистрат, а в одном из более поздних документов он фигурирует как «прошлый» соляной голова. При этом с июля в числе корреспондентов магистрата появляется соляной пристав, результатом этого должен был стать уже даже не двойной контроль государства за важнейшим источником финансовых поступлений в губернский бюджет и в государственную казну, а тройной.

Внедрение этого новшества сопровождалось большими волнениями. Еще до появления в городе пристава магистрат начал подыскивать людей, которые должны были за плату продавать соль из магазина, где она хранилась, в соляные стойки, из которых она продавалась. Еще 2 марта из казенной палаты был получен указ, утверждавший кандидатов на эти должности. Нанятые сидельцы 2 июня обратились в магистрат с просьбой повысить им зарплату, либо освободить от должности, возможно, настоящей причиной их нежелания работать стало появление в городе строгого соляного пристава. Первое его сообщение было получено в магистрате 18 июля, в нем содержалась просьба прислать сведения о гирях, которыми пользуются при отпуске соли, и о том, когда и откуда они получены. Види-

мо, его просьба осталась без ответа, так как в августе он прислал повторный запрос (09.08). Подозревая сидельцев или нанявших их, а возможно, тех и других, пристав, похоже, пожаловался в казенную палату, и в итоге оттуда пришел указ об увольнении соляных сидельцев. Конфликт затягивался из-за того, что сначала бывший соляной голова не торопился с передачей соли приставу, а магистрат не спешил с выдачей приставу справки о расходах соляного головы за первую половину года, игнорируя указания ТНП поторопиться с передачей соли и бумаг (20.07, 26.07). Пристав ежемесячно сообщал в магистрат о количестве проданной соли, но не извещал о факте передачи денег в уездное казначейство и, кроме того, стал отказываться принять соль, а вместе с ней и материальную ответственность. Апогей конфликта пришелся на ноябрь–декабрь. Беспокойство членов магистрата по этому поводу нашло отражение в их «рассуждении» в связи с данной ситуацией. Конечная фаза конфликта представлена указом КП, составленным «обще с городничим», о необходимости провести выборы в «соляные служители», что, вероятно, можно рассматривать как фиаско новой политики в области соляного дела или как достижение определенного компромисса между государственными чиновниками и городским обществом.

И в Торжке документы соляного головы, поступившие в 1782 г., невозможно понять в отрыве от документов соляного пристава и лиц, находящихся «при особливых соляных весах». Все в комплексе они позволяют понять суть происходящих перемен в отношении продажи соли и отношение городских властей к этим переменам.

Год начался традиционно: в январе и феврале соляной голова подал ведомости о соли в магистрат, правда, не три, как было раньше, а две (03.01, 08.02). Из решений становится понятно, что третью ведомость следовало составить в магистрате с учетом сведений, поступивших от уездного казначея.

При том что соль в январе и феврале по-прежнему продавали выборные от города люди, процесс передачи соли соляному приставу осуществлялся: в марте пристав сообщил в магистрат, что обнаружилась недостача 105 кулей, и потребовал объяснений по этому поводу (04.03). Магистрат сделал запрос «поверенному соляного головы», и тот ответил, что недостача соли объясняется ее «усушкой». Он отрицал возможность недостачи по другим причинам, зачляя, что соль хранилась в магазине «за печатями», отпускалась под присмотром городничего и магистратских служащих (9.03). Магистрат принял решение «учинить надлежащее и самовернейшее свидетельство по квитанциям». Видимо, в силу неясности вопроса о количестве соли, которая должна быть передана приставу, продолжалась продажа ее по старинке – wybranными к тому горожанами. Об этом пишут в соих сообщениях лица, выбранные «к особливим для проверки покупателям соли весам». Узнав, что соль казенному приста-

ву «не отдана, а выдается она по требованию ево», магистрат принял решение обратиться в казенную палату за резолюцией (15.04). Продажа соли таким образом продолжалась до конца сентября, пока не была распродана какая-то партия соли, наконец, 29 сентября выбранные к соляным весам сообщили, что соль закончилась и что следует заплатить им за 9 месяцев работы, а также внести деньги за аренду амбаров И. Кутафьева, поскольку соль, которую они распродавали, хранилась в них. Арендная плата, о которой они писали, была очень велика (10 руб. за месяц), однако магистрат согласился зачесть требуемую сумму в счет погашения долга Кутафьева²⁹¹.

22 декабря в магистрат поступил совместный рапорт соляного головы и соляного пристава, в нем констатировался факт приема-передачи соли и признавался факт «усушки и утруски», т.е. недостатки, таким образом был достигнут компромисс выборных органов городского управления и коронного чиновника. Как видим, в Торжке, в отличие от Калязина, ни текст рапорта, ни решение магистрата не позволяют предполагать обострение конфликта в ближайшем будущем. Скорее всего, конфликта не было, и это можно рассматривать как крупнейшее достижение в реформировании городской жизни. Во всяком случае в 1786 г. в журнале магистрата г. Торжка, как и г. Калязина, не зафиксировано рапортов соляного головы или других выборных лиц, причастных к продаже соли.

Однако соляные приставы оставались; более того, к ним прибавились еще в качестве корреспондентов магистратов *винные приставы*. Однако объем переписки с ними был существенно меньше переписки с соляными приставами. В 1786 г. в магистрат Калязина поступило одно сообщение соляного пристава Калитина. Он требовал «сведений о сидельцах в мелочной соляной лавке» (22.01). Члены магистрата решили сообщить, что один из них – А. Корсунский «способен и надежен», а у второго – Н. Коршунова нет собственного дома, к тому же он молод, поэтому магистрат не может дать разрешение на его допуск к должности сидельца и рекомендует, как и прежде, в качестве товарища А. Корсунского взять Г. Потрохова. Кроме того, в магистрат поступило 8 сообщений винного пристава прапорщика Силина, все они сопровождали в магистрат «винные пробы» (25.05, 01.09, 05.06, 13.10, 25.11, 25.11, 22.12, 31.12) и отправлялись в словесный суд «для справок».

Соляного пристава Торжка в 1786 г. интересовали дела прошлых лет, и он просил уведомить о количестве и качестве соли, поставленной в 1779 г. тверским купцом М. Блохиным (04.11), а также дать характеристику мещанам, нанявшимся в соляные сидельцы на 1787 г. (20.11). Винный пристав просил объявить о поиске желающих работать в казенных винных магазинах на предстоящее трехлетие (28.09) и сообщить сведения о клейменной «отжигательнице» (09.12) и о сумме, которую необходимо заплатить городу за обще-

ственный магазин, занятый под казенное вино (01.02).

Словесные суды также были выборными органами купцов и мещан, и их деятельность тесно связана как с обществом купцов и мещан, так и с магистратом. Рассмотрим, как отразилась деятельность этих судов в записях журналов магистратов.

В Калязинский магистрат рапорты словесного суда и в 1778 г., и в 1782 г., и в 1786 г. поступали регулярно, в начале каждого месяца. Они сообщали о колодниках, которые находились под стражей в предыдущем месяце, впрочем, чаще всего об отсутствии таковых. В 1782 г., кроме этого, поступило несколько рапортов, являвшихся, по сути, сопроводительными письмами к векселям, предъявленным к оплате, что свидетельствует о расширении компетенции этих учреждений в направлении, определенном законодательством и, косвенным образом, о развитии торговой и предпринимательской деятельности горожан, о включении их в договорные отношения и кредитные операции. Любопытный рапорт поступил 15 ноября 1782 г. Словесный судья сообщал, что при приеме соли споров не было, что «соль оказалась справная» и проба ее хранится в словесном суде. Скорее всего, имелась в виду передача соли соляному приставу, что означало конец конфликта между ним и городским обществом.

В 1786 г. из словесного суда Калязина в магистрат города поступило уже 6 рапортов о получении проб, но не соляных, а винных (29.05, 11.06, 07.09, 19.08, 24.11, 23.12). Всего в Калязинский магистрат в 1786 г. поступило 20 рапортов этого учреждения. Один был связан с решением спора между С.В. Худяковым и А.Я. Красильниковым. Худяков обвинял Красильникова в неотдаче 28 руб. за купленную у него лодку. Рапорт этот, препровождая ответчика в магистрат «для учинения по законам» сообщал не только подробности спора между горожанами, но и о непослушании Красильникова словесному суду (29.05). Еще один рапорт сопровождал в магистрат 10 руб., взысканных с мещанина Л. Загряскина «за учиненное им в том суде невежество и шумство», повод для происшествия при этом остается неизвестен²⁹². Остальные 12 документов сообщали «о неимении в содержании под стражею колодников». Как видим, содержание рапортов словесного суда г. Калязина на протяжении всех лет остается достаточно традиционным, большинство из них сообщает сведения о колодниках, вернее, об отсутствии таковых. Судя по количеству и содержанию этих рапортов торгово-промышленная деятельность жителей Калязина не претерпела существенных изменений на протяжении 1778–1786 гг.

В Торжке деятельность словесного суда была значительно активнее. Судя по записям в журнале, в 1778 г. оттуда в Новоторжский магистрат поступило 22 документа, из них 21 – это рапорты, препровождающие в магистрат опротестованные векселя. При од-

рат до 6 векселей, в том числе по очень давним долгам, то теперь, как правило, один. Исключений было немного: в конце года при одном рапорте словесного суда поступило два векселя на Ф. Бетелева: от помещика И. Львова на 20 руб. и от купца С. Мишурина с требованием оплатить оставшиеся 10 руб. (16.12). 16 июля поступило сразу три векселя на умершего купца И. Степанова: от Г. Лыскова на 25 руб., от П. Вавулина на 83 руб., от И. Львова на 50 руб. Судя по документам, самым крупным должником 1786 г. оказалась дочь покойного И.Я. Морозова меньшого. 1 апреля в магистрат поступил рапорт словесного суда и при нем одновременно 6 векселей от разных лиц на общую сумму 3872 руб. 74 коп., все их представил в суд родственник покойного – Я. Морозов²⁹⁵. Свидетельством глубины противоречий между родственниками является также факт поступления от Д.П. Мылицына неоплаченного векселя на имя брата Алексея (05.08).

Среди крупных должников следует отметить Ф.М. Соколова, который был должен 250 руб. О. Мамонову, В. Чернышева, недоплата которого по долгу Г. Овсянникову составила 150 руб., и др. Однако крупные должники были, скорее, исключением, большинство опротестованных векселей выданы на сравнительно маленькие суммы от 11 до 50 руб. Возможно, что причиной снижения суммы долгов стал тот факт, что новоторжцы реже вступали в государственные подряды и откупа по сбору косвенных налогов. Возможно и другое объяснение: они учли печальный опыт конфискаций имущества других должников в предшествующие годы.

Документы, отражающие процедуру взыскания долгов, являются замечательным источником для исследования семейных и родственных взаимоотношений. Мы уже упоминали ситуацию, сложившуюся в семействе Морозовых, но документы по вексельным делам показывают и примеры взаимной поддержки родственников. Приведем лишь один пример: в магистрат одновременно, 9 декабря, поступили требование С. Сутулова к И. Калинину оплатить долг в 14 руб. 30 коп. и вексель Ф. Калинина на имя И.П. Козьминых на 33 руб., что в свою очередь, подтолкнуло Е.И. Козьминых к подаче вексельного иска на И.Ф. Шубина на 35 руб. (12.03).

Заслуживает внимания тот факт, что из словесного суда поступали векселя от помещиков, канцелярских служителей, сановников, жителей других городов. Это, несомненно, свидетельствует, что эти суды – преемники таможенных являлись объединяющими центрами для людей различных сословий и регионов, занятых торгово-промышленной деятельностью.

В 1786 г. в Новоторжский магистрат поступили из словесного суда 8 векселей, представленных помещиками, при этом в 5 случаях выплаты долгов требовал помещик И. Львов. Среди прочих вексельных исков, поступивших из словесного суда, следует отметить

долговую расписку на 276 руб. от вышневолоцкого купца В. Вепрова на имя кашинского купца Я. Манухина – откупщика новоторжских питейных сборов (13.11). В данном случае ни истец, ни ответчик не имели отношения к новоторжскому городскому обществу.

Торжок едва ли не единственный город, документы которого свидетельствуют о каждодневной заботе о развитии образования уже в 1778 г. В этот год ежемесячно на заседаниях магистрата заслушивались рапорты двух надзирателей школы. Интересно, что один из них – А. Морозов, являлся одновременно «содержателем городской суммы», он представлял ведомость о количестве детей, которые обучались в школе в прошедшем месяце, а Я. Бителев – ведомость о расходах на содержание школы. Из записей в журнале неясно, сколько именно детей обучалось и сколько денег потрачено на содержание школы²⁹⁶. Надзиратели отчитывались перед магистратом скорее всего потому, что сиротского суда, создание которого было предписано Учреждениями о губерниях, в Торжке в эти годы не существовало. Что касается Калязина, то у нас есть косвенные сведения о наличии там сиротского суда уже в 1778 г., но следов его реальной деятельности в журналах 1782 и 1786 г. нам обнаружить не удалось.

В 1782 г. сиротский суд в Торжке уже работал, что повлекло некоторые изменения в деятельности надзирателей, которым были поручены школы и богадельни. Из сиротского суда поступило в магистрат 3 сообщения, все они относятся к осеннему периоду. Два связаны с перedelкой зданий богаделен, одно – с обучением и воспитанием сирот. 28 сентября сиротский суд потребовал «предписать кому надлежит» о перестройке «заведенных в городе Торжке каменных богоделен» по плану, присланному Т.И. Тутолминым. Справка сообщает, что денег для этого недостаточно, а решение предписывает послать указ старосте, чтобы купцы и мещане определили требующуюся сумму и «о том учинили приговор». 17 октября сиротский суд снова просил предписать «кому надлежит» о перестройке одного из домов под богадельней магистрат повторно послал указ старосте «учинить приговор» о выделении необходимой суммы. Таким образом, содержание вновь заведенных учреждений ложилось на общество купцов и мещан города.

В ноябре члены сиротского суда сообщили о поступившем к ним «предложении» Приказа общественного призрения, которым было предписано отдать детей моложе 6 лет, оставшихся без родителей, на воспитание «добросовестным людям». Мальчиков в возрасте от 6 до 13 лет «всех без изъятия» следовало определить в городскую школу, а старше 13 лет – на обучение ремеслу (18.11). Вызывает удивление справка, сообщающая, что в сиротском суде особых «при письменных делах служителей не имеется», а также решение, предписывает послать указ старосте о назначении двух человек в сиротский суд за плату. По всей вероятности требование властей активи-

зировать деятельность по устройству богаделен и школ увеличило объем работы в этом направлении, и служащие магистрата оказались вынуждены отделить делопроизводство сиротского суда от магистратского, т.е. именно осенью 1782 г. началось создание сиротского суда как самостоятельного городского учреждения.

Скорее всего, это же обстоятельство – увеличение объема работ по содержанию богадельни для брошенных детей, а также сокращение доходов, которые могли хотя бы отчасти компенсировать затраты времени выборных лиц на эти работы, привел к тому, что попечители богаделен И. Хрыпов²⁹⁷, С. Глазунов и А. Масленников в декабре просили об увольнении их от «напрасного перед прочими гражданами отягощения» (29.12). Нельзя не отметить, что они обращаются опять-таки в магистрат, хотя должны подчиняться сиротскому суду. Следует отметить и решение магистрата – послать указ старосте о выборе новых людей. Рапорты надзирателей о работе школы в журнале заседаний магистрата за 1782 г. не зафиксированы.

В 1786 г. из сиротского суда в магистрат Торжка поступило два сообщения, оба они были связаны с опекой над имуществом и детьми умершего купца М. Свешникова. В одном из них сиротский суд давал разрешение на продажу лавки в мучном ряду и амбара на берегу Тверцы для оплаты вексельного долга старшего из оставшихся детей – Кирилла в сумме 540 руб. 35 коп. (04.05). В другом содержалось требование взыскать деньги с граждан, задолжавших умершему Матвею за помол муки на его мельницах, и прислать их опекунам сирот (08.04).

Кроме того, в 1786 г. в магистрат Торжка поступили сообщения от надзирателя гимназии Феодория и попечителя богаделен С. Глазунова. Феодорий просил прислать 18 руб., необходимые на содержание бурсаков (10.02)²⁹⁸, С. Глазунов, который являлся не только попечителем богаделен, но и «находился при сборе прикладных денег в Борисоглебском монастыре», просил уволить его от должностей, на том основании, что они мешают его торговой деятельности (11.09).

Следует обратить внимание на изменение названий документов, поступавших от надзирателей учебных заведений: теперь это не рапорты, а сообщения, от сиротского суда также поступали сообщения, что свидетельствует о равном их с магистратом статусе в структуре управления городом. Следует отметить то обстоятельство, что попечители богаделен и учебных заведений обращаются в магистрат, а не в сиротский суд. Это позволяет думать, что у сиротского суда не было самостоятельного делопроизводства и в 1786 г., а значит, его существование имело формальный характер.

Журнал Новоторжского магистрата за 1778 г. зафиксировал содержание трех рапортов по результатам процедуры осмотра и обмера мест, отводимых под постройку, представлены они от имени

пищика и архитекторского ученика (13.03, 14.06. 20.12)²⁹⁹. При этом роль пищика кажется ведущей. В журнале за 1782 г. не зафиксировано ни рапортов пищика, ни рапортов архитекторского ученика по вопросам отвода земли, поскольку этот вопрос находился в 1780–1785 гг. в компетенции городничего.

Однако в 1786 г. деятельность по фиксации недвижимости горожан снова переходит в компетенцию магистрата, в связи с чем в новоторжский магистрат поступило 11 рапортов архитекторского ученика К. Оминена. Они сообщают результаты освидетельствования мест, отводимых под постройку семейству Шапошниковых (23.03), мещанам Л. Шехонину (16.03), Н. Грузинцеву (04.08), И. и Б. Дреневым (21.08, 24.08), А. Маламахову (31.08), Е. Попову (04.08), вдовам А.М. Архиповой (08.05), А. Разумихиной (26.05), помещику Н.П. Львову (08.05), а также мещанке А.Н. Ледовской и ее зятю С. Тихонову (12.06). Положение архитекторского ученика было особенным в городе: будучи одним их горожан, он получал жалованье от городского общества, находился в подчинении магистрата и освидетельствование участков проводил вместе с еще несколькими выбранными специально для этой цели людьми.

В Калязинских журналах не зафиксировано фактов поступлений документов от архитекторского ученика, однако известно, что в 1786 г. в магистрат поступило 37 просьб об отводе земли под постройку, и магистрат принимал решение по этому поводу. Кто отводил землю, не ясно. Просьбы в журнале представлены как доношения, в них обычно указаны номер места, на которое просят «данную», и номер квартала, где оно располагается. Это свидетельствует о предварительно проведенном дележе мест, например по жребию, либо об осуществлении в каком-либо другом учреждении процесса по отводу участков. Во всяком случае принимаемое членами магистрата решение оформлялось обычно следующим образом: «доношение записав, отдать в повытье, а на отведенное вышеписанное место дать ему, просителю, за подписанием здешнего господина городничего со взятъем печатных пошлин данную и план. Пошлинные деньги с кем надлежит к записке в приход отправить при сообщении, а помянутого просителя обязать подпискою, с тем, чтоб он строение окончил в положенное время непременно».

Об интегрирующей роли магистрата в жизни города Торжка свидетельствуют документы, поступавшие сюда от «новоторжских ямских управителей». Но зафиксированы они лишь в одном из анализируемых нами журналов заседаний Новоторжского магистрата за 1778 г. Эти документы назывались рапортами, что свидетельствует о подчиненном отношении ямщиков по отношению к магистрату. При рапортах этих управителей препровождались в магистрат деньги, собранные с ямщиков в счет погашения ссуды погорельцам (28.11, 14.12). Всего с ямщиков поступило 130 рублей, судя по резо-

люции, из магистрата деньги должны были передаваться сборщикам казенной ссуды. Рапорты сообщали о ходе сбора денег, о продаже имущества должников по ссуде (11.05, 01.06, 02.07). Из них мы узнаем, что описание имущества должников Ямской слободы проводилось конторой по управлению ямом, торги по продаже проводились в рамках «ямских управительских дел». И дома должников во всех случаях переходили к ямщикам же. В одном из рапортов содержалась положительная характеристика ямщика, подозреваемого в убийстве (6.06), при другом в магистрат был представлен один из ямщиков для проведения очных ставок (27.04).

Положение магистрата как некой третьей силы, обеспечивающей интересы двух тяглых общин – ямщиков и лиц, находящихся в управлении городского старосты – каждая из которых живет своей внутренней жизнью, в данной ситуации очевидно. В последующие годы документы из Ямской слободы в магистрат не поступали, а это значит, что она стала подчиняться другим структурам.

Подводя итог изучения записей журналов магистратов г. Торжка и г. Калязина, можно сделать следующие выводы.

В Торжке мы видим хорошо развитую систему выборных органов городского управления, особенно в 1778 г. Она включала структуры, имеющие длительную традицию существования (земская изба, «содержатели городской суммы», сборщики денег, «контора ямских управителей», словесный суд). В Торжке как отдельные управленческие структуры существовали: распорядительные и исполнительные органы, должностные лица по сбору и сохранению денежных средств. Утвердившееся разделение функций между этими, созданными самими купцами и мещанами, структурами городского управления свидетельствует о высоком уровне развития системы и может рассматриваться не просто как один из признаков урбанизации, но как критерий, позволяющий определять степень ее развития. Множественность выборных структур и разделение между ними обязанностей, с одной стороны, предотвращало злоупотребления выборных должностных лиц, с другой – тормозило перераспределение функций в соответствии с Учреждениями о губерниях, Уставом благочиния, Жалованной грамотой городам. В Калязине, в отличие от Торжка, не было традиций городского управления через выборные органы, они только формировались, и это обусловило их изначальную непричастность к целому ряду вопросов городского управления и важную роль городничего в управлении.

Определенным показателем уровня развития города и городского образа жизни является наличие имущества, принадлежавшего городскому обществу. Новоторжское общество обладало таким имуществом, и оно давало ему доходы, поэтому организация его эксплуатации и даже строительства новых объектов собственности составляла существенную часть забот и городского старосты, и го-

родского магистрата, и это нашло отражение в записях журнала. В Калязине в записях журналов нет сведений о наличии городского имущества и о доходах с его эксплуатации, что сказывалось и на объеме функций магистрата.

В обоих городах важным источником городского бюджета были приборы от продажи соли. Доходы по этой статье не известны, но судя по тому, как общества и Торжка, и Калязина сопротивлялись, хотя и в завуалированной форме, введению должности соляного пристава, они были не маленькими. В Торжке в качестве источника пополнения городского бюджета активно использовалось и самообложение граждан, с 1782 г., когда были ограничены доходы от продажи соли, суммы, собираемые с граждан как самообложение, в Торжке увеличились. Приход этих денег, видимо, должен был компенсировать потери от продажи соли и покрыть важные и затратные статьи городских расходов. Часть из них нам известна (оплата сборов за лиц, отданных в рекруты, выплата жалованья канцелярским служащим и т.п.), о других мы можем лишь догадываться. По записям журнала Калязинского магистрата не прослеживаются фактов самообложения горожан, не выявлены случаи сдачи в аренду городского имущества и расходы городского общества.

Записи журналов Новоторжского магистрата позволяют реконструировать жизнь городского общества, установить периодичность его собраний и их повестку дня. Очевидно, что существенное внимание уделялось вопросам доходов и расходов городского бюджета и способам отбывания городских повинностей. Эти записи ставят ряд вопросов перед исследователями, в том числе о том, какая разница существовала между обществом «всего города Торжка купцов и мещан» и обществом «граждан земской избы», на ком лежало руководство первым из них? Несомненно, что общество «граждан земской избы» подчинялось магистрату, поскольку он посылал городскому старосте, который его представлял, указы и получал от него рапорты. Мы можем говорить, что магистрату подчинялись «содержатели городской суммы», которая формировалась от доли объявленных купеческих капиталов и доходов от некоторых других статей, поскольку туда тоже посылались указы. Магистрату подчинялись сборщики разных сборов, им также посылали указы, магистрату подчинялся соляной голова и словесный суд, судьи которого выбирались так же, как городской голова – от городского общества, т.е. от всех купцов и мещан города. Не вправе ли мы выдвинуть предположение, что во главе «всех купцов и мещан города Торжка» стоял магистрат? И что он координировал деятельность всех других выборных структур городского управления на стадии формирования новой системы управления. В 1778 г. даже управители ямских дел находились в подчинении магистрата.

Многотемность и многочисленность документов, поступавших в магистрат Торжка от новоторжского городского общества и выборных управленческих структур, говорит об активной деятельности и важной роли магистрата в жизни города. Исследование их содержания позволяет понять характер взаимодействия магистратов не только с ними самими, но и со всеми остальными элементами системы управления городом, губернией, страной в целом и подтверждает, в ходе реформы Екатерины II был взят курс на концентрацию власти в региональных управленческих структурах, прежде всего в наместнических (губернских) правлениях.

Изучение комплекса записей журналов, отражающих состав и содержание поступавших в магистрат документов выборных городских структур, позволяет проследить механизм внедрения норм законодательства в практику управления городами, регионами, страной в целом дает возможность выявить некоторую специфику этого механизма в различных городах; подтверждает, что особенное проистекло из того обстоятельства, что новые законодательно предписанные нормы не отменяли действия старых, они накладывались на уже сложившиеся социально-экономические отношения и систему управления, на существовавшие традиции и практику, причудливо соединялись с ними в первые не только годы, но даже десятилетия после начала реформ.

Изучение записей журналов о документах внутригородских структур позволяет установить много нового об их функционировании и системе взаимоотношений. Оно не подтверждает мнения И.И. Дитяткина, что в ходе реформ Екатерины сложилось городское общество как совокупность всех городских обывателей или хотя бы как объединение домовладельцев. Мы можем говорить, что в Тверской губернии понятие городского общества ни в одном из этих смыслов в конце XVIII в. не сформировалось. Вплоть до 1793 г. в таком крупном городе, как Торжок, городской голова существовал как бы сам по себе, не имея даже отдельного помещения и самостоятельного делопроизводства, используя при необходимости писарей городского магистрата. И хотя дума официально была создана в 1787 г., но первые ее действия относятся к 1793 г. и связаны с попытками прибрать к своим рукам городской капитал, который ранее был в распоряжении держателей городской суммы. Борьба между городским обществом и городской думой развернулась, видимо, позднее и, скорее всего, нашла отражение на страницах журналов за последние годы правления Екатерины.

Исследование показало, что применительно к последней четверти XVIII в. не следует противопоставлять собрание общества самому городскому обществу, как пытался делать это А.А. Кизеветтер. Собрание отождествляло собой городское общество. Но из исследования записей журналов все же не вполне понятно, какое из

собраний: «всех города Торжка купцов и мещан» или собрание более ограниченного круга людей – «граждан земской избы», следует отождествлять с городским обществом. Скорее всего, мы должны вести речь о сосуществовании двух городских обществ: «граждан земской избы» и «всего города Торжка купцов и мещан». При этом мы можем с достаточно большой долей уверенности говорить, что магистрату был подотчетен более широкий круг торгово-промышленного населения городов, а в конце 70-х годов даже городские ямщики, составлявшие отдельную городскую структуру, подчинялись магистрату Торжка на таких же основаниях, как «граждане земской избы».

Совершенно очевидно также, что выборные городские структуры действовали отнюдь не всегда на основании нового законодательства, и городской староста, который согласно Учреждениям о губерниях должен был, как и словесные судьи, представлять «городское общество» в широком смысле, на деле представлял интересы «граждан земской избы», т.е. общества более ограниченного по составу. Это общество имело большую историю. Сохранение его в условиях реформирования подтверждает значительную правоту интуитивного, не выведенного из материала, которым он оперировал, заключения В.А. Григорьева о том, что законодательный акт 1775 г., создав как верхний этаж уездную и городскую администрации, самый нижний этаж управления оставил без изменений³⁰⁰. К этому следует добавить, что нижний этаж управления остался без изменений в первое десятилетие реформ там, где он существовал до момента их начала. В новоучрежденных городах он лишь создавался, и создавался в значительном соответствии с новым законодательством. Следует также сказать, что этот нижний этаж городского управления, представленный магистратами, старостой, соляным головой и другими, долгое время был включен одновременно в две системы управления: старую, вертикально ориентированную на центральные и даже высшие органы власти, и лучевую, в которой все замыкалось на губернском правлении, а позднее лишь в эту новую, сложившуюся к 1786 г. И все это подтверждает прозорливость вывода В.А. Григорьева о том, что Учреждениями о губерниях жизнь не ломалась в угоду формальной логике³⁰¹. Однако, на наш взгляд, приспособляемость этого законодательного памятника к жизненным реалиям выражалась не только в том, что где-то нижние расправы были созданы, а где-то нет. Наиболее ярко эта характерная черта механизма проведения реформы была видна в другом – как раз в сохранении нижнего звена управления, опорного, составлявшего ее фундамент. В числе структур, ставших опорой преобразований системы городского управления, были не только городские магистраты, но и подведомственные ему элементы: общество купцов и мещан, сборщики налогов, хранители городских сумм и др.

Тем не менее даже в развитых городских центрах нижний этаж управления уже в течение первых десяти лет подвергся серьезным испытаниям и существенным изменениям. Изменения эти происходили постепенно и не носили характера слома, они являлись результатом необходимости согласования элементов механизма новой системы управления.

К моменту начала реформ на местах не было той элиты, которая в течение ближайшего времени могла бы достичь значительно уровня административно-правовой культуры, чтобы составить органы управления, способные если не создавать законы, то хотя бы действовать в их рамках, вводить разумные налоги, соблюдать справедливость в раскладке податей, организации рекрутских наборов и отбывания других повинностей, проводить политику в рамках обеспечения прав личности, добиваться справедливости в распределении доходов. Нужно было сначала создать местные гражданские общества и региональную элиту, болеющую душой за территорию, на которой она живет. И реформа управления, вводимая Учреждениями о губерниях, стала первым шагом к созданию региональных сообществ и формированию местной элиты, воспитанию в ней привычки действовать в пределах закона с учетом интересов значительных слоев населения. Как показывает проведенное исследование, контроль вышестоящих учреждений за местными городскими обществами был необходим и в силу недостаточной их подготовленности к выполнению возложенных на них функций и для предотвращения злоупотреблений лиц, приближенных к власти и средствам, составляющим городской доход.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. VI. № 3534.

² Там же. Т. XIII. № 10119. С. 862–864; Т. XVIII. № 13032.

³ Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М., 1959. С. 44–45, 53–54; История делопроизводства в СССР. Учеб. пособие. М., 1974. С. 22–24, 34; Данилевский И.Н. и др. Источниковедение: Теория, история, метод. Источники российской истории. Учеб. пособие. М., 1999. С. 397.

⁴ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 136–138.

⁵ Точку зрения автора и ее обоснование подробно см.: Серета Н.В. К характеристике журналов магистратов. По материалам Государственного архива Тверской области // Проблемы социально-политической истории России. Тверь, 1999. С. 124–138.

⁶ См. прим. 1, 2.

⁷ Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Ч. I, II. / Подг. А.Н. Филипповым // Записки Московского археологического института. М., 1910, 1911. Т. 3, 12.

⁸ Они поступали как ответ на запросы магистрата.

- 9 Ф. 165. Оп. 2. Д. 2017. Л. 123.
- 10 В 1811 г. эти цифры соответственно составили 2071, 476, 675.
- 11 Подробнее см. последнюю главу.
- 12 Демкин А.В. Русское купечество XVII–XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990.
- 13 Ф. 165. Оп. 2. Д. 1161. Л. 301.
- 14 Там же. Д. 709. Л. 11 – 11об.
- 15 См., например, Ф. 174. Оп. 1. Д. 1359.
- 16 Середа Н.В. Городовые магистраты последней четверти XVIII в.: Источниково-ведческое исследование по материалам Тверской губернии. Дисс. на соиск. уч. степ. канд ист. наук. Рукопись. М., 1994.
- 17 Ф. 174. Оп. 2. Д. 9, 91.
- 18 Ф. 168. Оп. 2. Д. 1.
- 19 Цит.: Иконников В.С. Рец.: Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования Екатерины Второй. СПб., 1905. С. 57.
- 20 Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование. Период 28 июня 1762 – 7 ноября 1775 г. СПб., 1901. С. 342.
- 21 Там же. С. 340.
- 22 Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 60–61.
- 23 Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб, 2001. С. 99.
- 24 Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 276–277.
- 25 Григорьев В.А. Реформа местного управления Екатерины II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.) СПб., 1910. С. 352.
- 26 Григорьев В.А. Указ. соч. С. 306–308.
- 27 Там же. С. 352.
- 28 Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй... С. 264.
- 29 Каменский А.Б. От Петра I до Павла I... С. 423.
- 30 Там же. С. 429–430.
- 31 Там же. № 15880.
- 32 Это способствовало увеличению доли указов ТНП в общей массе поступавших распорядительных документов.
- 33 ПСЗ-1. № 15171.
- 34 Согласно Учреждениям о губерниях, наместник руководит губернией (ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл. 5. Ст. 94.
- 35 Герье В.И. Речь, произнесенная гласным В.И. Герье 21 апреля в Торжественном заседании Московской городской думы по случаю столетнего юбилея грамоты, Жалованной императрицею Екатериною Великой на права и выгоды городам Российской империи. М., 1885. С. 15.
- 36 ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл.4. Ст. 85.
- 37 Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России... С. 340–342.
- 38 Любавский М.К. История царствования Екатерины II... С. 94.
- 39 Речь идет о посвященной г. Торжку части Топографического описания Тверской губернии.
- 40 Официально срока переписи истекло 30 июня 1782 г.
- 41 В изложении Калязинского журнала указ сопровождал форму краткой ведомости о решенных и нерешенных делах, но решение магистрата предписывало составить и выслать ведомость.
- 42 Любавский М.К. История царствования Екатерины II... С. 94.

- 43 Губернскому магистрату теперь отводилась роль судебной апелляционной инстанции.
- 44 ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл. V. Ст. 97–98.
- 45 Текст журнала не сообщает, кому и какие чины пожалованы. См. указ в Торжке.
- 46 Этот указ сопровождает копию сенатского указа, присланную в губернский магистрат из Палаты уголовного суда.
- 47 Журнал не сообщает об источнике информации, скорее всего, им было ТНП.
- 48 Он дублировал указ ТНП.
- 49 «Предложение» Сиверса, запрещавшее магистратам исполнять указы от других мест, кроме Сената, ТНП и верхних судебных палат, изложено в журнале Зубцовского магистрата за 1777 г. (Ф. 168. Оп. 1. Д.961. Л. 87 об. – 88). Пересказ указов аналогичного содержания встречается и в журналах других городов.
- 50 Следует отметить, что в журнале Ржевского магистрата за 1779 г. указаны исходящие номера полученных указов и ясно, что в КП велось свое дело-производство, так как ее указы имеют свою нумерацию, отличную от нумерации указов в ТНП.
- 51 ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл. XII, XIX, XX.
- 52 Интересно решение магистрата по данному указу. Было предписано найти таких крестьян и взять с них показания. В случае если они имеют дома в городе, «а равно и производимый ими промысел объявят, то здешнему городничему Львову сообщить и требовать, чтобы благоволил оной (как живущие здесь разночинцы имеются под ведением ево) о домах упомянутых крестьян... выправиться, и сообщить в магистрат на чьей земле и в каком состоянии дома, а также их цену».
- 53 И это является одной из причин увеличения доли указов ТНП в общей массе указов, поступивших в городские магистраты.
- 54 Указ от 8 октября 1782 г. ПСЗ-1. Т. XIX. № 13622.
- 55 Справка по указу сообщает, что А.Д. Кистерев выбыл в обер-полицейский чин в Вышневолоцкую водную канцелярию в 1786 г., а до этого числился в купечестве.
- 56 Справка вызывает крайнее удивление, она сообщает, что кроме Кистерова, который выбыл в обер-офицерский чин, двое жителей Калязина выбыли в Санкт-Петербургское купечество, четыре в Корчевское, двое по указам ТНП (куда – не указано. – *Н.С.*). Согласно справке было 9 человек, в то время как в запросе требовалось прислать сведения о 6.
- 57 Ведомость должна быть подписана членами магистрата, городничим, соляным приставом, уездным стряпчим.
- 58 Данный указ содержит ссылку на ст. 147 Жалованной грамоты и может служить источником при исследовании бюджетов городов.
- 59 Освидетельствование следовало проводить в присутствии городничего, соляного пристава, уездного стряпчего (18.03).
- 60 Справка подтверждает факт получения ранее подобного указа, однако в ней говорится, что ранее таких дел в магистрате не было.
- 61 Из работного дома вернулась женщина, П. Грачева. Ее было решено отдать мужу под расписку, заработанные деньги следовало раздать пострадавшим – обворованным ею людям. Заработала она полторы копейки.
- 62 Подробнее об этом см. последний раздел второй главы.
- 63 Справка сообщает, что из ТНП уже поступил указ о его причислении к мещанству. Интересно решение: оно предписывает записать сына дьячка в

мещанство, а старосте послать указ о положении его в оклад, т.е. согласия общества не требовалось.

64 ПСЗ-1. Т. XX. № 14833.

65 *Омельченко О.А.* «Законная монархия»... С. 264.

66 ПСЗ-1. Т. XXI. № 15880.

67 *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 423.

68 *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины II... С. 264.

69 Согласно сведениям, приведенным в работе И. де Мадариага, общее число провинциальных должностных лиц было равно 15 тыс., из них выборных было 10 тыс. См.: *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 481.

70 *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России... С. 342; *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II... С. 99; *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 352.

71 *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 486.

72 Подробнее см.: *Середа Н.В.* Городское сообщество: Основные вехи развития // Управление городами: история и современность. Тверь, 2001. С. 109–119.

73 Журналы Калязинского магистрата за 1778 г. см.: Ф. 169. Оп. 2. Д. 36 за 1778 г., Д. 134 за 1782 г., Д. 218 за 1786 г. Журналы Новоторжского магистрата см.: Ф. 172. Оп. 2. Д. 487 – за 1778 г., Д. 466д – за 1782 г., Д. 466 – за 1786 г..

74 Встречаются и обратные ситуации, их легко обнаружить, сопоставляя даты рассмотрения указов.

75 Время пути от Твери до Калязина примерно равно времени пути от Твери до большинства уездных городов края, а Торжок располагался и располагается слишком близко к столице губернии, до него и в XVIII в. можно было добраться за светлое время дня.

76 Их текст см.: ПСЗ-1. Т. XX. № 14671, 14744, 14745, 14762, 14774, 14799 и др.

77 ПСЗ-1. Т. XXI. № 15405.

78 Там же. № 15318.

79 Там же. Т. XXII. № 15379.

80 Там же. Т. XXI. № 15231, 15278.

81 ПСЗ. Т. XXI. № 15581, 15488.

82 ПСЗ. Т. XXI. № 15447, 15518.

83 См.: ПСЗ-1. Т. XXI. № 15231, 15306, 15317, 15329, 15401, 15447, 15459, 15488, 15505, 15518, 15520 и др.

84 Из журнала Калязинского магистрата не вполне понятно, почему дважды пришли указы с сообщением о рождении великой княжны, новоторжский журнал сообщает, что источником информации для правления в одном случае это был документ, полученный на имя Архарова (13.02), в другом – печатный экземпляр императорского указа (23.02)

85 Указ о начале рекрутского набора в 1778 г. добрался до Калязина за 12 дней: он был издан 12.09.78 (ПСЗ-1. Т. XX. № 14799) и рассмотрен в магистрате 24.09.78; указ о составлении топографических описаний был рассмотрен 22.02.78, т.е. почти четыре месяца спустя после его издания – 01.11.77 (ПСЗ-1. Т. XX. № 14671). Устав о вине, изданный 17.09.81 (ПСЗ. Т. XXI. № 15231) был рассмотрен в магистрате 28.02.82.

86 Оценщики предоставлялись в распоряжение городничих и нижних земских судов

87 В Торжок этот указ поступил 1 мая.

88 Указ, поступивший в Торжок, требовал представить ведомость о домах, построенных по плану.

- 89 В Торжок аналогичный указ поступил 14 марта. В его основе соответствующие статьи закона о проведении переписи и Манифеста 17 марта 1775 г., которые предусматривали запись отпущенных на волю крестьян в городское гражданство.
- 90 Копия последнего прилагалась к указу, однако журналы не передают его содержание. Речь, по всей видимости, идет о «предложении» Я.А. Брюса записывать в число горожан лишь тех крестьян, которые знают ремесло, имеют в городе дом или хотя бы собираются его купить. По счастью, оно известно из других источников (см.: Ф. 172. Оп. 2. Д. 992. Л. 2 – 3 об.).
- 91 В журнале Торжка указ такого содержания зафиксирован трижды (08.08, 06.09, 13.09), по всей вероятности, для Торжка такие проблемы являлись более злободневными.
- 92 ПСЗ-1. Т. XXI. № 15488.
- 93 В Торжок этот указ поступил 18 мая.
- 94 Сведения в казенную палату следовало посылать потому, что многие дела были связаны с долгами по выполнению казенных подрядов и откупов.
- 95 В Калязинском журнале его не обнаружено.
- 96 В Торжке и других городах большая часть судебно-следственных дел являлась результатом участия населения в торгово-промышленной деятельности.
- 97 Последние указы содержали оговорки, например, о том, что желающие перевозить соль должны представлять свидетельства о доверии, а сидельцы должны быть благонадежными.
- 98 Согласно справке магистрата в Торжке таких должников тоже не было. И как раз это обстоятельство позволяет не относить данный указ к эксклюзивным.
- 99 Проведенное исследование позволяет высказать предположение, что в первую очередь указы направлялись туда, где потребность в регулировании вопроса была наиболее острой с точки зрения правления. Напомним, что указ о правилах записи вольноотпущенных крестьян поступил в Торжок на 9 дней раньше, и там он действительно был нужен, об этом свидетельствует анализ документов о записи в число горожан. См. последнюю главу работы.
- 100 Согласно журналу реально процедура освидетельствования прошла лишь дважды, в ноябре и декабре, когда злоупотребления городских властей стали очевидны.
- 101 ПСЗ-1. Т. XXI. № 15278.
- 102 Там же. № 15317
- 103 Там же. № 15318, 15405.
- 104 Причем из решения Новоторжского магистрата становится понятно, что «сказки» купцов и мещан уже составлены, но т.к. в городе много людей разных чинов, то это, по мнению присутствующих, должно было затянуть работу по составлению книги
- 105 ПСЗ-1. Т. XXII. № 16188. Ст. 59.
- 106 Судя по записи Калязинского журнала последний указ был составлен на основании предписания Н.П. Архарова.
- 107 Указ явно направлен на защиту интересов этих людей, потому что именно их или записавшихся в горожане из крестьян старались отправить в рекруты.
- 108 Этот указ в Торжке был получен на неделю раньше, чем в Калязине, 13 мая.

- ¹⁰⁹ Встречаются и обратные ситуации, их легко обнаружить, сопоставляя даты рассмотрения указов.
- ¹¹⁰ Кстати сказать не поступали они и из казенной палаты.
- ¹¹¹ Интересно, что последний указ явился следствием рапорта 1-го департамента губернского магистрата в ТНП.
- ¹¹² Известно, что одни города, прежде всего тех территорий, где проходило «шестие», поставляли лошадей и подводы, а другие собирали деньги, которые шли на выплату компенсации городам, отбывавшим эту повинность натурой. См.: *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины Второй по городам России // *Города Европейской России...* С. 462.
- ¹¹³ Этот факт свидетельствует о неразделенности делопроизводства двух учреждений, а по сути – об отсутствии сиротского суда как самостоятельного учреждения.
- ¹¹⁴ Это следовало делать через губернский магистрат.
- ¹¹⁵ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл. V. Ст. 98.
- ¹¹⁶ Он стал следствием сообщения стряпчего о ссорах между горожанами по поводу отбывания рекрутской повинности.
- ¹¹⁷ Позднее такие лица поступали в город через городничего.
- ¹¹⁸ Другие указы связаны с делами: о покупке А. Стольниковым паспорта у В. Верещагина (20.05), требовании помещицы Бекетовой взыскать долг с И. Шальнева (03.08, 27.08), взыскании 11 руб. долга подканцеляристу уездного казначейства А. Пешкову с родственников отданного в рекруты А. Коновалова (13.08, 23.12), о необходимости ускорить рассмотрение дела по иску крестьян сел Талдом и Зяцьково (15.10), взыскании «достальных» 440 руб. с И.Г. Шелудякова большого по двум вексялям, представленным к оплате крестьянами села Кесова Гора (16.10)
- ¹¹⁹ Упоминание депутата в жалобах горожан и указах ТНП позволяет думать, что конфликты возникли в ходе составления обывательской книги.
- ¹²⁰ Справка по указу сообщает, что Чердееву 27 лет, и что его «калязинское мещанство быть в военной службе с зачетом за оное увольняет». Решение магистрата предписывало сообщить в ТНП о решении мещанства и о том, что «на означенном Чердееве как казенных доимок равно ж и партикулярных долгов по здешнему городу не оказалось». При этом в журнале не зафиксировано приговора мещанства об увольнении, так же как в случаях с В. Морозовым, записавшимся в московское купечество, и с Ф. Желудевым, принятым в углическое купечество, что позволяет думать о самостоятельности магистрата в решении этого вопроса. Кроме того, следует иметь в виду, что на одном из Чердеевых, служившем в магистрате, числились долги, а это совпадение позволяет думать, что причиной отдачи в рекруты, вернее поводом, являлись именно долги Чердеева. Аналогичный случай мы видим в ситуации с А. Коноваловым.
- ¹²¹ Нежелание городского общества вполне объяснимо, от вдовы с детьми трудно было ожидать выполнения всех повинностей и выплаты необходимых сборов.
- ¹²² Решение магистрата предписывало «о исправлении мостов и дорог, состоящих на градской земле приказать здешнему градскому старосте везде исправить до самого скорого времени».
- ¹²³ Предоставление дров «во всякое время безостановочно» также было возложено на городского старосту.
- ¹²⁴ Скорее всего, предписание было послано Н.П. Архаровым не городничему, а в Новгородское наместническое правление.

- 125 Справка сообщала, что весь городской доход состоял из процентных денег, положенных городу от продажи вина и деньги эти на 3 апреля еще не были израсходованы.
- 126 Поступило в магистрат 13 августа и требовало составить описание города.
- 127 Было рассмотрено в магистрате 8 января, требовало составить обывательскую книгу и собрать процентные деньги с объявленных купцами капиталов.
- 128 Интересна справка по этому указу, она сообщает, что по плану города мест под питейные дома не обозначено. Кроме того, места купцам (во множ. числе. – *Н.С.*) были отведены раньше, чем городничий просил места под питейные заведения. Участки купцам отведены с ведения городничего «и с объявлением равно ж и с запискою при делах городнических в книгу данных от се-го магистрата на те места билетов».
- 129 ПСЗ-1. Т. VIII. № 5410.
- 130 Правда, последний исключительно потому, что его кредитор ярославский купец А. Попов все не приезжал для получения долга.
- 131 Данное обстоятельство подтверждает, что в этот период городской голова не имел собственного делопроизводства и штата служащих, не было у него и своего архива.
- 132 Члены магистрата просили не накладывать на них штраф, объясняя медлительность тем, что на участок, который просил дьякон И. Фомин претендовал еще и регистратор. За этим случаем видны проблемы процесса формирования единого городского общества.
- 133 Ссуда составляла 50 тыс. руб., а проценты, требуемые с горожан в 1786 г. составляли 1349 руб. 69 коп.
- 134 Из объяснений Л. Остолопова известно, что он говорил о невозможности выполнить эти предписания, так как должники уже умерли.
- 135 В текстах указов фигурирует дело о контракте 1759 г. между новоторжским купцом А. Тавлеевым и Мануфактур-коллегией, дело И. Кутафьева о взятии казенного сена в 1769 г. (20.03).
- 136 *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 437.
- 137 Там же. С. 429–430.
- 138 Там же. От Петра I до Павла I... С. 437.
- 139 *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России... С. 342.
- 140 *Гомье Ю.* История областного управления от Петра I до Екатерины II. М., 1913. С. 212.
- 141 *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 368.
- 142 Данный вопрос требует специального рассмотрения.
- 143 На самом деле этот человек представлен не был, т.к. резолюция требовала провести очные ставки, когда этот человек явится. Присылка подобного доношения означала лишь одно, что человек найден и препровожден в соответствующие инстанции, через которые и будет доставлен в Торжок.
- 144 Из них 4 поступило из Вышневолоцкого нижнего земского суда, по одному из Старицкого, Тверского, Ржевского.
- 145 В том числе с кописиста магистрата Вавулина, который присвоил деньги, полученные им в 1780 г. от старосты вышневолоцкого помещика (14 руб. 28 коп. подушных и 1 руб. 20 коп. дорожных сборов).
- 146 Он содержался там за самовольную отлучку из города и дурное поведение, за что был позднее отдан в рекруты.
- 147 Депутат – представитель от магистрата должен был сопровождать горожанина в судебные инстанции для других категорий населения. В 1786 г. эта обязанность лежала на С. Шадьеве.

- 148 Справка сообщала, что членам магистрата не известно о таком деле.
- 149 Сотский обвинялся калязинским купцом А. Калашниковым в незаконном содействии крестьянской торговле во время ярмарки.
- 150 Из справки известно, что Н.П. Архаров приказал наблюдать за С. Козьминых, замеченным «в непристойном поведении».
- 151 Из справки известно, что Ивана нет в городе, поэтому было принято решение допросить еще одного из братьев – Артемя, подьячего Борисоглебского монастыря.
- 152 Никаких деталей по данному делу в журнале не содержится.
- 153 Следует напомнить, что в 1778 г. велось дело о повреждении посевов горожан.
- 154 Никаких деталей по данному делу в журнале не содержится.
- 155 См. прим. 153.
- 156 О попытках составить на местах сборники нового законодательства, развивавшего положения Учреждений о губерниях, свидетельствуют и решения магистрата по некоторым из поступивших указов.
- 157 Это напоминание стряпчего связано с указом из ТНП от 13.06., оно действительно напоминает о необходимости решить вопросы, поставленные в нем.
- 158 Оказалось, что 815 руб. 75 коп. «за образцовый дом» не записаны ни в приходных, ни в расходных книгах магистрата. Члены магистрата заверяли, что деньги внесены в уездное казначейство, что у них есть квитанции, подтверждающие этот факт, отсутствие соответствующих записей в приходно-расходных книгах они объяснили спешкой.
- 159 От Тутолмина действительно приходило «предложение» с просьбой оставить дом Н. Ширяевой (9.09). Женщина обращалась к нему с просьбой, мотивируя ее тем, что дом, который предполагают продать за долги ее родственника, достался ей как приданое.
- 160 Оборот «того же декабря 29 дня» наводит на мысль, что и освидетельствование проходило 29 декабря. Кроме того, следует учесть, что в журнале нет записи о сообщении казначея, подтверждавшего поступление сборов за декабрь. Обычно такие извещения поступали в начале месяца и информировали о поступлении денег за предыдущий месяц.
- 161 Все это говорит о злоупотреблениях и в Калязинском магистрате, и в Калязинском уездном казначействе, а также о том, что стряпчий в курсе происходящего и намекает на необходимость действовать в рамках закона.
- 162 Красильников вместе с городским головой Поспеловым обвинялся некоторыми горожанами в отказе записать их в купечество.
- 163 Сведения об этом входили в текст обывательской книги, но, по-видимому, стряпчий просил эти сведения вне связи с текстом обывательской книги.
- 164 Григорьев В.А. Указ. соч. С. 355.
- 165 Жалованье выдавалось по третям года: январскую, майскую, сентябрьскую, 213 руб. 33 коп. на всех членов магистрата.
- 166 Отчеты по соли поступали и в магистрат, а он, в свою очередь отчитывался перед ТНП.
- 167 Об этом известно из переписки с Т.И. Тутолминым, но из нее причины содержания Елизарова под стражей непонятны.
- 168 Подлинники этих сообщений, в отличие от других документов уездного казначея, собраны в отдельном деле (Ф. 169. Оп. 2. Д. 232).
- 169 Обычно это печатные сборы, т.е. за приложение печати.
- 170 Ф. 169. Оп. 2. Д. 232. Л. 14.
- 171 За деньгами в уездное казначейство всегда ходил А. Стольников.

- ¹⁷² Среди этих податей упомянуты процентные деньги с купеческих капиталов, семигривенные, сорокаалтынные и оброчные с крестьян. В связи с этим сообщением магистрат принял решение послать соответствующий указ городскому старосте.
- ¹⁷³ Эти сведения нужны были для занесения в обывательскую книгу.
- ¹⁷⁴ Обеспечение новых присутственных мест законами было одним из важнейших направлений деятельности по устройству губерний (*Григорьев В.А. Указ. соч. С. 314.*)
- ¹⁷⁵ *Григорьев В.А. Указ. соч. С. 370–371.*
- ¹⁷⁶ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Гл. 111. Ст. 71.
- ¹⁷⁷ Там же. Т. XVIII. № 12889.
- ¹⁷⁸ Там же. Т. XX. № 14392. Гл. XIX. Ст. 254.
- ¹⁷⁹ Сизиков М.И. Полицейская реформа Екатерины II. Лекция. Тюмень, 1997. С. 9.
- ¹⁸⁰ ПСЗ. Т. XX. № 14392. Ст. 265.
- ¹⁸¹ Там же. Гл. XIX. Ст. 266.
- ¹⁸² Семен умер, на нем остались долги по экономическому ведомству, магистрат разыскивал поручителей, чтобы с них взыскать долги Асичкина. Среди поручителей значился Василий Шехонин, а в городе проживало несколько Шехониных с таким именем, требовалось установить, кто именно был поручителем.
- ¹⁸³ Предыдущие два обращения относятся к 1781 г.
- ¹⁸⁴ ПСЗ. Т. XX. № 14392. Гл. XX. Ст. 290.
- ¹⁸⁵ Там же. Т. XXI. № 15379. Ст. 211, 253.
- ¹⁸⁶ Там же. Т. XX. № 14392. Гл. XIX. Ст. 276; Т. XXI. № 15379. Ст. 36.
- ¹⁸⁷ Со ссылкой на манифест 31 августа 1781 г. городничий предложил закрыть дело по обвинению И. Овчинникова в невозвращении долгов, т.к. обвиняемый находится с 1768 г. в работе по вексельным искам, поступившим на него ранее.
- ¹⁸⁸ Оброчный сбор нужно было взыскать с экономического крестьянина Матвея Малковского, но оказалось, что он умер и взыскивать долг следует с поручителей. Для того чтобы ускорить решение дела, магистрат постановил взять деньги от городского старосты «из общественной суммы» и отослать в уездное казначейство.
- ¹⁸⁹ Решение магистрата было очень уклончивым и ограничивалось указанием: «Повеление записать».
- ¹⁹⁰ Обоих следовало отдать под расписку. Макарову было предписано отдать «кому следует на росписку, с тем чтобы она впредь не воровала и из города Калязина без ведома команды никуда не отлучалась и если куда и когда она мешанка потребна будет, то б представить ее в сей магистрат непременно».
- ¹⁹¹ Магистрат решил «сообщение записав, хранить с прочими, а для вышеписанных лошадей фураж велеть приготовить здешнему гражданскому старосте».
- ¹⁹² В связи с чем было предписано «велеть городскому старосте выдать кому следует деньги с роспискою из общественной градской суммы». Это решение свидетельствует о наличии городской суммы, которая находится в распоряжении городского старосты.
- ¹⁹³ Магистрат приказал велеть городскому старосте поставить будки и «определить во оные из калязинских граждан караульных пристойное число людей».

- 194 Бывали и исключения: тексты допросов Д. Остренкова и Е. Иванова поступили через 6 дней после присылки в магистрат их самих.
- 195 Возможно, основываясь на этом факте, можно объяснить и большую разницу между числом поступивших в магистрат из словесного суда вексельных дел и числом рассматриваемых в магистрате.
- 196 К содержанию моста был причастен новоторжец.
- 197 Л. 3 об. Следует сказать, что в новоустроенных городах уже начиная с 1777 г. городничие требовали представлять число людей к полицейским обязанностям в четком соответствии с количеством дворов.
- 198 ПСЗ-1. Т. XXI. № 15379. Ст. 145.
- 199 Там же. Т. XX. № 14392. Гл. XX. Ст. 257, 277.
- 200 Возможно, что и здесь речь идет об оценщике.
- 201 Они должны были отвести луга, где мог пастись скот, прогоняемый в Санкт-Петербург, следить за животными и предотвращать распространение инфекции среди них.
- 202 Магистрат в обоих случаях принимал решение о передаче информации городскому старосте, но желающих так и не нашлось. Из других документов городских учреждений известно, что в этих случаях, при отсутствии желающих, служителей в магазины назначали из горожан, которым подошла очередь служить при выборных службах.
- 203 *Градовский А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 4–7; *Он же.* История местного управления России: Уезд Московского государства. СПб., 1868; Начала русского государственного права. Т.1–2. СПб., 1875–1881; *Пригара А.П.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. Часть I: Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. СПб., 1868. С. 156.
- 204 *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права... Т. 1. С. 217–218.
- 205 *Градовский А.Д.* История местного управления в России... С. 698.
- 206 *Пригара А.П.* Опыт истории состояния городских обывателей... С. 156.
- 207 Там же. С. 157.
- 208 *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права... Т. 1. С. 237.
- 209 Там же. С. 237–239.
- 210 *Градовский А.Д.* Органы местного управления // *Градовский А.Д.* Собр. соч. в 9 т. СПб., 1904. Т. IX. С. 99, 118.
- 211 *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. I. С. 174.
- 212 Там же. С. 136–137.
- 213 Там же. С. 178.
- 214 Там же. С. 300–301.
- 215 Там же. С. 290.
- 216 Там же. С. 400.
- 217 Там же. С. 207–240.
- 218 Там же. С. 396.
- 219 Там же. С. 398.
- 220 Там же. С. 416–417.
- 221 Там же. С. 418.
- 222 Там же. С. 419.
- 223 Там же. С. 420–424.
- 224 Там же. С. 419–420.
- 225 *Семенов Д.Д.* Указ. соч. С. 6.

- 226 *Дитятин И.И.* Управление городами... С. 435–436.
- 227 Там же. С. 430.
- 228 *Дитятин И.И.* К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам // *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 120.
- 229 Там же.
- 230 Такая оценка была достаточно широко распространена. Д.Д. Семенов Главным признаком принадлежности к «правоспособному обществу» времени реформ Петра I считал не занятия торговлей и ремеслом, справедливо полагая, что в гильдии должны были входить и представители интеллигенции, а платеж государственного налога, положение в тягло, которое он отождествляет с записью в посад. (*Семенов Д.Д.* Указ. соч. С. 3).
- 231 Нельзя не отметить, что термин «мирские посадские сходы» А.А. Кизеветтер использует во множественном числе, а «градская дума» в единственном.
- 232 *Кизеветтер А.А.* Посадская община России... С. 790.
- 233 *Вандалковская М.Г.* А.А. Кизеветтер: история и политика в его жизни // *История и историки.* М., 1990. С. 243.
- 234 *Кизеветтер А.А.* Городовое положение... С. 43. По мнению Кизеветтера, противоречивость положений Жалованной грамоты городам является следствием не только недостаточно внимательного редактирования, но и осознанного стремления законодателя согласовать новое «со старыми действующими узаконениями» и «ограничить личные преимущества мещанского состояния и сузить пределы пользования городским правом».
- 235 *Кизеветтер А.А.* Городовое положение... С. 351.
- 236 Там же. С. 348, 351–352.
- 237 Там же. С. 346.
- 238 *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества. Исторический очерк. М., 1915. С. 20.
- 239 Там же. По его мнению автора, общепосадского схода в Москве никогда не существовало.
- 240 *Кизеветтер А.А.* Гильдия московского купечества... С. 29–47.
- 241 *Щепкин М.П.* Что такое «Дом градского общества»? Смутный эпизод из истории городских учреждений в Москве. М. 1881. С. 3–4.
- 242 Вероятно, речь идет о выборах в общую думу.
- 243 *Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785–1885. Нижний Новгород, 1885. С. 6, 10, 11.
- 244 *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II: Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 142.
- 245 Эти «складки» – форма самообложения – были разрешены для земских изб наказом воеводам 1728 г.
- 246 *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки... С. 91–92.
- 247 *Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 гг.: Историческое обозрение. Псков, 1892. С. 4, 6, 11, 12.
- 248 *Пульхеров А.* Указ. соч. С. 20.
- 249 *Серебренников А.М.* Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введении Городового положения 21-го апреля 1785 г. Иркутск, 1894. Вып. 1.
- 250 *Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел. М., 1930.
- 251 *Голикова Н.Б.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965; *Она же.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982; *Демина Т.А., Черкасова А.С.* Источники формирования городских сословий на Урале во второй половине XVIII в. // *Деревня и город*

- Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. С. 53–65; *Волков М.Я.* Материалы ревизии как источник по истории торговли и промышленности // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 266–306; *Индова Е.И.* Московский посад и подмосковные дворцовые крестьяне в первой половине XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 479–485; *Она же.* Крестьяне и город Центральной России в XVIII веке // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 171–180; *Тарловская В.Р.* Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. VIII. История. 1977. № 3. С. 44–55; *Она же.* Торговые крестьяне Поволжья в конце XVII – начале XVIII в. // Русский город. М., 1986. Вып. 8. С. 115–131.
- ²⁵² *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I; *Вульфсон Г.Н.* Понятие «разночинец» в XVIII – первой половине XIX века (некоторые наблюдения) // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1967. Вып. 1. С. 107–124; *Сидорова И.Б.* Положение разночинцев в русском обществе (XVIII – первая половина XIX в. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист наук. Казань, 1982. С. 13, 14.
- ²⁵³ См., например: *Юркин И.Н.* Выборные службы в системе управления Оружейной слободой Тулы в первой трети XVIII столетия // Управление городами... Тверь, 2001. С. 129–141.
- ²⁵⁴ *Голикова Н.Б.* К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 43.
- ²⁵⁵ *Рафиенко Л.С.* Социальный состав сибирских магистратов... С. 97.
- ²⁵⁶ *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 103–104.
- ²⁵⁷ *Рабцевич В.В.* Управление городами в Сибири... С. 159–160; *Она же.* Сибирский город... С. 101.
- ²⁵⁸ *Рабцевич В.В.* Сибирский город... С. 100.
- ²⁵⁹ *Середа Н.В.* Городское гражданство России в последней четверти XVIII в. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1995. С. 534–538.
- ²⁶⁰ *Рындзюнский П.Г.* Города // Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая четверть XVIII в. М, 1957, С. 192; *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С. 189; *Середа Н.В.* Реформа местного управления последней четверти XVIII в. и ее реализация в городах Тверской губернии // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 253–256.
- ²⁶¹ Из документов Ржевского комплекса также можно предположить существование в городе «земской избы». Вышневолоцкие городские старосты в рапортах всегда обозначает себя как «городовых дел городской староста».
- ²⁶² В 1786 г. сведения о внесении в уездное казначейство старостой подушных денег и процентных с объявленных капиталов поступали из казначейства.
- ²⁶³ Причина, по которой они не были приняты, не указана.
- ²⁶⁴ Кроме подушного и процентов с капитала.
- ²⁶⁵ Эти структуры имели самостоятельное делопроизводство, что дает основание на их отделение от круга документов городского общества.
- ²⁶⁶ Деньги им выдавались из суммы, полученной от «пропустивших очередь».
- ²⁶⁷ Вместо него в помощники к А.Я. Морозову назначался А.М. Овчинников (28.03). Серебров, видимо, являлся непосредственным хранителем денег, так как магистрат предписал сначала «счесть» его, а только потом уволить, с тем чтобы знать, какая сумма денег переходит в распоряжение Овчинникова.
- ²⁶⁸ Интересно, что деньги за эти дома общество должно было выплачивать по частям, в виде выплат по казенной ссуде, так же как выплачивали их лица,

- пострадавшие от пожара и получившие казенную суду на строительство новых домов.
- 269 Эта сумма была передана Морозовым в магистрат и оттуда в уездное казначейство. Об этом сообщает запись журнала от 24 июля.
- 270 По записям в журнале магистрата мы можем реконструировать работу собрания общества купцов и мещан, установить регулярность его созывов и повестку дня собраний.
- 271 Среди записей о указах, поступивших из ТНП в магистрат Торжка, нет указа, регламентировавшего переписку именно с банками. Более того, в журнале Торжка не обнаружен и текст указа, запрещающий переписку со всеми центральными учреждениями. О том, что такой указ был, нам известно из материалов Зубцовского магистрата.
- 272 Согласно указу магистрата они были отправлены содержателю городской суммы для хранения.
- 273 Подлинники рапортов подшиты в деле, сформированном по тематическому принципу «Столп о сборе с граждан денег на мирской расход» (Ф. 172. Оп. 2. Д. 510).
- 274 Лишь в одном случае староста от своего имени просит разрешение отлучиться из города, оставляя вместо себя для исполнения обязанностей своего брата (23.06).
- 275 Староста в рапорте подчеркивал, что эти сборщики выбраны «из своей братии», т.е. из раскольников, таким образом получается, что общество купцов и мещан просто санкционировало выбор старообрядцев.
- 276 Финансовая операция была тонко рассчитана и обнаружена, скорее всего, благодаря доносу кого-то из приближенных к городским властям. Нельзя не отметить совпадение имени и фамилии крупнейшего должника города Ивана Кутафьева, дом которого был выкуплен городским обществом, с именем человека, который должен был провести ревизию финансовой деятельности старосты. Был ли это один и тот же человек? Чтобы ответить на этот вопрос, требуются дополнительные исследования генеалогического плана.
- 277 В нем было указано 5 фамилий, включая Дурандина. Попов, который по январскому приговору также подлежал отдаче в рекруты, в списке не значился. Это может быть свидетельством того, что приговоры об отдаче в рекруты за недостойное поведение преследовали иногда чисто воспитательные цели.
- 278 Из справки известно, что он выражал такое желание и в 1780 г. из магистрата уже посылали старосте указ о выборе другого человека к этой должности.
- 279 Следует отметить, что еще 30 июня в магистрат поступило доношение Ф. Минина, где он просил назначить ему нового помощника для приема денег на строительство собора, в связи со смертью Вавулина. Однако помощника ему выбрали лишь в декабре, о чем сообщалось в одном из присланных приговоров (30.12).
- 280 Эта оговорка позволяет думать, что в этот период деньги хранились в магистрате, возможно, в связи со смертью хранителя Вавулина, который хранил деньги, собранные на строительство храма. Не следует отождествлять с Вавулиным – канцелярским служителем магистрата, исполнявшим также функции по сбору неокладных доходов.
- 281 Деньги поступили в магистрат в сопровождении «предложения» Архарова.
- 282 Городские власти брали деньги взаймы под векселя у местных купцов для расчета с работниками и для покупки стройматериалов.
- 283 Детальные сведения о расходах на строительство содержатся в специальном деле с документами за 1783–1786 гг., однако записи о расходах сделаны

там очень небрежно, имеют явно черновой характер и трудны для исследования (Ф. 172. Оп. 2. Д. 436). Кроме того, в фонде имеется еще ряд дел, отражающих строительство и сбор денег для этого (Ф. 172. Оп. 2. Д. 686, 688, 691, 1080).

284 Ф. 172. Оп. 2. Д. 1081, 1087.

285 Ситуация с постройкой водопровода в Торжке очень напоминает ситуации по возведению монументов на территории края. Инициатором обычно оказывался Я.Е. Сиверс, а общество соглашалось на его предложения. См.: *Горбунова А.В.* Памятники в тверских городах второй половины XVIII века: Социокультурные аспекты возникновения // Города Европейской России... С. 471–478.

286 Ф. 172. Оп. 2. Д. 1007.

287 Они были выбраны в 1781 г. в связи с выборами городского головы

288 ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. Ст. 282.

289 Из документов известно, что городского голову избирали по обряду предписанному в связи с выбором в Уложенную комиссию, т.е. выбирали не все горожане, а выбранные от отдельных частей города.

290 Некоторые дополнительные соображения на этот счет позволяет высказать исследование документов, отражающих процесс пополнения городского общества.

291 Из резолюции неясно, из каких средств предполагалось осуществить выплату.

294 Решено было деньги отдать «кому следует на необходимые в здешнее градское общество расходы».

295 В нашем распоряжении есть книги регистрации словесных жалоб, они хранятся в фонде словесного суда.

296 В прежние годы это случалось гораздо чаще.

297 Позднее поступил не полностью оплаченный вексель от А.М. Реткина. Недоплата составляла 130 руб. (6.11).

298 Эти сведения зафиксированы в делах, сформированных по тематическому принципу (Ф. 172. Оп. 2 Д. 521, 553).

299 И. Хрыпов был выбран к богадельням еще в 1779 г. (Ф. 172. Оп. 2. Д. 553).

300 Эти деньги следовало взять из суммы, находящейся на хранении у Д. Свешникова.

301 При том что в магистрат поступило 9 просьб об этом.

302 *Григорьев В.А.* Указ. соч. С. 304.

303 Там же. С. 305.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ МАГИСТРАТСКОГО ПОВЫТЬЯ

Значение массовых источников для изучения истории России общепризнанно. За последнюю четверть века объектами исследований было множество их разновидностей и тематических групп; накоплен опыт получения из них репрезентативной информации¹. Методика изучения документов текущего делопроизводства – одной из разновидностей массовых источников – базируется на вычленении из общего их комплекса видовых, тематических, функциональных групп и исследовании их в соответствии со сложившейся уже для этих групп источников традицией или использованием новых подходов и методов². В меньшей степени изучаются дела – первичные комплексы документов, сформированные в делопроизводстве по какому-либо определенному принципу. Дела, сформированные по предметно-тематическому принципу, обычно включают в себя различные виды документов. В их составе могут быть копии законодательных актов и выписки из них, переписка, актовый материал, статистические данные, челобитные, свидетельские показания и т.д. Являясь комплексом источников, каждый из которых требует особой методики анализа, каждое такое дело одновременно представляет собой единое целое. Изучение предметно-тематических дел как особой категории источников, требующей особых методов источниковедческого исследования, ведется историками, но объектом анализа при этом являются не самые распространенные из них: посольские дела, материалы широко известных следственных процессов³. Разработка методики источниковедческого исследования предметно-тематических дел, сложившихся в делопроизводстве местных учреждений в их повседневной деятельности в ходе выполнения обыденных, многократно повторяемых действий, несомненно, обогатит историческую науку.

В настоящей главе проведено источниковедческое исследование нескольких групп дел магистратского делопроизводства. Методика их изучения основана на фиксации состава документов сохранившихся дел. Причем фиксировались не только наличные документы, но и те, которые были (или должны были быть) в их составе, но по каким-то причинам отсутствуют. Перечень, порядок, а также содержание документов значительной части анализируемых дел были реконструированы на основе их сохранившихся элементов.

Следующий этап исследования состоял в наблюдении за эволюцией этих реконструированных, «идеальных» дел. Констатировались и анализировались все выявленные изменения в составе, порядке документов, в их формуляре и содержании.

Для работы были выбраны дела об отводе земли и выдаче «данных» и о записи в различные категории горожан. Исследование этих категорий источников преследует как сугубо источниковедческие цели, так и исторические. Во-первых, предложить методику исследования дел, сформированных по предметно-тематическому признаку, показать их информативные возможности. Во-вторых, провести сопоставление данных, полученных при их исследовании, с данными, полученными при изучении журналов заседаний магистратов, что, в свою очередь, позволит решить вопросы о том, какая из этих двух категорий документов магистратского делопроизводства наиболее полно и адекватно отражает деятельность магистратов и ее документационное обеспечение, жизнь города и горожан, в каких отношениях информация этих комплексов дополняет или противоречит друг другу.

В-третьих, эти категории дел позволяют увидеть некоторые существенные детали в процессе перераспределения функций между традиционными и новыми управленческими структурами в пользу тех, которые представляли город как единый социальный организм, а также между городскими и региональными органами управления. То есть изучение названных категорий дел позволит проверить выводы о механизме и этапах проведения одной из крупнейших реформ в истории России, полученные на основе исследования записей журналов и архивных комплексов всех городских учреждений.

В-четвертых, эти категории делопроизводственных материалов дают возможность для исследования крайне сложного вопроса о составе «городского общества» в практике жизни городов Тверского края в период проведения реформ Екатериной Великой.

Дела о записи в число горожан

В историографии существуют различные точки зрения на содержание основополагающих для исследования истории городской жизни терминов: «посадские», «мещане», «городовые обыватели»,

«граждане», «городское общество». Для нас выяснение содержания этих терминов чрезвычайно важно, так как дает материал для решения вопроса об органах городского управления и самоуправления и их трансформации в годы реформ Екатерины II. Предлагая читателям достаточно сложное текстуальное исследование, мы руководствуемся признанием правоты замечания М. Блока о том, что «появление слова – это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он (факт появления. – *Н.С.*) отмечает, что наступил решающий период осознания»⁴. Попробуем определить, какими терминами оперировало делопроизводство магистратов по записыванию в число горожан и записи журналов магистратов для обозначения тех или иных категорий горожан и с какими управленческими структурами оно связывало каждую из них.

Исследование описей фондов городских магистратов на предмет выявления дел о записи в посад, мещанство, купечество показало, что эта категория представлена в них очень неравномерно, а между тем она позволяет выявить некоторые существенные особенности взаимоотношений внутригородских выборных органов управления, возвращает нас к проблеме городского гражданства и органов, его представляющих. Изучение описей показало, что в фондах Калязинского и Зубцовского магистратов эти дела практически отсутствуют; в Ржевском – встречаются с 1782 по 1788 гг.; в фондах Бежецкого, Новоторжского, Тверского и других магистратов эти дела представлены в значительных количествах, но по годам распределены очень неравномерно. В бежецком комплексе они датируются в основном 1790–1795 гг., в новоторжском – 1781–1791 гг., в вышневолоцком – 1780–1785 гг., в фонде Тверского городского магистрата эта категория дел охватывает временной отрезок с 1785 по 1795 г., старицкий комплекс относится к рубежу 80–90-х годов.

Следующий этап работы был связан с исследованием характера соотношений типов описательных статей описей составу дел. Выяснилось, что заголовки имеют три основных варианта: о записи в мещанство, о записи в купечество, о записи в посад и – значительно реже встречающийся – о записи в цех. При этом заголовки дел Новоторжского и Ржевского магистратов, как правило, относятся к типу «о записке в мещанство», в тверском комплексе встречаются все типы заголовков, но наиболее распространены два – «о записке в мещанство» и «о записке в посад», для дел Бежецкого и Кашинского магистратов наиболее характерным является тип «о записке в купечество».

Уже предварительный просмотр дел позволил отметить, что дела, имеющие по описи один тип заголовка, различаются по своему составу, и в то же время есть случаи общности дел, имеющих заголовки различных типов. Первоначальное впечатление об отсутствии каких-либо закономерностей усугублялось тем, что дела были,

как правило, плохо сформированы, и среди нескольких десятков дел нашлись лишь единицы, позволяющие хотя бы в общих чертах проследить делопроизводство магистратов по принятию в состав городского гражданства. Стремление найти общее в этих делах, понять причины различий в наборе документов, употреблении тех или иных терминов привело к мысли о фиксации их состава.

На каждое дело о записи в число горожан заводилась отдельная карточка, на которой фиксировались не только документы, имевшиеся в наличии, т.е. подшитые в деле, но и те, которые в деле не отложились, но упоминались в сохранившихся делопроизводственных пометах. В некоторых случаях для восстановления хода делопроизводства использовались тексты сохранившихся определений магистратов по поводу решенного дела, а также резолюции по поводу рассмотренных документов.

Сопоставление полученных данных показало, что наиболее однородны и просты по составу документов дела о записи в городское общество одного города выходцев из других городов. Различия в делопроизводственной процедуре наблюдались и здесь, но сохранившиеся сведения дали возможность реконструкции основных черт идеального, абстрактного дела. Оно должно было включать два основных блока: переписку магистрата с Тверским наместническим правлением и переписку с другими городскими учреждениями и должностными лицами города. Но состав документов этих основных блоков варьировался в зависимости от времени и пространства. Установив эту зависимость, автор продолжила исследование, сопоставляя состав дел каждого из магистратов за разные годы с одновременным изучением и сопоставлением текстов их основных документов.

Учитывая, что содержание терминов «посад», «купечество», «мещанство» исследовано недостаточно, было решено рассматривать эти дела как единый комплекс. Для краткости в изложении будем условно называть его комплексом дел о записи в мещанство или о записи в городское общество.

Предварительно отметим, что в делах такого рода редко встречаются подлинные документы. Указы вышестоящих учреждений, а также определения самих магистратов обычно откладывались в них в виде копий. Подлинники формировались в самостоятельные дела по номинальному признаку, информация о документах, предназначенных для отправки в другие учреждения, – в виде отпусков: черновых вариантов или беловых копий документов. В подлинниках в состав дел дошли: доношения учреждений, равных магистратам по рангу; рапорты нижестоящих должностных лиц и органов городского самоуправления; приговоры общества купцов и мещан.

Дела о записи в городское общество выходцев из других городов были обнаружены в составе одного из дел Вышневолоцко-

го магистрата, сформированного в 1782 г., в ходе четвертой ревизии⁵. Аналогичные известные нам дела Новоторжского магистрата датированы 1785–1787 гг.⁶, к этому же периоду относится одно из дел Тверского магистрата⁷, материалы за 1791–1795 гг. имеются в составе фонда Бежецкого магистрата⁸. Таким образом, вся их совокупность охватывает важный в истории русского города период с 1782 по 1795 г.

Вначале рассмотрим дела вышневолоцкого комплекса. Все они находятся в составе «столпа», сформированного довольно небрежно, поэтому не имеют делопроизводственных заголовков и неполны по своему составу. Два дела отражают процесс зачисления в вышневолоцкое мещанство жителей г. Торжка, одно – мещанина г. Валдая. Сравним по составу дела новоторжцев.

В дело о записи в вышневолоцкое мещанство Я. Шахова вошли: указ Тверского наместнического правления о записи его в мещанство города, рапорт городского магистрата в ТНП о получении указа; рапорт городского старосты об объявлении собранию купцов и мещан указа ТНП о записи Я. Шахова «в здешнее из новоторжского мещанства»; сообщение Новоторжского магистрата в Вышневолоцкий о том, что Шахов исключен из мещанского общества г. Торжка⁹.

Дело С.К. Соколова составили: указ ТНП о переписке Соколова из новоторжского в вышневолоцкое общество; рапорт Вышневолоцкого магистрата в ТНП о получении указа; рапорт городского старосты о получении и объявлении собранию купцов и мещан указа ТНП о записи Соколова; сообщение Новоторжского магистрата об исключении его из мещанства г. Торжка; рапорт Вышневолоцкого магистрата в ТНП об исполнении указа¹⁰.

Как видим, дела аналогичны по составу. Документы, вошедшие в них, также близки по содержанию и по форме. Чтобы убедиться в этом, сравним между собой ключевые документы дел: указы ТНП и рапорты городских старост.

Из указа по делу Шахова известно о доношении последнего в правление. «Коим объявляет, что... записан в новоторжское мещанство, а как имеет топорное ремесло, то, к лутчему себя пропитанию, желает записатся з детьми своими, Никитой и Кононом, в вышневолоцкое мещанство» и просит ТНП «о записке ево во оное мещанство кому надлежит дать повеление»¹¹. Эта часть указа, во-первых, передает содержание инициативного документа – доношения Шахова в правление, что само по себе важно для восстановления всей делопроизводственной цепочки по данным вопросам. Во-вторых, свидетельствует, что главным в этой цепочке было решение самого правления. Это подтверждает и заключительная часть указа, излагающая определение правления по поводу доношения: «В Новоторжской городской магистрат послать, и послан, указ.

И велено ево, просителя, з детми, для лутчаго по ремеслу ево пропитания, из новоторскаго мещанства, естли никаких законных препятствий, долгов и недоимок на нем нет, исключая, записать по желанию ево в вышневолоцкое мещанство. О чем и Вышневолоцкому городовому магистрату сим предписать и казенной палате сообщить, и сообщено, для сведения»¹².

Указ по делу Соколова аналогичен рассмотренному. Первая его часть сообщает о получении в ТНП просьбы Соколова о записи его в вышневолоцкое мещанство, вторая содержит в себе следующее указание: «В Новоторжской и Вышневолоцкой магистраты послать указы и велеть сего просителя, Соколова, первому из ведомства своего, когда нет законных препятствий, исключить, а Вышневолоцкому – когда граждане в свое общество принять ево пожелают – причислить. И о том по действительном исполнении как наместническому правлению, так казенной палате донести»¹³.

На наш взгляд, указы не позволяют предположить, что у вышневолоцкого мещанства было право выбора: записать или не записать. О том, что решение должно было быть однозначным и соответствовать решению ТНП, свидетельствуют в тексты рапортов городского старосты. Вот один из них: «В Вышневолоцкой городской магистрат от Вышневолоцкаго городского правления рапорт. Ея императорскаго величества указ из Вышневолоцкаго городского магистрата под № 174-м о записании в здешнее из новоторжскаго мещанства Якова Федорова сына Шахова с малолетними детьми ево, сыновьями Никитой и Кононом, у городского правления получен и вышневолоцким купцам и мещанам на градском собрании к сведению объявлен»¹⁴. Рапорт в деле о записи Соколова отличается от процитированного лишь тем, что в нем, помимо Соколова, упомянуты еще трое записывающихся в вышневолоцкое мещанство¹⁵.

Дело о записи в Вышневолоцкое общество валдайского мещанина Степана Баснина представлено тремя документами: указом ТНП в магистрат, рапортом Вышневолоцкого магистрата в ТНП о его получении, доношением Баснина в Вышневолоцкий магистрат с просьбой записать его с семейством в местное общество¹⁶. Город Валдай находился на территории другого, Новгородского, наместничества, и это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на процесс делопроизводства. Указ дает некоторое представление о нем. Для нас важным является лишь тот факт, что и в данном случае в Волочке был получен указ ТНП, предписывающий причислить Баснина в здешнее мещанство, «когда он во оной магистрат явится»¹⁷.

Далее рассмотрим аналогичные дела Новоторжского магистрата. В 1785 г там был сформирован столп «О записке разных людей в мещанство». Ни одно из дел, составивших его, по составу документов не является полным, более того, дела несколько различаются по составу. Сравним их.

В деле о записи вышневолоцкого мещанина Головицкого в городское общество Торжка вошли: сообщение Вышневолоцкого магистрата в Новоторжский с просьбой принять просителя в мещанство г. Торжка, указ магистрата городовому старосте с просьбой рассмотреть этот вопрос, рапорт старосты об исполнении указа, приговор общества купцов и мещан, повторное сообщение из Вышнего Волочка с просьбой решить вопрос о приеме Головицкого в новоторжское мещанство, сообщение Новоторжского магистрата в Вышневолоцкий о том, что купечество города согласно принять Головицкого на определенных условиях, сообщение магистрата городничему с просьбой привести Головицкого к присяге, ответ городничего о том, что он сделал это¹⁸.

Дело о записи вышневолоцкого купца З. Дмитриева в новоторжское мещанство составили: указ ТНП с просьбой рассмотреть вопрос о возможности приема Дмитриева в новоторжское мещанство, рапорт магистрата в ТНП о получении указа, указ городовому старосте с просьбой рассмотреть вопрос о приеме Дмитриева в состав новоторжского общества, приговор общества купцов и мещан, доношение в ТНП об исполнении указа, расписка Дмитриева в верности императрице, платеже податей и несении служб наряду с другими гражданами города¹⁹.

Совпадение состава дел незначительно, их объединяет лишь наличие в том и другом указов городовому старосте и приговоров общества купцов и мещан. Различие определяется несколькими причинами: во-первых, плохим формированием дел, во-вторых, тем, что в их основе лежат различные инициативные документы. В первом – доношение равного по рангу учреждения, во-втором – указ ТНП. Попытаемся разобраться, чем было вызвано последнее обстоятельство.

Из содержания уже рассмотренных текстов указов ТНП в Вышневолоцкий магистрат известно, что указы правления по поводу перехода горожан из общества одного города в общество другого обычно посылались в два магистрата: в магистрат, в ведомстве которого находился проситель, и в магистрат города, куда он желает записаться. О том, что ТНП и в 1785 г. не изменило правила, свидетельствует текст указа, сохранившийся в деле о записи З. Дмитриева²⁰. Далее мы рассмотрим его подробно, здесь лишь добавим следующее: исследование текстов документов дела Головицкого позволило установить, что в Вышневолоцком магистрате поводом для действия, в том числе для посылки сообщения в Новоторжский магистрат с просьбой о зачислении просителя в состав общества г. Торжка, как и в деле Дмитриева, явился указ ТНП. Об этом свидетельствует повторное сообщение Вышневолоцкого магистрата в Торжок, которое начинается словами: «Таковым же в сей магистрат от онаго в сходственность указа Тверскаго наместническаго

правления, а по прошению вышневолоцкого мещанина Петра Головицкого...»²¹. Скорее всего, указ ТНП по делу Головицкого был в свое время послан и в Новоторжский магистрат, но почему-то не сохранился в составе его фонда.

Переходим к анализу содержания документов, составивших эти дела, к сравнению их друг с другом и с аналогичными документами из Вышнего Волочка. Начнем с текстов указов. Начало всех их идентично: оно сообщает содержание документа, явившегося поводом для составления указа. В трех случаях из четырех, нам известных, инициативными документами стали доношения просителей, в одном, по делу Баснина – сообщение учреждения, равного по рангу ТНП. Заключительные части уже рассмотренных указов вышневолоцкого комплекса совпадают между собой, но резко отличаются от указа из фонда Новоторжского магистрата.

Так, в связи с просьбой Соколова, в ТНП решили «в Новоторжской и Вышневолоцкой магистраты дослать указы и велеть сего просителя Соколова первому из ведомства своего, когда нет законных препятствий, исключить, а Вышневолоцкому, когда граждане в свое общество принять ево пожелают, причислить»²².

По поводу просьбы З. Дмитриева в ТНП было принято следующее решение: «С прописанном сего доношения в Вышневолоцкой и Новоторжской городовые магистраты послать указы и велеть от тамошних граждан отобрать сведение. От вышневолоцких – оной, Дмитриев, к записке в новоторжское купечество может ли быть уволен, а от новоторжских – что, они ево, Дмитриева, во общество свое принять желают ли? И что покажут, наместническому правлению рапортовать»²³.

Легко заметить, что разница между этими указами достаточно велика. Если первый требует исполнения, т.е. записи просителя в мещанство, то второй лишь велит от граждан Торжка и Вышнего Волочка «отобрать сведение», желают ли одни – отпустить, другие – принять Дмитриева в свое общество.

Далее сопоставим тексты рапортов городских старост. Рапорт из дела Я. Шахова мы уже цитировали, поэтому лишь напомним, что в нем сообщается о получении и объявлении вышневолоцким купцам и мещанам указа магистрата о записи Шахова в их общество.

Рапорт новоторжского старосты по поводу записи Головицкого в купечество сообщает, что он, рапорт, является препроводительным документом к приговору, «учиненному здешним гражданством», и коротко излагает содержание этого приговора. Последнее легко проверить, так как приговор действительно прилагается. Из рапорта и из текста приговора следует, что гражданство согласно принять Головицкого в свои ряды, когда он «от Вышневолоцкого городского магистрата уволен будет, в бездоимочном же всяких как по купечеству, так в по гражданству податей платеже и в беспре-

пятственом градских повинностей исправлении представит из здешнего общества надежных пристойное число поручителей»²⁴. Как видим, приговор новоторжского общества содержал в себе не только принципиальное согласие, но и условия приема, в то время как оба рапорта вышневолоцкого старосты свидетельствуют лишь о факте объявления купцам и мещанам указов ТНП, присланных из городского магистрата.

Эти наблюдения интересны потому, что рапортам вышневолоцкого старосты сопутствуют тексты указов ТНП, исключающие, как нам кажется, даже мысль о возможности поступить иначе, чем предписано. В то время как текст указа того же ТНП, посланный в Новоторжский магистрат, вполне демократичен и не навязывает новоторжскому обществу своей точки зрения. Он был получен в Торжке 1 ноября 1785 г., и есть основания считать, что серьезные перемены в формулировках определяющей части указа и в содержании рапортов городских старост связаны с изданием в апреле этого же года Жалованной грамоты городам и предоставлением городским обществам некоторых прав и некоторой автономии в пределах системы губернского управления.

В нашем распоряжении есть еще одно дело, начатое в 1785 г., вскоре после издания Городового положения. Оно сформировано в Тверском магистрате и интересно в нескольких отношениях. Все прежде анализируемые дела были обнаружены в составе столпов, а дело «О записке в тверской посад полоцкого мещанина Павла Сизова» представляет собой самостоятельную единицу хранения с современным времени формированием заголовком. Кроме того, в его составе наряду с паспортом обнаружен по-своему уникальный документ – «лист», выданный Сизову от полоцкого городского общества, с печатью, за подписью городского головы и одного из депутатов. Если паспорт удостоверял личность, свидетельствовал о законности отлучки с места постоянного жительства, то «лист» подтверждал принадлежность человека к мещанскому состоянию.

Дело открывает прошение П. Сизова о записи его в посад и в обывательскую книгу г. Твери на основании выданных в Полоцке паспорта и «листа». Затем следуют паспорт и «лист» (подлинники). Делопроизводственная помета передает содержание решения, принятого в магистрате Твери по поводу прошения. «Слушав по сему прошению, приказали: справитца з городovým старостою с товарищи, тверское гражданство просителя Сизова в свое общество принять согласно ль? И что по справке окажется ко определению доложить»²⁵. Далее идут: запрос старосте, его ответ с выражением согласия тверского гражданства принять Сизова в свое общество, определение магистрата. Последнее как бы санкционирует решение мещанского общества и дает указание о ходе дальнейшей делопроизводственной процедуры, в полном соответствии с которой в деле

подшиты: клятвенное обещание Сизова в верности императрице, его расписка в том, что он «по здешнему городе право гражданское принимает и обязуется по мещанству нести тягости»²⁶, указ магистрата старосте о необходимости внести Сизова в окладные книги, рапорт городского старосты об исполнении приказа, рапорт магистрата в ТНП с изложением хода и содержания дела и указ ТНП в магистрат, свидетельствующий о том, что рапорт магистрата получен и по нему предприняты соответствующие действия.

Принципиальным отличием этого дела от всех ранее рассмотренных является то обстоятельство, что инициативным документом в данном случае стало прошение самого Сизова, поданное непосредственно в Тверской магистрат, минуя ТНП. Об этом можно судить на основании рапорта магистрата в ТНП, посланного уже после того, как вопрос о принятии Сизова был решен. И указ, присланный из ТНП в ответ на этот рапорт, вовсе не санкционирует решение горожан, он лишь передает определение правления по его поводу, которое в данном случае состояло в предписании послать канцеляристам в ТНП в Полоцкое наместническое правление сообщение о принятии Сизова в тверское гражданство. Указ извещает также, что оно послано. Независимость тверяков от наместнического правления в решении вопроса о приеме Сизова выражена еще более отчетливо, чем в ранее рассмотренных документах г. Торжка.

Отношения Тверского магистрата с группой горожан, представляемой городским старостой, можно проследить по запросу магистрата и ответу старосты. «В Тверской городской магистрат от тверскаго городского старосты с товарищи потребно сведение: тверское гражданство просящагося в тверской посад полацкаго мещанина Павла Федорова сына Сизова в свое общество принять согласно ль? О чем, с гражданством справясь, под сим подписать и сей запрос подать в магистрат немедленно»²⁷ – требует магистрат. На оборотном листе запроса ответ: «По справке при тверских городских делах означеннаго полоцкаго мещанина Павла Федорова сына Сизова тверское гражданство в свое общество принять согласно»²⁸. Приведенные документы кратки и лаконичны, без традиционной «шапки», содержащей указания на вид документа, на адресата и отправителя. Таким образом, не только содержание безымянных тверских документов, но и сам факт их безымянности свидетельствует о независимости тверского гражданства в принятии своих решений, в то время как указ и рапорт предполагают отношения подчиненности. Факту, свидетельствующему о самостоятельности гражданства в решении вопроса о приеме нового человека, противостоит другой факт: переписка магистрата со старостой по поводу внесения Сизова в окладные книги оформлена в виде указа и рапорта со всеми необходимыми для этих видов документов атрибутами.

И это естественно, поскольку вопрос о внесении горожан в окладные книги обсуждению не подлежал.

Переходим к анализу документов Бежецкого магистрата. В дело «О переписке в бежецкое из тверского мещанства Максима Худякова» (1792 г.) вошли три документа: указ ТНП, повелевающий о «записке вышеписанного Худякова в бежецкое мещанство поступить по изданным на то указаниям», определение магистрата по поводу этого указа и сообщение М. Худякова о своем возрасте и составе семьи. При этом текст определения позволяет восстановить все делопроизводство, возникшее в связи с принятием М. Худякова, но почему-то не отложившееся в фонде²⁹.

В деле «О записке из краснохолмского в бежецкое мещанство Ивана Лагунова» инициативным документом является прошение самого Лагунова, за ним следуют: сообщение Краснохолмского городского магистрата о том, что препятствий к записи Лагунова в бежецкое мещанство не существует, определение магистрата Бежецка о принятии просителя в состав местного мещанства и о той делопроизводственной цепочке, которая должна закрепить это решение. В соответствии с этим определением в деле подшиты: объявление И. Лагунова о своем возрасте и составе семьи, доношение в казенную палату с просьбой «по городу Красному Холму о исключении, а по здешнему – о внесении в оклад, уездным казначействам дать повеление», доношение во 2-й департамент губернского магистрата о принятии Лагунова в бежецкое мещанство, сообщение о том же городничему Бежецка со сведениями о возрасте Лагунова и о составе его семьи, сообщение городскому голове и депутатам, выбранным для составления городской обывательской книги о зачислении Лагунова в состав граждан, указ городскому старосте о взыскании с Лагунова «со второй сего 1792-го года половины по мещанскому окладу податей», сообщение магистрата в уездное казначейство о принятии Лагунова, сообщение городскому голове Красного Холма о том, что Лагунов положен в оклад по г. Бежецку³⁰. Дальнейшая переписка связана со взысканием с Лагунова недоимок по краснохолмскому обществу³¹.

Прежде всего попытаемся определить характер отношений Бежецкого магистрата с ТНП. С фактом подачи прошения о записи в мещанство непосредственно в магистрат мы уже встречались. Новым в деле Лагунова является непосредственная переписка двух магистратов по вопросу перемещения просителя из мещанства одного города в состав мещанства другого. Непричастность ТНП к его решению подтверждается ходом делопроизводства и содержанием документов дела, объясняется текстом определения магистрата, которое, в частности, передает содержание указа ТНП от 2 октября 1790 г. «Всем городским магистратам. Погорельской ратуше, Корчевскому и Краснохолмскому городничим и градским головам

предписать указами, дабы оные гражданству объявили, чтоб желающие из одного в другой город записатся в отношении своих о том прошений поступали во всем на основании изображенных в Городовом положении правил, не входя впредь с таковыми прозбами, причиняющими начальству излишние только затруднения и переписки, в наместническое правление»³².

Наличие указа ТНП в ранее упомянутом деле Худякова не противоречит сделанному наблюдению, поскольку указ не содержит предписания принять Худякова, а лишь сообщает о прощении последнего, поданного, вопреки законодательству 1790 г., в ТНП, и указывает магистрату поступить в данном случае по узаконениям³³.

Внимательное рассмотрение дел свидетельствует, что независимость городских учреждений от ТНП в решении вопроса о приеме новых лиц в состав городского общества отчетливо прослеживается в рассмотренных делах Бежецкого магистрата, и в этом они продолжают и развивают тенденции, проявившиеся в делах Новоторжского и Тверского магистратов.

Взаимоотношения магистрата с городским старостой и группой горожан, им представляемой, в бежецких документах выглядят несколько иначе, чем в ранее рассмотренных делах Новоторжского и Тверского магистратов. Последние убедительно свидетельствуют о том, что право решения вопроса о принятии в состав мещанского общества новых лиц принадлежало самому обществу купцов и мещан во главе с городским старостой. Состав дел, содержание документов и делопроизводственных помет бежецкого документального комплекса позволяют предположить, что бежецкий городской староста, а также купцы и мещане города не принимали участия в решении вопроса о приеме новых лиц в состав гражданства. В обоих случаях городскому старосте был послан лишь указ о необходимости внести новичков в окладные книги и собирать с них впредь надлежащие сборы. Городничему и городскому голове были посланы сообщения, целью которых было лишь поставить этих должностных лиц в известность о принятии Худякова и Лагунова в состав бежецкого общества. Как видим, в 1790-х годах Бежецкий магистрат совершенно самостоятельно решал вопрос о приеме иногородцев в состав местного гражданства.

Проведенное исследование состава дел о записи в городские общества позволяет сделать вывод, что характер взаимоотношений магистратов с мещанскими обществами в каждом городе имел свои особенности, которые были обусловлены, скорее всего, ранее сложившимися традициями, и фиксируются наличием или отсутствием в деле определенного комплекса документов, прежде всего приговора купцов и мещан, составляющих городское общество. В то же время в эволюции отношений магистратов с ТНП по данному вопросу прослеживается закономерность – от подчиненности до пол-

ной самостоятельности городских учреждений в решении вопроса о принятии в свой состав выходцев из других городов.

Текстологическое исследование основных документов дел о записи в городское общество с целью выяснения содержания понятий «мещанство», «гражданство», «купечество» также дает интересные результаты.

Авторы документов, вошедших в состав дела о записи вышневолоцкого купца Дмитриева в новоторжское купечество, оперировали самыми различными терминами и словосочетаниями. Получив просьбу Дмитриева, в ТНП постановили: «В Вышневолоцкой и Новоторжской городовой магистраты послать указы и велеть от тамошних граждан отобрать сведение: от вышневолоцких – оной Дмитриев к записке в новоторжское купечество может ли быть уволен, а от новоторжских – что они ево, Дмитриева, во общество свое принять желают ли?»³⁴ В этих строчках новоторжское купечество отождествляется с новоторжским обществом и гражданством города. Текст указа магистрата городовому старосте в деле не сохранился. Из приговора известно, что в ответ на предложение магистрата зачислить Дмитриева «к себе в общество» собрание купцов и мещан выразило согласие принять Дмитриева «в число здешнего мещанства»³⁵. Таким образом, текст приговора соединил термины «общество» и «мещанство» в синонимическую пару. При этом общество отождествляется с купцами и мещанами города.

Значительный интерес представляет текст расписки Дмитриева. Последняя дана в том, что по записи в здешнее мещанство должен он, Дмитриев, среди прочих обязанностей «с налагаемых же на него мещанством по состоянию ево душ подушные, а когда пожелает выйти в купечество, то с объявленнаго им капитала процентная деньги, и все требуемая указные подати и градския расходы в здешней магистрат платить ежегодно в надлежащие сроки исправно и бездоимочно. И с протчими здешними гражданами наряду по очереди... службы и повинности исправлять»³⁶. В данном тексте термин «мещанство» отождествляется с гражданами города, а купечество предстает как та часть граждан, которая, в отличие от большинства, платит не подушные, а проценты с капитала.

Таким образом, терминологическая цепочка дела З. Дмитриева включает в себя следующие звенья: «купцы и мещане», «купечество», «мещанство», «общество», «гражданство». Опорным является термин «общество». В документах дела он образовывал синонимические пары с терминами «купечество», «мещанство», «гражданство», «собрание купцов и мещан». Это дает основание считать синонимами всю группу понятий. И лишь текст расписки позволяет предположить, что термин «купечество» употреблялся как понятие частное по отношению к мещанству, а значит и к синонимам последнего.

Несмотря на просьбу Дмитриева о принятии его в купечество, речь в деле идет о записи в мещанство города, поскольку принципиальным является именно факт приписки к местному обществу, а запись в купечество происходила обычно в конце года и заключалась для граждан города в формальном объявлении капитала.

В отличие от З. Дмитриева, П. Головицкий просьбу о записи в новоторжское купечество подал в начале года, и, вероятно, поэтому в его деле речь идет именно о записи в купечество. При этом последнее, скорее, поглощается понятием гражданство, чем отождествляется с ним. Так, по поводу прошения Головицкого в магистрате было принято решение: «Старосте Мокошеву послать указ и велеть здешнему гражданству объявить, естли оное вышневолоцкаго мещанина Петра Степанова сына Головицкаго по желанию ево и имеющемуся у него 505 рублей капиталау в здешнее купечество принять желает, то о сем... учинили б приговор»³⁷.

В тексте рапорта вышневолоцкого городского старосты в магистрат по поводу записи С. Соколова в вышневолоцкое общество сказано следующее: «Ея императорскаго величества указ из Вышневолоцкаго городского магистрата под № 333-м (которым в силу прописаннаго во оном указа Тверского наместническаго правления требуется сведения, что, общество вышневолоцкое, граждани, жалают ли новоторскаго мещанина Спиридона Кандратьева сына Соколова, вышедшаго из-за польскаго рубежа, принять в то вышневолоцкое гражданство и о протчем) у городского правления получен и вышневолоцкому обществу, купцам и мещанам, на градском их собрании объявлен. На котором оное гражданство имели разсуждение и единогласно сказали, что принять ево Соколова, в вышневолоцкое гражданство желают»³⁸. В приведенном документе совокупность купцов и мещан отождествляется с терминами «гражданство» и «вышневолоцкое общество».

Дело о записи в тверской посад полоцкого мещанина Павла Сизова велико по объему. Большую его часть составляет переписка по поводу уплаты Сизовым недоимок по старому месту жительства. Для нас интерес представляют несколько первых документов дела, в них неоднократно употребляются интересующие нас термины. Дело открывает прошение П. Сизова о записи его в посад и в обывательскую книгу г. Твери на основании выданных в Полоцке и приложенных к прошению паспорта и «листа» – документа, свидетельствующего о принадлежности Сизова к мещанству Полоцка. Дело-производственная помета передает текст решения, принятого в магистрате Твери по поводу прошения: «Слушав по сему прошению, приказали: справитца з городovým старостою с товарищи, тверское гражданство просителя Сизова в свое общество принять согласно ль?»³⁹ Далее идут: запрос старосте, его ответ с выражением согласия тверского гражданства принять Сизова в свое общество, опреде-

ление магистрата. Последнее как бы санкционирует решение гражданского общества, предписывая «просителя Павла Сизова по желанию ево, а по силе высочайшего ея императорскаго величества городского положения статьи в посад города Твери записать и... взять с него, вместо присяги росписку, что он по здешнему городу право гражданское принимает и обязуется по мещанству нести тягости»⁴⁰. Магистратское решение интересно тем, что в нем в качестве синонима терминов «гражданство», «общество», «мещанство» используется термин «посад».

Обилие в рассмотренных нами документах терминов, обозначающих, по сути, одно и то же явление действительности, объясняется недостаточной развитостью и слабой регламентацией последнего законодательством. Существование обратной ситуации, когда один и тот же термин в различных контекстах приобретает различный смысл, подчас даже противоположный, объясняется теми же причинами. Именно так обстоит дело с термином «купечество». С обстоятельствами, когда он может трактоваться как синоним мещанства, гражданства, общества купцов и мещан или как понятие частное по отношению к ним, мы уже встречались. Наряду с этим в составе фондов городских магистратов Тверской губернии встречаются документы, свидетельствующие, что запись в купечество, а также в цехи не всегда была сопряжена с принятием просителем на себя комплекса гражданских прав и обязанностей.

Торопецкий купеческий сын Иван Крюков был отпущен в Бежецк по паспорту в начале 1791 г. Вероятно, он нашел там благоприятные для развития торговли обстоятельства и поэтому в конце года подал прошение о записи его в бежецкое городское общество с капиталом 1010 руб., т.е. на правах купца. Магистрат, рассмотрев просьбу Крюкова, ссылаясь на статьи 92 и 93 Жалованной грамоты городам, постановил принять его в третью гильдию и внести во вторую часть городской обывательской книги, однако не причисляя его к здешнему гражданству⁴¹.

Санкционировав, как видим, прием Крюкова в купечество города, магистрат отказал ему в просьбе о записи в бежецкое мещанство – городское гражданское общество, мотивируя отказ тем, что Крюков не исключен еще из числа мещан Торопца⁴².

Нельзя не отметить интересное дело о записи Ивана Логунова из краснохолмского в бежецкое мещанство. Свою просьбу он мотивирует следующим образом: «по записании в здешней живописнаго художества управе как ремесло отправляю, так, по имению собственнаго моего дома и жительствую в здешнем городе, почему и в городской города Бежецка обывательской книге записан»⁴³. Прошение представляет чрезвычайный интерес, поскольку свидетельствует о том, что в прежние годы Логунов не являлся членом городского общества, несмотря на то что был записан в городскую обы-

вательскую книгу, в один из цехов города и принадлежал к мещанскому сословию. С аналогичной ситуацией сталкиваемся и в материалах г. Торжка. В 1787 г. новгородский мещанин Никита Иванов Калашников просил новоторжский магистрат со ссылкой на ст. 64 Жалованной грамоты городам записать его по паспорту, выданному на год, в цех серебряного мастерства⁴⁴. Любопытна судьба портного мастера Еремея Соболева. В прошлом он – дворовый, отпущенный на волю, позднее – гусар. В деле, датированном 1793 г., речь идет о записи его в цех по паспорту и аттестату от войскового начальства⁴⁵, в деле за 1795 г. – о записи Е. Соболева по портновскому ремеслу в мещанство города⁴⁶.

Таким образом, документы городских магистратов Тверской губернии свидетельствуют, что термин «гражданство» бытовал и в конце XVIII в., при этом он являлся синонимом термина «мещанство» и словосочетания «общество купцов и мещан»⁴⁷. В этот период, как и при Петре I, граждане составляли особую часть торгово-ремесленного городского населения⁴⁸. В состоянии непричастности к гражданству, в полном соответствии с законодательством, жили в городах не только иногородние купцы, но и крестьяне различных ведомств, бывшие крепостные, отпущенные на волю, бывшие военнослужащие, другие категории горожан. Материалы фондов магистратов подтверждают это.

Дела о приписке крестьян экономического и казенного ведомства к числу горожан свидетельствуют, что эти крестьяне, даже при условии платежа процентов с объявленного капитала, не являлись членами городского общества. Сохранившиеся дела фонда Вышневолоцкого магистрата относятся в основном к периоду до издания Жалованной грамоты городам. Делопроизводство здесь было поставлено недостаточно хорошо, но просмотр сохранившихся дел и отдельных документов, исследование делопроизводственных помет позволяют сказать, что состав дел в идеале выглядел примерно следующим образом: указ ТНП с пересказом прошения крестьянина и сообщением, что проситель получил от своего ведомства разрешение на запись в купечество, рапорт магистрата в ТНП о получении указа, указ магистрата городовому старосте с изложением текста указа ТНП и собственным решением по этому поводу, рапорт городского старосты о том, что указ Вышневолоцкого магистрата о записи в вышневолоцкое купечество крестьянина экономического ведомства «обществу вышневолоцких купцов и мещан к сведению объявлен», клятвенное обещание крестьянина в верности императрице, сведения о составе семьи, поручительство купцов города в том, что записывающийся, «будучи в купечестве как с объявленного им капитала указной процентной сбор, так же и на прежнее жилище подушневной сбор платить будет в состоянии», подписка самого просителя в том, «что если с изданием нового о

выгодах купеческих учреждения, подлежателен буду каковым – либо особым положениям, то непременно оные исполнять буду, а в случае невозможности повинен обратиться в первобытное состояние»⁴⁹, рапорт в ТНП об исполнении указа⁵⁰.

Отсутствие в этих делах Вышнего Волочка документов, свидетельствующих об обсуждении обществом купцов и мещан вопроса о приеме крестьян в купечество, в комплексе с обязательствами последних платить сборы по двум состояниям и вернуться в прежнее, в случае если они не смогут исполнить ожидаемое «новое о выгодах купеческих учреждения», можно рассматривать как показатель того, что вопрос о записи крестьян в купечество решался достаточно просто, так как ни самими крестьянами, ни служащими магистрата, ни ТНП не расценивался как запись в гражданское общество Вышнего Волочка⁵¹. Обнаруженный нами в фонде Вышневолоцкой городской думы комплекс документов «городовых дел» подтверждает наблюдение, сделанное на основе документов магистрата., в частности, в книге регистрации исходящих документов за 1779 г., среди 8 документов значится рапорт в магистрат о том, что указ «о записавшихся в вышневолоцкие купцы экономических крестьян получен». Данная формулировка не оставляет сомнения в том, что городской староста и горожане, которых он представлял, были лишь проинформированы о записи крестьян в купечество⁵².

В составе фонда Новоторжского магистрата сохранилось несколько довольно полных по объему дел о записи крестьян в купечество. Они включают: прошения крестьян и подлинные «увольнительные» от ведомства, к которому они принадлежат, переписку магистрата с ТНП (в ходе ее обычно выяснялось, нет ли каких препятствий к записи просителя в купечество), сообщение магистрата городовому старосте о том, что проситель «в купечество, по объявлению от него капиталу, причислен», поручную запись крестьянина с обязательством уплаты сборов и несения повинностей по двум состояниям, а также о возвращении в прежнее, если он не будет отвечать тем условиям записи в купечество, кои будут содержаться в ожидаемом законе.

В качестве примера рассмотрим дело о записи в купечество г. Торжка служащего новоторжского Воскресенского монастыря В.В. Иванова⁵³. В 1781 г. он подал просьбу непосредственно в магистрат о зачислении его в купечество на том основании, что хлебопашеством он не занимается, имеет в Торжке дом и 500 руб. капитала, а от мира деревни, где положен в подушный оклад, ему дали «увольнительную». Подлинник ее подшит в деле⁵⁴. Магистрат сообщил о поданном прошении в ТНП и через некоторое время получил оттуда известие, что В. Иванов отбыл рекрутскую очередь, недоимок на нем нет и поэтому «к записке его во оное купечество препятствия нет»⁵⁵. В деле нет копии определения магистрата о за-

числении Иванова в купечество, но сохранилось сообщение магистрата городскому старосте, что «по силе указу Тверского наместнического правления на основании прописанного во оном 777 году июля 26 дня правительствующего Сената указу помянутый служительский сын... с прочими наряду в купечество, по объявлении от него капитала, причислен...»⁵⁶. То есть магистрат решил этот вопрос самостоятельно, а староста был лишь проинформирован об этом. В Торжке, таким образом, складывалась по поводу записи экономических крестьян та же ситуация, что и в Вышнем Волочке.

Прежде чем привести текст довольно длинной поручной записи на Иванова, напомним, что в Вышневолоцком магистрате составляли обычно три документа: поручную запись городских купцов о том, что проситель сможет платить сборы по двум состояниям, расписку самого просителя, что он вернется в прежнее состояние, если не сможет выполнять условия ожидаемого указа о купечестве, а также его клятвенное обещание в верности императрице. Тексты поручных записей, сохранившиеся в фонде Новоторжского магистрата, соединяют в себе тексты всех трех документов, составлявшихся в Вышнем Волочке, а также включают ряд дополнительных обязательств, которые предусматривали возможный вариант записи просителя в городское общество в ходе ожидаемой ревизии.

«В Новоторжском городском магистрате по резолюции онаго записывающийся по объявленному пяти сот рублей капиталу в новоторжское купечество жительствующий в городе Торжке новоторжского Воскресенского девичья монастыря бывшей служительской сын Василий Васильев дал сие за нижеподписавшимися поручителями обязательство в том, что по записке ево, Васильева, в здешнее купечество, должен он, Васильев, во-первых, сохранять во всякое время и до кончины своей ненарушимо подданическую верность к ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне своей. И состоять отныне и с потомками ево в ведомстве здешняго магистрата вечно, которому, яко уже своей команде чинить всякое послушание и повиновение по указам. Без ведома сего и без данных от онаго пашпартов, ни на какое время не отлучаться и не сбежать, и ни за кого не записаться. Також и других худых и закону противных поступков не чинить никогда, а находиться всегда и во всякое время в честных и незазорных поведениях и упражняться в звании и в промысле своем рачительно. С объявленного им, Васильевым, капитала процентная деньги, а когда дозволено будет и он пожалает вытти в мещанство, то и по раскладке мещанской с налагаемых на него душ подушныя и другия указныя подати и градския расходы в здешней магистрат и по прежнему жительству платить собою ежегодно в надлежащия сроки исправно и бездоимочно. И с протчими наряду, по очереди следующие по общественным и слободским, в которой он жительство иметь будет, приговорам и

нарядом службы и надобности исправлять без всякого препятствия добродорядочно. А ежели он, Васильев, как в платеже с объявленного им капитала, так и во время бытия ево в мещанстве, указных поборов в здешнее общество и по прежнему жительству, а равно и в исправлении служб с мирскими расходами придет в несостояние или сбежит или же помрет, то все вышеписанное должны за него до исключения ево из числа здешнего гражданства платить и исправлять, не доводя общество ни до чего, подписавшиеся по нем поручители собственно собою без всяких отговорок.

А когда он, Васильев, изданием новаго о выгодах купеческих учреждения подлежателен будет каковым либо особым положением, то и оное ему исполнять же непременно. А если не пожелает, то должен, оставя новое сие звание и обратиться в первобытное свое состояние, во исполнение чего он, Васильев и с поручителями по ним под сим подписуются»⁵⁷.

Указание на уплату сборов по двум состояниям, оговорка о возвращении, при определенных обстоятельства, в прежнее состояние, упоминание о возможности в будущем перехода в мещанство позволяют говорить о том, что запись в купечество в данном случае не была сопряжена с поступлением в гражданство. Это предположение подтверждается и текстом сообщения магистрата городовому старосте, где лишь констатируется факт причисления магистратом Васильева к купечеству, и отсутствием в деле приговора собрания купцов и мещан.

Ситуации, аналогичные этой, нашли отражение на страницах «Столпа о записке разных крестьян и ямщиков в новоторжское мещанство». Сформированный в 1782 г. в ходе четвертой ревизской переписки населения Торжка, он содержит в себе обрывки дел и отдельные документы, многие из которых весьма интересны⁵⁸.

Копия одного из указов Тверского наместнического правления содержит в себе решение правления по поводу рапорта зубцовского городничего, который просил пояснить, можно ли записать в ходе ревизии в мещанство города экономического крестьянина. Факт существования подобного вопроса со стороны должностного лица свидетельствует о недостаточном понимании мероприятий правительства не только простыми людьми, но и представителями администрации. Аналогичные запросы с мест стали причиной появления целого ряда сенатских указов в последнюю четверть XVIII в. Поток таких запросов был рожден и достаточно известный указ от 26 июля 1777 г. Об этом свидетельствует его начало. «Как о записке из крестьян разного звания в купечество не только из конторы Главного магистрата, но и из других мест начали вступать в Сенат представления...»⁵⁹. Местные власти просили разъяснить, можно ли теперь, после опубликования манифеста об уплате купцами города процентов с купеческих капиталов, записывать крестьян в купече-

ство. Сенат, обосновывая свое решение тем, что новых законов на этот счет не издано, а «начальные узаконения поныне еще ничем не остановились»⁶⁰, предписал, чтобы в интересах казны «по-прежнему записывать крестьян в купечество с уплатой процентных денег и обыкновенных податей на те места, откуда кто выбудет»⁶¹. Такое решение казалось местным властям не очень логичным, запросы продолжали поступать, периодически издавались сенатские указы, где случаи записи крестьян в мещанство с исключением их от платежей по основному месту жительства расценивались как незаконные. Сенат предупреждал, что прекращение платежей по крестьянскому состоянию возможно лишь в случае, если населенный пункт переводится в ранг города, да и то лишь для крестьян, являвшихся по отношению к этому поселению постоянными жителями, посторонние же крестьяне должны были платить в этом городе проценты с купеческого капитала и обычные сборы по основному месту жительства⁶². В 1782 г. в ходе ревизии был издан указ, предупреждающий, что «нет такого предписания, чтоб из крестьян позволялось записываться в мещане, а единственно позволено входить в купечество с объявлением капитала»⁶³.

Ответ ТНП зубцовскому городничему, разосланный для сведения во все губернские учреждения, повторяет содержание этих сенатских указов, но формулировка в нем смысла указов такова, что различие содержания терминов «купечество» и «мещанство» становится более ясным. В нем сказано, что «не дано никому права перемывать свое состояние, а потому и проситель должен остаться в прежнем звании и окладе с тем, что если имеет капитал или же знает какое ремесло, то может записаться в купечество или цех, но и тогда по ревизии в той же вотчине написан быть должен и платить сверх процентов с капитала или же положенного с цеховых сбора все подати по крестьянству»⁶⁴.

Копия процитированного указа ТНП была обнаружена среди документов, отложившихся в делопроизводстве новоторжского магистрата в связи с тем, что крестьянин экономического ведомства просил записать его в купечество «и в подаваемой к нынешней четвертой ревизии о здешнем гражданстве сказке» показать его «с прочими сего города купцами наряду»⁶⁵, в чем ему было отказано.

На заключительном этапе переписи в города была разослана копия «предложения» генерал-губернатора Я.А. Брюса по поводу записи крестьян в мещанство. Оно не только напоминало, что «о записке в мещанство крестьян никакого положительного закона нет, а есть только о записке в купечество», но и объясняло причину этого: «города здешнего наместничества более в поселении имеют мещан, нежели как требует их выгодность, ибо в большом количестве оные без рукомерла, промысла и дому, а следовательно тем и служат к отягощению города прибавлением цен на все припасы и

все нужное для прокормления жителям, а почасту таковые безместные наносят распутством своим разные купечеству и другим людям жития порядочного беспокойствия»⁶⁶.

Возвращаясь к крестьянину, желавшему записаться в общество г. Торжка, следует сказать, что несмотря на наличие достаточного капитала и увольнения от экономического ведомства, ему тем не менее было отказано в просьбе со ссылкой на указ «о незаписывании крестьян в мещане, а о записке оных по капиталу в купечество, а по ремеслу в цех, да и с тем, чтоб они платили сверх процентов с капитала и положенного с цеховых сбора все подати по крестьянству в Новоторжском магистрате»⁶⁷.

То обстоятельство, что крестьянин просил о записи в число купцов, имеющих право городского гражданства, а получил отказ со ссылкой на указ о «незаписывании» крестьян в мещане, подтверждает, что термины «гражданство» и «мещанство» расценивались служащими новоторжского магистрата как синонимы, в то время как вступление в купечество не влекло за собой автоматически причисления к мещанскому сословию и гражданскому обществу данного города. Важно также отметить, что решение о принятии этого крестьянина в купечество принял сам магистрат, а городской староста был лишь поставлен в известность об этом.

Комплекс рассмотренных документов очень доходчиво толкует хорошо известное, но весьма неопределенное законодательство по поводу записи крестьян в купечество и свидетельствует, что запись экономических в купечество в начале 80-х годов XVIII в. не означала для крестьян вступления в новое, отличное от крестьянского состояние «среднего рода людей». Ход делопроизводства и делопроизводственная помета со всей очевидностью показывают, что запись в купечество или цех, уплата крестьянином сборов, в том числе и по крестьянству в городском магистрате еще не изменяли его крестьянского состояния. Завершающим актом в процессе перехода из крестьянского состояния в число полноправных горожан был факт записи крестьянина в ревизскую сказку по городу, где он решил поселиться, но этого, как правило, не происходило.

Значительный интерес представляют два сохранившихся дела Кашинского магистрата. «Дело по указу Тверского наместнического правления о записке в кашинское купечество экономического ведомства Перетрясовской слободы крестьян» относится к 1783 г.⁶⁸, другое – «О записке кашинской Перетрясовской слободы крестьян в местной посад» – к 1786 г.⁶⁹. Изданная в 1785 г. Жалованная грамота городам внесла некоторые изменения в оформление приписки экономических и казенных крестьян к городу, и это отчетливо прослеживается при исследовании двух названных дел⁷⁰.

В состав первого из них входят: указ ТНП с изложением сути дела и решением правления по нему, список крестьян, вступающих в

купечество, и подписки, данные крестьянами в магистрате, в исправном платеже податей. Из указа становится известно о рапорте кашинского городничего в ТНП, который, в свою очередь, излагал содержание прошения крестьян Перетрясовской слободы. В связи с отводом территории слободы городу Кашину перед крестьянами была поставлена дилемма: записываться ли в купечество или цехи города или переселяться на «пашенные земли». В прошении, поданном городничему, крестьяне уведомляли, что они не в силах платить двойные оклады – по крестьянству и по купечеству – и просили разрешить им вступить в купечество без объявления капитала. Решением ТНП крестьянам было предложено записаться в кашинское купечество на основании указа от 26 июля 1777 г. с уплатой двойных податей. В случае нежелания идти на эти условия их следовало переселить на «пашенную землю». Получив отказ, крестьяне вынуждены были объявить минимум необходимого для вступления в 3-ю гильдию капитала⁷¹. Тексты подписок, данных крестьянами в магистрате, свидетельствуют о шаткости их положения в городе, реальной угрозе возвращения в старое состояние в случае, если они не смогут выполнять условия ожидаемого закона и их нежелании идти на это⁷².

В деле 1786 г. речь идет о записи в посад Кашина 43 крестьян Перетрясовской слободы. Интересно, что часть из них тремя годами раньше записывалась в кашинское купечество. В состав дела вошли: указ ТНП с предписанием зачислить в посад крестьян «на основании указов правительствующего Сената 1777 года июля 26 дня и Городового положения 139 пункта», коллективная подписка крестьян в бездоимочном платеже «как по городу, так и по прежде бывшему состоянию государственных и градских податей» и клятвенное обещание их верности императрице.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1786 г., как и тремя годами раньше, крестьяне берут на себя обязательства в платеже податей по двум состояниям⁷³. Это особенно важно в сочетании с сопоставлением в указе ТНП ст. 139 Жалованной грамоты городам и указа 26 июля 1777 г.⁷⁴. Следует сказать, что эта статья повторила суть указа 1777 г. о двойной (до новой ревизии) подати с экономических крестьян: «Буде крестьянин ведомства директора домоводства запишется в город, в посад, да платить по крестьянству, где надлежит, крестьянскую до новой переписи по государству, по посаду же – посадскую подать» – говорится в ней⁷⁵. Учитывая факт сопоставления в деле указа от 26 июля 1777 г. и ст. 139 Жалованной грамоты городам, можно предположить, что запись крестьян в посад, предусмотренная ст. 139, не означала для них, как и запись в купечество по указу 1777 г., вступления в городское гражданство. Документы свидетельствуют и о другом: запись в посад устраивала крестьян в большей степени, так как посадская подать была значительно ниже

сбора по купечеству. По сути, они получили то, о чем просили тремя годами раньше: приписку к городу, а вместе с этим и право на занятия «мещанским промыслом» без объявления капитала⁷⁶.

Таким образом, в этих делах Кашинского магистрата о записи крестьян в купечество и в указах, на которые они ссылаются, термины «купечество» и «посад» образуют синонимическую пару, но при этом нет оснований считать, что одновременно они являются синонимами терминов «гражданство» и «мещанство».

Иное представление складывается при изучении документов фонда Тверского городского магистрата. В нем сохранилось не менее двух десятков дел о записи крестьян экономического и казенного ведомства в купечество, мещанство и посад города. Но все они относятся к 1791–1795 гг. Дела формировались очень аккуратно, поэтому не представляло трудности выяснить ход делопроизводства по каждому из них. Сопоставление состава дел показало, что структура их идентична, несмотря на различия формулировок в заголовках. Инициативным документом во всех исследованных случаях явилось прошение крестьянина с приложением «увольнения» от ведомства, к которому он принадлежит. Далее следовали: запрос магистрата городскому старосте с вопросом, согласно ли «тверское гражданство» принять того или иного крестьянина в «тверское гражданское общество» («купечество», «тверское гражданство»), ответ старосты о согласии общества, выписка из законов, на основании которых производилась запись⁷⁷, определение магистрата, подтверждающее факт записи, просьба протоиерею кафедрального собора привести просителей к присяге, клятвенное обещание последних, указ городскому старосте о необходимости внести просителей в окладные книги, но не в ревизские, что само по себе позволяет усомниться в принятии крестьянина в число граждан.

Чрезвычайно важны, на наш взгляд, два обстоятельства: обилие в делах терминов, употребляемых как синонимы, и обязательное согласие общества купцов и мещан. Важно, что в формулировках определений магистрата речь во всех случаях идет о записи в посад, обычно со ссылкой на ст. 138 и 139 Жалованной грамоты, иногда к ним добавляется указ 26 июля 1777 г. При этом крестьяне в своих прошениях просят о записи в мещанство⁷⁸, купечество⁷⁹, посад⁸⁰, а в запросах магистрата старосте и в делопроизводственных пометах, сделанных служащими магистрата, встречаются термины «купечество», «гражданство», «тверское общество». Сопоставление контекстов, в которых использованы все эти термины, свидетельствует о том, что в Твери они употреблялись как синонимы не только в отношении выходцев из других городов, о чем уже было сказано, но и применительно к крестьянам. А это значит, что вступление экономических и казенных крестьян в тверское купечество и посад расценивалось местными властями как вступление в городское

гражданство. Это предположение подтверждается и наличием в делах приговоров тверских граждан, санкционирующих прием. Однако то, что вносят новых жителей только в окладные книги, но не в ревизские, позволяет видеть в устройстве городской жизни Твери большую специфику.

Отождествление общества с посадом было в традиции тверяков. Напомним, что они причисляли к числу посадских и мещан – выходцев из других городов, желающих поселиться в Твери для занятия торгово-промышленной деятельностью, но не имеющих капитала⁸¹. Постоянное и последовательное использование в тверских документах термина «посад» и явное желание избежать термина «мещанство» даже в тех случаях, когда последний более верно отражает правовое положение просителя и суть его просьбы, представляется неслучайным. Объяснение этой терминологической особенности делопроизводства городских учреждений губернского города требует дополнительных изысканий.

По-иному обстояло дело с записью в городские общества крестьян, отпущенных на волю. Среди сохранившихся дел магистратских фондов нам не удалось обнаружить дела, которые отражали бы всю эту процедуру. Однако среди решительных определений магистратов встречаются дающие разрешение на эту запись. Причина отсутствия самостоятельных дел становится ясной при изучении журналов заседаний магистратов, она является следствием крайнего облегчения процедуры записи крестьян, отпущенных помещиками на волю, в городское гражданство. Записи журналов заседаний магистратов позволяют говорить, что просьб о записи от таких крестьян поступало очень много, особенно в период переписи 1782 г. Указом ТНП магистратам было дано право самим, без переписки с ТНП решать этот вопрос. Решение принималось самими магистратами, без какой-либо существенной переписки с вышестоящими властями и городским обществом. Суть ее сводилась к уведомлению ТНП о записи крестьянина и предписанию старосте внести его в соответствующие документы.

Исследование дел о приписке крестьян к городским сословиям показало, что термины «посад», «купечество», «мещанство» и «гражданство» в различных городах трактовались по-разному. Очевидно, что для служащих магистратов Вышнего Волочка, Торжка, Кашина запись крестьян экономического и казенного ведомства в купечество и посад не ассоциировалась со вступлением крестьян в городское гражданство. В Твери же запись крестьян в купечество рассматривалась как вступление в посад, который, в свою очередь, отождествлялся городскими властями с городским гражданским обществом. Но это противоречило законодательству, и власти это понимали; именно поэтому резолюции требуют внести просителей в окладные, но не в ревизские книги.

Проведенное исследование делопроизводственной документации о записи в городское гражданство и приписке к городским обществам позволяет говорить, что отношение всех городов с ТНП развивалось в одном направлении: к их самостоятельности в решении вопроса о записи в городское общество представителей мещанского сословия. Что же касается вопроса о том, кто (какое лицо, учреждение, организация) олицетворял городское общество, то на него документы не дают однозначного ответа. Чаще всего гражданство города представлено в документах городским старостой и собранием купцов и мещан. И это вполне отчетливо выражено в делах о записи в гражданство одного города выходцев из другого. В этих ситуациях магистрат выступает как звено – посредник между городским гражданством и другими учреждениями (вышестоящими или равными ему по рангу). В то же время документы магистратов, фиксирующие запись в число горожан экономических крестьян, крестьян, отпущенных на волю, детей священнослужителей, позволяют предположить, что магистраты этих городов олицетворяли в своей деятельности некое более широкое общество, чем общество купцов и мещан, и решение о записи принимали самостоятельно.

Исследование терминологии показало, что в документах всех магистратов термины «мещанство», «гражданство», «городское общество» выступают как синонимы. Что касается термина «посад», то ни в одном городе, кроме губернского, он не расценивался как синоним городского общества. Термин «купечество» наиболее многозначен. Во всех городах он употребляется как для обозначения наиболее зажиточной части городского общества, так и для обозначения особого, отличного от мещан положения торгующих крестьян в городе, а также приезжих из других городов, обьявивших капитал по новому, обычно временному месту жительства.

Анализ этого комплекса документов позволяет предполагать, что правительство в конце XVIII в. проводило целенаправленную политику на формирование особого сословия – состояния «среднего рода людей» или мещан, которое по своему правовому положению должно являться промежуточным между дворянством и крестьянством⁸². Основой организации мещанского сословия, как и дворянского, были территориальные объединения, в данном случае – городские гражданские общества, полноправными членами которых были лишь купцы и мещане, записанные в ревизскую сказку города, плативие по городу сорокаалтынную подать либо проценты с капитала.

Государство поддерживало существование городских обществ, преследуя прежде всего фискальные цели: облегчить процесс сбора и учета подушных денег и процентов с купеческих капиталов с членов данного общества и выполнение ими целого ряда повинностей в пользу государства. Все податное население страны, в том

числе мещанство, было привязано ревизскими сказками к тому или иному обществу. Для мещан такими обществами стали городские гражданские общества городов, где они были положены в подушный оклад. Человек, принадлежащий к мещанскому сословию, но положенный в подушный оклад, например, в Калуге, и переехавший в другой город в интересах своего дела, даже при условии уплаты в этом городе мещанских податей и исполнения повинностей, не являлся членом данного городского общества до той поры, пока не оказывался внесенным в ревизскую сказку города. Он, как и торгующий крестьянин, был лишь приписан к нему. Таким образом, ни принадлежность к мещанскому сословию вообще, ни запись в одну из купеческих гильдий данного города или ремесленные цехи, ни внесение в городскую обывательскую книгу на основании владения недвижимостью еще не обеспечивали в полном объеме прав гражданина данного города.

Если для мещанина – члена одного городского общества приписка к другому была относительно проста и, как показало проведенное исследование, постепенно свелась к решению этого вопроса между двумя городами и уведомлению об этом казенной палаты, то для крестьян эта проблема оставалась практически неразрешимой и в конце XVIII в. Получая «увольнение» от своего начальства и разрешение на приписку к какому-либо городскому обществу, ни казенный, ни экономический крестьянин не получали при этом прав городского гражданства и тем более мещанского звания. Что касается помещичьих крестьян, то их включение в состав мещанства осуществлялось достаточно просто, особенно в период четвертой ревизии, однако наплыв крестьян в город привел к тому, что правительство, опасаясь роста цен и возникновения беспорядков в городах, стало уже на завершающем этапе переписи ограничивать приток крестьян в города. В ограничительных указах не следует видеть усиление крепостнических тенденций, это был лишь еще один компромисс Екатерины Великой с жизненными реалиями.

Приписанные к городу крестьяне при желании могли заниматься торговлей и ремеслом на территории города или, по терминологии Жалованной грамоты, «промышлять мещанским промыслом» при условии, что будут наравне с членами городского общества нести «мещанские подати, службы и тягости как личные, так и вещественные», но при этом они не приобретали прав городского гражданства и не изменяли своего состояния – сословной принадлежности. Такая политика имела своей целью обеспечить условия для нормального развития торговли и промыслов и в то же время сократить приток сельского населения в город. Сельские жители, проживающие в городе без ежедневных занятий трудом, в наемных жилых помещениях, создавали криминогенную обстановку, увеличивали цены на продукты и т.д.

Исследование дел о записи в различные категории горожан подтверждает вариативность систем выборных городских структур в различных городах и неясность ситуации с вопросом, какая из них представляла городское общество. Через призму этих дел вариативность управления видится еще более значительной, чем это могло показаться при исследовании других документальных комплексов. Результаты исследования данной категории дел поставили задачу выявления новых документальных комплексов, которые смогли бы более точно ответить на пока еще не ясные вопросы о структуре выборных органов городского управления и взаимоотношениях между ними в период проведения одной из крупнейших в России реформ управления, а также помогли бы понять проблему городского гражданства.

В решении вопроса о записи в число горожан выходцев из Польши и детей церковнослужителей мы также видим некоторую неопределенность и возвратную направленность политики правительства к концу четвертой ревизии, значительную вариативность в разделении полномочий между городскими структурами, и эволюцию в делопроизводственном оформлении этого вопроса во времени. Выходцев из Польши, видимо, было очень много, и в ряде городов был поставлен вопрос о целесообразности их освобождения от податей на 6 лет. 15 июня 1782 г. в города был послан указ о взыскании с этой категории лиц денег по мещанству или процентов по капиталу, поскольку, как было сказано в разосланном указе ТНП, освобождение их от налогов предусматривалось на случай, если выходцы поселятся на пустующих землях, а записываясь в купечество и мещанство, «беспрепятственно с самого того ж времени могут они упражняться в торгах и промыслах и вследствие сего и велено с выше прописанных, в вышневолоцкое купечество поступивших, процентные по объявленному от них капиталу деньги взыскивать с прочими гражданами наряду»⁸³.

В нашем распоряжении имеются дела, подтверждающие факт действия этого правила. Кроме прочего, они позволяют проследить роль различных городских управленческих структур в решении этого вопроса. Рассмотрим случай записи в Ржевское мещанство бывшего крестьянина – выходца из Польши Петра Козмина. Вместе с указом ТНП во Ржев был прислан П. Козмин и сведения о нем, полученные в ходе его допроса. Магистрат принял решение привести Козмина к присяге, «потом ево в силу прописанного всемиростивейшаго манифеста записать во ржевское мещанство, а для внесения к городovým делам в книгу взыскиваний с него казенных податей всходственность предписания Тверского наместнического правления послать к городovому старосте Немилову указ, при котором и ево, Козмина, препроводить, о чем во известие и Ржевскому уездному казначейству сообщить»⁸⁴. Таким образом, в ситуации

связанной с записью выходца из Польши, городского старосту Ржева предполагалось лишь поставить в известность о факте записи и необходимости внести записанного в книгу сбора податей, не оставляя ему и городскому обществу никакого выбора. Текст указа, сохранившийся в виде отпуска, повторяет содержание резолюции магистрата⁸⁵. Таким образом, в условиях поощрения правительством записи реэмигрантов в число горожан согласие городского общества не было обязательным и магистрат сам решал этот вопрос⁸⁶. Это чрезвычайно важно, поскольку в других ситуациях право решения принадлежало городскому обществу Ржева во главе со старостой.

В Вышнем Волочке решение о записи выходцев из Польши в состав горожан также принимал магистрат и ставил об этом в известность городского старосту. В хорошо сохранившемся комплексе документов вышневолоцкого городского старосты есть подлинный указ магистрата. Он вначале передает текст указа ТНП, предписывающего принять нескольких человек, вышедших из Польши в Вышневолоцкое мещанство, и затем собственное решение магистрата по этому поводу. Оно предписывало «записать (выходцев. – Н.С.) в вышневолоцкое мещанство и о том в наместническое правление рапортовать, а к городскому правлению дать знать указом»⁸⁷.

При исследовании дел о записи членов семей церковнослужителей в число горожан мы видим решающую роль магистратов, однако далеко не во всех случаях: вариативность и здесь была значительна. Одно из дел Ржевского магистрата интересно тем, что показывает нам реализацию на практике предписаний о незаписывании в число горожан лиц, не имеющих промысла и жилья в городе. В Ржевском магистрате в 1783 г. в связи с поступлением указа ТНП о записи в число горожан «церковника» Федорова было принято решение послать указ городскому старосте «и велеть при собрании ржевскому гражданству объявить с тем, что, оное реченного церковника Федорова во общество мещанское принять желают ли?». В ответ на полученный указ староста прислал приговор общества с отказом принять Федорова в мещанство. Он был обоснован тем, что проситель не может себя прокормить и купить или построить дом и по этим обстоятельствам во ржевском обществе «бесполезен»⁸⁸.

Иная ситуация прослеживается в Бежецке. В нашем распоряжении имеется дело с указами магистрата, поступившими городскому старосте в 1793 г. Один из них сообщал, что в силу «полученного из Тверской казенной палаты в Бежецкой магистрат указа и учиненной в сем магистрате резолюции церковники Бежецкаго уезда погоста Бежиц понамарев сын Василей Иванов и дьяконов сын Козма Сидоров по объявленным от них желаниям, Иванов по имеющемуся у него 1005 рублей капиталу в бежецкое купечество, а Сидоров в бежецкое ж мещанство с начала сего 1792-го года записаны. К све-

дению ж о той их записке и о взыскивании с показанного Сидорова с начала сего 792-го года по мещанскому окладу податей и о доставлении в платеж в бежецкое уездное казначейство тебе, городовому старосте Фуфлыгину, сим и предписывается»⁸⁹. Как видим, согласия общества г. Бежецка на запись в число горожан выходцев из среды церковников не требовалось, решение принимал магистрат.

Исследование дел, сформированных по тематическому принципу и посвященных проблеме пополнения численности горожан, свидетельствует, что в городах сосуществовали по крайней мере два общества: одно – подчиненное городскому старосте, другое – более широкое, прием в состав которого осуществлялся магистратом, без согласия общества городского во вдове со старостой. Предположение о сосуществовании двух обществ подтверждается и исследованием законодательства и ряда других делопроизводственных дел, в частности, составом дел о выборах к различным городским должностям. Напомним состав одного из них.

В Торжке собрание по выборам городского старосты и судей словесного суда на 1783 г. было назначено на 29 декабря. Это было собрание тех же «поверенных выборщиков» «от всего города Торжка купечества и мещанства», которые в конце 1781 г. выбирали городского голову на предстоящее трехлетие. Накануне этого дня на заседании магистрата присутствующие пришли к мнению, что нужно воспользоваться этим собранием и провести на нем выборы в ларечные, целовальники, а также двух человек к «особливым весам» при соляном и питейном магазинах, а также сборщиков подушных денег, процентов с купеческих капиталов, денег на нужды общества. Выборы этих лиц должны были осуществляться не «от всего города Торжка купечества и мещанства», а из «из гражданства земской избы». В ходе собрания 29 декабря были произведены и те, и другие выборы, а результаты их представили в магистрат два человека – городской голова и городской староста. При чем староста сообщал о выборах на должности, к которым выбирали «из гражданства земской избы».

Эта ситуация интересна тем, что, с одной стороны, позволяет отождествлять «всех города Торжка купцов и мещан» с городским обществом, поскольку согласно ст. 26 Учреждений о губерниях⁹⁰ городской староста и судьи словесного суда должны были выбираться «городским обществом», с другой – противопоставляет «городское общество» «гражданству земской избы». Видна и парадоксальность ситуации: городской староста, избираемый «поверенными выборщиками» всех купцов и мещан города, представляет не всех купцов и мещан, «а граждан земской избы»⁹¹. Подтверждением служит не только тот факт, что он представил приговоры общества о выборе ряда должностных лиц, деятельность которых связана именно с выполнением повинностей по гражданству, но и то об-

стоятельство, что в записях журнала заседаний Новоторжского магистрата за 1778 г. городской староста, как правило, обозначен как представитель земской избы, о чем мы уже говорили. В журнале за 1782 г. представлены рапорты городского старосты, но нигде не говорится, что он представляет земскую избу, и лишь текстуальное исследование записей журнала за последние дни года выявило его реальное, вопреки законодательству, положение в городе, по сути – прежнее. Эти данные важны, так как показывают факт существования в городе двух обществ: граждан земской избы, которые выбирались к разного рода повинностям и «общества всех города Торжка купцов и мещан».

Некоторую ясность в проблему вносит исследование записей журналов заседаний, отражающих пополнение численности горожан. Оно также позволяет сделать некоторые уточнения, а подчас и существенные коррективы в выводы, которые напрашиваются при исследовании предметно-тематических дел, согласно результатам изучения которых запись в число граждан должна отражаться прежде всего в решениях городского общества, а значит, в его приговорах, которые поступали в магистрат. Однако исследование записей журналов заседаний за 1782 г., когда проходила четвертая ревизия, поставило это наблюдение под сомнение. В журналах эту проблему отражают записи содержания рапортов городского старосты, прошения частных лиц, указы ТНП. Рассмотрим сначала рапорты городского старосты Торжка.

В этом году в Новоторжский магистрат поступило 30 рапортов городского старосты, практически все они сопровождалось приговорами «купечества и мещанства» («гражданства») города⁹². Удивительно мало, всего лишь семь из них, было связано с записью в число горожан. Общество во всех семи случаях выражало свое согласие на прием в состав городского общества. Все семь приговоров общества по данному вопросу, кроме одного, относятся к июню, к завершающим дням четвертой ревизии: 6 июня было прислано 2 приговора, а 23 – 4. Они выражали согласие принять в состав гражданства тверского мещанина Е. Зазыкина, крестьянина М. Тимофеева с бывшей фабрики А. Тавлеева вместе с членами семьи, детей отставного капрала, незаконнорожденного сына одной из горожанок, в четырех приговорах выражалось согласие членов городского общества принять в свой состав детей священнослужителей, причем в каждом из них указывалось по несколько фамилий. Малочисленность рапортов старосты и прилагавшихся к ним приговоров, посвященных этой проблеме, нельзя не заметить, ведь одних только указов ТНП по этому поводу в Торжок поступило более 60.

Среди 125 до документов, поступивших от частных лиц, 60 были также связаны с проведением переписи и записью в число жителей Торжка. При этом восемь просьб поступило от людей, записанных

по третьей ревизии в новоторжское гражданство, но в период проведения четвертой переписи проживавших в других населенных пунктах⁹³. Через поручителей или личным письмом они обычно выражают просьбу внести их и членов их семей в новую ревизскую сказку «обще с здешним гражданством».

16 просьб поступило от крестьян – мужчин, отпущенных на волю. Просьбы поступали в разное время – с марта по 30 июня включительно. Две поступили уже после срока завершения ревизии и по их поводу было принято решение просить резолюции ТНП, запись остальных была осуществлена волею магистрата⁹⁴. Мужчины, как правило, записывались семьями. Заслуживает внимания тот факт, что среди людей, добровольно поступивших в рекруты, двое носили фамилии вновь записанных крестьян.

В журнале также записана просьба дворцового крестьянина о записи его в 3-ю гильдию по знанию кожевного мастерства и имению «свойства к хлебопашеству». Он представил приговор своего сельского общества, но так как «увольнения от главной конторы» не было, то ему сразу было отказано в просьбе (22.03).

Интересная ситуация сложилась с женщинами, отпущенными помещиками на волю или «в замужество». Практически все они оказались незамужними. Среди 29 просительниц была одна вдова, 4 «бывших крестьянских женки», остальные – «бывшие крестьянские девки». Из 29 просьб 18 были рассмотрены в один день, 30 июня – последний официальный день проведения переписи в Тверской губернии, еще 9 в течение июня, и 2 – уже в июле.

Как правило, прошения от имени этих женщин подавали мужчины, Семен Бородулин, например, 30 июня подал прошения от имени шести женщин, П. Масленников – от имени двух, причем обе они проживали в доме И. Морозова меньшого, И. Сапожников также подал просьбы от имени 2 женщин, которые были отпущены «в замужество» в дом И. Морозова меньшого, но «остались без замужества». Такие женщины жили в доме братьев Вишенских, Мокошевых, у Я.И. Морозова, И.Я. Морозова, К.К. Кутафьева, И. Дедова. Об этих женщинах журнал обычно сообщает кроме имени и фамилии год получения вольной и фамилию бывшего владельца (в качестве бывших владельцев крестьянок наиболее часто фигурируют П. Львов, В. Тыртов, помещики Свечины), иногда фамилию человека, за которого ее предполагалось отдать замуж. Марья Леонтьева, бывшая крестьянка помещика В. Тыртова, так рассказывает о своей судьбе: она была отпущена «в замужество на выход» за Анисима Федорова, проживавшего в доме купца Ф. Вавулина, но «за приключившейся ей болезнью, а ево, Федорова, за отдачею от новоторжского гражданства на поселение осталась без замужества» (30.06). Устинья Иванова была отпущена «в замужество на вывоз» в дом новоторжских купцов Л. и И. Вишенских за живущего при до-

ме их работника Василия Семенова, но «по приключившейся ей болезни» и нежеланию Василия «оставшись без замужества» пожелала вступить в Новоторжское мещанство (01.06).

Все эти женщины были записаны в мещанство решением Новоторжского магистрата, при этом тексты решений членов магистрата в связи с этими просьбами не предписывают испрашивать согласия городского общества или просить резолюции ТНП. Решение обычно сводилось к фразе: «Выписав из законов, доложить», иногда к этому добавлялось: «Дело считать решенным».

С проведением ревизии было связано еще 7 прошений: И.С. Семенов прислал письмо из Полоцка, где просил «выключить его из купечества», если он в него записан, так как решил продолжать статскую службу (11.07). Справка сообщает, что проситель вместе с братом числится в мещанстве Торжка и исключить его оттуда без повеления нельзя.

Служитель помещика А.Д. Лодыженского просил сообщить сведения о том, сколько и кто именно из крестьян его помещика, проживающих в Торжке, умерло, сколько детей у них родилось. Эти данные нужны были помещику для внесения в ревизские материалы по поместью (28.07).

Отставной капрал Ф.И. Козелков просил записать его и его детей в мещанство. Решение предписывало обратиться к городничему и «истребовать уведомление не имеются ли в написании помянутого капрала Козелкова дети с прочими находящихся в Торжке отставных военнослужащих детьми в списках и не выдается ли на воспитание их казенные провиант или деньги» (18.05).

Мещанин А. Теревенин просил записать «в гражданство» его приемного сына. Ребенок был подброшен, а своих детей у него не было (26.05). Магистрат принял решение сначала поискать родителей ребенка, дав «публикацию» через городничего, и, если они не обнаружатся, записать ребенка в гражданство приемным сыном Теревенина, дав при этом Теревенину «выпись с подтверждением во оной, чтоб он, Теревенин, того младенца содержал и воспитывал всегда честно и добропорядочно, а по пришествии в возраст обучил его приличному его по состоянию своему промыслу неупустительно, дабы мог он быть как ему, Теревенину, так и обществу полезным».

Несколько человек, выбывших из Польши (А. Алексеева, К.М. Бабакин, И. Гурьев), просили записать их в новоторжское мещанство (07.03, 08.03, 18.05). По поводу каждой из просьб следовало просить резолюции ТНП.

В указах, поступивших из ТНП и кратко зафиксированных в журналах, также содержится масса информации по проблеме формирования городского общества и пополнения числа городских жителей. Большой интерес представляют тексты справок и решения магистрата по поводу этих указов. Их совокупность вносит много

ясности в проблему городского гражданства и, главное, дает ориентиры в численности лиц, записанных в ходе ревизии в число новоторжцев на тех или иных основаниях, чего нельзя выяснить даже приблизительно из дела, сформированного в Новоторжском магистрате в 1782 г. и специально посвященного проблемам записи в число горожан. Согласно журналу, в 1782 г. в Торжок поступило 62 указа из Тверского наместнического правления, связанных с проведением ревизии и с записью представителей различных сословий, выходцев из других городов и резимгрантов из Польши в число купцов и мещан города.

Среди указов о пополнении числа мещан (граждан) города выделяется серия, связанных с записью в их число детей церковнослужителей. Они просят справиться у «гражданства», согласно ли оно включить то или иное лицо в число «мещан» и «за него бездоимочно казенные подати платить»; о решении необходимо было сообщить в правление. В резолюциях по поводу этих указов всегда содержится пункт о посылке указа аналогичного содержания городскому старосте. Последний в ответ присылал рапорт с приложением приговора общества купцов и мещан. Общество, как правило, выражало свое согласие, о чем магистрат и сообщал правлению. В ответ обычно снова получал указ, но уже санкционирующий прием и предписывающий привести новых граждан к присяге. В резолюции магистрата обычно значится: «Выписав из законов, доложить». После составления выписки из законов и доклада членам магистрата дело считалось решенным. Таким образом, записи журнала заседаний г. Торжка свидетельствуют о решающей роли ТНП в ситуациях, касавшихся записи в мещанство детей церковнослужителей. При этом речь шла о записи их именно в состав городского гражданства. Городское общество всегда соглашалось с указом, тем не менее нельзя не отметить, что ТНП не приказывало записать детей священнослужителей, а предписывало магистрату спросить согласия городского общества. Таким образом, исследование комплекса записей журнала магистрата Торжка, отражающих записи в число горожан детей священнослужителей, позволяет говорить, что магистрат играл роль посредника между двумя инстанциями: городским обществом и ТНП. Главное решение принимало общество купцов и мещан. И хотя в записях журнала Торжка нам не встречалось случая, когда городское общество выражает сопротивление «предложению» ТНП, однако такие случаи были, и выше говорилось об одном из них. Это позволяет считать, что именно решение городского общества было главным в этой делопроизводственной цепочке. При проведении количественных подсчетов следует иметь в виду, что в указах по поводу записи в гражданство детей церковнослужителей, как и в приговорах, выражающих согласие общества, значится по несколько фамилий одновременно⁹⁵.

В одном указе речь шла о «причислении» к новоторжскому мещанству тверского мещанина Евстрата Ларионова Зазыкина, «если здешнее гражданство принять его желает и он, проситель, подлинно в здешнем городе жительство имеет» (22.06). В связи с этим указом в магистрате было предписано: справиться, есть ли у Зазыкина дом в городе; послать указ городскому старосте, сочинить протокол, если граждане согласны⁹⁶.

В 13 указах ТНП речь шла о записи в число мещан города Торжка выходцев из Польши, бывших беглых людей, т.е. реэмигрантов. Инициатива не всегда исходила от ТНП: в пяти из семи случаев указ правления являлся ответом на доношение магистрата и содержал согласие на включение «вышедших из-за границы беглых российских людей» в городское гражданство. Решение магистрата в этих случаях требовало сделать выписки из указов и доложить. Как видим, процедура была аналогичной записи в число горожан детей церковнослужителей, но в целом – еще более простой и короткой. Лишь в случае с Кононом Бабакиным вместо ожидаемого согласия ТНП предписало обязать выходца подпискою «с поруками» не отлучаться из города. Еще два указа правления сопровождали лиц, подлежащих записи в новоторжское мещанство, или предвещали их появление. В этих случаях магистрат предписывал взять с них «сказки» о возрасте, семейном положении (18.10) или подписку с поруками о неотлучке из города (27.04). Из числа указов, связанных с записью в новоторжское мещанство выходцев из Польши, четыре передавали собранные служащими ТНП сведения о них и сообщали имена и фамилии выходцев и констатировался факт их благонадежности. Например, указ, рассмотренный 6 мая сообщал, что вышедшая из Польши и желающая записаться в мещанство девка Агафья действительно «до побегу была барона Строгонова приказчика Сергея Капустина в услугах и в 1775 году из дому ево, из Твери, не учиня никакого преступления, бежала». Еще в двух случаях, наоборот, предписывалось узнать некоторые сведения у этих людей (07.05, 16.09). Например, у К. Бабакина следовало спросить, к какому наместничеству относится слобода Климово, из которой он, якобы, прибыл в Тверь.

Как видим, в ситуациях с записью реэмигрантов в новоторжское мещанство резолюции магистрата не содержат указаний на обращение к городскому старосте как руководителю общества граждан за согласием, по всей вероятности оно не требовалось.

Когда речь шла о записи в число купцов и мещан помещичьих крестьян и крестьян экономического ведомства, указы правления (их было 9) требовали взять с просителя подписку с «поруками» об уплате сборов по двум состояниям и о возвращении его «в первобытное состояние», если выйдет новое положение о записи крестьян в горожане и проситель не сможет выполнять содержащиеся в

нем условия. Решение магистрата по поводу этих указов не содержит пункта о передаче его текста городовому старосте, ограничиваясь предписанием взять подписку с крестьянина, сделать выписку из законов и доложить. Из этого следует, что согласия купцов и мещан в таких случаях, во всяком случае в ходе проведения четвертой ревизии, также не требовалось.

Нельзя не отметить указ, поступивший 9 июля: магистрату было отказано в просьбе о записи «в мещанство» Торжка сына экономического крестьянина. В этом случае не было нарушения сроков подачи просьбы, отказ мотивировался «неимением на то (на запись экономического крестьянина в мещанство. – *Н.С.*) закона» (09.06).

В двух указах речь шла о записи ямщиков из Старицкой ямской слободы и Медновского яма в новоторжское купечество. Их следовало записать на тех же условиях, что экономических крестьян, т.е. они должны были представить поручителей в уплате процентов по купечеству и «по прежнему званию за почтовую гоньбу по общественному ямщиков согласию деньгами, или о исправлении самой той гоньбы», и возвращении в прежнее состояние в случае, если они не смогут выполнять условия ожидаемого нового закона о записи в число граждан. Как видим, согласия общества и в этом случае не требовалось. Резолюции магистрата лишь повторяют суть указа, требуя записать ямщиков в купечество на указанных условиях (06.05, 07.06).

Один из указов предписывал записать в мещанство сына В. Григорьевой, «нажитого» уже после отдачи мужа на поселение (14.06). В этом случае члены магистрата постановили послать указ городскому старосте. С затруднениями происходила запись в мещанство Торжка Василия Буркова – сына отставного гвардии капрала К. Буркова. Этот процесс не один раз отражен на страницах журнала магистрата. Ему был посвящен и один из указов ТНП с требованием выяснить, действительно ли Василий родился после отставки отца. Кроме этого, магистратская резолюция предписывала выяснить, действительно ли бывший капрал живет на содержании отца (03.06). В конце концов и К. Буркова, и его детей приняли в состав граждан, о чем свидетельствует приговор, присланный в магистрат 23 июня.

Еще один указ отражал неясную ситуацию: он требовал привести к присяге присланных при указе «записавшихся в новоторжское купечество из разных чинов людей», а затем выслать их обратно. Нельзя не отметить, что он поступил 13 июля, в то время как официальный срок проведения ревизии по Торжку завершился 30 июня.

За время проведения ревизии (с начала года до 30 июня) в магистрат не поступило ни одного указа о записи в число горожан крестьян, отпущенных на волю. Отсутствие указов было связано с предоставлением магистратам права самим решать этот вопрос при

условии, что документы крестьян не вызывают сомнения в подлинности. О том, сколько таких крестьян было записано в ходе ревизии в городское общество, мы можем узнать только из прошений, которые поступали в магистрат от частных лиц. Судя по резолюциям, магистрат сам принимал решение о записи таких крестьян, не обращаясь за согласием к обществу купцов и мещан.

Из этого правила есть несколько исключений, которые лишь подтверждают правило. Намного позднее срока окончания ревизии (в ноябре и декабре) в магистрат поступили 4 указа, санкционировавшие запись в новоторжское мещанство вольноотпущенных крестьян. В этих случаях резолюции магистрата ограничивались предписанием взять с крестьян «сказки» и сделать выписки из указов «о записке таковых вольных людей в посады», в них нет даже указаний на доклад членам магистрата, не говоря уже об обращении к городскому обществу. Проявление активности ТНП в данных ситуациях связано исключительно с тем, что ревизия уже была завершена, а после официального срока ее завершения магистраты потеряли право записывать вольноотпущенных крестьян в горожане своим решением.

Еще в ряде случаев вмешательство ТНП в процесс записи вольноотпущенных крестьян в число горожан было обусловлено сомнениями в подлинности документов, которые представляли крестьяне. В трех случаях указы ТНП, будучи ответом на доношение магистрата, сообщали, что уездному суду предписано «войти в надлежащее рассмотрение отпускной», которая оказалась членам магистрата подозрительной (18.10, 09.12, 14.12). Вероятно, именно потому, что большинство отпускных подобных подозрений не вызывало, в журнале зафиксировано так мало указов, санкционирующих запись бывших помещичьих крестьян в мещанство.

Как видим, совокупность записей журнала г. Торжка за 1782 г. определенно говорит, что в большинстве случаев прием в число горожан осуществлялся решением магистрата без обсуждения вопроса с обществом купцов и мещан во главе со старостой. Следует также сказать, что при исследовании процесса пополнения числа горожан и делопроизводственной процедуры, его фиксирующей, журнал заседаний оказывается более репрезентативным источником, чем дела, сформированные по предметно-тематическому принципу. Он отражает количественное пополнение городского населения, а за счет фиксации делопроизводственных процедур позволяет получить представление о взаимоотношениях властных государственных структур и органов самоуправления, и дает очень существенные данные о характере взаимоотношений магистрата и городского общества во главе со старостой, не оставляя никаких сомнений, что магистрату подчинялся более широкий круг торгово-промышленного населения городов, чем население, составлявшее город-

ское общество, подчиненное старосте. В целом наблюдения, сделанные при изучении на основе записей журналов о содержании документов, поступавших в магистрат от различных управленческих структур, подтверждают, выводы, полученные на основе исследования тематических подборок документов.

Одним из важнейших является вывод о том, что следует различать общество купцов и мещан, подчиненное городскому старосте и тождественное «гражданам земской избы», и совокупность купцов и мещан города, более широкую по составу, чем городское общество. Применительно к Торжку, благодаря исследованию и сравнению различных категорий документов, этот вывод не вызывает сомнений. Что касается других городов, то на сегодняшнем этапе исследований можно предположить, что аналогичная ситуация существовала в Волочке, Бежецке, Ржеве. Запись в мещанство выходцев из Польши, вольноотпущенных крестьян, а также приписка к купечеству экономических крестьян, или мещан, положенных в оклад по другому городу, осуществлялась в этих городах решением магистрата, без обращения за согласием к городскому старосте и обществу, во главе которого он стоял. Общество, подчиненное городскому старосте, было объединено прежде всего взаимной поручкой в выполнении разного рода повинностей, выплате городского оклада. Наши наблюдения в значительной мере совпадают с выводами, сделанными В.В. Рабцевич на сибирских материалах, о существовании в городах Сибири двух общин: посадской и территориальной. Однако вопрос о том, можно ли отождествлять городское общество и «граждан земской избы» Торжка, Ржева, Вышнего Волочка с посадской общиной, требует уточнения и дополнительных исследований. Во главе более многочисленного, «всех города Торжка купцов и мещан» общества стоял магистрат, и поэтому именно магистрат принимал решение о пополнении числа горожан в ходе ревизии выходцами из Польши, вольноотпущенными крестьянами, крестьянами экономического ведомства и другими категориями населения. И хотя многое еще остается не ясным, но все же можно говорить, что круг лиц, подведомственных магистратам, был шире круга «граждан земской избы», а значит, построения А.А. Кизеветтера, характеризующие магистрат как верхний этаж посадского управления, не верны. Несомненно ближе к истине концепция И.И. Дитяткина, которая говорит о магистратах как об органах управления всем торгово-промышленным населением города, даже если оно включает крестьян или дворян, не положенных в городское (посадское. — *Н.С.*) тягло. Уплата по городу подушного сбора или сбора за право заниматься торговлей и промыслами вводила людей в круг лиц, подведомственных магистратам, но не делала их членами городского общества, подведомственного городскому старосте.

Дела по отводу земли и выдаче «данных» встречаются в составе всех фондов городских магистратов Тверской губернии, но в фонде Новоторжского магистрата их численность выше, к тому же лишь в делопроизводстве магистрата Торжка практически на каждое прошение об отводе земли или выдаче «данной» заводилось самостоятельное дело, что значительно облегчает их исследование.

В составе фонда Новоторжского магистрата нами было выявлено около 270 таких дел за последнюю четверть XVIII в., что составляет около 20% от общего числа единиц хранения фонда за этот период. 250 из них вошло в состав описи № 2, остальные учтены в описи № 1.

Дела по отводу земельных участков наряду с делами о рекрутских наборах и явке купчих составили первую часть описи № 2. Она не имеет никакой внутренней систематизации в отличие от последующей части, составленной по хронологическому принципу, и написана почерком, который не встречается на следующих страницах. Описательные статьи описи содержат сведения о порядковом номере дела, его содержании и количестве листов в нем. Лишь полистный просмотр позволил датировать дела, уточнить их заголовки, выборочно проверить и установить достаточно высокое соответствие описательных статей описи и заголовков дел их содержанию. На каждое дело была составлена карточка с указанием порядкового номера по описи, заголовка дела с его обложки, как более подробно отражающего содержание, количества листов и хронологических рамок документов. Фиксировался также состав документов в деле.

При систематизации карточек прежде всего выяснилось, что дела исследуемого комплекса очень неравномерно распределены по годам. 1778 годом датировано 1 дело, 1779 – 3, 1780 – 8, 1781 – 6, 1782 – 4, 1783 – 7, 1784 – 8, 1786 – 29, 1787 – 21, 1788 – 15, 1791 – 39, 1792 – 32, 1793 – 12, 1794 – 25, 1795 – 19, 1796 – 18, 1797 – 9, 1798 – 3. Дела по отводу земли за 1789 г. сброшюрованы в «столп», в нем – 37 прошений⁹⁷, дела за 1785, 1790 и 1799 гг. не были обнаружены. Наибольшее количество дел, как видим, решалось в 1786–1794 гг.

Дела за 1778–1779 гг. представляют собой неупорядоченные подборки документов об отводе земли. По ним трудно представить ход делопроизводства по данному вопросу, тем не менее изучение содержания отдельных документов и анализ делопроизводственных помет позволяют реконструировать состав «идеального» дела. В него входили следующие документы: 1) прошение в магистрат об отводе земли⁹⁸; 2) указ магистрата в Новоторжскую земскую избу о необходимости рассмотреть вопрос об отводе участка данному просителю⁹⁹; 3) приговор собрания купцов и мещан во главе с городским головой об отводе места¹⁰⁰; 4) пространная «инструкция»¹⁰¹

или краткий «приказ»¹⁰² магистрата ученику архитектора и «выбанным к отводу земли» об освидетельствовании участка, который выделил просителю магистрат; 5) рапорт ученика архитектора об освидетельствовании места, с указанием его размеров и фамилий владельцев соседних участков¹⁰³.

Несомненно, что отвод земли под дома в эти годы происходил с согласия собрания купцов и мещан города, но в приговоре собрания не указывалось конкретное место, отводимое просителю, его выделял магистрат.

Исследование делопроизводственных помет позволяет установить, что состав дел не отражает большой справочной работы магистрата, которая состояла в выяснении следующих обстоятельств: 1) не отводилась ли раньше земля этим просителям; 2) являются ли те участки, на которые они претендуют, посадскими; 3) назначены ли они по плану под жилые дома; 4) не застроены ли они кем-то другим и не отведены ли ранее кому-нибудь другому¹⁰⁴. Не удалось установить, на основании каких документов наводились подобные справки, но хранились они, вероятно, в магистрате, иначе «следы» справочной работы дошли бы до нас в виде переписки. Состав рассмотренных дел не отражает также обязательств просителей относительно использования отводимых им участков, но из пометы известно, что участки должны быть застроены по плану в течение года¹⁰⁵.

В деле за 1778 г. находится «сообщение» новоторжского городничего П. Львова в городской магистрат о том, что ему «велено за всем по плану строением иметь смотрение», в связи с чем он просит из магистрата «сведения сколько в городе Торжке во всех новых кварталах которых улиц, кому именно под строение места назначены и сколько в то число, кем именно по отводу застроено и не застроено, а затем – осталось ко отведению желающим строиться»¹⁰⁶. Список был составлен и передан городничему¹⁰⁷.

Фонд новоторжского городничего за данный период времени не сохранился, поэтому единственным источником, который помогает проследить процесс установления его контроля за отводом земли, являются записи журнала заседаний магистрата за 1778 г.¹⁰⁸. В этот год шесть сообщений городничего было связано с этой проблемой, они ярко демонстрируют изменения в разделении обязанностей городских структур при ее решении. В марте городничий еще просил сведения по поводу одного из отводимых спорных мест (19.03), что, несомненно, свидетельствует о хранении этих данных в магистрате, но уже в апреле он требует прислать сведения об улицах и кварталах города, о местах, уже отведенных под постройку и оставшихся пока свободными (16.04), а на другой день, ссылаясь на указы ТНП, просит не отводить места под строение домов без его согласия (17.04). На последнее сообщение члены магистрата отреагировали с явным беспокойством, было решено справиться, действительно

ли были такие указы ТНП и «предложения» Сиверса. Оказалось, что они были.

Последующие сообщения городничего позволяют говорить о расширении его полномочий. В одном из сообщений городничий пишет, что нельзя удовлетворить просьбу И. Дахина об отводе ему земли позади Воскресенского девичьего монастыря, так как согласно «предложению» Сиверса там могут строить дома лишь дворяне (29.11). Большой интерес представляет сообщение городничего о том, что он дал «приказ» архитекторскому ученику З. Бителеву об отводе места под строение каменного амбара с воротами (01.06). Это единственное свидетельство, позволяющее думать о прямом подчинении архитекторского ученика городничему уже в 1778 г., и оно противоречит наблюдениям, сделанным на основе реконструкции сохранившихся дел. Скорее всего, в данном случае мы встречаемся с исключением, а не с правилом. Более того, нет оснований считать, что городничий получил право распоряжаться городской землей, вероятно, речь идет о его контроле за соблюдением плана застройки города. Об этом говорит тот факт, что 2 июля в магистрат поступило сообщение городничего об отведении земли новоторжскому Воскресенскому девичьему монастырю взамен отошедшей под строительство дороги. Получив его, магистрат принял решение послать указ старосте об отводе земли.

Документы земской избы, поступившие в этот год в магистрат, и резолюции по ним также не позволяют думать о передаче данной функции городничему. В магистрат поступило 8 приговоров земской избы, санкционирующих отвод земли тому или иному просителю. Таким образом, право земской избы распоряжаться земельным фондом подтверждается и записями журнала магистрата г. Торжка за 1778 г. Однако в течение этого года существенно меняется роль магистрата в этом процессе. Еще в феврале и марте после поступления приговора земской избы об отводе места тому или иному просителю магистрат принимал решение справиться «по магистрату», свободно ли место, с «генеральным планом» можно ли его отвести и лишь затем следовало посылать ученика архитектора для осмотра и измерения места (08.02, 14.03). А вот в ноябре магистрат, получив приговор общества об отводе земли И. Дахину, принял решение обратиться к городничему с просьбой сообщить, «под каким номером ему отвести место» (23.11)

В течение ближайшего времени функция по отводу земли перешла городничему. Об этом говорит отсутствие в фонде магистрата дел по отводу земли под жилые постройки за 1780–1785 гг. В сохранившихся за этот период документах¹⁰⁹, в том числе в записях журналов заседаний¹¹⁰, речь идет об отводе участков под амбары и кузницы, а отвод дворовых мест в эти годы, вероятно, проходил через городничего, фонд которого не сохранился. Это предположение под-

тверждается тем обстоятельством, что в более поздних делах встречаются просьбы дать «данные» вместо «билетов», выданных городничим в начале 80-х годов, а также и сами «билеты», как приложения к прошениям¹¹¹. Однако в эти годы роль магистрата как хранителя информации, связанной с владением горожанами недвижимостью, заставляет городничего часто обращаться сюда за разного рода справками. Об этом свидетельствуют записи изученного нами журнала заседаний Новоторжского магистрата за 1782 г.¹¹². Например, городничий требовал сведения, действительно ли купцу И.П. Масленникову принадлежит одно из лавочных мест в Рыбном ряду, где ему отведено новое место, следует ли отвести Масленникову место под амбар. В ответ магистрат, располагая сведениями о недвижимости горожан и способах его приобретения, сообщил, что лавочное место досталось И.П. Масленникову от дяди, Федора Буркова, и предупредил, что место под новый амбар ему уже отведено (14.02).

С 1786 г. дела об отводе мест и выдаче «данных» под жилые постройки вновь появляются в делопроизводстве магистрата. С этого времени они оформляются аккуратно и тщательно. На каждое прошение заводили самостоятельное дело. Лишь изредка те из них, которые не были решены за нехождением просителей, подшивались в конце года вместе, образуя «столп»¹¹³.

Рассмотрим, как проходило делопроизводство по отводу земли и выдаче «данных» в 1786–1791 гг. После получения прошения об отводе земли из городского фонда или о выдаче «данной» в магистрате составляли «приказ» ученику архитектора об освидетельствовании места. Последний со своим помощником и представителем магистрата обмеряли участок, выясняли, нет ли возражений или притязаний со стороны соседей. О результатах освидетельствования составлялся рапорт. Он подшивался к делу вместе с прошением и «приказом». После освидетельствования дело слушалось на совместном заседании членов магистрата и городничего. Копия решения заседания обычно входит в состав дел по отводу земли. В делопроизводстве магистратов оно называлось «особым протоколом». В ходе того же заседания или вскоре после него оформлялся подлинник «данной». Подписанный городничим и членами магистрата, заверенный магистратской печатью, подлинник вручали просителю. Получая «данную» на еще не застроенный участок, горожанин должен был подписать обязательство построить его в положенные по закону сроки. Оно вместе с копией «данной» подшивалось к делу¹¹⁴. В том случае, если участок был уже застроен, обязательство не требовалось¹¹⁵. Собрание купцов и мещан теперь, как видим, не участвует в решении вопроса об отводе земли. Отстранение этой структуры городского управления от распоряжения землей было весьма логичным, учитывая, что перестройка городского управления шла в направлении создания сословных городских обществ.

Саму эту концепцию, по мнению И. де Мадариага, Екатерина позаимствовала в системе устройства германских городов, где «всякий владелец участка земли в городе, в том числе и дворянин, относился к *Burgerschaft* – сообществу жителей города, хотя не обязательно при этом принадлежал к третьему сословию – *Burgerstand*»¹¹⁶.

Начиная с 1792 г. в некоторых дедах наряду с документами, традиционно входящими в состав дел по отводу земли, встречаются отпуски сообщений городничему с пересказом содержания прошений, а делопроизводственные пометы дает этому факту следующее объяснение: «так как планы состоят у городничего»¹¹⁷.

В делах за 1794 г. причастность городничего к отводу земли является еще заметнее. Дела за этот год делятся на три основные группы по содержанию поданных прошений: 1) о выдаче «данных» на застройку ранее отведенных мест; 2) об увеличении размеров участков за счет близлежащих пустошей, переулков, а иногда и за счет участка соседа; 3) об отводе новых участков под строительство. Первая группа дел решалась в магистрате. Состав этих дел аналогичен делам предшествующих лет с той лишь разницей, что освидетельствование участков проходило без ученика архитектора¹¹⁸. Дела с просьбами об увеличении площади участков и об отводе мест под новые строения проходили через городничего. Магистрат посылал городничему сообщение с изложением содержания прошения. Городничий организовывал освидетельствование участка, после чего извещал магистрат об отводе земли (а иногда и об отказе в просьбе), сообщая о размерах участка и его местонахождении, если последнее не оговаривалось просителем. После этого в магистрате оформляли «данную», составляли «особый протокол», брали с просителя обязательство построить участок¹¹⁹.

С 1795 г. все дела, включая те, в которых содержалась просьба о выдаче «данных» на уже застроенные участки, велись через городничего¹²⁰.

Еще более существенными и значимыми были особенности делопроизводства в тех случаях, когда проситель выражал желание получить во владение участок, ранее отведенный другому лицу, но не застроенный им в положенные по закону сроки. В этих случаях в делопроизводственной цепочке кроме городничего появляется еще одно дополнительное звено – Тверское наместническое правление. «Данная» оформлялась лишь после согласия наместника на отвод места новому просителю¹²¹. Столь сложное в этом случае делопроизводство естественно, так как речь шла о прекращении права владения местом прежнего его владельца. Как видим, выполнение обязательства о застройке участка деревянным строением в три года, а каменным – в пять лет было необходимым условием для перехода земельного участка, отведенного под постройку дома, в полную собственность просителя¹²².

Нетрудно заметить, что с 1786 по 1795 г. совершился переход от совместного рассмотрения магистратом и городничим вопросов об отводе земли и выдаче «данных» к единоличному решению их городничим. К концу века не только собрание купцов и мещан, но и магистрат оказались отстраненными от решения этого вопроса. Деятельность магистрата в этой области как будто свелась к несколько формальному ведению делопроизводства. Такое перераспределение обязанностей, несомненно, свидетельствует о развитии города как единого социального организма и о постепенном расширении роли и влияния городничего в связи с этим процессом, однако роль магистрата все же оставалась очень существенной. Попробуем разобраться, в чем именно она заключалась.

Описательные статьи описи и заголовки дел связанных с отводом земли, имеют несколько вариантов. Уже первое знакомство с ними показывает, что магистратам в этом вопросе были подведомственны все категории горожан. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим некоторые из них:

«Дело по прошению новоторжского мещанина Сергея Баранова о даче ему на купленное им праздное место данной»¹²³;

«Дело об отводе места мещанину Василию Шейнину»¹²⁴;

«Дело о даче Андриану Маламахову места и данной»¹²⁵;

«Дело по прошению новоторжского купца Григория Реткина об отводе ему под строение дома собственного его в Новой Голландии места»¹²⁶;

«Дело по прошению новоторжского купца Андрея Алексева Попова об отводе ему праздного места купеческой вдовы Овчинниковой и о даче на владение оным данной»¹²⁷;

«Дело о даче мещанину Александру Торочкову на застроенное им место данной»¹²⁸;

«Дело по прошению мещанской вдовы Аксиньи Холщевниковой о даче ей на отведенное мужу ее Гавриле Холщевникову место для построения деревянного дома данной»¹²⁹.

Анализ дел по отводу земли и исследование делопроизводственных помет позволили установить, что с 1785 г. выдача «данной» была итогом ведения всех указанных разновидностей дел, даже в тех случаях, когда в заголовке не идет речь о «данной», а ее копии в деле не сохранилось. Выяснилось, что процесс делопроизводства, который предшествовал выдаче «данных», хотя и претерпевал некоторые изменения во времени, но изменения эти касались роли посадского схода, магистрата, городничего в нем. Для просителей же он совершался всякий раз от начала до конца вне зависимости от того, нужно ли было действительно выделить участок земли горожанину или требовалось лишь выдать «данную» на место, отведенное в прежние годы, купленное или доставшееся по наследству. Даже в том случае, когда дом был уже построен, выдаче «дан-

ной» предшествовал все тот же ритуал без каких-либо сокращений.

Просмотр дел позволил установить, что при всем многообразии заголовков всю совокупность дел исследуемого комплекса можно разделить на две группы: 1) дела до отводу земли и выдаче «данных»; 2) дела о выдаче «данных» на застроенные, а также на пустые купленные, доставшиеся по наследству или ранее отведенные дворовые места.

Несложно понять причины просьб городских жителей об отводе земли, тем более что они иногда изложены в прошении. Так, появление целого ряда дел было связано с отводом новых участков взамен отошедших по Генеральному плану под городскую площадь и дорогу¹³⁰. Церковнослужители просят об отводе им дворовых мест возле церквей, где они служат¹³¹. Новые участки земли требовались для расширения производства¹³², для строительства домов отделимым сыновьям¹³³ и т.д. Но почему горожане обращались в магистрат с просьбами о выдаче «данных» на ранее отведенные участки¹³⁴, на дворовые места, которыми они издавна владеют¹³⁵, на места купленные¹³⁶ и доставшиеся им по наследству¹³⁷? Городовые обывателя просили «данные» даже на застроенные участки¹³⁸.

Ответы на эти вопросы неразрывно связаны с вопросом о роли магистрата в делопроизводстве по отводу земли в выдаче «данных», в котором он, на первый взгляд, является лишним, ненужным звеном.

Еще петровская Инструкция городским магистратам возложила на эти учреждения учет дворов в городе. Учреждения о губерниях также предусматривали их контроль за куплей-продажей недвижимого имущества. Согласно Жалованной грамоте городам магистрат должен был «иметь книгу с описанием домов, строений, мест и земель городских под нумерами»¹³⁹. В соответствии с Городовым положением Екатерины II в городах также следовало составлять обывательские книги для учета городского населения. На основании различного рода документов горожан вносили в один из шести разделов обывательской книги¹⁴⁰. «Данные», свидетельствующие о наличии недвижимости, служили основанием для внесения в первый раздел обывательской книги¹⁴¹ (см. илл. 13).

Необходимо еще раз отметить, что лишь в Торжке дела о выдаче «данных» вели столь тщательно. Скорее всего потому, что для жителей города и его властей наличие недвижимости было главным среди критериев, определяющих принадлежность к городским обывателям. Это подтверждает и факт тщательного оформления первого раздела во всех известных нам обывательских книгах города¹⁴². Только здесь, в первом разделе, все графы всех обывательских книг города оформлены очень тщательно. Заполнение их во всех других разделах книг встречается, как исключение, лишь в том случае, если купец, ремесленник, посадский не имел дома или земельного участка и не был обозначен в первом разделе книги. Второй—пятый раз-

дела обывательских книг города Торжка после указания фамилии, имени, отчества горожанина, как правило, имеют отсылку на номер, под которым данное лицо записано в первом разделе книги.

Обывательские книги составляли специально избранные для этого депутаты. Книги учета недвижимости хранили и вели в магистратах, здесь же оформляли «данные», подтверждающие наличие дома или участка земли у горожанина. Здесь же выдавали аттестаты на получение денег под переводные векселя и на вступление в подряды, обязательным условием чего было наличие значительного объема недвижимого имущества. Магистрат уже не назначал конкретного места, но выдавал документы, подтверждающих факт владения им или какой-либо другой недвижимостью. Именно поэтому факт отвода городничим места под строение требовал обязательной фиксации его в магистратской книге недвижимых имений. По этим причинам Новоторжский магистрат и в конце XVIII в. был загружен перепиской по отводу земли и выдаче «данных».

Исследование комплекса дел новоторжского магистрата по выдаче «данных» свидетельствует, что возложенная на магистраты обязанность фиксации недвижимости всех горожан обусловила участие магистрата г. Торжка в делопроизводственной цепочке по отводу земли и выдаче «данных» даже в тот период, когда магистрат, вслед за посадским сходом, оказался отстраненным от участия в решении вопроса об отводе земли. То обстоятельство, что с просьбами об оформлении «данных», в том числе на уже застроенные участки, обращались не только купцы и мещане, но и священнослужители¹⁴³, дворяне¹⁴⁴, солдаты, их жены и вдовы¹⁴⁵, свидетельствует, что представители всех сословий в этом плане были подведомственны магистрату и, таким образом, именно это учреждение олицетворяло в какой-то момент реформ сообщество жителей города – владельцев участка земли в нем. Все должны были фиксировать собственность в магистрате и там же получать документы, подтверждающие наличие у них недвижимости. Передача в последующем этой сферы деятельности под контроль городничего являлась, на наш взгляд, вполне логичным развитием концепции устройства городов, заимствованной из германского права, когда сообщество жителей города составляют все владельцы земли. Отвод земли относится к сфере административной, поэтому был возложен на городничего, выдача «данных» – документального основания для владения выдавалась магистратом, единственным органом городского управления, имеющим право выдачи подобных документов. Внедрение в практику городской жизни принципа включения в сообщество городских жителей всех владельцев участков земли подготавливало почву для последующего введения имущественного принципа налогообложения, на основе которого и стало постепенно формироваться городское общество нового типа.

Подводя итог в целом по главе, следует сказать, что дела о записи в число горожан и записи журналов магистрата по этой проблематике, а также дела по отводу земли и выдаче «данных» подтверждают выводы о том, что именно магистрат в десятилетие реформ стал их оплотом, и именно это учреждение олицетворяло не только всю совокупность торгово-промышленного населения городов, но даже все население в целом, включая дворян. И с этой точки зрения утверждение И. де Мадариага о трех уровнях городских институтов: градском обществе как целом, выборной думе и выборного исполнительного органа – шестигласной думы¹⁴⁶ представляется весьма упрощенным. Эта схема не учитывает сложившего уже к 1786 г. принципа разделения властей и наметившегося разделения функций между городскими учреждениями. Магистрат также являлся всеобщим учреждением и к тому же долгое время оставался многофункциональным, а в период правления Екатерины II в практике жизни городов обладал более широкими полномочиями, чем дума. Кроме того, система выборных органов городского управления не ограничивалась всеобщими. На всем протяжении последней четверти XVIII в. огромную роль в управлении городами играли, например, городские старосты, являвшиеся представителями купцов и мещан. Они пока еще представляли традиционное городское общество – лиц, положенных в подушный оклад по городу. Это общество и старосты были подчинены структурам более высокого, действительно всеобщего уровня, таким, как магистрат, а позднее, с внедрением индивидуальных начал в выплате окладных налогов и тем более с утверждением налогообложения, основанного на имущественном цензе, – думам.

Примечания

- ¹ См.: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979; *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма.* М., 1979; *Массовые источники по социально-экономической истории советского общества.* М., 1979; *Массовые источники по истории Сибири.* Новосибирск, 1989.
- ² Примеры таких исследований можно видеть в изданиях: *Археографический ежегодник, Вспомогательные исторические дисциплины, Источниковедение отечественной истории, Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода,* а также в тематических сборниках статей, издаваемых различными научными центрами страны.
- ³ *Гузинская А.П.* Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. как исторический источник // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 107–118; *Казакевич А.Н.* Следственное дело А.С. Шеина под Воскресенским монастырем о восстании московских стрельцов 1698 г. // Исследование по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 152–169; *Мякушев С.Д.* Становление советского наградного делопроизводства (по материалам Президиума ВЦИК 1921–1923 гг.) // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 209–

212; *Рогожин Н.М.* Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981. С. 99–114; *Рянский Л.М.* Источниковедческая характеристика дел об опеке дворянских имений (первая половина XIX в.) // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982. С. 178–189.

⁴ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 91.

⁵ Ф. 166. Оп. 2. Д. 57.

⁶ Ф. 172. Оп. 2. Д. 701, 728.

⁷ Ф. 175. Оп. 2. Д. 689.

⁸ Ф. 165. Оп. 2. Д. 1160, 1713, 1926.

⁹ Ф. 166. Оп. 2. Д. 57. Л. 16–18, 24.

¹⁰ Там же. Л. 67–70, 82–85.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 82.

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Там же. Л. 68.

¹⁶ Там же. Л. 173–175.

¹⁷ Там же. Л. 173.

¹⁸ Ф. 172. Оп. 2. Д. 701. Л. 15–22.

¹⁹ Там же. Л. 120–127.

²⁰ Там же. Л. 120.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Ф. 166. Оп. 2. Д. 57. Л. 82.

²³ Ф. 172. Оп. 2. Д. 701. Л. 120.

²⁴ Там же. Л. 18.

²⁵ Ф. 175. Оп. 2. Д. 689. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Ф. 165. Оп. 2. Д. 1923.

³⁰ Там же. Д. 1713.

³¹ Там же. Л. 10–13.

³² Там же. Л. 3.

³³ Там же. Д. 1923. Л. 1.

³⁴ Ф. 172. Оп. 2. Д. 701. Л. 120.

³⁵ Там же. Л. 124.

³⁶ Там же. Л. 125.

³⁷ Ф. 166. Оп. 2. Д. 57.

³⁸ Там же. Л. 84.

³⁹ Ф. 175. Оп. 2. Д. 689. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 7 – 7 об.

⁴¹ Ф. 165. Оп. 2. Д. 1660. Л. 2 об.

⁴² Во вторую часть обывательской книги Крюкова внесли в нарушение закона. Как иногороднего купца его следовало записать в четвертый раздел книги (ПСЗ-1. Т. 22. № 16188, ст. 66). Нарушение было сделано с учетом того обстоятельства, что обывательскую книгу составляли на три года, а зачисление Крюкова ожидалось в самое ближайшее время.

⁴³ Ф. 165. Оп. 2. Д. 1713. Л. 1.

⁴⁴ Ф. 172. Оп. 2. Д. 728. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 1913.

⁴⁶ Там же. Д. 1772.

- 47 *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 3.
- 48 ПСЗ-1. Т. VI. № 3708. Подробнее см.: *Середа Н.В.* Городское гражданство России в законодательстве Петра I // Преподавание и изучение историографии и источниковедения отечественной истории: проблемы, опыт, поиски, решения. Тверь, 1992. С. 96–103.
- 49 Это место подписки почти дословно повторяет текст указа от 25 июля 1777 г. (ПСЗ-1. Т. XX. № 14632).
- 50 Ф. 166. Оп. 2. Д. 63. Л. 9, 10, 16, 17, 18, 20.
- 51 Но вывод этот нельзя сделать без оговорки об отсутствии приговора общества и в делах о записи в вышневолоцкое мещанство выходцев из других городов. В обоих вариантах в делах есть лишь свидетельство об объявлении указа магистрата обществу купцов и мещан. А это, в свою очередь, может означать, что в Вышнем Волочке, как и в Бежецке, вопросы приема в городское гражданство решал магистрат, а не собрание купцов и мещан.
- 52 Ф. 24. Оп. 1. Д. 18.
- 53 Ф. 172. Оп. 2. Д. 362.
- 54 Там же. Л. 2.
- 55 Там же. Л. 10.
- 56 Там же. Л. 12. Имеется в виду указ № 14632 (Т. 20).
- 57 Там же. Л. 13 – 13 об. Васильев в данном случае не фамилия, а отчество.
- 58 Ф. 172. Оп. 2. Д. 649.
- 59 ПСЗ-1. Т. XX. № 14632.
- 60 В числе «начальных узаконений» значится указ от 16 сентября 1724 г. В ПСЗ-1 не опубликован.
- 61 ПСЗ-1. Т. XX. № 14632.
- 62 Там же. Т. 21. № 15459.
- 63 Там же. № 15578.
- 64 Ф. 172. Оп. 2. Д. 649. Л. 14.
- 65 Там же. Л. 8.
- 66 Ф. 173. Оп. 2. Д. 992. Л. 2. В Ржевском магистрате документ был получен 26 августа.
- 67 Там же. Л. 15.
- 68 Ф. 170. Оп. 2. Д. 248.
- 69 Там же. Д. 362.
- 70 ПСЗ-1. Т. XXII. № 161888. Ст. 138, 139.
- 71 Ф. 170. Оп. 2. Д. 248. Л. 1 – 1 об.
- 72 Там же. Л. 9 и сл.
- 73 Там же. Л. 5 – 8 об.
- 74 ПСЗ-17 Т. XX. № 14632; Т. XXII. № 161888.
- 75 Там же. Т. XXII. № 161888. Ст. 139.
- 76 Там же.
- 77 Чаще всего это ст. 5, 6, 138, 139 Жалованной грамоты городам.
- 78 Ф. 175. Оп. 2. Д. 848.
- 79 Там же. Д. 860.
- 80 Там же. Д. 696.
- 81 *Середа Н.В.* Некоторые методологические аспекты и методы изучения массовых источников // Методологическая подготовка студента-историка. Тверь, 1991. С. 127–128.
- 82 ПСЗ-1. Т. XXII. № 161888. Ст. 81–91.
- 83 Ф. 173. Оп. 2. Д. 488. Л. 1. Указ датирован 15 июня.

- 84 Ф. 173. Оп. 2. Д. 1451. Л. 2 – 2 об.
- 85 Там же. Л. 6.
- 86 Из документов совершенно ясно, что во Ржеве, в отличие от некоторых других городов, городское общество олицетворял городской староста.
- 87 Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об.
- 88 Ф. 173. Оп. 2. Д. 502. Л. 1, 8.
- 89 Ф. 165. Оп. 1. Д. 2944. Л. 14. Эта ситуация свидетельствует, что процентные деньги по купечеству собирал не староста.
- 90 ПСЗ-1. Т. XX. № 14392.
- 91 Из документов известно, что городского голову избирали по обряду предписанному в связи с выбором в Уложенную комиссию, т.е. выбирали не все горожане, а выбранные от отдельных частей города.
- 92 Лишь в одном случае староста от своего имени просит разрешение отлучиться из города, оставляя вместо себя для исполнения обязанностей своего брата (23.06).
- 93 Из записей журнала известно, что К.В. Луковников, И.Ф. Нечаев, П.И. Сверчков, Ф.И. Сверчков проживают в Москве (3.05, 21.03, 28.04); Д.В. Иешин – в Соснинском яме (26.05); Я.Б. Перешников и И.Г. Кочеров в Санкт-Петербурге (08.04, 14.03), Ф.М. Соколов – в г. Романове (18.03).
- 94 Напомним, что до окончания срока ревизии (30.06) магистратам было дозволено самостоятельно принимать решение о записи крестьян, отпущенных на волю, в мещанство.
- 95 В указе, поступившем 30 мая, упоминается 16 фамилий.
- 96 Обращает на себя внимание необходимость наличия дома как обязательного условия «причисления».
- 97 Ф. 172. Оп. 2. Д. 425.
- 98 Там же. Д. 92. Л. 39.
- 99 Там же. Д. 40. Л. 8.
- 100 Там же. Л. 15, 35.
- 101 Там же. Д. 90. Л. 3–5.
- 102 Там же. Д. 88. Л. 13.
- 103 Там же. Д. 45. Л. 3.
- 104 Там же. Д. 90. Л. 5 об., 18. Необходимость выяснить, являются ли земли посадскими, позволяет отождествлять граждан земской избы с посадской общиной.
- 105 Там же.
- 106 Там же. Д. 96. Л. 24.
- 107 Там же. Л. 25.
- 108 Ф. 172. Оп. 2. Д. 487.
- 109 Там же. Д. 120, 127.
- 110 Там же. Д. 466д.
- 111 Там же. Д. 69. Л. 7.
- 112 Ф. 172. Оп. 2. Д. 466д.
- 113 Там же. Д. 56, 69.
- 114 Там же. Д. 45, 108.
- 115 Там же. Д. 66.
- 116 *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 480.
- 117 Ф. 172. Оп. 2. Д. 134. Л. 2.
- 118 Там же. Д. 23, 28.
- 119 Там же. Д. 5, 6, 13.
- 120 Там же. Д. 170, 258, 281.

- ¹²¹ Там же. Д. 254, 259, 282.
- ¹²² ПСЗ-1. Т. V. № 3364; Т. X. № 7563. П. 19, 20; Т. XIX. № 13780. П. 11; *Неволин К.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1858. Т. 4. С. 372–373. О том, сколь условным было владение незастроенными участками, свидетельствуют дела исследуемого комплекса. В 1779 г. купец Авчинников стал владельцем заложеного ему дворового места. После смерти купца это место по наследству перешло его жене, но так как оно оставалось незастроенным, то магистрат считал возможным отвести его купцу Андрею Попову. В ответ на протест вдовы было принято решение о выплате ей денежной компенсации (Ф. 172. Оп. 2. Д. 164). В 1786 г. Андреан Маламахов просил об отводе ему нового места взамен двух его крепостных мест, отданных магистратом под дома священнослужителей (Д. 125). См. также. Ф. 172. Оп. 2. Д. 254, 282.
- ¹²³ Ф. 172. Оп. 2. Д. 18.
- ¹²⁴ Там же. Д. 40.
- ¹²⁵ Там же. Д. 125.
- ¹²⁶ Там же. Д. 149.
- ¹²⁷ Там же. Д. 164.
- ¹²⁸ Там же. Д. 277.
- ¹²⁹ Там же. Д. 318.
- ¹³⁰ Там же. Д. 15, 17, 90, 169, 242, 254.
- ¹³¹ Там же. Д. 109, 124.
- ¹³² Там же. Д. 318.
- ¹³³ Там же. Д. 293, 306, 406.
- ¹³⁴ Там же. Д. 63, 69, 74, 107.
- ¹³⁵ Там же. Д. 141, 143, 146, 148, 153.
- ¹³⁶ Там же. Д. 18, 149.
- ¹³⁷ Там же. Д. 125, 316, 320.
- ¹³⁸ Там же. Д. 158, 159, 287, 292.
- ¹³⁹ ПСЗ-1. Т. VII. № 4624. П. 10; Т. XX. № 14392. Ст. 290; Т. XXII. № 16188. Ст. 13.
- ¹⁴⁰ Там же. Т. XXII. № 16188. Ст. 53–76.
- ¹⁴¹ Там же. Ст. 63.
- ¹⁴² Ф. 312. Оп. 4. Д. 13200, 14542–14544, 14869.
- ¹⁴³ Ф. 172. Оп. 2. Д. 79, 107, 123, 215, 315.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 79, 83, 217, 307, 308, 316.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 45, 72, 94, 118, 216, 219.
- ¹⁴⁶ *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 481.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование дает необходимые в современных условиях знания о механизме осуществления реформы системы управления, направленной, как и нынешние преобразования, на существенную децентрализацию и создание территориальных сообществ, позволяет увидеть этот механизм в разнообразии и единстве реальных моделей воплощения, а также излагает методику исследования данной проблемы.

Опыт работы с фондами городских учреждений Тверской губернии позволяет говорить, что некоторые данные о механизме и этапах проведения реформы можно получить на уровне анализа описей фондов городских органов управления, они составляют самостоятельный и достаточно информативный комплекс источников, с исследования которого и следует начать работу. Необходимость этого этапа обусловлена целым рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что многие из описей фондов Государственного архива Тверской области, как и других областей, составлены в дооктябрьский период. Они дают представление о внутренней структуре учреждений, содержат сведения об утраченных делах, а значит, более адекватно, чем реально сохранившиеся документы, отражают состав документальных комплексов, формировавшихся в делопроизводстве. Последние существенно сократились и, главное, структурно и содержательно изменились к сегодняшнему дню в силу объективных и субъективных обстоятельств: утрат, понесенных в годы войн и разрух, низкой квалификации архивистов 30–40 годов XX в., когда было составлено большинство описей на документы городских учреждений. Множество ошибок фондирования делает необходимым анализировать состав и содержание материалов всех фондов, причем за пери-

од более широкий, чем хронологические рамки изучаемой темы, поскольку среди дел и документов за XIX в. встречается достаточно много, освещающих историю XVIII в. Кроме того, через состав документов фондов одних учреждений компетенция других подчас становится более понятной и выглядит более отчетливо.

Фонды городских магистратов являются наиболее многочисленными и информативно насыщенными документами последней четверти XVIII в. Использование документов этих фондов облегчается тем, что культура делопроизводства канцеляристов магистратов была выше, чем канцеляристов других городских учреждений, что и не удивительно, поскольку стаж их деятельности в большинстве городов был больше, чем канцеляристов только создаваемых учреждений. Описи фондов позволяют утверждать, что четко выраженная внутренняя структура и разделение труда между служащими в конце XVIII – начале XIX в. сложились только в магистратах, причем по преимуществу в магистратах старинных городов.

Однако исследование документов магистратских фондов в отрыве от документов фондов других городских учреждений не позволяет выявить всех нюансов перестройки управления и тем более вариантов ее осуществления в различных городах. Привлекая весь комплекс архивных материалов, мы имеем возможность реконструировать процесс разделения функций между городскими учреждениями и перераспределения информации между делопроизводством различных учреждений, что важно не только с исторической точки зрения, но и закладывает основы формирования источниковой базы для изучения в дальнейшем целого ряда проблем.

На основе реально сохранившихся на сегодняшний день комплексов документов городских магистратов и их описей можно сказать, что ведение делопроизводства по уголовным и гражданским делам, в том числе не спорным, занимало много места в их деятельности, но этим она не ограничивалась. В большинстве городов, как показывают описи, и тем более сами документы магистратского делопроизводства, помимо суда магистраты осуществляли запись в число купцов и мещан, следили за поступлением в казну подушного и других сборов, за выполнением горожанами постоянной, рекрутской, почтовой и других повинностей, фиксировали сделки, обеспечивали выполнение их условий, контролировали изменение прав собственности на недвижимость в черте города, собирали сведения о развитии торговли, промышленности, о ценах на различные товары. Наиболее широкими и многообразными были функции магистратов городов, имевших глубокие исторические корни: Кашина, Старицы, Ржева, Торжка. Но в некоторых из этих городов во второй половине 80-х годов происходит сокращение функций магистратов. Во Ржеве и Кашине из делопроизводства магистратов исчезают дела о благоустройстве городов, организации

работы школ, сиротских домов, богаделен. Начавшись после издания Устава благочиния процесс разделения функций, ранее исполняемых магистратами в старинных городах, завершился в 30-е годы XIX в. Именно с этого времени делопроизводство по основным вопросам городской жизни сосредотачивается в думах. В новоучрежденных и слаборазвитых городах, как в Зубцове, деятельность магистратов уже в конце XVIII в. укладывалась в рамки учреждения судебно-нотариального характера, а наиболее широкими были функции городничих. Особенное проистекало из того обстоятельства, что новые законодательно предписанные нормы не отменяли действия старых, они накладывались на уже сложившиеся социально-экономические отношения и систему управления, на существовавшие традицию и практику, причудливо соединялись с ними в первые не только годы, но даже десятилетия после начала реформ.

Исследование отдельных категорий дел и документов магистратского делопроизводства не только углубило знание о разделении обязанностей между учреждениями в ходе проведения реформ, но также наметило ряд комплексов документов, информация которых дублируется другими и может быть восполнена в случае утраты или затрудненного доступа к категориям документов, которые нужны исследователю. Сделанные наблюдения особенно важны в условиях неполной сохранности документов и наличии серьезных особенностей организации делопроизводства в каждом из городских магистратов. удалось установить, что в одних фондах наиболее информативными оказываются журналы заседаний магистратов, потому что протоколы, регистрационные книги и докладные реестры сохранились лишь за отдельные годы и велись не регулярно, а в других мы можем восстановить картину развития некоторых сторон городской жизни, в том числе перестройку управления, на основе регистрационной делопроизводственной документации. Более того, для исследования первых двух лет проведения реформы регистрационные книги входящих и исходящих документов оказываются едва ли не единственными возможными источниками для исследования, поскольку журналов заседаний за эти годы в фондах магистратов областного архива Тверской области практически нет. Постепенное исчезновение в регистрационных книгах и журналах заседаний записей о получении документов из Сената и центральных учреждений и сведений об отправке туда каких-либо ведомостей, появление при этом записей об отправке их в казенную палату есть показатель становления губернских управленческих структур и передачи им финансовых средств и полномочий, ранее принадлежавших различным ведомствам. Следствием стала постепенная ликвидация раздробленности финансов между ведомствами, что было необходимым промежуточным этапом становления единого государственного бюджета.

Некоторые проблемы перестройки управления можно исследовать на примере приходно-расходных книг и реестров денежной казны: на их основании можно делать суждения об уровне развития урбанизации того или иного города. Так, преобладание в Кашине записей о поступлениях денег с выдачи паспортов и отсутствие сведений о поступлениях в счет погашения вексельных долгов, с эксплуатации городского имущества, сданного в аренду, свидетельствуют, что жизнь в самом Кашине была вполне патриархальной. Наличие в приходно-расходных книгах неокладных сборов Торжка и ряда других городов значительного числа записей о пошлинах с явки купчих и с выдачи «данных», есть показатель интереса горожан к недвижимости, что может рассматриваться как показатель уровня развития их правового сознания.

Изучение документов магистратского делопроизводства свидетельствует, что они весьма перспективны и с точки зрения изучения, например, деятельности купеческих родов на основе маклерских книг, книг верящих писем, ведомостей о торгах и промыслах, аттестатов на получение денег под переводные векселя, свидетельств о товарах, отправляемых каждым из купцов весенним караваном в столицу. На основе этого круга источников можно анализировать не только торгово-промышленную деятельность жителей городов губернии в конце XVIII – начале XIX в., но также и деятельность купечества других регионов, которая нашла отражение в разного рода актах, судебной-следственной документации по поводу вексельных долгов и т.д. Однако наибольшая ценность практически всех категорий документов фондов магистратов и других городских учреждений заключается в том, что они позволяют изучать механизм реформирования страны в основной и важнейший период царствования Екатерины Великой. Проведенное детальное исследование отдельных категорий документов магистратских фондов позволило уточнить многие моменты в проведении реформы, что, в свою очередь, дает возможность рассматривать эти учреждения не только в контексте реформ управления городами, но и в более широком – модернизации России на протяжении XVIII в.

Изучение журналов подтвердило наблюдение, сделанное на уровне общего исследования состава и содержания документов магистратских фондов и описей на них, о том, что инфраструктура новоучрежденных и слабо развитых в урбанистическом плане городов, в отличие от городов с богатым историческим прошлым, в первые десятилетия после начала реформ была развита крайне слабо. Одним из показателей низкого уровня урбанизации является минимальное количество в наборе должностных лиц и учреждений, с которыми вели переписку магистраты этих городов.

Исследование состава и содержания записей журналов о документах, поступающих в магистраты в первые годы реформы, позво-

ляет изучать существовавшую государственную систему управления и ее трансформацию в процессе модернизации и показать механизм проведения крупнейшей из реформ нашей страны, выделить ее этапы. Полученные результаты свидетельствуют, что в ее начале, вплоть до 1778 г., магистраты, ставшие во многих городах оплотом системы управления, были интегрированы как в новую, еще формирующуюся территориальную систему управления, сфокусированную на ТНП и других губернских учреждениях, так и в вертикально ориентированную систему, ликвидация которой уже была запланирована правящими силами. Интеграция в старую, вертикально ориентированную систему приводила к тому, что в магистраты вплоть до 1778 г. поступали указы центральных учреждений, а сами магистраты посылали в некоторые из них разного рода сведения, дублируя при этом сведения, отправляемые в губернские структуры. К тому же в этом году значительная часть указов, поступавших в магистраты из Тверского наместнического правления, пересказывала содержание указов учреждений, переписка с которыми должна была быть прекращена (Главная соляная кантора, Камер-коллегия, Московский и Санкт-Петербургский банки), а также сообщения из других наместнических правлений. Это свидетельствует о стремлении сделать ТНП посредником в передаче информации, сконцентрировать документационные потоки и распорядительные функции в этом учреждении. Аналогичную роль по осуществлению связи между регионом и структурами центрального управления, уже сворачивавшими свою деятельность, а также между Тверской губернией и окружающими территориями осуществляли на первом этапе реформы наместник Новгородский и Тверской и правитель Тверского наместничества. Постепенное укрепление губернских структур управления, вводимых Учреждениями о губерниях, привело к исчезновению среди поступавших в магистраты документов и указов центральных учреждений и «предложений» наместника Новгородского, Тверского и Псковского.

О сосуществовании в 1778 г. этих двух тенденций в управлении губернией, несомненно, свидетельствует и факт дублирования информации, поступавшей в магистрат из различных губернских структур. Указы, которые касались хода следственных дел и требовали доставки ведомостей о колодниках, количестве решенных и нерешенных дел, поступали в магистраты как из ТНП, так и из губернского магистрата – местного учреждения Главного магистрата, а указы, связанные с поставкой и продажей соли – и из ТНП, и из казенной палаты, являвшейся в первые годы реформы местным отделением финансовых коллегий.

Перестройка системы управления, начатая по Учреждениям о губерниях 1775 г., проходила медленно, и лишь в журналах за 1782 г. мы видим явные успехи в этом направлении, показателем

чего служит факт полного исчезновения записей о содержании указов центральных учреждений. Децентрализации управления в том смысле, что «система ведомств, строго подконтрольных и подчиненных монарху», перестала быть проводником централизма¹, завершилась. Некоторые из центральных учреждений еще существовали, как Главная соляная контора, но деятельность по организации доставки соли, продаже вина и соли и сбора доходов с этих государственных монополий на территориях, где действовали Учреждения о губерниях, уже была сосредоточена к этому времени в казенных палатах, что и сделало возможным ликвидацию соляного ведомства в 1783 г. В казенной палате Тверской губернии постепенно сосредоточился контроль над подушными и рекрутскими сборами, сборами за принадлежность к расколу, а также пошлинных денег. То есть проводником политики Екатерины Великой являлись в значительной мере чиновники вновь созданных губернских структур, а также сохраненные в ходе реформы учреждения, в числе которых были магистраты.

Смысл и задача централизма, по мнению автора, существенно изменились в ходе реформы. Число местных учреждений и чиновников значительно увеличилось², что способствовало усилению контроля правительства, однако нельзя недоучитывать той серьезной разницы между контролем над низшим звеном местных управленческих структур, который был до реформы, и тем, который сложился благодаря ей. Если раньше контроль за ними и отдельными категориями населения осуществлялся из различных учреждений Москвы и Петербурга, то теперь – из губернского центра, причем губернии гораздо меньшей по масштабу, чем ранее. И в этом плане совершенно правы исследователи, утверждавшие, что власть была приближена к населению, и что это отвечало его интересам³. В рамках столь огромного государства нельзя было осуществлять плодотворный контроль из центра, что, собственно, и поняла Екатерина и что попыталась исправить. Иными словами, в данном случае она выступает как гениальный тактик, понимающий, что искусство политики в компромиссе, в том числе между идеей полицейского государства и реальностью жизни России.

В существующих оценках проведенных Екатериной II преобразований недоучитывается тот факт, что ликвидация ведомственного управления была важнейшим, а возможно, единственно верным шагом на пути окончательного преодоления расчлененности населения каждого из регионов России, особенно городского, в силу того, что оно было подведомственно различным центральным учреждениям. Процесс консолидации населения и тенденция к возрождению территориальных сообществ отчетливо были выражены и в деятельности Петра I, но наибольшие успехи в этом направлении были связаны с деятельностью Екатерины Великой и ее реформой

управления⁴. На первом этапе проведения реформы, направленной в конечном счете на становление местных региональных сообществ, власть оказалась сосредоточена в руках наместников и правителей наместничеств (губернаторов) и «центральная власть, по крайней мере теоретически, приобрела более прямой контроль над местной администрацией, чем раньше»⁵ (когда местные структуры были подчинены различным центральным учреждениям. – Н.С.). Однако следует иметь в виду, что после 1782 г. контроль этот осуществлялся больше наместническим (губернским) правлением, чем губернатором.

Концентрируя в 1782 г. в своих руках нити всех управленческих процессов, Тверское наместническое правление выполняло несколько основных функций. Прежде всего – роль транслятора по доведению до населения городов распоряжений высшей власти, копируя и рассылая указы Сената и императрицы по городам. Еще частично ТНП толковало и пересказывало ранее изданные законы, адаптировало их к реалиям жизни того или иного города, напоминало о необходимости исполнения тех или иных из них. Указы, поступающие в тот или иной город, свидетельствуют, с одной стороны, о контроле правления за деятельностью магистратов, с другой – о вдумчивом отношении его членов к своим обязанностям, они рассылали их по городам с учетом реальной потребности в них. Мы уже говорили, что в Калязинский магистрат в 1778 г. поступало много указов, напоминающих о необходимости в срок присылать разные сведения и правильно их оформлять, что было естественно в условиях неопытности канцеляристов магистрата. Большая численность в Торжке в 1782 г. указов по вопросам переписи стала следствием активного записи представителей крестьянского сословия в число членов новоторжского городского общества и указы ТНП контролировали процесс, от хода которого зависели размеры государственных доходов, и координировали взаимодействие между учреждениями по этому поводу. В Калязине, напротив, число таких случаев было весьма невелико, поэтому и указов, регламентирующих процесс пополнения городского населения, в город поступало мало. В Новоторжский магистрат чаще приходили указы, торопившие с решением дел, потому что численность дел, находящихся в производстве, там была выше. Значительно меньшее число таковых в делопроизводстве магистрата Калязина объясняется не только тем, что в Калязинском магистрате не было и не могло быть дел, присланных из центральных учреждений для завершения, но и слабой интеграцией горожан в торгово-денежные отношения.

Исследуя указы ТНП, поступившие в магистраты Торжка и Калязина в 1778 и 1782 гг., мы видим, что в эти годы указы касались самых разнообразных сторон жизни городов. Это является показателем, во-первых, мощного контроля над городом со стороны гу-

бернской администрации, о необходимости которого мы уже говорили, во-вторых, незавершенности разделения функций между структурами управления, в-третьих, многообразия функций магистрата. Однако уже в 1786 г. среди указов, поступающих в магистраты от ТНП, начинают преобладать связанные с осуществлением магистратом судебной функции и действий, направленных на выполнение разного рода обязательств. Это свидетельствует, с одной стороны, о сокращении компетенции магистратов, с другой – о контроле ТНП за исполнением магистратами этих функций.

Кроме того, в 1786 г. снова существенно увеличивается численность указов от губернского магистрата, казенной палаты и других учреждений губернского звена управления. Еще часть распоряжений правления и других губернских учреждений стала поступать в магистраты опосредованно – в пересказе городничих, соляных приставов, уездных стряпчих, что свидетельствует о распределении обязанностей и между губернскими, и между городскими учреждениями и складывании в рамках региона отраслевых структур. Об этом же позволяет говорить исчезновение фактов дублирования содержания указов казенной палаты и губернского магистрата указами Тверского наместнического правления. Все это является показателем начала нового этапа в развитии реформ. Однако при этом все нити управления в конечном итоге концентрировались в ТНП.

О том, сколь значителен был контроль наместнического правления и каких сторон деятельности магистратов он касался, свидетельствует анализ указов ТНП, поступавших в магистраты. ТНП было причастно к ведению практически каждого дела. Его указы, связанные с какими-либо конкретными обстоятельствами жизни городов, мы обозначили как эксклюзивные. Анализ этой группы указов показал, что большинство их было связано с увеличением интенсивности торгово-промышленной и общественной жизни горожан, распределением земельного фонда каждого из городов, обеспечением выплат по векселям и т.д. Именно активизация этих сфер жизни вела к увеличению и абсолютной численности, и доли эксклюзивных указов, поступавших из Тверского наместнического правления в магистраты. Поскольку в Торжке деятельность населения была значительно более интенсивной, то и эксклюзивных указов туда поступало намного больше. Под контролем оказывалась хозяйственная и имущественная сфера жизни городского населения, а также проблема выплаты долгов. И чем более интенсивно население города было втянуто в систему торгово-промышленных связей и кредитные отношения, а значит, и в судебные разбирательства по поводу долгов и выполнения разного рода обязательств, тем более оно оказывалось под контролем ТНП. Как ни парадоксально, но это есть показатель не только укрепления власти ТНП и централизации в рамках губернии, но и свидетельство развития право-

вых отношений в стране, без чего невозможно было развитие экономики. Экономика строится в значительной мере на договорах разного рода и в условиях отсутствия гарантий обеспечения условий выполнения обязательств, которые берут на себя участники договора, государство не может обеспечить сколько-нибудь стабильного развития торговли и промышленности.

Из года в год наблюдается рост эксклюзивных указов. При этом тенденция на увеличение численности указов, так или иначе связанных с решением судебных дел, в том числе по векселям очевидна. Это обстоятельство говорит, с одной стороны, о постепенном сосредоточении магистратов на судебных функциях, с другой – об активизации торгово-предпринимательской деятельности населения, в-третьих, дает серьезный материал для размышления о распределении функций между губернскими структурами управления в эпоху реформы управления Екатерины II и о динамике этих процессов.

Рост среди эксклюзивных указов выражающих контроль ТНП за ведением судебно-следственных действий, совпадает по времени с исчезновением подобного рода указов среди поступавших от наместника Новгородского, Тверского и Псковского, а также и от правителя Тверского наместничества (губернии). Таким образом, одна из важнейших задач реформы по приближению судебного надзора и контроля к населению⁶ в 1786 г. уже вступила в следующую стадию своего решения: контроль и надзор от наместников и губернаторов перешел в губернские правления. Это выявляет еще одну сторону механизма реформирования – постепенность децентрализации, поэтапность передачи функций: от коллегий – сначала наместнику и правителю наместничества, а затем наместническим правлениям. Постепенность нужна была для сохранения стабильности и для того, чтобы служащие новых учреждений имели возможность постепенно осваивать азбуку управления и нормы права. Мнение о том, что лишь практическая служба была способом подготовки кадров, справедливо и для времени реформы Екатерины II⁷. Те права, которые получил местный аппарат управления по законодательству Екатерины, создавали достаточно благоприятные условия для формирования соответствующего уровня профессиональной подготовки служащих аппарата управления⁸. Необходимость добиваться от уездных и городских структур выполнения возложенных на них функций, отвечать на задаваемые ими вопросы, не только способствовали освоению губернскими чиновниками основ законодательства, но и вносили в их деятельность определенный элемент творчества, так как возникала необходимость адаптировать действующее законодательство к реалиям жизни каждого отдельного города. Собственно, на большее губернский аппарат управления, сложившийся в то время, просто не был способен. Повышение уровня квалификации следующего звена управленческого персонала в значительной

мере обеспечивалось рассылкой указов ТНП, повторяющих и интерпретирующих ранее изданные указы верховной власти. Необходимость такого способа повышения квалификации была обусловлена отсутствием систематизированных сборников действующего законодательства, что в условиях частой смены членов магистратов и недостаточно высокой правовой грамотности и присутствующих, и канцеляристов требовало регулярных напоминаний о нормах действующего права со стороны ТНП.

Екатерина II не планировала дать созданным структурам местного управления право издавать законы и вводить налоги, более того, она просто не могла и не должна была допустить этого. Прежде чем давать столь большие права органам местной власти и управления, нужно было сначала создать местные гражданские общества, региональную элиту, изменить правовое сознание населения, воспитать в нем уважение к другой личности, к чужой собственности. Сама реформа управления, вводимая Учреждениями о губерниях, должна была стать первым шагом к созданию региональных сообществ и формированию местной элиты, воспитанию у ее представителей и у каждого отдельного человека привычки действовать в пределах закона. О том, сколь неразвито было правовое сознание населения свидетельствует огромное количество вексельных дел, которые разбирались в судебных инстанциях. За ними стоят не только объективные обстоятельства, но в значительной мере безответственность людей, бравших в долг и выступавших поручителями по чужим долгам, неуважение к тем, у кого берут в долг и т.д. Жесткий контроль Тверского наместнического правления был необходим в условиях развивающегося капитализма, и большая часть эксклюзивных указов была связана именно с этой задачей.

Результаты проведенного исследования позволяют проследить характер взаимоотношений магистратов с различными городскими структурами и их динамику. О высокой степени вариативности распределении обязанностей между городскими структурами управления и о неравнозначном положении магистратов в их системе свидетельствуют результаты анализа описей фондов городских учреждений, состава и содержания отдельных дел и категорий магистратского делопроизводства, записей журналов заседаний магистратов. Мы можем говорить, что в некоторых городах, и прежде всего в Торжке, роль магистрата и его влияние на жизнь города были определяющими. Укрепление власти городничего происходило здесь постепенно и на фоне недовольства горожан. И в других городах, имеющих большое историческое прошлое и соответственно традиции городского самоуправления, новые должностные лица приживались с трудом, а передача им части компетенции от магистрата задерживалась. Городничие в таких городах с трудом вписывались в уже существующую систему управления, и выполнение полицей-

ских обязанностей сотскими, ратманами в первые годы проведения реформы находилось под контролем магистратов: именно сюда они рапортовали о своей деятельности, в том числе о проведении следственных действий, это заметно даже при знакомстве с регистрационными книгами поступающих в магистраты документов.

В новых, образованных Екатериной II городах, таких, как Весьегонск, Зубцов, Калязин, в силу инертности и слабости городского общества более значимой в системе управления была роль городничего. Он должен был исполнять ряд функций, которые в Торжке выполнял магистрат или городской староста. Следует отметить, что компетенция городничих была явно шире очерченной в основных законодательных актах времени реформ, она расширялась и корректировалась дополнительными актами, присылавшимися из ТНП, и аналоги их не всегда можно отыскать в ПСЗ, вернее, это требует проведения самостоятельного серьезного исследования.

В Торжке мы видим сильно развитую систему выборных органов городского управления, особенно в 1778 г. Она включала имеющие длительную традицию существования (земская изба, содержатели городской суммы, сборщики денег, контора ямских управителей и др.). Утвердившееся разделение функций между создаваемыми самими горожанами органами городского самоуправления свидетельствует о высоком уровне развития системы и может рассматриваться не просто как один из признаков урбанизации, но как критерий, позволяющий определять степень ее развития. Развитая система должностных лиц и выборных учреждений, с одной стороны, предотвращала злоупотребления, поскольку как отдельные управленческие структуры существовали распорядительные, исполнительные органы, структуры по сбору и сохранению денежных средств, с другой – тормозила перераспределение функций в соответствии с Учреждениями о губерниях, Уставом благочиния, Жалованной грамотой городам.

В Калязине не было традиций городского управления через выборные органы, они только формировались, и это обусловило их изначальную непричастность к целому ряду вопросов городской жизни. В то же время в Вышнем Волочке, который получил статус города в 1772 г. и являлся важнейшей точкой на пути следования грузов в Петербург, главным учреждением в ходе осуществления реформ стало учреждение, называемое «городовыми делами». В старинном городе Старице, несмотря на слабое развитие торгово-промышленной деятельности населения, городской староста и общество граждан, причем прежде всего мещан, играли очень существенную роль в управлении, организуя даже выборы городского головы, проявляли инициативу, требуя ограничить свободу вступления в купечество и добиваясь сокращения сборов на городские расходы с мещан.

Активная торгово-предпринимательская деятельность населения Торжка и сложившиеся традиции городского самоуправления накладывали отпечаток на функционирование системы городского управления. Деятельность словесного суда в этом городе была весьма активной именно в силу вовлеченности населения в товарно-денежные отношения, этим же была обусловлена и существенная загруженность членов магистрата разбирательством дел по взысканию долгов. В Калязине в 1778 г. совсем не было должников, да и потом их было не много, поэтому и словесный суд в этом отношении просто бездействовал. Имущество, принадлежавшее Новоторжскому обществу, давало ему доходы, а организация его эксплуатации и строительства новых объектов городской собственности составляли существенную часть забот и городского старосты, и городского магистрата, и это нашло отражение в факте существования специальных выборных структур и отразилось в записях журнала, а также в записях приходно-расходных книг и реестров денежной казны, которые дают ценный материал для понимания взаимоотношений внутригородских органов самоуправления.

Факт малочисленности приходно-расходных книг окладных сборов в первые годы реформы при многочисленности таких же на неокладные есть свидетельство того, что первые находились в ведении городских старост и стоящих за ними управленческих структур, например, земских изб, а магистраты лишь контролировали процесс их раскладки и сбора, причем в ряде городов в конце 70-х годов этот контроль был практически символическим. После введения Жалованной грамоты сбор процентных денег с купечества в большинстве городов закрепляется за магистратами, в то время как подушные остаются в ведении городских старост. Однако в магистратах стали учитывать сбор этих денег в настольных реестрах денежной казны, что, с одной стороны, свидетельствует о попытках укрепления финансовой дисциплины, с другой – показывает, что в конце XVIII в. именно магистраты воплощали в себе функцию руководства всем торгово-промышленным населением, в том числе не положенным в оклад по данному городу⁹, в то время как старосте подчинялось именно то население, которое было положено в подушный оклад. Кроме того, это свидетельствует, что статус старосты реально не переменялся и после издания Жалованной грамоты, не говоря уже о более раннем периоде реформы. Он по-прежнему – представитель общества окладного городского населения, хотя то обстоятельство, что в большинстве городов его «по баллам» выбирают «поверенные выборщики» одновременно со словесными судьями, говорит о начавшейся трансформации представления горожан о месте этого должностного лица в структуре городской системы управления.

Изучение записей журналов о документах внутригородских

структур не подтверждает мнения И.И. Дитятина, что в ходе реформ Екатерины сложилось городское общество как совокупность городских обывателей или как объединение домовладельцев. Мы можем говорить, что в Тверской губернии понятие городского общества ни в одном из этих смыслов в конце XVIII в. не сформировалось. Процесс формирования городского общества как общества владельцев недвижимости относится в Тверской губернии к XIX в.

Анализ эволюции ведения приходно-расходных книг, учитывающих поступление в магистрат окладных налогов, свидетельствует о начавшемся во втором десятилетии XIX в. процессе индивидуализации в составе городской общины. Все чаще книги составляются не по хронологии поступлений, а по фамилиям плательщиков и возле каждой из них проставляются даты выплат ими сборов в счет подушного налога, в счет сбора рекрутских денег и др. Но такие книги велись в думам, и это обстоятельство как раз и может рассматриваться как один из признаков качественных изменений городского общества. Дальнейшее изменение структуры населения, составлявшего городское общество, было вызвано изменением принципов налогообложения в пользу города (с акцентом на величину объявленного капитала, позднее на размер земли и стоимость недвижимости¹⁰) и сопровождалось началом реального функционирования городских дум. Однако следует помнить, что запись в купечество и, что особенно важно, делопроизводство по отводу земельных участков всем категориям горожан и выдача документов, подтверждающих право на владение, осуществлялись еще в конце XVIII в. прежде всего силами магистратов. Возложенная на магистраты обязанность фиксации недвижимости всех горожан обусловила участие магистрата г. Торжка в делопроизводственной цепочке по отводу земли и выдаче «данных» даже в период, когда магистрат, вслед за обществом купцов и мещан, оказался отстраненным от решения вопроса о выделении мест. С просьбами об оформлении «данных», в том числе на уже застроенные участки, обращались в магистрат не только купцы и мещане, но и священнослужители, дворяне, солдаты, их жены и вдовы. Все должны были фиксировать собственность в магистрате и там же получать документы, подтверждающие ее наличие. Деятельность магистратов Тверской губернии подготовила переход к принципиально иным основам налогообложения, что в конечном итоге привело к формированию новых городских обществ. Складывание их было тесно увязано с межеванием городских земель и перепланировкой городов, происходило постепенно и завершилось в XIX в.¹¹.

К параметрам, характеризующим городское общество XVIII в., в том числе и периода проведения реформы местного управления Екатерины II, следует отнести его право на самообложение и его

большую независимость в этом вопросе от коронных властей. Единственным учреждением, контролировавшим сборы на так называемые городские необходимые нужды, был городской магистрат. Из приходных книг городских дум XIX в. известно, что такие деньги – результат самообложения граждан – стали поступать от городских старост в думы¹², и это было важнейшей вехой трансформации городских обществ XVIII в. во главе с городскими старостами в более широкие по составу городские общества XIX в. Однако лишь там, где удавалось добиться введения поземельного налога или налога с имущества, становление новых городских обществ происходило быстрее и развитие города шло интенсивнее.

Наиболее целостное представление о жизни городского общества, объединявшего лиц, внесенных в ревизскую сказку по городу, можно получить при планомерном исследовании записей журналов заседаний магистратов. Они позволяют реконструировать жизнь городского общества, установить периодичность его собраний и их повестку дня. Очевидно, что существенное время в ходе их уходило на решение вопросов о доходах и расходах городского бюджета и способах организации отбывания городских повинностей. В то же время исследуемые записи ставят перед исследователями ряд вопросов, в том числе вопрос о том, какая разница существовала между обществом «всего города Торжка купцов и мещан» и обществом «граждан земской избы», на ком лежало руководство первым из них? Несомненно, что общество «граждан земской избы» подчинялось магистрату, поскольку магистрат посылал городскому старосте указы и получал от него рапорты; ему подчинялись содержатели городской суммы (которая формировалась от доходов от продажи соли) и некоторых других статей (доли объявленных купеческих капиталов), сборщики разных сборов, соляной голова и словесный суд, судьи которого выбирались, так же как городской голова, от городского общества – т.е. от всех купцов и мещан города. Во все эти структуры магистрат посылал указы. Не вправе ли мы выдвинуть предположение, что во главе всех купцов и мещан города стоял магистрат и что он координировал деятельность всех других городских управленческих структур на стадии формирования новой системы управления?

Исследование процесса пополнения числа горожан и фиксирующей его делопроизводственной процедуры подтвердило необходимость различать общество купцов и мещан, подчиненное городскому старосте и тождественное «гражданам земской избы», и общество «всего города Торжка купцов и мещан», более широкое по составу. Результаты изучения дел о записи в число горожан позволяют говорить, что во главе более многочисленного, «всех города Торжка купцов и мещан», общества стоял магистрат, и поэтому именно магистрат принимал решение о пополнении числа горожан в ходе

ревизии выходцами из Польши, вольноотпущенными крестьянами, крестьянами экономического ведомства и другими категориями населения. И хотя многое еще остается неясным, но все же можно говорить, что и в других городах круг лиц, подведомственных магистратам, был шире круга «граждан земской избы», а значит, построения А.А. Кизеветтера, характеризующие магистрат как верхний этаж посадского управления, неверны. Несомненно ближе к истине И.И. Дитятин, который оценивал магистраты как органы управления всем торгово-промышленным населением города, даже если оно включало крестьян или дворян, не положенных в городское тягло. Уплата по городу подушного сбора, сбора за право заниматься торговлей и промыслами вводила людей в круг лиц, подведомственных магистратам, но не делала их гражданами города.

Сопоставление информации дел о записи в число горожан и об отводе земли со сведениями об этих процессах, содержащимися в журналах, позволяет говорить, что журналы заседаний являются репрезентативным источником.

Установив высокую степень репрезентативности журналов на примере двух вопросов их компетенции, мы можем сделать вывод о значительной их ценности и репрезентативности для изучения процесса и механизмов реформирования системы управления страной, целей и содержания реформы, проводимой Екатериной II. Результаты исследования приводят к выводу, что изучение журналов заседаний городских учреждений различных регионов страны за период реформ конца XVIII в. позволит, обобщив материал, внести существенные дополнения в историю реформ в России, обогатит опыт современных реформаторов. По глубочайшему убеждению автора, все выдвинутые в данной работе гипотезы могут быть проверены по другим городам Тверской или любой другой области, местные учреждения которой сложились в связи с реформами Екатерины II, на основе исследования одной категории документов – журналов заседаний городских учреждений. Возможно, где-то это будут журналы заседаний городских дум.

Рассмотренный материал позволяет говорить, что главное в механизме проведения едва ли не самой крупномасштабной реформы дооктябрьского периода заключалось в том, что она начиналась с создания новых структур управления и управленческих связей при сохранении большинства старых, и только после того, как новые связи были налажены, старые уничтожались. Это обеспечивало стабильность управления даже в условиях серьезной перестройки. В ходе осуществления реформы управления в старинных городах старые и новые управленческие связи были сконцентрированы в магистратах, именно они являлись теми учреждениями, которые обеспечили стабильность жизни городов и горожан в условиях серьезнейших перемен в системе управления.

Успехи реформирования местного аппарата управления благотворно сказывались на реформировании всего государственного аппарата. Передача сбора налогов в компетенцию региональных структур, происходившая параллельно с ликвидацией коллегий, сделала возможным формирование единого государственного бюджета, без чего последующие преобразования, в том числе и создание министерств при Александре I, были бы просто не возможными. Именно в ходе реформы местного управления Екатерины II сложилась система учреждений, составивших губернский и уездный уровень министерской системы управления.

Магистраты, которые в конце XVIII в. в условиях существования региональной системы управления находились под контролем ТНП, при проведении министерской реформы магистраты вошли в ведомство Министерства юстиции.

Примечания

- ¹ *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй... С. 264.
- ² Согласно сведениям, приводимым в работе И. де Мадариаги, общее число провинциальных должностных лиц было равно 15 тыс. , из них выборных было 10 тыс. См.: *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 481.
- ³ *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России... С. 342; *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II... С. 99; *Григорьев В.А.* указ соч. С. 352.
- ⁴ Подробнее см.: *Серета Н.В.* Городское сообщество: Основные вехи развития // Управление городами... С. 109–119.
- ⁵ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 486.
- ⁶ *Грибовский В.М.* Высший суд и надзор в России... С. 342.
- ⁷ *Готье Ю.* История областного управления... С. 212.
- ⁸ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 437.
- ⁹ Как крестьяне, записавшиеся в купечество, например, или дворяне, как например, граф Мусин-Пушкин, записавшийся в купечество Нижнего Новгорода, ради того, чтобы развернуть здесь активную торгово-предпринимательскую деятельность и благотворительность (*Савельев А.* Столетие городского самоуправления в Нижнем-Новгороде. 1785–1885. Нижний Новгород, 1885. С. 8–9).
- ¹⁰ В Великих Луках поземельный налог был введен в 1793 г. (*Пульхеров А.* Великолуцкое городское общественное управление. 1785–1891 гг. Псков, 1892. С. 12). Важную роль в становлении городских обществ нового типа сыграло введение так называемых земских налогов и повинностей, к исполнению которых (либо в натуральной, либо в денежной форме) привлекалось все городское население (ПСЗ-1. № 21737) См. также: *Чижова В.В.* Тверские города и земские повинности: К вопросу о фискальной политике имперской России // Экономика, управление, демография городов Европейской России... С. 253–258.
- ¹¹ В Твери полупроцентный сбор с имущества появился не позднее 1822 г., об этом свидетельствуют дела фонда Тверской городской думы и Тверского полицейского управления о взимании этого сбора со всех слоев городского населения, включая дворян.
- ¹² В более позднее время собирались гласными думы. Ф. 877. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Архивные комплексы городских учреждений Тверской губернии и проблемы изучения реформы управления Екатерины Второй	21
Глава 2. Городовые магистраты, их роль и значение в управлении городами	84
Компетенция магистратов в освещении отечественных ученых	84
Дела и документы магистратского делопроизводства. Общая характеристика	100
Глава 3. Журналы заседаний магистратов и проблемы изучения управления городами	173
Журналы заседаний и вопросы методики работы с ними	173
«Смысл и задача централизма Екатерины Великой»	189
Тверское наместническое правление и его роль в управлении городами	226
Магистраты в системе управления губернией и уездом	273
Магистраты и городничие. К вопросу о разделении функций	297
Общество купцов и мещан и его выборные органы в структуре управления	314
Глава 4. Проблемы управления в документальных комплексах магистратского повьятья	378
Дела о записи в число горожан	379
Дела об отводе земли и выдаче «данных»	415
Заключение	429

Научное издание

Середа Н.В.
РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 15.0..2004. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 30,7. Печ. л. 28,0
Тираж 800 экз. Заказ № 9900

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

С о о э р ф а н и е

610 2012
 1792 222
 2012 1100
 40 1110
 1111 1100
 1111 1100
 1111 1100

Колга ошда
 Стагало-
 рпушка
 2012
 1111

Остамогнб. д. 1792²⁰ - 1000
 1111

47 1 1792 40 27

Подкалы марьского старецкого двора влад
 Скарилинского двора риза обзирекова
 Александровича в садовом саду в саду в саду
 Селемале кабу. Говелу новекских гуд
 Конекс,

Ктоны вмегрии сра

2 1793 20 10

Подосауленко Карлилинского двора Андра собо
 одбодл thy nonham в 25 кватмалл пок. в саде

3 - 21

Подосауленко Карлилинского двора Грота Кла
 thy nonham в 56 кватмалл пок. в саде 2²⁰

Подосауленко Карлилинского двора
 (в саде пок. в саде)

4 - 14 10²⁰

Александра Мваловкова; в 62²⁰ - ква
 10²⁰ м. в саде,

5 - 16

Вана Самуиловва в 60 кватмалл

E. n. D. o	онби.н. колл Решаби;	Вангшлунг осласос Ктабсбсбсбсбсбсбс
------------	-------------------------	--

Алеулики

Руда обби.кам Сабби.кам унн Ко.нн. носаче 409 ^т Родн, 50-	Рудно осыма 10 ^т зучра 293 ед	<hr/> <hr/>
---	---	-------------

193 еда ботырко;

Чога ларалот 8 нлмд;	Рудно осыма 20 зучра	<hr/> <hr/>
-------------------------	-------------------------	-------------

Син

Рудно осыма 10 ^т зучра	Рудно осыма 10 ^т зучра	<hr/> <hr/>
--------------------------------------	--------------------------------------	-------------

Рудно осыма

Рудно осыма	Рудно осыма	<hr/> <hr/>
-------------	-------------	-------------

Рудно осыма	Рудно осыма	<hr/> <hr/>
-------------	-------------	-------------

Н. В. Середа

Реформа управления Екатерины Второй

ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

